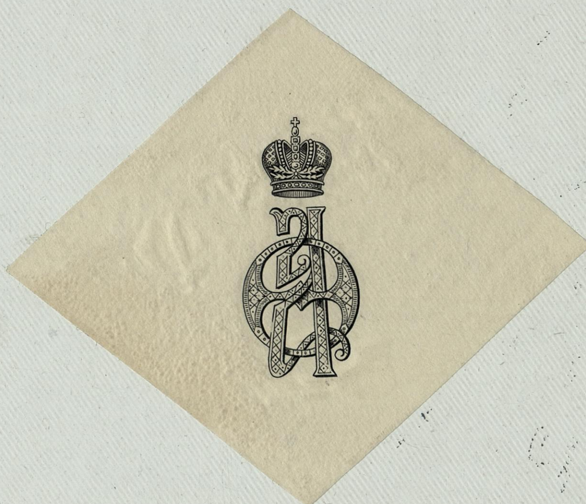
U 215/377

8/3/12
116
N

12186/p.

[illegible]

П 311/512

И 215/377

127/Б

ДНЕВНИКЪ

изъ временъ Русско-Японской войны

священника 51-го драгунскаго (позднѣе 17-го гусарскаго) Черниговскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны полка

Митрофана Васильевича Сребрянскаго

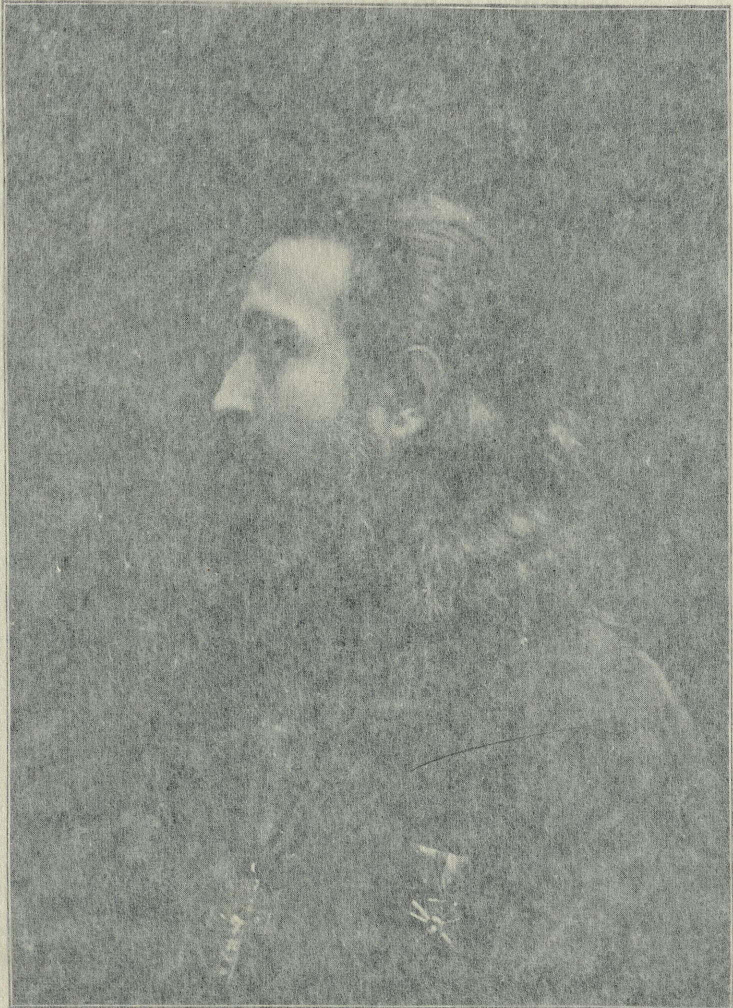
съ момента отправленія полка въ Манчжурію 11-го іюня 1904 года и по день возвращенія его въ г. Орелъ 2-го іюня 1906 года.

Изданіе 2-ое,

исправленное и дополненное.

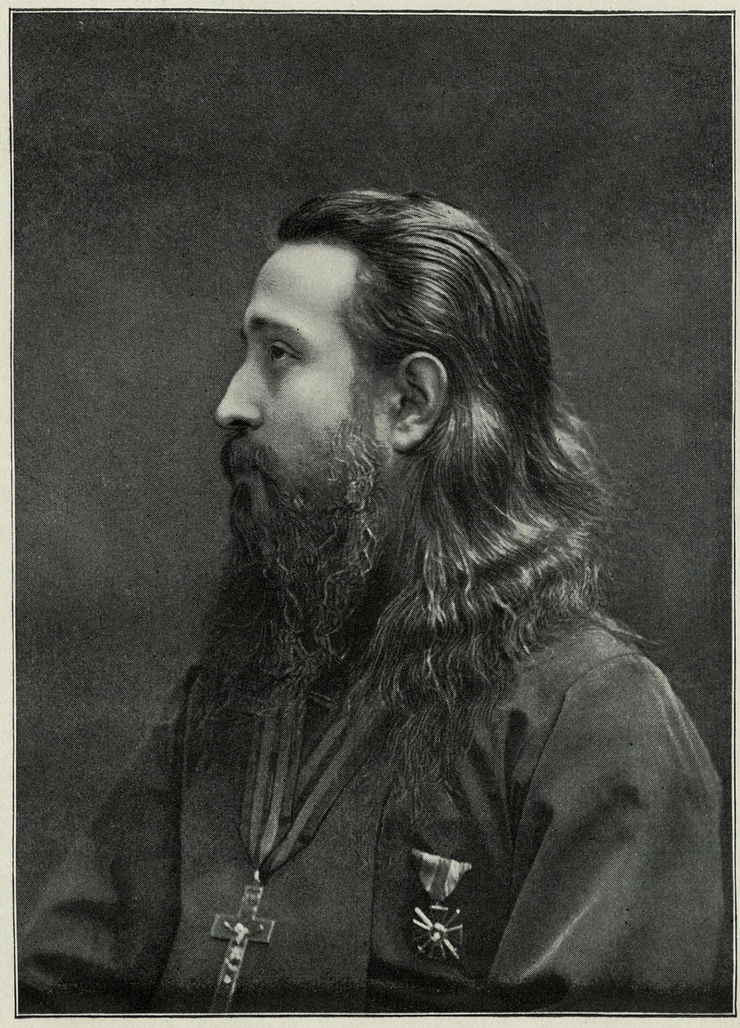
Печатня А. И. Снегиревой Москва.
1912.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
21185-44
2007086633

ПРОТОІЕРЕЙ
Митрофанъ Васильевичъ Сребрянскій.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
21185-44
2007086633

ПРОТОІЕРЕЙ
Митрофанъ Васильевичъ Сребрянскій.

Предисловіе ко 2-му изданію.

I. „Дневникъ“ протоіерея М. В. Сребрянскаго, выходя нынѣ въ свѣтъ 2-мъ изданіемъ, имѣетъ нѣкоторыя особенности сравнительно съ 1-мъ изданіемъ.

1. Первое изданіе „Дневника“ представляло собою сброшюрованные оттиски того, что печаталось въ „Вѣстникѣ Военнаго Духовенства“. Многое изъ „Дневника“ тогда, по редакціоннымъ соображеніямъ, выпускалось. Во 2-мъ изданіи весь этотъ матеріалъ, въ интересахъ почитателей и почитательницъ о. Митрофана, возстановленъ.

2. Книга въ новомъ изданіи раздѣлена на главы и разбита на отдѣлы и подраздѣленія. Въ концѣ книги имѣется оглавленіе.

3. На корректуру настоящаго изданія обращено самое строгое вниманіе. Въ отношеніи орѳографіи, пунктуаціи и переноса словъ 2-ое изданіе стоитъ неизмѣримо выше 1-го изданія.

4. Въ новомъ изданіи читатели найдутъ нѣсколько иллюстрацій, чего не было въ старомъ изданіи.

II. Читателю необходимо имѣть въ виду, что авторомъ „Дневникъ“ не предназначался къ печати, а появился въ свѣтъ въ своемъ первомъ изданіи исключительно благодаря желанію родственниковъ о. Митрофана и его почитателей. Не протестуя тогда изъ Манчжуріи противъ печатанія, о. Митрофанъ единственно просилъ читателей не быть взыскательными къ его творенію, умоляя принять во вниманіе ту обстановку холодныхъ и грязныхъ фанзъ, при которой ему приходилось вести свой „Дневникъ“, и ту спѣшность, съ какой онъ писалъ, стараясь поскорѣе отослать написанное въ Россію.

Заслуженный преподаватель

Ив. Арс. Рождественскій.

Москва, 1912 г. марта 9.

ДНЕВНИКЪ
ПОЛКОВОГО СВЯЩЕННИКА

(изъ временъ Русско-Японской войны).

Печатня А.И. Снегиревой Москва.
1911.

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВ. П.

8197.

ГЛАВА I.

Изъ Орла въ Манчжурію.

11-ое іюня 1904 г.

Пять съ половиною часовъ утра; пора на вокзалъ. Играетъ полковая музыка: „Всадники, други! въ походъ собирайтесь"...

Итакъ наступила минута бросить все родное, что такъ любилъ, для чего тратилъ силы: семью[1]), жену, родителей, родныхъ, духовныхъ дѣтей, церковь, школу, домъ, библіотеку..... Охъ, Боже мой, какъ тяжело! Болью въ сердцѣ отозвался призывъ бросить все и всѣхъ и итти въ путь далекій, на войну. Дà, если бы не святые принципы: *Вѣра, Царь и дорогая Родина* и не крѣпкая вѣра въ нихъ, то трудно было бы справиться съ собою; только сознаніе, что мы идемъ защищать эту *душу русской жизни* и ради именно э́того жертвуемъ всѣмъ, одушевляетъ насъ, и мы бодримся, справляемся съ собою.

Пріѣхали на вокзалъ. Масса народу всѣхъ званій и состояній. Господи, сколько любви, сколько искренняго сочувствія! У всѣхъ на глазахъ слезы, на устахъ молитва и добрыя пожеланія. Вотъ пробиваются сквозь толпу два священника, о.о. Соболевъ и Гедеоновскій, о. діаконъ институтскій и дорогіе мои Иванъ Алексѣевичъ и Евгеній Геннадьевичъ съ пѣвчими. Начался предъ вагономъ напутственный молебенъ. Всѣ кругомъ плачутъ; слезы душатъ и меня. О, незабвенныя минуты этой прощальной молитвы! Вотъ гдѣ познается, какъ глубоко западаетъ утѣшеніе религіи. Молились всѣ, дѣйствительно, отъ души. Да благословитъ Господь устроителей молебна! Подошелъ о. Аркадій Оболенскій съ причтомъ; о. Григорій Соболевъ говорилъ прочувствованное слово о святости предпринимаего нами подвига, о необходимости бодриться, даже радоваться, что удостоились такого жребія.

[1]) О. Митрофанъ Сребрянскій, авторъ писемъ, бездѣтенъ, но у него были на воспитаніи племянницы—сироты.

Кончилась молитва. Я съ родными въ вагонѣ; жена держитъ мою руку и смотритъ въ глаза мои съ такою скорбью, что становятся вполнѣ понятны слова св. Симеона Богоматери: „Тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе“. Да̀, еще не сразила никого изъ насъ японская пуля, а оружіе уже прошло наши души. Оля[1]), отецъ и мать плачутъ; дѣти, мои милыя сиротки, и Пясковскіе[2]) держатся за мою рясу; глаза всѣхъ на мнѣ. Охъ, тяжело! Крѣплюсь, но, чувствую, еще моментъ, и стонъ вырвется изъ груди моей, и я дико, неистово разрыдаюсь. Милая Оля: ей самой тяжело, а она меня утѣшаетъ. Какъ хорошо, что мы христіане! А въ окно вагона смотрятъ не менѣе скорбныя лица духовныхъ дѣтей-орловцевъ; безпрестанно входятъ въ купэ получить прощальное благословеніе, подаютъ просфоры, подарки... И сколько любви и вниманія въ этихъ дарахъ! Вотъ развертываю потомъ коробку—очищенные уже орѣхи сами какъ бы говорятъ: „не портите зубы, уже покололи“; вотъ яблоки, апельсины, вино, консервы, нитки, иголки, снурки, а вотъ и рогулечка костяная, чтобы „батюшка“ въ дорогѣ занимался рукодѣліемъ и не скучалъ, вотъ книги... Господи, благослови эту любовь Своею любовью!

Пѣвчіе безпрерывно поютъ: „Тебе, Бога, хвалимъ“, „Подъ твою милость прибѣгаемъ, Богородице“, „аллилуія“, величаніе св. Митрофанію и др.

Входитъ офицеръ и передаетъ просьбу директора Орловскаго корпуса благословить кадетъ. Съ радостью исполняю; я такъ любилъ всегда и кадетъ и ихъ наставниковъ. Какъ отрадно бывало съ ними молиться 8-го ноября въ ихъ храмовой праздникъ! Да благословитъ Господь и ихъ искренно религіознаго директора—отца; съ пути мысленно благословляю и его, и корпусъ. Простился съ г. губернаторомъ, съ провожающими, и снова въ вагонѣ съ родными.

Не вѣрится, что вотъ сейчасъ всѣ эти милыя лица скроются съ глазъ надолго—надолго. Третій звонокъ; трубачъ подаетъ сигналъ ѣхать. Сразу сердце упало; еще разъ прижалъ къ груди своей жену и родныхъ. Но сердце не камень, сколько ни крѣпись. Всѣ рыдаютъ: можно ли найти человѣка, который въ такую минуту сдержалъ бы себя? Мнѣ кажется,—нѣтъ; по крайней мѣрѣ, чего я боялся, то и случилось—разрыдался дико, страшно; казалось, вся душа выйти хочетъ куда-то, а передъ глазами жена, почти упавшая на руки близкихъ, родители, родные; все рыдаетъ. Господи, не дай еще переживать такіе страшные моменты! кажется, не перенести.

Поѣздъ пошелъ. Я уже безъ-удержу плачу на груди моего дорогого доктора Николая Яковлевича, который провожаетъ меня до Тулы. Вдругъ взоръ мой упалъ на ясно видимую изъ вагона полковую церковь, и снова слезы и рыданія вырвались изъ груди моей:

[1]) Ольга Владимировна—супруга о. Митрофана.

[2]) Николай Яковлевичъ Пясковскій, докторъ казачьяго полка въ Москвѣ, своякъ о. Митрофана (нынѣ уже покойный).

моя родная церковь, школа, домъ[1])... Вѣдь каждый камень я знаю въ нихъ; а сколько пережито тамъ сладкихъ моментовъ религiознаго восторга, общенія молитвеннаго! Трудно не рыдать. Все пережитое на томъ святомъ участкѣ земли за семь лѣтъ, при этомъ послѣднемъ взглядѣ, пронеслось и вспомнилось въ мгновеніе, и, естественно, я рыдалъ. Много значитъ участіе въ горѣ человѣка, особенно родного, друга; это испыталъ я на себѣ. Дорогой Коля всю дорогу до Тулы старался развлечь меня, заставить хотя немного забыть столь внезапно наступившее мое одиночество, и, могу сказать по совѣсти, его участіе много облегчило мнѣ горечь ужасной разлуки.

Вотъ и родная Отрада[2]). Яковъ[3]) выѣхалъ встрѣтить меня на „Степенномъ". Благословилъ я изъ окна вагона столь памятную и любезную мнѣ рощу, Малыгину аллею, мой садикъ. Какъ я любилъ тамъ гулять, размышлять, копаться, читать! Прощайте, милыя мѣста! Когда-то увижусь съ вами?

Мценскъ; снова незабвенныя лица духовныхъ дѣтей—Бойкины, Александрова и другіе встрѣчаютъ меня. Идемъ въ вокзалъ. Слезы, благословенія, молитвы, пожеланія и здѣсь; Орелъ какъ-будто еще не окончился, дорогой Орелъ...

Ѣдемъ дальше. Все родное проѣхали; на станціяхъ никто ужъ не встрѣчаетъ; сидимъ въ вагонѣ и бесѣдуемъ о жгучемъ для насъ недавнемъ прошломъ и будущихъ трудахъ. Что-то будетъ? что? На все воля Божія, безъ которой и волосъ не падаетъ съ головы человѣка. Дай же, Господи, смириться подъ Твою крѣпкую, мудрую и любящую руку!

Подъѣзжаемъ къ Тулѣ; встрѣчаетъ комендантъ г. Пороховниковъ, чудный человѣкъ, ведетъ насъ осматривать привокзальную новую церковь-школу. Я просто пораженъ: масса свѣта, прекрасный иконостасъ изъ сѣраго мрамора, а живопись монахинь, сестеръ Дивѣевскаго монастыря, выше всѣхъ похвалъ.

Подали телеграмму отъ Ивана[4]); извѣщаетъ, что Оля послѣ молебна и прочувствованнаго слова о. Аркадія успокоилась. О, дай, Боже! Спасибо дорогому Ивану; теперь и я поѣду далѣе покойнѣе.

Переѣхали на Тулу Сызрано-Вяземскую. Сѣли въ вагоны. Простился съ моимъ утѣшителемъ Колей и снова со слезами поѣхалъ далѣе, на Ряжскъ, гдѣ стоянка два часа и обѣдъ. Устроились съ Михаиломъ Матвѣевичемъ[5]) по-домашнему.

[1]) И церковь, и школа, и домъ устроены о. Митрофаномъ на средства разныхъ жертвователей и преимущественно почитателей его.

[2]) Станція въ 24 верстахъ отъ г. Орла, гдѣ о. Митрофанъ ежегодно гостилъ и продолжаетъ гостить въ имѣніи помѣщицы Евдокіи Александровны Крашенинниковой, почитательницы о. Митрофана.

[3]) Кучеръ г-жи Крашенинниковой.

[4]) Иванъ Арсеньевичъ Рождественскій, тогда инспекторъ Ломжинской мужской гимназіи, нынѣ въ отставкѣ, своякъ о. Митрофана.

[5]) Дѣлопроизводитель полка.

Окончился навѣки памятный день 11-го іюня. Слава Господу, помогшему перенести его! Дай, Боже, силы дождаться счастливаго дня возвращенія!

12-ое іюня.

12-ое число прошло безъ особыхъ происшествій. Ночь спалъ плохо. Съ утра я занялся осмотромъ своего провіанта и снаряженія. Спасибо, что не самъ укладывалъ; вотъ теперь на полдня интересу, и кромѣ того я, навѣрное, протестовалъ бы противъ обилія всего сверхнасущнаго, тогда какъ теперь благословляю позаботившихся, такъ какъ и путь далекъ и ѣдоковъ сколько угодно.

Осмотрѣвши вещи, занялся осмотромъ своей позиціи — купэ, чтобы получше устроиться. Какъ подобаетъ истинно-русскимъ людямъ и христіанамъ, первая моя забота была украсить свою походную храмину иконами; безъ нихъ какъ-то неуютно, недомашне и на душѣ непокойно. Устроился и радуюсь, какъ дитя. Смотрю на снимокъ своей церкви, вспоминаю, какъ я шелъ бывало служить; вотъ на эти ступеньки всходилъ, на этой дорожкѣ говорилъ съ народомъ; а вонъ видна школа, и въ ушахъ воскресаетъ веселый смѣхъ дѣтей; вотъ мой домикъ, окошко; вглядываюсь — представляется, что смотритъ лицо милой Оли, мамаши или дорогихъ дѣтокъ. Какъ они любили взоромъ провожать и встрѣчать меня! Ахъ, уже далеко-далеко это теперь и еще дальше будетъ... Жутко!

Какъ я всегда былъ счастливъ въ моей семейной жизни! Какъ мнѣ благодарить Бога, что Онъ удостоилъ меня принять подъ свой кровъ престарѣлыхъ родителей [1]) и хоть немного послужить имъ! Вотъ и утѣшеніе, какого не купишь за милліоны: на войну меня проводили и благословили родители своею рукою. Оля, родная моя Оля; такъ и стоятъ въ ушахъ ея слова: „хоть бы разъ мы поссорились въ нашей прошлой жизни, все бы легче было прощаться". Да, жили душа въ душу и не только въ смыслѣ земной любви и общенія, но и въ высшемъ смыслѣ: во что вѣрю я, вѣритъ и она, и къ чему стремлюсь я, что предпринимаю, она вполнѣ раздѣляетъ. Какъ хорошо трудиться вдвоемъ! Посмотрю на церковь, школу, домъ —ея участіе вездѣ-вездѣ. Благодарю ее за все прошлое счастіе. Группа съ духовными дѣтьми... Дорогія мои! сколько вы явили мнѣ грѣшному любви и сочувствія!..

Ряжскъ; два часа стоимъ; пробовали пищу — хуже Тульской. Идемъ обѣдать и на будущее время рѣшаемъ, что Гуровъ [2]) будетъ у насъ хозяиномъ. Господи, прости: начинаю грѣшить, ѣсть скором-

[1]) Своего отца, заштатнаго священника Воронежской епархіи, Василія Васильевича Сребрянскаго, и мать жены, вдову священника Тверской губ., Александру Поліевктовну Исполатовскую.

[2]) Офицеръ полка.

ное; но что же дѣлать въ дорогѣ? Успокоиваюсь тѣмъ, что духовникъ разрѣшилъ.

Съ нами обѣдалъ и ѣдетъ племянникъ Черногорскаго князя, молодой человѣкъ Владо Божiевичъ Петровичъ, который по своему желанiю идетъ постоять за искренно любимую имъ нашу Русь-матушку. Онъ очень образованный, учился въ Парижѣ и Женевѣ. Я часто съ нимъ говорю. О́чень любитъ онъ Россiю и отъ всего въ восторгѣ.

Ѣдемъ дальше. На станцiяхъ стоимъ страшно подолгу. Я хожу провѣдать своего „Друга“ [1]; его полюбили всѣ солдаты за кротость

О. Митрофанъ съ „другомъ“.

—смирнѣе всѣхъ въ эшелонѣ. Пока всѣ здоровы и благополучны. Солдаты на стоянкахъ рѣзвятся, какъ дѣти: кувыркаются, рвутъ цвѣты, траву, украсили свои вагоны древесными вѣтвями, какъ въ Троицынъ день; никто изъ нихъ не скучаетъ. Къ вечеру стали поговаривать, что хорошо бы было прослушать всенощную; вспомнили, какъ бывало служили въ родной нашей церкви. Какъ захотѣлось мо-

[1]) Лошадь о. Митрофана.

литься! И праздникъ не въ праздникъ безъ службы. Ну ужъ всенощную какъ придется, а завтра обѣдницу рѣшили отслужить, во что бы то ни стало.

Кругомъ мелькаютъ деревни, церкви, поля, лѣса, равнины. Хлѣба плохи; погода прохладная, дождь; мы одѣлись во все теплое.

Станція Сухарево. О счастіе: служится всенощное бдѣніе. И какое чудное совпаденіе: не надѣясь застать нигдѣ богослуженія, я на память началъ читать вечерню; прочиталъ; въ это время подъѣзжаемъ къ станціи; идетъ служба, и какъ разъ читается шестопсалміе, т.-е. продолженіе того, на чемъ я остановился. Извѣстилъ о богослуженіи генерала, и стали молиться. Служилъ молодой священникъ; пѣли два телеграфиста. Поставили свѣчи, приложились къ евангелію и поѣхали дальше. На душѣ стало легче; какъ-будто камень свалился. Какъ много значитъ привычка освящать богослуженіемъ праздничные дни!

Ужинали у меня въ купэ и долго-долго заговорились о миломъ прошедшемъ, родномъ; легли спать въ $12^1/_2$ час. ночи. До завтра!

13-ое іюня (воскресенье).

Въ 4 часа меня разбудили, подали телеграмму отъ М. П. Степанова [1]); очень было пріятно. Въ 9 час. утра подъѣхали къ станціи „Фитингофъ"; стоянка часъ; рѣшили здѣсь служить обѣдницу. Я попросилъ у начальника станціи разрѣшенія совершить богослуженіе въ станціонномъ залѣ, на что онъ сейчасъ же согласился. Тогда мы съ Михайломъ [2]) вынули походныя ризы, евангеліе и крестъ, подаренные полку шефомъ, великой княгиней Елисаветой Ѳеодоровной, зажгли свѣчи; пришли генералъ, офицеры, солдаты, и мы не спѣша отслужили обѣдницу. Умилительно было чрезвычайно: пѣли всѣ и молились отъ души. Вотъ ужъ оцѣнили мы тогда святой обычай на Руси ставить на станціяхъ иконы; надо было видѣть радость всѣхъ отъ высшихъ до низшихъ; всѣ говорили одно: „Слава Богу, теперь и для насъ настоящій праздникъ!" Я даже проповѣдь говорилъ на тему, данную дневнымъ евангеліемъ, о необходимости смириться и въ испытаніи не роптать на Бога, а вѣровать, молиться и твердо надѣяться на помощь Божію. Было много и посторонняго народа. При цѣлованіи креста я раздавалъ солдатамъ и народу книжки и листки, а г.г. офицерамъ ладанки съ 90-мъ псалмомъ; всѣ благодарили.

[1]) Генералъ, состоявшій тогда при особѣ Его Императорскаго Высочества, Московскомъ генералъ-губернаторѣ, покойномъ великомъ князѣ Сергіи Александровичѣ.

[2]) Солдатъ-церковникъ; нынѣ Михаилъ Максимовичъ Сытникъ служитъ діакономъ въ Марѳо-Маріинской обители милосердія въ Москвѣ, гдѣ настоятелемъ церкви и духовникомъ обители состоитъ авторъ „Дневника" протоіерей М. В. Сребрянскій.

Ѣдемъ дальше. По дорогѣ среди прекрасной мѣстности на остановкахъ часто играетъ музыка: мы гуляемъ, и это хотя немного развлекаетъ. По случаю воскреснаго дня на станціяхъ масса народу; кричатъ намъ „ура“, просятъ сыграть „Коль славенъ“, даютъ солдатамъ молоко, яйца, солому, папиросы и др.

Пріѣхали въ Пачелму; стоять два часа. Для насъ накрытъ большой столъ; сѣли всей компаніей обѣдать, вызвали музыку, которая и гремѣла весь обѣдъ. Время прошло очень оживленно. Сюда понаѣхали окрестные помѣщики съ семьями; вниманіе намъ оказывалось самое сердечное, а болѣе эксцентричныя барышни даже лошадей нашихъ кормили сахаромъ.

При крикахъ „ура“ поѣздъ нашъ тронулся. Пошли чудные лѣса. Ночь наступила дивная, лунная. Пріѣхали на разъѣздъ № 31-й и здѣсь снова стоимъ часъ среди дремучаго лѣса, облитаго яркимъ свѣтомъ луны. Что это за восторгъ! Такой ночи никогда не забуду. Конечно, о снѣ никто и не думалъ. Всѣ офицеры вышли гулять, а солдаты аукались, и отзвуки голосовъ ихъ разлетались далеко-далеко. Я ходилъ въ какомъ-то странномъ состояніи духа; что-то мистическое наполняло все существо мое. Вдругъ нѣжные, дивные звуки полились откуда-то изъ чащи. Оказалось, нашъ писарь, дворянинъ по происхожденію, играетъ на мандолинѣ. Затѣмъ послышался дуэтъ, и получилась среди лѣса и ночи своего рода серенада. Не хотѣлось шелохнуться среди этой мистической тишины окружающей природы. Вдругъ шумъ, грохотъ... Это пронесся служебный поѣздъ, какъ какое-то чудовище, ворвавшееся въ нашъ рай и не смогшее удержаться тутъ: оно убѣжало отъ насъ, и мы снова въ прежней тишинѣ, снова слышимъ звуки серенады. Но всему бываетъ конецъ. Наступилъ конецъ и нашему блаженству: трубачъ заигралъ „садись“, и мы снова затряслись далѣе. Улеглись на этотъ разъ мы очень скоро.

14-ое іюня.

Въ 9-мъ часу утра подъѣзжаемъ къ Пензѣ. Этотъ городъ расположенъ на горѣ и производитъ прекрасное впечатлѣніе изъ вагона. Но, насколько Пенза хороша издали, настолько же она грязна и неприглядна внутри. Нашъ Орелъ—столица передъ нею. Осмотрѣвъ городъ и купивъ кое-что, я вернулся на вокзалъ. Вокзалъ хорошъ.

Тронулись далѣе. Путь лежитъ среди дремучаго краснолѣсья. Остановились на разъѣздѣ „Асѣевка“ и пошли гулять по лѣсу. Меня удивляютъ лошади: какъ-будто вполнѣ разумныя существа, онѣ высовываютъ головы изъ вагона и съ большимъ интересомъ осматриваютъ окрестности.

15-ое іюня.

Утро. Пріѣхали въ Сызрань. Городъ въ сторонѣ. Получилъ телеграммы изъ Орла отъ духовныхъ дѣтей. Встрѣтили эшелонъ Нѣжинскаго полка и съ нимъ принца персидскаго[1]). Пріятно было повидаться; я такъ всегда его любилъ.

Тронулись далѣе. Въ купэ у генерала мы съ Михаиломъ отслужили панихиду по его братѣ Александрѣ на ходу поѣзда.

Завиднѣлась красавица Волга; по ея берегу мы ѣхали цѣлый часъ. Что за красота! что за многоводье! Идутъ пароходы въ пять этажей, тянутся баржи, плывутъ плоты, всюду жизнь, движеніе. Предстояло переѣхать Волгу по мосту длиною въ версту съ четвертью. Я сѣлъ на площадку вагона и, вооружившись биноклемъ, сталъ смотрѣть. Красивѣе и грандіознѣе зрѣлища я и представить себѣ не могу. Описать не берусь—это надо видѣть. Я даже боялся ѣхать: какъ-будто по ниточкѣ шелъ поѣздъ, и вотъ-вотъ она оборвется; но, Господь далъ, проѣхали благополучно.

За Волгой уже другая картина: начались степи, болѣе знакомая мнѣ природа, какъ уроженцу Воронежской губ.

Въ Самару пріѣхали въ 9 час. вечера. Городъ хорошъ, но вокзалъ плоховатъ.

16-ое іюня.

Сегодня такъ прошелъ день, что и писать нечего. Все повторилось, что и прежде. Пріѣхали въ инородческія мѣста: татары, башкиры, мордва, черемисы. Продаютъ кумысъ. Бугурусланъ очень красивый городъ издали, только лишенъ растительности. Цѣлый день ѣдемъ отрогами какихъ-то горъ. Обѣдали въ Абдулинѣ; пища была плохая. Всѣ здоровы.

17-ое іюня.

Уфа. Чудный видъ на городъ, расположенный на крутой горѣ. Длинный мостъ чрезъ рѣку Бѣлую проѣхали благополучно: мосты всѣ охраняются часовыми[2]). Отъ самаго Бугуруслана стали попадаться татарскія деревни съ мечетями. Странное съ непривычки впе-

[1]) Принцъ служилъ въ Черниговскомъ полку и несмотря на то, что былъ магометаниномъ, очень былъ расположенъ къ о. Митрофану.

[2]) Тогда было „освободительное“ движеніе; наши разнаго рода „передовые“ люди въ союзѣ съ инородческими элементами очень желали освободить Россію между прочимъ отъ желѣзнодорожныхъ мостовъ, чтобы задержать этимъ доставку нашихъ войскъ на Дальній Востокъ и тѣмъ вѣрнѣе обезпечить успѣхъ японскаго оружія. Вмѣсто того, чтобы воевать съ японцами, солдаты въ большомъ количествѣ должны были стоять по желѣзнодорожному пути для охраны его. Говорятъ, что наши студенты, послѣ одной побѣды японцевъ надъ русскими, посылали японскому императору поздравительную телеграмму. Несмываемое пятно!..

чатлѣніе производятъ эти минареты съ полумѣсяцами: въ Россіи... и однако полумѣсяцъ свободно сіяетъ надъ селомъ. А говорятъ еще о русской нетерпимости. И вѣдь сколько такихъ селъ проѣхали мы! Ну до чего страшны татары здѣсь въ своей обычной обстановкѣ, до чего грязны и безобразны; башкирцы тоже. Я раньше думалъ, что только наши мужики отличаются нечистоплотностью; однако инородцы такіе же. Постройки ихъ точь въ точь русскія; мечети деревянныя, небогатыя.

Въ 9 часовъ мы двинулись далѣе. Насъ предупреждали въ Уфѣ, чтобы мы весь день не ложились отдыхать, смотрѣли въ оба, такъ какъ виды откроются очаровательные. Дѣйствительно, что пришлось увидать, то даже трудно описать. Съ одной стороны—большая рѣка Бѣлая, по которой бѣгутъ пароходы, плывутъ плоты; съ другой—горы, сплошь покрытыя дремучими лѣсами. Это начались предгорья Урала. Но эти виды были только „цвѣтики“, ягодки же впереди.

Подъѣзжая къ станціи Ашѣ Балашевской, мы увидѣли огромную гору, покрытую лѣсомъ, конусообразную. Какъ-будто кто нарочно убралъ ее зеленью. Всѣ назвали ее „красавица“, да и по достоинству.

Проѣхавъ Ашу, мы буквально замерли отъ восторга. Всѣ высыпали къ окнамъ; мы боялись потерять мгновеніе: начался переѣздъ Уральскихъ горъ. Ѣдемъ по берегу быстрой горной рѣчки „Симъ“ между огромныхъ горъ и скалъ. Все покрыто чуднымъ лѣсомъ. Горы и скалы—одна причудливѣй другой: то конусъ, то опрокинутая чаша, то вдругъ совершенно отвѣсная скала страшной высоты, изъ краснаго камня, какъ обрубленная и полированная, съ трещинами и пещерами. Мнѣ живо представилась Аѳонская гора съ ея подвижниками; смотря на эти горы, скалы и пещеры, такъ и кажется, что вотъ-вотъ выйдетъ изъ нихъ какой-нибудь старецъ и благословитъ насъ; но это только кажется, на самомъ дѣлѣ всюду грязные татары и заводскіе рабочіе.

Вдругъ сердце замерло: мы несемся въ упоръ прямо на огромную скалу; еще минута, и мы разобьемся вдребезги. Но внезапный поворотъ, и эта гранитная громада предъ нашими глазами открыла какъ бы зіяющую пасть, готовую проглотить насъ. Оказалось, она разсѣчена могучею рукою человѣка на двѣ гранитныя половины, и мы несемся по длинному каменному коридору. Невольно у всѣхъ вырвался крикъ восторга.

Но вотъ выбрались мы изъ каменныхъ объятій и снова мчимся, извиваясь змѣей, по берегамъ рѣкъ Сима и Юрюзани. Какія чудныя горныя рѣки, быстрыя, бурныя! Часто видимъ и небольшіе водопады. Коридоровъ было нѣсколько. Тутъ до вечера мы успѣли видѣть два сталелитейныхъ завода съ заводскими селами. Какъ красиво они расположены между горами! Производятъ впечатлѣніе совершеннаго подобія ауловъ. Люди живутъ, очевидно, зажиточно: соломы нигдѣ

не видно, вездѣ крыши деревянныя и желѣзныя. Особенно поразила меня бѣлая часовня на высокой-высокой горѣ надъ заводомъ: стоитъ она, какъ святой часовой, выше всѣхъ минаретовъ и осѣняетъ крестомъ своимъ этихъ тружениковъ стали и угля, копающихся въ старой груди Урала. Ахъ, красота-красота природы! Какъ она возвышаетъ душу и приближаетъ къ Богу! Офицеры говорятъ мнѣ: „Смотря на окружающее, можно ли не вѣрить?" Да, если бы всегда и всѣ обращали вниманіе на окружающее и искали истины, то много—много природа помогла бы имъ.

А тѣмъ временемъ мы уже оканчиваемъ Европу и подъѣзжаемъ къ Азіи. Прощайте, европейцы! Мы становимся уже азіатами. Но, повѣрьте, любить васъ искренно не только не перестали, но еще больше любимъ; сердце такъ и рвется къ вамъ, только васъ здѣсь не хватаетъ; кажется, бросилъ бы всю эту красоту и полетѣлъ бы къ вамъ. Однако стальная машина не дремлетъ, а все тащитъ и тащитъ, не къ вамъ, а отъ васъ, все впередъ и впередъ.

Дорога крайне опасна: съ одной стороны отвѣсныя скалы, съ другой быстрая рѣка; а поѣздъ бѣжитъ, постоянно изгибаясь то вправо, то влѣво; случись крушеніе, спасенья нѣтъ.

Что за воздухъ въ горахъ! Какъ онъ чистъ и свѣжъ! настолько, что на очень далеко отстоящей отъ насъ горѣ собравшаяся вокругъ костра толпа рабочихъ разговариваетъ между собою, а мы слышимъ даже отдѣльныя слова: „только два окуня поймалъ сегодня", говоритъ одинъ.

Вечеръ. Всходитъ огромная луна, какъ горный фонарь; выходитъ и осматриваетъ, всѣ ли горы въ порядкѣ и на мѣстахъ ли, не нарушили ли онѣ данной имъ отъ Творца гармоніи; вотъ она вверху горы, вотъ нырнула въ долины и медленно, покойно уходитъ въ высь небесную. Все въ порядкѣ: горы не грѣшные люди; онѣ не пойдутъ нарушать законы Вседержителя. А вотъ какимъ темнымъ покрываломъ ложится тѣнь отъ большихъ горъ на меньшія и долины. Ахъ, эти долины! онѣ сейчасъ скроются въ этомъ темномъ покровѣ; а какъ онѣ хороши днемъ, при свѣтѣ солнца! Змѣйкой бѣгутъ по нимъ серебристые горные ручьи, переливаясь тысячами самоцвѣтныхъ камней; ярко зеленѣетъ трава, прямо блеститъ — ни пылинки, и все покрыто цвѣтами разныхъ сортовъ,—коверъ, подобнаго которому не было даже у Соломона.

Я забрался на открытую платформу, сѣлъ на козлы командирскаго экипажа и въ уединеніи отдался думамъ о пережитомъ за сегодняшній день.

18-ое іюня.

Въ $4^1/_2$ часа утра пріѣхали въ Златоустъ. На улицѣ туманъ; города не видно. Остается одна станція, и Европѣ конецъ. Рѣшили отслужить на границѣ молебенъ.

Проѣхали станцію Уржумку, послѣднюю европейскую, и мы съ Михайломъ начали служить молебенъ. Тихимъ ходомъ, при пѣніи тропаря св. Митрофанію, подъѣхали мы къ завѣтному каменному столбу, на одной сторонѣ котораго написано „Азія“, а на другой „Европа“, и, при пѣніи „Іисусе сладчайшій, спаси насъ“, „Пресвятая Богородице, спаси насъ“, переѣхали границу. Стоя на площадкѣ и ступенькахъ вагона, я благословилъ Европу, а затѣмъ, обернувшись, благословилъ Азію. Эта минута будетъ памятна на всю жизнь. При пѣніи „Спаси Господи“ всѣ прикладывались ко кресту, и я обходилъ вагоны.

Проѣхали ст. Хребетъ. Горы оканчиваются, и теперь зигзагами спускаемся съ Уральскихъ горъ въ Сибирскія долины. Слава Богу! первую часть пути совершили благополучно; только одна лошадь пала во 2-мъ эскадронѣ.

Въ 4 часа дня пріѣхали въ Челябинскъ. Здѣсь дневка. Города почти не видно; онъ на равнинѣ въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ станціи.

Господи, что здѣсь творится на военной платформѣ! прямо столпотвореніе вавилонское. Собралось шесть эшелоновъ нашихъ да столько же 52-го Нѣжинскаго полка. Масса лошадей поставлены прямо около платформы цѣлой кучей; всѣ привязаны къ временнымъ веревочнымъ коновязямъ; ржаніе, визгъ, крики солдатъ на лошадей, масса оружія, сѣделъ, фуража, солдатъ, офицеровъ; всѣ суетятся, спрашиваютъ, кричатъ. Бѣднаго коменданта затрепали.

На самомъ вокзалѣ не лучше. Такая же толпа; не только въ залѣ, но прямо на платформѣ расположились дамы, джентльмены, сестры милосердія, врачи, офицеры, солдаты, сѣрые мужики. Сидятъ иные прямо на полу, другіе на чемоданахъ, узлахъ; здѣсь же и ѣдятъ, и пьютъ чай. Снуютъ носильщики; орутъ благимъ матомъ дѣти.

Захотѣлось мнѣ выпить содовой воды; вхожу въ буфетъ, съ большимъ трудомъ протискиваюсь. Содовая вода вся выпита (жара болѣе 30°). Подали клюквеннаго квасу. Кое-какъ выпилъ. Денегъ никто не спрашиваетъ; за пассажирами нѣтъ возможности услѣдить: заняты сплошь всѣ столы и междустолія. Долженъ былъ я самъ подойти къ буфетчику, чтобы расплатиться.

Бѣжитъ солдатъ и говоритъ, что меня спрашиваетъ какой-то священникъ. Иду и кого же вижу? Братъ о. Аркадія пріѣхалъ изъ Екатеринбурга встрѣтить меня. Я былъ очень радъ ему; поговорили съ нимъ около часу.

Въ это время пріѣхала Наталія Аф., и я поѣхалъ къ Карцевымъ на ихъ городскую квартиру. Широкія улицы, хорошіе дома, даже электрическое освѣщеніе; одно плохо — улицы не вымощены; городъ большой, до 30 тысячъ жителей. Меня поразили здѣшія лошади: маленькія такія, но сильныя и бѣгутъ страшно быстро; растительность на нихъ очень большая, грива до земли. Проѣхали мимо хорошаго женскаго монастыря; рядомъ также хорошее бѣлое духов-

ное училище съ отдѣльною при немъ церковью; желѣзнодорожное собраніе, прямо-таки поразительной архитектуры, построено сплошь изъ гранита. Пріѣхали, выпили по стаканчику чайку, и скорѣй съ г. Карцевымъ отправились въ баню. Какъ пріятно послѣ 8 сутокъ пути помыться! Хочу завтра поисповѣдаться и пріобщиться св. Таинъ. О, если бы это удалось! Какъ я былъ бы радъ! Радушная хозяйка къ нашему возвращенію приготовила даже уху и мягкую постель; пріятно понѣжиться послѣ долгаго путешествія.

Много получилъ здѣсь писемъ отъ духовныхъ дѣтей.

19-ое іюня.

Ночевалъ у Карцевыхъ; всталъ въ 5 час. утра и пошелъ въ женскій монастырь исповѣдаться и причаститься св. Таинъ. Пришелъ въ монастырскій соборъ какъ разъ въ то время, когда монахиня только что начала читать правило ко св. причащенію; я прослушалъ его. Поисповѣдавшись у старца, я съ разрѣшенія священника, оказавшагося моимъ землякомъ, совершилъ св. литургію, первую въ Азіи. Отлично пѣли монахини. Хорошо было служить: и храмъ прекрасный, и пѣніе чудное, но люди—ни души знакомой, родной. Какъ я радъ, что пріобщился св. Таинъ! гдѣ-то теперь еще придется?!

Напившись чаю у игуменіи и отдохнувъ у Карцевыхъ, я поѣхалъ на вокзалъ. Стоитъ сибирскій поѣздъ и везетъ пассажировъ въ Иркутскъ и между ними отрядъ сестеръ милосердія. Посмотрѣлъ я на нихъ да и осудилъ грѣшный: почти всѣ завиты, напудрены, надушены, затянуты въ корсеты и довольно свободно позволяютъ ухаживать за собою совсѣмъ незнакомымъ офицерамъ. Чрезвычайно больно видѣть это; однимъ утѣшаюсь, что тамъ, на поляхъ битвъ, лицомъ къ лицу со страданіями ближнихъ, онѣ забудутъ о себѣ и послужатъ имъ всей душой.

Подали нашъ поѣздъ. Намъ отвели чудный Пульмановскій вагонъ 2-го класса; мнѣ дали отдѣльное купэ, и я устроился въ немъ, какъ дома, съ полнымъ комфортомъ.

20-ое іюня.

Плохо спалъ, часто просыпался и воевалъ съ мухами, которыя какъ-то ухитрялись пробираться подъ сѣтку, которую я предусмотрительно надѣлъ себѣ на лицо съ вечера.

Природа пошла однообразная, степь; но земля роскошная: хлѣбъ прекрасно родится, особенно пшеница. Съ самаго утра на каждой почти станціи масса народу. И что за вѣжливый народъ! Всѣ снимаютъ шапки и искренно привѣтствуютъ; многіе держатъ въ рукахъ мѣшки съ хлѣбомъ, съ лепешками пшеничными; у другихъ лотки съ кренделями, съ яйцами; все это, ходя по вагонамъ, они давали

солдатамъ, такъ что къ вечеру въ каждомъ вагонѣ набралось по большой кучѣ лепешекъ и всякой снѣди. На одной станціи мужикъ разносилъ въ подарокъ чудный свѣжій лукъ, и я соблазнился: взялъ себѣ пучокъ, которымъ съ удовольствіемъ лакомился за завтракомъ.

Къ 11 часамъ утра пріѣхали на ст. Зырянку; здѣсь я отслужилъ обѣдницу, во время которой говорилъ эшелону краткое поученіе о необходимости въ предстоящихъ трудахъ взаимной любви и поддержки, а также соблюденія строгаго послушанія начальству, храненія дисциплины. Послѣ раздавалъ книжки и листки солдатамъ и народу. Нужно было видѣть радость станціонныхъ служащихъ и усердіе, съ которымъ они молились; оказывается, церковь отъ нихъ въ 15 верстахъ, и службы на станціи никогда не бываетъ. Пѣли всѣ, и вообще богослуженіе прошло съ такимъ же одушевленіемъ и радостью, какъ и 13-го числа.

Въ 1 часъ дня пріѣхали въ г. Курганъ Тобольской губерніи. Городъ имѣетъ тысячъ 20 жителей; порядочно поляковъ; особенной красоты никакой, хорошъ только мостъ чрезъ рѣку Тоболъ.

Дорога вездѣ охраняется часовыми изъ запасныхъ. Ѣдемъ благополучно; одно плохо: паровозы отапливаются плохимъ углемъ и невообразимо поэтому дымятъ.

21-ое іюня.

Всталъ по-орловски очень рано, а по здѣшнимъ часамъ очень поздно, почти въ 8 часовъ. Разница во времени достигла уже трехъ часовъ; значитъ, далеко укатили мы отъ милой родины.

Прибрался я въ своей квартиркѣ-купэ самъ; я очень люблю самъ все дѣлать: это сокращаетъ время, и поэтому я не даю ничего дѣлать Ксенофонту [1]), хотя онъ часто заходитъ ко мнѣ. Временемъ занимаюсь рукодѣліемъ: сплелъ себѣ для пояса и для туфлей четыре снурка.

Въ окно смотрѣть не стоитъ: однообразная тянется степь съ жиденькими кой-гдѣ деревцами и солончаковыми озерами. Только и разнообразія, что встрѣчающіеся въ степи огромные табуны киргизскихъ коней, стада скота и около нихъ гарцующіе на своихъ карликахъ-коняхъ киргизы съ длиннѣйшими кнутами. При 33° жары киргизы щеголяютъ въ ватныхъ халатахъ, крѣпко затянуты поясами, и на головахъ мѣховыя шапки; лица вымазаны саломъ и загорѣли, какъ уголь.

Въ полдень завиднѣлся г. Петропавловскъ. Это уже Акмолинская область, земля войска Сибирскаго, казаковъ. Городъ очень живописно разбросанъ на гористомъ берегу р. Ишима, чрезъ который перекинутъ весьма длинный мостъ. Въ городѣ поражаетъ обиліе мече-

[1]) Ксенофонтъ Ивановичъ Самосюкъ — денщикъ о. Митрофана, нынѣ крестьянинъ Гродненской губерніи.

тей; ихъ пять, всѣ каменныя. Оригинальны мусульманскія кладбища: на каждой могилѣ поставленъ маленькій домикъ въ родѣ собачьей конурки и покрытъ желѣзомъ. Жара страшная; духота невообразимая.

Осматривалъ вокзальную церковь, построенную на деньги фонда Императора Александра III; очень красивая церковь, съ дубовымъ иконостасомъ.

Вывели лошадей изъ вагоновъ, сдѣлали проѣздку. У насъ пока все благополучно, а вотъ въ 4-мъ эскадронѣ неладно: сейчасъ получили телеграмму, что тамъ заболѣлъ солдатъ, котораго пришлось оставить въ Курганѣ, да у лошади приключился солнечный ударъ. У насъ же вышелъ казусъ: вырвалась одна лошадь и убѣжала въ степь; два солдата верхами не могли нагнать, такъ и уѣхали. На слѣдующей станціи за 16 верстъ киргизы привели ее къ нашему поѣзду.

Слава Богу: разразилась гроза, прошелъ хорошій дождь, дышать стало легче. Я перебралъ вещи; вѣдь надо умудриться все такъ уложить, чтобы можно было потомъ помѣстить въ двуколкѣ. Наступилъ холодный вечеръ; всѣ попрятались по своимъ гнѣздамъ.

22-ое іюня.

Странная стоитъ температура: днемъ жарко, ночью холодъ. Всталъ нарочно пораньше, чтобы не проспать рѣки Иртыша, этого многоводнаго притока р. Оби, на холмистомъ берегу котораго очень красиво расположенъ г. Омскъ. Вотъ уже и рѣка; опять длиннѣйшій мостъ; бѣгутъ пароходы, плывутъ баржи. Смотрю на воды Иртыша и поминаю судьбу славнаго казака Ермака Тимоѳеевича, плывшаго по этой самой рѣкѣ въ своей тяжелой бронѣ и не смогшаго одолѣть быстроты теченія...

Вокзалъ въ 4 верстахъ отъ города; ихъ соединяетъ вѣтка желѣзной дороги. Около вокзала огромная слобода, скорѣе похожая на городъ, такъ какъ въ ней красуется много домовъ очень хорошей и оригинальной постройки и уже есть церковь. По словамъ кондуктора, десять лѣтъ назадъ здѣсь не было ни одного дома, а съ проведеніемъ желѣзной дороги образовался цѣлый городъ.

Трехчасовая стоянка. Генералъ поѣхалъ представляться генералъ-губернатору Сухотину, а офицеры осмотрѣть городъ. Вернулись въ восторгѣ отъ магазиновъ, театра, зданій, Иртыша.

Переѣхали на продовольственный пунктъ въ 15 минутахъ отъ главнаго вокзала. Вывели лошадей; трубачи поѣхали на Иртышъ купаться и купать лошадей. Опять горе: вырвались двѣ лошади и ускакали въ степь. Сдѣлали заявленіе коменданту да такъ и уѣхали. До сихъ поръ мы ѣхали по мѣстамъ Сибири, которыя на судебномъ языкѣ называются „не столь отдаленными"; теперь вступаемъ уже въ мѣста „отдаленныя". Степи и степи, чахлыя березы да мѣстами

горящій навозъ—вотъ и весь ландшафтъ нашего пути; нѣсколько станцій проѣдешь, а никакого жилья. Отъ скуки сталъ больше читать.

23-ье іюня.

Пять часовъ утра. Пріѣхали на ст. Каинскъ; самаго города почти не видно: онъ въ 12 верстахъ. Стоимъ два часа. Далѣе начнутся верстъ на сто слишкомъ непрерывныя болота; вода, говорятъ, такая гниль, что мѣстные жители переносятъ ее только по привычкѣ, а насъ предупреждали не пить, потерпѣть. Ѣдемъ. Дѣйствительно, необъятныя пошли болота; множество болотъ съ водою, покрытою плѣсенью. Это и есть центръ знаменитой Барабинской степи, родины столь же знаменитой болѣзни лошадей и рогатаго скота, „сибирской язвы". Отъ неисчетнаго множества нападающихъ на насъ болотныхъ обитателей—песьихъ мухъ, или „японцевъ", какъ мы ихъ называемъ, въ вагонахъ сидѣть невозможно. Представьте себѣ, что вы въ жаркій лѣтній день окружены массою мухъ; вы негодуете, отмахиваетесь, чуть не проклинаете день рожденія. Теперь подумайте, что переживали мы, когда въ вагонахъ носились буквально-таки цѣлые рои не только мухъ, но всякаго рода другихъ насѣкомыхъ: оводовъ, стрекозъ, преогромныхъ кузнечиковъ, комаровъ, мошекъ. Все это кружилось, жужжало, стукалось объ наши головы, кусало.

Цѣлый день ѣхали мы по этой пустынной мѣстности и только къ вечеру встрѣтили небольшое село съ церковью на берегу озера-болота. Бабы выносили продавать карасей, жареныхъ въ сметанѣ.

Странныя здѣсь постройки: почти всѣ крыши покрыты дерномъ съ довольно толстымъ слоемъ земли. Всюду на обитаемыхъ мѣстахъ кругомъ курится навозъ: жители нарочно жгутъ и этимъ немного ограждаютъ себя отъ комаровъ и оводовъ. Замѣчательно, что животныя сами лѣзутъ въ дымъ и стоятъ такъ. На лицахъ у жителей надѣты сѣтки, или просто головы почти наглухо обвязаны платками съ небольшими прорѣзами для глазъ.

24-ое іюня.

Утро, 6 часовъ. Переѣзжаемъ широкую и глубокую сибирскую рѣку Обь. Хотя здѣсь собственно верховье рѣки, но мостъ развѣ немного меньше волжскаго въ Сызрани. Мы стали уже свыкаться съ длиннѣйшими мостами и многоводными рѣками, а раньше было какъ-то жутко.

Рѣка очень оживлена: много пароходовъ и баржъ. На другой сторонѣ рѣки станція „Обь". Хорошая водная торговая артерія, и тутъ же на самомъ берегу желѣзнодорожная станція; это пересѣченіе желѣзнаго и воднаго путей сдѣлало то, что здѣсь образовался торговый пунктъ, теперь уже городъ, Новониколаевскъ или, какъ

2

здѣсь всѣ зовутъ, „Никольскъ". Десять лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ этого города была непроходимая тайга, дѣвственные лѣса съ дикими животными и ни одного буквально дома; а теперь здѣсь хорошій торговый городъ съ населеніемъ въ 40 тысячъ человѣкъ, съ чуднымъ соборомъ и еще тремя церквами, съ прекрасными школами, магазинами—прямо, что называется, по-американски. Городомъ Новониколаевскъ сталъ какъ разъ передъ началомъ войны, съ 15-го января сего года. Онъ очень живописно расположенъ на крутомъ берегу Оби. На предыдущей станціи, въ Кривощековѣ, мы простояли лишнихъ два часа, такъ какъ на ст. „Обь" собралось уже много эшелоновъ, и насъ некуда было принять.

Наконецъ пріѣхали; выгрузились. Здѣсь стоимъ двое сутокъ. Путей запасныхъ мало, а собралось уже десять эшелоновъ.

Что творится на коновязяхъ, просто ужасъ. Двѣ тысячи лошадей собраны вмѣстѣ на веревочныхъ коновязяхъ. Жара; ихъ кусаютъ слѣпни; онѣ дерутся, кусаются, ржутъ, визжатъ; здѣсь же работаетъ интендантская рушка, сушилка, вѣялка; все шумитъ, кричитъ, все покрыто тучею пыли. Картина! Что же послѣ этого будетъ на войнѣ? Страшно и подумать. Терпѣли, терпѣли наши солдатики около лошадей да и взялись за кнуты и хворостины; какъ начали они строптивыхъ кусакъ и драчуновъ отхлестывать по заду, то живо смирили ихъ; а послѣ, только крикнетъ солдатъ да покажетъ кнутъ, сейчасъ стихаютъ лошадиныя страсти. Вотъ подите: кнутъ помогъ; я самъ свидѣтель, что среди этого ада другого ничего не оставалось дѣлать. Къ вечеру выкупали коней, напоили, накормили, спала жара, и понемногу все утихомирилось.

Боже мой! цѣлыхъ шесть писемъ принесли; изъ нихъ два отъ Оли и одно отъ Николая Яковлевича. Какое счастіе увидѣть въ такой дали родной почеркъ, услышать милую рѣчь! Намѣренно говорю „услышать". И вѣрно: когда читаешь въ мѣстахъ-то „отдаленныхъ" письмо съ родины, то въ воображеніи воскресаетъ самый голосъ пишущаго. Слава Богу, Оля бодрится и смирилась. О, если бы это было не въ письмѣ только, но и на дѣлѣ!

Идетъ подполковникъ 52-го Нѣжинскаго полка и говоритъ: „совѣтую пойти въ баню; здѣсь рядомъ, казенная, хорошая". Вотъ радость-то! Дѣйствительно прекрасная баня, и мы отлично вымылись. Вообще на этомъ пунктѣ построено нѣсколько огромныхъ каменныхъ зданій въ два и въ три этажа; въ нихъ находятся офицерскіе номера, солдатское помѣщеніе, столовыя, офицерскія и солдатскія бани, лазаретъ, прачечная. Все это даромъ, для отдыха и чистки проходящихъ войскъ. Великое спасибо сказали мы устроителямъ; да и всѣ, конечно, говорятъ то же.

Солдаты мои что-то расклеились. У Михаила начинается флюсъ, а Ксенофонтъ цѣлый день сегодня ничего не ѣстъ, и все его что-то тошнитъ; но они бодрятся и меня утѣшаютъ. Хорошіе они люди

и какіе сердечные! Напр. Ксенофонтъ потихоньку отъ меня спрашиваетъ Михаила Матвѣевича, хорошо ли я сплю, ѣмъ ли, гуляю ли. Или вотъ еще: на большой остановкѣ послѣ гулянья вхожу въ свое купэ, смотрю, а у меня цѣлая канцелярія—Михаилъ и Ксенофонтъ оба пишутъ. Спрашиваю, кому они пишутъ. Отвѣтъ: „нашей матушкѣ; она, бѣдная, теперь, навѣрное, скучаетъ". И какія письма! до того сердечныя, утѣшительныя, что, право, при чтеніи ихъ слеза навертывается.

Хотѣлось бы очень устроить здѣсь общій молебенъ для съѣхавшихся случайно солдатъ нашего полка, моихъ духовныхъ дѣтей, и побесѣдовать съ ними. Но, кажется, не придется: такая идетъ сутолока, у солдатъ съ лошадьми и фуражомъ столько возни, что прямо-таки и времени не выбрать и людей не собрать. Вообще мое главное дѣло въ пути сводится только къ служенію своему эшелону, а цѣлому полку служу только домашней молитвой, поминая путешествующихъ духовныхъ дѣтей моихъ и прося имъ отъ Бога прощенія грѣховъ, благодатной помощи въ трудахъ и благословенія.

Въ 6 часовъ вечера мы съ Ксенофонтомъ поѣхали (я на „другѣ", онъ на „закидкѣ") на Обь попоить лошадокъ. Около пристани стоялъ казенный пароходъ. Генералъ нашъ, офицеры, пѣсенники сѣли на него и поѣхали съ пѣснями кататься по Оби; это „водяные", т.-е. чиновники по водной части, оказали любезность, пригласивъ нашихъ покататься на ихъ пароходѣ. И понеслась въ Сибири надъ водами быстрой Оби удалая пѣсня черниговцевъ. Со временъ Ермака, вѣроятно, Сибирь и Обь не видали въ своихъ нѣдрахъ такого молодецкаго войска. Глядѣлъ на плывшихъ, и живо представились мнѣ храбрые казаки Ермака Тимоѳеевича, когда-то плывшіе по сибирскимъ рѣкамъ тоже добывать славу своему государю и родинѣ и оглашавшіе воды, навѣрно, такими же удалыми пѣснями.

Ахъ, пѣсня народная, истинно-русская! Она, какъ и музыка, выражаетъ душу народа. Слышите, какою широкою волною разливается пѣсня нашихъ воиновъ? Какія ползучія въ пѣсняхъ этихъ ширь, мощь, энергія! Именно только русскіе воины такъ поютъ. Въ ихъ пѣснѣ ясно чувствуется безхитростность, простодушіе, вѣра и сила, сила могучая, именно „ползучая", не падающая, не теряющаяся при напастяхъ, а идущая все впередъ и впередъ, пока не достигнетъ своей цѣли; а достигла, и врагъ прощенъ: съ нимъ Русь цѣлуется. Да, особенно поетъ войско русское! Грянетъ ли хоромъ съ бубнами пѣснь военную — заликуетъ другъ, затрепещетъ врагъ; запоетъ ли хоромъ „Отче нашъ"—слышитъ Богъ его вѣру и молитву сердечную. Охъ, и люблю же я своихъ воиновъ! съ малолѣтства сталъ любить ихъ, а теперь въ восхищеніи отъ ихъ терпѣнія, безропотности, даже радости, что вотъ де и они могутъ, и они „сподобились" возможности постоять за „Русь-матушку, за Царя-батюшку, за вѣру православную". Это ихъ слова!..

Напоивши коней, мы съ Ксенофонтомъ поѣхали по городу. Есть замѣчательные магазины, но въ общемъ молодость города еще сильно замѣтна: дома какъ-то разбросаны, мостовыхъ нѣтъ... Впрочемъ отсутствіе мостовыхъ — особенность сибирскихъ городовъ; говорятъ, даже Иркутскъ, столица Сибири, и тотъ только два года какъ вымостилъ главную улицу, а съ младенца-то Новониколаевска что и спрашивать.

Во время катанья мы увидѣли, какъ пасущаяся корова съ острыми рогами бросилась въ толпу дѣтей и два раза высоко подбросила дѣвочку лѣтъ шести. Я думалъ, до смерти она ее забодала; анъ нѣтъ: встала и побѣжала. Ангелъ хранитель не допустилъ.

25-ое іюня.

Утро. Стоимъ въ Оби. Слышу звонъ въ желѣзнодорожной церкви; мигомъ одѣлся и торопливо пошелъ къ богослуженію; пришелъ еще до начала утрени и простоялъ всю службу. Сегодня, помимо поста, еще и пятница; а есть возможность попоститься. Иду въ лавку и покупаю пару чудныхъ копченыхъ стерлядей за 25 коп.; не повѣрилъ сначала, когда сказали цѣну, переспросилъ. Впрочемъ, стерлядей въ Оби сколько угодно, а потому онѣ и дешевы. Отъ жары полуденной раскисъ; лежу, постыдно сдавшись. Вечеркомъ сходилъ на рѣку еще разъ полюбоваться ея шириною и оживленіемъ, а потомъ покатался немного на „другѣ“.

26-ое іюня.

Тронулись въ дальнѣйшій путь. Началась „тайга“ сибирская. Холмистая мѣстность покрыта сплошь лѣсомъ; деревья уже не чахлыя, какъ въ Барабинской степи, а толстыя и громадной высоты. Встрѣчается много полянъ и овраговъ безъ лѣса; они густо покрыты высокой травой, такой высокой, что коровы видны только на половину. Масса цвѣтовъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Воздѣланныхъ полей почти нѣтъ; селъ ни одного не встрѣтили до вечера, а лишь при станціяхъ домовъ пять - десять новоселовъ - переселенцевъ, еще не устроившихся и не обстроившихся.

На станціи „Чабула“ я разговорился съ мужичкомъ, переселенцемъ изъ Курской губ., о землѣ. Онъ сказалъ, что землю правительство еще не дѣлило между ними, а каждый пашетъ и коситъ, гдѣ хочетъ и сколько хочетъ; только деревьевъ безъ разрѣшенія лѣсничаго рубить нельзя; да они и боятся уходить далеко въ тайгу: можно легко погибнуть.

Солдаты наши купили двѣ косы и косятъ на каждой остановкѣ травы́, сколько хотятъ. Вотъ въ какую благодатную страну пріѣхали! Даже странно какъ-то.

Пью безъ конца чай. Мошки и комары—здѣшнее бѣдствіе; начальникъ станціи, кондуктора, стража, рабочіе, мы—всѣ рѣшительно въ сѣткахъ. Бѣдныя лошади прямо мучатся.

Купилъ себѣ на одной станціи земляники и клубники, поѣлъ и поплатился жестоко; не буду больше ѣсть здѣшнихъ ягодъ: онѣ растутъ на болотной почвѣ и, кажется, вредны.

27-ое іюня, воскресенье.

Утро; по желѣзнодорожнымъ часамъ 4, а по мѣстнымъ 8 часовъ. Пріѣхали на ст. „Тайга", что близъ г. Томска. Хотѣлъ здѣсь устроить богослуженіе, но наше начальство еще спитъ; а служащіе очень просили. Что дѣлать! пришлось отложить.

Ходилъ смотрѣть привокзальную церковь; она каменная, но мала чрезвычайно; между тѣмъ какъ, кромѣ большого числа служащихъ, здѣсь расположенъ довольно большой поселокъ изъ зажиточныхъ, очевидно, переселенцевъ, такъ какъ не видно ни одной соломенной крыши. Церковь внутри ремонтируется; службы не будетъ.

Симпатичный сторожъ при этой церкви; онъ изъ отставныхъ солдатъ. Узнавши, что я полковой священникъ, старикъ воодушивился и сталъ разсказывать, какъ онъ воевалъ въ 1877 году, какъ брали Карсъ, и отъ души пожелалъ мнѣ, чтобы я на войнѣ подражалъ ихъ священнику: „Вотъ у насъ батюшка былъ старикъ сѣдой, какъ лунь, а при штурмѣ Карса и въ другихъ битвахъ всегда бывало идетъ съ нами съ крестомъ въ рукахъ; мы въ атаку, и онъ съ нами... Славно было биться рядомъ съ нимъ". Это было въ Абхазскомъ пѣхотномъ полку. Фамилію священника старый вояка забылъ.

Поблагодаривъ старика за пожеланіе, я пошелъ къ генералу. Рѣшили служить обѣдницу на ст. Судженкѣ, куда прибываемъ въ 9 часовъ утра по петербургскому времени.

Опять ѣдемъ тайгою. Бывало я представлялъ себѣ тайгу чуднымъ красивымъ лѣсомъ; но оказалось не то. Мы привыкли видѣть лѣсъ обыкновенно зеленымъ; всякое сухое дерево сейчасъ же убираютъ. А тайга, это—дремучій лѣсъ, состоящій изъ пихтъ, сосенъ, кедровъ, березъ и другихъ породъ,—зеленый лѣсъ, но перепутанный съ массою сухихъ деревьевъ, поломанныхъ, обгорѣлыхъ и тутъ же валяющихся. Встрѣчали десятки десятинъ съ горѣлыми деревьями. Эта безжизненность, присутствіе сушняка, никѣмъ не убираемаго, страшно портитъ общую картину тайги.

На одной станціи разговорился съ крестьяниномъ, переселившимся еще въ 1853 году; онъ жаловался на трудность воздѣлыванія земли, на плохую почву: „и много земли да толку мало; замучились пахотой, а родитъ скудно". Дѣйствительно, встрѣчающіяся воздѣланныя поля жидки. Поддерживаютъ здѣшній людъ тайга да сѣнокосы.

Пріѣхали въ Судженку. Начальникъ станціи (кажется, полякъ) не позволилъ совершить службы въ залѣ 2-го класса. Пришлось устраиваться въ 3-мъ классѣ, гдѣ не оказалось даже иконы. Я принесъ свою икону св. Митрофанія да поставилъ евангеліе и крестъ; сторожъ принесъ двухкопеечную свѣчку...—вотъ и церковь готова. Собрались генералъ, офицеры и почти весь эшелонъ, да подошли еще желѣзнодорожные служащіе: богомольцевъ-то и много оказалось. Служба, какъ и прежде, прошла очень хорошо; всѣ воодушевленно пѣли. Я говорилъ поученіе о необходимости честно и вѣрно исполнять возложенный на насъ Богомъ и Царемъ долгъ, помнить присягу и не только исполнять свое дѣло, какъ приказаніе, но и любить его, чтобы совершать свои обязанности съ сердечностью, безъ зависти, помогая другъ другу. При такомъ исполненіи долга, да если къ тому же будемъ держать себя въ непорочности, Господь, который укрѣпилъ немощи разслабленнаго, укрѣпитъ и наши слабыя силы и благословитъ успѣхомъ наши дѣла. Приложились ко кресту. Всѣ были рады и съ ободреннымъ духомъ пошли въ вагоны, чтобы ѣхать къ мѣсту исполненія своего долга.

Мѣстность стала немного веселѣе; тайга рѣже. Въ Маріинскъ пріѣхали на два часа раньше расписанія. Вотъ вамъ и Сибирская дорога! Говорили, она плохая, а вотъ до сей поры не только нигдѣ не задержались, но даже цѣлымъ днемъ ѣдемъ раньше. Маріинскъ въ унылой мѣстности; двѣ трети жителей евреи; торговля вся въ ихъ рукахъ. Никакъ не думалъ, чтобы въ Сибири были и евреи; однако, оказывается, ихъ много здѣсь, а города Каинскъ и Маріинскъ почти сплошь населены ими.

28-ое іюня.

Природа рѣзко измѣнилась; начались горы, отроги Саянскаго хребта; тайга продолжается. Къ прежнимъ бѣдамъ прибавилась новая, мелкія мошки да такія назойливыя, что лѣзутъ всюду: въ уши, носъ, ротъ, за рукава; всѣ мы поголовно въ сѣткахъ, иначе гибель.

Забылъ упомянуть, что всѣ стрѣлочники и путевые сторожа вооружены револьверами, а нѣкоторые и винтовками.

Никакъ не могу привыкнуть къ здѣшнему пути; все мнѣ какъ-то жутко: зигзаговъ на Сибирской дорогѣ масса, подъемы и уклоны очень крутые, такъ что поѣздъ тò летитъ сломя голову съ уклона, и на этихъ ужасныхъ заворотахъ вагоны становятся прямо бокомъ, тò едва-едва ползетъ въ гору, и солдаты-денщики спрыгиваютъ на лужайки тайги нарвать цвѣтовъ для своихъ офицеровъ.

Вечеромъ разразилась страшная гроза; удары грома были похожи на залпы изъ нѣсколькихъ орудій. Никто не ложился; заперли окна, вентиляторы и съ трепетомъ ожидали ударовъ; вѣдь поѣздъ

идетъ, а въ движущіеся предметы молнія чаще всего попадаетъ. Говорятъ, что въ тайгѣ всегда такія ужасныя грозы.

29-ое іюня.

Поѣздъ идетъ по долинѣ между чудныхъ горъ, очень похожихъ на Уральскія. Только одна особенность: нѣтъ скалъ, и правая сторона горъ покрыта лѣсомъ, а лѣвая голая, ни одного дерева — все покрыто травой и раздѣлано подъ пашни. Очень красивый видъ имѣютъ эти горные пашни и огороды; почти до самой вершины расположены онѣ. И какъ это взбираются туда пахать! Въ общемъ выходитъ, что горы какъ бы покрыты правильными четырехугольными коврами: зелеными, сѣрыми, желтыми, черными. Есть горы около рѣки Енисея очень высокія, особенно одна—даже смотрѣть страшно. Тайга и въ горахъ продолжается, но здѣсь деревья гораздо лучше, чѣмъ на равнинахъ: много огромныхъ пихтъ, сосенъ и кедровъ. Смотрю на кедры и вспоминаю изъ библіи Давида, построившаго себѣ дворецъ изъ васанскихъ кедровъ. Могучія деревья, и на нихъ-то растутъ такіе маленькіе „сибирскіе разговоры", какъ называютъ здѣсь кедровые орѣхи; сибиряки любятъ подъ разговоры щелкать эти орѣхи, какъ у насъ сѣмечки.

Завиднѣлся Красноярскъ. И не даромъ онъ такъ названъ: городъ расположенъ на голыхъ горахъ, которыя лѣтомъ, когда солнце выжжетъ траву, кажутся красными. Красноярскъ расположенъ на берегу многоводной и неимовѣрно быстрой рѣки Енисея; такой быстроты теченія при огромной ширинѣ и глубинѣ я и представить себѣ не могъ; около устоевъ (быковъ) желѣзнодорожнаго моста вода буквально кипитъ и шумитъ, какъ водопадъ. Снаружи городъ очень красивъ, особенно соборъ и духовная семинарія, но внутри нѣтъ ни одной мостовой улицы, хотя камня тутъ же пропасть.

Поѣздъ подошелъ къ военной платформѣ, расположенной на самомъ берегу Енисея. Я пошелъ къ рѣкѣ и началъ осматривать окрестности. Прежде всего, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ меня направо огромный мостъ черезъ Енисей; длина его безъ двухъ саженей верста; особенно поражаютъ въ этомъ мосту своею длиною пролеты: на одномъ пролетѣ можетъ помѣститься почти весь самый длинный товарный поѣздъ; и такихъ пролетовъ шесть. Направо и налѣво отъ рѣки очень большія горы, на склонахъ которыхъ построены дачи, точно гнѣзда ласточекъ; въ одномъ мѣстѣ я насчиталъ въ бинокль шесть прекрасныхъ дачъ, одна надъ другой,—такъ красиво, что не оторвешься. Городъ весь какъ на ладони; къ нему бѣгутъ пароходы и тянутъ за собою баржи. Первый разъ въ жизни я видѣлъ здѣсь плоты съ пилеными и колотыми дровами; удивительно, какъ они остаются цѣлы при такой быстротѣ теченія. Прямо предо мною высокая съ острой вершиной гора, или, какъ здѣсь говорятъ,

„сопка“; кажется, отъ меня она всего въ нѣсколькихъ саженяхъ. Спрашиваю у рабочаго: „далеко ли до горы?“. Отвѣчаетъ: „восемь верстъ по прямой линіи“. Вотъ какъ мы, жители равнинъ, не привыкли къ горамъ!

Обратно я пошелъ черезъ лагерь Красноярскаго резервнаго баталіона; на зеленомъ плацу лагеря стоитъ очень красивая часовня. Я присѣлъ на ступеняхъ этой часовни отдохнуть. Ко мнѣ подошли два унтеръ-офицера, уроженцы Харьковск. губ., взятые изъ запаса. Разговорились. Я объяснилъ имъ ходъ войны и причины ея возникновенія. Очень были довольны. На мой вопросъ, тяжело ли имъ было бросить все и итти на войну, они въ одинъ голосъ отвѣчали: „Конечно, не легко, да что же дѣлать? Государь зоветъ—значитъ, нужно; вотъ теперь здѣсь мы и сами видимъ, что еще много Ему сюда надо народу; по Сибири и ратниковъ собрали. На нашу-то Харьковскую губернію татары и разбойники раньше нападали; одначе отстояли своею кровью, зато теперь и тихо. Отстоимъ и сейчасъ; послѣ и здѣсь будетъ тихо“. Я буквально записалъ ихъ слова.

Слышу звонокъ. Садимся въ вагоны; ѣдемъ; проѣхали мостъ и и поплелись долиною между горъ. Съ большимъ интересомъ продолжали путь среди роскошной природы; хоть немного отдохнули душой послѣ однообразныхъ равнинъ Барабинской степи. Чаще стали встрѣчаться села съ церквами; церкви почти всѣ деревянныя и многія убогія; дома же у жителей порядочные и рѣшительно всѣ крыты тесомъ. Служить по случаю праздника для эшелона было негдѣ; отслужили только молебенъ въ вагонѣ для именинниковъ.

30-ое іюня.

Благодарю Бога, что ночь прошла благополучно. Ужасные уклоны и зигзаги, по которымъ поѣздъ бѣшено мчится и при этомъ ужасно стонетъ, какъ бы прося тормозить, истрепали всѣ мои нервы. Наши всѣ еще спятъ, не желая признавать мѣстнаго времени. Изъ природы записать нечего: все то же, что и вчера; только больше стало попадаться огромныхъ и стройныхъ сосенъ, издали кажущихся красными.

На ст. „Юрты“ мы встрѣтили санитарный поѣздъ со 125 ранеными солдатами и офицерами. Кто безъ ноги, кто безъ руки, у кого голова обвязана и проч.; но всѣ имѣютъ бодрый видъ; добрая половина раненыхъ имѣютъ на больничныхъ рубахахъ георгіевскіе кресты. Зрѣлище, насколько тяжелое, настолько же и поучительное. Офицеры совѣтуютъ запасаться теплой одеждой. Поѣздъ ихъ отличный: своя кухня, ванна, доктора, сестры милосердія.

Сегодня исполнилось 20 сутокъ нашего пребыванія въ вагонѣ, мы такъ устали, что не дождемся Байкала, чтобы хоть немного промяться: Байкалъ мы будемъ огибать отчасти верхами, такъ какъ желѣзная дорога не вся еще выстроена.

Читаю Добротолюбіе и богослуженіе Великаго поста на русскомъ языкѣ. Что это за восторгъ! оторваться нельзя.

Слава Богу, до сихъ поръ у насъ все было благополучно; даже нашлись лошади, вырвавшіяся въ Омскѣ у солдатъ и убѣжавшія въ степь.

1-ое іюля.

Ночь спалъ совсѣмъ плохо. Летѣли мы ужасно. Паровозы дергали немилосердно; даже вещи падали. Я положительно мучился на своемъ ложѣ. Не говорю уже, что жутко становится при такой бѣшеной ѣздѣ, но получается и физическая мука: каждую минуту дергается тѣло, прыгаетъ; да еще этотъ ужасный угольный дымъ, — прямо закоптѣли. Когда настало утро, я отъ души сказалъ: „слава Богу!“ Чего же достигли отъ такой ѣзды? На четыре часа раньше расписанія пріѣхали въ г. Нижнеудинскъ, гдѣ и безъ того больше трехъ часовъ стоянки. Это машинисты для себя старались: пріятно все-таки лишнихъ четыре часа отдохнуть. Генералъ вышелъ разсерженный, офицеры тоже хмурились; сдѣлали заявленіе начальнику станціи и получили увѣреніе, что дальше этого не будетъ. И, дѣйствительно, дальше поѣхали по расписанію.

Мѣстность очень гориста. Городъ Нижнеудинскъ лежитъ въ долинѣ на берегу страшно быстрой горной рѣки Уды, чрезъ которую перекинутъ большой мостъ въ четыре пролета. Дно рѣки каменистое, и вода до того прозрачна, что съ высоты моста можно считать камни на днѣ. Быстрота теченія ужасающая; кондукторъ же добавляетъ, что это еще мало воды, а вотъ посмотрѣть бы тогда, когда вода начнетъ сильно прибывать; а это должно быть уже скоро, какъ только солнышко сильнѣе пригрѣетъ, и снѣгъ начнетъ таять въ горахъ. Получается такимъ образомъ совершенно обратное нашему рѣчному положенію явленіе: у насъ, чѣмъ жарче, тѣмъ меньше воды въ рѣкахъ, а здѣсь, наоборотъ, тѣмъ больше.

Городишко плохой, весь деревянный; только двѣ церкви. Это уже началась Иркутская губернія.

Простоявъ здѣсь восемь часовъ, мы въ половинѣ перваго дня, а по мѣстнымъ часамъ въ пять часовъ вечера тронулись дальше въ сибирскія глубины. Опять потянулась тайга; горы стали уходить назадъ и теперь кажутся синими облаками; ѣдемъ среди долинъ и холмовъ, покрытыхъ хвойными лѣсами. Чаще стали попадаться хуторочки; это переселенцы, семей по 5—10, поселились, получивши по 15 десятинъ на душу, и теперь разрабатываютъ ихъ мѣстами подъ пашни: выкорчевываютъ пни, жгутъ ихъ, такъ что среди лѣса вблизи хуторовъ простираются воздѣланные маленькіе участки земли. Встрѣчается много березъ. Но какъ жалокъ ихъ видъ! Половина ствола красная: съ него содрана кора, изъ которой крестьяне дѣ-

лаютъ коробки для хлѣба, яицъ; даже кроютъ они берестою крыши. Просто варварство, такъ какъ березы послѣ такой операціи болѣютъ, еле-еле влача свое существованіе.

Рано легъ, чтобы раньше встать: пора уже укладываться въ походъ кругомъ Байкала.

2-ое іюля.

Утро чудное. Недавно былъ дождь; ни пылинки; ярко сіяетъ солнце; зеленѣетъ травка; вѣтерокъ прохладный. Мѣстность холмистая; на горизонтѣ гѳры. Чаще стали попадаться населенныя мѣста, даже большія села съ довольно хорошими церквами, и, что особенно замѣчательно, въ каждомъ значительномъ селѣ видна пожарная колокольня-каланча и кромѣ того содержатся въ исправности дороги. Косятъ сѣно.

За станціей „Зима" переѣхали по огромному мосту черезъ р. Оку. Какое совпаденіе съ именемъ нашей орловской рѣки! Только сибирская Ока несравненно лучше орловской Оки. Виды по берегамъ прекрасные.

3-ье іюля.

Станція „Половина". Опять проѣхали два большихъ моста чрезъ р. Бѣлую и чрезъ р. Китой. Вотъ какъ Сибирь богата рѣками и огромными мостами! Стали привыкать, а сначала поражались. Сейчасъ ст. Иннокентьевская, конецъ первой и большей части сибирскаго желѣзнаго пути и *начало болѣзней,* такъ какъ три дня пути мы должны совершить походомъ верхами. Чтобы испробовать заблаговременно разные способы ѣзды, думаю непремѣнно ѣхать съ полкомъ отчасти въ двуколкѣ, отчасти верхомъ.

Пріѣхали на Иннокентьевскую вѳ-время. Здѣсь насъ выгрузили, и отсюда уже будетъ походъ. Жара такая ужасная, что предполагаютъ 40—45°. Верстахъ въ двухъ отъ станціи ярко блеститъ на солнцѣ крестъ Иннокентіевскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи Первосвятителя иркутскаго. Величественный монастырскій соборъ особенно рѣзко вырисовывается на синевѣ близлежащихъ горъ.

Рядомъ съ воинской платформой находится нѣсколько двухъэтажныхъ каменныхъ зданій, въ которыхъ безплатно отводятся номера для проѣзжающихъ офицеровъ, есть офицерская столовая съ обѣдами изъ двухъ блюдъ по 40 коп. и помѣщенія для солдатъ. Въ баню сходить не успѣли, такъ какъ комендантъ объявилъ, что по новому расписанію мы должны выступить изъ Иннокентьевской сегодня же въ 6 часовъ вечера. Вдали въ синей дымкѣ виднѣется г. Иркутскъ съ своими многочисленными храмами.

Рѣшилъ я первый переходъ совершить на двуколкѣ; сидѣнье удобное, но кидаетъ немилосердно. Много, очевидно, придется перетерпѣть, но, надѣюсь, привыкну. Штандартъ и трубачи впереди; мы въ срединѣ; съ боковъ и сзади вооруженные караульные солдаты. Заиграла музыка, и мы благословясь выступили въ походъ. Сердце дрогнуло: *походъ!...* Пыль невообразимая. Скоро мы совершенно потеряли человѣческій образъ и обратились въ какихъ-то эѳіоповъ.

Приблизились къ Иркутску; прекрасный городъ; его особенно красятъ чудный соборъ и вообще церкви. Переѣхали р. Иркутъ, а потомъ красавицу Ангарў, проѣхали мимо вокзала и поднялись на высокую гору; спускъ очень опасный: едва не разбилась офицерская кухня; мы спустились благополучно, но страху набрались порядочно. Окрестности всѣ покрыты лѣсами.

Спустившись съ горы, мы увидѣли среди лѣса на лужайкѣ развѣвающійся флагъ, большой столъ, накрытый бѣлой скатертью, съ винами, закусками. По сторонамъ стола два костра. Картина дивная! Это уполномоченный великой княгини Елисаветы Ѳеодоровны г. Второвъ угощалъ насъ. Только около 2 часовъ ночи, на разсвѣтѣ, тронулись мы далѣе въ путь. Глазъ не пришлось сомкнуть даже на одну секунду.

4-ое іюля.

Идемъ среди лѣсовъ по хорошей ровной и широкой дорогѣ, по такъ называемому „Большому сибирскому тракту“.

Вся Сибирь вслѣдствіе отсутствія желѣзныхъ дорогъ перерѣзана въ разныхъ направленіяхъ „трактами“, въ родѣ нашихъ „большихъ дорогъ“; только сибирскіе тракты лучше содержатся. Одинъ трактъ, который идетъ отъ границы Европы чрезъ всю Сибирь непрерывно, называется „Большимъ сибирскимъ трактомъ“. Благодаря проведенной параллельно съ нимъ желѣзной дорогѣ, теперь этотъ трактъ свое прежнее значеніе потерялъ и имѣетъ значеніе лишь мѣстное. На всѣхъ стоянкахъ чрезъ каждыя 20 верстъ построены станціи съ большими комнатами для проѣзжающихъ и запасными лошадьми.

Ѣдемъ горами да какими?! Въ двѣ-три версты подъемъ. Но это еще милость, а то вотъ сѐмь верстъ непрерывно поднимались. А спуски не лучше подъемовъ: приходится тормозить; иначе лошади не сдержатъ.

Лѣса дѣвственны вполнѣ и настолько непроходимы, что къ нѣкоторымъ мѣстамъ на крутизнахъ нѣтъ возможности пробраться. Да и по сторонамъ дороги та же чаща; едва сдѣлаешь нѣсколько шаговъ вглубь, уже долженъ остановиться—дальше нѣтъ возможности двигаться: лежатъ сваленныя вѣтромъ огромныя сухія деревья, переплетаясь между собою вѣтвями и какими-то ползучими растеніями. Но красота, красота какая!

Вотъ поднимаемся въ гору; осталось два—три зигзага; лошади выбились изъ силъ, останавливаются. Раздается команда: „стой, подложи подъ колеса камни!“ Остановились передохнуть, а я спѣшу впередъ, туда, на вершину. На подъемѣ и внизу какъ-то все сдавливается въ груди, какъ-будто горы сжимаютъ; кажется, взберусь я туда и надышусь-то полной грудью. Вотъ я и на вершинѣ. Чистъ и свѣжъ утренній воздухъ; легкій вѣтерокъ обдуваетъ уставшее тѣло; дышу и дышу. А видъ открывшійся прямо чудесенъ. Зигзагами извиваясь подъ ногами, узенькой ленточкой тянется дорога туда внизъ далеко-далеко, безъ конца. А вдали синія горы: и сбоку, и прямо впереди, и внизу все горы и горы; своими очертаніями и зеленью, мѣняющимися по мѣрѣ прохожденія, онѣ представляютъ собою все разныя картины и въ душѣ зрителя не оставляютъ однообразнаго впечатлѣнія.

Мало-по-малу спускаемся. Внизу среди горъ, у подножія одной высокой горы, на берегу быстрой рѣки Иркута, вода котораго на удивленіе чиста и прозрачна, заблестѣлъ крестъ на церкви: село Введенское, наша первая остановка. Будетъ пройдено 31 верста. Въ половинѣ шестого часа утра подъѣхали мы къ коновязямъ. Все и всѣ устали и не спали; и все-таки вездѣ смѣхъ, шутки, прибаутки: что это за молодцы солдаты наши!.. Рядомъ съ коновязами пять огромныхъ деревянныхъ бараковъ съ нарами у стѣнъ для солдатъ; есть одинъ баракъ офицерскій.

Подошелъ комендантъ и совѣтуетъ прямо итти купаться: „у насъ вода — кристаллъ“, говоритъ онъ. Да и нужно основательно-таки вымыться; мы вѣдь отъ пыли почернѣли. Взяли чистое бѣлье и пошли къ рѣкѣ. Что за вода! На глубинѣ трехъ аршинъ все дно видно. Выкупались; только успѣли одѣться, зазвонили уже въ церкви, и я пошелъ въ храмъ. Иду по селу, смотрю: богатое!.. Не говорю уже про крыши тесовыя, домà-то построены изъ толстѣйшихъ бревенъ, и многіе съ затѣйливыми рѣзными украшеніями. Оказывается, жители землею мало занимаются, а главное ихъ занятіе —сплавъ лѣса, извозъ и охота. Церковь деревянная и, къ стыду *богатыхъ* прихожанъ, *небогатая,* впрочемъ чистая и свѣтлая. Особенно меня поразило, что церковь внутри вся оклеена комнатными шпалерами и притомъ разныхъ цвѣтовъ, т.-е. въ трапезной—одинъ цвѣтъ, въ главной—другой.

Служилъ молодой священникъ. Несмотря на воскресный день, на утрени въ церкви не было ни одного человѣка, а за обѣдней — 15 человѣкъ. Во время литургіи на клиросѣ пѣла матушка съ племянницей. Познакомился въ оградѣ съ одной старушкой, оказавшейся матерью священника и притомъ уроженкой Орловской губерніи. Очень ужъ усердно просила она меня зайти къ нимъ. Зашелъ. Приняли меня такъ радушно, что и высказать невозможно: былъ, какъ въ родной семьѣ. Напоили чаемъ, накормили,

много разсказывали о Сибири, какъ о благодатной странѣ; очень сокрушались, что въ Россіи по невѣдѣнію пренебрежительно отзываются о Сибири, ея населеніи и природѣ. И, дѣйствительно, въ Сибири хорошо: и люди радушные, и природа великолѣпная, кромѣ нѣкоторыхъ частей Барабинской степи, да и то потому, что она не воздѣлана. Батюшка проводилъ меня до двуколки.

Въ баракѣ я прилегъ; и сладокъ былъ отдыхъ на доскахъ жестокихъ...

Въ $3\frac{1}{2}$ часа отправились дальше. Подъемъ версты въ три былъ такъ крутъ, что нѣкоторыя изъ двуколокъ солдаты тащили на рукахъ. Я верстъ пять шелъ пѣшкомъ, а потомъ одиннадцать верстъ ѣхалъ верхомъ. По дорогѣ попадались кресты; это могилы путниковъ несчастныхъ или убитыхъ на трактѣ. Говорятъ, между прочимъ, что кругобайкальскій трактъ строили каторжники и между ними „декабристы".

На станціи „Моты" я разставилъ кровать въ офицерскомъ баракѣ и крѣпко заснулъ.

5-ое іюля.

Вставши утромъ, я пошелъ къ двуколкѣ. Михаилъ спитъ на землѣ у колесъ, накрывшись плащомъ, а Ксенофонтъ въ шинели лежитъ у потухшаго костра, при чемъ голова его покоится на соломѣ высохшей кучи навоза. Послѣ безсонной ночи кто гдѣ ткнулся, такъ и спалъ. Ксенофонтъ занялся стиркою и часа черезъ два принесъ мнѣ бѣлье уже чистое и аккуратно сложенное.

„Сѣдлай!" раздалось около 3-хъ часовъ; и мы выступили опять въ походъ. Я ѣхалъ верхомъ и держался сначала порядка, т.-е. слѣдовалъ за своею двуколкой, а потомъ выѣхалъ впередъ. Лошадь идетъ хорошо. Сначала ноги у меня болѣли отъ верховой ѣзды; теперь сталъ втягиваться. Нужно проѣхать 21 версту съ горы на гору. Подъемы и спуски еще длиннѣе и круче, чѣмъ вчера; ни одного аршина ровнаго мѣста; лошади выбиваются изъ силъ; въ 5-мъ эскадронѣ лазаретная линейка и весь обозъ даже остановились, не доѣхавъ семи верстъ до ночлега.

Почти рядомъ съ нашею дорогою грандіозный лѣсной пожаръ; благодаря массѣ павшихъ сухихъ деревьевъ пламя бушуетъ цѣлымъ столбомъ, и огненные языки высоко поднимаются къ небу; смолистый дымъ ѣстъ глаза.

Наконецъ проѣхали. Открылись виды—положительно восторгъ; описать невозможно. Какъ только въѣдемъ на перевалъ, такъ и замремъ, невольно остановившись: горы, горы, море горъ; совершенно какъ-будто когда-то волновалась здѣсь почва, образовались огромныя волны да такъ и застыли; горизонтъ открывается огромный; горы вокругъ насъ, подъ нами и вдали синѣютъ, сливаясь съ облаками. Мы

даже поспорили; я говорю: *облака,* а спутники отрицали, и они оказались правы.

Весь переѣздъ я совершилъ сравнительно очень легко; для меня верховая ѣзда легче ѣзды на двуколкѣ.

Пріѣхали въ Глубокое; ночлегъ. Намъ отвели громадный флигель; я расположился очень удобно, поставивъ кровать на нары. Подгурскій [1]), добрая душа, приготовилъ и предложилъ намъ горячій ужинъ, супъ, и мы поужинали изъ солдатскихъ котловъ на славу.

Но какая картина передъ нашими глазами! Въ котловинѣ между горъ и на склонѣ горы расположилось 1800 лошадей, море лошадей и людей; масса костровъ — точно звѣздочки; пѣсни... Вдругъ все смолкло: труба заиграла зарю, и понеслась по нашему огромному лагерю священная пѣснь, молитва: въ одномъ концѣ „Отче нашъ", въ другомъ раздается „да будетъ воля Твоя", въ третьемъ „побѣды... на сопротивныя даруя"; въ каждомъ эскадронѣ отдѣльно. Впечатлѣніе грандіозное. Долго-долго смотрѣли всѣ мы съ балкона барака на это выходящее изъ ряда вонъ зрѣлище.

Завтра еще 24 версты по горамъ, и снова поѣздъ, вагоны.

6-ое іюля.

Съ вечера, какъ легъ, такъ моментально и уснулъ. Вотъ что значитъ моціонъ-то верховой, А аппетитъ какой хорошій! Утромъ слышу голосъ Н. В. Букрѣева [2]): „четверть четвертаго, пора вставать". Сейчасъ же встали, одѣлись и вышли. Все еще покрыто утреннимъ туманомъ. Лошади наши осѣдланы, похрапываютъ; Михаилъ забралъ мои вещи и укладываетъ въ двуколку. Лагерь еще спитъ; лошади стоятъ, опустивъ головы, а солдаты спятъ у нихъ подъ мордами прямо на землѣ. Еще разъ полюбовались горами,—синія такія! Солнышко всходитъ и, разгоняя туманъ, золотитъ ихъ вершины. Не знаю отчего, но горы окрасились въ разные цвѣта-тоны: синіе, зеленые, желтоватые, дымчатые; все это вмѣстѣ, сливаясь въ общую картину, представляетъ прекрасное зрѣлище.

Уже всѣ поднялись. Казаки предупреждаютъ, чтобы мы остерегались выѣзжать впередъ далеко отъ своего эшелона; увѣряютъ, что медвѣди иногда и днемъ выходятъ на дорогу и сидятъ, нѣжась на солнцѣ; одинъ казакъ говоритъ, что встрѣтилъ трехъ. А я вчера пѣшкомъ одинъ ушелъ версты на двѣ впередъ: непріятная могла быть встрѣча. Офицеръ Нѣжинскаго полка разсказываетъ, что они сегодня на походѣ днемъ видѣли недалеко отъ дороги медвѣдя; а жители селенія очень жалуются, что медвѣди часто посѣщаютъ ихъ огороды и давятъ коровъ.

[1]) Офицеръ, католикъ.

[2]) Подполковникъ.

Вообще звѣря разнаго въ этой дикой тайгѣ, которая почти сплошь идетъ отъ Перми до Манчжуріи, масса: медвѣди, лоси, кабаны, соболи, бѣлки, волки, горностаи, чернобурыя лисицы, олени, козы, серны, дикіе гуси, тетерева, фазаны, рябчики, утки и пр. И все это въ такомъ множествѣ, что охота является любимымъ промысломъ мѣстнаго населенія, составляя собою важное подспорье въ жизни.

Буряты и русскіе, населяющіе добрую половину Забайкалья, земледѣліемъ почти не занимаются, отдаваясь всецѣло скотоводству; между прочимъ они разводятъ особую породу скота—монгольскихъ быковъ и коровъ съ лошадиными хвостами, называемыхъ „яки"; главное достоинство ихъ заключается въ томъ, что зимою они сами добываютъ себѣ пищу, разбивая снѣгъ, а коровы даютъ молоко столь густое, точно сливки, хотя и не въ большомъ количествѣ, не больше одной бутылки съ удоя; мясо ихъ вкусное. Жители занимаются еще лѣснымъ промысломъ. Наконецъ, почти поголовно всѣ жители являются охотниками; у каждаго двѣ-три собаки-ищейки. Въ разныя времена года охотятся на разнаго звѣря; ходятъ на медвѣдя, кабана, соболя, шкурка котораго на мѣстѣ стоитъ отъ 25 до 150 р., на чернобурую лисицу и проч. Озолотиться можно бы въ этихъ мѣстахъ населенію; но водка и въ Сибири дѣлаетъ свое дѣло. Какъ только охотники, особенно изъ бурятъ, выѣзжаютъ на соболя и чернобурую лису, купцы съ запасами водки ѣдутъ въ тайгу вслѣдъ за ними и, спаивая охотниковъ водкой, за ничтожную цѣну покупаютъ дорогую пушнину.

Ѣдемъ. Дивная дорога; только горы ужасныя. Вотъ вдали завиднѣлся Байкалъ, а за нимъ горы еще выше, и облака бѣгутъ по ихъ вершинамъ. На высокихъ пушистыхъ кедрахъ уже большія шишки; чрезъ мѣсяцъ начнется промыселъ добыванія кедровыхъ орѣховъ. Послѣдній спускъ къ Култуку прямо ужасенъ, болѣе трехъ верстъ; едва спустились. И уже опять рельсы и вагоны завиднѣлись у самаго берега озера-моря.

Солдаты хотѣли было купать въ озерѣ лошадей, но это оказалось невозможнымъ: вода холодна, какъ ледъ. Рыба водится только въ двухъ видахъ, и то не особенно большая, благодаря необычайно низкой температурѣ воды. Глубина озера весьма велика, до 3—5 верстъ, а около села Лиственичнаго, говорятъ, даже не могли достать дна. Сейчасъ садимся въ вагоны и ѣдемъ прямо по берегу Байкала: слѣва будетъ вода, а справа огромныя горы.

Итакъ мы совершили походъ въ 96 верстъ, и самый удобный, по-моему, способъ ѣзды—верхомъ на лошади.

Этотъ пройденный путь по высокимъ горамъ стоитъ многихъ сотъ верстъ ровной дороги. Много лошадей оказалось набито; повозка 1-го эскадрона на спускѣ перевернулась, сорвавшись съ тормоза, и раздавила солдата, такъ что у него треснулъ черепъ; лошадь пока-

лѣчилась сильно: половина головы въ крови, переднія ноги уже не держатъ, и она въ изнеможеніи еле стоитъ, опираясь грудью на подставку столба. Я хотѣлъ пріобщить умирающаго солдата, но, оказалось, магометанинъ. Это первая жертва военнаго времени и яркое доказательство крутизны и огромной высоты горъ, которыя мы переѣзжали.

Поѣздъ тронулся. Уже скоро 11 ч.; ложусь.

7-ое іюля.

Ѣдемъ чудной, но страшной дорогой. Берега Байкала представляютъ собою огромнѣйшія сплошныя горы-скалы, состоящія на половину изъ мрамора; на боку этихъ скалъ проложена съ помощью динамита узкая ленточка, полотно желѣзной дороги; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ 4—5 аршинахъ отъ полотна уже вода Байкала. Шумъ волнъ не только ясно слышенъ изъ вагона, но даже громче шума поѣзда; разъ на мое лицо упало даже нѣсколько брызгъ отъ волнъ.

Холодно на улицѣ и въ вагонѣ: отъ Байкала, что отъ ледника. Жители говорятъ: „у насъ вся погода отъ моря зависитъ: съ Байкала вѣтеръ—значитъ, холодно“. Это потому, что вода Байкала очень холодна, а холодна она потому, во-первыхъ, что въ него впадаетъ множество горныхъ рѣкъ и ключевыхъ потоковъ, да и самъ Байкалъ, очевидно, имѣетъ массу ключей; а, во-вторыхъ, ледники, спускаясь съ горъ, глубоко опускаются въ воду и очень долго въ ней находятся. Дѣйствительно, на горахъ и въ бинокль и простымъ глазомъ видно очень много снѣга, который подъ дѣйствіемъ іюльскихъ солнечныхъ лучей сталъ сильно таять и сползать, охлаждая тѣмъ самымъ воду Байкала.

Такъ-вотъ сегодня холодно, ибо вѣтеръ дуетъ съ озера, т.-е., виноватъ, съ *моря*. Извиняюсь потому, что сибиряки кровно обижаются, если Байкалъ назвать озеромъ: „Какое это озеро!“ говорятъ они: „вы, вѣрно, не знаете его размѣровъ? вѣдь оно въ длину 800 верстъ и въ ширину отъ 45 до 180, при глубинѣ до четырехъ верстъ; нѣтъ, это *наше море*“. Буряты называютъ его даже „священнымъ моремъ“, такъ какъ оно совершенно чисто и вонъ выбрасываетъ все постороннее, попадающее въ него. Байкалъ, особенно для бурята, живое одухотворенное существо. „*Онъ* (т.-е. Байкалъ) *добрый*, когда кормитъ людей рыбою, поитъ своею водою скотъ и звѣрей, охота на которыхъ является большимъ подспорьемъ жизни; *онъ* позволяетъ плавать лодкамъ, *онъ* доставляетъ людямъ и скоту прохладу среди лѣтняго зноя, *онъ*... Да нѣтъ“, махнувъ рукой, скажетъ скуластый бурятъ съ трубкой во рту: „не перечтешь, какой *онъ* добрый. Ну, а бываетъ, что *онъ и сердчаетъ*... Кругомъ все тихо—ни вѣтерка; вдругъ какъ зашумитъ, какъ заревѣтъ *онъ*, какъ

пойдутъ по *нему* волны горами: такъ страшно на берегу стоять, а уже не дай, Богъ, быть въ это время въ лодкѣ".

Зато буряты и чтутъ Байкалъ, именно, какъ живое существо. Ежегодно 9-го іюля на берегахъ его они совершаютъ въ честь своего „священнаго моря" разныя религіозныя церемоніи: надѣваютъ маски, жгутъ костры, прыгаютъ чрезъ огонь, обливаются водой, даже купаются, хотя температура воды 4—5⁰. Подробностей этихъ празднествъ не могу касаться: не успѣлъ хорошо разспросить.

Ѣдемъ по участку Култукъ—Танхой. Населеніе пошло почти сплошь бурятское. Снаружи истые монголы; только головы ихъ шире и скуластѣй китайскихъ; многіе носятъ косы; грамота у бурятъ монгольская.

Участокъ еще не открытъ для движенія; ходятъ только воинскіе поѣзда; поѣздъ идетъ 10 верстъ въ часъ; по такой дорогѣ проѣхали мы 110 верстъ.

Постройка дороги въ разгарѣ; слышны частые взрывы наподобіе пушечныхъ залповъ; это динамитомъ рвутъ скалы для полотна дороги по берегу Байкала.

Кругобайкальская желѣзная дорога въ 250 верстъ, и на послѣднихъ 100 верстахъ прорыто 37 тоннелей, не говоря уже про длиннѣйшіе коридоры; одинъ небольшой тоннель, пробитый въ скалѣ изъ бѣлаго мрамора и отлично обдѣланный, мы уже проѣхали.

А волны ревутъ и мчатся прямо на насъ, точно гидры стоглавыя, разинувъ пасти, чтобы поглотить насъ. Сойди поѣздъ съ рельсовъ, мы неотъемлемая ихъ добыча.

Виднѣются въ туманѣ высокія горы противоположнаго берега; на видъ до нихъ верстъ десять, на самомъ дѣлѣ пятьдесятъ. Изъ-подъ воды выдѣляется огромный камень; на немъ сидитъ цѣлая стая чаекъ; сидятъ покойно, невзирая на то, что вокругъ бѣшено ревутъ и пѣнясь разбиваются о камень волны. О, если бы и намъ покойно и твердо сидѣть на камнѣ вѣры среди бѣдъ, скорбей и сомнѣній, этихъ бушующихъ волнъ житейскаго моря! Горе намъ малодушнымъ.

Ст. „Выдрино"; при ней новая хорошая свѣтлая церковь. Особенно поразилъ насъ чудный запахъ, наполняющій весь храмъ. Сторожъ объясняетъ, что церковь вся построена изъ кедра. Опять вспомнился мнѣ храмъ Соломоновъ, въ которомъ было много кедра, подареннаго Соломону Хирамомъ, царемъ Тирскимъ. И вотъ здѣсь въ Сибири храмъ тоже кедровый; не такой, конечно, онъ роскошный, но несомнѣнно то, что древній храмъ Іеговы промѣнялъ бы свою роскошь на убожество этого таёжнаго храма, только бы видѣть въ своихъ стѣнахъ не кровь овновъ и тельцовъ, а совершеніе божественнаго таинства тѣла и крови непорочнаго Агнца, Господа Іисуса Христа.

Въ Танхой пріѣхали въ 6 часовъ вечера. Съ утра мы и солдаты ничего не ѣли; буфетовъ, конечно, нѣтъ; на Танхоѣ горячаго тоже не достать; вся надежда на солдатскій котелъ, изъ котораго, подъ видомъ пробы пищи, мы разсчитывали напитать свои грѣшныя тѣлеса.

Встрѣтилъ комендантъ, бравый капитанъ, и мы пошли на кухню „пробовать" пищу; пошли всѣ, т.-е. 11 человѣкъ, во главѣ съ генераломъ. Хорошо бы было, если бы на войнѣ такъ дружно и храбро бросались на врага, какъ тутъ мы обрушились на огромныя миски супа и каши: въ 10 минутъ до тла уничтожили мы противника; но къ нему подоспѣли новыя подкрѣпленія, вторыя миски супа и каши; сразили и ихъ. Нашли пищу *хорошей* и поблагодарили коменданта.

Въ это время въ барачной церкви отправлялось богослуженіе. Съ радостью всѣ мы и часть солдатъ нашего эшелона пошли къ богослуженію. Церковь очень хороша; это опять заботы доброй нашей Великой Княгини, ея жертва. Служитъ священникъ, студентъ академіи; а другой студентъ за псаломщика. Хорошо прошла служба; охотно всѣ помолились. Послѣ всенощной заходилъ побесѣдовать къ батюшкѣ. По его словамъ, мало солдатъ проходящихъ эшелоновъ заходитъ въ храмъ, и такимъ образомъ первоначальная идея служить воинамъ, идущимъ на войну, не оправдалась, а совершается служба больше для желѣзнодорожныхъ служащихъ и мѣстныхъ жителей.

8-ое іюля.

Ночью всталъ съ цѣлью еще разъ полюбоваться Байкаломъ. Завтра его уже не увижу, не услышу шума его волнъ, а *онъ* сегодня *сердитый*. Есть что-то притягательное въ водной стихіи. Какъ на пылающій костеръ, такъ и на бушующій Байкалъ я могу смотрѣть цѣлыми часами; что-то пріятное и вмѣстѣ щемящее чувствуешь въ груди.

Путешествіе по кругобайкальской дорогѣ я называю сухопутно-морскимъ: сидишь въ вагонѣ—на сушѣ, а рядомъ мчатся грозныя волны, ревутъ и брызжутъ почти въ лицо.

Ночью было переселеніе: на ст. Мысовой въ 2 часа ночи прицѣпили къ намъ еще вагонъ 1-го класса, и генералъ со своимъ штабомъ перебрались туда, а мы размѣстились въ своемъ вагонѣ попросторнѣе.

Проѣхали Верхнеудинскъ; городъ очень хорошій, много церквей; стоитъ на берегу хорошей рѣки Уды Верхней, называемой такъ въ отличіе отъ Нижней Уды, на которой стоитъ г. Нижнеудинскъ. Стало-быть, мы ѣдемъ все еще въ бассейнѣ рѣки Енисея; ѣдемъ долиной между горъ, но этотъ ландшафтъ сталъ уже надоѣдать намъ, жителямъ равнинъ.

Въ Петровскій Заводъ пріѣхали въ 9 час. вечера. Очень красивое зрѣлище представляетъ собою заводъ ночью. Доменныя печи выбрасываютъ массу пламени; еще чернѣе дѣлается ночь, еще ярче блеститъ огонь; клубы дыма вертятся въ пламени; получается что-то фантастическое.

Интересное лицо представляетъ собою проводникъ нашего вагона. Вотъ его послужной списокъ: былъ въ Иркутскѣ приказчикомъ, плавалъ на судахъ Добровольнаго флота, въ память чего имѣетъ татуировку на рукѣ (изображеніе якоря), служилъ въ труппѣ артистомъ (пѣлъ куплеты и декламировалъ) и, наконецъ, истопникъ. Очень смѣшитъ всѣхъ, и часто слышно его пѣніе.

9-ое іюля.

Утро. Станція Могзонъ. Населеніе бурятское, и названія станцій бурятскія: Сохоидо̀, Хушенга̀, Харагу̀нъ и проч. Только что спустились съ Байкальскихъ горъ, какъ снова подъемъ на Яблоновыя[1]). На спускѣ съ хребта, чрезъ который прорытъ тоннель, находится станція Яблоновая, очень красиво убранная цвѣтниками, бесѣдками, павильонами, фонтанами; но плодоваго дерева—ни одного; въ этой странѣ ни яблонь, ни грушъ, ни вишенъ нѣтъ: не вызрѣваютъ. Въ тоннелѣ мы были въ полной тьмѣ, такъ что я зажигалъ спичку. На одномъ концѣ тоннеля написано большими черными буквами: „Къ Великому океану", на другомъ: „Къ Атлантическому океану".

Предъ самой Читой проѣзжали по берегу интереснаго озера „Кинонъ", рыба котораго, преимущественно караси, несъѣдобна, ибо полна глистовъ, и люди, поѣвши ея, болѣютъ. Озеро имѣетъ въ длину верстъ пять, въ ширину версту.

Въ Читу пріѣхали въ $9^1/_2$ часовъ вечера; темно: города не видно. Пошли земли забайкальскихъ казаковъ.

10-ое іюля.

Утро; ст. Адріановка. Одинъ переѣздъ былъ очень интересный: поднимались зигзагами-петлями на гору и такимъ же образомъ спускались, такъ что буквально было три пути, параллельныхъ одинъ другому. Было нѣсколько огромныхъ каменныхъ коридоровъ. Теперь ѣдемъ по длиннѣйшей долинѣ, покрытой травой, на которой пасутся безчисленныя стада коровъ, овецъ, лошадей и верблюдовъ, принадлежащихъ бурятамъ. Завтра утромъ Манчжурія, уже предѣлы Китая. Прощай, милая, дорогая Россія, святая родина! Когда-то еще увижу тебя?

1) Названіе „Яблоновыя" не русскаго происхожденія и не отъ слова „яблоня", какъ можно думать, а отъ слова „Яблени-Даба", какъ эти горы называютъ буряты.

11-ое іюля.

Сегодня день ангела дорогой Оли. Какъ отрадно было проводить этотъ день вмѣстѣ! А теперь? Тридевять земель насъ раздѣляютъ...

Въ 9 час. утра за станціей „Маціевская“ переѣхали границу Россіи и Китая. Сердце замерло, и я невольно перекрестился: „благослови, Господи, пришествіе наше въ эту страну миромъ!“

Началась степь „Гоби“; въ этой ея части она жизненна: растетъ хорошая трава, и монголы пасутъ здѣсь массы скота. Сегодня встрѣтили стадо двугорбыхъ верблюдовъ, головъ въ сто; нѣкоторые изъ нихъ лежали на самомъ полотнѣ: едва не задавили ихъ. Въ степи масса сурковъ, по-мѣстному „тарабановъ“; желтые большіе, сидятъ они у своихъ норъ, посвистываютъ, рѣзвятся на травѣ недалеко отъ поѣзда, не обращая на насъ никакого вниманія; ихъ милліоны; вся степь усѣяна сурками.

Въ 11 час. дня подъѣхали къ ст. „Манчжурія“; хотѣли отслужить обѣдницу, но на станціи такое столпотвореніе, что, сколько ни искали, а мѣста для богослуженія не нашли; времени же дано было только часъ: такъ и остались безъ молитвы. Правда, здѣсь есть церковь-школа, но священникъ уѣхалъ въ Харбинъ, а безъ него не позволили открыть храма. Раньше предполагалась здѣсь дневка; однако ее отмѣнили: получена телеграмма „спѣшить: каждая минута дорога“. И мы сегодня же должны выѣхать отсюда въ 9 часовъ вечера по харбинскому времени, разнящемуся отъ петербургскаго уже на шесть часовъ; мы здѣсь уже пообѣдали, а вы тамъ, вѣроятно, еще не пили утренняго чаю.

Въ 3 часа дня приходитъ посланный отъ Краснаго Креста и проситъ немедленно похоронить санитара, умершаго уже почти четыре дня назадъ. Иду; вынесъ умершаго изъ усыпальницы въ церковь, отпѣлъ и проводилъ на кладбище (версты полторы); за гробомъ шли старшій врачъ, сестры милосердія и санитары. Началось мое дѣло манчжурское хоронить; вѣроятно, это будетъ здѣсь главная треба. Везутъ обратно въ Россію массу больныхъ солдатъ, больше все страдающихъ желудочными болѣзнями; прошли два вагона съ душевно-больными солдатами.

Всюду китайцы грязные, загорѣлые; передняя половина головы у нихъ выбрита, сзади длинныя косы; шапокъ и шляпъ почти не носятъ, а косу завертываютъ кругомъ головы; вѣтеръ треплетъ волосы, и получается страшная фигура. Здѣсь же гарцуютъ на своихъ маленькихъ лохматкахъ монголы, не менѣе ужасные и грязные. Впрочемъ, это я говорю про внѣшность, а такъ они, кажется, всѣ добродушно относятся къ русскимъ: влѣзаютъ въ вагонъ къ солдатамъ, шутятъ съ ними, подходятъ къ намъ, треплютъ по плечу, говоря: „хòдя шангò“, т.-е. другъ милый. Всѣ имъ отвѣчаютъ тѣмъ же. На

меня китайцы обратили почему-то особенное вниманіе: подходятъ, хватаютъ меня за руку и говорятъ, что я имъ „шибко шанго“, т.-е. очень нравлюсь, берутъ въ руки крестъ и опять „шанго“; чтобъ сдѣлать мнѣ удовольствіе, они крестятся.

Михаилъ мой съ Ксенофонтомъ что-то расхворались; первый лежитъ, и у него жаръ 39°, такъ что я пригласилъ даже доктора; у второго лихорадка, но онъ на ногахъ.

Подали поѣздъ; мнѣ отвели отдѣльное купэ въ чудномъ вагонѣ 1-го класса международнаго общества.

12-ое іюля.

Держимъ путь степью Гоби или Шамо, а лучше сказать *пустыней*: проѣхали вотъ уже почти 300 верстъ, а никакого признака человѣческаго жилья—жидкая трава да песчаные переносные холмы; кой-гдѣ изрѣдка развѣ встрѣчаются 5—10 тощихъ деревьевъ; ни человѣка, ни звѣря, ни птицы, кромѣ орловъ да вороновъ, которые куда-то летятъ. Даже скучно стало безъ нашихъ говоруній-галокъ; ихъ уже давно не видимъ. Воробьевъ тоже нѣтъ; только мухи по всей вселенной, вѣроятно, однѣ и тѣ же; ихъ и здѣсь масса.

Отъ ст. Манчжуріи стража еще болѣе усилена. Довольно часто разставлены часовые; появляются разъѣзды пограничниковъ, да вездѣ по линіи, на опредѣленномъ разстояніи одинъ отъ другого, стоятъ столбы, обмотанные соломой; къ каждому такому столбу привязана бутылка съ нефтью. Въ случаѣ появленія или нападенія гдѣ-либо хунхузовъ, сейчасъ въ такомъ опасномъ мѣстѣ обливаютъ солому нефтью и такимъ образомъ зажигаютъ сигнальный столбъ; и стража съ другихъ пунктовъ стремительно бросается сюда на выручку. Было уже нѣсколько случаевъ нападеній на дорогу и на воинскіе поѣзда; поэтому нашимъ солдатамъ со ст. Манчжуріи розданы боевые патроны, и на ночь назначается дежурная часть, т.-е. человѣкъ 20 съ заряженными винтовками не спятъ, чтобы, въ случаѣ появленія врага, отразить его. Нашъ вагонъ до оконъ блиндированъ, такъ что спимъ покойно: пуля не пробьетъ; окна завѣшиваемъ шторами, чтобы не было видно снаружи огня.

Хайларъ—первый для насъ городъ чисто китайскій; это просто деревня, и ничего замѣчательнаго нѣтъ.

Станція „Акэши“ памятна по прошлой войнѣ; она окружена сопками, и здѣсь въ то время былъ самый сильный бой у ген. Орлова съ генераломъ Ма, при чемъ китайцы держались на своей позиціи цѣлый день. Памятниками этого боя остались кресты, одиноко стоящіе на вершинахъ сопокъ надъ могилами павшихъ русскихъ воиновъ.

Приближаемся къ горному хребту Хингану, чрезъ главный перевалъ котораго прорытъ тоннель длиною въ три версты; очень плохо будетъ, если это мѣсто не укараулятъ, и японцы взорвутъ его.

На ст. „Унуръ“ встрѣтили санитарный поѣздъ. Раненый капитанъ многое разсказывалъ намъ и между прочимъ сообщилъ, что корпусъ нашъ уже на позиціяхъ въ Хайченѣ за Ляояномъ. Чрезъ пять дней и мы будемъ на полѣ смерти. Благослови насъ, Боже!

13-ое іюля.

3 часа ночи; проѣзжаемъ длинный трехверстный сквозь Хинганъ тоннель. Онъ освѣщенъ электричествомъ, но лампочки расположены довольно рѣдко. Я сидѣлъ у окна своего купэ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца и выхода на *волю;* какое-то гнетущее чувство испытывается отъ долгой ѣзды въ длинномъ тоннелѣ: будто живыхъ насъ закопали. Эти три версты подъ землею мы ѣхали ровно 20 минутъ. Какъ облегченно вздохнулъ я, когда мы выѣхали изъ этого подземелья, изъ этой могилы! Затѣмъ стали объѣзжать горы и сдѣлали въ своемъ движеніи настоящую петлю въ видѣ спирали.

Въ 9 часовъ пріѣхали на ст. „Ялу“. Здѣсь я снова привлекъ вниманіе китайцевъ. На разные лады выражали они свое удовольствіе; одинъ, указывая на меня, все твердитъ: „шибко шанго лама (жрецъ)“, другой дотронулся до бороды моей, говоря: „шанго борода“, третій не могъ насмотрѣться на мой никелевый чайникъ, и всѣ они увѣряли, что я для нихъ и они для меня „ходя“, т.-е. друзья. Сначала китайцы насъ занимали, а теперь стали надоѣдать; однообразны они до крайности: всѣ какъ одинъ. Они дѣлаютъ насыпь, таскаютъ землю на себѣ и притомъ безъ рубахъ; тѣло и лицо у нихъ стали отъ солнца и грязи темнобронзовыя; въ такомъ же видѣ китайцы таскаютъ на станціяхъ воду въ четырехугольныхъ ведрахъ.

На линіи нашей Вост.-Китайской жел. дороги всѣ станціи и жилые дома, за малымъ исключеніемъ, предусмотрительно построены изъ толстаго дикаго камня. Эта предосторожность является далеко не лишней, въ виду всегдашней возможности нападенія со стороны китайскихъ разбойничьихъ бандъ, такъ называемыхъ хунхузовъ. До войны между желѣзнодорожными служащими было много китайцевъ; теперь большую часть ихъ уволили, и мѣста разныхъ стрѣлочниковъ и путевыхъ сторожей занимаютъ уже вооруженные солдаты желѣзнодорожнаго баталіона.

Проѣхали оригинальныя горы; на ихъ зеленыхъ отрогахъ выросли огромныя гранитныя совершенно голыя глыбы-скалы, принявшія самыя разнообразныя формы: фигуру головы человѣка, воротъ какихъ-то, пирамидъ и проч.

14-ое іюля.

Проѣхали г. Цицикаръ, приближаемся къ г. Харбину. Замѣтно, что близокъ уже театръ военныхъ дѣйствій. Всѣ дома охранной стражи

окружены землянымъ валомъ; невдалекѣ другой, меньшій валъ, и башни съ часовыми. Ѣдемъ голой равниной; изрѣдка встрѣчаются китайскія деревни наподобіе нашихъ малороссійскихъ; поля отлично воздѣланы. Очень интересно построены станціи; всѣ зданія на нихъ крыты черепицей и по-китайски съ загнутыми вверхъ углами; на гребнѣ крыши по концамъ ея непремѣнно драконы съ разинутыми пастями.

Въ $9^1/_2$ часовъ вечера переѣхали большую рѣку Сунгари по мосту не менѣе версты длиною. Мостъ охраняется часовыми и артиллеріей, а на водѣ сторожевыми баржами. Чудный видъ на Харбинъ съ моста: масса огней, электричество; раскинулся онъ на огромномъ пространствѣ; жителей въ городѣ уже болѣе 40 тысячъ.

Подъѣхали къ платформѣ, и комендантъ подалъ намъ распоряженіе ѣхать на Ляоянъ-Хайченъ. Судьба рѣшена: мы идемъ на передовыя позиціи. Господи, помоги и сохрани!

15-ое іюля.

Сегодня память покойному тестю Владиміру Алексѣевичу [1]), а я и помянуть его не могу...

Выдали намъ маршрутъ до Хайчена, расположеннаго на 60 верстъ южнѣе Ляояна; но въ то же время говорятъ, что могутъ высадить насъ каждую минуту, и намъ надо быть готовыми.

Покинули Харбинъ. Паровозы блиндированы; станціи и кордоны пограничниковъ окружены кирпичными стѣнами съ бойницами; по концамъ мостовъ стоятъ пушки; стража еще гуще. Вездѣ лежатъ горы мѣшковъ съ землею для заваливанія оконъ и дверей. Получено свѣдѣніе, что генералъ Ма идетъ разрушать линію дороги между Харбиномъ и Мукденомъ.

Мѣстность густо населена, и земля отлично воздѣлана; ѣдемъ какъ-будто по тщательно обработанному огороду — такъ ровны и чисто выполоты борозды на поляхъ. Идутъ китайскіе обозы, такіе обозы, что просто смѣхъ: двухколесную арбу, наложенную хлѣбомъ или другою кладью, везутъ 7—8 животныхъ: три лошади, два мула, оселъ и быкъ; и всю эту компанію погоняютъ три китайца, а четвертый съ зонтикомъ сидитъ на возу. Работаютъ китайцы или полуголые или совершенно голые, а дѣти цѣлымъ гуртомъ вертятся тутъ же и всѣ нагишомъ. Живутъ наши „ходи“ ужасно грязно, и такой отъ нихъ идетъ запахъ, что въ жилищѣ ихъ долго не просидишь.

Сейчасъ проѣхали маленькій городокъ; онъ весь окруженъ глиняною съ башнями стѣною, очень тщательно сработанною. Стѣною

[1]) В. А. Исполатовскій былъ священникомъ села Владычни (близъ ст. „Лихославль“) Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи.

только и отличается городъ отъ деревни да еще развѣ нѣсколько бо́льшими размѣрами.

Природа здѣсь точная копія нашей милой Малороссіи; если бы въ китайскія деревушки поставить церкви, то вполнѣ Малороссія; но церкви, конечно, ни одной, а только низенькія бѣдныя кумирни...

Я сегодня въ трудахъ: вяжу толстый шнуръ для дароносицы, которую думаю носить на груди, равно какъ и крестъ съ мощами; завтра же нужно будетъ упаковать послѣдній чемоданъ и уложить въ двуколку: вечеромъ уже Мукденъ, а ночью Ляоянъ.

Всѣ наши путешественники, естественно, въ ажитаціи; вѣдь отъ Харбина уже отъѣхали около 130 верстъ, и мы почти на театрѣ военныхъ дѣйствій. Всѣ разговоры только и вертятся на войнѣ. Первые наши эшелоны уже въ Ляоянѣ.

Встрѣтили поѣздъ товарный; — полонъ раненыхъ; везутъ въ харбинскіе госпитали прямо въ товарныхъ вагонахъ; столько раненыхъ за послѣдніе дни, что санитарныхъ поѣздовъ далеко не хватаетъ.

16-ое іюля.

Мухи не дали спать. Всталъ рано, привелъ себя и вещи въ порядокъ въ виду предстоящаго труднаго пути - похода: пришилъ пуговицы къ рясѣ, штрипки къ шароварамъ и вообще произвелъ починку; уложилъ чемоданъ и тюкъ; и вещей получилось столько, что боюсь, не приказали бы при осмотрѣ обоза часть ихъ выбросить.

Жара на улицѣ 36°, въ купэ 30°. Невзирая на ѣдкій угольный дымъ, я открылъ окно; иначе сидѣть нельзя; работаю, буквально обливаясь по́томъ.

Проѣхали одну станцію, которая стоитъ въ деревнѣ. Я вошелъ въ фанзу и просто ужаснулся: грязь и вонь невообразимыя, никакой мебели; внутри фанзы у стѣны идетъ „канъ"—печной ходъ, въ родѣ нашего борова на чердакѣ; дымъ идетъ по кану, и въ фанзѣ тепло. Постройки большею частью изъ самана и глины; стѣны не бѣленыя; потолка нѣтъ, а къ стропиламъ пришиты доски; полъ земляной; все темно отъ грязи. На стѣнѣ наподобіе нашей иконы стоитъ деревянная дощечка съ какой-то надписью ихъ іероглифами, да рядомъ приклеенъ листъ съ изображеніемъ какихъ-то боговъ. Хозяинъ привѣтствовалъ меня, сжавши четыре пальца въ кулакъ, а большой вытянувши кверху; сложенную такъ руку онъ подержалъ нѣкоторое время предъ моимъ лицомъ и сказалъ по-русски: „садись". Затѣмъ китаецъ взялъ въ руки крестъ мой, указалъ пальцемъ на небо и сказалъ: „шанго", стараясь, очевидно, показать свое знаніе, что Іисусъ Христосъ есть Богъ; потомъ, чтобы я не счелъ его за безбожника, онъ показываетъ мнѣ на табличку и картинку и поднимаетъ руку кверху, какъ бы говоря: „и у меня есть изображеніе Бога". Я закивалъ головою и тоже сказалъ: „шанго".

Ѣдемъ мимо китайскаго кладбища. Могилы разбросаны безъ всякаго порядка; но всѣ онѣ одной формы, представляя собою видъ остраго холмика съ плоско-круглымъ камнемъ наверху.

17-ое іюля.

Въ 11 часовъ ночи пріѣхали въ Мукденъ и простояли только полтора часа. Здѣсь насъ извѣстили, что нашъ 17-ый корпусъ расположенъ у Ляояна, и насъ высадятъ на станціи „Янтай", откуда походомъ вся бригада пройдетъ 15 верстъ и остановится въ 7 верстахъ отъ Ляояна въ китайскихъ деревняхъ.

Что творятъ китайцы на вокзалахъ, когда приходитъ поѣздъ, и представить трудно. Какъ только изъ вагона покажется офицеръ съ вещами, тотчасъ къ нему стремглавъ летитъ цѣлая толпа съ крикомъ и начинаетъ вырывать чемоданы. Неопытный пассажиръ прямо теряется и не знаетъ, что дѣлать. Четыре или пять „боевъ" (носильщиковъ) ухватятся сразу за одинъ чемоданъ и съ страшнымъ крикомъ стараются вырвать его другъ у друга; хозяину вещей только и остается, что взять палку, чтобы съ ея помощью выбрать себѣ для услугъ лишь одного изъ нихъ. Между китайцами ходитъ ихъ полицейскій съ палкой; но они его не слушаютъ.

Въ городахъ у вокзаловъ стоятъ извозчики, такъ называемые „дженрикши" или просто „рикши", и предлагаютъ услуги; впрягаясь въ двуколку, рикша везетъ иной разъ не хуже лошади.

Пріѣхали въ Янтай. Высадились. Жара продолжаетъ стоять, доходя до 50°; духота страшная. Второй день мы не просыхаемъ, буквально обливаясь пóтомъ; сидимъ безъ движенія, а ручьи пота текутъ по лицу и всему тѣлу, какъ будто кто льетъ на насъ сверху тепловатую воду. Какъ нарочно, въ колодцѣ вода страшно холодна; соблазнъ превышаетъ солдатское терпѣніе, и, невзирая на запрещеніе, солдаты пьютъ холодную воду, предпочитая быть за ослушаніе наказанными, чѣмъ терпѣть ужасную жажду. Многіе изъ нихъ сидятъ наклонившись, а товарищи поливаютъ имъ головы холодной водой. Я тоже смачиваю себѣ темя.

Собралась бригада, кромѣ шестыхъ эскадроновъ. Разбили бивуакъ. Палатокъ еще не принесли, и я тѣмъ временемъ накрылъ брезентомъ оглобли двуколки, настлалъ подъ нимъ сѣна на землю и улегся въ ожиданіи, когда соберется весь обозъ. Вдругъ узнаю, что рельсомъ придавило одного нашего унтеръ-офицера, и жизнь его въ опасности. Взявъ св. Дары, я поспѣшилъ въ лазаретъ. Болѣе 40 человѣкъ лежало тамъ. Кромѣ унтеръ-офицера, пожелали причаститься еще четверо больныхъ солдатъ. Какъ они были рады! Да и я былъ этимъ очень обрадованъ: и мнѣ хоть небольшую пришлось оказать пользу.

Всесоюзная Библиотека имени В. И. Ленина

Палатки уже разбили; я помѣстился одинъ въ своей палаткѣ, разставилъ кровать и вещи, но сидѣть въ ней почти нельзя вслѣдствіе духоты.

Китайцы лѣзутъ всюду: между лошадьми, къ палаткамъ; любопытны они до крайности: ихъ гонятъ, а они сейчасъ же приползаютъ опять.

Кругомъ видны горы; направо отъ насъ въ 38 верстахъ стоятъ передовыя части арміи генерала Куроки. Нашъ бивуакъ ставитъ на ночь кругомъ сторожевую цѣпь, по 20 человѣкъ отъ каждаго эскадрона. Хотя опасность и близка, но мы до того раскисли отъ жары, до того устали, что лежимъ и лежимъ. Говорятъ, втянемся, привыкнемъ къ такой высокой температурѣ. Дай, Богъ! еще вѣдь два мѣсяца будетъ продолжаться такая духота.

Въ 7 часовъ вечера я предложилъ отслужить для полка обѣдницу, такъ какъ завтра въ 4 часа утра выступленіе. Предложеніе всѣми принято съ большою радостью. Поставили мы съ Михайломъ на столѣ икону, евангеліе и крестъ, зажгли свѣчу; собрались эскадроны, генералъ и всѣ офицеры, и мы среди поля при мерцаніи звѣздъ начали богослуженіе. Прежде всего я сказалъ небольшое поученіе на евангеліе объ укрощеніи Господомъ бури на морѣ, увѣщавая солдатъ вѣровать, что Господь и среди военныхъ бурь, среди сраженій и походныхъ трудовъ, не оставитъ насъ; только надо крѣпко вѣрить и усердно молиться Ему. Пѣли всѣ солдаты. Такъ было умилительно и внушительно это ночное наше служеніе, что слезы сами просились на глаза. Пропѣли царское многолѣтіе, Шефу, 51-му полку и всей 2-ой бригадѣ, и я сталъ обходить ряды воиновъ, благословляя ихъ крестомъ и на ходу ободряя словами.

А между тѣмъ налѣво отъ насъ ясно слышна была канонада; очевидно, въ горахъ шло сраженіе. Въ эту ночь изъ Янтая отправилось туда 3000 человѣкъ пѣхоты.

Кончилась служба; всѣ были рады богослуженію чрезвычайно. А я такъ былъ потрясенъ всей этой картиной, что едва удерживался на ногахъ. Долго буду помнить я это служеніе!

ГЛАВА II.

Ляоянъ-Шахе.

18-ое іюля.

Прошла ночь; кое-какъ пережили. Обливались пòтомъ такъ же, какъ и днемъ. Въ Россіи хоть ночью отдохнешь, а здѣсь до 2 часовъ утра была такая жара, что нитки сухой не осталось на тѣлѣ. Съ 2 часовъ до 5 немного отдохнули: потянулъ небольшой вѣтерокъ, а съ $5^1/_2$ часовъ началась снова жара; мухъ миріады. Невѣроятно-огромное количество мухъ объясняется тѣмъ, что около Янтая всегда днюютъ проходящія войска, оставляющія послѣ себя нѣкоторыя прелести, отъ которыхъ мухамъ одно раздолье. Вечеромъ я зажегъ свѣчу и ужаснулся: вся моя палатка внутри оказалась черной отъ мухъ. Выгнать ихъ была первая мысль; но это одно пустое занятіе: онѣ непобѣдимы.

Всталъ въ 6 часовъ утра, и прямо грустная новость: въ 12 верстахъ отъ насъ убиты рано утромъ два офицера-пограничника. Кто убилъ, японцы или хунхузы, неизвѣстно.

Началось уже потѣніе: рубашку хоть выжми; но сегодня сноснѣе: термометръ показываетъ 45°, а вчера доходило до 52°. Ко всему можно привыкнуть; начинаемъ и мы привыкать потѣть.

Ѣдетъ генералъ и его штабъ. Выстроились эскадроны, кромѣ 6-го. Командиръ полка подходитъ ко мнѣ и беретъ благословеніе на походъ. Взвилась туча пыли; это эскадроны тронулись къ Ляояну. Мы остались ожидать 6-ой эскадронъ, и тогда подъ его охраной весь обозъ пойдетъ догонять полкъ. Настроеніе наше, слава Богу, не угнетенное; стараемся даже шутить и, какъ дѣти, мечтаемъ о томъ блаженномъ днѣ, когда снова сядемъ въ вагонъ для возвращенія въ дорогую Россію къ милымъ лицамъ и мѣстамъ. Но до этого счастливаго дня далеко, охъ какъ далеко! Да будетъ воля Божія надъ нами!

19-ое іюля.

Ночью пришелъ 6-ой эскадронъ. Встали въ 5 часовъ утра и начали выстраивать обозъ; вышелъ огромный поѣздъ, до ста повозокъ. Въ 9½ часовъ благословясь выступили: впереди дозорные, затѣмъ взводъ солдатъ, обозъ и въ хвостѣ остальная часть эскадрона. Сначала я поѣхалъ рядомъ со своей двуколкой, но потомъ проскакалъ впередъ къ сторожевому взводу: меньше пыли. Начинается жара. Надѣемся, проѣхавши 15 верстъ, отдохнуть въ назначенной деревнѣ „Лютонтай". Припекаетъ такъ, что у нѣкоторыхъ уже волдыри вскочили. Мнѣ тоже больно тронуть шею. Буду долго помнить этотъ день; только въ книгахъ читалъ я о походахъ среди зноя, о невыносимой жаждѣ, отъ которой люди сходятъ съ ума, требуя лишь одного: „воды́, воды́". Теперь я и всѣ наши испытали это на себѣ. Жара болѣе 50°, и мы ѣдемъ въ облакахъ пыли. До деревни доѣхали сравнительно хорошо. Пріѣхали на мѣсто въ часъ дня. Какъ манны небесной, ожидали мы фанзы, хотя и вонючей, но все же сколько-нибудь прохладной и чаю. И что же? Эскадроны наши уже посѣдланы, и командиръ полка объявилъ, чтобы мы не распрягались, а чрезъ два часа трогались дальше: нужно было къ вечеру непремѣнно быть въ Ляоянѣ и ѣхать дальше еще версты четыре до штаба корпуса къ бывшему китайскому монастырю, въ зданіяхъ котораго размѣстились наши вмѣстѣ съ лошадьми. Во время боксерской войны 1900 года этотъ монастырь укрывалъ хунхузовъ и въ наказаніе былъ тогда же упраздненъ, а боговъ китайцы унесли.

Ѣдемъ по линіи желѣзной дороги; мнѣ съ лошадью прямо бѣда: страшно пуглива, прыгаетъ; однажды едва не сбросила меня. Проѣзжаемъ деревнями; каждый домъ—своего рода крѣпость: окруженъ высокой глинобитной стѣной, а у богатыхъ каменной съ затѣйливыми фигурными воротами, на концахъ которыхъ головы драконовъ, а на гребняхъ маленькія каменныя собаки. При въѣздѣ въ деревню стоятъ каменные столбы съ головами собакъ и драконовъ, исписанные какими-то іероглифами.

На улицѣ при нашемъ проѣздѣ масса народу, но одни только мужчины; женщинъ же, или, какъ ихъ называютъ китайцы по-русски, „бабушекъ", они прячутъ, и, при всемъ желаніи, съ трудомъ можно увидѣть женщину, а заговорить съ ней почти никогда невозможно. Женщины, которыхъ удавалось видѣть, всѣ отлично причесаны, съ разнородными шпильками, довольно хорошо одѣты. Женъ китайцы прячутъ во внутреннихъ фанзахъ. Главная фанза строится обыкновенно среди двора, а затѣмъ нѣсколько маленькихъ въ закоулкахъ, такъ что, когда войско входитъ на постой въ деревню, то ворота въ дворахъ бываютъ заперты, и на стукъ только тогда отопрутъ, когда хорошо спрячутъ своихъ „бабушекъ".

Смотрѣть тяжело на китайскихъ женщинъ, когда онѣ идутъ. Представьте человѣка, у котораго обрублена половина ступни: какъ онъ идетъ? Вотъ именно такъ ходятъ на своихъ съ дѣтства изуродованныхъ ногахъ несчастныя китаянки.

Интересное зрѣлище представляютъ уличные мальчишки. Они цѣлымъ кагаломъ встрѣчаютъ насъ; почти всѣ голые, прыгаютъ, хлопаютъ въ ладоши, показываютъ намъ большой палецъ, кричатъ и мнѣ „шанго капитанъ“, отдаютъ честь по-солдатски, шаркаютъ, стараются пѣть на мотивъ военныхъ пѣсенъ, даже крестятся; у каждаго, даже самаго маленькаго, заплетена коса. Однимъ словомъ, премилая компанія, и солдаты наши хохочутъ во все горло.

Китайцы почти всѣ безъ бородъ и усовъ. Оказывается, усы можетъ носить китаецъ, только проживъ извѣстное число лѣтъ женатымъ, а бороду носятъ только дѣды, имѣющіе внуковъ.

Передаютъ, что родители, обремененные большими семьями, не прочь бываютъ освободиться отъ лишняго рта и продаютъ своего ребенка. У одного коменданта станціи въ Манчжуріи мы встрѣтили двухъ китайчатъ, прислуживающихъ за столомъ; говоритъ, что купилъ ихъ. По дорогѣ мнѣ говорили, что офицеры Нѣжинскаго полка купили двухъ китайчатъ по семи рублей за каждаго, между тѣмъ какъ осла дешевле 25 рублей китайцы не продадутъ. Мнѣ даже какъ-то не вѣрится: слишкомъ ужъ дики и купля и продажа.

Деревня Лютонтай большая, и намъ пришлось долго ѣхать по ней, пока мы добрались до кумирни, во дворѣ которой помѣщался командиръ полка. Эту кумирню я осмотрѣлъ.

Какъ самая кумирня, такъ и высокая каменная ограда ея очень хорошей постройки. Вообще китайскія постройки только на картинахъ легки и малопривлекательны; въ натурѣ же онѣ очень тяжелы и оригинально красивы, хотя и однообразны, какъ все китайское. Въ кумирнѣ собственно три храма и въ каждомъ по девяти боговъ: три противъ входа и по три по бокамъ. Идолы сдѣланы очень хорошо и пестро раскрашены. Выраженіе лицъ у однихъ спокойное, у другихъ улыбающееся, а у нѣкоторыхъ злобное; приклеены бороды и усы; одѣты китайскіе боги въ національныя одежды, мужскія и женскія, а также въ старинныя военныя. Предъ богами стоитъ жаровня, на которой прихожане 1-го и 13-го числа каждаго мѣсяца возжигаютъ курительныя свѣчи, а на новый годъ у храмовъ устраиваются процессіи, церемоніи, и сжигается масса курительныхъ свѣчей. Храмы содержатся грязно, и слышится запахъ амбара и сквернаго бобоваго масла. Во дворѣ стоитъ невысокая колокольня; на ней одинъ только колоколъ и притомъ съ зубчатыми краями. Предъ входомъ въ храмъ огромныя каменныя собаки или львы—не разберешь; на крышахъ драконы и маленькія собаки чудной работы; карнизы подъ крышами, колонны—все выкрашено въ разные тоны въ родѣ майолика или эмали; дворы вымощены каменными плитами. Жаль только, что все это грязно.

Жара стоитъ страшная; по словамъ доктора, на солнцѣ 52°. Лошадямъ мочатъ головы холодною водою. Мы лежимъ подъ деревомъ. Жажда столь мучительна, что офицеры крѣпились-крѣпились и не выдержали: крикнули вѣстового, и ведро чудной чистой холодной воды очутилось между нами. Всѣ буквально накинулись и выпили почти все ведро. Не стерпѣлъ и я: глотнулъ раза четыре, хотя добрые милые солдаты незадолго передъ тѣмъ палили мнѣ въ мою фляжку изъ своихъ флягъ кипяченой воды, дѣлясь такимъ образомъ со мною самымъ, можно сказать, дорогимъ, что было у нихъ въ это время.

Въ 4 часа поѣхали дальше и въ Ляоянъ прибыли въ $7 \frac{1}{2}$ часовъ вечера. Остановились на берегу прекрасной рѣки Тайдзыхе. Подполк. Букрѣевъ поѣхалъ въ штабъ корпуса узнать, гдѣ стать намъ. Я же магнитомъ потянулся къ рѣкѣ и съ вахмистромъ 6-го эскадрона отлично выкупался. Рѣка кишѣла солдатами и лошадьми артиллеріи. Движутся непрерывно войска всѣхъ родовъ оружія, обозы, вьюки, много муловъ и ословъ.

Стемнѣло. Звѣзды ярко блестятъ. Съ трудомъ переѣхали мы понтонный мостъ и долго блуждали по городу, не находя въ темнотѣ своего мѣста; все движется кругомъ, все кричитъ и, къ глубокому сожалѣнію, крѣпко ругается. Только въ часъ ночи мы пріѣхали на бивакъ. Ѣхали въ такой пыли, что я едва дышалъ черезъ носъ.

Насъ помѣстили пока при штабѣ 17-го корпуса, а полкъ раздѣлили по частямъ. Меня будутъ требовать по мѣрѣ надобности. Первымъ моимъ дѣломъ было вымыться: во рту все высохло и покрылось пылью, такъ что вздохнуть глубоко нельзя было. О, счастіе! чистая, холодная вода, и я лью-лью ее на себя безъ конца, этотъ жизненный элексиръ. Спасибо Чепурину[1]): онъ напоилъ меня чаемъ и накормилъ горячей пищей, а то за весь день я съѣлъ только кусочекъ хлѣба и одно яйцо. Слава Богу, можно лечь.

На каменномъ полу паперти храма мы съ Алалыкинымъ[2]) поставили койки, выпили краснаго вина, присланнаго нашимъ заботливымъ Шефомъ Великой Княгиней, и, вспоминая пережитыя лишенія и понесенные труды, хотѣли уже расправить усталые члены подъ звѣзднымъ темнымъ небомъ, какъ вдругъ голосъ проснувшагося сосѣда предупреждаетъ насъ: „Господа! здѣсь много скорпіоновъ: будьте осторожны; мы уже нѣсколькихъ поймали; постелите на кровати бурки: они шерсти боятся, и тогда спите покойно". Господи! только бы уснуть, отдохнуть, а тутъ скорпіоны... Постлали бурки и только въ 3-мъ часу наконецъ улеглись. А въ 5 часовъ, по всей вѣроятности, придется уже встать: жара и мухи не дадутъ спать.

[1]) Офицеръ.
[2]) Ветеринарный врачъ.

20-ое іюля.

Прошелъ вчерашній трудный день. И какая разница сравнительно съ прошлымъ годомъ! Тогда въ этотъ день я былъ въ Саровѣ, счастливый... А теперь? теперь исполняются слова препод. Серафима, сказанныя мнѣ во снѣ о перемѣнѣ моей жизни: „тогда я тебѣ укажу". И вотъ въ день своего прославленія Преподобный указалъ мнѣ, что я долженъ перетерпѣть труды и лишенія военно-походной жизни. Раньше были, какъ говорится, „цвѣтики"; но день 19-го іюля—это первый день настоящаго похода, настоящаго страданія. Въ то же время вижу и вѣрю, что, по молитвамъ св. Серафима, я буду живъ и здоровъ.

Всталъ около 6 часовъ утра и скорѣе перебрался въ пустую, но прегрязную келью китайскихъ монаховъ-бонзъ. Частью со мной, частью въ сосѣдней комнатѣ поселились еще Букрѣевъ, Алалыкинъ, дѣлопроизводитель, Бузиновъ и Шауманъ[1]). Боимся скорпіоновъ, но приняли мѣры и теперь покойны; шутимъ, обильно потѣемъ и уже мечтаемъ объ обѣдѣ. Поставили пустой ящикъ—это нашъ обѣденный столъ.

Вотъ и обѣдъ готовъ; подсѣли къ самодѣльному столу и прекрасно пообѣдали. По случаю праздника былъ куриный супъ изъ консервовъ и битки; все показалось очень вкуснымъ. Чай, конечно, не сходитъ со стола.

Что-то заволновался нашъ штабъ; всѣ высыпали... Что это? Убитаго генерала Келлера везутъ. Простой черный гробъ; запыленная печальная пѣхота уныло идетъ за гробомъ. Умеръ генералъ истиннымъ героемъ: умно и храбро командовалъ боемъ, ободрялъ солдатъ, офицеровъ; вдругъ разорвалось ядро, и одинъ осколокъ попалъ въ Келлера. Онъ опустился на руки подскакавшаго офицера и съ словами: „охъ, тошно мнѣ; братцы, не отступайте" чрезъ 20 минутъ скончался.

Японцы сильно наступаютъ, приближаются къ Ляояну; теперь бои идутъ почти непрерывно; то и дѣло тянутся обозы-арбы съ ранеными.

Отъ жары и духоты напала какая-то апатія; ходимъ, какъ сонные. Да и, на самомъ дѣлѣ, мы мало спимъ: не больше четырехъ часовъ въ сутки.

Разные слухи носятся про японцевъ и русскихъ, самые противорѣчивые; не знаю, чему вѣрить.

Въ 2 ч. 10 мин. дня начался бой на позиціяхъ около Ляояна; ясно слышалась канонада, но скоро прекратилась.

Вечеромъ пошли осматривать городъ. Ляоянъ очень большой, окруженъ огромными толстыми каменными стѣнами съ пятью воро-

[1]) Офицеры.

тами. Въ немъ много кумиренъ, нѣсколько торговыхъ улицъ, сплошь занятыхъ разнообразными магазинами, банками, театрами, цырюльнями. Очень оригинальны эти торговыя улицы: узкія, немощеныя, но обильно политыя водою, которую китайцы плескаютъ прямо изъ чашекъ. Какъ флаги, болтаются вывѣски съ іероглифами. На перекресткахъ стоятъ высокіе столбы въ видѣ точенаго каменнаго обелиска съ надписями или наподобіе дерева; только вмѣсто вѣтвей —вызолоченные драконы, змѣи.

Въ одинъ магазинъ-банкъ насъ пригласили любезные хозяева, провели во внутренній дворъ, весь вымощенный плитами и уставленный растеніями; посреди двора акваріумъ съ рыбками. Внутри двора еще три дома: два жилые, а въ третьемъ помѣщается домашняя моленная. Сынъ хозяина былъ такъ добръ и любезенъ, что пригласилъ насъ и туда, досталъ боговъ, курительныя свѣчи, все показалъ. Мы ему сказали „спасибо", что китайцы хорошо понимаютъ.

Идемъ по улицѣ. Масса народу. Важно шествуютъ городскіе щеголи, тщательно выбритые; косы блестятъ, и въ нихъ вплетены шелковые косники; на нихъ широкіе синіе шаровары и что-то въ родѣ длинной синей рубахи; на ногахъ бѣлые чулки и черныя туфли; въ рукахъ вѣеры; идутъ, небрежно болтая; имъ уступаютъ дорогу.

Ѣдутъ двуколки, запряженныя мулами, крытыя, со стеклянными окнами, съ занавѣсками; въ нихъ возсѣдаютъ важные „купезы". Лишь только останавливается двуколка, возница соскакиваетъ съ нея, подставляетъ скамеечку и подъ руку высаживаетъ купезу. Его привѣтствуютъ прохожіе, присѣдая, и онъ нѣкоторымъ изъ нихъ, болѣе почетнымъ, отвѣчаетъ тѣмъ же.

На улицахъ довольно много полицейскихъ, которые стоятъ въ синихъ короткихъ курткахъ съ бѣлымъ кружкомъ на груди, испещреннымъ письменами объ обязанностяхъ полицейскаго; въ рукахъ палка, на которую насажено копье и красный флагъ.

Шумъ, крикъ; воняетъ чѣмъ то прокислымъ, такъ что прямо тошнитъ. Купезы сидятъ за прилавками, обмахиваясь вѣерами и услаждаясь пѣніемъ любимаго китайскаго соловья—простого громаднаго зеленаго кузнеца-сверчка, который сидитъ въ клѣткѣ надъ головой купезы и оглушительно чирикаетъ.

На улицѣ сидятъ доктора на корточкахъ и ожидаютъ паціентовъ; ими тутъ же производится осмотръ больныхъ и лѣченіе.

Гремитъ китайская музыка; это несутъ умершаго. Странное зрѣлище: огромный гробъ-колода, впереди него цѣлая процессія—несутъ огромныхъ бумажныхъ драконовъ, муловъ, змѣевъ, фонари, и дикая музыка завываетъ подъ громъ барабана.

Возвращаясь обратно, мы заходили въ полицейскую часть. Она представляетъ собою очень большой дворъ, обнесенный высокою каменной стѣной. Внутри двора множество грязныхъ фанзъ; это тюрьмы. Сегодня въ нихъ хунхузы. На дворѣ лежатъ штукъ двадцать собакъ,

обязанность которыхъ не только сторожить преступниковъ, но и подлизывать ихъ кровь послѣ казни.

Подходитъ бонза, подаетъ мнѣ руку и показываетъ мимикой, что и онъ такой же служитель Неба, какъ и я.

Вернулись въ кумирню. На площадкѣ храма увидѣли толпу нашихъ въ возбужденномъ состояніи; оказалось, поймали скорпіона... Послѣ въ этотъ вечеръ въ кумирнѣ убили еще трехъ скорпіоновъ. Прежде, чѣмъ лечь спать, я опять накрылъ кровать буркой.

21-ое іюля.

Полкъ нашъ перевели на самыя передовыя позиціи въ 9 верстахъ отъ японцевъ и раздѣлили на четыре части.

Жара прежняя и все то же. Скука смертельная. Если не будетъ дѣла въ полку, то буду проситься въ госпиталь пріобщать больныхъ.

Сегодня ночью патронная двуколка опрокинулась и сильно раздавила нашего солдата. Иду въ обозъ пріобщить его; лежитъ онъ на землѣ подъ двуколкой; я сталъ на колѣни рядомъ, св. Дары поставилъ на чемоданъ и такимъ образомъ поисповѣдалъ и причастилъ его. Какъ онъ былъ радъ! До чего доводитъ война! Думалъ ли я когда-нибудь пріобщать больныхъ прямо на землѣ, почти на навозѣ, среди лошадей? Заодно причастилъ заболѣвшаго кузнеца Зотова. Обоихъ больныхъ отправили въ лазаретъ.

Японцы сильно насѣдаютъ; ходятъ упорные слухи о дальнѣйшемъ отступленіи. Что жъ? унывать не будемъ, а лучше вѣрить, что это мы ихъ заманиваемъ все дальше, чтобы отрѣзать врагу отступленіе.

22-ое и 23-ье іюля.

Слышу, слабо доносится какъ-будто звонъ церковный. Говорятъ: „это звонятъ въ вокзальной церкви". Возрадовался я и поспѣшилъ въ церковь. Сегодня высокоторжественный день. Идутъ на парадъ войска, великій князь Борисъ Владимировичъ, генералы, офицеры, иностранные военные агенты. Командующаго арміей генерала Куропаткина нѣтъ: онъ отбылъ въ Хайченъ, который наши оставляютъ, чтобы сконцентрироваться вокругъ Ляояна, гдѣ ожидается на дняхъ великая битва, отъ которой многое-многое будетъ зависѣть. Господи, помоги намъ! Боже, пошли намъ скорый и прочный миръ!.. Началось богослуженіе; я сталъ сзади съ солдатами; невыразимо отрадно было помолиться.

Живемъ въ грязныхъ неудобныхъ помѣщеніяхъ. Иконъ повѣсить никакъ невозможно по причинѣ невѣроятнаго количества мухъ.

Отъ мухъ и духоты мало спимъ. При такихъ условіяхъ жизни, право, не трудно и одурѣть.

Идетъ чиновникъ контроля блѣдный, взволнованный и говоритъ, что онъ только что сдѣлался случайно свидѣтелемъ смертной казни: прямо на улицѣ около полицейскаго дома отрубили головы двумъ молодымъ китаянкамъ за прелюбодѣяніе; головы ихъ въ грязномъ мѣшкѣ брошены на улицѣ, чтобы проходящіе поучались супружеской вѣрности. Вотъ въ какой странѣ мы сейчасъ находимся! И когда только Господь приведетъ намъ выбраться отсюда?

Весь день 23-го никуда не выходилъ. Пришли слухи, будто бы нашъ 3-й эскадронъ взялъ въ плѣнъ 27 хунхузовъ. Полкъ нашъ ушелъ въ горы.

25-ое іюля.

23-ье и 24-ое іюля прошли не только безъ происшествій, но даже томительно скучно. Побывавши разъ въ городѣ, другой разъ не тянетъ.

Вчера ко всенощной, а сегодня къ св. литургіи мы съ корпуснымъ ветеринаромъ ходили въ церковь главной квартиры. Стоялъ я въ задней части церкви, и пришлось невольно сдѣлать наблюденіе. Какъ приподнято у всѣхъ религіозное чувство! Вотъ въ углу вмѣстѣ съ солдатами стоятъ два генерала и усердно молятся; одинъ почти половину службы простоялъ на колѣняхъ. Рядомъ солдатъ, не обращая вниманія на генерала, усердно кладетъ земные поклоны. Церковь полна. Офицеры и солдаты всѣхъ родовъ оружія—запыленные и загорѣлые; на всѣхъ лицахъ печать какой-то серьёзности, немножко грусти; каждый какъ-будто къ чему-то великому готовится. И это одинаково у всѣхъ, высшихъ и низшихъ. Женщинъ нѣтъ; только двѣ-три сестры милосердія, тоже запыленныя, загорѣлыя, обносившіяся. Во время запричастнаго пошелъ офицеръ съ тарелкой; и посыпалось серебро, бумажки—цѣлый ворохъ! Каждый клалъ щедрой рукой, какъ бы говоря: „лучше пусть Божьему храму достанется, чѣмъ, если убьютъ, басурманину". Человѣкъ сто солдатъ было причастниковъ. Церковникъ, выйдя на амвонъ, внятнымъ голосомъ и вдохновенно прочиталъ молитвы ко св. причащенію. Въ душѣ что-то клокотало, дыханіе участилось, слезы навертывались на глаза, и я едва не разрыдался. Дà, трудно забыть картину: „Молитва и причащеніе воиновъ предъ смертнымъ боемъ".

Ночью лилъ страшный дождь, и площади Ляояна превратились въ непроходимыя зловонныя болота. Идемъ изъ храма гуськомъ, пробираясь одинъ за другимъ, и вдругъ зрѣлище: посреди площади-болота застрялъ обозъ Краснаго Креста, и на одной изъ двуколокъ съ двумя больными сидитъ на козлахъ и правитъ лошадью сестра милосердія. А вотъ еще: ѣдетъ цѣлый поѣздъ рикшъ, на которыхъ

сидятъ офицеры. Угнетающее впечатлѣніе производятъ на меня эти люди-лошади: бѣжитъ рикша, тяжело дышитъ, льетъ потъ, выраженіе лица страдальческое, а въ экипажѣ сидитъ подобный ему человѣкъ. Я не рѣшился сѣсть ни разу. Особенно тяжелое впечатлѣніе оставилъ во мнѣ одинъ офицеръ громаднаго роста; развалившись въ экипажѣ, онъ хлыстомъ тыкалъ усталаго рикшу въ спину, приговаривая: „ну, лошадь, запузыривай!“ И бѣдняга, хотѣвшій немного пройтись, чтобы вздохнуть, снова бѣжитъ. Зато врачи утверждаютъ, что добрая половина рикшъ страдаетъ сердцемъ. Теперь рикши много зарабатываютъ.

Дѣлясь впечатлѣніями, мы кое-какъ добрались до своей „кумирни сорока боговъ“, и остальное время дня прошло попрежнему скучно, однообразно. Подъ вечеръ небо заволокло тучами, разразилась гроза, и хляби небесныя, разверзшись, пролили на насъ море воды.

26-ое, 27-ое и 28-ое прошли скверно: мы всѣ болѣли лихорадкой; теперь съ погодой оправились.

29-ое іюля.

Вотъ уже десять дней прожили мы въ ляоянской кумирнѣ сорока боговъ въ пріятномъ обществѣ чиновниковъ контроля и казначейства 17-го корпуса и ветеринара Пемова. Ежедневно другъ у друга пили чай, бесѣдовали и вмѣстѣ тосковали по родинѣ и близкихъ, каждый разъ прибавляя: „хоть милліонъ дай, а жить и служить въ этой странѣ ни за что не остался бы“.

Зовутъ обѣдать. Кстати объ обѣдахъ. Это время мы прекрасно питались: столъ отъ собранія сервировали на открытомъ воздухѣ, и поваръ отлично готовилъ пищу. Если бы не духота, вонь и сырость да если бы не вѣчный страхъ предъ скорпіонами, то можно бы было за это время хорошо отдохнуть.

Сѣли обѣдать. Подаютъ телеграмму отъ 4-го эскадрона: „При рекогносцировкѣ рѣки Тайцзыхе утонулъ корнетъ Гончаровъ“. Какъ громомъ, поразила насъ эта вѣсть. Первая жертва нашего полка пошла ко Господу; кто-то будетъ второю, третьей?! Сохрани, Боже. Тѣла Гончарова не нашли; только поймали фуражку. Завтра пойду въ эскадроны, отслужу панихиду и молебенъ, а то давно уже не молились.

Ходилъ къ главному полевому священнику; онъ далъ мнѣ совѣты и между прочимъ сообщилъ грустную новость: во время сраженія убитъ священникъ Тамбовскаго полка о. Любомудровъ.

30-ое іюля.

Кончилось наше ляоянское сидѣнье; полученъ приказъ передвинуться въ деревню Цзюцзаюаньцзы.

Мы съ Михаиломъ осѣдлали коней и въ сопровожденіи конвоя въ два часа дня выѣхали въ деревню Шичецзы, гдѣ стоятъ 3-й и 4-ый эскадроны, чтобы отслужить тамъ молебенъ, а также и панихиду по корнетѣ Гончаровѣ, а оттуда уже ѣхать на соединеніе съ обозомъ.

Проѣхали безконечный Ляоянъ, выѣхали за стѣну и начали переправу чрезъ несчастную рѣку Тайцзыхе по понтонному мосту. Слѣзли съ коней, ведемъ въ поводу. Мостъ очень длинный, узкій, и каждую минуту ожидаешь, что вотъ-вотъ его разорветъ: такъ неимовѣрно быстро отъ дождей мчится вода [1]). Вчера на бродѣ перевернуло четыре пѣхотныхъ двуколки, и два солдата утонули. Слава Богу, мы перешли, сѣли на коней и поѣхали дальше.

Не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ моста видимъ опять рѣку, не широкую, но очень бурную; образовалась тоже отъ дождей. Послалъ впередъ унтеръ-офицера; оказалось, неглубоко, немного выше колѣнъ. Гуськомъ одинъ за другимъ переѣхали. Странное чувство испытывалъ я во время этой переправы: подъ ногами несутся волны, и, какъ только взгляну внизъ, такъ сейчасъ же голова начинаетъ кружиться, и появляется позывъ къ тошнотѣ. Высокіе сапоги сослужили мнѣ здѣсь хорошую службу.

Ѣдемъ далѣе среди полей чумизы, гаоляна, бобовъ. Гаолянъ —удивительное растеніе: выше всадника на аршинъ. Я срѣзалъ стебель; оказалось 5 аршинъ и 2 вершка. Гаолянъ—излюбленное мѣстопребываніе хунхузовъ.

Навстрѣчу намъ ѣдутъ китайскія арбы, нагруженныя женщинами. Это китайцы, предвидя сраженія и разореніе, перевозятъ своихъ женъ и дѣтей на сѣверъ по направленію къ Мукдену. При встрѣчѣ съ нами рѣдкая китаянка посмотритъ на насъ, а большинство или закроется вѣеромъ, или отвернется. Жаль мнѣ ихъ: ни въ чемъ неповинныя существа должны бросить свои гнѣзда, свои такъ тщательно воздѣланныя и любимыя поля и бѣжать съ нѣсколькими мѣшками гаолянной муки и бобовъ, чтобы вернуться потомъ къ пустынному пепелищу.

Вотъ раздается визгъ и свистъ кнута: арба застряла, животныя выбились изъ силъ, а ѣхать надо—сзади русскіе обозы, дай дорогу. Да и надо дать: вѣдь обозы везутъ хлѣбъ и мясо на позиціи солдатамъ, которые, можетъ-быть, подъ дождемъ день-два ничего не ѣли; минута дорога. Вотъ лежитъ на дорогѣ оселъ, издыхаетъ. Бѣдное животное! Обычно оселъ несетъ три-четыре пуда, а теперь на него взвалили восемь пудовъ, да грязь до колѣнъ: не выдержалъ, палъ.

Ѣдемъ по деревнѣ. Кумирня была, вѣроятно, хорошая, а теперь —одно разореніе: боги разбиты въ куски, которые валяются на полу, какъ соръ; двери ободраны, поломаны; колоколъ разбитъ... Чье это

[1]) Этотъ мостъ черезъ два дня разорвало.

дѣло? Одни говорятъ, что это—дѣло рукъ казаковъ; другіе валятъ вину на хунхузовъ; а третьи разсуждаютъ такъ: „вѣдь здѣсь война; это обычно; да къ тому же позиціи близко: можетъ-быть, и японцы побывали“. Можетъ-быть, это и *обычно* на войнѣ, но у меня сердце сжимается отъ этой *обычности*, если только такъ можно выразиться. Значитъ, и Успенскій соборъ Наполеонъ имѣлъ основаніе обратить въ конюшню? вѣдь тогда тоже была война, и такое превращеніе было обычно!

Въ $4^1/_2$ часа пріѣхали благополучно въ деревню Шичецзы. Вошелъ я въ фанзу, квартиру офицеровъ Бодиско и Легейды, съ которыми жилъ и Гончаровъ; собрались другіе офицеры. И что же? Многіе плачутъ, вспоминая погибшаго товарища. Давали сто рублей китайцамъ, чтобы отыскали тѣло нашего первомученика. Но тѣла не нашли; подполковникъ Чайковскій привезъ только всплывшую его фуражку.

Солдаты вымели дворъ фанзы, выгнали противныхъ китайскихъ черныхъ свиней, набросали вѣтвей, травы; собрались 3-ій и 4-ый эскадроны при полной боевой амуниціи; унтеръ-офицеръ съ иконой сталъ впереди...

Охъ, картина: въ далекой Манчжуріи, вмѣсто храма—на дворѣ китайской фанзы собрались христіанскіе воины помянуть молитвой и вѣчной памятью погибшаго при выполненіи своего долга и присяги товарища.

И грустно было намъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ напало на насъ что-то въ родѣ воодушевленія; каждый взоромъ говорилъ: „что жъ? и я исполню свой долгъ, когда придетъ часъ мой“.

Я облачился въ ризы Великой Княгини, взялъ въ руки ея же крестъ и, обратившись къ солдатамъ, сказалъ въ поученіе нѣсколько словъ, приглашая ихъ послѣ усердной молитвы за усопшаго воодушевиться его примѣромъ и безъ страха итти на поле брани, памятуя о долгѣ и присягѣ, какъ ихъ исполнилъ корнетъ Гончаровъ. „А потому намъ, живымъ“, сказалъ я въ заключеніе: „необходимо, помянувши умершаго, попросить себѣ у Господа благодатной помощи; а для этого послѣ панихиды отслужимъ молебенъ“.

„Благословенъ Богъ нашъ...“, возгласилъ я.

„Аминь“, дружно подхватили солдатики.

И полилось наше чудное священное пѣніе панихиды на китайскомъ дворѣ. Быть-можетъ, маловато было гармоніи въ пѣніи; но, гдѣ ея не хватало, тамъ ее восполняли необычайная обстановка священнодѣйствія и общее наше воодушевленіе.

Смотрю я во время молебна на небо, и хочется мнѣ представить, что это мы поемъ тамъ, на родинѣ... Да, Господь вездѣ; вездѣ Его возможно славить. Вотъ и здѣсь мы молились и горячо молились; китайцы даже притихли, съ удивленіемъ наблюдая изъ своихъ фанзъ за нашимъ богослуженіемъ.

Окончили молебствіе, вошли въ фанзу и за чашкой чаю еще разъ вспомнили подробности гибели Гончарова.

Унтеръ-офицеръ изъ его разъѣзда такъ разсказываетъ:

— Подъѣхали мы къ рѣкѣ Тайцзыхе. Ее перейти надо. Вижу: вода бушуетъ. Поѣхалъ, попыталъ—никакъ невозможно. Докладываю его благородію, что молъ никакъ невозможно. А они мнѣ: „коли офицеръ приказываетъ, такъ, значитъ, можно“. И съ этими словами они первые въѣхали въ рѣку. Не успѣли мы и глазомъ моргнуть, какъ вода перевернула его лошадь три раза. Побарахталась она, выплыла; а баринъ нашъ даже и не вынырнулъ ни разу. Бросились искать мы да съ той стороны 150 казаковъ; не нашли. Видно, тѣло водой унесло.

Корнетъ Раевскій передалъ, что предъ отправленіемъ въ разъѣздъ Гончаровъ говорилъ: „Мнѣ кажется, я сегодня увижу папу и маму“. Предчувствіе сбылось. Фуражку Гончарова и дневникъ я взялъ себѣ, чтобы переслать ихъ его сестрамъ.

Осѣдлали коней. Мнѣ дали десять человѣкъ конвоя: надо проѣхать восемь верстъ среди двухъ стѣнъ гаоляна. Ѣдемъ, разговариваемъ. Одинъ солдатъ вдругъ задаетъ вопросъ:

— Батюшка! а правда ли, что и теперь бываетъ—горы растутъ? Вотъ у насъ въ горахъ споръ вышелъ; одни говорятъ: „растутъ“, а унт.-офицеръ Власовъ, что библію прочиталъ, забожился, что отъ Рождества Христова ни одной горы не выросло.

Пришлось объяснить устройство земли и образованіе горъ.

Встрѣтили китайца-христіанина съ большимъ мѣднымъ крестомъ на груди. Указывая на него, онъ твердилъ: „католикъ, Езусъ Христусъ, Марія“; а, увидѣвши у меня на груди крестъ, обрадовался и быстро заговорилъ: „па̀теръ, па̀теръ“. Онъ показалъ намъ дорогу.

Встрѣчается много китайцевъ во всемъ бѣломъ; значитъ, въ глубокомъ траурѣ. О, эти ужасы войны! помоги, Боже, терпѣливо перенести ихъ!

Пріѣхали въ свою новую стоянку уже вечеромъ, когда было темно. Подошелъ обозъ, и мы расположились прямо на бобовомъ полѣ. Едва дождался я палатки и кровати; свалился, какъ убитый.

Слава Богу, въ этотъ день и я былъ полезнымъ членомъ арміи: я служилъ и молился съ солдатиками, видѣлъ, какъ имъ было пріятно помолиться и какъ они ободрились. Если буду здоровъ, постараюсь объѣзжать эскадроны.

31-ое іюля, 1-ое, 2-ое, 3-ье, 4-ое и 5-ое августа.

Утромъ я едва поднялся съ кровати: слабость, боль въ костяхъ, тошнота. Очевидно, пришла и моя очередь поболѣть манчжурской лихорадкой; всѣ вѣдь наши уже переболѣли, одинъ я отсталъ.

Рѣшили перейти съ этого неудобнаго бивака. Николай Владим. [1]) нашелъ на берегу озерца подъ деревьями хорошее мѣстечко, куда къ 11 часамъ утра и переѣхали. Разбили палатки въ тѣни деревьевъ. Почти рядомъ линія желѣзной дороги; бѣгутъ поѣзда въ.... Россію, и мы грѣшные, какъ дѣти, мечтаемъ и представляемъ себѣ, будто мы сидимъ въ вагонѣ у окошечка и катимъ на милую родину; съ каждымъ поворотомъ колеса мы ближе къ вамъ. Но прошелъ поѣздъ; оглянулись... — палатки, кони, фуры, китайцы, грязь... Вздохъ и шопотомъ молитва.... Да будетъ воля Божія надъ нами! Господь все устроитъ.

Сегодня закончился 33-ій годъ моего земного бытія, и насталъ 34-ый. Благослови, Господи!

Часовъ до 4-хъ была хорошая погода; я тѣмъ не менѣе сильно разболѣлся и лежалъ въ палаткѣ. Предполагали служить всенощную; не смогъ.

Часовъ съ 5 пошелъ сильный дождь. Сразу все превратилось въ липкую грязь; льетъ, не переставая. Подъ дождь и улеглись. Палатка наша долго терпѣла, потомъ стала немного протекать: кругомъ закапало, стало сыро. Въ палатку залѣзли спасаться масса мухъ, козявокъ, пауковъ, двухвостокъ. Я лежалъ въ сапогахъ и одеждѣ, укрывшись еще одѣяломъ и непромокаемымъ плащомъ, и всю ночь промучился отъ страшной головной боли. День 1-го августа былъ для меня самый трудный: была рвота, температура доходила до 39°. Спасибо Великой Княгинѣ: ея лѣкарство „отъ маляріи“ спасло меня. Весь день ни одной крошки не ѣлъ, пилъ по глотку холодный чай. Ксенофонтъ и Михаилъ не отходили отъ меня, искренно сокрушаясь. Благодареніе Господу, болѣзнь моя оказалась обыкновенной здѣшней лихорадкой, и 2-го августа я сталъ оправляться, а 4-го былъ уже совершенно здоровъ.

Здѣсь страшно трудно достать что-либо изъ съѣстного: все занято войсками, такъ что намъ и фанзъ не хватило. И вотъ Ксенофонтъ вдругъ куда-то исчезъ; оказывается, онъ, забывъ совершенно о разныхъ хунхузахъ, обошелъ окрестныя деревни и досталъ-таки двухъ маленькихъ цыплятъ, о чемъ, явившись, онъ съ торжествомъ и объявилъ. Въ свою очередь и Михаилъ тоже отличился: онъ также вдругъ пропалъ, и отъ Ксенофонта я узналъ по секрету, что Михаилъ, зная, какъ я люблю лимоны, сѣлъ въ поѣздъ и уѣхалъ за ними за 50 верстъ въ.... Мукденъ (въ Ляоянѣ ихъ нѣтъ). Вечеромъ 2-го августа Михаилъ дѣйствительно привезъ 10 свѣжихъ лимоновъ и нѣсколько мягкихъ булокъ. Да, вотъ любовь! Спасибо имъ, этимъ истинно добрымъ душамъ; участіе ихъ до глубины души трогало меня.

[1]) Подполк. Букрѣевъ.

Съ 31-го іюля и до 5-го августа дождь лилъ непрерывно. Все у насъ промокло, отсырѣло, заплѣсневѣло: палатки, погребцы, бѣлье, сапоги, кровати — все зеленое. У меня осталось немного сухарей; такъ они сдѣлались снова хлѣбомъ: какъ-будто и не сохли никогда. Перья въ погребцѣ заржавѣли. Со страхомъ и трепетомъ открылъ я дароносицу.... И что же? св. Дары, къ моему глубокому удивленію и радости, не зацвѣли. Видно, Господь хранитъ. Озера и рѣки разлились и слились съ дорогами, превратившимися въ рѣки. Вблизи насъ шла хорошая сухая дорога (здѣсь всѣ дороги въ углубленіи); теперь она представляетъ собою рѣчку, и наши солдаты около своей телѣги поймали рыбу-красноперку. Я самъ это видѣлъ. Дѣлопроизводитель и адъютантъ живутъ въ одной палаткѣ. Пошли они къ писарямъ. Въ это время вдругъ прорвалась вода и затопила ихъ палатку. Когда они пришли, то насладились очень интереснымъ зрѣлищемъ: ихъ погребцы, чемоданы, подушки, туфли плавали по водѣ. Мы спаслись благодаря только тому, что наша палатка стояла повыше, на холмикѣ. Передъ нашимъ бивакомъ перевернулась одна фура: лошадь упала и чуть было не погибла, барахтаясь въ водѣ и захлебываясь.

Прошли мимо насъ на позиціи Воронежскій и Козловскій пѣхотные полки. Господи, что это за зрѣлище! Это было прохожденіе 6000 мучениковъ. Они уже больше года здѣсь: обносились, оборвались; ни погоновъ нѣтъ ни у кого, ни шинелей, ни сумокъ, ни бѣлья; что на себѣ только, то и есть; остальное побросали при отступленіи съ позиціи. Многіе въ старыхъ шляпахъ вмѣсто фуражекъ, въ шапкахъ, драныхъ поддевкахъ; у нѣкоторыхъ головы обвязаны тряпками; много босыхъ, въ опоркахъ; лица блѣдны; въ одной рукѣ ружье, въ другой палка. Они ужъ не разъ сражались. Шагаютъ подъ проливнымъ дождемъ, переходятъ по поясъ въ водѣ дорòги-рѣчки. И однако унынія никакого не замѣтно: идутъ, шутятъ, острятъ другъ надъ другомъ, смѣются. Истинные герои! Часа три продолжалось это прохожденіе. Офицеры идутъ тутъ же наравнѣ съ солдатами. Первый разъ въ жизни я увидѣлъ такое ужасное зрѣлище.

Дождь, слава Богу, прекратился, и мы немного обсохли. Но вотъ горе: разболѣлся Михайло, и его отправили въ госпиталь въ Ляоянъ. Хочу взять на время церковникомъ Савву Шевченко.

6-ое августа (дер. Цзюцзаюаньцзы).

Ночь была страшно холодна. Нельзя повѣрить, что нѣсколько дней назадъ жара здѣсь превышала 40°. Небо покрыто тучами; подулъ вѣтеръ. Очевидно, природа борется; и у насъ многіе того мнѣнія, что дожди оканчиваются.

Всталъ въ 7 часовъ и поскорѣе пошелъ выбрать мѣсто для богослуженія. Нашелъ приличное мѣстечко среди гаоляна подъ развѣсистыми деревьями. Солдаты выровняли лопатами борозды, вымели, принесли столъ. Я накрылъ его скатертью, поставилъ иконы, евангеліе, крестъ. Въ 10 часовъ собрались генералъ, командиръ полка, офицеры, чиновники 17-го корпуса и много солдатъ. Пѣлъ хоръ чиновниковъ. Очень торжественно подъ открытымъ небомъ прославили мы преобразившагося Господа.

Послѣ „Отче нашъ" я говорилъ проповѣдь о томъ, что, благодаря соединенію въ Іисусѣ Христѣ божескаго естества съ человѣческимъ, это послѣднее просвѣтилось. Посему нужно и намъ, послѣдователямъ Христа, имѣющимъ немощное естество, стараться всѣми силами соединить его съ Богомъ Іисусомъ Христомъ, твердо, во-первыхъ, *вѣруя*, что Онъ вездѣ съ нами и готовъ войти въ насъ, чтобы просвѣтить, очистить, оживотворить немощное естество наше; во-вторыхъ, точно *исполняя заповѣди* Его, чтобы удостоиться великой чести соединенія съ Нимъ; въ-третьихъ, горячо *молясь* Господу и прося Его войти въ насъ и, наконецъ, въ-четвертыхъ, возможно чаще *прибѣгая къ св. таинствамъ*, чрезъ которыя только и возможно наше соединеніе съ Господомъ. Эти наши труды въ единеніи съ силою и святостью вселившагося въ насъ Бога сдѣлаютъ то, что и мы *преобразимся* изъ грѣшныхъ въ оправданныхъ, изъ немощныхъ во всемощныхъ при укрѣпляющемъ Іисусѣ.

Всѣ прикладывались ко кресту, выражая духовную радость, что по-христіански встрѣтили великій праздникъ, молитвою.

Убрали все. Напился чаю и приказалъ сѣдлать „друга": рѣшилъ ѣхать въ 3-ій и 4-ый эскадроны, чтобы и тамъ помолиться. Со мной поѣхалъ Букрѣевъ и два солдата. Ѣхать пришлось верстъ шесть по невылазной грязи. Выбирая мѣста сверху дороги, мы кое-какъ къ часу дня благополучно добрались до деревни Шичецзы. Сейчасъ же очистили дворъ китайской фанзы, устлали травой и при общемъ пѣніи отслужили и здѣсь обѣдницу. Проповѣдь говорилъ ту же, что и у себя.

Вотъ когда ясно видно, какъ утѣшительно наше богослуженіе; не говорю про солдатъ, офицеры подходили ко мнѣ и съ неподдѣльною радостью говорили: „Какъ хорошо, что вы пріѣхали! истосковались мы, теперь отдохнули". Непремѣнно поѣду въ остальные эскадроны да и съѣздилъ бы уже, если бы не дожди и рѣки.

Послѣ богослуженія собрались всѣ въ фанзу ротмистра Витковскаго, пообѣдали и сердечно побесѣдовали часикъ за чашкой чая. Въ 4 часа выѣхали обратно, благополучно доѣхали, и день закончился. Слава Богу! я счастливъ, что пришлось послужить сегодня.

7-ое и 8-ое августа.

Сегодня памятный день особенно по моему дѣтству. Какъ я любилъ этотъ день, день открытія мощей св. Митрофанія! Иду бывало въ церковь; послѣ обѣдни отстою молебенъ. Папаша поздравляетъ меня съ днемъ ангела и, цѣлуя, даетъ просфору. Святымъ онъ мнѣ тогда казался, а храмъ возбуждалъ сильнѣйшее благоговѣніе, представляясь мнѣ какимъ-то раемъ, небомъ. Что храмъ! даже караулка и сторожъ Доръ Иванычъ являлись для меня чѣмъ-то особеннымъ. Бывало войдешь въ храмъ одинъ (я очень любилъ одинъ быть въ храмѣ), такъ сейчасъ трепетъ и охватитъ меня, не трепетъ страха, нѣтъ, а какого-то святого внутренняго содроганія, какого-то въ сильнѣйшей степени благоговѣйнаго чувства: „Богъ здѣсь!"... А запахъ ладана?.. Охъ, счастливое дѣтство! Но вотъ окончилась служба, и я въ новой синей шелковой рубашкѣ, въ черныхъ плисовыхъ шароварахъ и маленькихъ сапожкахъ бѣгу-бѣгу скорѣе домой; ноги подкашиваются. Хочется увидѣть мамашу, уцѣпиться ей за платье, залѣзть къ ней на колѣни, обнять и цѣловать ее, цѣловать, шепча на ухо: „а папаша мнѣ далъ просфору". Смѣется мамаша, гладитъ меня по головкѣ, говоря: „милый мой именинникъ; а вотъ придетъ сейчасъ папаша, будемъ ѣсть пирогъ съ яблоками; да и такъ дамъ яблочко тебѣ изъ комода: вѣдь ты сегодня именинникъ". Радости моей нѣтъ конца, и я смотрю мамашѣ въ глаза ея голубые: ну до чего они милы мнѣ!

Прошло 33 года моей жизни. И вотъ сегодня также 7-ое августа, но обстоятельства иныя: мать въ могилѣ, отецъ и жена далеко-далеко, ни одного близкаго существа рядомъ, ни храма, ни иконъ; одинъ только Богъ! Стою сейчасъ на берегу грязнаго болота-дороги. Вмѣсто св. литургіи и молебна, прочиталъ тропарь св. Митрофанію да потихоньку пропѣлъ величаніе; вмѣсто пирога съ яблоками, кусокъ черстваго хлѣба.

Остальное время дня, сознаюсь, провелъ скверно: воспоминанія прошлаго, дѣтскаго и орловскаго, окончательно осадили меня, и добрую половину дня я прошагалъ взадъ и впередъ по краю своего болота, борясь внутренно и приводя себя въ порядокъ. Хотѣлъ ѣхать въ 1-ый, 2-ой, 5-ый и 6-ой эскадроны; но пошелъ дождь, и я остался. Такъ, скучая, просидѣлъ я и 8-ое августа въ своей палаткѣ, думая-гадая, что-то будетъ дальше послѣ этого дождевого затишья, да любуясь прелестными живыми картинами въ родѣ того, какъ мучатся лошади и люди въ невылазной грязи.

9-ое и 10-ое августа.

Сегодня мы превратились въ дѣтей: прямо по-дѣтски радуемся хорошей погодѣ, ясному солнышку. Вѣдь почти 10 дней просидѣли

мы безвыходно въ палаткахъ, дрожа отъ пронизывающей сырости. Первый разъ въ жизни пришлось наблюдать такой дождь; именно открылись хляби небесныя, и, если бы этотъ дождь шелъ не 10, а 40 дней, то—потопъ!.. И послѣ такого пережитаго ужаса вдругъ чистый свѣжій вѣтерокъ, ясное солнышко, безоблачное небо. Ну какъ же не радоваться намъ и не кричать другъ другу: „ура!“.., „vivat!“..?

Сейчасъ же разобрали палатки (онѣ сверху покрылись плѣсенью, какъ и всѣ вещи), вымыли ихъ карболовымъ растворомъ, вытащили кровати и всѣ остальныя вещи и разложили на солнцѣ, вытерши предварительно съ нихъ плѣсень. Вамъ, можетъ-быть, это неинтересно; но у насъ, обитающихъ въ полѣ, хорошая погода—вопросъ жизни. Военныхъ дѣйствій долго нѣтъ, и многіе въ Россіи возмущаются. Но дѣйствительность показываетъ, что во время здѣшнихъ дождей обѣ стороны двинуться не могутъ. Такъ вотъ мы весь день и радовались ясному деньку и мечтали о родинѣ, а, главное, сушились и сушились. Только вечеромъ радость наша была нарушена, и намъ пришлось испытать даже величайшую тревогу.

Около 10 часовъ, поужинавши, чѣмъ Богъ послалъ, я легъ уже спать. Командиръ и офицеры еще сидѣли и разговаривали. Вдругъ въ 11 часовъ почти рядомъ съ нами началась сильная ружейная пальба, взвились тревожныя ракеты, и труба заиграла тревогу-сигналъ: „къ оружію! непріятель близко“. Я вскочилъ, выбѣжалъ изъ палатки. Всѣ засуетились; солдаты уже схватили винтовки, примкнули къ нимъ штыки; послали дозорныхъ; ожидаемъ вотъ-вотъ нападенія. Слава Богу, молодцы-пограничники отбили. Недалеко отъ насъ желѣзнодорожный мостъ; и вотъ на него-то японцы и сдѣлали нападеніе. Что только испыталъ я въ это время! Сначала какъ-будто ничего; но потомъ какая-то дрожь пробѣжала по тѣлу: испугался; послѣ оправился, успокоился, предавши себя въ руки Божіи, хотя мысль объ опасности часто пробѣгала въ головѣ: „а вотъ сейчасъ свистнетъ пуля!.. вѣдь темно и невидно, кто куда стрѣляетъ“. Черезъ часъ все успокоилось; дозорные патрули вернулись, и мы улеглись, но долго-долго не могли заснуть.

10-ое число прошло безъ приключеній. Собираемся завтра опять переѣзжать въ Ляоянъ; оттуда уже я поѣду въ деревню Ся-пу отпѣвать тѣло корнета Гончарова; его нашли саперы и похоронили безъ священника. Погода, слава Богу, устанавливается хорошая.

11-ое августа.

Полученъ приказъ выступить штабу полка снова въ Ляоянъ. Очень пріятно оставить гнилой бивакъ, на которомъ я довольно сильно болѣлъ, и тѣмъ болѣе, что квартирьеръ выбралъ намъ въ Ляоянѣ мѣсто на окраинѣ города, гдѣ почти нѣтъ специфическаго китайскаго зло-

вонія. Съ утра, наскоро напившись чаю, уложились, посѣдлали коней и поѣхали. День выдался очень хорошій: солнечный, съ вѣтеркомъ, такъ что особеннаго томленія на этомъ переходѣ не испытывали. Рѣку Тайцзыхе переѣзжали по желѣзнодорожному мосту; понтонные же во время дождей всѣ разорвало, и теперь ихъ наводятъ съ величайшимъ трудомъ, такъ какъ теченіе прямо-таки бѣшеное. По мосту я велъ своего „друга“ въ поводу: ужасно боится онъ шума воды и вообще не любитъ мостовъ

Вотъ и Ляоянъ. Снова толпы китайцевъ, снова невообразимый гвалтъ отъ ихъ быстраго гортаннаго говора, снова несносные выкрики продавцовъ: „лѣба нàно?“ (хлѣба надо?), „трубка кулй, кулй“ (курй) и дикое завываніе погонщиковъ: „йо-йо“, „йе-йе“. По нѣкоторымъ улицамъ едва проѣзжаемъ: такъ онѣ узки; а обозу разъѣхаться почти невозможно. Наконецъ добрались до отведеннаго намъ мѣста. Пошли осматривать фанзы. Въ одной живетъ китайскій „капитанъ“; на видномъ мѣстѣ красуется капитанская круглая красная шапка съ длиннымъ перомъ и посрединѣ съ большимъ стекляннымъ шарикомъ. Фанзы довольно приличныя, но прокислый запахъ и явные признаки присутствія клоповъ и вшей сдѣлали то, что мы рѣшили опять помѣститься въ палаткахъ. Корнетъ Шауманъ нашелъ виноградный садикъ среди большого огорода; и вотъ тутъ помѣстилась наша кухня, а также разбили свои палатки командиръ полка, Букрѣевъ и я; остальные помѣстились рядомъ на чистомъ дворѣ.

Мѣсто, гдѣ мы сейчасъ живемъ, очень оригинальное. Все пространство надъ палатками и вокругъ покрыто висящими во множествѣ огромными гроздьями чуднаго винограда, но еще „ягодки нѣтъ зрѣлой“, и потому мы на виноградъ только любуемся, ѣсть же не рѣшаемся: много болѣютъ здѣсь дисентеріей. Въ палаткахъ устроились мы очень уютно. Я купилъ за рубль цыновку и разостлалъ ее посрединѣ палатки, а по бокамъ кровать и другія вещи; получился своего рода коверъ. Одно плохо: съ винограда падаетъ масса червей и огромныхъ пауковъ.

Вечеромъ принесли мнѣ восемь писемъ. Вотъ счастье-то! Цѣлый часъ, какъ говорится, душу отводилъ.

12-ое августа.

Въ 9 часовъ утра осѣдлали коней и поѣхали въ деревню Ся-пу, расположенную на берегу р. Тайцзыхе, отпѣвать корнета Гончарова. Поѣхали командиръ полка, подполковники Букрѣевъ и Образцовъ и четыре эскадрона. Сдѣлали болѣе двадцати верстъ, изъ которыхъ половину ѣхали по командѣ рысью. Я порядочно растряссся, но все-таки уже попривыкъ ѣздить верхомъ. Могилы Гончарова и рядомъ съ нимъ двухъ пѣхотныхъ солдатъ находятся въ сторонѣ отъ деревни на самомъ берегу рѣки; на всѣхъ трехъ могилкахъ простые

деревянные небольшіе кресты. Тѣло покойнаго офицера завернуто въ цыновку да такъ и закопано; гробовъ вѣдь здѣсь негдѣ достать.

Я покрылъ могилу ковровымъ платкомъ, поставилъ евангеліе, положилъ крестъ и воткнулъ въ землю свѣчу. Эскадроны окружили могилу. Я облачился и сказалъ воинамъ въ память умершаго небольшое поученіе на тему, что лежащій въ этой почетной могилѣ нашъ боевой товарищъ своею смертью свидѣтельствуетъ, что онъ истинно любилъ святые принципы: православную вѣру, Царя и отечество; защищая ихъ, онъ не пожалѣлъ и жизни своей; онъ, очевидно, твердо помнилъ данную присягу и исполнилъ ее буквально до послѣдней капли крови. „Слава да будетъ усопшему между живыми, царство небесное да дастъ ему Господь на небѣ, а намъ живымъ да будетъ онъ, первомученикъ нашъ, одушевляющимъ примѣромъ!" такъ заключилъ я свою рѣчь. Началось богослуженіе. Одушевленіе было общее. Всѣ усердно молились; многіе офицеры все время стояли на колѣняхъ; нѣкоторые плакали. Вмѣстѣ съ Гончаровымъ я отпѣлъ и погребенныхъ рядомъ съ нимъ неизвѣстныхъ героевъ Филиппа и Сергія, пѣхотинцевъ. Пропѣли „вѣчную память" и бросили по горсти земли на дорогую могилу.

Еще передъ самымъ началомъ погребенія вдругъ раздались артиллерійскіе залпы. Это въ девяти верстахъ началось сраженіе, и въ полкъ прислано приказаніе отправить 5-ый и 6-ой эскадроны на мѣсто боя немедленно, 1-ый и 2-ой завтра въ 6 часовъ утра, а 4-ый послать противъ хунхузовъ, которые стали настолько дерзки, что обрываютъ проволоку полевого телеграфа. И я здѣсь же благословилъ 4-ый, 5-ый и 6-ой эскадроны, а 1-му и 2-му эскадронамъ, такъ какъ они стоятъ съ нами въ Ляоянѣ, рѣшилъ отслужить сегодня же вечеромъ молебенъ. Еще разъ опустились офицеры предъ могилой товарища на колѣни и простились съ нимъ навѣки.

Въ 2 часа дня мы благополучно возвратились въ Ляоянъ. Пріѣхавшіе пограничные офицеры говорятъ, что бой идетъ уже другой день. Пушечная канонада слышна и здѣсь въ Ляоянѣ, въ 24-хъ верстахъ отъ мѣста боя. Въ 6 часовъ вечера очистили дворъ фанзы. Собрались эскадроны; пришелъ я и долго бесѣдовалъ съ ними, увѣщавая воиновъ помнить данную клятву и прося, по поводу приближенія праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, всегда держать въ памяти одно, что смерть не есть уничтоженіе, а только успеніе („уснуть" изъ *у-сп-нуть*), что и за гробомъ продолжается жизнь, и благо тому, кто перейдетъ ко Господу съ спокойною совѣстью; посему просилъ ихъ постараться въ трудахъ, болѣзняхъ и сраженіяхъ не унывать, а всѣ силы души и тѣла направить къ тому, чтобы честно исполнить здѣсь на землѣ свой долгъ воина-христіанина, а тамъ, хотя бы и смерть, она тогда—блаженство; просилъ ихъ также не сквернословить, объяснивъ имъ, какъ это оскорбительно для Бога и людей. Затѣмъ начали служить молебенъ; пѣли буквально всѣ.

Да, истинно на всякомъ мѣстѣ можетъ прославляться имя Господне! Солдаты чрезъ вахмистровъ передали, что они очень утѣшены и постараются служить по совѣсти.

Невыразимо отрадное чувство наполняетъ мою душу; теперь со всѣми уже эскадронами молился и бесѣдовалъ, всѣхъ благословилъ и ясно видѣлъ, какъ утѣшаетъ и ободряетъ человѣка наша религія. Можно и скорби и лишенія перенести, лишь только принести бы хотя каплю пользы этимъ воинамъ-труженикамъ.

Нашъ хозяинъ, старый китаецъ, такъ радъ, что мы поселились въ его саду и тѣмъ самымъ охраняемъ его виноградникъ отъ расхищенія, что принесъ намъ вечеромъ два арбуза, десятка два яблокъ и тарелку спѣлаго винограду въ подарокъ.

13-ое августа.

Проснулся въ 6 часовъ утра. Канонада продолжается. На улицѣ суматоха: эскадроны уходятъ; съ ними отправляется и корпусный командиръ. Въ подкрѣпленіе идутъ на позиціи артиллерія, пѣхота. Линейки Краснаго Креста ѣдутъ за ранеными: наши войска уже третій день сражаются. При видѣ этой картины какъ-то дрогнуло сердце. Боже, помоги намъ! Весь день мы просидѣли въ томительномъ состояніи духа, такъ какъ за малыми перерывами пушечные залпы продолжались постоянно. Какъ громъ гремитъ раскатами, такъ гудитъ и пушечная пальба. Если бы вы знали, какое гнетущее впечатлѣніе производитъ безпрерывная канонада!

Сегодня получили телеграмму отъ Государя Императора: всю манчжурскую армію Его Величество назначаетъ воспріемниками Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича. Это очень ободрило всѣхъ и обрадовало.

Пришло извѣстіе о геройскомъ подвигѣ корнета нашего полка Крупскаго. Отъ дождей рѣки и рѣчки такъ переполнились водою, что теченіе ихъ сдѣлалось необычайно быстрымъ и броды стали опасны для переправы. Но война не признаетъ опасностей: переправляться нужно. Шла пѣхота черезъ бродъ, и одинъ солдатъ былъ опрокинутъ водою, вынесенъ на глубину и сталъ тонуть. На берегу стоялъ пѣхотный полкъ; но спасать никто не рѣшился: это значило итти почти на вѣрную смерть. Въ это время подъѣхалъ къ рѣкѣ Крупскій. Волны кипѣли... Но Крупскій, видя, что его братъ во Христѣ, пайщикъ службы царской, боевой товарищъ погибаетъ; съ другой стороны, помня завѣтъ св. Евангелія: „больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“, и завѣтъ воинскій: „самъ погибай, а товарища выручай“, — онъ, не разсуждая долго, бросился съ конемъ въ бушующія волны. Вода сбила коня и перевернула. Корнетъ успѣлъ соскочить съ него, ухватился за стремя и, подхвативъ подъ локоть утопавшаго, съ страшной опасностью

для собственной жизни поплылъ съ нимъ и благополучно достигъ берега. Радости спасеннаго не было конца. Да, живъ еще духъ Христовъ и духъ истиннаго товарищества между нашими воинами. Да благословитъ ихъ Богъ!

Наши эскадроны отлично несутъ развѣдочную службу; особенно отличились Калининъ, Залѣсскій, Гольдгааръ, Свидерскій, Тимоѳеевъ, Пантелеевъ. Многіе изъ нихъ были на полѣ сраженія, но, слава Богу, остались цѣлы.

Мои орловскіе запасы всѣ кончились; чай уже преотлично пью съ казеннымъ сахаромъ, который выдаютъ намъ по 10 фунтовъ въ мѣсяцъ на человѣка.

Въ $7\frac{1}{2}$ часовъ вечера снова начался дождь, и мы немного, какъ говорится, „подплыли“, затѣмъ окопались и спали сравнительно удобно. Только сырость пронизывала все насквозь: чулки сырые, кровать сырая. Завернулся я въ теплое одѣяло и уснулъ.

14-ое августа.

Сегодняшній день прошелъ въ большой тревогѣ. Бой идетъ съ страшной силой. Масса японцевъ обрушилась на 10-ый корпусъ; ему на подмогу пошелъ и нашъ 17-ый корпусъ. Наши потери значительны; потери японцевъ громадны: очень ужъ отчаянно лѣзутъ. А 3-ій корпусъ вполнѣ выигралъ сраженіе. Выстрѣлы становятся все ближе; очевидно, медленно, но все-таки наши отступаютъ къ Ляояну, гдѣ и будетъ самый ожесточенный бой.

Утромъ я ѣздилъ къ главному полевому священнику, докладывалъ ему о похороненныхъ мною съ Гончаровымъ солдатахъ; принялъ меня очень любезно, подарилъ много брошюръ для раздачи солдатамъ. Когда я ѣхалъ къ нему по главнымъ улицамъ города, то, право же, едва не стошнило меня отъ невыносимаго запаха.

Въ 4 часа я пошелъ въ штабъ корпуса, гдѣ на чистомъ дворѣ выбрали мѣсто для богослуженія. Поставили столъ, убрали его цвѣтами такъ, что икона Божіей Матери утопала въ нихъ. Собрались офицеры, чиновники и солдаты, и мы очень торжественно отслужили всенощную, первую за все время послѣ выѣзда изъ Орла. Пѣли прекрасно чиновники. Не могу выразить, какъ отрадно было на душѣ. Вмѣсто Михаила, кадило подавалъ и вообще прислуживалъ Ксенофонтъ. Въ концѣ всенощной пріѣхали съ позиціи ген. Бильдерлингъ, 1-ый и половина 2-го эскадрона. Просили завтра въ 9 часовъ утра здѣсь же отслужить обѣдницу. Вернулся я въ свою палатку съ облегченнымъ сердцемъ.

Во время ужина пріѣхали наши офицеры Гольдгааръ и Свидерскій, ѣздившіе въ бою съ донесеніями. Они передали, что 3-ій корпусъ разбилъ японцевъ. Два дня держался 10-ый корпусъ, а на третій долженъ былъ отступить: японцевъ оказалось четыре дивизіи

противъ нашихъ двухъ. Теперь непріятель стоитъ уже въ 15 верстахъ отъ Ляояна.

Наступила тихая лунная ночь; дождя нѣтъ.

15-ое августа.

Среди ночи вдругъ раздались дикіе вопли изъ фанзы нашего, хозяина. Я быстро вышелъ изъ палатки и увидѣлъ, что въ фанзѣ ярко пылаетъ огонь. Оказалось, что только что умеръ родственникъ нашего хозяина пожилой китаецъ и по этому случаю совершалось жертвоприношеніе. Рано утромъ начались у нихъ церемоніи. Одинъ китаецъ съ фонаремъ и чайникомъ впереди, за нимъ три молодыхъ китайца одинъ за другимъ идутъ покупать бѣлую матерію на саванъ и трауръ (бѣлый цвѣтъ—траурный у китайцевъ). Купили и назадъ идутъ, дико завывая и выражая этимъ свою скорбь; вошли въ фанзу и сдѣлали усопшему по три земныхъ поклона. Потомъ три раза тѣмъ же порядкомъ выносили что-то написанное на бѣлой бумагѣ, съ завываніемъ несли на уголъ улицы и тамъ сжигали. На воротахъ вывѣсили бѣлый флагъ въ знакъ траура. Родные облеклись въ бѣлые балахоны и туфли; головы обернули бѣлыми платками съ спускающимися до земли концами въ знакъ того, что слезы ихъ по усопшемъ текутъ до земли. Привезли огромный гробъ-колоду, поставили посреди двора и обмазали внутри какой-то вонючей дрянью.

Мы ходили въ фанзу смотрѣть покойника: лежитъ среди комнаты, очень прилично одѣтъ, на ногахъ бѣлыя туфли, на головѣ шапка, лицо закрыто бѣлымъ платкомъ, руки вытянуты, на груди чашечка съ рисомъ, сбоку курится жертвенный ѳиміамъ. Хоронить будутъ, кажется, чрезъ три дня.

Къ 9 часамъ на томъ же дворѣ, гдѣ служили вчера всенощную, солдаты устроили подобіе престола и украсили его цвѣтами. Пришли корпусный командиръ, генералы, офицеры, чиновники, солдаты. Я отслужилъ обѣдницу. Пѣли опять чиновники и офицеры штаба. Я говорилъ поученіе на ту же тему, т.-е. что смерть не есть уничтоженіе, а лишь успеніе, переходъ къ болѣе близкому общенію съ Христомъ, чтобы потомъ воскреснуть; посему нужно не бояться смерти, а думать о ней и приготовлять себя къ достойной встрѣчѣ ея, а за нею и къ встрѣчѣ самого Господа хорошею праведною жизнью. Всѣ прикладывались ко кресту. Я раздавалъ „молитвы предъ сраженіемъ“ и брошюры. Всѣ были очень довольны и просили на будущее время послужить.

Послѣ богослуженія собрались мы въ своемъ виноградникѣ, сидимъ, мирно бесѣдуемъ за обѣдомъ. Вдругъ прибѣгаютъ сказать, что съ позиціи привезли раненаго нашего солдата. Спѣшимъ туда, на дворъ... Стоитъ лошадь; нога у нея въ крови—ранена пулей. На лошади нашъ солдатъ 6-го эскадрона; голова обвязана платкомъ,

нога безъ сапога въ крови. Раненъ въ голову и ногу. Сняли его съ лошади, уложили и отправили въ госпиталь. Солдатъ передалъ слѣдующее:

Половина 6-го эскадрона подъ командой Ведерникова, Образцова и Свищова была послана на развѣдки. Впереди ѣхали дозорные. Японцы же въ количествѣ до двухъ ротъ спрятались на сопкѣ (горкѣ) около деревни въ засадѣ. Дозорныхъ они пропустили; а какъ только вошли въ деревню и слѣзли съ коней наши солдаты, внезапно раздались залпы: пули посыпались въ такомъ изобиліи, что сразу было убито и ранено нѣсколько лошадей и солдатъ, и полуэскадронъ рысью отступилъ въ гаолянъ.

Солдаты еще не собрались на пунктъ, и наши потери, какъ слѣдуетъ, не подсчитаны; но уже извѣстно, что унтеръ-офицера ранили въ голову на вылетъ, одного солдата въ животъ. Вѣроятно, есть еще раненые и убитые; завтра узнаемъ. У Ведерникова убили лошадь, и, когда онъ свалился, на него напалъ японецъ; но Ведерниковъ успѣлъ выхватить свой револьверъ и застрѣлилъ его.

И сегодня буквально весь день слышна ужасная канонада и притомъ теперь совсѣмъ близко отъ насъ.

16-ое августа.

Вчера поздно вечеромъ привели еще двухъ раненыхъ лошадей и принесли на носилкахъ тяжело раненаго въ животъ на вылетъ рядового 6-го эскадрона Илью Кузнецова, орловскаго уроженца. Когда я вошелъ въ фанзу, глазамъ моимъ представилось тяжелое зрѣлище: на носилкахъ въ крови лежитъ на боку и глухо стонетъ нашъ раненый. Я благословилъ его и, такъ какъ онъ былъ въ сознаніи, предложилъ пріобщиться. Кузнецовъ съ радостью согласился, и я тутъ же причастилъ его. Пришли врачи, перевязали и отправили въ госпиталь; говорятъ: „умретъ“...

Сегодня поутру насъ разбудили дикіе звуки китайской музыки. Это къ нашему покойнику пришли музыканты и рядомъ съ нашей палаткой начали свое дѣло. Мелодіи никакой; просто воютъ флейты, бухаетъ барабанъ, и звякаютъ тарелки. На дворѣ построили шалашъ и поставили туда гробъ.

Бой и сегодня продолжается. Поднялся нашъ воздушный шаръ „Брестъ“ и осматриваетъ японскія позиціи.

Сегодня утромъ штабъ нашего корпуса выступилъ за 12 верстъ въ деревню Цовчиндзы, куда и мы пойдемъ завтра утромъ.

17-ое августа.

Вчера вечеромъ пріѣхалъ поручикъ Ведерниковъ и къ прежде извѣстному добавилъ, что у насъ пять солдатъ убито, четыре ранено

и четыре пропали безъ вѣсти; можетъ-быть, взяты въ плѣнъ. Подъ Ведерниковымъ убита лошадь и, падая, придавила его. Въ это время подбѣжалъ японецъ и схватилъ его за грудь; но Ведерниковъ выхватилъ револьверъ и убилъ японца, а самъ ушелъ. Унтеръ-офицеръ Абалмазовъ раненъ въ голову и однако остался въ строю. Одному солдату пуля пробила щеку на вылетъ и выбила зубы. У корнета Образцова убили лошадь; японцы уже настигали его (двѣ роты японцевъ напали на 35 нашихъ солдатъ), и ему грозила вѣрная смерть. Тогда одинъ солдатъ слѣзаетъ съ своей лошади и отдаетъ ее офицеру, хотя ясно сознавалъ, что самъ онъ погибнетъ. И, дѣйствительно, онъ сейчасъ же былъ убитъ. Вотъ герой!

Получено донесеніе, что удачно сражался разъѣздъ отъ 3-го эскадрона подъ командой корн. Романова. Калининъ и Свищовъ отлично и безстрашно во время сраженія передавали приказанія и удостоились похвалы. Калининъ недавно спасъ утопавшаго солдата, бросившись одѣтымъ въ рѣку, и едва самъ не погибъ.

И обо всемъ этомъ разсказывается просто, какъ-будто тутъ и нѣтъ геройства. Да, слава Богу, есть герои и въ нашемъ полку.

Сегодня ужасный день. Въ 5 часовъ утра мы проснулись отъ страшной ружейной стрѣльбы, а въ 6 часовъ началась снова артиллерійская пальба, но гораздо сильнѣе, чѣмъ въ прежніе дни, и совсѣмъ уже недалеко отъ Ляояна. Мы пошли на стѣну и оттуда смотрѣли на бой. Батареи ясно видны. Всѣ горы вокругъ Ляояна безпрестанно вспыхиваютъ огнями отъ выстрѣловъ; то и дѣло вверху, въ небѣ, съ огнемъ и трескомъ рвутся снаряды: гремитъ буквально, какъ гремятъ страшные раскаты грома. Ужасъ! Господи, что это такое? Когда же окончатся войны? Множество китайцевъ на стѣнѣ, на крышахъ; всѣ вперили взоры въ роковые огоньки и дымки, безпрестанно вспыхивающіе; слышенъ кой-гдѣ плачъ.

Въ 8 час. утра выступили и мы на позиціи штаба 17-го корпуса. Только что мы выѣхали за стѣну, какъ уже „стой", „слѣзай": навстрѣчу мчатся въ карьеръ артиллерійскія повозки въ четыре лошади съ снарядами на позиціи. Солдаты всѣ бородачи. Долго они мчались мимо насъ; потомъ пошла пѣхота съ безконечными обозами.

Болѣе часу мы стояли; затѣмъ переѣзжали черезъ быструю и широкую р. Тайцзыхе по „живому" мосту, понтонному, устроенному на саперныхъ лодкахъ. Мостъ такъ и ходитъ подъ ногами. Всѣ слѣзли съ коней, и „друга" моего вели въ поводу. Канонаду „другъ" переноситъ довольно спокойно, только ушами поводитъ; а пушки стучатъ такъ, какъ-будто обухомъ кто бьетъ по головѣ; вѣдь наши батареи очень близко, и мы къ нимъ подъѣзжаемъ. Жутко и здѣсь; что же тамъ, у пушекъ? А вѣдь стрѣляютъ съ 6 часовъ утра до сего 11-го часа вечера безъ перерыва. Дорога же такая, что лошади едва ноги вытягиваютъ изъ грязи. Дожди идутъ и идутъ. Переѣхали въ бродъ двѣ небольшихъ рѣчки. Тутъ мы съ Букрѣевымъ уѣхали впередъ и

прибыли въ Цовчиндзы въ 12 час. дня. Обозъ же приходилъ постепенно, начиная съ 3 часовъ дня и до 8 часовъ вечера. А вѣдь переѣздъ-то всего въ 12 верстъ. Вотъ каковы манчжурскіе дожди и дороги!

Размѣстились мы въ грязныхъ фанзахъ подъ горою, на которой стоятъ наши батареи, и въ 2½ верстахъ отъ насъ рвутся снаряды. Вездѣ вокругъ насъ окопы и массы пѣхоты и артиллеріи. Всю ночь съ крикомъ и гамомъ везли пушки; везли лошади и люди. Какъ посмотришь на этотъ адъ, все сожмется въ груди. О своей участи уже не думаешь, а только сердечно жаль людей и животныхъ.

Идутъ два раненыхъ: одинъ — въ плечо и несетъ винтовку, другой держитъ платокъ у рта. Спрашиваю: „что съ тобой"? Онъ открылъ ротъ. Я ужаснулся: пуля попала ему въ ротъ, выбила зубы, разворотила десны и обратила языкъ въ какую-то кровавую массу. А солдатъ кое-какъ мычитъ: „ничего, *малость* тронула".

Подъѣхалъ комендантъ корпуснаго штаба подполк. Ильинъ и говоритъ полевому казначею: „денежныя двуколки не распаковывайте, такъ какъ черезъ полчаса можетъ прійти приказъ намъ уходить дальше; да и нужно бы, а то, если японцы повернутъ пушки въ нашу сторону, то снаряды будутъ падать и сюда". Вечеромъ командиръ полка пошелъ къ корпусному командиру и принесъ приказаніе не очень разбираться, такъ какъ чуть свѣтъ мы можемъ уйти. Эта позиція начнетъ, вѣроятно, дѣло.

Я улегся, не раздѣваясь. На умъ приходило, что вотъ сейчасъ прилетитъ и къ намъ граната. Такъ подъ громъ пушекъ и заснулъ; вѣроятно, можно ко всему привыкнуть. Ночью были залпы, но рѣже; ружейная же пальба была сильнѣе. Говорятъ, что этотъ бой, самый серьезный, уже недѣлю длится. Всѣ атаки японцевъ наши отбили. Сегодня двѣ дивизіи японцевъ напали на нашъ 17-ый корпусъ, и сраженіе началось.

18-ое августа.

Въ 4 часа утра снова открылась пальба изъ орудій и ружей и, хотя тише вчерашней, но тоже продолжалась весь день. Въ 6 часовъ утра получено донесеніе отъ полк. Стаховича[1]), что дивизія японской пѣхоты переправляется на нашу сторону и идетъ прямо на нашъ корпусъ. Начали стрѣлять и наши батареи. Японцы, очевидно, хотятъ прорваться между Мукденомъ и Ляояномъ, чтобы испортить путь и отрѣзать насъ отъ Россіи.

Противъ нашей деревни стоитъ самая высокая гора, версты въ двѣ вышиной и съ крутымъ подъемомъ. На вершинѣ этой горы находится наблюдательный постъ съ геліографомъ и телефономъ. Кали-

1) Командиръ 52-го драгунскаго Нѣжинскаго полка.

нинъ и офицеръ генеральнаго штаба, какъ способные, назначены слѣдить съ этой сопки за движеніями непріятеля. Послѣ обѣда мы отправились на эту гору и едва взобрались. Тамъ работа кипитъ: смотрятъ въ двѣ подзорныя трубы. Только и слышенъ голосъ наблюдающаго:

— „Показался японскій эскадронъ; люди слѣзли, ищутъ брода. Идетъ батальонъ пѣхоты; везутъ понтоны; спустили бѣлую лодку на воду; доѣхали до средины. Наши въ нихъ стрѣляютъ; нашихъ мало. Японцы сразу спустили пять понтоновъ; плывутъ; пристали къ берегу; наводятъ мостъ".

Все въ этомъ родѣ. А по телефону сейчасъ же передаютъ въ штабъ нашего корпуса и по геліографу разговариваютъ съ 10-мъ корпусомъ. Мы смотрѣли въ бинокли: плохо видно. Я подошелъ къ подзорной трубѣ. Она замаскирована отъ непріятеля воткнутыми въ землю вѣтвями. Смотрю и ясно вижу японцевъ, ихъ движенія и то, какъ они строятъ мостъ на бѣлыхъ лодкахъ. Черезъ 40 минутъ навели уже мостъ и повезли по нему орудія. Съ позиціи японцевъ раздались въ нашу сторону два пушечныхъ выстрѣла. Далеко до насъ не долетѣли ихъ снаряды. Офицеры говорятъ, что насъ, вѣроятно, замѣтили японцы и какъ бы не пристрѣлялись. Тогда всѣ мы, посторонніе, стали обратно спускаться внизъ. На горѣ стоятъ наши четыре осадныхъ орудія.

Очень интересно было смотрѣть. Видны всѣ снаряды по всей линіи; видно, какъ они падаютъ, какъ рвутся, какъ горятъ деревни. Виды открываются почти на 50 верстъ. На гору ведетъ конножелѣзная дорога, по которой везутъ орудія, снаряды.

Возвратились благополучно. Больше не пойдемъ: и трудно, и опасно. Теперь можно успокоиться: видѣлъ и непріятеля, и бой собственными глазами и на близкомъ разстояніи. Описывать сраженія и касаться ихъ результатовъ не буду: въ газетахъ можно прочитать. Мы получаемъ „Манчжурскій Вѣстникъ Арміи", и понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ждемъ его и читаемъ.

Вечеромъ разразилась гроза, и звуки пушечной пальбы слились съ раскатами грома, а огни пушекъ и снарядовъ сливались съ блескомъ молніи. И получилась такая фантастичекая картина, что, при всемъ ея ужасѣ, не хотѣлось отвести отъ нея глазъ. Долго смотрѣли мы на это потрясающее зрѣлище. Ночь прекратила бой, и мы улеглись.

19-ое и 20-ое августа.

Утромъ въ штабѣ корпуса сказали намъ, что вчера вечеромъ былъ страшный натискъ японцевъ; но нападенія отбиты, и два ихъ батальона подняли руки вверхъ и сдались. Плѣнныхъ японцевъ уже отправили въ Харбинъ.

Бой все идетъ и настолько близко отъ насъ, что мы ясно слышимъ свистъ снарядовъ. Что-то рѣшительное происходитъ. У насъ въ 3-мъ и 5-мъ эскадронахъ четыре солдата ранены. Разъѣздъ изъ трехъ солдатъ 3-го эскадрона наткнулся на японскій секретъ. Наши шашками двухъ зарубили и сами были ранены. Горы, у которыхъ мы стоимъ, буквально курятся отъ выстрѣловъ и снарядовъ. Громъ пушечной и ружейной пальбы непрерывенъ. Въ Козловскомъ полку, что изъ Курска, осталось всего 400—500 человѣкъ. Вчера весь день мимо насъ несли и везли раненыхъ, а многіе и сами шли. Ужасъ! Потрясающее зрѣлище! Господи, прекрати же кровопролитіе!

21-ое августа.

Бой продолжается. Совсѣмъ близко рвутся снаряды. Ихъ свистъ и вой теребитъ нервы. Ляоянъ въ огнѣ и дымѣ: снаряды падаютъ туда. Станція, церковь, въ которой я молился,—все разрушено, горитъ. На платформѣ убиты двѣ сестры милосердія, докторъ, офицеръ. Китайцы съ плачемъ бѣгутъ по линіи желѣзной дороги. Тянутся обозы; на мостахъ столпотвореніе вавилонское.

Мы съ командиромъ полка влѣзли на невысокую сопку, въ которую еще не попадали снаряды, и оттуда смотрѣли на бой. Вокругъ, подковой, верстъ на 25 все грохотъ ружей и пушекъ, дымки, огни. Ужасное зрѣлище!

Ночью японцы внезапно напали на наши полки верстахъ въ пяти отъ насъ, и произошла небольшая паника, но скоро наши оправились и сбили японцевъ. Эскадроны нашего полка очень хорошо держатъ себя въ бою и не только не предались паникѣ, но даже сдерживали бѣгущихъ, останавливали и возвращали назадъ.

Рано утромъ 3-ій и 4-ый эскадроны ходили осматривать позиціи, захватили японскую амуницію: одежду, семь винтовокъ и перевернули ихъ котлы съ варившимся мясомъ.

Всѣ атаки японцевъ нашими войсками отбиты. Японцы понесли огромныя потери; да и у русскихъ съ 12-го по 22-ое августа выбыло изъ строя не менѣе 15 тысячъ человѣкъ.

Пришло извѣстіе, что японцы пошли спѣшно къ Мукдену; значитъ, и намъ, дабы не быть отрѣзанными, нужно итти туда же. Дѣйствительно, пришелъ приказъ ген. Куропаткина отходить. И вотъ мы покидаемъ Ляоянъ, направляясь на Мукденъ. Въ 4 часа дня мы двинулись на деревню Латотай, чтобы оттуда проѣхать въ Янтай и далѣе. Лошадь моя заболѣла, и ее ведутъ въ поводу. Я хотѣлъ ѣхать на маленькой бѣлой китайской лошадкѣ, которую мнѣ подарилъ корнетъ Романовъ; но ее еще выѣзжаютъ, и я сѣлъ въ лазаретную линейку. Но въ ней такъ тряско, что я не выдержалъ, вышелъ изъ нея и послѣднія три версты до Латотая шелъ пѣшкомъ съ сапернымъ батальономъ. Ночевали въ фанзѣ покойно.

Еще въ Ляоянѣ полковникъ Ванновскій подарилъ мнѣ на память японскій штыкъ-тесакъ въ металлическихъ ножнахъ на прекрасномъ ремнѣ. Думаю сохранить его и привезти по окончаніи войны домой.

22-ое августа.

Господи! какой сегодня скорбный день! День отступленія цѣлой арміи! Вчера мы и не подозрѣвали, какой опасности подвергались. Японцы могли прорваться, и тогда меня, вѣроятно, не было бы сегодня на свѣтѣ. Была критическая минута, но наши удержались.

Утромъ встали рано. Нужно проѣхать до Янтая, 16 верстъ; но, когда идетъ армія, то эти 16 будутъ равны 60 верстамъ. И, дѣйствительно, на мѣсто ночлега мы пріѣхали въ $3^1/_2$ часа дня. Я ѣхалъ на козлахъ двуколки; завтра же поѣду на „китайцѣ“.

Боже мой, какія картины видѣлъ я! Ввѣкъ не забуду. Нашъ корпусъ назначенъ охранять отступленіе всей арміи; поэтому нашъ обозъ идетъ почти послѣдній. Пріятно сознавать, что сзади близко японцы? Подъѣзжаемъ къ желѣзной дорогѣ. На пути стоятъ два товарныхъ поѣзда изъ Ляояна. Они наполнены пушками, ранеными. Всѣхъ раненыхъ не могли помѣстить, и потому параллельно съ желѣзной дорогой идетъ обозъ изъ китайскихъ арбъ, на которыхъ по два страдальца. Какъ взглянулъ я на нихъ: кровь, воспаленные глаза, блѣдныя лица, раны, стонъ, то не выдержалъ, и слезы покатились изъ глазъ. Несутъ кромѣ того на носилкахъ; здоровые солдаты везутъ раненыхъ въ ручныхъ китайскихъ телѣжкахъ. Поѣздъ охраняется батальономъ пѣхоты; тутъ же нѣсколько вагонетокъ, наполненныхъ солдатскими вещами; ихъ подталкиваютъ пѣхотинцы. Кругомъ пути ужасное пламя: горятъ станціонныя постройки, склады, будки; рвутъ мосты; по дорогѣ валяются только что павшіе быки, лошади. Ужасъ! Внутри какая-то дрожь, на устахъ молитва. Ахъ война, война! Наконецъ справляюсь съ собой; стыдно поддаваться скорби: начинаю шутить. А Ксенофонтъ рядомъ одно твердитъ: „ахъ, хоть бы разъ посражаться, а то на позиціи были, а выстрѣлить разу не пришлось“.

Подъѣхали къ ст. „Янтай“, на которой 17-го іюля высадились. Все вокругъ буквально кишитъ отъ войска: такая масса обозовъ и войскъ. Думаю, что въ одномъ этомъ мѣстѣ было не менѣе ста тысячъ человѣкъ; да прибавьте къ этому еще всякій скотъ: лошадей, быковъ и проч. Съ трудомъ пробрались мы среди этого хаоса и стали бивакомъ на огородѣ какого-то китайца. Разбили палатки, даже попили чайку и немного отдохнули душой и тѣломъ отъ десятидневнаго грома; всѣ рады, мечтали въ относительной тишинѣ выспаться. Вдругъ бумъ, бумъ, бумъ, трахъ, та, та, та...

Ахъ, Боже мой! Опять пошло; опять пушки, ружья; снова несется на позиціи артиллерія; шагаетъ туда же пѣхота. Верстахъ въ

восьми отъ насъ завязался снова бой. Значитъ, японцы идутъ за нами и параллельно намъ. Думалъ немного отдохнуть ночью; но громъ пальбы изъ пушекъ, пулеметовъ и ружей, а также сознаніе, что врагъ близко-близко, не дали хорошо забыться. Японцы напали на нашъ арьергардъ, чтобы прорвать его и уничтожить русскіе обозы. Но наши удержались, и мы спаслись. Я изъ себя тоже представлялъ довольно воинственную фигуру: подрясникъ подпоясалъ японскимъ ремнемъ, на которомъ висѣлъ японскій штыкъ.

23-ье, 24-ое, 25-ое, 26-ое и 27-ое августа.

Въ 6 часовъ утра мимо нашей палатки проѣхалъ съ конвоемъ ген. Куропаткинъ, а въ 8 часовъ выступили и мы изъ Янтая по направленію къ Мукдену. Выѣхали на большую „мандаринскую" дорогу и втянулись въ массу обозовъ, движущихся по ней. Зрѣлище, открывшееся нашимъ глазамъ, не поддается описанію: болѣе двухсотъ тысячъ войска и нѣсколько десятковъ тысячъ животныхъ движется сразу. Обозы идутъ въ восемь рядовъ; идутъ пѣхотные, наши, лазареты, артиллерія; гонятъ стада быковъ и овецъ; по сторонамъ дороги—масса пѣхоты и полки казаковъ. Крикъ, брань, почти драки: обозъ каждой части хочетъ пройти впередъ и потому старается сбить сосѣдній. Подолгу приходится стоять. А что творится, когда эта масса подходитъ къ какому-либо одиночному мосту!.. Уму непостижимо!

Я ѣхалъ на своемъ „китайцѣ". Чудная лошадка: быстро бѣжитъ и, какъ мышь, шныряетъ между повозками. Переѣхали въ бродъ двѣ широкихъ рѣки; сапоги мои были въ водѣ. Конечно, ничего не ѣлъ, кромѣ одного сухаря, за весь день. Отъ солнца голова разболѣлась. Наконецъ наступила темнота, и въ $8^1/_2$ час. вечера мы остановились ночевать на пашнѣ, въ бороздахъ которой стояла еще отъ замучившихъ насъ дождей вода. Лошади прямо валятся на землю отъ усталости. Палатокъ разбивать некогда: завтра уходимъ въ 4 часа утра. Мои солдаты нарѣзали гаоляну, постлали его на пашню, поставили на немъ походную кровать, и, завернувшись въ бурку, я забылся часа на три. Конечно, я не раздѣвался. Обозы продолжали двигаться всю ночь.

24-го августа. Въ 2 часа утра я уже всталъ, дрожа отъ холода и сырости. Великое переселеніе народовъ продолжалось. Картины тѣ же; только гораздо больше встрѣчалось павшихъ животныхъ; нѣкоторыя изъ нихъ были на половину уже съѣдены; валяются внутренности, ноги, головы.

Китайцы разбѣжались. Деревни опустѣли, и въ нихъ нѣтъ ничего; а что осталось, солдаты берутъ, ѣдятъ, жгутъ. Бѣдные китайцы! Это имъ, впрочемъ, невольная отплата зато, что такъ ужасно дорого брали за все съ насъ раньше или, выражаясь языкомъ нѣко-

торыхъ, „драли безбожныя цѣны". „Невольная", говорю я: „отплата"... И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ мыслимо совершать какія бы то ни было покупки въ то время, когда двигаются непрерывными рядами цѣлыхъ 200 тысячъ человѣкъ и тянутся десятки тысячъ животныхъ? Вотъ армія снова станетъ на позиціи, и тогда опять будутъ все покупать. Китайцы предъ нашимъ приходомъ постарались припрятать все, что не успѣли сбыть намъ по удесятеренной цѣнѣ; за потоптанныя же поля они получатъ деньги съ русской казны. И все-таки мнѣ такъ было жаль китайцевъ, что я многимъ изъ нихъ давалъ деньги.

Безъ остановки мы ѣхали съ 5 часовъ утра и до $6\frac{1}{2}$ вечера; остановились въ деревнѣ и ночевали въ фанзѣ.

25-го августа къ вечеру прибыли въ Мукденъ и остановились бивакомъ около городской стѣны подъ деревьями. Мы разбили палатку, устроились, сварили кое-что поѣсть, и, повидимому, есть возможность нѣсколько дней отдохнуть, а затѣмъ или далѣе двинемся въ Тѣлинъ, или снова пойдемъ подъ Ляоянъ.

Не могу описать этого отступленія, хотя и хочется что-нибудь записать. Очень некогда, и потому пишу кратко; а, главное, мнѣ недостаетъ красокъ, чтобы нарисовать видѣнныя мною картины, и словъ для изображенія пережитыхъ душевныхъ состояній. Одно скажу: глядя на солдатъ, на ихъ непомѣрный трудъ, на муки скота, на бѣдствія китайцевъ, я вдругъ начиналъ рыдать, но, конечно, сейчасъ же старался сдержать себя.

Наше отступленіе, конечно, не было бѣгствомъ: подъ Ляояномъ наши хорошо сражались; но перейти всей арміи на новыя позиціи съ обозами—это очень трудно.

Черезъ р. Хун-хе, что около Мукдена, перекинуто два моста. По нимъ идутъ только войска; а обозы бѣгущихъ китайцевъ съ женщинами, дѣтьми, имуществомъ должны искать брода. И вотъ китайцы со страхомъ лѣзутъ въ воду; ослы и мулы ихъ почти плывутъ; колеса всѣ подъ водой; крики, вопли...

Одно время мы ѣхали около линіи желѣзной дороги. Лежатъ въ одномъ мѣстѣ кучи брошенныхъ артиллерійскихъ гильзъ; а рядомъ съ ними отдыхаютъ пѣхотинцы, раскладывая костры. Солдаты роются въ гильзахъ и въ одной кучѣ находятъ вдругъ 9 нестрѣляныхъ снарядовъ. Еще бы немного времени, и они могли разорваться. Богъ спасъ!

26-го августа просидѣлъ на бивуакѣ. Въ городъ не хочу ѣхать. Что тамъ смотрѣть? видѣлъ Ляоянъ; остальные всѣ города, какъ одинъ. Хотѣлъ поѣхать въ эскадроны, да поднялась такая гроза, что въ жизни я такой не переживалъ. Мы окопали палатку и отсидѣли благополучно.

27-ое августа—для меня счастливый день: посѣтилъ 1-ый и 2-ой эскадроны и ѣздилъ въ 5-ый и 6-ой. Вездѣ я подолгу бесѣ-

довалъ съ воинами о необходимости особенно въ военное время *молиться:* среди трудовъ и скорбей военныхъ только молитва утѣшаетъ и поддерживаетъ воина, такъ какъ она соединяетъ его душу съ Самимъ Богомъ, Который есть безконечная сила и любовь; просилъ ихъ быть мужественными и терпѣливыми, *сообща работать,* поддерживая другъ друга, и *почитать себя счастливыми,* что удостоились пострадать, памятуя о древнихъ мученикахъ, которые, терпя страданія, благодарили Бога и, при взаимной поддержкѣ другъ другу, остались побѣдителями надъ врагомъ, гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ японцы: древніе мученики одолѣли язычество.

Вездѣ служилъ молебны подъ открытымъ небомъ; пѣли всѣ. Радость и ободреніе ясно видѣлись во всѣхъ. О, какъ я радъ!

Полкъ нашъ снова идетъ въ первую боевую линію. Помоги намъ, Боже!

Вахмистра 6-го эскадрона Бурбу во время разъѣзда ранили въ ногу, и въ темнотѣ онъ заблудился въ гаолянѣ; 6-ой день его нѣтъ. Вѣроятно, онъ взятъ въ плѣнъ или добитъ японцами. Жаль; я очень любилъ его.

28-ое августа.

Почти весь день просидѣлъ на бивакѣ. Въ городѣ я былъ на почтѣ, получилъ письма и потомъ съ наслажденіемъ читалъ ихъ. Я какъ-то раскисъ; писать и то не хватаетъ силы воли заставить себя. Покатался я съ Ксенофонтомъ верхомъ по городу; но въ немъ ничего нѣтъ особеннаго, и мы скоро возвратились. Мукденъ—огромный богатый городъ; есть памятники; но въ общемъ онъ точно такого же типа, какъ и Ляоянъ; только женщинъ на улицѣ сравнительно больше.

Пришелъ приказъ изъ корпуса отслужить завтра въ 9 часовъ утра обѣдницу.

Подъ вечеръ я взялъ палочку, которую мнѣ сдѣлалъ Ксенофонтъ, и пошелъ погулять по биваку и вокругъ него; прежде всего я прошелъ на китайское кладбище и съ большимъ интересомъ осмотрѣлъ его.

Нашъ бивакъ, въ общихъ чертахъ вездѣ одинаковый, представляетъ собою сейчасъ большое пространство земли за городской стѣной, покрытое деревьями. Все это пространство кольцомъ охватываютъ коновязи; своими концами онѣ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, какъ клещами, охватываютъ стѣны стараго запущеннаго кладбища, которое такимъ образомъ большею своею частью очутилось въ предѣлахъ нашего бивака. Посреди бивака тянется дорожка. По одну сторону ея у самаго кладбища расположилась прислуга и устроена офицерская кухня; по другую и параллельно съ ней идетъ рядъ палатокъ, въ которыхъ помѣстились канцелярія, мы съ Букрѣе-

вымъ, столовая, командиръ полка, адъютантъ. Между столовой и командирскимъ обиталищемъ стоитъ часовой, охраняя штандартъ и полковую казну. За этимъ рядомъ палатокъ идетъ рядъ четырехколесныхъ повозокъ, а еще далѣе рядъ двуколокъ. По коновязямъ день и ночь ходятъ кругомъ дневальные. Къ намъ въ бивакъ ведутъ только два входа. Изъ постороннихъ не только китайцы, но и солдаты другихъ полковъ не допускаются. Предосторожность не лишняя: хунхузы и въ городѣ прямо грабятъ; а внѣ стѣнъ надо быть и очень-очень осторожными. Если бы не частые проливные дожди, отдыхъ здѣсь былъ бы полный.

Кладбище, очевидно, древнее и богатое: обнесено оградой, прекрасныя ворота, могилы—цѣлые курганы. Сильное у меня явилось желаніе раскопать ихъ: я такъ люблю древность; но не хочется оскорблять религіознаго чувства китайцевъ. Кладбище заброшено давно: оно все заросло бурьяномъ и огромными старыми соснами. Теперь на этомъ кладбищѣ рѣжутъ скотъ для солдатъ и рядомъ съ могилами сановныхъ, быть-можетъ, мандариновъ закапываютъ внутренности убитыхъ животныхъ. Таковъ законъ войны: надо мириться.

Предъ воротами кладбища снаружи лежитъ огромная каменная черепаха. На спинѣ ея стоитъ каменная доска аршинъ въ 7 высоты съ надписью. Наверху доски высѣчены переплетающіеся между собою драконы. Все чудной работы. Черепаха и драконы свирѣпо разинули пасти: очевидно, не пускаютъ злыхъ духовъ на кладбище, которое должно быть мѣстомъ *упокоенія*.

Наблюдая религіозную жизнь китайцевъ, особенно простыхъ, ясно замѣтно, что они вѣрятъ въ боговъ—духовъ, добрыхъ и злыхъ, признаютъ грѣхъ, необходимость добродѣтели и очищенія отъ грѣховъ людей не только живыхъ, но и умершихъ и посему приносятъ умилостивительныя и очистительныя жертвы. Китайцы горячо вѣрятъ въ загробную жизнь и общеніе между живыми и умершими; садясь, напр., обѣдать, они ставятъ на гробъ своего покойника чашку рису, вѣря, что духомъ онъ съ ними; громко голосятъ по умершемъ, объясняя, „чтобы онъ услышалъ“.

Смотря на мукденскія стѣны, я невольно вспоминаю уроки изъ исторіи о стѣнахъ Ниневіи, Вавилона и египетскихъ городовъ. Безъ всякаго преувеличенія скажу, что это „циклопическая“ постройка. Толщина мукденскихъ стѣнъ такова, что по нимъ свободно можетъ ѣхать четверка; высота же ихъ, думаю, не менѣе 6 саженей. Каменныя съ башнями, онѣ сдѣланы необычайно тщательно. Но отъ времени стѣны разрушаются, не подвергаясь положительно никакому ремонту.

Съ кладбища я вышелъ за предѣлы бивака на дорогу и долго стоялъ, наблюдая мимотекущую жизнь. Китайцы бѣгутъ изъ деревень въ Мукденъ и „все свое несутъ съ собою“. До слезъ печальное зрѣлище и въ то же время невольно смѣшное! Вотъ полуголые

китайцы на коромыслѣ тащатъ огромную живую свинью, которая визжитъ на всю вселенную; это спасаютъ ее отъ „сольдата". Несутъ цѣлый огромный шкапъ съ рухлядью, боговъ, стулья, окна, двери, стропила съ крышъ, сухой гаолянъ, дѣтей за спиной. Здѣсь же съ утра до ночи „купезы" ходятъ по дорогѣ и орутъ немилосердно: „олеха" (орѣхи), „табака махола" (махорка), „папилоса", „спичка", „лѣба" (хлѣба).

Китайцы страшные торгаши: запрашиваютъ впятеро, неотвязчиво торгуются, и чуть только солдатъ, по ихъ мнѣнію, поступилъ неправильно, сейчасъ же начинается крикъ во все горло: „капетана, капетана". Торгуютъ всѣ: старые и молодые; даже дѣти 6—7 лѣтъ, держа въ рукѣ двѣ коробки спичекъ, кричатъ: „спичка, спичка". Слышу направо визгъ и крикъ; смотрю—въ толпѣ китайцевъ происходитъ драка: двое схватили другъ друга за косы и такъ дерутъ, что, того и гляди, оторвутъ съ кожей. Оказывается, поспорили изъ-за какого-то пучка ненужной соломы.

Стащить что-либо у насъ китайцы тоже не прочь. Однако пришлось встрѣтить и хорошихъ китайцевъ. Въ Ляоянѣ я очень подружился съ семьей нашего хозяина; очень сердечные люди. Его двѣ дочери: одна 13-ти лѣтъ, другая 10-ти, ежедневно приходили поздравлять меня съ добрымъ утромъ, приносили винограду, яблокъ и упорно отказывались отъ денегъ. Мысленно одну я называлъ *Сашей,* другую *Милицей* и очень утѣшался, глядя на нихъ и вспоминая моихъ дорогихъ дѣтокъ [1]). Хозяинъ очень любилъ поговорить со мной, конечно, больше догадками при помощи жестовъ и мимики. Вся эта семья куритъ. Однажды я говорю дѣвочкамъ: „кули́, кули́ худо есть, пу шанго", и онѣ сейчасъ же исполнили мое желаніе, бросили папиросы и трубки и больше при мнѣ никогда не курили. Онѣ прямо ужасались, что я ѣду туда, гдѣ „бумъ, бумъ" и „пилюли" т.-е. пушки. Тяжело было прощаться съ этой семьей. Они всѣ вышли проводить насъ грустные. Всѣ наши ихъ любили. Несчастные! уже черезъ недѣлю Ляоянъ горѣлъ отъ снарядовъ. Что-то съ ними?!

Еще примѣръ. Жалѣя одну семью, на половину разоренную, я далъ старику рубль. Отъ радости онъ сталъ на колѣни. Растроганный, я чуть не со слезами на глазахъ поднялъ его. И что же? Проходитъ минутъ двадцать, и старикъ приноситъ маленькаго цыпленка и даетъ мнѣ въ подарокъ; денегъ взять за него онъ рѣшительно отказался.

Возвратился я съ прогулки. Ксенофонтъ вскипятилъ въ котелкѣ кофе, и мы съ подп. Букрѣевымъ выпили по стакану.

Наступила холодная тихая звѣздная ночь.

[1]) Александра и Милица Хостникъ, племянницы о. Митрофана, тогда были воспитанницами его и учились въ Орловской женской гимназіи. Первая нынѣ обучается въ Московской консерваторіи музыкѣ, а вторая уже вышла замужъ.

Господи, какъ необычайно красиво темной ночью небо! какъ ярко горятъ звѣзды! Поднимешь глаза *вверхъ* да такъ и не сводилъ бы. Кромѣ красоты, какимъ миромъ вѣетъ съ неба! Такъ тянетъ туда; безъ словъ душа съ кѣмъ-то говоритъ. О, если бы не ужасъ войны, не разлука съ близкими сердцу и родиной!.. Но и при этомъ небо такъ прекрасно, такъ успокаиваетъ тоскующую, усталую душу.

А *внизу?* Оглянулся... Земля пылаетъ: море костровъ, фонарей, факеловъ. Шумъ: движутся обозы, орудія; несется волною въ одномъ концѣ священное пѣніе молитвы Господней, въ другомъ удалая русская военная пѣсня; доносится откуда-то издали музыка, кричатъ „ура"; визжитъ пойманная свинья; кричатъ „ку-ку-ре-ку" пѣтухи на повозкахъ; мычатъ коровы; перекликаются привѣтнымъ ржаньемъ лошади. У костровъ оживленныя группы солдатъ: пьютъ чай, варятъ картошку въ котелкахъ, при чемъ изъ нѣкоторыхъ торчатъ ножки... курицы. Силуэты растягиваются: получаются оригинальныя и смѣшныя фигуры. Вспыхиваютъ трубочки.

Люблю я подойти къ костру и послушать незамѣтно солдатскіе разговоры. Сколько въ нихъ юмора и... *правды, вѣры въ начальство!* Само начальство частенько критикуетъ другъ друга, сомнѣвается; а солдаты глубоко убѣждены, что все такъ и нужно, что дѣлается: начальство, молъ, знаетъ; Куропаткинъ же для нихъ прямо Богъ, хотя многіе его ни разу не видали.

29-ое августа.

(Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя).

Всталъ рано. Помолившись Богу, пошелъ гулять вокругъ бивуака, чтобы обдумать проповѣдку. Въ $8^1/_2$ час. утра мы съ Михаиломъ, а съ нами 1-ый и 2-ой эскадроны и наша команда отправились въ штабъ 17-го корпуса, гдѣ на чистомъ дворѣ устроили мѣсто для богослуженія. Пришелъ корпусный командиръ, генералы, офицеры, чиновники, прусскій и австрійскій военные агенты. Служба прошла хорошо; пѣли штабные пѣвчіе, а „Вѣрую", „Достойно" и „Отче нашъ" пѣли всѣ.

Я говорилъ поученіе о томъ, что св. Іоаннъ Предтеча, получивъ свыше указаніе нести тяжелое служеніе путемъ проповѣди людямъ покаянія, очищенія отъ грѣховъ, въ теченіе всей своей жизни земной самоотверженно исполнялъ это служеніе, забывая о себѣ и своихъ потребностяхъ. Онъ честно, подвижнически, мученически выполнилъ долгъ свой: даже изъ темницы проповѣдывалъ, пока не сподобился мученической кончины. И теперь на немъ *вѣнецъ побѣды* — вѣчная блаженная жизнь съ Христомъ и Его Пречистою Матерью. Просилъ молящихся подражать св. Предтечѣ, т.-е. вѣрить,

что каждое служеніе земное дается человѣку Богомъ, что всѣ неуспѣхи въ дѣлахъ бываютъ оттого, что люди забываютъ объ этомъ и работаютъ не самоотверженно, не подвижнически, а лѣниво, кое-какъ. Просилъ помнить, что, если честно дѣлать свое дѣло, то непремѣнно будутъ скорби, испытанія: каждое дѣло тогда—крестъ. Но такъ и должно, и духомъ падать отъ этого не только не приходится, а наоборотъ, съ увеличеніемъ скорбей, необходимо увеличивать энергію и бодрость, ни подъ какимъ видомъ не сдаваясь. И тогда вѣнецъ Предтечи будетъ наградой для такого человѣка.

Тихонько вернулся я домой (съ полверсты всего), довольный, что покойно, безъ помѣхи помолились въ святой день.

Послѣ обѣда хотѣлъ ѣхать въ эскадроны служить; но изъ корпуса прислали сказать, что сегодня ожидаютъ сюда икону преп. Сергія Радонежскаго, предъ которой нужно отслужить молебенъ. Иконы мы, впрочемъ, не дождались, и въ эскадроны я не попалъ.

Съ величайшимъ духовнымъ наслажденіемъ читалъ я воспоминанія Поселянина о Саровѣ и Дивѣевѣ. Все прошлогоднее воскресло въ душѣ [1]).

Слава Богу за все.

30-ое августа.

Сегодня почти весь день провелъ въ разъѣздахъ. Въ $7^1/_2$ часовъ утра мы съ командиромъ полка поѣхали въ 3-ій эскадронъ; тамъ и въ 4-мъ эскадронѣ праздники. Желательно было отслужить молебны въ томъ и другомъ.

Ѣдемъ. Послѣ дождя воздухъ чудный. Солнце ярко свѣтитъ. Дышать не надышишься. Лошади бодро мѣсятъ ужасную жидкую грязь и усердно ею обдаютъ насъ, такъ что живого мѣста на мнѣ не осталось: все въ грязи.

Въ 9 час. пріѣхали. Солдаты, очевидно, постарались: такъ все устроили, что заставляютъ забыть о военномъ времени. Большой дворъ утоптали, чисто вымели, устлали цыновками; столъ съ иконой накрытъ бѣлой скатертью; стоятъ столикъ съ закуской для здравицы и большой столъ съ угощеніемъ для солдатъ: каждому по бѣлому хлѣбу, куску мяса, яблоки, груши, водка.

Торжественно при общемъ пѣніи отслужили молебенъ. Проповѣдь говорилъ о необходимости, подобно св. князю Александру Невскому, во всякое время и во всякомъ положеніи спасаться, т.-е. хранить несомнѣнную вѣру, питать надежду на благодатную помощь Господа, творить молитву, блюсти чистоту сердца, слóва и дѣла, вообще слѣдить за собою, за исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, такъ какъ грѣхъ—всегда грѣхъ, и въ мирное и въ военное время

[1]) О. Митрофанъ въ 1903 году присутствовалъ въ Саровѣ при открытіи мощей преп. Серафима, участвуя въ тамошнихъ торжествахъ и священнодѣйствіяхъ.

Наскоро пообѣдали у гостепріимныхъ хозяевъ и поспѣшили въ штабъ 17-го корпуса тоже служить молебенъ. Тамъ сегодня штабной праздникъ и день ангела командира корпуса.

Пріѣхали. Устроились. Собрались всѣ. И здѣсь отслужили. Пѣли прекрасно штабные пѣвчіе. Проповѣдь говорилъ на ту же тему.

Вернулся изъ штаба, закусилъ рѣдечки и въ сопровожденіи Михаила и двухъ солдатъ въ 12 часовъ дня поѣхалъ въ 4-ый эскадронъ, который отъ насъ верстахъ въ 18 къ Ляояну по мандаринской дорогѣ.

Проѣхали по линіи желѣзной дороги верстъ 13, переѣхали длинный желѣзнодорожный мостъ, который сильно укрѣпленъ (два форта, волчьи ямы, проволока); проѣхали разъѣздъ. Стоитъ поѣздъ: саперы снимаютъ рельсы и увозятъ въ Мукденъ. Вездѣ пѣхотные окопы. Солдатъ уже мало стало встрѣчаться. Тишина. Деревни пусты. Немного жутко... Смотрю... Навстрѣчу намъ показался какой-то разъѣздъ; ближе... Какъ-будто драгуны... Дѣйствительно, ѣдетъ самъ командиръ 4-го эскадрона ротм. Калининъ съ нѣсколькими солдатами.

— „Мы къ вамъ“, кричу я.

— „Вернитесь“, раздается въ отвѣтъ: „сегодня ночью нашъ эскадронъ передвинули на новую стоянку, отсюда еще верстъ 20; теперь мы подъ самымъ носомъ японцевъ. До темноты не доѣдете да и не застанете почти никого: эскадронъ разосланъ въ разъѣзды. Отложимъ празднованіе до болѣе удобнаго времени!“

Такъ и вернулись мы въ $6^1/_2$ час. вечера домой, сдѣлавши болѣе 30 верстъ. Немного усталъ. Еще великое спасибо корнету Романову, что подарилъ мнѣ иноходца; какъ въ люлькѣ, мало трясетъ.

31-ое августа и 1-ое сентября прошли у меня въ полномъ бездѣйствіи; только читалъ.

2-ое сентября.

Ходятъ слухи, что скоро снова бой. Рѣшилъ поѣхать въ 5-ый и 6-ой эскадроны отслужить обѣдницу и побесѣдовать, а то уйдутъ на сраженіе: трудно будетъ до нихъ добраться. Слава Богу, съѣздилъ; успѣли не спѣша помолиться и побесѣдовать. Проповѣдь говорилъ о св. Іоаннѣ Предтечѣ.

Службу нашъ полкъ до сихъ поръ несъ очень хорошо. Пріѣзжалъ ген. Куропаткинъ и два раза благодарилъ за отличную работу.

Раненый Кузнецовъ, котораго я пріобщилъ 15-го авг., умеръ.

При мнѣ пришли два солдата изъ разъѣзда вахмистра 6-го эскадрона Бурбы и передали слѣдующія подробности его гибели. 21-го авг. вахмистръ и эти два солдата поѣхали на развѣдку.

Въѣзжаютъ въ деревню, смотрятъ и видятъ на другомъ концѣ улицы не менѣе двадцати всадниковъ, которые бросились на нашихъ. Вахмистръ съ солдатами повернулъ обратно; вскочили въ гаолянъ и отъ погони ушли. Выѣхали изъ гаоляна и продолжаютъ развѣдку. И что же? Оказалось, наѣхали прямо на японскую пѣхоту и артиллерію. Японцы быстро вскочили, схватили ружья и дали залпъ по нашимъ. Вахмистръ оказался раненъ въ правую ногу около ступни съ раздробленіемъ кости, но въ сѣдлѣ усидѣлъ. Наши снова вскочили въ гаолянъ и поскакали. Вдругъ болотная рѣчка. Бросились въ нее. Солдаты перескочили; вахмистръ завязъ.

— „Братцы! не бросьте", кричитъ онъ.

Солдаты тотчасъ вернулись, освободили его и снова ѣдутъ по гаоляну. Стрѣльба стихла.

— „Братцы! не могу больше ѣхать: больно; снимите и перевяжите ногу", говоритъ вахмистръ.

Остановились, сняли его, разрѣзали сапогъ, перевязали ногу платками. Въ это время снова залпъ. Двѣ лошади умчались; осталась одна. На нее посадили раненаго вахмистра; сами же побѣжали ловить своихъ лошадей. Наступила темнота. Лошадей не поймали и вахмистра въ гаолянѣ не нашли. Что сталось съ нимъ? Конечно, его настигли японцы и затѣмъ или добили, или взяли въ плѣнъ. Три дня ползли черезъ японскія сторожевыя цѣпи наши два солдата и наконецъ добрались до своихъ.

Грустно было выслушать этотъ разсказъ тѣмъ болѣе, что недавно нашъ же унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся Рукавишниковъ тоже наѣхалъ на японцевъ и пропалъ безъ вѣсти. Тяжело на душѣ; предъ глазами такъ и стоитъ кроткая жена вахмистра и бѣдная Варя [1]). Да утѣшитъ ихъ Господь!

3-ье сентября просидѣлъ на бивуакѣ, читалъ. Погода устанавливается хорошая, начинаютъ просыхать манчжурскія болота-дороги; только по ночамъ стало холодно.

4-ое сентября.

Весь день была хорошая погода, и я долго гулялъ. Завтра именинница Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна; черезъ ген. Степанова послалъ поздравленіе.

До чего врутъ телеграммы! Напр. пишутъ отъ 25 авг.: „Куроки черезъ нѣсколько часовъ займетъ Мукденъ". Неправда: Мукденъ до сихъ поръ не взятъ имъ. Японцы такъ разстроены, что имъ нужно сначала оправиться. Или еще. Пишутъ, что населеніе Мукдена все бѣжало при нашемъ приближеніи. Опять ложь. Мукденъ кишмя

[1]) Варя Бурба была тогда ученицей церковно-приходской школы, устроенной заботами о. Митрофана при своей полковой церкви въ Орлѣ.

кишитъ жителями, какъ муравейникъ, и жители даже въ выгодѣ, такъ какъ удвоили и утроили на все цѣны и отлично торгуютъ.

5-ое сентября.

Всталъ пораньше, чтобы обдумать проповѣдь и приготовить мѣсто для служенія. Сегодня день ангела нашего шефа Великой Княгини. Рѣшили служить на нашемъ бивуакѣ.

Горе! Опять дождь, и вся наша надежда на торжество пропала.

Въ 9 час. утра собрались 1-ый и 2-ой эскадроны; пріѣхали также 5-ый и 6-ой. Среди дождя я сказалъ солдатикамъ небольшую проповѣдь на притчу о талантахъ и по поводу событія, и затѣмъ, вмѣсто обѣдницы и молебна, отслужили одинъ молебенъ.

Вымокли порядочно. Сейчасъ сушу въ палаткѣ иконы и ризы. Господи! Когда же прекратятся эти ужасные дожди? Дали отдохнуть три денька и потомъ опять на цѣлый день. Слава Богу, что палатка хорошо поставлена: нигдѣ не протекаетъ.

Въ 2 часа дня за обѣдомъ я получилъ отъ Ея Высочества слѣдующую телеграмму:

„Сердечно благодарю за поздравленіе и благословеніе. Рада, что здоровы. Уповаю, Господь Вашими молитвами будетъ охранять моихъ дорогихъ черниговцевъ. Утѣшительно, что скоро можете начать служить въ церкви[1]); помогай Вамъ, Господь. Вчера видѣла Вашу жену въ кремлевскомъ складѣ въ полномъ здоровьѣ. Елисавета“.

6-ое сентября.

Сегодня ночью и утромъ мы основательно познакомились съ новымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нашей военной жизни, господиномъ морозомъ градуса въ два съ вѣтромъ. Пришлось лечь во всемъ одѣяніи, завернуться получше. Закрыли, насколько возможно, палатку, а все-таки продрогли. Вода замерзла.

Вотъ она миленькая Манчжурія! То жгла немилосердно, то мочила, а теперь безъ передышки за морозъ взялась. Однимъ утѣшаемся, что мы, жители сѣвера, перетерпимъ; а вотъ какъ теперь танцуютъ наши противники японцы, южный народъ! Чтобы сражаться налегкѣ, они давно побросали даже шинели.

А тутъ еще ночью въ Мукденѣ что-то творилось неладное: гремѣли барабаны, гудѣла какая-то труба, былъ шумъ человѣческихъ голосовъ, слышался лай и вой собакъ. Я вышелъ изъ палатки. Ничего не видно; только звѣзды необычайно ярко горятъ въ морозномъ воздухѣ, да вспыхиваютъ на нашемъ бивакѣ костры, у которыхъ грѣ-

[1]) Заботливая Великая Княгиня не только снабдила своихъ черниговцевъ всѣмъ необходимымъ на войнѣ (лѣкарствами, погребцами и пр.), но и соорудила имъ военно-походную церковь со всею церковною утварью.

ются дневальные, да изъ-подъ телѣгъ несется дружный русскій храпъ нашихъ воиновъ. Ахъ, русскіе люди! Подъ стѣнами Мукдена спятъ себѣ преспокойно, точно въ деревнѣ у себя на родинѣ.

Смолкло въ Мукденѣ. Только изрѣдка раздается звукъ гонга (родъ металлическаго таза, въ который ударяютъ ночные сторожа). Улегся я, на голову надѣлъ шлемъ[1]), пригрѣлся, задремалъ и... О, радость! въ Орелъ прилетѣлъ, но знаю, что идетъ война, и я сейчасъ же долженъ мчаться назадъ въ Манчжурію. Ѣду около церкви; сейчасъ тамъ будетъ служба. Народъ начинаетъ узнавать меня. Думаю: что смущать людей? вѣдь остаться не могу, а разнесется „батюшка пріѣхалъ". Повернулъ и понесся обратно. Нашелъ все въ порядкѣ и на своемъ мѣстѣ; только у церковной паперти выросли двѣ большихъ березки. Просыпаюсь.... Вѣтеръ воетъ; дрожитъ палатка; ржутъ и стучатъ ногами о землю прозябшія лошади. Я въ Манчжуріи!...

Рано встали всѣ. Вода—ледъ: едва умылся. Наскоро напился чаю и побѣжалъ къ двуколкѣ, досталъ теплыя вещи. Весь день страшный вѣтеръ, и гдѣ-нибудь, вѣроятно, выпалъ градъ.

Опишу порядокъ нашего бивуачнаго, мирнаго, такъ сказать, дня, когда мы все время сидимъ дома, не двигаемся.

Встаю утромъ въ 6$^1/_2$ часовъ (другіе немного позднѣе), беру умывальныя принадлежности, и Ксенофонтъ подаетъ мнѣ кружечкой холодную-прехолодную воду. Во время умыванья у насъ почти всегда происходитъ бесѣда о родинѣ и близкихъ нашихъ, о сновидѣніяхъ, куда кто во снѣ ѣздилъ.

— „Вотъ Вы, батюшка, уже нѣсколько разъ были въ Орлѣ, а я только разъ во снѣ былъ тамъ. А что, къ Новому году вернемся въ Россію?" говоритъ Ксенофонтъ.

— „Нѣтъ", говорю: „и къ Пасхѣ-то не попадемъ."

Умывшись, беру палочку и иду по дорожкѣ гулять, читаю правило. Ксенофонтъ же въ это время или кофе кипятитъ мнѣ въ котелкѣ, или готовитъ кипятокъ. Гуляя, дохожу иногда до городской стѣны. Смотрю на это сооруженіе, вообще на всю эту старую китайскую цивилизацію и невольно задумываюсь.

Да, древніе китайцы сумѣли создать религію, искусство, всѣ эти храмы, дворцы, стѣны; а теперешніе новаго не создали и стараго не поддерживаютъ: стѣны осыпаются, дворцы, покрытые плѣсенью и пылью, тоже рушатся. Никто и не думаетъ поремонтировать: не дорожатъ.

Искусство, наука, жизнь?... Застой полный! движенія впередъ нѣтъ: ни черточки новаго. Нынѣшній Китай замкнулся въ *старое* и кое-какъ ему, этому „старому", подражаетъ.

Религія?... Сколько я видѣлъ храмовъ! Всѣ въ пыли: ухода за ними нѣтъ. Архитектура ихъ столь оригинальна—не насмотришься;

[1]) Изъ мягкой матеріи, въ родѣ скуфейки.

особенно хороши работы изъ камня и черепицы. И что же? Съ удовольствіемъ отдаютъ храмы подъ постой; и стоитъ только хунхузамъ стащить изъ храма дверь или что другое, какъ жители преспокойно довершаютъ ограбленіе родной святыни. Религіозность выродилась въ культъ предковъ. Всѣ церемоніи къ этому и направлены; напр., въ похоронныхъ процессіяхъ несутъ не эмблемы религіи, а чучела коня, мула, арбы, стула, т.-е. всего того, чѣмъ пользовался покойникъ при жизни; и это сжигается. Вѣрятъ китайцы въ бога—небо, въ загробную жизнь. Но все это очень смутно, сбивчиво; суевѣрій же масса.

Можетъ-быть, мои наблюденія поверхностны, но мнѣ такъ кажется.

Струю *живой* религіи нужно бы вдохнуть въ эти сотни милліоновъ людей. Сейчасъ держится еще пока нравственность по старымъ традиціямъ. Но если когда-либо разовьется въ этомъ народѣ критицизмъ, раціонализмъ и проч., то сразу наступитъ полная потеря идеаловъ, и разруха готова, такъ какъ на чемъ же, спрашивается, основать китайцамъ тогда добродѣтель?

Тоже и японцы.... Какъ говорятъ, религія у нихъ еще больше исчезла. Но они заполняютъ теперь *внутреннюю пустоту* своей жизни погоней за чужой цивилизаціей, которую они спѣшатъ внести въ свою жизнь; духа же европейской цивилизаціи, *духа жизни*, т.-е. истинной религіи, могущей заполнить ихъ внутреннюю пустоту, они не взяли. И вотъ пройдутъ десятилѣтія, сотня лѣтъ, изживутъ японцы всю *внѣшнюю цивилизацію*, надоѣстъ она имъ, и тогда заговоритъ у нихъ *духъ*. Гдѣ же найдетъ онъ себѣ тогда отвѣты? Въ кумирняхъ? у старыхъ боговъ, которыхъ и теперь уже японцы и китайцы сѣкутъ розгами за неудачи? Плохой отвѣтъ. Въ философіи? Но *духу* нужна не *часть* истины, открываемая философіей, а *вся* истина, могущая освѣтить своимъ свѣтомъ всѣ темные уголки души, обосновать стремленіе духа къ добродѣтели, отвѣтить на всѣ запросы. Мнѣ кажется, послѣ, когда японцы достаточно поплатятся за принятую ими внѣшнюю цивилизацію, очень возможно, что *протестъ духа* скоро-скоро покажетъ себя.

Вотъ вамъ и разъ: хотѣлъ описать порядокъ *мирнаго* нашего дня, да и заговорился о другомъ, а сосѣдъ мой уже похрапываетъ. Время и мнѣ прилечь. Ложусь въ тепломъ подрясникѣ и въ сапогахъ. Продолженіе завтра.

7-ое сентября.

Ночь прошла благополучно. Продолжаю описаніе порядка повседневной „мирной" нашей жизни.

Прихожу съ прогулки; а у Ксенофонта уже чай готовъ. Напившись чаю, пишу дневникъ, готовлю письма на почту. Затѣмъ люблю пройтись по обозу посмотрѣть солдатское житье-бытье и разныя ихъ выдумки.

Какъ только станемъ на бивакъ, солдаты сейчасъ же начинаютъ устраивать себѣ помѣщеніе. Одни ставятъ повозки по нѣскольку въ рядъ и покрываютъ ихъ брезентами, а съ боковъ заставляютъ гаоляномъ; другіе роютъ между разставленными повозками большую широкую яму; сверху изъ вѣтвей устраиваютъ подобіе крыши; все это плотно застилается гаоляномъ и травой, и получается довольно теплое помѣщеніе. А нѣкоторые спятъ прямо на землѣ, подостлавши себѣ попоны.

Вся команда давно уже по духовному, вѣроятно, сродству раздѣлилась на кружки, человѣкъ по 5—6. Каждый кружокъ имѣетъ свой костеръ и промышляетъ себѣ завтракъ и полдникъ, такъ какъ солдатскіе желудки не довольствуются однимъ казеннымъ котломъ. На этомъ поприщѣ больше всѣхъ отличается, конечно, Ксенофонтъ. Онъ и толченый картофель умудряется приготовить, и гаолянную кашу, и супъ съ саломъ. Иной разъ и меня угощаютъ. Въ Ксенофонтовъ кружокъ входятъ пятеро: онъ, Михаилъ, Галкинъ, Мозолевскій и Рыженко. Это неразрывные друзья. Въ послѣднее время этотъ кружокъ сталъ брать свой паекъ натурой, т.-е. сырое мясо, картофель, крупу, сало; и Ксенофонтъ въ большомъ старомъ ведрѣ варитъ на свою компанію чудный обѣдъ и ужинъ; онъ ухитряется даже поджаривать въ кружечкѣ лукъ.

На этомъ же кострѣ кипятится большой чайникъ воды, изъ котораго Ксенофонтъ наливаетъ въ тазъ горячей воды и стираетъ мнѣ бѣлье. Тазъ возимъ, привязавъ его подъ телѣгой.

Интересно обойти, посмотрѣть, послушать солдатскія бесѣды. Въ общемъ солдаты безропотны и веселы, несмотря на невзгоды и наступившій холодъ.

Прихожу къ палаткѣ. У командира узнаешь что-нибудь новенькое по полку и вообще о военныхъ дѣйствіяхъ. Къ нему присылаютъ донесенія командиры эскадроновъ съ передовыхъ линій.

2 часа дня. На сколоченномъ изъ старыхъ досокъ и деревяшекъ столѣ подъ полотнянымъ навѣсомъ уже накрытъ обѣдъ. Беремъ каждый свою походную скамеечку и ѣдимъ съ аппетитомъ бивачнаго жителя, что Богъ послалъ, смотря по мѣсту стоянки; стоимъ въ городѣ—хорошо ѣдимъ, т.-е. горячее съ мясомъ и жаркое изъ мяса, иногда курицу или яичницу, а если въ деревнѣ или въ полѣ, то и одно мясо; а были времена, что ѣли консервы или доѣдали орловскую колбасу.

За обѣдомъ оживленные разговоры: родина, родные, политика, война—все перетолкуется основательно. Послѣ обѣда расходимся по палаткамъ; кто спать ложится, кто въ городъ ѣдетъ; я что-либо читаю, а, главное, съ великимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ ожидаю почту, за которой пошелъ уже писарь и придетъ обратно въ 4 часа.

Несутъ... Бѣгу... Самъ разбираю, кладу въ карманъ и ухожу куда-либо подъ дерево. Читаю... Какое наслажденіе! Какъ будто по-

видаешься, поговоришь съ писавшими. Ну, а если ничего нѣтъ, то не знаешь, какъ и дожить до завтра. Это, конечно, тогда, когда почта корпусная отъ насъ близко; а то получаемъ со случаемъ въ нѣсколько дней разъ.

Прочту письма, иду въ палатку. Кипятокъ уже готовъ; пьемъ вечерній чай, послѣ котораго часовъ въ 6 я снова иду по своей дорожкѣ (на каждомъ бивакѣ выбираю), читаю вечернее правило. И такъ отрадно бываетъ смотрѣть на небо: вѣдь оно одно и у васъ и у насъ, хотя, когда у насъ ночь, у васъ свѣтло; да тамъ, на небѣ, нѣтъ ни сраженій ни биваковъ, а только миръ и божественный покой. Молитвы читаю до ужина потому, что послѣ бываетъ очень темно и ходить невозможно, а въ палаткѣ неудобно.

Въ 7 час. вечера подается сигналъ, и наша команда выстраивается въ двѣ шеренги. Прихожу я, провозглашаю „Благословенъ Богъ нашъ"; и начинается общая вечерняя молитва. Поемъ всѣ „Царю небесный", „Отче нашъ", „Спаси, Господи" и „Достойно". Послѣ этого люди ужинаютъ, пропѣвши „Очи всѣхъ на тя, Господи, уповаютъ". Часовъ въ 8 ужинаемъ и мы: ѣдимъ по куску жаренаго на салѣ мяса (масла здѣсь не достать: китайцы понятія не имѣютъ о молокѣ и маслѣ).

За время съ 17-го іюля мы были на 11 бивакахъ, не считая мѣстъ остановокъ при передвиженіяхъ. Вотъ они: Янтай, Латотай, Ляоянъ, Цзюцзаюаньцзы, снова Ляоянъ, Цовчиндзы, снова Латотай, снова Янтай, Са-хе-пу, Ван-дя-пу, Мукденъ. Когда упоминаются города Ляоянъ и Мукденъ, то это не значитъ, что мы живемъ съ удобствами: кромѣ перваго Ляояна гнилого и скорпіоннаго, все равно располагаемся бивакомъ гдѣ-нибудь на огородахъ, а теперь подъ стѣною.

Это наша „мирная" жизнь, буднишняя. Въ праздникъ прибавляются богослуженія; впрочемъ я и въ будни служу иногда въ эскадронахъ, пользуясь военнымъ затишьемъ. Во время же сраженій, когда мы были на позиціи, и во время передвиженій все шло, конечно, совершенно иначе: десять дней мы не ѣли даже хлѣба, питаясь только сухарями, пили и умывались почти грязью и проч.

Сегодня весь день въ тепломъ: холодно. Назначена была всенощная въ 6 часовъ. Мы приготовились уже итти; вдругъ изъ штаба корпуса отмѣна. Не знаю, почему... Ложусь.

8-ое сентября.

Ночью холодъ; утромъ дождь мелкій, осенній; не видно солнышка. А сегодня праздникъ великій, Рождество Пресвятыя Богородицы; не весело: дождемъ начался онъ.

Вставши утромъ, я пошелъ, по обыкновенію, на дорожку, походилъ, обдумалъ проповѣдь. Мимо бѣгутъ толпы китайцевъ

жать гаолянъ, чумизу, рисъ, все, что осталось: у нихъ нѣтъ праздника.

Ѣдетъ кортежъ: китайскій „капетана" отправляется куда-то творить судъ и расправу. Впереди него верховой въ шляпѣ съ краснымъ махромъ. Колымажка запряжена однимъ муломъ. Въ ней сидитъ на корточкахъ самъ „капетана" въ остроконечной шляпѣ съ краснымъ хвостомъ и стекляннымъ шарикомъ наверху; отъ взоровъ простыхъ смертныхъ священная особа закрыта шелковыми занавѣсками. Муломъ правитъ кучеръ. Сзади еще верховой. Колымажка окружена большою толпою китайцевъ, которые бѣгутъ въ припрыжку, съ великимъ благоговѣніемъ заглядывая подъ занавѣску, чтобы хоть мелькомъ удостоиться лицезрѣть столь важную персону.

Къ $8^1/_2$ часамъ дождь началъ какъ будто стихать. Послалъ звать на богослуженіе эскадроны. Собрались. На этотъ разъ устроились на нашемъ бивакѣ. Дождь совсѣмъ пересталъ. Я облачился, и, только что возгласилъ „Благословенно царство", какъ опять заморосилъ дождикъ и шелъ всю обѣдницу. Самъ Господь кропилъ насъ св. водою, думалось мнѣ.

Послѣ „Отче нашъ" говорилъ проповѣдь о томъ, что для вѣчнаго спасенія намъ необходимо итти по стопамъ Богоматери, т.-е. крѣпко *хранить* въ душѣ св. *вѣру*, которая, какъ несокрушимый камень, легшій въ основаніе нашего спасенія, сохранитъ насъ отъ всѣхъ напастей; просилъ *избѣгать* всѣми силами души *гордости*, которая отрываетъ насъ отъ Бога, ибо Онъ есть смиренная любовь, разстраиваетъ далѣе и лишаетъ спорости общую работу, наполняя ее ошибками, какъ послѣдствіями гордости, и наконецъ отнимаетъ у души внутренній покой; увѣщавалъ, наоборотъ, *стяжать смиреніе*, *питать любовь* другъ къ другу, выражая ее во взаимопомощи безъ всякой зависти и тщеславія.

Въ $10^1/_2$ часовъ погода разгулялась. Подулъ вѣтеръ и разогналъ тучи. Выплыло солнышко и обдало насъ своимъ свѣтомъ-тепломъ: порадуйтесь, молъ—я васъ не забыло; съ праздничкомъ!..

Послѣ обѣдницы я пошелъ тихонько въ 1-ый эскадронъ служить молебенъ по случаю эскадроннаго праздника. Пришелъ и диву дался. Ну и артисты же наши солдаты. Изъ простого огорода съ китайскою рѣдькой они устроили цвѣтущій садъ: выровняли большой четырехугольникъ, утрамбовали, обсадили срубленными деревьями да такъ искусно, что всѣ принимали ихъ за настоящія. Собрали массу цвѣтовъ, украсили ими деревья и столы (офицерскій и солдатскіе), уставленные бѣлымъ хлѣбомъ, колбасой, яблоками, грушами яйцами, водкой и виномъ, сдѣлали двѣ зеленыхъ арки и на одну изъ нихъ поставили игрушечнаго барана, что „самъ хвостомъ вертитъ" (отъ вѣтра, конечно), а на другую повѣсили китайскую корзину съ цвѣтами. Столикъ для иконы былъ весь въ цвѣтахъ. Нужно было видѣть восторгъ солдатъ-устроителей: какъ дѣти, утѣшались.

они, глядя на свой „садъ“, на барана, „самого хвостомъ вертящаго“, на изумленіе гостей при видѣ ихъ „художества“.

Собрались два генерала, весь почти штабъ 17-го корпуса, офицеры нашего полка, и торжество открылось. Я сказалъ проповѣдь на ту же тему, что и утромъ (1-ый эскадронъ не былъ на обѣдницѣ), и начался молебенъ, окончившійся многолѣтіемъ и окропленіемъ яствъ и питей. Однимъ словомъ, будто въ Орлѣ. Затѣмъ здравицы, „ура“ и обильная трапеза. Радушный хозяинъ ротмистръ Обломіевскій рѣшительно поразилъ всѣхъ роскошью своего стола: вина, закуски, жаркія и даже огромный пирогъ.

Подзакусивши, я скоро всталъ и ушелъ на бивакъ, чтобы ѣхать служить обѣдницу въ другіе эскадроны, а остальная братія пребывала за трапезой до вечера.

Велѣлъ сѣдлать лошадей. Вѣтеръ холодный. Досталъ папаху, на теплый подрясникъ надѣлъ накидку, сѣлъ на „китайца“, и мы поѣхали.

Дорожку уже успѣло обдуть. „Китаецъ“ застоялся: какъ вѣтеръ, несетъ; мелко сѣменитъ онъ ножками, качаетъ, какъ въ люлькѣ. Михаилъ скачетъ сзади галопомъ. Вѣтеръ обвѣваетъ лицо; волокна папахи щекочатъ лобъ. Зорко смотритъ моя дивная лошадка впередъ; какъ змѣя, скользитъ по изгибамъ дорожки, не споткнется: не даромъ служила хунхузамъ. Я въ полѣ. Вокругъ чумиза, гаолянъ, одиночки-деревья.

Какъ я любилъ всегда побыть одинъ въ полѣ тамъ, далеко!.. А здѣсь?.. И невольно голова опустилась. Рой воспоминаній ворвался, и нѣтъ силъ противостоять. Пронеслись времена дѣтское, учебное, варшавское[1]), тверское, орловское, замелькали Отрада, 6-ое мая, 3-ье іюня[2]), всплыло ужасное 11-ое іюня: прощанье въ домѣ, вокзалъ, отъѣздъ... Охъ, Господи, и не замѣтилъ, какъ скатилась слеза. Быстро смахнулъ: совѣстно... Что это? малодушіе? О, нѣтъ. Не знаю, что такое; только не малодушіе. Слава Богу, русскій и христіанскій духъ крѣпко держится еще въ душѣ моей.

И вспоминаются мнѣ тутъ чудныя слова Тараса Бульбы своимъ казакамъ во время битвы:

[1]) О. Митрофанъ, по окончаніи курса въ семинаріи, поступилъ было, подъ вліяніемъ старшихъ братьевъ, въ высшее свѣтское учебное заведеніе; но естественное влеченіе скоро взяло верхъ, и уже въ январѣ того учебнаго года онъ оставилъ Варшаву и принялъ духовный санъ въ своей Воронежской губерніи. Скоро затѣмъ онъ сдѣлался священникомъ 47-го драгунскаго Татарскаго полка, стоявшаго въ г. Рыпинѣ, въ Варшавскомъ военномъ округѣ.

[2]) Проѣздомъ на югъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай II Александровичъ, сопровождаемый Его Императорскимъ Высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ и нѣсколькими высокопоставленными особами, изволилъ слушать въ день своего рожденія 6-го мая въ Орловской полковой церкви обѣдню и благословить Черниговскій полкъ въ манчжурскій походъ св. иконою, а 3-го іюня г. Орелъ посѣтили Ихъ Императорскія Высочества покойный великій князь Сергій Александровичъ и великая княгиня Елисавета Ѳеодоровна, которые тоже благословили полкъ иконою и отдѣльно каждаго офицера и солдата крестикомъ.

— „А что, дѣти, есть еще порохъ въ пороховницахъ?“

— „Есть, батьку“, отвѣчаютъ казаки.

Такъ и хочется себѣ и другимъ крикнуть:

— „А что, есть еще въ вашихъ душахъ крѣпкій русскій духъ и несокрушимая вѣра православная, какъ нѣкій порохъ въ пороховницахъ? Бросьте ненужный вашъ критицизмъ и скептику, вѣрьте въ промыслъ Божій въ жизни народовъ, будьте просто русскими и боритесь до́ смерти, памятуя: гдѣ русскіе, тамъ русское, и тамъ тепло всѣмъ язы́камъ незлокозненнымъ“.

А лошадка, что вѣтеръ, несетъ. Уже нѣсколько разъ фыркнула, нагибая голову до́ земли, какъ бы давая понять:

— „Что, молъ, хозяинъ, задумался? вѣдь давно бѣгу“.

— „Ну, прости, прости, голубушка! пойди шажкомъ“.

И треплю лошадкѣ шею, глажу; а она повертываетъ ко мнѣ голову, подставляетъ, чтобы я почесалъ ей подже́лезицу.

Ѣду дальше. Оглядѣлся... Китайцы убираютъ хлѣбъ съ полей, Манчжурія...

Господи! да что со мной сегодня сдѣлалось? Опять думы. Вспоминается пережитое манчжурское, особенно ляоянскія сраженія. Вереницы носилокъ съ тяжело ранеными: нѣкоторые покрыты шинелями, всѣ мертвенно блѣдные. Арбы вотъ двѣ очень памятны. Сидитъ на одной солдатъ, склонивъ голову на руку, словно думу думаетъ крѣпкую. Смотрю ближе... А у него, вмѣсто лица, кровавая масса. Правитъ этой арбой другой солдатъ, раненый въ ногу. На днѣ другой арбы лежитъ голое тѣло. Думаю: убитый. Анъ нѣтъ: пошевельнулъ рукой, согналъ слабымъ ея движеніемъ муху. Тяжело раненъ; рубашка, превращенная въ бою въ клочья, свалилась; штаны пошли на первую товарищескую перевязку. И, Боже мой, сколько такихъ!..

Кругомъ все напоминаетъ о витающей здѣсь смерти. Идутъ толпы китайцевъ. Мысль скользитъ: а, можетъ-быть, они хунхузы; завтра попадутся и будутъ повѣшены, какъ недавно провели мимо насъ двухъ связанныхъ за косы, точно такихъ же. Идутъ мимо пѣхотные полки на позиціи съ музыкой, весело и бодро шагаютъ. А завтра? А завтра, можетъ-быть, не будетъ уже и на свѣтѣ вотъ этихъ, что сейчасъ на мой вопросъ, какой идетъ полкъ, такъ дружно и громко отвѣтили: „первый боевой въ арміи, Зарайскій“. Гонятъ стада животныхъ, но не на мирныя пастбища: завтра они будутъ убиты для прокормленія арміи. Весело кричатъ на повозкахъ пѣтухи; это ихъ послѣдняя пѣсня: завтра ихъ ждетъ горькая участь. И вотъ все такъ.

Слышу голосъ Михаила: „батюшка, мы, кажется, сбились, проѣхали поворотъ?“ Въѣзжаю на пригорочекъ, что у двухъ дорогъ, и вижу: сидятъ два русскихъ витязя, два Ильи Муромца. И вскричалъ я громкимъ голосомъ:

— „Охъ и гой вы, добры молодцы! кто, откуда вы? куда путь держите?“

Отвѣчаютъ Ильи Муромцы:

— „Мы витязи славнаго войска Сибирскаго 11-го полка стрѣлковаго. Истрепались у насъ сапоженьки, изранились босы ноженьки, износились рубашоночки, и идемъ мы промыслить себѣ одежонку, обужонку за рубль-копеечку въ славный городъ Мукденъ“.

— „А скажите, добры молодцы, гдѣ стоитъ здѣсь славная русская конница?“

Указали Ильи Муромцы перстомъ вправо. Попрощалися, повернули мы коней и скоро пріѣхали...... на ханшинный, т.-е. китайскій водочный, заводъ, гдѣ стоятъ наши эскадроны съ вчерашняго дня.

Такъ на заводѣ этомъ и устроили мѣсто для богослуженія. Что дѣлать! Обстановка повелѣваетъ. Отслужилъ обѣдницу; проповѣдь говорилъ на ту же тему, что и у себя.

Попили чаю, побесѣдовали, осмотрѣли заводъ, видѣли сжатый рисъ, еще зеленый. У насъ въ Россіи рисъ дорого продается, а здѣсь въ Китаѣ солдаты имъ лошадей кормятъ.

Пріѣхалъ домой я уже вечеромъ. Немного усталъ. Прошу простить: кажется, я очень ужъ много понаписалъ вамъ въ этотъ разъ; боюсь, что утомилъ ваше вниманіе. Лягу опять въ полномъ одѣяніи.

9-ое, 10-ое и 11-ое сентября.

Ночь была теплѣе, и день хорошій, солнечный. Съ ранняго утра, что муравьи, завозились наши солдатики. Застучали топоры, заработали лопата и метла. Надо бивакъ разукрасить, во что бы то ни стало: сегодня нашъ штабной праздникъ — день св. Ѳеодосія. Мы счастливы: солнышко свѣтитъ, ни тучки. Праздникъ выйдетъ на славу.

И вышелъ. Притащили изъ 1-го эскадрона ихъ вчерашній „садъ“ полностью, корзину, цвѣты, барана, что „самъ хвостомъ вертитъ“, и даже арки переправили, не разбирая ихъ. Все, что было въ 1-мъ эскадронѣ, водворилось и у насъ и притомъ не менѣе художественно. Офицерскій же столъ и солдатское угощеніе у насъ были и красивѣе и полезнѣе; напр. каждому солдату дали водки по одной только маленькой рюмочкѣ да по стакану пива, зато передъ каждымъ лежали чай и сахаръ, большія бѣлыя булки, яйца, яблоки и груши.

Въ 12 часовъ пришли нашъ генералъ и офицеры нашего полка —гости. И я отслужилъ молебенъ св. Ѳеодосію. Проповѣдь говорилъ на тему, что св. Ѳеодосій принадлежалъ къ военной семьѣ, и однако это не помѣшало его спасенію. Посему просилъ воиновъ отбросить ложный взглядъ, будто на военной службѣ можно позволить себѣ много лишняго, грѣховнаго, чего въ гражданской жизни человѣкъ

никогда бы себѣ не дозволилъ: Богъ де проститъ. Развѣ военная служба для погибели? Нѣтъ, для спасенія. Поэтому всѣ воины должны внушить себѣ, что на военной службѣ и тѣмъ болѣе въ военное время необходимо соблюдать заповѣди и стремиться къ святости даже болѣе, чѣмъ въ гражданской службѣ и въ мирное время. Развѣ военная служба мѣшаетъ искренно вѣровать въ Бога, горячо молиться, соблюдать уставы св. церкви, хранить чистоту помысловъ и воздержаніе въ словѣ, блюсти цѣломудріе, честность, трудолюбіе, послушаніе, уваженіе къ старшимъ и пр.? Конечно, нѣтъ. Наоборотъ, она именно къ этому-то наиболѣе и располагаетъ, обязываетъ даже, прибавляя еще возможность мученическаго вѣнца: „спасайтесь же!“ Указалъ затѣмъ, что многіе нестроевые считаютъ себя какъ бы на половину воинами: „мы де не сражаемся“, говорятъ они и грустятъ отъ этого. Надо не смущаться этимъ, а помнить, что, какъ тѣло одно, а члены разны, и всѣ члены другъ другу необходимы;—такъ и полкъ—одно тѣло, въ которомъ всѣ несутъ одну службу Богу, Царю и отечеству и другъ другу необходимы. Нужно только честно и вѣрно служить по присягѣ, а Богъ и Царь не забудутъ; святой же Θеодосій своими молитвами благословитъ и поможетъ.

Послѣ молебна у насъ былъ обѣдъ съ пирогомъ и..... шампанскимъ (достали-таки!). Пришли пѣсенники, и пошло русское веселье рѣкою. А я велѣлъ подать „китайца“ и поѣхалъ отъ своего шума на сосѣдній бивакъ къ родному Полѣ[1]), гдѣ живетъ и батюшка 52-го драгунскаго полка. Тамъ пилъ чай; оживленно бесѣдовали. Вернулся въ 6 часовъ вечера домой и все остальное время писалъ.

10-го и 11-го сент. погода снова наступила теплая съ холодными, впрочемъ, ночами; но спимъ, уже раздѣваясь, безъ опасенія простудиться.

Получено донесеніе полковника Ванновскаго, что рядовой Верейкинъ, возвращаясь съ нашего бивака въ 4-й эскадронъ съ лазаретной линейкой, былъ раненъ хунхузами пулей въ животъ на вылетъ. Отправили въ госпиталь; вѣроятно, умретъ.

Еще новая жертва войны въ нашемъ полку.

12-ое сентября.

Вчера вечеромъ корпусный командиръ прислалъ сказать, что онъ проситъ сегодня отслужить обѣдницу въ $8\frac{1}{2}$ часовъ утра.

Я всталъ пораньше. Слава Богу, потеплѣло. Взяли все нужное для богослуженія и пошли съ Михаиломъ на штабной дворъ. Туда же собрались эскадроны и наша команда. По дорогѣ мнѣ пришла въ голову мысль, что священникъ въ служеніи своемъ подобенъ

[1]) Поліевктъ Владимировичъ Исполатовскій, шуринъ о. Митрофана, ветеринаръ Л. Гв. Кирасирскаго Его Величества полка, служилъ тогда въ 52-мъ драгунскомъ Нѣжинскомъ полку.

св. Предтечѣ Христову Іоанну. Св. Предтеча своею пламенною проповѣдью подготовлялъ людей къ принятію Господа Іисуса Христа. Не то же ли долженъ дѣлать и священникъ? Конечно, то же. Священникъ долженъ горячо проповѣдывать людямъ, что приблизилось царство Божіе въ Іисусѣ Христѣ, что только въ Немъ одномъ истинная вѣчная жизнь, полное удовлетвореніе всѣхъ запросовъ духа человѣческаго. Пламенное слово Предтечи: „покайтесь, исправьте пути ваши; укрѣпитесь, малодушные, и вѣруйте въ Мессію, Который есть Христосъ" должно быть и въ устахъ священника. Какъ когда-то съ береговъ Іордана, такъ теперь съ амвона и въ домахъ оно должно жечь сердца людей, чтобы ихъ сомнѣнія, ложныя извиненія и проч. сгорали въ этомъ духовномъ пламени, чтобы люди принимали сладчайшаго Спасителя своего въ свои души съ вѣрою, любовію и покаяніемъ здѣсь, на землѣ, и такимъ образомъ послѣ своей смерти приходили къ Нему уже приготовленными. Господи, какое чудное служеніе! И вспомнился мнѣ св. Предтеча, забывшій о себѣ и только объ одномъ помышлявшій, чтобы представить Господу людей приготовленными, а упорныхъ обличенными; вспомнились и его акриды, одежды изъ волоса, и, въ противоположность этому, ярко представляются мнѣ наша жизнь и служеніе теплохладныя. Боже мой, какъ стыдно стало! А вѣдь мы, священники, подобно древней жертвѣ, являемся уже отдѣленными отъ міра для Бога и спасенія людей.

Собрались, устроились. Началось богослуженіе. Все прошло попрежнему, однако на душѣ у меня было какъ-то легче; хотѣлось молиться еще, и такъ стало жаль, что все скоро кончилось. Проповѣдь говорилъ на евангеліе о хананеянкѣ. Вотъ она, какъ мать, *все* сдѣлала для своей дочери: возрастила, научила полезному; когда та заболѣла, она, вѣроятно, лѣчила ее; а все-таки этихъ однихъ ея человѣческихъ усилій оказалось *мало*: потребовалась *высшая* помощь, за которой она и обратилась, припавши къ ногамъ Спасителя съ горячей вѣрой и пламенной мольбою, сорастворенною покаяніемъ. И хананеянка *всего* достигла лишь этимъ путемъ: какъ только труды ея получили благодатную помощь Божію, дочь стала здорова и счастлива. Поэтому просилъ слушателей помнить, что мы такіе же люди, какъ и хананеянка, такъ же трудимся, болѣемъ и скорбимъ; значитъ, подобно ей, должны не на свои только силы полагаться, а съ вѣрою просить у Отца Небеснаго благодати, которая одна только вѣнчаетъ успѣхомъ наши дѣла. *Съ вѣрою*.... Но что значитъ вѣровать? *Вѣровать* значитъ *быть всегда твердо и несомнѣнно убѣжденнымъ, что существуетъ Господь, Творецъ и Отецъ нашъ, что Онъ все Собою наполняетъ, всегда близъ насъ*. Сомнѣвающійся, по апостолу, подобенъ волнѣ, поднимаемой и колеблемой вѣтромъ; ему только кажется, что онъ вѣритъ; въ его душѣ до поры до времени покойно, какъ покойно въ морѣ безъ вѣтра. Но стоитъ подуть вѣтру, и море волнуется: стоитъ появиться какому-нибудь

лжеученію человѣческому или горю какому, какъ уже сомнѣніе готово у такого человѣка. А затѣмъ съ нимъ происходитъ то же, что и съ волной. Какъ волна, чѣмъ дальше бѣжитъ, тѣмъ все болѣе свирѣпѣетъ, пока не разобьется о скалу и не превратится въ водяную пыль: такъ и человѣкъ маловѣрный не твердъ во всѣхъ путяхъ своихъ; ему, растерявшему вѣру, уже не на чемъ основать добродѣтели: грѣхи быстро наполняютъ его жизнь, и, чѣмъ дольше пребываетъ онъ въ безвѣріи, тѣмъ свирѣпѣе и гнуснѣе становятся грѣхи его, тѣмъ сильнѣе дѣлается тоска души его и угрызенія совѣсти. И мчится человѣкъ по житейскому морю, пока не разобьется о скалу смерти и не превратится въ прахъ: или убьетъ онъ себя, или умретъ безъ всякой надежды на воскресеніе и вѣчную жизнь, или, въ лучшемъ лишь случаѣ, обратится передъ самой смертью ко Господу, пригласивъ священника для покаянія. Дальше, *вѣровать* значитъ *говорить съ Богомъ,* какъ говорятъ дѣти съ отцомъ, разсказывая Ему всѣ свои радости, нужды и печали, т.-е. *молиться* Ему и славословить. Наконецъ, *вѣровать* значитъ всѣми силами стараться *сдѣлать угодное Богу,* а Ему угодны только наши добрыя святыя мысли и дѣла, такъ какъ Самъ Онъ святъ есть. Итакъ просилъ всѣхъ *вѣровать несомнѣнно,* а если такъ, то и *молиться,* и *творить добрыя дѣла христіанина,* и все *сорастворять покаяніемъ,* такъ какъ безъ этого вѣра наша будетъ гордою, подобною бѣсовской: бѣсы не сомнѣваются въ бытіи Божіемъ, но ихъ вѣра считается Господомъ не только не достаточной, но даже преступной, какъ сопровождающаяся злобной гордыней.

По окончаніи богослуженія подходитъ капитанъ Степановъ и предлагаетъ осмотрѣть мукденскіе императорскіе дворцы, на что получилось въ штабѣ корпуса разрѣшеніе отъ ихъ смотрителя. Конечно, я съ радостью согласился.

Подъѣзжаемъ къ дворцамъ. Еще издали узнали ихъ по желтымъ крышамъ. Этотъ цвѣтъ, кромѣ лицъ императорской фамиліи, въ Китаѣ никто не можетъ употреблять. Передъ главными воротами —рогатки, и стоятъ два китайскихъ часовыхъ. Они отдали намъ честь ружьями на караулъ; формы особой на нихъ почти нѣтъ. Дворцы необитаемы съ 1644-го года. Китайское правительство ежегодно отпускаетъ на содержаніе ихъ въ надлежащемъ порядкѣ большія суммы; но деньги эти расходятся по карманамъ чиновниковъ, а дворцы разрушаются безъ ремонта.

Вошли мы на первый дворъ. Насъ встрѣтили пять чиновниковъ во главѣ съ старикомъ смотрителемъ. У всѣхъ на головахъ красныя съ черными отворотами шапки; на каждой шапкѣ сзади перо, а на самомъ верху стеклянный шарикъ того или другого цвѣта, смотря по чину: простой стеклянный, бѣлый (молочнаго цвѣта), красный, зеленый, золотой. Они пожали намъ руки, и осмотръ начался. Насъ сопровождалъ студентъ Восточнаго института, говорящій по-китайски.

Первый дворъ огромный. Онъ выстланъ каменными плитами. Это *военный дворъ*. Здѣсь устраивались войскамъ парады. Кругомъ двора стоятъ бесѣдки прекрасной работы; особенно поразительны у нихъ крыши, сдѣланныя изъ обливной черепицы разныхъ цвѣтовъ. Цвѣта подобраны со вкусомъ; желтый цвѣтъ преобладаетъ. Но все это поросло травой, а по дворамъ вообще съ трудомъ можно пройти отъ бурьяна.

На другихъ дворахъ нами осмотрѣны слѣдующіе предметы:

1) *Тронная зала*, отдѣльное зданіе, обнесенное кругомъ прекрасной работы рѣшёткой, высѣченной изъ камня. Въ это зданіе ведутъ три невысокія каменныя лѣстницы. По боковымъ ходили мандарины, а по средней только императоръ, при чемъ на послѣдней ступенями являются изгибы тѣла распростертаго каменнаго дракона. Въ самомъ залѣ потолокъ, балки, стѣны—все покрыто чудной орнаментной работой изъ золота и эмали. Посрединѣ на четырехугольномъ возвышеніи стоитъ вызолоченный тронъ, весь покрытый золоченой рѣзьбой. Надъ нимъ балдахинъ съ дракономъ. Рѣшётка, окружающая возвышеніе, изъ краснаго дерева съ бронзой. Къ трону ведутъ три лѣсенки. Надъ трономъ золоченая доска, на которой стихами воспѣвается мудрость богдыхана, при чемъ риѳма у китайцевъ не, какъ у насъ, въ концѣ, а въ началѣ стиха. Все это дивное произведеніе китайскаго искусства конца XVI-го столѣтія теперь покрыто пылью, голубинымъ пометомъ и, конечно, разрушается.

2) *Частные покои императора*, которые уже разрушились и лежатъ тутъ же въ развалинахъ. Невозможно смотрѣть на эту картину безъ чувства жалости и возмущенія, а китайцы ходятъ себѣ, вполнѣ равнодушно посматривая на все.

3) *Придворный храмъ*, расположенный противъ тронной залы. Онъ пустой уже: все расхищено. Студентъ увѣряетъ, что сами китайцы крали тутъ прежде всѣхъ.

4) *Башня Феникса*, зданіе въ три этажа. Въ этой башнѣ стоитъ черный тронъ императрицы изъ сандальнаго дерева, весь обломанный. Это посѣтители отламываютъ по кусочку на память. И наши немножко взяли съ собой. У меня же рука не поднялась: все-таки это тронъ....

5) *Арсеналъ*, зданіе, въ которомъ хранятся императорскія одежды и библіотека. Одежды—это одна роскошь: по желтому шёлку вышиты мелкимъ жемчугомъ и разныхъ цвѣтовъ шелками драконы, головы животныхъ, цвѣты. Прямо не насмотришься, не надивишься. Тутъ же мы осмотрѣли портреты императоровъ, рисованные 250 лѣтъ тому назадъ.

Окончивши осмотръ, мы поблагодарили чиновниковъ и съ чувствомъ глубокаго удивленія предъ древнимъ китайскимъ искусствомъ и крайняго возмущенія предъ преступнымъ равнодушіемъ охранителей этихъ безцѣнныхъ сокровищъ отправились домой.

Остальное время дня я провелъ въ чтенiи чудной книги епископа Игнатiя Брянчанинова, а вечеромъ я долго *жилъ,* читая письма съ родины.

13-ое сентября.

Спали не особенно хорошо: у китайцевъ „праздникъ овощей", продолжающiйся три дня. По случаю его раздирательная музыка гремитъ съ ранняго утра, часовъ съ 4-хъ, и до поздней ночи. Это первая помѣха нашему покою. Вторая—собаки. Это прямо что-то невозможное. Жители разбѣжались изъ деревень; собакъ, понятно, бросили на произволъ судьбы. И вотъ онѣ днемъ стаями держатся въ гаолянѣ, ночью же подходятъ къ бивуакамъ, ища пропитанiя. Если одна найдетъ себѣ что-либо, то къ ней бросаются остальныя, и начинается ужасная грызня, визгъ; и такъ каждую ночь.

Рано всталъ и пошелъ по дорожкѣ, задумался. Копнешь землю —черная, некрасивая... Но живетъ же въ ней какая-то невидимая зиждительная сила, что производитъ всю эту красоту земную: разновидные цвѣты, трàвы, злаки, кустарники, могучiя деревья; производитъ и питаетъ ихъ.

Невольно сравнилъ съ землей человѣка. Тѣло само по себѣ часто некрасивое; да и красивое имѣетъ въ дальнѣйшемъ состàриться, болѣть. Но въ тѣлѣ живетъ невидимая духовная сила, *душа,* разумная, свободная, любящая; она-то и мыслитъ, чувствуетъ и творитъ много прекраснаго и мудраго; её-то потому и надо искать и цѣнить въ человѣкѣ выше всего. Много-много горя происходитъ въ жизни человѣчества, и особенно въ семейной, именно потому, что люди любятъ больше плоть, чѣмъ духъ, ищутъ болѣе тѣлесной красоты, нежели духовной.

Погулялъ я и сталъ придумывать, какъ бы поторжественнѣе устроить вечеромъ богослуженiе и выносъ честнàго Креста Господня. Послалъ во 2-ой эскадронъ сказать вахмистру, чтобы онъ промыслилъ цвѣтовъ для вѣнка, а самъ пошелъ къ Михаилу совѣщаться относительно всенощной. Какъ-то особенно хотѣлось отслужить эту всенощную: душа трепетала, не могъ дождаться до вечера.

Пообѣдали. Вахмистръ принесъ много цвѣтовъ, изъ которыхъ Ксенофонтъ сплелъ вѣнокъ. Въ $4^1/_2$ часа начали готовиться къ богослуженiю, рѣшивъ служить у насъ на бивуакѣ. Принесли два походныхъ столика и покрыли ихъ скатертью изъ собранiя. На одномъ поставили полковую икону и другiя; я положилъ на немъ въ цвѣтахъ большой серебряный крестъ и рядомъ двѣ свѣчи. Другой столикъ оставили пустымъ: на него вынесемъ крестъ за всенощной.

Въ $5^1/_2$ часовъ собрались эскадроны, наши обозные воины, генералъ, многiе изъ штаба 17-го корпуса. Погода прекрасная. Началось богослуженiе, и съ кадильнымъ ѳимiамомъ понеслись наши

мольбы и славословія туда, въ синеву небесъ, Сотворившему вся. Я самъ читалъ стихиры и канонъ. Невыразимо хорошо, покойно было на душѣ. Особенно умилительно было, когда подъ открытымъ небомъ, уже при мерцаніи звѣздъ, опустились всѣ на колѣни, я перенесъ св. крестъ, и мы запѣли „Кресту Твоему поклоняемся, Владыко“. Всѣ прикладывались къ животворящему кресту Господню. Слава Господу, что погода была хорошая, и мы безпрепятственно совершили богослуженіе. Завтра здѣсь же будетъ обѣдница.

По окончаніи всенощной подходитъ подъ благословеніе съ сосѣдняго бивака инженерный солдатъ, уже пожилой (изъ запаса), и со слезами на глазахъ говоритъ: „Ужъ какъ я радъ, что былъ на службѣ-то; вѣдь это первый разъ послѣ Россіи. Да ужъ какъ торжественно было! Вѣдь и мы христіане: помолиться-то вотъ какъ хочется!...“

14-ое сентября.

Пораньше всталъ, надумалъ проповѣдь и снова приготовилъ все для богослуженія; положилъ и крестъ въ цвѣтахъ. Къ намъ пришли помолиться также саперы и инженеры, наши сосѣди, такъ что вмѣстѣ съ нашими молящихся-то было и весьма много. Отслужили обѣдницу. Съ великимъ воодушевленіемъ всѣ пѣли „Кресту Твоему поклоняемся“. Погода, по милости Божіей, опять очень хорошая: даже свѣчи горѣли. Проповѣдь я говорилъ о томъ, какія мысли и чувствованія должны наполнять наши души, при видѣ и лобызаніи честнаго креста и распятаго Господа; передалъ при этомъ также и исторію праздника. По окончаніи богослуженія, при пѣніи „Кресту Твоему“ и „Спаси, Господи“, молящіеся подходили прикладываться къ кресту, и я каждаго благословлялъ.

Такъ радостна была служба, такъ ободрительна и успокоительна для воиновъ, что я рѣшилъ, во что бы то ни стало, поѣхать и свезти эту радость и въ дальніе наши эскадроны, 3-ій и 4-ый, занимающіе передовую линію аванпостовъ прямо противъ японцевъ, въ 30 верстахъ отъ насъ по направленію къ Ляояну.

Немного закусивши, около 12 часовъ дня я, Бузиновъ [1]), Михаилъ и небольшой конвой благословясь отправились въ путь далекій. Сначала рѣшили ѣхать въ 3-ій эскадронъ (25 верстъ по мандаринской дорогѣ). Ѣдемъ тою же дорогой, по которой и отступали. Переѣхали понтонный мостъ черезъ р. Хунъ-хе. Какъ живо вспомнились мнѣ картины бѣдственной переправы несчастныхъ китайцевъ тогда черезъ эту рѣку! Теперь они свободно переѣзжаютъ ее по извѣстному броду-отмели, а тогда вѣдь были дожди, многоводье, и рѣка бурлила. На дорогу и сейчасъ страшно взглянуть: столь глу-

[1]) Офицеръ, казначей полка.

боки и ужасны колдобины, теперь уже сухія; и теперь того и гляди, что лошадь сломаетъ себѣ ногу. Что же было тогда? Неужели, дѣйствительно, мы по ней проѣхали? Прямо дрожь пробѣгаетъ по тѣлу отъ одного воспоминанія.

Проѣзжаемъ знакомыя деревни. Ей-ей хочется плакать. Онѣ почти совершенно пусты, а были богаты, съ постоялыми дворами, лавками, заводами. Теперь все мертво здѣсь; только изрѣдка увидишь одиночку-китайца, сидящаго въ окнѣ фанзы и уныло опустившаго голову. Да собаки лежатъ, какъ вѣрные стражи, у своихъ фанзъ; но лаемъ онѣ ужъ никого не встрѣчаютъ: отъ голода псы почти безъ движенія и худы, какъ скелеты. Многія фанзы представляютъ собою печальную картину разрушенія, ставши, очевидно, мѣстомъ, откуда въ дождливое и холодное время нуждающіеся свободно брали матеріалъ для костровъ.

Ничто не дѣйствуетъ на душу болѣе угнетающимъ образомъ, какъ эта *мертвенность:* какъ-будто приготовлена огромная могила для многихъ тысячъ людей..... Да это, безъ сомнѣнія, и будетъ; китайцы потому и разбѣжались, что скоро бой.

А мы все ѣдемъ и ѣдемъ; незамѣтно для самихъ себя бодримъ своихъ лошадокъ, и аллюръ ведется предпочтительно рысью. Да и сами кони рвутся, будто тоже испытывая тоску, какъ и мы. А тутъ еще запахъ отъ разложившихся труповъ павшихъ тогда животныхъ: какъ попадешь иной разъ въ такую полосу, то невольно начнешь понукать лошадь, задерживая при этомъ свое дыханіе.

По пути проѣзжаемъ различныя пѣхотныя и артиллерійскія укрѣпленія съ колючимъ кустарникомъ, проволокой, волчьими ямами. Пушки смотрятъ впередъ, откуда вотъ-вотъ пожалуютъ гости... Часовые осматриваютъ каждаго проходящаго, а китайцевъ съ арбами и вовсе не пропускаютъ къ Ляояну.

Деревня Сахепу. Поворачиваемъ вправо отъ нея и, проѣхавъ версты три, въѣзжаемъ во дворъ фанзы, занимаемой полковникомъ Ванновскимъ. Солдаты эскадрона, улыбаясь, радостно насъ привѣтствуютъ. Часы показывали 2 ч. 10 мин. дня; значитъ, 25 верстъ мы ѣхали только $2^1/_4$ часа. Быстро летѣли; лошади пропотѣли порядочно; отпустили имъ подпруги и посуше вытерли спины соломой. Здѣсь онѣ отдохнутъ часа два; ну а мы скорѣе за дѣло.

Хозяева очень радушно встрѣтили насъ, искренно благодаря за посѣщеніе и радуясь, что передъ боемъ и среди треволненій аванпостной службы могутъ подкрѣпить себя молитвой.

Сейчасъ же вымели дворъ, устроились, и я отслужилъ обѣдницу. Проповѣдь говорилъ на ту же тему, что и утромъ. Во время цѣлованія креста я каждаго благословилъ. Пообѣдали, напились чаю, и въ $4^1/_2$ часа мы выѣхали въ 4-ый эскадронъ.

4-ый эскадронъ расположенъ въ двухъ деревняхъ: одинъ полуэскадронъ стоитъ въ деревнѣ Лин-ши-пу, въ 5 верстахъ отъ 3-го

эскадрона, другой—въ другой деревнѣ, въ 4 верстахъ отъ Лин-ши-пу.

Наша дорога отъ 3-го эскадрона была интересна ужъ тѣмъ однимъ, что мы ѣхали по линіи нашихъ передовыхъ постовъ, т.-е. по правую руку отъ насъ простиралась русская армія, а по лѣвую —японская. Русскіе уже отошли отсюда. Кругомъ море чумизы и гаоляна. По линіи мандаринской дороги многое выѣдено и вытоптано, а здѣсь, въ сторонѣ отъ дороги, масса всего, и китайцы кой-гдѣ жнутъ. Ѣдемъ, мирно разговариваемъ. Вдругъ окрикъ:

— „Стой! кто ѣдетъ?"

— „Свои", отвѣчаемъ.

Смотрю: на стѣнѣ забора стоитъ солдатъ съ винтовкой и зорко высматриваетъ впереди врага, подозрительно оглядывая и насъ, не японцы ли мы. Черезъ 300 шаговъ опять окрикъ и т. д. Вездѣ эта *живая* граница кричитъ: „стой", а мы отвѣчаемъ: „свои" и продолжаемъ путь.

Рѣка Шахе. Желѣзнодорожный мостъ сожженъ; на немъ стоитъ часовой и смотритъ впередъ черезъ рѣку. Наконецъ и Лин-ши-пу. Здѣсь живетъ капитанъ аванпостной роты, что занимаетъ посты на протяженіи трехъ верстъ, да стоитъ нашъ полуэскадронъ. Позиціи нѣтъ. Обязанность роты высмотрѣть врага, его движенія, немного пострѣлять и отойти на свои силы (баталіонъ ихъ расположенъ верстахъ въ двухъ отъ нихъ). То же долженъ продѣлать и нашъ эскадронъ; а теперь онъ каждый часъ высылаетъ восемь разъѣздовъ днемъ и ночью.

Вотъ жизнь-то трудовая! И каждую еще минуту жди внезапнаго нападенія изъ таинственной дали, что впереди. Каждую ночь лошади стоятъ посѣдланы, повозки запряжены, вещи уложены, люди лежатъ въ полной амуниціи, чтобы по первому сигналу, по первому выстрѣлу съ какого-либо поста, скорѣе выступить на ближайшую позицію; въ противномъ случаѣ, т.-е. при малѣйшей оплошности и проволочкѣ времени, нашимъ необходимо пришлось бы вступить въ бой съ неравными силами и навѣрняка погибнуть. И это болѣе, чѣмъ возможно.

Вотъ какую мученическую жизнь ведутъ наши воины на аванпостахъ. Да развѣ опишешь все? А до чего доходятъ нервы! Въ тихомъ ночномъ воздухѣ топнетъ вдругъ лошадь сильно копытомъ о землю—уже вскочили дежурные, у всѣхъ вопросъ: „кажется, выстрѣлъ? тревога?"

Встрѣча съ ротмистромъ Калининымъ, офицерами, солдатами была прямо братская: будто сто лѣтъ не видались. Да и впрямь давно, съ 12-го августа.

Солнышко быстро садилось; поскорѣе размели мѣстечко на огородѣ. И здѣсь мы отслужили обѣдницу и молебенъ св. Александру Невскому. Въ проповѣди я говорилъ воинамъ о подражаніи св. Князю.

Служили уже въ темнотѣ, при блескѣ звѣздъ; ярко горѣла свѣча. Далеко-далеко были слышны наши общее пѣніе и молитвы и даже, можетъ-быть, доносились до японцевъ: казалось, за рѣчкой они вонъ въ томъ гаоляпѣ притаились...

Окончилась служба. Я поздравилъ воиновъ съ прошедшимъ эскадроннымъ праздникомъ и благословилъ каждаго изъ нихъ. И сейчасъ же раздалась команда:

— „Сѣдлай лошадей на ночь! Отправляйся, разъѣзды! постарайтесь перебраться за рѣку впередъ и осмотрѣть, что можно, подальше! Запрягай повозки! Дежурная часть стрѣлковъ, подъ командой унт.-оф. Власова изготовься! Привести вьючныхъ лошадей во дворъ! Часовые, на посты!“

Я остался здѣсь ночевать; завтра утромъ поѣду во второй полуэскадронъ. Пришли въ фанзу; денщики подали ужинъ и чай. Подкрѣпились и бесѣдуемъ о томъ, что отъ такой жизни немудрено и нервами заболѣть. Подаютъ записку отъ одного полковника: „Этой ночью на наши посты ожидается нападеніе японцевъ“. Вотъ тебѣ и разъ!...

— „Почти каждый день получаемъ подобныя предупрежденія“, говорятъ офицеры: „поживи-ка такъ безсмѣнно двѣ-три недѣли: съ ума сойдешь. Право, сраженіе лучше“.

Въ 11 часовъ ночи ротм. Калининъ пошелъ повѣрять посты и взялъ меня съ собою. Луна взошла и освѣтила окрестности.

— „Ну, слава Богу“, говоритъ Калининъ: „до сихъ поръ не напали; теперь при свѣтѣ луны уже не то“.

Вышли мы изъ деревни; идемъ вдоль рѣчки; другая сторона ея уже японская. Тишина мертвая. Вдругъ громкій окрикъ:

— „Стой!“ кричитъ часовой солдатъ: „кто идетъ?“

— „Свои“, отвѣчаемъ.

— „Пропускъ!“

— „Ружье“, говоритъ вполголоса Калининъ, называя этимъ словомъ отданный на сегодня всѣмъ часовымъ пароль; и мы проходимъ.

И стоитъ часовой день и ночь въ этой страсти, каждую минуту ожидая пули изъ той смутной дали, куда онъ вперилъ взоры. Зато за нимъ спитъ покойно многотысячная русская армія, а за нею и вся Русь, святая родина, отцы, матери, жены, дѣти, братья, сестры. Ну какъ мнѣ жаль этихъ одиночекъ-часовыхъ! И какъ же не поѣхать утѣшить ободрить этихъ героевъ?

Какъ все фантастично при свѣтѣ луны! Особенно поражаетъ обстановка часовыхъ. Вотъ наверху кирпичнаго завода, словно на средневѣковой башнѣ, стоитъ неподвижная, точно застывшая въ одномъ положеніи, фигура съ ружьемъ: статуя—не насмотришься.

Вдругъ эта статуя замотала направо и налѣво головою: это часовой услышалъ шумъ нашихъ шаговъ. И снова: „стой! кто идетъ?“ Снова: „ружье“, и мы продолжаемъ свое путешествіе.

Приходимъ въ кумирню. Въ ней помѣщается начальникъ поста капитанъ С., симпатичный человѣкъ; сидитъ, покуриваетъ трубочку. Слабо мерцаетъ китайская лампочка-коптилка. Всхрапываетъ въ углу на соломѣ капитанская собака. На дворѣ человѣкъ тридцать солдатъ въ шинеляхъ и при полной боевой амуниціи лежатъ и сидятъ у костра на землѣ, отдыхаютъ.

Побесѣдовали. Капитанъ увѣрялъ, что сегодня нападенія не будетъ. Между прочимъ онъ разсказалъ:

— „Вотъ такъ, какъ и теперь, стояли мы на аванпостахъ 24-го августа. Вдругъ на сопкѣ передъ нами появились японцы: офицеры и солдаты. Мы схватили винтовки, приготовились дать залпъ. Только видимъ, что японцы снимаютъ фуражки и очень любезно кланяются намъ. Ну, знаете, не налегла рука стрѣлять по нимъ: видя ихъ привѣтствіе, и мы тоже сняли фуражки и съ своей стороны раскланялись, послѣ чего они уѣхали за сопку“.

Простились мы съ капитаномъ и отправились во-свояси. Пришли и опять пьемъ чай.

— „Вотъ такъ до утра“, говорятъ офицеры: „промаешься, а утромъ уже уснешь“.

И, дѣйствительно, пріѣзжаютъ разъѣзды, входятъ, докладываютъ, что ничего подозрительнаго не встрѣтили, уѣзжаютъ вновь.

Сидимъ мы, вотъ такъ бесѣдуемъ. Вдругъ слышимъ артиллерійскій выстрѣлъ; другой, третій... Выбѣжали всѣ на дворъ. Я уже велѣлъ Михаилу готовить лошадей. Направо заработалъ электрическій прожекторъ, неизвѣстно, нашъ или японскій. Но затѣмъ съ поста прислали сказать, что все это, кажется, произошло у генерала Грекова, а у насъ покойно; и мы вернулись. Все-таки мы прилегли, не раздѣваясь. Я завернулся въ бурку, подложилъ подъ голову накидку и легъ, но заснуть не могъ; только подъ утро забылся немного.

15-ое сентября.

Плохо спалъ; ночью все ворочался и ворочался: бока какъ-то болѣли, да и кто-то бѣгалъ все по тѣлу и изрядно кусалъ. Впрочемъ этихъ „кто-то“ здѣсь не занимать: клоповъ, блохъ и проч. въ фанзахъ большое изобиліе. Въ 6 часовъ всталъ и попилъ чаю тихонько, чтобы не разбудить дорогихъ хозяевъ, которые только что незадолго передъ тѣмъ уснули. Погода хорошая: вѣтерокъ, солнышко грѣетъ. Очередной разъѣздъ осѣдлалъ коней, и мы съ Михаиломъ присоединились къ нему. Поѣхали въ слѣдующую деревню, во второй полуэскадронъ. Впереди унтеръ-офицеръ Повпыка, за нимъ я, потомъ Михаилъ и солдаты разъѣзда (три человѣка).

Ѣдемъ по гаоляну, лугами, мимо озеръ, какими-то тропинками... Мнѣ вдругъ сильно захотѣлось спать: пригрѣлся на солнышкѣ, а

„китаецъ“ такъ мѣрно покачиваетъ. Глаза закрылись, и я на ходу моментально забылся. Ничего, усидѣлъ: моя лошадка по ѣздѣ и кротости—прямо восторгъ; можно отдаться въ ея волю. И что за смышленая лошадка! Обычно, когда ѣдемъ по хорошей дорогѣ да еще рысью, я держу поводъ крѣпко; но, если выѣзжаемъ на плохую дорогу, гдѣ камни и ямы, тогда поводъ я совсѣмъ опускаю изъ рукъ, и лошадка идетъ, наклонивши голову почти до земли, зорко осматриваетъ каждый камешекъ и ямочку и ни за что не оступится; между тѣмъ какъ строевыя лошади калѣчатся на такой дорогѣ, обрѣзаютъ себѣ ноги.

— „Батюшка!“ слышу голосъ унт.-офицера Повпыки: „вотъ видите вправо озеро? Посмотрите, сколько на немъ дикихъ утокъ“.

Оглянулся я. И, дѣйствительно, довольно большое озеро почти сплошь было покрыто утками. Подскакалъ Повпыка къ озеру, закричалъ, зашишикалъ. И поднялась съ озера туча утокъ, какъ у насъ летаютъ иногда огромными стаями галки и вороны.

Въ 8 часовъ мы пріѣхали уже на мѣсто. На дворѣ фанзы устроили все, что нужно для богослуженія, и я отслужилъ обѣдницу съ молебномъ, говорилъ проповѣдь и также всѣхъ благословилъ.

Отъ души сказалъ я „слава Богу“, когда благополучно окончилась и эта служба. Мнѣ невыразимо хотѣлось посѣтить эти полковыя части. Вѣдь сраженія вотъ-вотъ начнутся, и ужъ эскадроновъ не поймаешь: ихъ каждый день тогда передвигаютъ. Теперь весь полкъ Господь помогъ мнѣ приготовить, такъ сказать, духовно къ бою. Съ 25-го августа въ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ, 5-мъ и 6-мъ эскадронахъ служилъ по нѣскольку разъ, а сегодня Богъ привелъ помолиться и въ 4-мъ эскадронѣ. Еще разъ благодареніе Господу.

Послѣ служенія офицеры Тимофеевъ и Легейда попотчевали меня сыромъ, напоили прекраснымъ кофеемъ и чаемъ.

Въ $11^1/_2$ час. утра мы возвратились въ д. Лин-ши-пу, гдѣ ротм. Калининъ далъ мнѣ небольшой конвой, и мы тронулись въ обратный путь къ Мукдену.

Ѣдемъ теперь уже по линіи желѣзной дороги. Мертво все кругомъ. Поѣзда не ходятъ. Оставшіеся рельсы заржавѣли; сигнальные столбы, семафоры—все это развинтилось, болтается, стучитъ; будки, станція Шахе—все пусто, безъ оконъ, безъ дверей; нигдѣ ни души, только вѣтеръ свищетъ. А вѣтеръ становился все сильнѣе и сильнѣе и перешелъ почти въ бурю, вздымая тучи пыли; спасибо еще, что дуло намъ въ спину, а не въ глаза.

На первыхъ десяти верстахъ пути мы еще встрѣчали наши посты и заставы, а потомъ ѣхали болѣе десяти верстъ, не видя буквально ни одного солдата. Только манзы[1]) кой-гдѣ работаютъ въ поляхъ, да проволока на телеграфныхъ столбахъ такъ жалобно стонетъ отъ вѣтра, что сердце надрывается.

[1]) Китайскіе манзы соотвѣтствуютъ нашимъ земледѣльцамъ, крестьянамъ.

Проѣхавши верстъ 15, мы слѣзли съ коней, дали имъ вздохнуть, провели немного въ поводу, попоили, а потомъ опять сѣли и уже до р. Хунхе не останавливались. Послѣ 20—22 верстъ пути стали встрѣчаться наши войсковыя части и укрѣпленія. Переѣхали въ бродъ притокъ рѣки Хун-хе, а потомъ и самую рѣку по понтонному мосту и только въ 4 часа вечера подъѣхали къ своему бивaку, сдѣлавши такимъ образомъ 35 верстъ сегодня и столько же вчера. Ахъ, какъ пріятно было раздѣться, умыться, закусить, попить чайку! А то отъ пыли въ горлѣ пересохло.

Рано улегся: едва дождался кровати; легъ съ радостью на душѣ, что Господь помогъ мнѣ совершить святое дѣло.

16-ое сентября.

Ночью была прямо буря. Въ палаткѣ нашей все покрылось пылью, и она едва держится; а я спалъ отлично: усталость взяла свое. Утромъ принялся за писаніе, и это продолжалось до самаго обѣда. Пришла телеграмма, что нашу походную церковь привезли изъ Харбина. Когда начались страшные дожди, то разбирать церковь и совершать службы не было никакой возможности. Поэтому на время дождей и для того, чтобы не потерять церкви въ дорогѣ по страшной грязи, мы отправили ее на храненіе въ Харбинъ. Затѣмъ шли ляоянскія сраженія, отступленіе; и вотъ только теперь получилась возможность служить въ ней. Какая радость! Рѣшилъ завтра же отслужить св. литургію; кстати среди родныхъ и знакомыхъ много именинницъ, а, главное, съ 19-го іюня я не пріобщался св. Таинъ.

Въ 3 часа дня принесли „жизнь“ мою, письма. Спасибо писавшимъ.

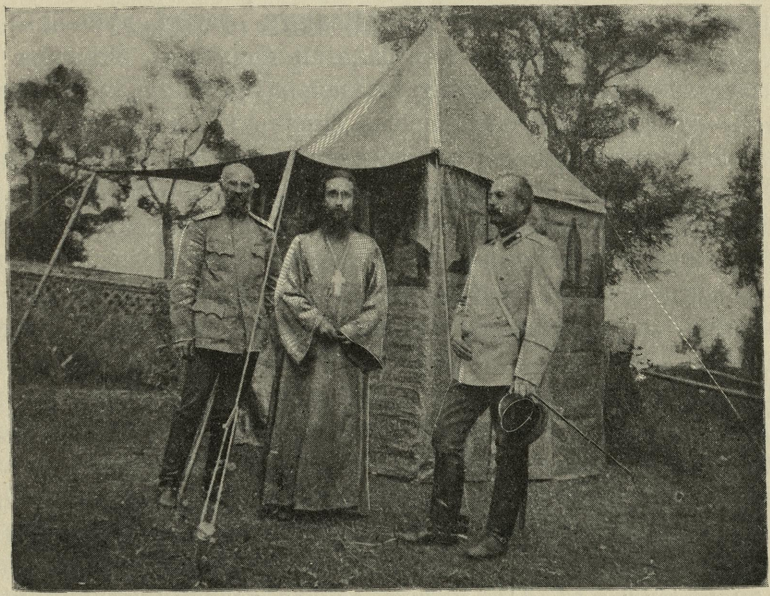
Сегодня весь день дуетъ сильный вѣтеръ. Тѣмъ не менѣе вечеромъ я отправился на свою дорожку и про себя отслужилъ утреню, прочиталъ каноны. Просто не вѣрится, что завтра я буду служить св. литургію. Господи, хотя бы завтра была хорошая погода!

17-ое сентября.

Всю ночь была буря съ дождемъ; но мы сухи: палатка наша не протекла. Къ утру погода стихла, но дождикъ продолжаетъ еще итти. Рѣшаемся все-таки поставить церковь и служить: еще придется ли молиться здѣсь въ воскресенье.

Ксенофонтъ ухитрился испечь въ сосѣдней фанзѣ на содѣ просфоры, съ такимъ однако закаломъ, что едва можно жевать; поэтому сегодня уже купили хмелю (вмѣсто дрожжей), чтобы къ воскресенью просфоры вышли получше.

Въ 9½ часовъ утра поставили церковь недалеко отъ нашей палатки. Очень красивая вышла: не могу насмотрѣться. Пришли эскадроны и наши обозные. Я церковь убралъ, какъ могъ. Въ углу вбили колъ, къ которому прикрѣпили доску: это—жертвенникъ; покрылъ его красною скатертью и салфеточкой, поставилъ на него иконочку-складень, подношеніе 36-ой дивизіи, и свѣчу; на престолъ поставилъ полковую икону и предъ нею двѣ свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ; слѣва и справа отъ св. антиминса положилъ кресты: одинъ—Великой Княгини, другой—мой, поднесенный мнѣ духовными дѣтьми г. Орла. Такъ вышло уютно, что не только я, но и всѣ, кто приходилъ къ намъ молиться, рѣшительно въ восторгѣ. Войдешь въ эту церковку, и забудешь про Китай, Мукденъ, войну: какъ-будто въ мгновеніе перенесешься въ милую Россію. И вѣдь какъ милосердъ Господь! только что началась служба, какъ дождь прекратился, и засіяло солнышко.

Полк. Зенкевичъ, о. Митрофанъ и ген. Цуриковъ.

Совершилъ проскомидію. Наконецъ-то я помянулъ всѣхъ живыхъ и усопшихъ, за которыхъ привыкъ молиться въ своемъ родномъ храмѣ, особенно именинницъ. У всѣхъ богомольцевъ замѣтно приподнято было настроеніе духа. Воодушевленно пѣли солдатики.

Послѣ литургіи отслужилъ краткій молебенъ св. мученицамъ Софіи, Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви: вѣдь у каждаго между родными и знакомыми есть именинницы. Дай, Богъ, имъ всѣмъ здоровья!

Послѣ обѣда къ намъ пріѣхали дорогіе гости: ген. Цуриковъ[1])

[1]) Аѳ. Андр. Цуриковъ—бывшій командиръ Черниговскаго полка. По его приглашенію, о. Митрофанъ перешелъ на службу въ этотъ полкъ изъ Двинскаго крѣпостного

и военные агенты, болгарскій и прусскій майоры, очень милые люди. Сейчасъ же насъ сняли у походной церкви.

Въ $3^1/_2$ часа дня я поѣхалъ провѣдать Поліевкта и сосѣда батюшку, сказавши Михаилу: „я поѣду одинъ: всего вѣдь двѣ версты“. И что же? Оглянулся, смотрю: Михаилъ ѣдетъ за мной въ отдаленіи.

— „Ты зачѣмъ?“ спрашиваю я.

— „Никакъ не могу отпустить Васъ одного, хотя и близко“, отвѣчаетъ.

Такъ и проводилъ онъ меня до Нѣжинскаго бивака.

18-ое сентября.

Вчера вечеромъ и сегодня утромъ вмѣсто того, чтобы итти на дорожку, отправился читать молитвенное правило, конечно, въ церковь. Какъ тихо и мирно въ ней! Полный отдыхъ душевный.

Попилъ чаю и вышелъ изъ палатки подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Вдругъ гдѣ-то недалеко раздался ружейный выстрѣлъ, и пуля просвистала черезъ бивакъ между нашей и командирской палаткой. Теряемся въ догадкахъ, кто бы это могъ выстрѣлить. Хунхузы? Едва ли: днемъ и очень близко отъ бивака не посмѣли бы. Вѣрнѣе всего, какой-либо солдатъ на сосѣднемъ бивакѣ чистилъ ружье, а патронъ забылъ вынуть. Мы положительно удивляемся, какъ пуля пролетѣла черезъ весь бивакъ и никого не задѣла; а вѣдь многіе солдаты слышали ея свистъ. Чудо! Спасъ Господь насъ.

Вотъ и подумаешь, сколько разъ Господь спасаетъ людей отъ различныхъ бѣдъ, а они и не замѣчаютъ. Какъ же справедливы св. отцы, настойчиво требующіе отъ людей „трезвенія“, т.-е. вниманія ко всему, что творится внутри и внѣ ихъ существа! О, тогда на половину было бы меньше невѣрующихъ и теплохладныхъ.

Сегодня будемъ служить всенощную, первую въ походной церкви. Всѣхъ оповѣстилъ; въ $5^1/_2$ часовъ вечера назначили служеніе.

Послѣ обѣда пошелъ погулять. Возвращаются съ полей китайцы оборванные, грязные: жаль смотрѣть. Я далъ самому маленькому серебряный пятачокъ. И что же? Какъ-будто электричество пробѣжало далеко-далеко впередъ: какъ грибы послѣ дождя, откуда-то выросли китайчата и всё маленькіе. Пришлось одѣлять всѣхъ, пока вышли пятачки. Спряталъ я кошелекъ и показываю знаками, что больше у меня нѣтъ денегъ; но они не вѣрятъ и пустились на хитрости: начинаютъ показывать мнѣ разные прыщи на тѣлѣ, говоря

собора. Сырой климатъ г. Двинска не благопріятствовалъ здоровью о. Митрофана, и онъ искалъ случая перебраться на другое мѣсто. Г. Орелъ былъ вполнѣ подходящимъ въ этомъ отношеніи, и о. Митрофанъ охотно принялъ предложеніе г. Цурикова.

„ломайло", т.-е. что они больны. Разсмѣялся я; пришлось *вылѣчить* и *больныхъ*.

Ахъ, дѣти, дѣти! Вездѣ-то они одинаковы: веселы, довѣрчивы, просты. Около нашего бивака прыгаютъ, рѣзвятся. Имъ нѣтъ заботы, что завтра, быть можетъ, пожалуетъ сюда „японъ", начнется „бумъ--бумъ" и заговорятъ „пилюли" (пушки). Соберется толпа китайчатъ; среди нихъ немного и забудешься.

Сегодня во время обѣда къ столу подошелъ довольно приличный китаецъ съ трехструнной бандурой. Съ нимъ его дочка, дѣвочка лѣтъ 6—7; она отлично причесана на три косы съ розовыми бантиками, и щечки у нея немного нарумянены (это обычай всѣхъ китаянокъ); одѣта въ пестрое платьице. Какъ и отецъ, она отдала намъ честь по-военному. Симпатичная дѣточка. Китаецъ попросилъ позволенія, чтобы его дѣвочка спѣла намъ. Командиръ разрѣшилъ, и мы слушали оригинальный концертъ. Отецъ очень сносно игралъ что-то грустное на бандурѣ, а дочка пѣла. Голосокъ у нея ангельскій и слухъ, очевидно, прекрасный; но поетъ въ носъ, какъ у нихъ и полагается. У отца необычайно добродушное лицо, и съ дочкой онъ обращается весьма нѣжно. Вѣроятно, нужда заставила ихъ скитаться. Мы дали имъ два рубля, и дѣвочка по очереди всѣхъ насъ благодарила. Всѣмъ очень пріятно было видѣть эту пару.

Въ 5 часовъ все уже было готово для служенія. Собрались всѣ прежніе наши посѣтители и сосѣди. Служба началась. И мнѣ казалось почему-то, что такъ торжественно мы ни разу еще не служили: все выходило какъ-то ладно, не исключая даже пѣнія, Кажденіе совершалъ я вокругъ всей церкви. И какъ сильно дѣйствовало на душу пѣніе „вся премудростію сотворилъ еси", „слава Ти, Господи, сотворившему вся", когда все сотворенное: небо, земля, люди, животныя, злаки, трава, деревья — все было здѣсь же передъ глазами. Дымъ кадильный несся прямо на небо, а съ нимъ и наше общее отъ души Господу Богу за все „аллилуія" (слава Тебѣ). Стихиры я самъ читалъ, канонъ Михаилъ. За неимѣніемъ аналоя, евангеліе я держалъ въ рукахъ. Солдатики подходили, воздавали поклоненіе, цѣловали *слово жизни вѣчной*, а рядомъ поютъ и поютъ „Ты моя крѣпость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Богъ, Ты мое радованіе... нашу нищету посѣти... слава силѣ Твоей, Господи". Вѣдь эти слова надо здѣсь выслушать, на войнѣ, когда, быть можетъ, сейчасъ ничто человѣческое намъ уже не поможетъ, и только Богъ—наша *крѣпость* и *сила*. А пѣвчіе поютъ уже „Очисти мя, Спасе: многа бо беззаконія моя; изъ глубины золъ возведи, молюся; направи на стезю заповѣдей Твоихъ". Господи! да можно ли слушать все это безъ умиленія?

Да, именно сильно нагрѣшили мы, русскіе, и крайняго отвращенія Твоего достойны, Господи; но очисти, Спаситель, нашими страданіями грѣхи дорогого отечества и наши личные: не ропщемъ,

терпимъ, смиряемся, благодаримъ; только прости и воззови всѣхъ и вся изъ глубины паденія къ новой, Тебѣ угодной, жизни!

Ничего нѣтъ вѣчнаго на землѣ: окончились и наши ночныя славословія, мольбы, религіозный восторгъ, блаженство. Взошла луна, освѣтила своимъ таинственнымъ свѣтомъ нашу драгоцѣнность-церковку, и стоитъ она, эта церковка, среди моря житейскаго и военныхъ бурь, какъ пристань тихая, и зоветъ всѣхъ-всѣхъ къ себѣ для подкрѣпленія силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, для успокоенія.

Погода хорошая, теплая. Мы не только отдохнули, но даже поправились.

Вчера, отслуживши св. литургію, подъ чуднымъ впечатлѣніемъ пережитаго духовнаго счастія я послалъ устроительницѣ церкви Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Елисаветѣ Ѳеодоровнѣ телеграмму и получилъ сегодня слѣдующій отвѣтъ:

„Мукденъ. Священнику Митрофану Сребрянскому. Такъ счастлива, что могли помолиться въ походномъ храмѣ. Съ Вами въ молитвенномъ единеніи: помоги, Господь, вамъ всѣмъ. Елисавета“.

Да благословитъ Ея Высочество Господь Своею благодатію!

Читать правило, конечно, я пошелъ опять въ церковь.

19-ое, 20-ое и 21-ое сентября.

Настало утро воскресенья. Съ великою радостью готовился я къ служенію св. литургіи. Все вымели, вычистили. Въ $8^1/_2$ часовъ прочиталъ входныя молитвы, облачился и приступилъ къ совершенію св. проскомидіи. Михаилъ читалъ часы. Ксенофонтъ испекъ просфоры на этотъ разъ гораздо лучше. Въ 9 часовъ началась св. литургія. Присутствовали корпусный и бригадный командиры, наши эскадроны, саперы, инженерный паркъ и штабъ 17-го корпуса. Погода была прекрасная, и все способствовало нашему торжеству.

Проповѣдь говорилъ на евангеліе, что и намъ, подобно древнимъ, необходимо постоянно сохранять и возгрѣвать ревность ко спасенію и святости, поставляя это выше всѣхъ своихъ земныхъ потребностей. Поэтому нужно вѣрить, что Господь съ нами, и всѣми способами входить съ Нимъ въ общеніе, бесѣдовать, учиться у Него. Это возможно чрезъ а) чтеніе священнаго писанія, б) усердную молитву и в) внимательное отношеніе ко всему тому, что случается съ нами. Изъ всего надо стараться вывести для себя назиданіе. Напр., приходится въ походѣ терпѣть голодъ, холодъ, зной, жажду; вотъ и нужно здѣсь сказать себѣ:

— Святые подвижники, угождая Богу, смиряли себя постомъ и другими подвигами; а я, грѣшный, былъ лѣнивъ. Слава Господу, что Онъ, хоть немного, сподобилъ и меня теперь принять подвиги; и проч.

Послѣ литургіи корнетъ Крупскій снималъ церковь и меня въ облаченіи.

Въ часъ дня пообѣдали, а въ два мы съ Михаиломъ уже ѣхали въ 5-ый и 6-ой эскадроны. Въ 3 часа отслужили въ 6-мъ эскадронѣ обѣдницу (проповѣдь говорилъ на ту же тему) и немедленно выѣхали въ 5-ый эскадронъ, стоящій въ 8 верстахъ, чтобы, отслуживши и тамъ, успѣть засвѣтло вернуться на бивакъ.

Ѣдемъ. Проѣхали уже верстъ 5—6. Смотримъ: облако пыли несется намъ навстрѣчу. Оказывается, это 5-ый эскадронъ идетъ на новую стоянку. Пришлось вернуться домой.

Вечеромъ получено извѣстіе, что пропавшій вольноопредѣляющійся Рукавишниковъ нашелся: онъ въ госпиталѣ на излѣченіи. Когда Рукавишниковъ потерялъ дорогу и остался одинъ среди поля,

Налѣво отъ о. Митрофана ген. Бильдерлингъ и церковникъ Сытникъ.

на него напали хунхузы и ранили въ руку. Лошадь сбросила его и убѣжала. Отъ потери крови онъ потерялъ сознаніе, и такъ осталось неизвѣстнымъ, сколько времени онъ пролежалъ; только, когда пѣхота нашла его въ гаолянѣ, рана у него уже загнила, и началась гангрена. Теперь палецъ отрѣзали, и онъ поправляется.

Сижу, пишу дневникъ. Что же это долго не идетъ ко мнѣ пріятель мой? Значитъ, не видалъ, какъ я пріѣхалъ; а лепешечка овсяная ему уже готова.

Пріятель мой—это „Коська“, вороной жеребеночекъ, которымъ на походѣ подарила насъ обозная лошадь; совершенно ручной и любимецъ всѣхъ. Солдаты наперерывъ кормятъ его изъ рукъ хлѣбомъ, дѣлятся сухаремъ, обнимаются съ нимъ, играютъ. Между прочимъ

онъ очень хорошо знаетъ нашу палатку и частенько провѣдываетъ: подойдетъ, просунетъ голову и шевелитъ губами, будто говоритъ:

— „Здравствуй! дай же мою любимую лепешечку“.

— „Ну, что дѣлать? для себя купилъ овсяныя галеты, но съ другомъ подѣлиться радъ“.

Встаю. Онъ кладетъ мнѣ голову на плечо: пошепчемся немного, поглажу его, а потомъ достаю лакомство.

Вѣдь вотъ, кажется, пустякъ, а на самомъ дѣлѣ жеребеночекъ скрашиваетъ нашу жизнь, какъ милое дитя: всѣ любятъ его и занимаются имъ.

Упомянулъ о галетахъ... Это все благодаря „Экономическому обществу г. г. офицеровъ гвардейскаго корпуса“. Буквально благодѣяніе для арміи! Когда придутъ вагоны съ товаромъ этого общества, то всѣ спѣшатъ запастись необходимымъ: чаемъ, сахаромъ, виномъ,

Направо отъ о. Митрофана черезъ человѣка командиръ полка полк. Зенкевичъ, еще черезъ человѣка ген. Цуриковъ.

консервами, конфектами, сухарями, обувью, одеждою, закусками и проч. Цѣны самыя умѣренныя. Жаль только, что, какъ раскупятъ товаръ, то еще ждать приходится очень долго. Я купилъ себѣ верблюжьи чулки (спать ночью въ нихъ), калоши теплыя, сухари, конфекты къ чаю, лимоны. Надо все это приберечь; на дняхъ армія выступаетъ въ наступленіе, а торговля въ „экономкѣ“ почти кончается: все распродано, а новый товаръ не пришелъ.

Вечеромъ вдругъ сильно посвѣжѣло въ воздухѣ; ночью было уже совсѣмъ холодно, а утромъ 20-го пришлось облачаться опять во все теплое: страшный холодъ и вѣтеръ съ дождемъ. Ѣхать никуда

немыслимо было, и я весь день просидѣлъ въ палаткѣ и читалъ; а для того, чтобы имѣть возможность писать, бралъ свой чайникъ съ горячей водой, согрѣвалъ руки и тогда уже брался за перо.

Днемъ пріѣзжалъ къ намъ дорогой Аѳ. Андр. Цуриковъ съ солдатомъ-фотографомъ, и мы снялись на бивакѣ и съ эскадрономъ.

Ночь на 21-ое была страшно холодна: морозъ 3°. Ничего, пережили: укрылись потеплѣе и спали. Утромъ пришелъ чудный приказъ ген. Куропаткина о наступленіи съ приглашеніемъ отслужить во всѣхъ частяхъ молебны.

Господи, какимъ оживленіемъ повѣяло въ арміи отъ этого приказа! Въ 3 часа дня служилъ молебенъ о дарованіи побѣды въ саперномъ баталіонѣ и въ инженерномъ паркѣ, говорилъ небольшую проповѣдь, приглашая поусерднѣе помолиться о благодатной Небесной помощи при наступленіи нашемъ. Въ 4 часа въ своей церкви отслужилъ тоже молебенъ половинѣ своего полка.

Благослови насъ, Господи, побѣдой!

ГЛАВА III.

Шахе—Инкоу.

22-ое, 23-ье и 24-ое сентября.

Ночь опять была морозная: вода замерзла, все побѣлѣло вокругъ. Мы не раздѣвались.

Съ ранняго утра сегодня наша армія пошла въ наступленіе на японцевъ. Ушли и наши эскадроны; скоро двинемся и мы.

На 23-ье ночью попрежнему былъ морозъ. Но, какъ раньше мы свыклись съ жарою и дождями, такъ теперь начинаемъ свыкаться съ морозами; привыкаемъ уже и спать одѣвшись, т.-е., какъ ходимъ днемъ, такъ ложимся и въ кровать.

Сегодня утромъ, восхитившись канономъ св. Андрея Критскаго въ русскомъ переводѣ, не утерпѣлъ и предложилъ одному очень образованному господину, съ которымъ я познакомился въ Мукденѣ въ штабѣ, прочитать, чтобы онъ могъ составить себѣ понятіе, насколько чудно содержаніе нашихъ богослужебныхъ книгъ. И что же? Проходитъ часъ-другой времени, приноситъ этотъ господинъ мнѣ книжечку и отдаетъ со словами:

— „Нѣтъ, батюшка, что-то не понялъ я этого канона".

Какъ пулей сразилъ меня этотъ отвѣтъ. Господи! это *покаяннаго-то* канона не понялъ *грѣшный* человѣкъ. До чего же однако *духовно* мало развиты многіе изъ очень образованныхъ свѣтски людей!

Съ грустью до боли положилъ я завѣтную книжечку на походный столикъ. Послѣ такого отвѣта даже обидно стало за душу человѣка, по природѣ христіанку. Не могъ выдержать прилива горечи: пошелъ гулять.....

Боже! Если не приводитъ въ умиленіе, въ чувство сокрушеннаго и сладостнаго раскаянія и остается не понятымъ такое чудное

произведеніе, какъ покаянный канонъ; если чтеніе его не возжигаетъ въ душѣ любви къ Богу, горячей молитвы и жажды духовнаго обновленія: то чѣмъ же, чѣмъ послѣ этого, спрашивается, *живы* духовно люди? Чѣмъ можно настолько *заморить* совѣсть, чтобы она молчала даже при такомъ толчкѣ, какъ это чтеніе? Неужели гордынею? Но это слишкомъ недостойно человѣка, поскольку онъ—разумное существо; какъ таковой, т.-е., если человѣкъ одаренъ хоть небольшимъ разумомъ, то онъ уже не можетъ не понять, что онъ есть *твореніе* и что онъ долженъ смириться предъ своимъ *Творцомъ*, Господомъ. Ахъ, какъ жаль людей, находящихся въ такомъ безотрадномъ состояніи! Господи! спаси ихъ всѣхъ.

Прихожу въ палатку. Книжки на столикѣ уже нѣтъ. Ищу. Нѣтъ нигдѣ. Неужели пропала?... Иду въ обозъ, смотрю..... Подъ двуколкой на чумизѣ лежитъ Ксенофонтъ и читаетъ..... канонъ покаянный. Это онъ, видите ли, убиралъ палатку и, заинтересовавшись книгой, взялъ ее.

— „Что же, нравится?" спрашиваю я.

— „Охъ, батюшка, и въ жизни-то лучше не читалъ: больно хороша! Вся душа растаяла, читавши. Какіе мы грѣшники!... Слава Богу, что теперь хоть немного страдаемъ".

Это фактъ. Видно, Господу угодно было, чтобы два человѣка, совершенно разнаго образованія и положенія, высказали свое мнѣніе относительно одной и той же книги. Вотъ оно, мнѣніе простеца, своего рода „рыбаря". Онъ простъ душой и въ простотѣ своей при этомъ чтеніи скорѣе и ближе почувствовалъ Бога, какъ Отца своего, и сознал себя, какъ блуднаго грѣшнаго сына Его.

Вообще тутъ я прихожу къ тому выводу, что одними умозаключеніями мало можно разъяснить себѣ истинность и блаженство духовной жизни, слагающейся изъ вѣры, святого чтенія, частной и общественной молитвы, покаянія и добродѣланія; хорошо, именно, сердцемъ схватить суть этого дѣла, повѣрить безъ мудрствованій лукавыхъ и тогда уже вкусить и постигнуть сладость духовной жизни.

Сегодня всѣ наши пили у насъ въ палаткѣ чай и кофе; каждый оживленно вспоминалъ что-либо изъ своей жизни, а, главное, мы строили предположенія о войнѣ: скоро ли она окончится, скоро ли начнутся новые бои. Ждемъ каждую минуту начала сраженія.

Во время обѣда вдругъ слышимъ голосъ съ дороги: „капетана! капетана! ломайло". Оглянулись..... Стоитъ молодой китаецъ-торговецъ, держитъ въ рукахъ корзину и показываетъ, что его ограбили солдаты. Пошли мы съ Ник. Вл. Букрѣевымъ разобрать это дѣло. Китаецъ сейчасъ же указалъ на пятерыхъ нашихъ солдатъ, что они во время фуражировки въ полѣ отняли у него бумагу, табакъ и груши. Обыскъ подтвердилъ справедливость жалобы, и солдатамъ предстоялъ судъ. Но виновные умоляли наказать ихъ домашнимъ образомъ и клялись больше никогда не дѣлать подобнаго. Китайцу

заплатили убытки, и онъ торжествовалъ. При этомъ ему сказали, что вотъ сейчасъ солдатъ еще и накажутъ. Собралось уже нѣсколько китайцевъ. Мы думали, что такое заявленіе доставитъ имъ большое удовлетвореніе. Но случилось совсѣмъ неожиданное. Произведенною уплатой китайцы совершенно удовольствовались; услышавши же еще о наказаніи солдатъ, они сразу стали всѣ на колѣни и завыли неистово, умоляя „капетана" Букрѣева не наказывать солдатъ: „теперь, молъ, война; что жъ дѣлать? мы де не обижаемся и довольны деньгами". При этомъ одинъ даже плакалъ.

Меня эта сцена страшно поразила: никакъ не ожидалъ я, чтобы китайцы могли такъ поступить, будучи дѣйствительно обижены. Да, вѣрно слово апостола, что въ каждомъ народѣ есть люди, угодные Богу по дѣламъ своимъ.

Ночь надвигается. Подулъ уже холодный вѣтеръ; и я поспѣшилъ въ палатку надѣть теплый подрясникъ и калоши. Сегодня какъ-то тоскливо вечеромъ: звѣздочекъ не видно, небо покрыто облаками, въ воздухѣ пыль и дымъ отъ костровъ. Все время мимо идутъ войска на Ляоянъ.

Ночь на 24-ое спали плохо. Отъ холода лошади срывались съ коновязи и носились по биваку; одна налетѣла даже на нашу палатку и оборвала веревку. Утро сѣрое. Сильный вѣтеръ перешелъ потомъ въ бурю, вздымая тучи пыли. Страшно безпокоюсь, какъ бы не сорвало церковь нашу. Холодно. Въ 11 часовъ дня раздались впереди залпы пушекъ, и теперь пальба идетъ безъ перерыва. Началось...

Господи! Умилосердись надъ нами грѣшными, благослови и помоги намъ!

25-ое сентября.

Эта ночь была холоднѣе всѣхъ. Въ кувшинахъ вода до дна замерзла. Я спалъ хорошо; только утромъ вставать было непріятно. Умываться водой изъ ведра у меня не хватило духу, и я попросилъ разбавить ее теплой водой. Мы всѣ стали теперь такіе интересные: отъ умыванья на морозномъ воздухѣ лица наши покрылись румянцемъ; только руки потеряли всѣ свойства нашего *благородія*: стали красныя, заскорузлыя.

Утро самое оживленное. По всему биваку топотъ, шумъ: солдаты съ веселымъ смѣхомъ задаютъ трепака, хлопаютъ руками, колотятъ другъ друга по бокамъ. Имъ вторятъ прозябшія лошади. А музыкантъ—одинъ на всѣхъ, это—господинъ Морозъ-Красный носъ.

Вы скажете: уныніе у насъ? Ни-ни-ни. Вездѣ смѣхъ, шутки, прибаутки. Вѣдь Морозъ русскому человѣку родной братъ и надежный союзникъ противъ враговъ.

Цѣлый день у насъ по случаю мороза веселіе веліе. Прямо хохоть пронимаетъ нашихъ воиновъ при видѣ проѣзжающихъ г.г. офицеровъ въ папахахъ [1]). Ну и папахи же есть! прямо Эйфелевы башни. Дѣйствительно, что-то невѣроятное: изъ одной свободно можно сдѣлать двѣ. И вѣдь нарочно такія заказываютъ, воображая, что это красиво и воинственно.

Сегодня великій святой день—память преподобнаго Сергія. Несмотря на морозъ, мы молились въ своей церкви, пѣли молебенъ Преподобному и величаніе предъ Его иконой, написанной на церкви. На этой иконѣ св. Сергій благословляетъ великаго князя Димитрія Донского на битву съ Мамаемъ. И, какъ извѣстно, тогда это благословеніе низвело благодать Божію на русское войско. Теперь противъ насъ поднялись родичи татаръ, японцы. О, Преподобный! помоги молитвами Твоими намъ теперь побѣдить врага, дабы снова миръ скорѣе нисшелъ на землю! благослови!

Съ такими чувствами молились мы въ нашей церковкѣ. Прибралъ я все въ церкви и скорѣе пошелъ въ палатку грѣться, пить чай, а, главное, отогрѣть руки. Однако придется оставить способъ отогрѣванія рукъ при помощи горячаго чайника: одинъ штабной чиновникъ сказалъ мнѣ, что отъ этого можетъ быть ревматизмъ въ рукахъ. Сижу, согрѣлся, ноги поставилъ на скамеечку, взялъ книжку: такъ хорошо, что не хочется вставать.

Обѣдали такъ, какъ будто за нами мчалась погоня: глотали какъ можно скорѣй, не думая уже о томъ, хорошо или худо разжевали, а только бы не застыло сало и не остылъ супъ. Что̀ бы сказали наши доктора [2]), милая моя супруга и дорогая Евдокія Александровна [3]), увидавши, какъ ихъ „батюшка" управляется съ обѣдомъ?! Но здѣшніе доктора сами за однимъ столомъ съ нами глотаютъ во всю; а любящія существа далеко-далеко: не увидятъ да и, принимая во вниманіе смягчающія вину обстоятельства, простятъ. Слава Богу, мы всѣ на бивакѣ совершенно здоровы.

Завтра воскресенье и память св. Іоанна Богослова. Какъ бы хотѣлось отслужить св. литургію! Но просфорный вопросъ здѣсь первой важности. Сосѣди саперы уѣхали; ихъ печку китайцы развалили; Михаилъ объѣхалъ весь городъ и вокзалъ и ничего не добился. Такъ съ грустью въ сердцѣ и рѣшаюсь отслужить завтра только обѣдницу. Стою около церковной двуколки, дѣлюсь печалью съ друзьями своими Ксенофонтомъ и Михаиломъ. Вдругъ солдатъ Нечаевъ говоритъ:

— „Батюшка! Да Вы не безпокойтесь! Мы сейчасъ сдѣлаемъ печь, и просфоры будутъ; вѣдь Галкинъ печникъ".

[1]) Большія мѣховыя шапки.

[2]) Подъ „докторами" о. Митрофанъ разумѣетъ здѣсь своихъ родственниковъ: свояка доктора (см. стр. 4, примѣч 2) и двухъ свояченицъ докторшъ. Не только родственники, но и супруга Ольга Влад. часто обращаются къ о. Митрофану, называя его по привычкѣ вмѣстѣ съ посторонними словомъ „батюшка".

[3]) См. стр. 5, примѣч. 2.

Не вѣрю, конечно, такому счастью, но благословляю. Сейчасъ же мои печники разобрали часть кладбищенской ограды и въ канавѣ вырыли четырехугольную яму, выложили кирпичомъ, засыпали сверху землею, сдѣлали трубу, словомъ—все, какъ слѣдуетъ, и черезъ часъ затопили. Ксенофонтъ поставилъ тѣсто, а въ $9 \frac{1}{2}$ часовъ вечера онъ принесъ уже въ палатку горячія просфоры. Я прямо изумился: не вѣрю глазамъ, а онъ говоритъ:

— „Да Вы посмотрите, батюшка: печка такая вышла, что и пирогъ и хлѣбъ можно испечь“.

Да, удивительные наши солдаты. Благослови ихъ, Боже! Радостно пошелъ я служить всенощную. Снова понеслись изъ нашихъ грѣшныхъ устъ мольбы и славословія Творцу всѣхъ и величаніе святому апостолу Христову Іоанну Богослову.

Сильно полюбилъ я свою церковку. Стою въ ней одинъ послѣ службы или вечеромъ при свѣтѣ восковой свѣчи, и такъ вдругъ легко станетъ на душѣ: какъ будто я и не въ Манчжуріи, а тамъ.... дома. Вотъ и сегодня вечеромъ стою я въ ней. Вѣтеръ колышетъ полотняныя иконы: шелестятъ онѣ, изображенія святыхъ движутся, будто оживаютъ и тихо-тихо говорятъ. Все кругомъ замерло: Господь послалъ уставшимъ людямъ сонъ, и только часовые едва слышно позвякиваютъ шпорами. Вдругъ рядомъ слышу дикій вопль: „у-у-у“. Вздрогнулъ я. Это сова завопила на кладбищѣ. Пора, значитъ, провѣдать и мнѣ постельку.

Получилъ телеграмму отъ Ея Высочества изъ Сергіева Посада:

„Молитвенно со всѣми вами; только что усердно молились за обѣдней и молебномъ о дарованіи побѣды. Храни васъ, Господь и св. Угодникъ. Елисавета“.

Нѣтъ словъ выразить, какъ всѣ мы благодарны Великой Княгинѣ за ея истинно материнское къ намъ отношеніе.

26-ое сентября.

Сегодня немного теплѣе; но вѣтеръ большой, и, кажется, будетъ дождь или снѣгъ. Всталъ, поскорѣе привелъ себя и свое ложе въ порядокъ, имѣлъ мужество умыться холодной водой и поспѣшилъ въ церковь приготовляться и приготовлять все нужное для богослуженія. Живо вспомнилось, какъ я діакономъ въ селѣ Лизиновкѣ [1]) приготовлялъ для служенія холодную церковь зимою: тоже бывало и въ руки подуешь, и въ карманъ ихъ сунешь на минуточку, а самъ сметаешь пыль, достаешь одежды и сосуды, отыскиваешь дневное евангеліе. Такъ и теперь. Среди холода обметаю замерзшихъ мухъ, пыль, разставляю на жертвенникѣ св. сосуды и раскладываю на ска-

[1]) Воронежской губ.

мейкѣ, взятой изъ китайской фанзы, священныя одежды. Слава Богу, все въ порядкѣ.

Уже $8^1/_2$ часовъ. Читаю „входное", облачаюсь, начинаю часы и проскомидію, затѣмъ идетъ св. литургія, но, какъ говорится въ уставѣ, „по-скору", такъ какъ мои богомольцы все народъ стриженый да бритый; холодный вѣтеръ по волоску все разбираетъ на ихъ головахъ, и они, замѣтно, жмутся. Ну, Господь съ ними: Онъ проститъ.

Въ 10 часовъ окончили богослуженіе; я успѣлъ даже и проповѣдь краткую сказать на читанное евангеліе. Сегодня, по милости Божіей, какъ-то ужъ очень отрадно было служить; не знаю самъ, почему. И не замѣтилъ, какъ прошло служеніе.

Ксенофонтъ подавалъ кадило, выносилъ свѣчу и даже, представьте, пѣлъ. Онъ всегда бываетъ такой сіяющій, когда я благословлю его прислуживать въ церкви; и онъ съ великимъ благоговѣніемъ относится къ этому дѣлу.

Прибрались съ Михаиломъ въ церкви. Прихожу въ палатку. Милый Николай Влад.: онъ приготовилъ мнѣ горячій - прегорячій кофе; уже стоитъ на столикѣ стаканъ, а рядомъ лежитъ булка. Очень тронула меня его сердечная заботливость. Да и вообще онъ всегда относится ко мнѣ, какъ къ родному. И я ему плачу тѣмъ же. Грѣшникъ, я съ великимъ удовольствіемъ погрѣлся кофейкомъ да прихватилъ еще и стаканчикъ чаю съ лимономъ.

Ну, а теперь за дѣло! Надо убирать все церковное имущество въ ящики и разбирать церковь: вотъ-вотъ выступимъ и мы отсюда.

До обѣда окончили работу: все убрали, спрятали, и..... дождь пошелъ. Какъ будто Господь удерживалъ хляби небесныя до того времени, какъ мы окончимъ уборку церкви. Обѣдали подъ дождемъ; послѣ пили въ нашей палаткѣ чай. Хотѣлъ я поѣхать въ эскадроны, но по дождю не рѣшился. Если погода разгуляется, завтра утромъ поѣду.

Прилегъ было отдохнуть; но приходитъ съ почты писарь и говоритъ:

— „Вамъ, батюшка, писемъ нѣтъ, а есть посылка. Завтра получите повѣстку".

Да развѣ можно до завтра? Зову Михаила, надѣваемъ накидки и бѣгомъ на почту. Версту отмахали—и не замѣтилъ. Чиновникъ сейчасъ же выдалъ; оказалось, изъ Орла: дорогія мои Евдокія Александровна[1]) и Екатерина Сергѣевна...[2]). Спасибо за утѣшеніе. Ногъ подъ собою не чувствуя, неслись мы обратно.

Сѣлъ въ палаткѣ и самъ откупорилъ ящикъ; поклонился присланной иконочкѣ св. мученика Іоанна Воина и надѣлъ на шею. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ картиночки; шоколадъ пополамъ подѣлилъ

[1]) См. стр. 5, примѣч. 2.

[2]) Е. С. Михайлова - орловская обывательница, вдова чиновника, почитательница о. Митрофана.

Ксенофонту и Михаилу. А какъ хорошо, что прислали чай! Здѣсь какой-то дешевый и невкусный. Спасибо тысячу разъ за все! Цѣлый вечеръ я „жилъ“.

27-ое сентября.

Утро чудное; легкій вѣтерокъ. Рѣшаю ѣхать въ эскадроны служить. Это 35 верстъ туда.

Выѣхали мы съ Михаиломъ въ 10 час. утра верхомъ, проѣхали знакомый мостъ черезъ р. Хун-хе и покатили рядомъ съ полотномъ желѣзной дороги.

Какая разница сравнительно съ тѣмъ, что было 15-го сентября! Тогда здѣсь не было ни души; теперь ходятъ поѣзда, и снова толпы рабочихъ китайцевъ ровняютъ насыпь, снова жизнь. Мы наступаемъ... Какъ радостно на душѣ! Но ка́къ-то благословитъ Господь наше дѣло: можетъ-быть, насъ ожидаютъ новыя испытанія.... Да будетъ воля Божія!

Ѣдемъ, бесѣдуемъ. У меня одна мысль запала и крѣпко держится въ сердцѣ:

„О, если бы застать мнѣ эскадроны въ сборѣ и отслужить у нихъ! А, можетъ-быть они сражаются?....“

Оттуда, дѣйствительно, стали доноситься звуки пальбы. Вотъ и станція Суютунь, что тогда была брошена и стояла безъ оконъ и дверей. Сейчасъ тамъ люди, новыя двери, окна, и на платформѣ лежатъ груды ящиковъ съ снарядами. Къ станціи безпрестанно подъѣзжаютъ двуколки, берутъ снаряды и везутъ на позиціи. Идетъ горячій бой.

Что-то впереди завиднѣлось на пути; кажется, поѣздъ идетъ. Лошади навострили уши, похрапываютъ; особенно волнуется „другъ“ подъ Михаиломъ. Подъѣзжаемъ ближе. Оказывается, на насыпи лежатъ паровозъ и вагонъ, совершенно разбитые: только что столкнулись. Саперы работаютъ, расчищаютъ путь. Недалеко валяется разбитое орудіе. Кругомъ масса войскъ и обозовъ.

Рѣку Шахе переѣхали въ бродъ и версты черезъ три въѣхали въ деревню Шулинзы, гдѣ стоятъ наши три эскадрона. Подъѣзжаемъ къ фанзѣ штабсъ-ротмистра Подгурскаго, а сердце замираетъ: дома ли воины?...

О, радость! До̀ма всѣ наши, даже 5-ый и 6-ой эскадроны. Назавтра ждутъ большого боя, а сегодня только 4-ый эскадронъ въ боевой развѣдкѣ. Какъ мнѣ благодарить Господа, что я именно попалъ въ моментъ свободный! И какъ всѣ были рады моему пріѣзду! Рѣшили сначала молиться въ 5-мъ и 6-мъ эскадронахъ, которые стоятъ еще дальше версты на три, а въ 1-мъ и 2-мъ помолимся въ 5 часовъ вечера.

Снова ѣдемъ около линіи дороги, направляясь въ деревню Улиге. Налѣво гремитъ канонада. Предъ глазами знакомая картина: рвутся снаряды, дымки, носилки съ ранеными. Китайцы несутъ на плечахъ двухъ раненыхъ японцевъ. За ними въ двуколкахъ сидятъ еще два плѣнныхъ; маленькіе такіе, юркіе...

Пріѣхали. Собрались эскадроны на дворѣ фанзы; поставили столъ; вмѣсто ковра постлали соломы. И обѣдница началась. Громъ пальбы былъ такъ великъ, что мы старались пѣть громче. Пѣхотные и артиллерійскіе солдаты, заслышавъ наше пѣніе, также пришли къ намъ помолиться.

Я говорилъ проповѣдь о томъ, что воинство наше должно надѣяться не только на руководство земныхъ начальниковъ, но и на помощь духовныхъ полководцевъ, святыхъ Божіихъ людей, изъ которыхъ первая взбранная воевода есть Владычица наша, Богородица. Поэтому не унывать намъ нужно, а, мужественно и храбро трудясь на полѣ брани, молиться Пресвятой Дѣвѣ и святымъ, прося Ихъ помощи и благословенія.

Послѣ богослуженія поздравилъ георгіевскихъ кавалеровъ. У насъ на полкъ дали 14 георгіевскихъ крестовъ.

Какъ же отрадно было на душѣ, когда я возвращался съ сознаніемъ исполненнаго долга! Въ 5 часовъ вернулся въ д. Шулинзы, гдѣ все было уже готово для молитвы. Здѣсь я служилъ въ присутствіи корпуснаго командира и его штаба. Проповѣдь говорилъ на ту же тему. Господи, въ какомъ положеніи пришлось быть! Среди грома пальбы проповѣдывать.

Въ 4-ый эскадронъ послалъ записку съ просьбой сообщить мнѣ, можно ли и у нихъ отслужить молебенъ. Отвѣтили, что невозможно.

На ночь пріютился у Подгурскаго, который накормилъ меня и напоилъ чаемъ, а то я съ утра ничего не ѣлъ. Легъ на канѣ, подложивши бурку. За день наволновался и долго не могъ заснуть.

28-ое сентября.

Въ $5^1/_2$ час. зарокотала ружейная стрѣльба, и совсѣмъ рядомъ, верстахъ въ двухъ отъ насъ, запѣли „манчжурскіе соловьи“, т.-е. завыли и завизжали снаряды изъ орудій.

Я всталъ, попилъ чаю, и мы поѣхали обратно къ Мукдену. Слава Богу, успѣлъ я отслужить. Ѣхали благополучно. Только на послѣднихъ десяти верстахъ со мной произошелъ случай. Путь шелъ по глухой мѣстности. Солдатъ нѣтъ, а по случаю новолунія бродятъ толпы китайцевъ. Богъ ихъ знаетъ: можетъ, они хунхузы..... Михаилъ говоритъ:

— „Батюшка, проѣдемъ это мѣсто поскорѣе!“

Покатили. Вдругъ моя лошадка споткнулась и упала. Немудрено: пробѣжавши 70 верстъ, устала. Я полетѣлъ ей черезъ голову, а она, вскочивши, перепрыгнула черезъ меня. Все это было дѣломъ мгновенія. Я немного ушибъ лѣвую ногу и голову; но скоро все прошло. Съ помощью Михаила я снова усѣлся въ сѣдло, и шагомъ мы поплелись во-свояси. Китайцы, мнимые непріятели, въ это время нагнали насъ и отъ души смѣялись, глядя на мою смѣшную фигуру съ растрепанными волосами. Немного погодя, я и самъ смѣялся, вспоминая свое паденіе. Это мнѣ, „да не превозношуся". А то я уже возмнилъ о себѣ: вотъ де молодецъ—70 верстъ проѣхалъ, служилъ, и ничего себѣ. Ну, вотъ и попало.

Пріѣхали на бивакъ, а наши уже собираются завтра утромъ выѣзжать; значитъ, снова 30 верстъ..... Усталъ. Хотѣлъ писать —не хватило терпѣнія: легъ.

29-ое сентября.

Рано утромъ, какъ стая вороновъ, налетѣли на нашъ бивакъ толпы оборванныхъ китайцевъ, Богъ вѣсть, откуда узнавшихъ о нашемъ отъѣздѣ. Жадными глазами бѣдности смотрѣли они на пустыя бутылки, коробки изъ-подъ консервовъ, солдатскіе шалаши, остатки чумизы, навозъ. Все это съ визгомъ и дракой сейчасъ же будетъ растащено по нашемъ отъѣздѣ. Горе, горе! Невольно вырывается вопль изъ груди при видѣ этихъ оборванцевъ: вѣдь чумиза, гаолянъ, дрова, можетъ-быть, съ ихъ же полей и дворовъ.... Охъ, война, война! Какое счастье знать о неизбѣжности конца земной жизни, конца всѣхъ этихъ страданій, войнъ и вѣрить въ воскресеніе, преображеніе, обновленіе всего! Безъ этого гдѣ бы взять силъ перенести подобныя испытанія? Есть русская пословица, во всей полнотѣ относящаяся сейчасъ къ несчастнымъ китайцамъ: „На чужомъ пиру похмелье". Да̀, сильно страдаютъ они отъ войны, не воюя.

Въ 9 часовъ утра выступили по направленію къ станціи Шахе. Прощай, гостепріимный Мукденъ! Прощай бивакъ, гдѣ сравнительно хорошо мы жили и покойно наслаждались служеніемъ св. литургій! Что̀-то насъ ждетъ впереди? Многіе говорятъ, что намъ придется опять итти къ Мукдену... Ну, увидимъ.

Походное движеніе совершили, какъ и всегда. Я уѣхалъ впередъ. Вѣтеръ дулъ въ лицо. На душѣ какъ-то грустно: что-то въ родѣ плохого предчувствія. Конечно, гоню прочь; вѣдь я христіанинъ, вѣрю въ промыслъ Божій и готовъ принять новыя испытанія. Вдругъ промелькнула мысль въ головѣ:

— „А что, если намъ придется уступить?"

— „Нѣтъ, это невозможно".

— „Но если?"

— „О! тогда я не вернусь въ Россію, домой. Стыдно: останусь служить въ Сибири“.

Понятно, и это прогналъ. Никто изъ насъ не сомнѣвается въ побѣдѣ, вѣдь Господь наказуетъ и милуетъ — не даетъ испытанія сверхъ силъ, а дастъ и избавленіе, побѣду. Потерпимъ.

Переѣхали р. Шахе. И что же? Дивизіонные обозы идутъ обратно. Неужели предчувствіе не обмануло?

— „Куда вы?“ спрашиваю обозныхъ.

— „Отступаемъ“, слышу ужасный и надоѣвшій отвѣтъ.

Дѣйствительно, на восемь верстъ наши отступили и потеряли нѣсколько орудій. Смиримся! Доколѣ же, Господи, забудеши ны? Неужели до конца? Нѣтъ, не престанемъ любить Тебя и надѣяться на помощь Твою.

Остановились съ штабомъ корпуса и двумя эскадронами въ деревнѣ Хан-че-пу. Пальба ужасающая. Сотни раненыхъ. Такъ и спать легли подъ этотъ громъ и съ сознаніемъ, что мы отступаемъ; между тѣмъ поздно вечеромъ прислали сказать, что войска наши отъ р. Шахе не уйдутъ, хотя бы всѣмъ пришлось умереть; отступили только съ авангардныхъ позицій. Улегся, но долго-долго не могъ я сомкнуть глазъ: къ душевной тяготѣ прибавилась и физическая сильная усталость; вѣдь въ полтора сутокъ я сдѣлалъ болѣе 100 верстъ верхомъ. Наконецъ затихла пальба, и я забылся.

Однако покой нашъ продолжался недолго: чаша пережитой горечи была еще не наполнена. И вотъ въ часъ ночи завылъ вѣтеръ, загремѣлъ громъ, заблистала молнія, дождь полилъ, какъ изъ ведра. Значитъ, снова грязь — прибавка ко всему прочему ещё одной муки.

Зажегъ свѣчу; проснулся Николай Влад.; каждую минуту ожидаемъ паденія палатки. Сосѣди наши, Алалыкинъ [1]) и Шауманъ [2]), кричатъ, зовутъ денщиковъ: ихъ жилище уже порвалъ вѣтеръ.

Такъ почти до свѣта мучились.

30-ое сентября.

Утромъ снова ужасный ливень. Сразу деревня наша оказалась на островѣ. Все противъ насъ! Смиримся.

Приказано выступать въ Суютунь. Войска стоятъ на прежнихъ позиціяхъ; передвигаются только штабы. Завтра нашъ престольный праздникъ, а мы въ походѣ. Литургіи, конечно, служить не придется. Хотя бы удалось выбрать минутку отслужить молебенъ! И то сомнительно. Гулъ пальбы ужасающій; дымки, огни рвущихся снарядовъ, визгъ и вой гранатъ... Адъ! Въ сосѣднемъ лѣсу у деревни Лин-ши-пу,

1) Ветеринаръ.
2) Офицеръ.

гдѣ я служилъ обѣдницу, рвутся снаряды, свистятъ пули, витаетъ смерть. Съ невыразимой скорбью смотрю на вереницы носилокъ и повозокъ съ ранеными. Двигаемся. Только что отъѣхали нѣсколько саженей отъ деревни, вижу: стоитъ палатка Краснаго Креста, перевязочный пунктъ 35-ой дивизіи, лазаретъ; туда несутъ страдальцевъ. Не выдержала душа моя: св. Дары со мной—повернулъ лошадь и поѣхалъ къ лазарету. Спрашиваю, есть ли священникъ. Докторъ говоритъ:

— „Нѣтъ, а очень нуженъ бываетъ: вотъ вчера трехъ умершихъ отъ ранъ похоронили безъ отпѣванія“.

Я предложилъ свои услуги. Докторъ былъ очень радъ; а сестра милосердія уже бѣжитъ ко мнѣ со словами:

— „Батюшка! пожалуйста останьтесь: сейчасъ къ намъ принесутъ много раненыхъ“.

Съ радостью остался и былъ въ лазаретѣ до $3^1/_2$ часовъ дня. При мнѣ принесли много раненыхъ; два въ животъ на вылетъ. Ихъ не удалось пріобщить: постоянно тошнило несчастныхъ. Всѣхъ я благословлялъ; утѣшалъ, какъ могъ; даже старался шутить съ нѣкоторыми. Господи, какія же муки переживаютъ эти страдальцы и какъ нуженъ тутъ священникъ! Сядешь рядомъ съ раненымъ на землю на соломѣ; а онъ ужъ чуть слышно проситъ благословенія, молитвъ. Нѣсколько разъ у меня слезы приступали къ горлу. Если Богъ благословитъ, буду теперь, насколько могу, помогать раненымъ, посѣщая лазаретъ.

Въ 6 часовъ вечера пріѣхалъ я въ Суютунь, отыскалъ нашъ бивакъ и записалъ кое-какъ пережитое. Грустно встрѣтилъ я вечеръ: всенощной нѣтъ, и немыслимо служить. И вотъ ложусь, не зная, будетъ ли завтра хотя молебенъ.

Въ нашемъ полку ранено шесть солдатъ, и поручика Тимоѳеева контузило снарядомъ, хотя онъ остался въ строю. Въ одного нашего солдата попало пять пуль.

Теперь обозъ нашъ раздѣлили: тяжелыя фуры, больныя лошади съ поручикомъ Шауманомъ и ветеринаромъ Алалыкинымъ ушли въ Мукденъ, а мы съ легкимъ обозомъ остались при 1-мъ и 2-мъ эскадронахъ.

1-ое октября.

Утро сѣрое. Вѣтеръ. По небу быстро-быстро несутся тучи. Уныло шелестятъ деревья пожелтѣвшей листвой. Сегодня нашъ полковой праздникъ, а на душѣ невыразимо грустно. Какъ бывало торжественно совершали мы служеніе въ этотъ день въ родномъ храмѣ [1])! А те-

[1]) Выстроенная энергіей о. Митрофана въ г. Орлѣ близъ казармъ 51-го Черниговскаго драгунскаго полка (нынѣ 17-го гусарскаго) собственная полковая каменная церковь, стоимостью до 70 тысячъ рублей, имѣетъ престолъ, освященный въ честь праздника Покрова Пресв. Богородицы.

перь? Встаю и не знаю, успѣю отслужить молебенъ или сейчасъ ѣдемъ.

Съ $3\frac{1}{2}$ часовъ утра загремѣла адская канонада. Наскоро одѣлся и пошелъ въ 1-ый и 2-ой эскадроны узнать, могутъ ли они присутствовать на молебнѣ. Иду съ маленькой надеждой. Но на поворотѣ улицы встрѣтилъ эскадроны уже на коняхъ: ѣдутъ на позиціи. Поздравилъ ихъ съ праздникомъ, благословилъ, вернулся на свой бивакъ и въ $7\frac{1}{2}$ часовъ отслужилъ молебенъ предъ полковой иконой въ присутствіи ген. Степанова, командира полка и обозной команды.

Пресвятая Богородица! помоги намъ побѣдить и скорѣе вернуть столь желанный миръ.

А канонада все сильнѣе разгорается. Ясно слышимъ вой снарядовъ и ружейную трескотню. Приказалъ сѣдлать и съ церковникомъ поѣхалъ къ позиціямъ, чтобы, если возможно, хотя издали благословить дорогіе эскадроны, стоящіе въ бою въ этотъ святой день, разсчитывая въ то же время заѣхать еще въ дивизіонный лазаретъ.

Ѣдемъ. Обозы стоятъ; всѣ запряжены. Вьючныя лошади осѣдланы. Спѣшно ѣдутъ зарядныя и патронныя повозки къ мѣсту боя. Стоятъ ряды полковыхъ кухонь. Кашевары варятъ пищу, чтобы ночью подъ покровомъ темноты, обернувъ колеса мѣшками, незамѣтно подвезти ее къ самымъ позиціямъ и покормить воиновъ-тружениковъ.

Ищу лазаретъ, гдѣ вчера былъ. Что-то не видать его палатки. Подъѣзжаемъ ближе. Оказывается, онъ перешелъ почти къ Суютуню и только что началъ устраиваться. Значитъ, часъ-полтора, по крайней мѣрѣ, здѣсь дѣлать нечего, и я рѣшилъ ѣхать впередъ, туда, гдѣ громъ, и свистъ, и смерть. Что-то неодолимо потянуло.

Несутъ носилки съ тяжело раненымъ. Благословилъ его. Смотрю, а онъ слабой рукой манитъ меня къ себѣ. Сейчасъ же я соскочилъ съ лошади и подбѣжалъ къ нему. Несчастный едва слышно шепчетъ: „пріобщиться бы!“ Достать св. Дары, все приготовить было дѣломъ минуты, и здѣсь же на дорогѣ я напутствовалъ его. Оказался фельдшеръ Зарайскаго полка. Онъ самоотверженно былъ въ пылу сраженія и тамъ выносилъ раненыхъ, перевязывалъ. Вдругъ разорвалась граната, и осколокъ, ударивши ему въ спину, засѣлъ въ груди. Смерть неминуема. Спасая ближнихъ, онъ положилъ свою душу. Угасающій взоръ страдальца остановился на мнѣ; духовная радость и благодарность свѣтились въ этомъ взорѣ; даже стонать уже не могъ умирающій. Едва успѣлъ я отойти отъ него, слезы неудержимо полились у меня.

Ѣдемъ дальше. Саперы спѣшно ровняютъ дороги, роютъ новые окопы „на случай“. То и дѣло встрѣчаются носилки съ несчастными ранеными. Каждаго благословляю, спрашиваю, куда раненъ, и отпускаю. Все больше — въ ноги и руки. Нѣкоторые идутъ, обнявши одной рукой здороваго товарища за шею, а другой опираясь на ружье, какъ

на костыль; другихъ, за недостаткомъ носилокъ, несутъ вдвоемъ солдаты, скрестивши свои руки.

— „Вотъ и ты, счастливый, удостоился пострадать“, говорю я, встрѣчая раненаго и благословляя его.

И большею частью слышится одинъ отвѣтъ:

— „Точно такъ. Слава Богу!“

Лежатъ на землѣ ряды раненыхъ, ожидая очереди. Но, удивительное дѣло, среди нихъ полная тишина: ни одного стона, точно мертвые.

Вдали стоитъ какая-то кавалерія.

— „Кто это?“ спрашиваю.

— „Да это ваши драгуны, 5-ый и 6-ой эскадроны“, говорятъ.

Господи, какое счастіе! Нашелъ! Вмигъ исчезла всякая мысль о томъ, что тамъ бой, опасность. Оглянулся я на Михаила и говорю быстро:

— „Ѣдемъ рысью туда, отслужимъ имъ хотя краткій молебенъ! Согласенъ?“

— „Согласенъ“, отвѣчаетъ.

И мы поскакали. Боже мой, какой ужасъ! Очень близко стрѣляютъ наши пушки. Громъ, визгъ и вой такіе, что положительно въ ушахъ звенитъ, и надо кричать, чтобы слышать другъ друга. Эскадроны стоятъ, держатъ лошадей въ поводу, ожидаютъ приказа итти на смертный бой.

Подъѣхали мы. Офицеры и солдаты глазамъ своимъ не вѣрятъ.

— „Съ праздникомъ, дорогіе мои, поздравляю васъ“, кричу я.

— „Покорнѣйше благодаримъ“, изъ-за пальбы едва слышу отвѣтъ.

— „Я пріѣхалъ помолиться съ вами“.

— „На молитву! Шапки долой!“

Повернулъ я лошадь къ востоку, и, сидя съ церковникомъ верхами, чтобы солдатамъ было виднѣе и слышнѣе, запѣли мы молебенъ.

Охъ, и картина же! Живо вспомнился мнѣ одинъ рисунокъ изъ временъ Англо-Бурской войны, воспроизводящій эпизодъ: „Молитва буровъ во время сраженія“. Какъ тогда трепетала душа моя при видѣ этой картины! И я невольно шепталъ: „счастливые: и во время боя не забыли Господа“. Думалъ ли я, что когда-либо не на рисункѣ, а въ дѣйствительности придется пережить буквально то же?

Отслужилъ молебенъ, сказалъ нѣсколько словъ воинамъ, чтобы они надѣялись на покровъ Божіей Матери и не унывали. Офицеры приложились къ кресту, что у меня на груди, сильно взволнованные. Радость была общая. Спрашиваю:

— „А гдѣ 3-ій и 4-ый эскадроны?“

— „Направо отъ насъ, при 3-ьей дивизіи“, отвѣчаютъ.

Сердечно простились. Какъ милы мнѣ всѣ эти люди, стоящіе каждую секунду лицомъ къ лицу со смертью! И на лицахъ ихъ ясно

выражена печать чего-то переходящаго за предѣлы земного, печать сознанія, что таинство смерти близко-близко. Какой-то огонекъ горитъ въ глазахъ.

Только отъѣхали мы немного, какъ трахъ-трахъ-трахъ. И полетѣли черезъ эскадроны гранаты и съ ужасающимъ блескомъ и трескомъ стали разрываться на томъ мѣстѣ, которое мы только что проѣхали. Все пространство наполнилось ѣдкимъ запахомъ пороха „шимозе", сѣры.

Ѣдемъ дальше, ищемъ 3-ій и 4-ый эскадроны и настолько привыкли къ грому и визгу, что не обращаемъ никакого вниманія. Сколько ни искали, не удалось найти. И мы повернули коней, чтобы ѣхать къ лазарету, который уже устроился. По дорогѣ нагнали двухъ солдатъ: одинъ раненъ въ голову, и все лицо въ крови, а другой, здоровый, его провожаетъ. Сейчасъ же здороваго я отправилъ обратно на позиціи, а раненаго посадилъ верхомъ на лошадь Михаила, который, взявши ружье раненаго, пошелъ пѣшкомъ. Такъ довезли мы этого солдата до лазарета и сдали врачамъ.

А тамъ уже работа въ разгарѣ. Въ нѣсколько рядовъ лежатъ раненые. Я по очереди подхожу къ каждому: поговорю, напутствую религіознымъ утѣшеніемъ, подамъ чайку... Врачи очень сочувственно относятся къ дѣятельности священника на войнѣ.

Ахъ, какія есть ужасныя раны! Вотъ лежитъ на операціонномъ столѣ солдатъ. У него осколокъ гранаты вырвалъ всю икру на ногѣ и раздробилъ на мелкія части кость. Этотъ кричитъ отъ боли. У другого перебита нога. Шрапнельная пуля прошла сквозь колѣно; образовалось отверстіе — три пальца могутъ пролѣзть. Доктора вытаскиваютъ оттуда кости. Я стою у его головы, благословилъ, а онъ, къ удивленію всѣхъ, даже не стонетъ, только морщится, а вмѣстѣ съ живостью разсказываетъ мнѣ, какъ онъ сражался, какъ его ранили, и съ грустью добавилъ: „Ахъ, и не пришлось повоевать: недавно только пріѣхалъ". Въ углу палатки ползаетъ безъ сознанія солдатъ съ прострѣленной головой; почему-то еще не умеръ. Рядомъ съ нимъ стоитъ на четверенькахъ пожилой солдатъ съ прострѣленнымъ животомъ; онъ лечь не можетъ. Повернулъ ко мнѣ голову и слабо-слабо говоритъ:

— „Батюшка! отслужите молебенъ, а изъ кармана выньте 15 коп., поставьте послѣ свѣчу; я вѣрующій; вотъ пріобщиться бы хотѣлъ, да рветъ каждую минуту".

Между ранеными, какъ ангелы хранители, ходятъ во всемъ бѣломъ сестры милосердія, отмываютъ кровь, перевязываютъ раны. Только и слышишь ихъ голосъ:

— „Голубчикъ, не хочешь ли чайку? ты не озябъ ли? что, очень болитъ? Ну потерпи: вотъ черезъ часикъ все пройдетъ"....

— „Охъ, попить бы чего; сутки во рту воды не было", раздается голосъ съ только что принесенныхъ носилокъ.

Сестра къ нему и уже поитъ его съ ложечки. А съ другого конца палатки слышится:

— „Сестрица, мнѣ бы малость табачку, разъ пыхнуть: вò какъ хочется!“

И табачокъ несетъ сестра. Господи! да развѣ передашь и опишешь все видѣнное?

Подходитъ ко мнѣ сестра и говоритъ:

— „А вѣдь умеръ вчера поздно вечеромъ тотъ солдатикъ съ оторванной ногой. Мы его на томъ бивакѣ похоронили безъ отпѣванія“.

Зову Михаила, садимся на коней и ѣдемъ туда (версты три). Дѣйствительно свѣжая могила, и на ней маленькій крестъ. Сейчасъ же отпѣли кратко погребеніе.

Возвратились къ лазарету, а онъ уже снова снимается. Пришлось ѣхать на бивакъ. Едва добрались, какъ хватилъ дождь, градъ, громъ, молнія. Вымокли преотлично. Но какъ на душѣ отрадно, что посѣтилъ эскадроны! И счастье было бы полное, если бы найти еще и 3-ій и 4-ый эскадроны.

Пообѣдали. Грязь опять невообразимая. Ѣхать или остаться? Нѣтъ, не вытерпѣлъ: крикнулъ сѣдлать. И снова покатили мы съ Михаиломъ на поиски. Удалось найти обозъ 4-го эскадрона. Взяли мы изъ него унтеръ-офицера, и онъ проводилъ насъ; только предупредилъ, что эти эскадроны охраняютъ наши батареи и потому ѣхать опасно. Ну, Господь и Владычица помогутъ.... Ѣдемъ. Проѣхали верстъ шесть впередъ, забирая вправо отъ желѣзной дороги. Унтеръ-офицеръ показываетъ рукою деревню; около нея чернѣютъ эскадроны, а рядомъ съ ними, дѣйствительно, вылетаютъ огни, стрѣляютъ орудія. На минуту остановился я; не знаю, что-то зашевелилось въ груди: ѣхать ли?.. Но быстро побѣдилъ себя: отдался въ руки Господа, и поѣхали туда.

Какъ описать радость, прямо восторгъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ при видѣ насъ, когда раздалось мое привѣтствіе съ праздникомъ? Сейчасъ же начали служить молебенъ и здѣсь. Свидѣтельствую, что многіе плакали. Только запѣли мы „Днесь, благовѣрніи людіе, свѣтло празднуемъ“, какъ рядомъ и сзади налѣво отъ насъ раздались залпы орудій, засверкали огни. Съ плачемъ и воплями бѣгутъ китайцы, женщины и дѣти изъ деревень къ Мукдену. Бѣдные! они думали укрыться въ погребахъ; но теперешніе снаряды все пробиваютъ. Ну, думаю, однако мы попали въ самую середину огня: сейчасъ, можетъ-быть, и надъ нами разразится свинцовый дождь. Что жъ? Святое дѣло сдѣлано; я видѣлъ результатъ—слезы и утѣшеніе, а дальше воля Божія да будетъ! Съ нашимъ пѣніемъ „Многая лѣта“ слился оригинальный салютъ: громъ пальбы батарей, вой снарядовъ и характерный звукъ рвущихся гранатъ.

Простились. Ѣдемъ обратно. Надо было торопиться выѣхать изъ опасной линіи до темноты: шелъ уже шестой часъ вечера.

Но, видно, мало было еще трепки нервамъ за пережитый день. Господу угодно было подбавить и еще. Оглянулись мы и ужаснулись: бо̀льшая половина неба была покрыта черною тучей, и къ грому и молніи земнымъ прибавились еще страшные раскаты грома и молніи небесныхъ, какъ будто духи неба приняли участіе въ людской борьбѣ. Снова ливень. Въ одинъ какой-либо часъ все наполнилось водою; лазареты и палатки съ людьми „подплыли".

Чтобы скорѣе добраться до бивака, мы поѣхали рысью; и лошадка моя, поскользнувшись, упала. Я же снова по знакомому уже пути полетѣлъ ей черезъ голову въ грязь. А, чтобы не было обидно прежде ушибленной лѣвой ногѣ, теперь пострадала правая половина. Ничего; это еще слава Богу: теперь людей ранятъ, убиваютъ, а мнѣ на это ли роптать?

Уже было темно, когда мы добрались домой, сдѣлавши не менѣе 25 верстъ въ разные концы. Докторъ осмотрѣлъ меня; все нашелъ въ порядкѣ. А гдѣ больно было, намазалъ іодомъ; и я снова здоровъ.

Какъ благодарить мнѣ Господа и Владычицу, помогшихъ испытать высшее счастье, что пережилъ я сегодня!

Добрая наша печальница, Е. И. В. Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна не забыла насъ въ этотъ день и прислала слѣдующую чудную телеграмму:

„Особенно горячо помолимся сегодня[1]) за всенощной за мой полкъ предъ иконой, которой черниговцы меня благословили при назначеніи меня шефомъ и которую сегодня вынесутъ для поклоненія въ нашу Ильинскую церковь. Да покроетъ Матерь Божія дорогой мой полкъ честнымъ своимъ покровомъ, избавитъ его отъ всякаго зла невредимымъ, доблестнымъ на радость всѣмъ намъ. Сердечный привѣтъ чинамъ полка по случаю нашего полкового праздника. Счастлива слышать объ успѣхахъ моихъ драгунъ. Постоянно мои всѣ мысли съ вами. Богъ помощь! Елисавета".

На эту телеграму командиръ полка отвѣтилъ:

„Телеграмма Вашего Императорскаго Высочества получена во время боя. Не нахожу словъ выразить восторгъ и благоговѣніе, съ какими черниговцы выслушали на полѣ брани высокомилостивыя слова своего обожаемаго Шефа. Да благословитъ Всевышній Ваше Высочество за материнское о насъ попеченіе! Это горячая молитва, вознесенная Господу на молебствіи, отслуженномъ отцомъ Митрофаномъ отдѣльно въ трехъ дивизіонахъ и штабѣ полка подъ грохотъ ужасной канонады. Потерь почти нѣтъ. Полковникъ Зенкевичъ".

Отъ Великаго Князя Сергія Александровича получена тогда же телеграмма:

„Сердечно поздравляю молодцовъ черниговцевъ съ ихъ полковымъ праздникомъ. Отрадно слышать самые лестные отзывы о

[1]) Телеграмма отправлена была, очевидно, 30-го сентября, чтобы она не опоздала какимъ-ниб. образомъ къ празднику черниговцевъ.

дѣятельности полка. Богъ въ помощь! Матерь Божія, сохрани полкъ подъ кровомъ своимъ. Сергѣй".

Пальба затихла. Ночь прекратила борьбу, и, слава Богу и Пресвятой Дѣвѣ, сегодня успѣшно сражались. Ужинали всѣ въ нашей палаткѣ, долго-долго бесѣдовали и разошлись въ 11 часовъ.

2-ое и 3-ье октября.

Ночью вылъ вѣтеръ, но... милый, родной, изъ Россіи, хотя и холодный. Пожимаясь и хлопая руками, солдаты весело говорили: „А вѣтерокъ-то нашъ, рассейскій". Стонали и скрипѣли подъ напоромъ вѣтра старыя вербы, будто и имъ жаль того множества страдальцевъ, что спятъ теперь непробуднымъ сномъ въ сырой землѣ или мучатся, получивъ раны на полѣ брани. Кто ихъ сегодня оплачетъ? *Близкіе* такъ *далеко*...

Наморившись вчера тѣлесно, наволновавшись душевно, я забылся тяжелымъ сномъ: и во снѣ то все рвались снаряды, скакали всадники, блестѣли штыки...

Наконецъ утро. Сегодня что-то позже начали люди свою страшную работу—лишь въ 8 часовъ утра загремѣлъ громъ выстрѣловъ. Рѣшилъ послѣ обѣда ѣхать снова въ лазаретъ. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Только что пообѣдали, какъ пришелъ приказъ запрягать, сѣдлать и отходить назадъ. Быстро уложились, одѣлись. Вдругъ скачетъ казакъ съ новымъ приказомъ подождать. Такъ часа два и простояли.

Я ходилъ взадъ и впередъ около повозокъ и думалъ грустную думу. Какъ быстро мѣняются положенія: вчера радовались и надѣялись, сегодня отступаемъ. Но что жъ дѣлать? Вотъ и нужно явить здѣсь вѣру и преданность Промыслу Божію. Смиряемся.

Новый гонецъ съ вѣстью: войска наши отстояли всѣ свои позиціи, атаки японцевъ отбиты. Слава Богу, это уже своего рода побѣда, большая побѣда. Японцы думали, что, стоитъ имъ только нажать, и мы отступимъ; но вотъ недѣлю съ безумной отвагой бросались они, и мы остались на мѣстѣ. Завтра рано утромъ на три версты отойдутъ только штабы; раскладываться однако не велѣли.

Выпрягли лошадей. Поужинали, что было, и улеглись на землѣ, подостлавши чумизы. Ночью хватилъ морозъ: два раза вставалъ грѣться къ костру. Солдаты притащили мѣшокъ съ ячменемъ. На него я и усѣлся; ноги протянулъ къ огню, и живительная теплота побѣжала по тѣлу. Рядомъ съ костромъ спитъ адъютантъ; кругомъ сидятъ солдаты и ведутъ задушевные разговоры о родныхъ селахъ, близкихъ. Я смотрю на огонь, согрѣлся, дремлю. Одинъ солдатикъ сидя уснулъ и едва не свалился прямо въ костеръ. А съ позицій нѣтъ-нѣтъ да и донесется гулъ одиночнаго выстрѣла.

Наконецъ дождались утра. Закипѣла вода въ чайникахъ, и началось отогрѣваніе чаемъ. Къ 12 часамъ солнышко пригрѣло: все растаяло, и мы по страшной грязи должны были перебираться версты на три назадъ.

Кругомъ снова адъ кромѣшный; пальба ужасающая. Но войска наши все еще на своихъ мѣстахъ. Остановились мы въ такой дрянной грязной фанзѣ, что дрожь пробираетъ. Большинство фанзъ въ своихъ огромныхъ окнахъ не имѣетъ стеколъ, а просто наклеивается промасленная бумага. Такъ и въ нашей; только и бумага-то продрана; дуетъ отовсюду; топить нельзя: труба разобрана. Кое-какъ вычистили фанзу и поставили кровати на канахъ, дырки заткнули тряпками, окна солдаты заклеили газетной бумагой, дверь завѣсили попоной, и дворецъ нашъ готовъ.

На дворъ фанзы противно выйти: стоятъ пять огромныхъ каменныхъ чановъ, наполненныхъ какою-то зеленой вонючей жидкостью, въ которой копошатся черви. Я былъ увѣренъ, что это приготовленъ кормъ для свиней; но китаецъ заявилъ, что это ихъ любимая приправа къ кушаньямъ, какъ у насъ квасъ, и тутъ же, обмокнувъ палецъ въ одинъ изъ чановъ, облизалъ, говоря: „шангó, шангó!“.

Какой ужасъ: пишу, а фанза дрожитъ отъ выстрѣловъ! Кажется, будто на дворѣ рвутся снаряды. Иной разъ не выдержу, вскочу, бѣгу на дворъ посмотрѣть, не къ намъ ли пожаловала незваная гостья бризантная бомба, которыми японцы любятъ угощать наши резервы.

Поѣхалъ въ лазаретъ, и пришлось увидѣть картину. Бризантная бомба попала въ обозъ, разорвалась съ страшнымъ трескомъ, разбила одну повозку. И вотъ поднялась ужасная суматоха. Обозные кричатъ, спѣшатъ отъѣхать дальше; нѣкоторыя лошади обезумѣли, мчатся...

Слава Богу, наступила темная ночь: хоть немного отдохнутъ нервы отъ грохота и ужасовъ войны.

4-ое, 5-ое и 6-ое октября.

Все сражаются. Только ночью немного отдыхаютъ; а сегодя и ночью японцы произвели атаку. Въ $11^1/_2$ часовъ вдругъ поднялся среди ночной темноты такой громъ пушекъ и рокотъ ружейной пальбы, что мы сразу проснулись и выскочили изъ фанзы. Моросилъ осенній дождь. Тьма—глазъ выколи. А горизонтъ, какъ будто тысячами молній, вспыхивалъ огнями выстрѣловъ и разрывовъ. Очевидно, японцы хотѣли прорваться; но наши войска отбили. Это уже вторая ночная атака.

Всѣ эти дни я навѣщалъ лазаретъ 35-ой дивизіи, а также и санитарный поѣздъ. Одного тяжело раненаго нельзя было пріобщить:

пуля попала въ ротъ и вышла черезъ голову. Живъ еще, но густая черная кровь безпрерывной струею текла изъ рта. Онъ умиралъ; я только благословилъ. Принесли еще солдатика. Раненъ два дня назадъ; все время ничего не ѣлъ.

Вечеромъ пѣшкомъ по полотну желѣзной дороги я возвратился въ свою фанзу. Всю ночь на 5-ое число шелъ дождь; днемъ опять дождь. Почва до того растворилась, что ногъ не вытащишь. А бѣдные солдаты въ окопахъ сидятъ положительно въ водѣ.

6-го октября всѣ сидѣли дома: шагу двинуться было невозможно отъ невылазной грязи. Только вечеромъ мы съ адъютантомъ кое-какъ добрались въ 1-й эскадронъ, гдѣ содержались плѣнные японцы. Теперь часто ловятъ японскихъ солдатъ. Въ печальномъ видѣ эти плѣнные: дрожатъ отъ холода, обувь плохая. Первый вопросъ, который они задаютъ, это—когда ихъ убьютъ и какимъ способомъ. Очевидно, начальники убѣдили ихъ, что у насъ плѣнныхъ убиваютъ. Пока не повѣритъ, плѣнникъ сидитъ и старается не ѣсть; проситъ, чтобы сначала нашъ солдатъ попробовалъ пищу, а потомъ уже онъ продолжаетъ: подозрѣваетъ, не отравили ли ее. Зато, когда убѣдится въ своей безопасности, то начинаетъ ѣсть и пить за двоихъ.

Цѣлый день сегодня ни одного выстрѣла съ обѣихъ сторонъ. Потери за эти дни большія; но наши не только удержались на своихъ мѣстахъ, но даже разбили совершенно бригаду японской пѣхоты и захватили 12 орудій. Ѣздилъ въ лазаретъ, но тамъ нѣтъ работы.

Сегодня во время обѣда пришелъ изъ Мукдена хозяинъ нашей фанзы. И радости его не было конца, когда онъ увидѣлъ, что и фанза и все въ ней цѣло. Онъ и смѣялся, и подпрыгивалъ, и къ намъ подбѣгалъ съ словами, выражающими, что мы „шангó капитаны", не допустивъ сдѣлать его фанзѣ „ломайло". Онъ все увѣрялъ, что изъ Мукдена и обратно туда „иго солнце", т.-е. что онъ въ одно солнце, въ одинъ день, сейчасъ уйдетъ снова въ Мукденъ, чтобы не мѣшать намъ, не безпокоить.

Вся эта сцена произвела на меня страшно тяжелое впечатлѣніе: хозяинъ дома извиняется, что посмѣлъ прійти въ свой же домъ. Конечно, мы посадили его за столъ, накормили, дали рюмку водки, напоили чаемъ и дали денегъ. И нашъ „хóдя" снова побѣжалъ въ Мукденъ, гдѣ ожидаетъ его возвращенія семья.

Вечеромъ я пошелъ на корпусный дворъ посмотрѣть, нѣтъ ли еще плѣнниковъ. Смотрю: среди двора, подъ конвоемъ двухъ солдатъ съ ружьями, сидитъ не плѣнникъ, а плѣнница, китаянка съ двумя маленькими дѣтьми. Сидитъ она и немилосердно кричитъ: „сольдата хунхуза", т.-е. что солдаты наши схватили ее, какъ хунхузы. Но она напрасно заявляла громко о своей невиновности: при тщательномъ осмотрѣ ея нашли бумагу; и поймали-то ее въ тотъ

моментъ, какъ она хотѣла пройти черезъ наши позиціи къ японцамъ.

Вернулся я въ фанзу, забрался на канъ и вотъ слушаю, какъ воетъ вѣтеръ. Странный здѣсь, по выраженію солдатъ, „климатъ“: съ самаго дня нашего пріѣзда 17-го іюля и по сей день ни одного почти дня не было хорошаго, ровнаго, а все время зной, дождь, вѣтеръ, морозъ вперемежку.

7-ое, 8-ое, 9-ое и 10-ое октября.

Съ утра все покрыто такимъ туманомъ, что въ двухъ шагахъ ничего не видать; да въ придачу къ этому грязь. Значитъ, почти навѣрное сегодня никакихъ военныхъ дѣйствій не будетъ. Рѣшаю воспользоваться затишьемъ и помолиться съ своими воинами. Практика показала, что въ военное время для общественной молитвы и назиданія нужно ловить моментъ, не ожидая непремѣнно праздника. Иной праздникъ такой задастся, что съ утра до ночи съ сѣдла люди не слѣзаютъ.

Въ 8 часовъ пошелъ въ 1-й и 2-й эскадроны. На огородѣ нашли приличное мѣстечко и отслужили молебенъ. Бесѣдовалъ съ солдатами о праздникѣ Покрова Пресвятой Богородицы. Передавши исторію праздника, я напомнилъ изъ русской исторіи примѣры, какъ Владычица наша помогала русскому воинству въ его трудахъ, и просилъ слушателей, чтобы они, раскаявшись въ грѣхахъ, усердно молились Взбранной Воеводѣ о Ея благодатной помощи и надѣялись, что покаянная молитва ихъ будетъ услышана и что покровъ Божіей Матери всегда будетъ тогда надъ ними, охраняя ихъ отъ разныхъ бѣдъ и ведя къ желанной побѣдѣ. По обыкновенію, послѣ богослуженія я обходилъ ряды солдатъ съ пѣніемъ „Спаси, Господи, люди Твоя“ и благословлялъ всѣхъ. Кромѣ нашихъ на молебствіи присутствовали офицеры и солдаты другихъ частей.

Послѣ обѣда мы поѣхали съ Михаиломъ въ остальные эскадроны. Ѣду уже шагомъ: два раза упалъ—обошлось довольно благополучно, третій разъ не хочется.

Господь и на этотъ разъ помогъ мнѣ: нашелъ эскадроны. Они сегодня тоже въ относительномъ покоѣ и посему собрались на молитву почти въ полномъ составѣ. Съ великою радостью побѣжали солдаты приготовлять мѣсто для молитвы и скоро доложили, что все готово.

Приходимъ. Эскадроны стоятъ на огородѣ съ капустой и лукомъ. Отслужили обѣдницу. Только что началъ говорить проповѣдь, какъ раздался страшный грохотъ; оказывается, открыли пальбу поставленныя недалеко отъ того мѣста наши осадныя орудія и мортиры. Казалось, разверзлась земля. На минуту я остановился; но быстро

оправился и продолжалъ говорить. Тема та же, что и утромъ. Окончилось богослуженіе; я обошелъ ряды, благословилъ.

День склонялся уже къ вечеру; и я, попрощавшись, поѣхалъ въ обратный путь. Изъ солдатскихъ рядовъ донеслось пожеланіе: „счастливаго пути“, „счастливо оставаться“, „пріѣзжайте почаще къ намъ“.

Ѣдемъ. Осадныя орудія продолжаютъ бухать. Жутко становится, когда представишь, что̀ только творится тамъ, гдѣ упадетъ мортирный или осадный снарядъ.

Несомнѣнно, будетъ одно изъ слѣдствій войны. Люди, побывавшіе на ней, иначе будутъ относиться къ жизни; многое изъ того, чего раньше не цѣнили, будутъ цѣнить; многое изъ прежнихъ „не могу“ забудется, и человѣкъ ясно увидитъ, что прежнія его такъ называемыя „нужды“ и „необходимости“ были просто капризами, и можно жить весьма скромно и просто. На войнѣ каждый узнаѐтъ себя. Тамъ, въ мирной обстановкѣ, иной, быть-можетъ, горѣлъ пламенемъ любви къ ближнимъ и проповѣдывалъ ее другимъ; имѣлъ непреодолимое стремленіе помогать и сочувствовать страданіямъ людскимъ; обѣщался во имя долга самъ претерпѣть всѣ невзгоды; порицалъ, какъ измѣнниковъ и трусовъ, всѣхъ, кто не выдерживалъ ужасовъ войны и предавался унынію. А теперь, на войнѣ, когда увидѣлъ ужасныя людскія страданія и бѣдствія лицомъ къ лицу и самъ испыталъ невзгоды, какъ отнесся ко всему? хватило ли мужества смиренно снести свой крестъ и другимъ помочь въ томъ же? не озлобился? не потерялъ терпѣнія? не предался унынію? Да, на войнѣ каждый узнаѐтъ себя и познаѐтъ другого, кто̀ онъ, безъ прикрасъ; здѣсь маскировки долгой быть не можетъ.

Вотъ и домъ нашъ или, какъ выражается адъютантъ, „тюрьма“. Пріѣхали.

8-го, 9-го и 10-го октября сильные ударили морозы, градусовъ въ 8 да съ вѣтромъ, такъ что и церковки поставить не было возможности. Въ воскресенье 10-го отслужилп обѣдницу. Проповѣдь краткую говорилъ на „притчу о сѣятелѣ“. Все „поскору“; и за то слава Богу. Праздникъ Христовъ прошелъ въ тишинѣ; только осадныя орудія изрѣдка постукивали.

11-ое—14-ое октября.

Погода установилась прекрасная: легкій морозъ отъ 3° до 6°, солнце сіяетъ, небо чисто; только немного безпокоитъ холодный вѣтерокъ. Сраженія прекратились; армія стоитъ на своемъ мѣстѣ. Слава Богу, отдохнемъ.

Деревня, въ которой мы живемъ, расположена около самаго полотна желѣзной дороги, что насъ не мало утѣшаетъ. Въ верстѣ

станція Суютунь. Параллельно съ полотномъ тянется длинная мутная лужа. Это, по единогласному приговору всѣхъ, наша „Нева", а самая линія дороги—„Невскій проспектъ". Каждый вечеръ на этомъ проспектѣ, или, по солдатскому произношенію, „першпективѣ", гулянье; выходятъ изъ своихъ „тюремъ" всѣ, начиная съ генераловъ и кончая нами грѣшными, при чемъ ежедневно къ нашимъ услугамъ и фейерверкъ: на позиціяхъ нашихъ и японскихъ нѣтъ-нѣтъ да и дадутъ залпъ; ухнетъ вдругъ огонь изъ орудія, и въ небѣ разорвется блестящимъ метеоромъ снарядъ. „Экъ ихъ утѣшаются", говоримъ мы.

12-ое и 13-ое октября мы и наши солдаты были въ трудахъ: готовились къ холодамъ. Солдаты рыли землянки; нѣкоторые вычищали свиные хлѣва, обставляли ихъ соломой, строили изъ кирпича очаги, и получались довольно сносныя квартиры; а Михаилъ съ Ксенофонтомъ всю свою палатку завалили чумизой. Штабной „печныхъ дѣлъ мастеръ" Галкинъ вычистилъ въ нашей фанзѣ каны, сложилъ новую высокую трубу, и мы въ первый разъ затопили каны. Сначала было дымно, а потомъ ничего, и въ фанзѣ немного потеплѣло, а, главное, стало суше. Теперь осталось только передѣлать дверь да устроить сѣни изъ гаоляна, и мы готовы встрѣтить дорогого союзника нашего и друга господина Мороза съ матушкой Зимой.

Посреди фанзы вкопали въ землю широкую и длинную скамью: это—нашъ столъ, и мы всѣ вмѣстѣ обѣдаемъ. Какъ-то стало домовитѣе. Однако, какъ затопили каны, ожили тараканы и сдѣлали на насъ энергичное нападеніе и притомъ въ союзѣ съ крысами; особенно по ночамъ донимали. Пришлось вести борьбу. Таракановъ мы перевели, а съ крысами ничего не могли подѣлать: непріятель отважный. И мы примирились; только съѣстные припасы стали привѣшивать на веревочкахъ къ балкамъ.

Иконами украсить нашу храмину я не рѣшился: ужъ очень грязно и бываетъ пыльно. Поэтому у меня всегда лежитъ подъ подушкой икона Богоматери „Иверская", что отъ вокзальной церкви[1]), и этимъ утѣшаюсь.

Рядомъ съ нами расположились казаки. Вечеромъ 13-го они зажгли костеръ. Подошелъ и я погрѣть руки. Вдругъ изъ огня раздается выстрѣлъ: разорвался ружейный патронъ, уроненный, очевидно, какимъ-нибудь казакомъ въ солому. Господь спасъ: пуля улетѣла въ обратную отъ меня сторону.

Неподалеку отъ костра рядами положены на заборъ пики и служатъ очень мирной цѣли: на нихъ развѣшано и сушится казацкое бѣлье.

[1]) О. Митрофанъ принималъ горячее участіе въ дѣлѣ построенія вокзальной церкви въ г. Орлѣ путемъ сбора пожертвованій, служенія по городу молебновъ. Благодарные прихожане этого Иверскаго храма благословили за это о. Митрофана иконой.

14-го октября во время гулянья по „проспекту“ мнѣ пришла мысль отслужить въ четырехъ эскадронахъ, которые стоятъ отдѣльно отъ насъ недалеко отъ передовыхъ позицій, св. литургію, хотя, въ случаѣ тревоги, и придется, быть-можетъ, испытать безпокойство и проявить поспѣшность. Но Господь поможетъ.

Подумано—сказано, сказано—сдѣлано. И Михаилъ поѣхалъ въ эскадроны извѣстить ихъ объ этомъ и узнать, можно ли завтра пріѣхать къ нимъ съ церковью. Отвѣтили, что, если не будетъ боя, то просятъ и чрезвычайно рады.

Вечеромъ, когда стемнѣло и зажглись въ небѣ звѣздочки, я пошелъ гулять и про себя отслужилъ утреню. Ксенофонту приказалъ испечь просфоръ и къ 6 часамъ утра приготовить двуколку съ церковью и лошадей.

Какъ бы я былъ счастливъ, если бы завтра удалось отслужить св. литургію! Легъ съ надеждой на Господа.

15-ое октября.

Проснулся рано. Готовлюсь служить и пріобщаться св. Таинъ, а не знаю опредѣленно, придется ли. И заснулъ, и пробудился съ одной мыслью-молитвой: „Господи! пошли мирный день и хорошую погоду, чтобы мы могли покойно совершитъ божественную литургію“. Иду посмотрѣть, что-то на дворѣ... Неужели вѣтеръ, непогода? Нѣтъ, слава Богу, тихо; только порядочный морозъ. Выстрѣловъ не слыхать. Кажется, удастся отслужить.

Спѣшу въ обозъ. Михаилъ и Ксенофонтъ уже собираются, чистятъ коней, сбрую; докладываютъ, что просфоры испеклись хорошія. Запрягли лошадокъ въ церковную двуколку. Я сѣлъ съ Ксенофонтомъ на козлы, Михаилъ верхомъ на „друга“, и мы поѣхали къ позиціямъ.

Ѣдемъ. Тихо, морозно. Но лучи солнышка начинаютъ уже побѣждать холодъ, и день обѣщаетъ быть хорошимъ. Вдругъ ухнуло впереди разъ, другой, третій. Дрогнуло во мнѣ сердце. Неужели *начинается*, и намъ не придется привести въ исполненіе святое намѣреніе?

Все-таки ѣдемъ дальше. Вотъ и деревня Тадзеинъ, гдѣ стоятъ эскадроны. Въѣзжаемъ на большой огородъ. Встрѣчаютъ солдаты съ лопатами, метлами; это они ровняли и мели огородъ для церкви. Нужно было видѣть искреннюю радость, съ которой они бросились помогать ставить церковную палатку. Каждый непремѣнно хотѣлъ что-либо сдѣлать. Пришлось выбрать шесть человѣкъ, а остальнымъ я велѣлъ итти одѣваться къ службѣ.

Бываютъ и въ земной жизни моменты, когда тихая радость вдругъ нисходитъ въ душу, несмотря ни на какое положеніе обстоятельствъ. Иногда эти моменты бываютъ на мгновеніе, а иногда на часы и дни.

Счастливы святые Божьи люди: они подвигами своими удостоивались такой благодати небесной, что эта тихая радость теплилась въ ихъ душахъ многіе годы. Что можетъ быть выше счастія, когда въ душѣ загорится огонекъ небесной радости, когда трепещетъ все существо и наполняется миромъ, любовью къ Богу, къ людямъ, ко всему сотворенному? Какое изъ земныхъ, мірскихъ наслажденій можетъ дать душѣ этотъ миръ и отраду? Никакое, конечно.

Вотъ это состояніе радости небесной испытывалъ я въ блаженный день 15-го октября, когда, стоя въ сторонѣ, наблюдалъ за постановкой церкви. Такъ и въ древнія времена, думалось мнѣ, патріархи Авраамъ, Іаковъ и другіе святые строили жертвенники Богу живому для принесенія благодаренія за милости Его и для молитвы объ очищеніи „содѣянныхъ лютыхъ".

Теперь и мы, подобно имъ, „въ землѣ чуждѣй" предъ лицомъ смерти ставимъ Господу жертвенникъ, чтобы принести безкровную жертву благодаренія за все и о грѣсѣхъ. Не будемъ унывать или роптать! Смиримся, покоримся мудрому промыслу нашего Отца! Ему угодно было попустить войну, попустить народамъ разсудиться честнымъ поединкомъ. Не намъ укорять или разсуждать: „почему?" Его святая воля да будетъ! Лучше устремить всѣ силы существа нашего на покаяніе и безтрепетное мужественное исполненіе нашего долга и присяги до послѣдней капли крови.

Готова церковь. Я поставилъ престолъ, облачилъ его, устроилъ жертвенникъ. Какъ добръ безконечно Господь! По Его милости, все способствовало нашему молитвенному торжеству. Погода чудная; правда, немного было прохладно, но солнышко ярко свѣтило и грѣло, какъ можетъ грѣть осеннее солнце въ морозный день при полнѣйшемъ отсутствіи вѣтра. Предъ началомъ службы вблизи раздалось нѣсколько сильныхъ залповъ. Подполковникъ Чайковскій послалъ узнать, не рвутся ли это японскіе снаряды. Нѣтъ; оказалось, стрѣляли наши осадныя орудія, а японскія „шимозы" не долетали.

Собрались эскадроны. И около 10 часовъ утра св. литургія началась. Въ алтарѣ прислуживалъ Ксенофонтъ. Служба прошла замѣчательно хорошо, особенно пѣніе. Въ этихъ эскадронахъ самые главные наши пѣвцы. И, хотя у нихъ теперь ни нотъ нѣтъ, ни спѣвокъ не бываетъ, однако они такъ прекрасно и вдохновенно пѣли, что, казалось, ангелы спустились къ намъ и свое небесное пѣніе соединили съ нашимъ земнымъ, несовершеннымъ, и вышла такая гармонія, что слезы исторгались. Быть-можетъ, это мнѣ только такъ казалось? Но нѣтъ: посмотрѣли бы вы, какъ во время „Херувимской", „Тебе поемъ", „Отче нашъ" безъ всякаго приказанія всѣ становились на колѣни прямо въ пыль, какъ усердно клали поклоны, молились! Нѣтъ, эту „небесную радость" чувствовали всѣ.

Вмѣсто концерта пѣли „Душе моя, душе моя, возстани! Что спиши? Конецъ приближается, и имаши смутитися. Воспряни убо,

да пощадитъ тя Христосъ Богъ, вездѣ сый и вся исполняяй.“ И всегда до слезъ трогаетъ эта дивная пѣснь; а теперь, на войнѣ, когда для многихъ изъ насъ молящихся конецъ, дѣйствительно, можетъ-быть, весьма близокъ, впечатлѣніе отъ нея было въ особенности сильно. Какъ утѣшительно услышать, что встрѣчать этотъ приближающійся конецъ мы будемъ не одни! Съ нами Христосъ Богъ, все наполняющій, Который пощадитъ насъ. Значитъ, въ этомъ отношеніи можно вполнѣ успокоиться и не смущаться. Требуется лишь молитвенная бдительность съ искреннимъ покаяніемъ въ своихъ грѣхахъ.

Проповѣдь я говорилъ на евангеліе о богатомъ и Лазарѣ. Господь въ этой притчѣ далъ намъ прекрасное наставленіе и утѣшеніе.

На богатаго и бѣднаго Господь наложилъ обязанность, послушаніе: одному по-божьему распорядиться богатствомъ, а другому смиренно перенести бѣдность и болѣзнь.

И что же? Первое послушаніе оказалось болѣе труднымъ и неудобоисполнимымъ для слабыхъ силъ человѣческихъ, чѣмъ второе.

Богатый оказался нерадивымъ, безпечнымъ. Удовлетвореніе страстямъ, мірскія наслажденія онъ предпочелъ честному исполненію своего долга, послушанія; даже настолько забылъ объ этомъ, настолько очерствѣло его сердце, что онъ не обратилъ вниманія на бѣдняка, страдальца Лазаря, тутъ же лежавшаго у порога въ ранахъ и гною. Дворовые псы оказались милосерднѣе своего господина: они раздѣлили съ бѣднякомъ падавшія со стола крохи и лизали раны его. Богатый забылъ, что, какъ каждая страница въ книгѣ на счету и ни одна изъ нихъ пропасть въ этомъ отношеніи не можетъ,—такъ точно дни и годы нашей жизни, что страницы, не пропадаютъ безслѣдно въ вѣчности, а всѣ въ точности извѣстны Богу и въ свое время раскроются Имъ и укажутся нашему сознанію. Посему, когда пришелъ день смерти богача, и перелисталась предъ очами Господа книга его грѣшной жизни,—то судъ и стыдъ овладѣли его существомъ, и вѣчная мука оказалась наслѣдіемъ его безпечной и лѣнивой жизни.

Что же касается Лазаря, то онъ, будучи одинокъ между людьми, несмотря на бѣдность и страданія, помнилъ о смертномъ часѣ своемъ, о промыслѣ Господа, „хотящаго всѣмъ спастися“, хотя и разными путями, и посему не роптал, а смиренно и благодарно терпѣлъ, надѣясь на вѣчную жизнь въ небесномъ царствѣ Отца своего, Бога, „идѣже правда живетъ“. Бѣдный мученикъ помнилъ, что, будучи оставленъ людьми, онъ тѣмъ любезнѣе становился небеснымъ нашимъ друзьямъ: Богоматери, святымъ и ангеламъ, которые въ часъ смерти взяли святую душу его и отнесли на лоно Авраама, „идѣже вси праведніи почиваютъ“. Кромѣ того Лазарь утѣшался въ своей многотрудной жизни и любовью животныхъ, псовъ; вѣдь и они—твореніе Божіе.

Изъ всего этого выводъ ясенъ. И мы, получившіе отъ Бога, какъ обязанность и послушаніе, воинское званіе, должны со всѣмъ усердіемъ нести его, чтобы въ день смерти и суда не оказаться намъ въ числѣ лѣнивыхъ и безпечныхъ, подобно богатому. Нѣтъ мы должны стараться уподобиться Лазарю, тѣмъ болѣе, что, какъ и онъ, мы здѣсь лишены нашихъ близкихъ сродниковъ, терпимъ лишенія, раны, болѣзни. Смиренно, благодарно перенесемъ все это, чтобы, когда пріидемъ ко Господу, мы могли сказать: „Вотъ мы и дѣла наши; они покрыты честностью, смиреніемъ, терпѣніемъ и благодареніемъ". О, тогда и наши души будутъ несены ангелами на лоно Авраама, а здѣсь, на землѣ, благословеніе Господне почіетъ на насъ.

Литургія у передовыхъ позицій въ деревнѣ „Тадзеинъ" вблизи ст. „Суютунь".

Окончилось богослуженіе; всѣ приложились къ кресту. Разобрали церковь и сердечно благодарили Господа, что благополучно, безъ помѣхи, прошло наше молитвенное торжество. Удивительно, какъ утѣшаетъ и ободряетъ всѣхъ на войнѣ молитва!

Точно на крыльяхъ, летѣлъ я въ 3-й эскадронъ провѣдать ротмистра Витковскаго[1]), которому немного нездоровилось. У него пилъ чай, а въ 5-мъ эскадронѣ обѣдалъ. Такъ пріятно было побесѣдовать о пережитомъ блаженствѣ съ офицерами, видя ихъ непритворную

[1]) Католикъ.

радость по поводу совершившагося богослуженія. Очень усердно просили пріѣхать еще разъ съ церковью, что я, конечно, и сдѣлаю, если продолжится затишье и позволитъ погода.

Снова взмостился я на козлы двуколки и поѣхалъ домой, ведя задушевную бесѣду съ друзьями Ксенофонтомъ и Михаиломъ. Эти простыя души тоже въ восторгѣ и по-своему выражаютъ свои чувства и впечатлѣнія. Сговариваемся и 17-го октября, во что бы то ни стало, отслужить св. литургію для остальныхъ эскадроновъ и штаба 17-го корпуса, хотя бы и холодно было.

— „Мы вѣдь можемъ и скоро отслужить", говоритъ Михаилъ: „а все-таки совершить литургію—это много значитъ".

Я, конечно, вполнѣ соглашаюсь.

Отдохнулъ немного и подъ вечеръ пошелъ на полотно желѣзной дороги („проспектъ") подъ звѣздное небо: какъ-то невыразимо захотѣлось побыть одному, собрать мысли, воскресить въ себѣ и духовно пережить еще разъ тѣ чувствованія, которыми утромъ была полна душа.

16-ое октября.

Сегодня всталъ и думаю: вотъ я пишу вамъ письма, а вы, вѣроятно, недовольны. Человѣкъ находится на войнѣ, а сраженій не описываетъ. Что жъ дѣлать? Пишу только то, что самъ переживаю, чтобы послѣ самому же прочитать и снова перечувствовать былое. А битвъ часто и самъ не вижу; посему и описывать ихъ не могу. Съ чужихъ же словъ не хочется писать. Часто записываю пустяки; но нужно помнить, что здѣсь наша жизнь течетъ совсѣмъ по-другому, и нерѣдко маловажное событіе оказываетъ весьма большое вліяніе на нашу духовную настроенность.

Послѣ чая сѣлъ на канѣ почитать. Вдругъ музыка. Что такое? Какая теперь музыка, когда войска сидятъ въ окопахъ? Можетъ-быть, ослышался? Нѣтъ, ясно доносятся звуки военнаго марша. Всѣ бѣжимъ изъ фанзы изслѣдовать столь необычайное явленіе. Гарнизонъ нашей деревни уже высыпалъ на околицу. Вдали, откуда несутся звуки, виднѣется какая-то черная масса. Что такое?

— „Подмога идетъ изъ Расеи", говорятъ солдатики.

Дѣйствительно, повернуло это черное пятно на дорогу къ намъ, и сверкнуло сразу солнце на массѣ штыковъ. Ближе... Несомнѣнно, пѣхота. Вотъ уже музыка съ нами рядомъ; колышется знамя съ большимъ крестомъ.

— „Кто вы? Откуда?" несутся со всѣхъ сторонъ вопросы.

— „Изъ Расеи; 61-ая дивизія", отвѣчаютъ бородачи.

Господи! какъ радостно бьется сердце: подмога, изъ Россіи! Вѣдь только мѣсяцъ назадъ они выѣхали съ дорогой родины: ужъ этимъ однимъ милы. Какъ будто родные пріѣхали. Не выдержалъ я:

— „Здравствуйте“, кричу: „дорогіе! Богъ въ помощь! Не робѣйте: Богъ дастъ, скоро побѣдимъ“.

— „Дай, Богъ! Спасибо!“ слышится изъ рядовъ.

— „А что ёнъ (т.-е. японецъ) далеко?“ спрашиваетъ на ходу пожилой солдатъ,

— „Верстовъ шесть-семь будетъ“, отвѣчаютъ наши.

Прошли. Солдаты хорошо одѣты; обозы ихъ чистенькіе; все новое. Они еще не испытали манчжурскихъ прелестей.

Ободренный пошелъ я въ 4-ый эскадронъ къ ротм. Калинину условиться относительно завтрашней службы. Рѣшили въ расположеніи его эскадрона очистить мѣсто и поставить церковь, чтобы сегодня въ 4 часа дня отслужить всенощную, а завтра обѣдню.

Снова повторилась вчерашняя картина: какъ въ тѣхъ эскадронахъ, такъ и здѣсь живо заработали лопаты, метлы. Распоряжался и особенно усердствовалъ мой любимецъ, георгіевскій кавалеръ, унт.-оф. Власовъ, что „библію прочиталъ“.

Замѣчательный это человѣкъ: искренно религіозный, умный и безстрашный воинъ. Во время всѣхъ сраженій онъ самъ вызывался и ходилъ въ самыя опасныя развѣдки, забирался въ расположеніе непріятеля, влѣзалъ тамъ на фанзы, деревья, сопки и высматривалъ японскія батареи, укрѣпленія. Онъ уже имѣетъ Георгія 4-ой степени; теперь представленъ и къ другому, 3-ьей степ.

Работа кипѣла. Скоро все выровняли, вычистили, вымели; оставалось ставить церковь. Но вдругъ поднялся вѣтеръ да такой холодный, что о службѣ и думать было нечего. Пришлось опять утреню читать про себя; а для литургіи, въ случаѣ благопріятной погоды, рѣшили поставить церковь на другой день утромъ.

Въ 8 часовъ вечера поднялась страшная канонада съ японской стороны. Мы вышли на „першпективу“, смотримъ. Горизонтъ на большое разстояніе безпрестанно вспыхиваетъ огнями; разрываются снаряды и, кажется, очень близко.

Придется ли завтра служить?!

17-ое, 18-ое и 19-ое октября.

Какъ настанетъ военное затишье, такъ я начинаю волноваться относительно погоды: дождь, вѣтеръ, морозъ — все страшно безпокоитъ. Вѣдь хочется воспользоваться затишнымъ временемъ, чтобы какъ можно болѣе влить въ усталыя души воиновъ религіознаго утѣшенія, ободренія. Когда прекратится сраженіе, у меня сейчасъ мысль: ну окончилось внѣшнее сраженіе, затихли *внѣшніе* непріятели, отдыхаютъ полководцы,—теперь, значитъ, пора намъ, священникамъ, начинать духовную битву съ *внутренними* врагами, имъ же имя легіонъ: уныніе, тоска по родинѣ и близкимъ, сомнѣнія, физиче-

скія страданія отъ ранъ, болѣзней, отъ непогоды—все это то, съ чѣмъ на войнѣ особенно необходимо бороться. Въ окопахъ многіе солдаты опухли отъ сырости. Вотъ и хочется хорошей погоды, чтобы можно было служить св. литургіи, обѣдницы, молебны, бесѣдовать и этимъ въ самое сердце поражать внутреннихъ непріятелей, дабы въ новый бой воины шли бодрыми, воодушевленными.

Конечно, и во время сраженій есть дѣло священнику. Но вѣдь каждый понимаетъ, что подъ громъ пушекъ и свистъ пуль много не набесѣдуешь. Тогда только благословеніе, краткая молитва, два-три слова въ утѣшеніе — вотъ и вся проповѣдь; а главное дѣло іерея переходитъ въ лазареты, перевязочные пункты, въ мѣста поближе къ бою, туда, гдѣ, такъ сказать, небо сносится съ землею, и ангелы, по словамъ преп. Серафима, едва успѣваютъ брать души человѣческія.

Такъ съ тревогой за погоду всталъ я и 17-го октября. Ночью былъ вѣтеръ, скрипѣли утлыя наши оконышки, шумѣла и рвалась на нихъ бумага. Утромъ то же самое. Ну, что будетъ! Готовлюсь все-таки служить св. литургію.

Позвалъ своихъ солдатъ; пошли разставлять церковь. И что же? Къ 10 часамъ засіяло солнце; куда что дѣвалось: и тучки разбѣжались, и вѣтеръ утихъ.

Совершаю проскомидію.

— „Разъ-два, разъ-два, лѣвой, лѣвой“, слышу обычный голосъ вахмистра.

Идутъ эскадроны, штабные 17-го корпуса, обозные, саперы. Пришли генералы, офицеры. Раздается энергичное:

— „Здорово, молодцы драгуны!“

Гремитъ отвѣтное:

— „Здравія желаемъ, Ваше—ство“.

— „На молитву! шапки долой!“ раздается команда.

И голова Михаила просовывается сквозь полотняную дверь алтаря со словами: „батюшка! готово“, будто я самъ не слышу.

— „Благословенно царство Отца, и Сына, и Св. Духа“, возглашаю.

И полились снова изъ нашихъ устъ священныя пѣсни и молитвословія божественной литургіи, заструились, какъ струится тихо и мѣрно чистый ручеёкъ, освѣщаемый и согрѣваемый солнышкомъ, среди зелени травъ и злаковъ, пестрѣющихъ благовонными цвѣтами.

— „О Господи!“ невольно думалось: „вѣримъ, исповѣдуемъ и чувствуемъ, какъ невыразимо прекрасно, чисто, свѣтло, божественно содержаніе этой дивной службы, св. литургіи; но помоги, Отецъ нашъ, чтобы души наши, освѣщаемыя и согрѣваемыя, какъ солнцемъ, крѣпкой горячей вѣрой въ Тебя, очистились отъ скверны: унынія, сомнѣнія, страстей, и, какъ благовонными цвѣтами, покрылись добродѣтелями, чтобы намъ неосужденно присутствовать и ду-

ховно участвовать въ совершеніи святѣйшаго таинства и, какъ говорятъ св. отцы, истинно насладиться божественной литургіи".

Да, тогда все будетъ хорошо: и этого страшнаго червя, разлуку съ присными нашими и дорогой родиной, и ужасы сраженій, и лишенія походной жизни—все, всѐ перенесемъ, благодаря и славословя Промыслителя, изволившаго и удостоившаго поручить намъ великое и трудное дѣло тѣмъ, что даровалъ нести тяжѐлый крестъ войны.

Пѣвчіе, по моей просьбѣ, собрались отъ всего полка, и богослуженіе прошло такъ же, какъ и 15-го октября въ деревнѣ „Тадзеинъ".

Какъ на особенность нашей здѣшней службы, укажу на то, что на великомъ входѣ всегда поминаю „всѣхъ воиновъ, па полѣ брани за вѣру, Царя и отечество животъ свой положившихъ".

Если бы вы знали, съ какимъ искреннимъ чувствомъ скорби и молитвы произносятся и выслушиваются здѣсь эти слова! Головы сами опускаются на грудь, руки совершаютъ крестное знаменіе, уста тихо шепчутъ: „царство небесное". Вѣдь *поле-то брани* здѣсь, подъ нашими ногами, и свѣжія могилы братьевъ нашихъ вокрӯгъ: стӧитъ только оглянуться.

Проповѣдь говорилъ на притчу о богатомъ и Лазарѣ. Послѣ службы сейчасъ же разобрали церковь. Это дѣлаемъ быстро: часъ ставимъ и полчаса разбираемъ. Очень ужъ удобно.

Прибрались. Иду пить чай въ свою „квартиру" и повидаться, побесѣдовать съ дорогой женой, родными, духовными дѣтьми. Еще вчера вечеромъ получилъ цѣлыхъ восемь писемъ, и у меня хватило терпѣнія ни одного не прочитать. Отложилъ это блаженство на сегодняшній день, чтобы праздникъ былъ ужъ полный. Вотъ теперь сижу и читаю. Изъ писемъ вижу, какъ всѣ грустятъ, скучаютъ. Дорогіе мои! А я то развѣ веселюсь? По правдѣ сказать, такіе приливы тоски по всему родному иногда нападаютъ, что приходится употреблять всю силу воли и вѣры, чтобы смирить мятущійся духъ. Смиримся же! Слышите? Смиримся подъ крѣпкую руку Божію и пребудемъ въ терпѣливомъ служеніи долгу предъ Богомъ, Царемъ и Родиной до той минуты, когда или скажутъ: „довольно! вернитесь къ роднымъ жертвенникамъ и очагамъ своимъ", или изсякнетъ послѣдняя капля крови.

Послѣ обѣда читалъ „Церковныя Вѣдомости". Страшно поразило меня начало проповѣди епископа Иннокентія воинамъ въ Севастопольскую войну:

— „Не поученіе говорить вамъ мы прибыли сюда! нѣтъ, мы явились учиться у васъ, славные защитники града, учиться, какъ исполнять заповѣди Христа Спасителя: *оставь отца, матерь твою и домъ твой, возьми крестъ и гряди по Мнѣ*".

Не то же ли, думаю, переживаютъ и нынѣшніе наши воины? Несеніе ими креста: разлука къ близкими и родиной, ужасы войны и лишенія, не есть ли все это высочайшая добродѣтель? Чему же

еще учить ихъ? Не справедливѣе ли было бы у нихъ учиться? Посему не напрасно ли проповѣдую?

Эти вопросы вдругъ нахлынули на меня; но успокоился, вспомнивши слово святое: *„нѣсть человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ, аще и единъ день житія его“*, и слово апостола: *„настой благовременно и безвременно“*. Да къ тому же проповѣдь не только назидаетъ, а и утѣшаетъ.

Вечерѣетъ. Садится солнышко. Краснымъ поломемъ горитъ горизонтъ, предвѣщая морозъ. Беру палочку и иду, по обыкновенію, на нашъ „проспектъ“ утѣшиться покойнымъ мирнымъ небомъ, могучимъ солдатскимъ пѣніемъ вечерней молитвы, картиною пылающихъ костровъ, бѣгущимъ поѣздомъ туда...., на милый сѣверъ. Подходитъ генералъ Ванновскій и говоритъ:

— „Какъ хорошо поютъ ваши эскадроны молитвы! Я всегда съ удовольствіемъ слушаю“.

Пріятно было мнѣ это услышать; но нужно правду сказать: вся армія очень хорошо поетъ ежедневно *пѣснь Богу едиными усты и единѣмъ сердцемъ.*

— „Батюшка!“ доносится голосъ солдата съ нашего двора: „ужинъ поданъ: остынетъ. Пожалуйте скорѣй!“

Ну, значитъ, пора кончать день. Иду.

18-го и 19-го числа стояла чудная погода. Солнце сильно грѣло и къ полудню разгоняло морозы-утренники. Я воспользовался симъ обстоятельствомъ и прекрасно весь вымылся на дворѣ, при чемъ отъ „першпективы“ мое грѣшное тѣло солдатъ загораживалъ простыней. Вѣроятно, это была послѣдняя настоящая мойка: пошли порядочные морозы; это уже тàкъ какъ-то выдались два денька.

Много гулялъ я за эти дни, читалъ, посѣтилъ лазаретъ 35-ой дивизіи. Больныхъ и раненыхъ нѣтъ; а въ санитарномъ поѣздѣ оказался свой священникъ.

20-ое октября.

Какъ памятно мнѣ это грустное число, день смерти незабвеннаго Царя-Миротворца! Въ *то время* я служилъ въ 47-мъ драгунскомъ Татарскомъ полку въ г. Рыпинѣ Плоцкой губ., въ 15 верстахъ отъ прусской границы. Какъ сейчасъ, помню: утромъ я ѣздилъ на границу въ таможню Добржинъ, служилъ молебенъ о здравіи дорогого Государя, а ночью вдругъ слышу стукъ въ дверь и сдавленный голосъ офицера сквозь слезы:

— „Батюшка! Горе: скончался Государь Императоръ Александръ III. Скорѣе служить панихиду, и сейчасъ же будетъ присяга. Полкъ уже вышелъ изъ казармъ“.

Какъ громъ небесный, сразила насъ съ женой эта скорбная вѣсть. Бѣгу на улицу, въ церковь. Тьма непроглядная, осенняя. Слышенъ

мѣрный шумъ шаговъ, звучатъ въ тактъ шпоры: идетъ полкъ. Я вмѣшиваюсь въ ряды солдатъ.

Панихида. Слезы общія. Затѣмъ присяга новому Государю Императору Николаю II, „многая лѣта", „ура". Все это среди тьмы въ глухую полночь, при слабомъ мерцаніи свѣчей, въ Польшѣ, на границѣ государства. Много пережито въ эту страшную ночь тревоги и скорби: до гроба не забыть.

Вотъ и теперь 20-го октября собрались воины; пропѣли панихиду, помянули вѣчной памятью приснопамятнаго Царя-Миротворца.

Возвращаюсь съ панихиды. Идетъ артиллерія. Смотрю: скачетъ артиллеристъ-солдатъ ко мнѣ на дворъ, проситъ благословенія и быстро говоритъ:

— „Батюшка! Будьте милостивы, дайте мнѣ крестикъ на шею: въ прошломъ бою потерялъ. Теперь опять ѣдемъ на позиціи; можетъ, убьютъ—не хочется умирать безъ креста".

Спасибо, у меня имѣется запасъ маленькихъ образковъ и ладанокъ съ 90-мъ псалмомъ. Сейчасъ же досталъ и далъ пять крестиковъ, чтобы онъ и товарищамъ далъ. Какъ же радъ былъ солдатикъ! Счастливый поскакалъ догонять свою часть. Подошелъ еще какой-то унт.-офицеръ съ просьбой дать ему евангеліе. Удовлетворилъ желаніе и этого.

Погода прекрасная. Гулялъ по линіи, бесѣдовалъ съ солдатами, идущими съ позиціи:

— „*Онъ* (японецъ) близехонько сидитъ отъ нашихъ окоповъ", разсказывали они: „а въ деревнѣ Лин-ши-пу одну половину занимаетъ *онъ*, а другую мы. Носа показать невозможно днемъ: сейчасъ пули пущаетъ. Такъ и сидимъ по фанзамъ; а пищу и воду проносимъ ночью, по темнотѣ".

Идетъ изъ Мукдена толпа солдатъ, человѣкъ около ста, разныхъ полковъ.

— „Откуда вы?" спрашиваю.

— „Изъ лазаретовъ чинёные, ляоянскіе; въ свои полки идемъ. Охъ, ужъ кабы Господь помогъ поскорѣй добить *его*", отвѣчаютъ.

Вечеромъ снова смотрѣли на шедшую съ музыкой „подмогу". Нѣкоторые солдаты на Байкалѣ поморозили себѣ ноги; тамъ, по ихъ словамъ, уже морозъ градусовъ до 20.

Завтра для насъ двойной праздникъ: день восшествія на престолъ Государя Императора и день рожденія августѣйшаго нашего шефа Великой Княгини. Рѣшаемъ, если Богъ дастъ погоду и миръ, собрать завтра весь полкъ въ деревню Тадзеинъ, отслужить тамъ св. литургію и молебенъ, устроить парадъ и общую трапезу.

Сегодня снова пришли хозяева фанзы и поразили насъ: принесли намъ въ подарокъ семь большихъ грушъ и плитку китайскаго сахару, объясняя знаками, что это они даютъ въ знакъ благодарности зато, что мы сохраняемъ ихъ фанзу и дали въ прошлый разъ денегъ.

Конечно, мы снова дали имъ три рубля и записку, чтобы часовые на рѣкѣ Хун-хе пропустили ихъ въ Мукденъ по мосту; а то, когда китайцы шли къ намъ, часовые сдѣлали имъ „ломайло", надавали „пилюль" и заставили итти черезъ воду. Уморительно было смотрѣть, когда они жестами показывали, какъ солдаты давали имъ „пилюли", при чемъ сами же разсказчики смѣялись.

21-ое и 22-ое октября (д. Коу-лоу-дзы).

Утреню служилъ про себя на обычномъ своемъ мѣстѣ за линіей желѣзной дороги; тамъ есть укромная дорожка.

Погода опять безпокоитъ: холодный вѣтеръ; но отдаюсь на волю Божію. Ѣдемъ попрежнему съ церковью къ позиціямъ въ деревню Тадзеинъ, гдѣ стоятъ четыре эскадрона. Туда же идутъ изъ нашей деревни остальные два эскадрона и штабъ.

На томъ же прекрасномъ ровномъ огородѣ разставили церковь. Михаилъ въ восторгѣ: „ни разу такъ хорошо не ставили церковь", говоритъ онъ. Ксенофонтъ хлопочетъ у костра: готовитъ угли для кадила и кипятитъ воду для теплоты. Онъ—счастливъ: будетъ прислуживать за богослуженіемъ; улыбка не сходитъ съ его лица.

Мнѣ съ нимъ прямо бѣда: все просится недѣли на двѣ-три въ эскадронъ „повоевать". Я, конечно, противлюсь, убѣждая его, что и въ обозѣ служба считается, какъ и въ строю. Съ недѣлю помолчитъ, а потомъ опять:

— „Батюшка! отпустите немного повоевать: я вернусь; бѣлья настираю, приготовлю—хватитъ на все время".

Раздались обычные залпы нашихъ осадныхъ орудій. Подполк. Букрѣевъ шутя говоритъ:

— „Это, батюшка, къ обѣднѣ звонятъ. Хорошіе колокола!"

За хлопотами по постановкѣ церкви я совершенно забылъ о вѣтрѣ. Когда же вышелъ читать входныя молитвы, то прямо пораженъ былъ: тишина полная! Положительно, что-то чудесное творится, и тѣмъ болѣе удивительно, что тишина продолжалась только, пока шло богослуженіе. Но какъ только все кончилось, снова подулъ сильный вѣтеръ. И вѣдь это уже который разъ случается! Слава Господу Богу.

На литургіи и молебствіи присутствовалъ весь полкъ, генералы: начальникъ западнаго отряда баронъ Бильдерлингъ, начальники пѣхотныхъ дивизій—3-ьей Янжулъ и 35-ой Добржинскій, начальникъ нашей бригады Степановъ, начальникъ штаба 10-го корпуса Цуриковъ и г.г. офицеры нѣкоторыхъ другихъ частей.

Служба прошла очень торжественно. Выстрѣлы не безпокоили. Проповѣдь говорилъ по поводу празднуемыхъ событій о необходимости особенно горячо помолиться за дорогого нашего Государя

Императора: да царствуетъ Онъ благополучно еще многiе годы во славу Божiю, ко благу отечества и на страхъ врагамъ, а также за августѣйшаго шефа нашего Великую Княгиню Елисавету Θеодоровну, которая, какъ мать, относится ко всѣмъ чинамъ полка, съ сердечнымъ участiемъ вникая во всю ихъ трудовую жизнь, за что, въ свою очередь, и черниговцы всѣ преисполнены горячей благодарности и беззавѣтной преданности Ея Высочеству. Просилъ воиновъ усугубить ревность свою по исполненiю воинскаго долга, чтобы доказать тѣмъ свою любовь и преданность Государю и доставить радость августѣйшему Шефу.

Послѣ молебна и многолѣтiя былъ около церкви парадъ; играли гимнъ „Боже, Царя храни", марши. Вообще торжество вышло такое, какого всѣ мы давно не испытывали.

Послѣ парада общiй обѣдъ. На дворѣ фанзы устроили „покоемъ" (т.-е. наподобiе буквы п) огромный столъ; со всей деревни притащили скамейки и оставшiеся китайскiе стулья; вмѣсто бокаловъ служили кружки и т. д. Обѣдъ прошелъ очень оживленно и покойно отъ *внѣшнихъ* враговъ, хотя появленiе шимозочки[1]) всѣми признавалось возможнымъ: вѣдь наши позицiи были не болѣе, какъ въ двухъ верстахъ оттуда; но про это не думали особенно. Было много яствъ и питей. Играли наши трубачи. Гремѣло сердечное „ура" нашему Государю и нашему шефу Великой Княгинѣ; затѣмъ слѣдовали тосты и проч.

Въ 3 часа дня я возвратился въ деревню Коу-лоу-дзы.

Японцы тоже празднуютъ свой царскiй день: на сопкѣ противъ насъ выкинули свой нацiональный флагъ огромныхъ размѣровъ.

Подмораживаетъ. Затопили каны. Фанза наполнилась дымомъ. Пришлось спасаться на излюбленный нашъ проспектъ. Наступающая зима о многомъ заставляетъ насъ задуматься. Чѣмъ будемъ отапливать свои обиталища и какъ намъ будутъ варить пищу? Лѣсовъ здѣсь нѣтъ, а ракиты и вербы въ деревняхъ уже теперь во многихъ мѣстахъ оставили по себѣ одно лишь воспоминанiе. Довольствiе людей, кормъ скота—тоже серьезный вопросъ. До сихъ поръ мѣстныя средства много помогали. Но вѣдь это все въ недалекомъ будущемъ будетъ съѣдено. Какъ-то прокормимся привознымъ? Полагаемся во всемъ на волю Божiю.

Какъ грустно: печка, въ которой Ксенофонтъ пекъ просфоры, сегодня не дѣйствовала. Пробовали испечь просфоры во временной; не вышли. Такъ 22-го октября и не пришлось отслужить литургiи. Пришлось утѣшиться тѣмъ, что въ 11 часовъ утра отслужилъ молебенъ Богоматери и благодаря солнышку, пригрѣвшему богомольцевъ, прочиталъ даже акаθистъ, молитву и говорилъ проповѣдь. Кромѣ

[1]) Т.-е. бомбы, начиненной особымъ порохомъ, изобрѣтеннымъ японцемъ докторомъ Шимозе, умершимъ въ августѣ сего 1911 г. Газы отъ этого пороха отличаются своею удушливостью и приносятъ большой вредъ здоровью.

иконы Божіей Матери Казанской на столикъ поставилъ еще Иверскую; да офицеры принесли свои иконы Спасителя, преп. Серафима, святителей Митрофанія, Ѳеодосія и Николая. Вышелъ цѣлый иконостасъ. Послѣ молебна всѣ прикладывались къ иконамъ.

23-ье октября.

Завываніе вѣтра разбудило всѣхъ насъ сегодня. Въ фанзѣ еще темно. Съ позицій доносятся звуки рѣдкой орудійной пальбы. Порвалась во многихъ мѣстахъ на окнахъ и двери газетная бумага, и вѣтеръ свободно гуляетъ у насъ. Морозъ не менѣе 8—9°. Скрипнула дверь: принесли денщики кипятокъ. Ухъ, какъ пріятно погрѣться чайкомъ!

Встаемъ. Паръ отъ каждаго изъ насъ валитъ столбомъ, что отъ паровоза. Невольно смѣемся другъ надъ другомъ.

— „А мнѣ“, кричитъ адъютантъ своему Ивану: „давай коху!“

„Кохой“ солдаты называютъ кофе, и, сколько ихъ ни переучивали, ничего не выходитъ.

Съ этой „кохой“ въ мирное время въ полку была пресмѣшная исторія. Одно время солдатамъ отпускали кофе, кипятили въ котлахъ и подивизіонно поили. Однако наши воины страшно не взлюбили новый благородный напитокъ и пили его только изъ послушанія: какъ только провинится солдатъ и офицеръ вознамѣрится наказать его, поставить, напр., на часы, то взводный унтеръ-офицеръ пресерьезно докладываетъ:

— „Ваше Благородіе! не стоитъ ставить на часы: лучше посадить его на коху“.

Этого „на коху“ солдаты боялись больше, чѣмъ стоянія на часахъ.

— „На дворѣ страсть, что такое: пыль, снѣгъ“, говоритъ денщикъ.

Выглянули мы за дверь. Дѣйствительно, мчатся тучи, вьются тучи, кружится въ воздухѣ снѣгъ. Наконецъ-то матушка Манчжурія пожаловала насъ новою милостью: постлала на землю бѣлое пуховое одѣяльце. Спасибо! Да то бѣда, что мягко стелетъ, а жестко спать. Лошади ржутъ, прыгаютъ, срываются съ коновязей. Солдаты кричатъ на нихъ, ловятъ.

— „О, Боже жъ мій, шось то зробылось? Тпру, дурный! балуй!“ раздается за окномъ голосъ солдата хохла.

Въ воздухѣ кружатся стаи воронья, опадающіе листья; съ крикомъ летятъ на югъ запоздалые гуси; гнутся и скрипятъ деревья; орутъ неистово ослы.

— „Ну и концертъ!“ говоритъ проѣзжающій казачій офицеръ: „остается только, чтобы изъ вашей трубы вылетѣла въ ступѣ баба-яга съ метлой: картина была-бы полная!“

Напились чаю. Притащили солдаты гаолянныхъ корешковъ, и закурились каны, хотя тепла и мало отъ этой топки. Сегодня дыму меньше, вѣроятно, отъ холода: хорошая тяга.

Что это за удивительное многополезное растеніе гаолянъ! Я уже раньше писалъ, что высота его достигаетъ $5\frac{1}{2}$ аршинъ; стволъ довольно толстый, и зерна съ каждаго стебля получается цѣлая пригоршня. Зѐрна очень похожи на нашу гречневую крупу, и каша изъ гаоляна почти такая же, какъ и изъ гречи, только тяжелѣе для желудка. Изъ гаоляна дѣлаютъ прочныя крыши, цыновки, корзины, клѣтки; имъ топятъ каны, хотя для топлива больше употребляютъ гаолянные корни: они даютъ довольно сильный жаръ.

Вообще, насколько отвратительно грязны китайцы, настолько же они прекрасные земледѣльцы. Они сѣютъ гаолянъ, чумизу (родъ проса, только мельче), бобы, рисъ, пшеницу, ячмень, всевозможныя огородныя овощи и, при всей своей вони и грязи, очень любятъ цвѣты. Обработка земли образцовая, но совершается примитивно: ни машинъ, ни плуговъ, ни даже хорошей сохи нѣтъ; все дѣлается отъ руки: мотыкой, лопатой, скрябкой, серпомъ Да дѣдь какъ! Только любоваться нужно. Они не сѣютъ въ нашемъ смыслѣ, а скорѣе садятъ каждое зернышко, потомъ тщательно выпалываютъ поле, такъ что оно производитъ впечатлѣніе отлично воздѣланнаго огорода. Скотъ далеко не у каждаго хозяина есть, и потому съ поля въ деревню китайцы все несутъ сами на коромыслахъ; такимъ же способомъ они несутъ и продукты на базаръ. Мельницъ буквально нѣтъ ни одной, а мелютъ патріархальнымъ способомъ: накладываютъ камень на камень и вертятъ. Если есть оселъ, то, при помощи несложныхъ приспособленій, заставляютъ вертѣть камень осла, завязавши ему предварительно глаза; въ противномъ случаѣ вертятъ китайцы сами.

Замѣчательны въ деревняхъ колодцы: они выложены внутри тесанымъ камнемъ. Вообще здѣсь многое носитъ въ отношеніи прочности вѣковѣчный характеръ.

Пріѣхали съ позицій офицеры и разсказываютъ, что наши войска и японскія стоятъ другъ отъ друга очень близко, такъ что днемъ ни тѣ ни другіе не могутъ высунуть головы изъ окопа: сейчасъ же пуля. Однако скука смертная томитъ обѣ стороны. Вотъ и начали тѣшиться: наши выставили чучело, японцы тоже, и открылась состязательная стрѣльба. Если нашъ попадѐтъ, японцы на палкѣ поднимаютъ бѣлый флагъ; если нѣтъ,—черную шапку. Такими же сигналами и наши отмѣчаютъ японскую стрѣльбу.

Между позиціями обѣихъ армій протекаетъ узкая рѣчка Шахе. Водица бѣжитъ чистенькая такая. Иногда хочется пить; но японцу или русскому, рѣшившемуся подойти къ рѣчкѣ, грозитъ одинаково смерть. Вотъ въ одномъ мѣстѣ какъ-то и условились: дадутъ сигналъ наши, японцы отвѣтятъ; и идутъ нашъ и японецъ безъ оружія съ ведрами за водой, отдадутъ другъ другу честь, наберутъ воды и расходятся къ своимъ позиціямъ; стрѣльбы не производится. Нѣсколько разъ такъ дѣлали. Все шло хорошо; но на какомъ-то разѣ не стерпѣла русская душа и давай ругательски ругать японца. А тотъ

маленько по-русски-то смекалъ да и оскорбился: сталъ отвѣчать тѣмъ же. Русскій кричитъ: „давай на кулачки!“ Тотъ согласился. Рѣка мелкая. Живо одинъ перескочилъ, и пошло дѣло—и кулаками и ведрами. А съ позицій на это единоборство обѣ арміи любуются. Кончилось тѣмъ, что съ окровавленными физіономіями явились борцы каждый къ своимъ позиціямъ.

Среди японцевъ многіе говорятъ по-русски и часто переговариваются съ нашими; напр. вечеромъ кричатъ:

— „Русскіе! не стрѣляйте сегодня ночью, и мы не будемъ: давайте поспимъ!“

А утромъ здороваются. Вѣдь есть мѣста, гдѣ между позиціями всего какихъ-нибудь 400—500 шаговъ.

У меня новое горе: заболѣлъ мой „китаецъ“, бѣленькая лошадка. Придется, кажется, опять ѣздить на „другѣ“.

Ксенофонтъ сейчасъ принесъ мое бѣлье. Не только выстиралъ, но даже выгладилъ. Я давно велѣлъ выбросить утюжокъ и думалъ, что это исполнено. Смотрю: сегодня торжественно несетъ онъ бѣлье, и улыбка во весь ротъ. Ну, думаю, что-нибудь да не такъ...

— „А вѣдь бѣлье-то, кажется, выглажено?“ говорю.

— „Такъ точно. Это, значитъ, Вы приказали выбросить утюжокъ-то. А я думаю: зачѣмъ? пригодится; да и спряталъ. Вотъ теперь и выгладилъ: совсѣмъ видъ другой“, побѣдоносно заявляетъ Ксенофонтъ.

Входитъ Михаилъ, и оба сразу съ грустью говорятъ, что вѣтеръ и морозъ такіе, что завтра служить будетъ невозможно; значитъ, и просфоры печь нѐ зачѣмъ.

— „День на день не приходится“, говорю я: „Господь-то по добротѣ Своей завтра можетъ послать и погоду: просфоры нужно испечь непремѣнно“.

Теперь мы опять обзавелись собственной печью: Галкинъ въ землянкѣ сложилъ. Подошелъ я къ ней, заглянулъ: сидитъ Нечаевъ, топитъ печь, а Ксенофонтъ, согнувшись, натираетъ тѣсто. Такъ и зовемъ его теперь „Ксенофонтъ-просфорникъ“.

Надвигается ночь. Вѣтеръ воетъ попрежнему. Морозъ крѣпчаетъ. На всякій случай готовлюсь служить литургію.

Великая Княгиня въ отвѣтъ на мою поздравительную съ днемъ рожденія прислала слѣдующую телеграмму:

„Сердечно благодарю Васъ за молитвы и благословеніе. Очень часто вспоминаю о моихъ дорогихъ черниговцахъ и отъ всей души радуюсь, что Ваше присутствіе въ полку въ такое время и молитвы утѣшаютъ и облегчаютъ исполненіе труднаго и славнаго ихъ долга. Елисавета“.

24-ое октября.

Утро. Чуть-чуть свѣтаетъ. Слышу: тихонько подходитъ Михаилъ и говоритъ:

— „Батюшка! а вѣдь па дворѣ-то совсѣмъ тихо; только морозъ, градусовъ 10. Просфоры испекли: можетъ-быть, отслужимъ?“

— „Конечно отслужимъ“, говорю я: „часамъ къ $10^1/_2$ солнышко намъ поможетъ тепломъ своимъ. Скажи эскадронамъ, чтобы мели площадку для церкви да на службу надѣли шлемы на головы“.

Какъ я радъ! А вчера такъ грустно было на душѣ. Быстро всталъ, все привелъ въ порядокъ и побѣжалъ на свою дорожку служить про себя утреню. Морозище такой, что пришлось надѣть мѣховыя рукавички. За линіей желѣзной дороги гулъ множества голосовъ; это пѣхотные полки собираютъ съ полей брошенный китайцами гаолянъ, складываютъ его въ скирды, строятъ шалаши.

Къ 10 часамъ поставили церковь, и душа моя возрадовалась. Пришли не только наши эскадроны, но и много отъ другихъ частей: эскадронъ Нѣжинскаго полка, телеграфныя роты 17-го и 6-го саперныхъ баталіоновъ, обозные 17-го корпуса и наши—многое множество! Было такъ пріятно. Часы читать благословилъ сапернаго унтеръ-офицера. Онъ былъ неописуемо счастливъ и, хотя съ тропаремъ и кондакомъ никакъ не могъ справиться, но это не мѣшало его воодушевленію; говоря, напр., „Пріидите поклонимся Христу Цареви, нашему Богу“, онъ и на самомъ дѣлѣ кланялся до земли. Замѣчательно религіозный.

Св. литургія прошла и на этотъ разъ, по милости Божіей, хорошо. Михаилъ меня очень утѣшилъ: послѣ евангелія вдругъ, слышу, запѣли „Господи помилуй“ на тѣ мотивы, что пѣлись въ нашей церкви[1]) на незабвенныхъ службахъ въ четверги и пятницы. Большихъ усилій стоило мнѣ удержаться отъ слезъ.

Между солдатами есть замѣчательно богомольные, особенно изъ запасныхъ: многіе прямо почти всю службу стояли на колѣняхъ и молились такъ усердно, что трогали меня до глубины души. „Вѣрую“, „Отче нашъ“, по обыкновенію, пѣли всѣ.

Поразили меня за этой службой китайцы. Цѣлой толпой подошли они, когда мы еще ставили церковь, осмотрѣли каждую икону и затѣмъ, ставши въ сторонѣ, всю литургію простояли, не двигаясь съ мѣста, сосредоточенно слушая и наблюдая происходящее. Вѣдь общественнаго богослуженія въ нашемъ смыслѣ у нихъ не существуетъ; по крайней мѣрѣ, я до сихъ поръ ни въ Ляоянѣ, ни въ Мукденѣ этого не замѣтилъ. Среди китайцевъ стоялъ нашъ штабной переводчикъ, прекрасно говорящій по-русски; онъ, вѣроятно, и давалъ нѣкоторыя поясненія своимъ соплеменникамъ.

Проповѣдь я говорилъ на евангеліе, что вотъ пришелъ въ страну Гадаринскую Господь и, по милосердію своему, исцѣлилъ бѣсноватаго. Исцѣленный такъ былъ благодаренъ Спасителю, такъ полюбилъ Его, что слѣдовать за Христомъ, всегда быть съ Нимъ, слушать Его святое ученіе и угождать Ему поставилъ себѣ единственною цѣлью

[1]) Въ г. Орлѣ, въ церкви Черниговскаго полка.

жизни, единственнымъ счастіемъ. Въ свою очередь и жители Гадары, также имѣвшіе грѣхи и болѣзни, видя такое чудо милосердія Спасителя, должны были бы бѣжать къ Нему, просить прощенія грѣховъ своихъ, исцѣленія болѣзней, духовнаго просвѣщенія. Но огрубѣли сердца ихъ въ погонѣ за житейскими выгодами, и вѣчному спасенію они предпочли отреченіе отъ Христа и кратковременныя блага: они послали сказать Спасителю, чтобы Онъ ушелъ изъ ихъ предѣловъ. И Господь ушелъ, но ушелъ тоже съ милосердіемъ: Онъ повелѣлъ исцѣленному остаться и проповѣдывать своимъ соплеменникамъ покаяніе, спасеніе; вѣдь Христосъ явился на землѣ „взыскати и спасти погибшаго".

Просилъ я воиновъ и на себя обратить вниманіе. Вѣдь бѣсноватый не только тотъ, кто явно одержимъ бѣсомъ, но и всякій нераскаянный грѣшникъ, любящій беззаконную жизнь и не желающій исправляться, какъ и говоритъ св. апостолъ: „кто дѣлаетъ грѣхъ, тотъ отъ діавола, потому что діаволъ сначала согрѣшилъ". Большинство людей и не подозрѣваетъ, что всѣ грѣховныя дѣла они творятъ по наущенію и соблазну древняго клеветника діавола, какъ послушные рабы его, и воображаютъ, что это ихъ естественныя желанія. Если бы діаволъ дѣйствовалъ всегда открыто, то его и слушать бы перестали.

Кому грѣхъ доставилъ счастіе, не говорю, вѣчное, а даже кратковременное, земное? Никому. Наоборотъ, грѣхъ всегда разстраиваетъ мирную святую жизнь души, доводитъ до унынія, отчаянія, убиваетъ ее. Да и земное благосостояніе и здоровье тоже убиваются грѣхомъ. Такъ неужели и далѣе намъ пребывать въ грѣхахъ? О, нѣтъ. Скорѣе обратимся къ Спасителю: горячей вѣрой, пламенной молитвой, сокрушеннымъ покаяніемъ и твердой рѣшимостью начать въ дальнѣйшей жизни исправляться постараемся привлечь къ себѣ Господа Христа, умолимъ Его, да проститъ Онъ насъ, да исцѣлитъ наши немощи души и тѣла, да просвѣтитъ насъ, да поможетъ намъ въ трудахъ нашихъ! Вѣдь милосердіе Спасителя уже надъ нами: Его сладкій прощающій голосъ каждый слышитъ въ таинствѣ покаянія, Его укрѣпляющую силу каждый получаетъ въ прочихъ таинствахъ и особенно въ таинствѣ евхаристіи.

Будемъ же, подобно исцѣленному бѣсноватому, всегда благодарны Господу, спасающему насъ, и единственная цѣль нашей дальнѣйшей жизни и все счастіе наше да будутъ въ любви къ Спасителю и въ слѣдованіи за Нимъ святыми чувствованіями и добрыми дѣлами нашей жизни. Да сохранитъ насъ Господь отъ ужаснаго грѣха гадаринскихъ жителей—отреченія отъ Христа и отъ вѣчнаго спасенія! Не будемъ забывать, что упорный и нераскаянный грѣшникъ отрекся уже отъ Христа! Горе такому человѣку: вѣчная погибель ожидаетъ его.

Послѣ литургіи къ намъ зашелъ одинъ гость. Настроенъ онъ страшно пессимистически: и то и другое, по его словамъ, надо бы

иначе. А мнѣ кажется, что, если бы все шло, какъ по маслу, то мы, пожалуй, только себѣ приписали бы окончательную побѣду. Теперь трудимся, какъ можемъ. Вѣдь у насъ и всегда такъ было, а всё же въ концѣ концовъ побѣждали. Зато это къ смиренію располагаетъ, а смиреннымъ даетъ Господь благодать. Побѣдимъ, дастъ Богъ, и рабами гордыхъ язычниковъ не будемъ. Вотъ братьями быть готовы, если они отбросятъ свою гордыню и увѣруютъ въ Христа. Посему, когда побѣдимъ, то прежде всего воздадимъ славу силѣ Божіей, а потомъ уже должное и человѣческимъ слабымъ силамъ. Такъ-то лучше: гордости поменьше.

Да, испытанія—это великій пробный камень твердости въ вѣрѣ и любви ко Господу. Однако правда остается правдой: армія наша храбрая, терпѣливая, не унывающая. Если представить всѣ обстоятельства и условія войны здѣсь, войны, какъ мы ее называемъ, „колоніальной“, то надо еще удивляться, что такъ хорошо все идетъ. Другая армія на нашемъ мѣстѣ, неизвѣстно еще, что сдѣлала бы.

Какъ невѣрно представляютъ въ Россіи наше здѣшнее положеніе, сужу по письмамъ. Пишутъ, что мы отступили, что насъ разбили. Неправда то и другое: уступили нѣсколько верстъ передовыхъ позицій, отбили всѣ атаки японцевъ и ничего не отдали изъ крѣпко занятаго нами. Я считаю послѣднія битвы нашей великой нравственной побѣдой. Японцы хотѣли насъ отбросить за Мукденъ и раздѣлить нашу армію, но ихъ воля потерпѣла полную неудачу. Не даромъ, какъ говорятъ, послѣ этихъ послѣднихъ битвъ японцы кричатъ намъ изъ окоповъ:

— „Русскіе! Долго ли вы еще будете мучить насъ?“

Это что-то непохоже на побѣдный кликъ. Ну, а дальше, что Богъ дастъ.

25-ое октября.

Удивительно рѣзко измѣнилась погода. Сегодня совершенно тепло, такъ что, отправившись утромъ гулять къ станціи Суютунь въ тепломъ подрясникѣ, я съ трудомъ добрелъ назадъ: такъ жарко.

Около станціи оживленіе. Тысячи солдатъ строятъ дорогу шириною въ 50 аршинъ на протяженіи всего фронта, чтобы во время предстоящаго сраженія свободнѣе было передвигать резервы въ разные пункты.

Я нарочно постоялъ, понаблюдалъ. Оживленіе полное; унынія нигдѣ; вездѣ смѣхъ, шутки, прибаутки. А шутятъ-то кто? Бородачи, въ большинствѣ семейные; ужъ, кажется, имъ бы носъ повѣсить! Анъ нѣтъ. Вы въ Россіи больше предаетесь унынію, нежели мы здѣсь. Стыдно!

Куда ни оглянешься,—море людей, и все военные. Теперь, кажется, когда увижу штатскаго или женщину въ модномъ костюмѣ,

то удивленію не будетъ конца. Сегодня, разсказывали, прошелъ около линіи желѣзной дороги какой-то пожилой господинъ въ штатскомъ пальто и шляпѣ; такъ вѣдь останавливались, оглядывались на него и всё спрашивали, что это за человѣкъ.

Съ двухъ часовъ дня у насъ необычайное оживленіе и торжество: пришли подарки отъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны. Изъ офицеровъ и чиновниковъ каждый получилъ $^1/_2$ ф. чаю, 2 ф. сахару, $^1/_4$ ф. кофе или табаку, клюквенный экстрактъ, фланелевыя рубашку и кальсоны, двѣ пары чулокъ, три носовыхъ платка, кусокъ мыла, коробку печенья, конверты, бумагу, карандашъ, лимонную кислоту, кусокъ марли. Каждый солдатъ получилъ $^1/_4$ ф. чаю, 1 ф. сахару, рубаху, кальсоны, кисетъ, портянки, платки, мыло, бумагу, конверты, карандашъ, крючки, пуговицы, наперстокъ, нитки, подсолнухи или табакъ, ножъ. Кромѣ того отъ Ея Высочества Великой Княгини Елисаветы Θеодоровны наши солдаты[1]) получили табакъ, огниво, мыло, спички и лѣкарства.

Нужно было видѣть восторгъ всѣхъ чиновъ арміи, тронутыхъ вниманіемъ Царицы и Великой Княгини. Искреннее „ура!“ гремѣло вездѣ и русское сердечное „спасибо“ неслось Царственнымъ Заботницамъ нашимъ.

Въ этотъ же день интендантство прислало каждому солдату китайскую ватную куртку и ватные чулки.

Однимъ словомъ, жить и воевать можно. Вотъ вы тамъ мрачно настроены. По вашему, мало успѣха у насъ, и вы въ отчаяніи. А наши солдатики иначе разсуждаютъ:

— „Когда добивать *его* (японца) пойдемъ?“ весело спрашиваютъ они.

Нашимъ полкомъ очень довольны всѣ начальники: онъ служитъ всему корпусу и другимъ; держа связь, постоянно производитъ развѣдки для 35-ой и 3-ьей пѣхотныхъ дивизій и артиллерійскихъ бригадъ. Во время самыхъ сраженій наши эскадроны производятъ усиленныя развѣдки, подъ огнемъ развозятъ приказанія, открываютъ японскія батареи, доставляя такимъ образомъ отличныя свѣдѣнія войскамъ и артиллеріи. Особенно отличились наши эскадроны въ послѣднихъ сраженіяхъ, такъ что представлено очень много къ награжденію георгіевскими крестами; да уже есть 18 георгіевскихъ кавалеровъ.

Сейчасъ пришла радостная вѣсть: считавшійся убитымъ 15-го августа рядовой 6-го эскадрона нашего полка Раскопатинъ, оказалось, взятъ былъ въ плѣнъ, бѣжалъ и, послѣ страшныхъ мытарствъ, сегодня добрался, наконецъ, до нашихъ позицій; онъ скоро прибудетъ въ полкъ. Подробности напишу, когда разспрошу его самого.

Все только себя мы любимъ критиковать: все только у насъ нехорошо, а у другихъ лучше. А вотъ, какъ присмотришься получше

1) Драгуны 51-го Черниговскаго полка.

къ японцамъ, то оказывается, что и у нихъ далеко не все обстоитъ благополучно: изъ нашего плѣна не убѣжишь, а изъ японскаго ужъ сколько прибѣжало. Послѣ „Путиловской“ сопки японцы такъ разбѣжались, что въ тылу нашей арміи ловили ихъ потомъ.

26-ое октября.

Погода еще лучше, и я, грѣшный, цѣлый день почти провелъ на воздухѣ. Когда еще выпадаетъ такой мирный, свѣтлый и теплый день? Завтра думаю поѣхать въ деревню Тадзеинъ и отслужить въ эскадронахъ св. литургію.

27-ое и 28-ое октября.

Вчера, только мы улеглись, какъ вдругъ поднялась орудійная пальба и ружейная „трещотка“ на протяженіи всей 35-ой дивизіи. Японцы сдѣлали нападеніе, но жестоко поплатились. Наши выдержали себя: сначала не стрѣляли, а, какъ только японцы вылѣзли изъ окоповъ, то они и открыли стрѣльбу залпами. Всѣ атаки отбили, и непріятель до утра убиралъ своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Въ 9 часовъ я пріѣхалъ съ церковью въ Тадзеинъ. Пришли солдаты помогать ставить ее. Одинъ говоритъ мнѣ:

— „Ну, батюшка, и насмотрѣлся же я сегодня страстей. Съ разъѣздомъ выѣхали мы рано утромъ и видѣли поле, покрытое японскими трупами. Почти всѣ раздѣты; у многихъ окоченѣлыя руки подняты вверхъ: просто ужасъ!“

Въ 10 часовъ началась св. литургія. Былъ вѣтерокъ. Рядомъ стрѣляли наши батареи; канонада была порядочная. Проповѣдь говорилъ на ту же тему, что у себя въ воскресенье. Вмѣсто концерта велѣлъ пропѣть „Воскресни, Боже, суди земли“ и „Ангелъ вопіяше“. Сознаю, что это несвоевременно по уставу церковному. Но здѣсь, когда страданія и смерть кругомъ, передъ глазами, и притомъ каждый ожидаетъ, что, быть можетъ, сегодня же или даже сейчасъ придетъ и его страшный часъ смертный, напряженіе нервовъ и туга сердечная таковы, что невольно смущается и мужественная душа. Вотъ здѣсь-то услышать радостную пѣснь: „Твой (Богомати) Сынъ *воскресе*, тридневенъ отъ гроба и *мертвыя воздвигнувый:* людіе, веселитеся“ необычайно утѣшительно. Что жъ, если и умрёмъ сегодня? Вѣдь воскресъ Спаситель нашъ и мертвыхъ воскреситъ; значитъ, и насъ. Такъ съ веселіемъ духовнымъ, радостно встрѣтимъ смерть, если угодно Господу её послать намъ! На это я и въ проповѣди указалъ. Приходитъ даже мысль пѣть на общей молитвѣ „Христосъ воскресе“.

Если я согрѣшилъ этимъ нарушеніемъ устава церковнаго, то заранѣе усердно прошу св. Церковь, которую я чту и въ послушаніи которой пребыть до конца жизни считаю своимъ долгомъ и счастіемъ, простить меня. Вѣдь среди этихъ скорбей военнаго времени хочется все сдѣлать, чтобы только доставить воинамъ возможно большее утѣшеніе, ободреніе; они вѣдь тоже люди, нѣмощные. Подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ энергія духовная расходуется быстро. Значитъ, быстро всѣми мѣрами нужно стараться и пополнять ее.

Насколько религія христіанская необходима воину, между прочимъ подтверждаетъ разсказъ, переданный мнѣ полковникомъ Ванновскимъ:

— Я долго жилъ въ Японіи по дѣламъ службы и былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ ректоромъ Токійской духовной семинаріи. Вотъ однажды онъ приглашаетъ меня къ себѣ на чай по случаю крещенія гвардейскаго офицера. Понятно, я заинтересовался причиною, побудившею этого офицера принять христіанство. Оказалось, главной причиной была война. Онъ съ своимъ корпусомъ воевалъ на островѣ Формозѣ. Страна гористая; населеніе, особенно въ горахъ, дикое, жестокое, и японцамъ пришлось сильно страдать. „Вотъ здѣсь-то“, сказалъ офицеръ: „при видѣ ужасныхъ физическихъ и душевныхъ страданій своихъ солдатъ, я не зналъ, чѣмъ ихъ и себя утѣшить. Лучшимъ исходомъ была смерть, но какая? безъ опредѣленной надежды на дальнѣйшее существованіе? безъ напутствія? Вернувшись домой, я изучилъ христіанскую религію и нашелъ въ ней все, чего искала душа моя“. Гдѣ-то теперь этотъ православный японскій офицеръ? Можетъ-быть, убитъ уже...

Замѣчательный разсказъ. Какъ ярко выражаетъ онъ необходимость христіанской религіи для души человѣка! Истинно слово древняго отца: „Душа по природѣ христіанка“.

Возвратился я въ свою деревню, славя Бога, помогшаго совершить богослуженіе, хотя, сознаюсь, такъ тревожно ни разу еще не служилъ св. литургіи. Люблю я день, въ который служу: съ такимъ легкимъ отраднымъ чувствомъ удовлетворенія проходитъ весь день.

28-ое и 29-ое октября.

Съ утра вѣтеръ, пыль. Нельзя выйти на улицу. Проходящіе обозы вздымаютъ цѣлыя тучи пыли: предпочитаю сидѣть на своемъ канѣ и читать. Спасибо еще, фанза досталась, хотя и грязная и дырявая, но довольно просторная: нѣсколько шаговъ можно сдѣлать; уставши сидѣть, встанешь и погуляешь. Все время, конечно, хожу въ тепломъ подрясникѣ и скуфейкѣ. Выпало два денька, что господинъ Морозъ куда-то изволилъ отбыть, а теперь опять возвратился и попрежнему подбадриваетъ. Спасибо ему, а то бы, поди, заскучали.

Интересно заглянуть, какъ на „чистомъ“ воздухѣ готовится намъ пропитаніе. Нашъ поваръ, солдатъ Ваня, на морозѣ котлеты выдѣлываетъ и подплясываетъ, а на сковородѣ что-то скворчитъ. Это онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, сегодня блинчатые пирожки смастерить съ гаолянной начинкой. Да мы вѣдь не какъ-нибудь ѣдимъ: у насъ французская кухня. На вопросъ: „чтò сегодня будетъ на обѣдъ?“ Ваня не иначе отвѣтитъ, какъ по-французски: „супъ потафе, котлеты гаше и на третье масе дуанъ“. Просто потѣха, а онъ это совершенно серьезно докладываетъ. На холодъ Ваня не жалуется, а только истинно скорбитъ, что „вотъ вѣтеръ муку разноситъ“.

Послѣ обѣда явился изъ Мукдена нашъ хозяинъ. Онъ что-то похудѣлъ. Конечно, его опять угостили, дали денегъ, папиросъ. Въ благодарныхъ чувствахъ онъ обѣщалъ въ слѣдующій разъ принести „кулису“ (курицу) и яйца. Между прочимъ онъ разсказывалъ, что ему снова было отъ часовыхъ на р. Хун-хе „ломайло“ и убѣдительно просилъ дать ему записку. Тогда адъютантъ пресерьезно даетъ понять, что записку можно какъ-нибудь потерять; а вотъ, если печать полковую приложить ко лбу, то и записка не нужна. Повѣрилъ „хòдя“ и умоляетъ приложить печать. Адъютантъ, дѣйствительно, приложилъ къ его лбу синей мастикой полковую печать. Вышла великолѣпно. Китаецъ въ восторгѣ, а у насъ при видѣ этой картины получился положительно смѣхъ неподобный. Впроч., записку ему все-таки дали.

Просыпаюсь 29-го, а надъ мною въ полумракѣ, какъ тѣнь, стоитъ Ксенофонтъ. Слышу его тихій голосъ:

— „Батюшка! Какъ Вы спали? не озябли? Умываться я уже приготовилъ“.

Онъ каждое утро рано является и караулитъ, когда я проснусь. Умываясь, передаю ему отъ „матушки“ и орловцевъ поклоны. Онъ всегда отъ этого въ восторгѣ.

Весь день прошелъ однообразно. Японцы ежедневно нападаютъ; наши успѣшно отбиваютъ. Стрѣльба ежедневно; но мы такъ уже къ ней привыкли, что не обращаемъ никакого вниманія.

30-ое и 31-ое октября.

Погода окончательно испортилась. Къ холодному вѣтру присоединился дождь, снѣгъ. Если и завтра такъ будетъ, то служить немыслимо.

Послѣ чаю пошелъ на новоселье къ Михаилу и Ксенофонту въ ихъ землянку. Очень хорошая вышла квартира: въ полтора аршина глубины они вырыли яму, поставили надъ нею стропила, внутри обставили гаоляномъ, снаружи засыпали землей, устлали полъ цы-

новкой и даже повѣсили иконочку св. Николая. Михаилъ сидитъ на своемъ ложѣ, завернувъ ноги въ полушубокъ, и читаетъ Ксенофонту газету „Свѣтъ". Завтра они будутъ строить себѣ что-то въ родѣ печи.

Послѣ обѣда привели къ намъ рядового 6-го эскадрона Раскопатина, который 15-го августа былъ взятъ японцами въ плѣнъ и бѣжалъ. Разсказъ его о томъ, какъ онъ странствовалъ, я записалъ за нимъ почти буквально въ его выраженіяхъ. Вотъ какъ разсказывалъ Раскопатинъ:

— Это, значитъ, было 15-го августа. Я былъ посланъ поручикомъ Ведерниковымъ въ дозоры. Только выѣхалъ изъ деревни, какъ японцы изъ засады дали залпъ и убили подъ мною лошадь. Вытащилъ я ноги изъ-подъ сѣдла да и побѣгъ въ гаолянъ; думалъ, къ своимъ бѣгу, анъ, глядь, прямо на ихнюю пѣхоту наткнулся. Наставили они на меня винтовки: „алала-алала", кричатъ; и схватили. Живымъ манеромъ сняли съ меня винтовку, шашку и потащили въ фанзу. Тутъ мнѣ былъ допросъ. Только я ничего не понялъ, что они алалакали; такъ и бросили. Сижу день, другой. Даютъ помаленьку рису, а больше ничего. Такъ десять дней просидѣлъ, въ родѣ какъ на этапѣ. А мимо-то все ихнія войска шли. Вотъ разъ ночью сижу я на канѣ, не сплю: потому тоска. Слышу: захрапѣлъ часовой. Подошелъ я тихонько къ двери; вижу—спитъ, а ружье ремнемъ къ рукѣ привязалъ. Забилось во мнѣ сердце. Думаю: все равно погибать. Господи! помоги мнѣ убѣжать. Сначала думалъ штыкомъ его убить: потому на боку виситъ, какъ въ родѣ шашки, а потомъ раздумалъ. Забрался на канъ, потихоньку разобралъ гаолянъ на крышѣ, высунулъ голову. Онъ все храпитъ. Тогда я перекрестился да и вылѣзъ наружу; спустился и бросился бѣжать черезъ огороды прямо на сопку. Перемахнулъ. Еще саженей 200 отбѣжалъ. Утро подходитъ. Думаю: надо на день прятаться. Нарвалъ гаоляну и залѣзъ подъ большой камень. Подъ нимъ отъ воды образовалась ямка, и водицы еще немного было. Натеръ я руками гаоляну да и поѣлъ; пригоршней набралъ воды и попилъ. Лежу. Весь день шла ихъ пѣхота, конница, обозы: никакъ невозможно уйти. Такъ четыре дня пролежалъ подъ этимъ камнемъ. Потомъ стало тише, и я ушелъ. Дошелъ до рѣки большой и по горло въ водѣ перешелъ ее ночью. А днемъ лежу въ гаолянѣ, которымъ и питался; воду пилъ по дорогѣ изъ колеи. Долго плуталъ я. Наконецъ дошелъ до желѣзной дороги; забрался ночью подъ мостикъ и спрятался за балкой. Днемъ туда приходили японскіе солдаты за нуждой и меня не замѣтили. Я видѣлъ, какъ они гоняли на себѣ вагоны: паровозовъ не было. Слѣдующей ночью я ушелъ въ поле и легъ въ гаолянѣ на день. Смотрю: пришли китайцы жать. Я имъ говорю, что я русскій солдатъ; прошу ихъ спрятать меня, а то придетъ ниппонъ солдатъ, и мнѣ будетъ контрами. Вмѣстѣ съ тѣмъ показываю, что мнѣ очень хочется кушь-кушь, и что, если они меня спасутъ, то большой русскій капитанъ дастъ имъ много-много рублей.

Китайцы между собою поговорили что-то, положили меня на землю и укрыли гаолянными снопами, а сами ушли, говоря, что сейчасъ принесутъ мнѣ кушь-кушь. Дѣйствительно, очень скоро возвратились, принесли лепешекъ и варенаго рису. Я поѣлъ и попилъ хорошей воды; затѣмъ успулъ, а ночью они взяли меня въ свою фанзу. Хозяинъ фанзы оказался старшиной; посадилъ меня на канъ, накормилъ, напоилъ чаемъ и даже далъ рюмочку ханшину. Пришелъ китаецъ; немного говоритъ по- русски. Объяснилъ мнѣ, что сюда каждый день заѣзжаютъ японцы, и мнѣ будетъ „контрами“ (убьютъ), если я останусь такъ, и потому мнѣ нужно переодѣться. Сейчасъ же обрили мнѣ усы, бороду, половину головы, обмотали голову синимъ платкомъ, надѣли китайскую шляпу и одежду и велѣли притвориться нѣмымъ. Затѣмъ перевели меня въ другую деревню и помѣстили къ китайцу, у котораго я довольно долго работалъ. Однажды черезъ переводчика хозяинъ приказалъ мнѣ становиться на колѣни и молиться ихъ богамъ. Заплакалъ я, сталъ на колѣни, а самъ и молюсь по-нашему, говоря: „Пресвятая Богородица! спаси меня грѣшнаго“. Послѣ этого онъ привелъ китайскую мадамъ съ двумя дѣтьми, посадилъ меня рядомъ съ ней на канѣ и говоритъ, что это теперь моя „бабушка“ и мои дѣти; значитъ, женили меня. Только я это будто заплакалъ и говорю, что у меня уже есть бабушка и свои двое дѣтей; „лучше проводите“, говорю: „меня къ русскимъ: капитанъ русскій за это много-много денегъ дастъ“. Днемъ пріѣзжали японскіе разъѣзды, брали фуражъ и даже тащили съ собою дѣвушекъ китайскихъ, если находили; меня же не узнали. Черезъ нѣсколько дней три китайца вызвались проводить меня къ русскимъ: дали мнѣ коромысло, навязали гаоляну и пошли; я иду за ними, будто нѣмой. Японцы останавливали, осматривали, но меня такъ и не узнали; даже черезъ мостъ прошелъ, и часовые пропустили. Зато, какъ подошелъ къ нашимъ постамъ, такъ прямо зарыдалъ. Солдаты наши хотѣли въ насъ стрѣлять, но я закричалъ: „братцы, я свой“. Тогда взяли меня и привели къ офицеру.

Въ концѣ разсказа Раскопатинъ, бритый и въ китайскомъ халатѣ, расплакался; видно, нервы его совсѣмъ растрепались. Онъ все боялся, что китайцы выдадутъ его японцамъ; а они оказали ему истинное добро. Спасибо имъ. Командиръ корпуса приказалъ Раскопатина произвести въ унтеръ-офицеры и представилъ его къ георгіевскому кресту. Спрашивали его, не видѣлъ ли въ плѣну вахмистра Бурбу [1]). Нѣтъ, не видалъ.

[1]) Раненый Бурба привезенъ изъ плѣна вмѣстѣ съ другими плѣнными уже послѣ войны. Пролежавъ долгое время въ лазаретѣ Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны, онъ настолько оправился отъ раны, что принятъ вновь на службу, но уже не въ Черниговскій, а въ уланскій Волынскій полкъ (въ г. Ломжѣ), командиромъ котораго состоитъ бывшій черниговецъ полк. Чайковскій.

Погода разыгралась такая, что выйти невозможно. Солдаты, какъ сурки, попрятались въ землянки. Мы тоже сидимъ въ фанзахъ. Служить нѣтъ никакой возможности: страшно грустно!

31-ое число прошло тоже въ сидѣніи.

1-ое ноября.

Совершенно ничего не случилось, что хотѣлось бы записать себѣ для памяти и было бы другимъ интересно. Но за прошедшіе мѣсяцы создалась настолько сильная привычка описывать ежедневно пережитое, что, когда проходитъ день и перо въ рукахъ не побывало, душа непокойна: будто согрѣшилъ. Когда же попишу, побесѣдую съ вами, то такъ отрадно становится на душѣ: точно и въ правду мы поговорили.

Ахъ, душа человѣческая! Истинно, богоподобная. Для нея нѣтъ разстоянія. Быстрѣе всѣхъ телеграфовъ летитъ мысль и обходитъ все, что дорого сердцу. Представьте: меня очень утѣшаетъ возможность мыслью побывать у васъ. Вотъ такъ вдругъ мысленно перенесусь въ Орелъ, вхожу въ церковь, въ алтарь, прикладываюсь къ св. престолу, иконамъ; вижу, какъ Оля продаетъ у ящика свѣчи, и народъ толпится около нея; вижу знакомыя лица молящихся; иду въ домъ, осматриваю въ образной каждую иконочку, хожу по комнатамъ; вотъ я уже въ школѣ съ учениками; лечу затѣмъ въ Отраду, Москву, Владычню, Петербургъ, Ломжу; вхожу къ вамъ, здороваюсь; воображаю нашу общую радость, сажусь съ вами въ столовой. Господи, какія милыя проносятся картины!

Мнѣ говорятъ, что это смѣшно, по-дѣтски. Пусть такъ. Но, во-первыхъ, это *летаніе* бываетъ только *иной разъ* и не въ ущербъ исполненію здѣсь моего долга; а, главное, во-вторыхъ, это служитъ мнѣ истиннымъ отдохновеніемъ среди здѣшней нелегкой жизни.

Вотъ и ноябрь ужъ пришелъ. Охъ, какъ давно мы изъ Россіи! Кажется, годы прошли. Ну, да ничего; только бы у васъ тамъ не было унынія, а мы-то перетерпимъ. Не забывайте, что Богъ намъ вождь, а воины наши тѣ же чудо-богатыри, что и прежде были. Посему надежда и надежда должна быть въ сердцахъ, а не унылая какая-то тоска, что просвѣчиваетъ и въ газетахъ и во многихъ письмахъ съ родины. Стыдно, мнѣ кажется, это русскимъ, знающимъ кое-что изъ своей исторіи да еще православнымъ христіанамъ. Не десять мѣсяцевъ, какъ теперь, а цѣлые долгіе годы переживала Русь святая военныя невзгоды и даже разоренія, а все-таки, при помощи Господа, Владычицы и святыхъ, благодаря русскому мужеству и терпѣнію, она выживала и все росла. Такъ будетъ и теперь: побѣдимъ, дастъ Богъ, и сладостный миръ снова низойдетъ въ свое время на наше дорогое отечество. Потерпимъ!

Ну а морозъ сегодня Богъ далъ настоящій. Довольно глубокія лужи у нашей фанзы замерзли, выдерживаютъ человѣка. Краснымъ поломемъ утреннія и вечернія зори горятъ, и солдатики довольно усердно потираютъ себѣ носы и уши; наши традиціонныя похлопыванье руками, постукиванье сапогами и кряканье со словами: „ну, хорошъ морозецъ“ слышатся вокругъ безъ конца. Морозъ около 15^0, да вѣтерокъ въ прибавку. Съ утра сидимъ на канахъ, облачившись во все теплое, и, по русскому обычаю, подтруниваемъ надъ врагами, что, молъ, „ниппонамъ“ (такъ зовутъ себя японцы) теперь невесело: каково-то они, южные жители, танцуютъ сейчасъ въ траншеяхъ; вѣрно, проклинаютъ милый союзъ г. Мороза съ г жою Зимушкой-Зимой, съ которыми они, впрочемъ, по собственной охотѣ такъ близко познакомились: не начинали бы! Шутимъ, будто матушка зима однихъ враговъ нашихъ студитъ, а насъ грѣетъ.

Да̀, много приходится удивляться нашимъ воинамъ. Вѣдь надо не только воевать и переносить прелести здѣшняго климата, а и самимъ многое пріобрѣтать на отпускаемыя казною деньги: топливо, добрую половину фуража, мясо. Денегъ на это много даютъ; да вѣдь и за деньги иной разъ трудно достать. Такъ и бываетъ, что стоитъ полкъ на позиціи, а за скотомъ ѣздятъ солдаты верстъ за 40—50 назадъ. То же и съ фуражомъ: за чумизой, за дровишками верстъ за 10—15 ежедневно отправляются. И, несмотря на все это, унынія въ арміи нѣтъ; за это можно ручаться.

Ѣдутъ обозы; идутъ смѣны на позиціи. И какихъ только костюмовъ тутъ нѣтъ! Бѣлые и черные, короткіе и длинные полушубки, шинели, китайскіе ватные халаты, чуйки, папахи, фуражки, китайскія войлочныя шапки — все перемѣшалось, какъ въ калейдоскопѣ. Офицеры тоже въ разномъ одѣяніи. Всѣ другъ надъ другомъ острятъ по поводу костюмовъ. Одно только является общимъ для всѣхъ: не ропщутъ.

Такъ весь день и прошелъ въ скукѣ и однообразіи: сидѣли, пили чай, говорили, опять пили чай, читали вслухъ самыя новѣйшія газеты... отъ 5-го октября.

2-ое ноября.

Морозъ еще крѣпче; но тихо, и потому погода кажется теплѣй. Всё-таки на воздухѣ служить невозможно, и я все откладываю и откладываю богослуженіе. Грустно; но что же дѣлать? Ни одной фанзы нѣтъ въ нашей деревнѣ просторной, чтобы устроить въ ней службу. Вотъ 4-го ноября думаю ѣхать въ деревню Тадзеинъ; тамъ есть подходящая фанза. Можетъ-быть, удастся отслужить св. литургію.

Положительно удивляютъ меня китайцы. Не даромъ кто-то изъ мудрыхъ совѣтуетъ при встрѣчѣ съ человѣкомъ искать въ немъ

прежде всего остатки образа Божія, т.-е. хорошее, доброе. Вотъ и китайцы, при массѣ несимпатичныхъ чертъ, имѣютъ много хорошаго, которое, при внимательномъ наблюденіи и добромъ къ нимъ отношеніи, обнаруживается. Напр. ихъ истинно братское отношеніе въ продолженіе болѣе мѣсяца къ нашему солдату Раскопатину—вѣдь, это прямо въ восторгъ всѣхъ насъ привело. Теперь наши хозяева... Мы, дѣйствительно, хорошо къ нимъ относились; но и они не пожелали остаться въ долгу. Сегодня послѣ обѣда вдругъ открывается дверь, и съ побѣдоноснымъ видомъ вваливаются наши хозяева, два брата. Улыбка отъ уха до уха. Отдавши намъ честь по-военному, они громко заявляютъ:

— „Капетана! кулиса ю (есть), глуса ю“.

И положили на столъ двухъ куръ и съ десятокъ грушъ. Мы подумали, что это они изъ Мукдена принесли продать намъ; потому я и спрашиваю:

— „Сколько вамъ денга надо?“

Они сдѣлали изъ себя знакъ вопроса, и потомъ вдругъ оба, мотая головами, заговорили:

— „О, капетана, капетана! денга не надо: шибко знакомъ“, т.-е. что это они по знакомству, по дружеству принесли намъ, помня наше добро. Очень растрогали насъ. Я все-таки досталъ немного денегъ и даю одному. Опять отказы. Потомъ взялъ, подержалъ немного въ рукѣ, вдругъ положилъ на столъ, замахалъ руками и опять „шибко знакомъ, не надо“. Едва уговорилъ я взять; и то только тогда, когда увѣрилъ, что это я даю „бабушкѣ“ его и дѣтямъ.

Сколько разъ уже приходили они къ намъ! При насъ словари и „разговоры“ русско-китайскіе печатные. Но мы къ нимъ не прибѣгаемъ: объясняемся и такъ. Здѣсь образовался какой-то свой особый русско-китайскій жаргонъ, на которомъ обѣ стороны трещатъ безъ-умолку и отлично понимаютъ другъ друга. Въ этотъ жаргонъ вошли русскія слова на китайскій ладъ и чисто китайскія: „ломайло“, „контрамй“, „иго солнце“, „ходя“, „машинка“ (обманщикъ) и др. Остальное дополняется выразительнѣйшей мимикой и жестикуляціей.

Сегодня на нашемъ бивакѣ кипитъ работа: изъ гаоляна строятъ лошадямъ конюшни, а у насъ въ фанзѣ Галкинъ сложилъ печь: все-таки не такъ холодно будетъ. Купили въ Мукденѣ бѣлой бумаги и ею сплошь оклеили окна и дверь, предварительно оборвавши прежнюю газетную обклейку. Вообще уборка была генеральная; даже паутину снимали; точно къ Свѣтлому празднику готовимся. Не нарадуемся теперь: такъ стало въ фанзѣ свѣтло. Къ вечеру все окончили и пошли гулять. Приходимъ на „Неву“, длинную версты въ двѣ лужу. Ледъ, какъ стекло: такъ соблазнительно; къ тому же и засидѣлись за непогоду. Ну и рѣшили малость размяться: сбросили съ плечъ кто двадцать, кто тридцать лѣтъ, и пошло катанье на

льду да такое энергичное, что матушка „Нева“ стонала. Утѣшеніе вышло веліе, и гимнастика хорошая.

3-ье—6-ое ноября.

Сегодня поднялись рано (было еще темно): въ 8 часовъ пріѣдетъ главнокомандующій. Онъ объѣзжаетъ войска. Я вышелъ гулять и встрѣтилъ поѣздъ ген. Куропаткина. Благословилъ я издали его вагонъ. Много нужно этому человѣку силъ души и тѣла, чтобы справиться съ возложенной на него трудной задачей. Мнѣ кажется, однѣхъ собственныхъ силъ ему мало, и онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, нуждается въ поддержкѣ Высшей Силы. Особенно нужно молиться за него и просить ему отъ Бога благодати.

Пробѣжалъ поѣздъ. Я еще немного погулялъ. Смотрю: со стороны позицій быстро приближается отрядъ какой-то кавалеріи. Ближе. Что-то лошади какъ-будто малы. Подъѣхали, и я не могъ удержаться отъ смѣха. Это, оказалось, пѣхотные солдаты отвезли на ослахъ хлѣбъ на позиціи и оттуда возвращаются уже верхами, усѣвшись на крупахъ ословъ. Фигура солдата громадная, а оселъ такой маленькій и сѣменитъ ножками быстро-быстро. Зрѣлище получается столь смѣшное, что всѣ невольно хохочутъ.

Генералъ Куропаткинъ верхомъ объѣхалъ нашъ полкъ и благодарилъ два раза:

— „Спасибо, драгуны: работали молодцами!“ говорилъ онъ.

— „Рады стараться“, гремѣло въ отвѣтъ.

Затѣмъ главнокомандующій вызвалъ изъ рядовъ Раскопатина, что бѣжалъ изъ плѣна, и самъ лично приколоlъ къ его груди георгіевскій кресгъ со словами:

— „Именемъ Государя Императора награждаю тебя. Спасибо за молодецкую службу“, сказалъ онъ и поѣхалъ далѣе.

А счастливый новый георгіевскій кавалеръ возвратился въ эскадронъ съ рѣшимостью добыть потомъ второго „Георгія“.

Печь у насъ уже топится. Съ ней какъ-то стало теперь уютнѣе и веселѣе. Такое удовольствіе ее топить: сами бросаемъ гаолянные корешки въ огонь.

Испекли просфоры, а служить 4-го ноября не пришлось. И я самъ виноватъ въ томъ. За обѣдомъ поваръ Ваня подалъ кашу изъ гаоляна. Соскучившись по кашѣ вообще, я и съѣлъ ея цѣлую тарелку и жестоко расплатился за невоздержаніе. Въ желудкѣ получилось такое „ломайло“, что пришлось приняться за горячія бутылки и опіумъ, а назначенную на 4-ое службу отложить.

Рано утромъ 4-го Ксенофонтъ подошелъ ко мнѣ и подалъ телеграмму отъ Великой Княгини Елисаветы Θеодоровны:

„Сегодня 3-го ноября утромъ скончался тихо въ Елисаветинскомъ госпиталѣ въ Харбинѣ ротмистръ Бодиско; сподобился два раза

пріобщиться св. Таинъ. Помолитесь за упокой его души. Не сомнѣваюсь, что Ваши молитвы о его бѣдной семьѣ укрѣпятъ ихъ въ тяжкомъ испытаніи. Помоги Вамъ, Господь! Елисавета".

Какъ громомъ сразила насъ вѣсть о новой жертвѣ. И все выпадаетъ на долю бѣднаго 4-го эскадрона.

Замѣчательно: 30-го октября мы получили извѣстіе, что больному Бодиско лучше, и порадовались. Однако ночью подъ 3-ье ноября я вижу во снѣ, что Бодиско умеръ, и я утѣшаю его супругу. Утромъ, когда я разсказалъ объ этомъ своимъ сожителямъ, то всѣ шутя рѣшили: значитъ, выздоровѣлъ; вѣдь наяву бываетъ наоборотъ. Вдругъ телеграмма, что именно 3-го ноября Бодиско, дѣйствительно, умеръ. Я послалъ его женѣ телеграмму, въ которой, утѣшая ее, мнѣ пришлось невольно повторить то, что говорилъ ей во снѣ.

Сейчасъ же послали въ эскадроны записки съ приглашеніемъ на панихиду по усопшемъ товарищѣ. Господи, до чего тяжелая эта была панихида!

Морозъ; страшный вѣтеръ. Все вокругъ скрипитъ и стонетъ. Мы пріютились около гаолянной конюшни, чтобы хотя немного защититься отъ вѣтра. И вотъ съ завываніемъ бури слилось наше пѣніе погребальныхъ молитвъ. Слезы сами лились у меня. На душѣ тѣмъ болѣе тяжело, что совершенно невозможно здѣсь отслужить св. литургіи.

5-го и 6-го ноября все возился съ желудкомъ. Теперь, слава Богу, оправляюсь.

7-ое ноября.

Всталъ я утромъ и вышелъ изъ фанзы. Не веселая картина кругомъ. Свищетъ холодный вѣтеръ, почти буря. Проволока на телеграфныхъ столбахъ прямо стонетъ. Въ воздухѣ пыль; крутится чумизная солома, гаолянъ. Съ крикомъ кружась и кувыркаясь, носятся стаи воронъ.

Сегодня воскресенье. Первая мысль, что стрѣлою пронзила меня, это—„Господи, и сегодня нельзя помолиться". Немного постоялъ я среди этого хаоса, и вдругъ сразу рѣшеніе вошло въ душу: отслужу хоть молебенъ.

Иду въ свои эскадроны, къ нѣжинцамъ (ихъ 6-ой эскадронъ стоитъ съ нами и держитъ летучую почту), къ саперамъ, штабнымъ, вездѣ спрашиваю, согласны ли по этой погодѣ простоять молебенъ. И къ величайшему моему удовольствію всѣ, какъ одинъ, отвѣчали:

— „Покорнѣйше благодаримъ. Очень даже рады помолиться; вѣстимо, день воскресный... А насчётъ погоды не извольте безпокоиться: въ Рассеѣ-то на Крещенье и не въ такомъ холодѣ молились".

Иду въ обозъ, говорю Михаилу. И въ 11 часовъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ служили панихиду, у гаолянной конюшни, поставили

столикъ, а на него Иверскую икону Богоматери, евангеліе, крестъ. Собралось очень много молящихся. И молебенъ начался.

Что это былъ за молебенъ! Какъ хватили сотни людей едиными устами и единымъ сердцемъ „Воскресеніе Христово видѣвше“, такъ и свистъ, и стонъ вѣтра, и скрипъ деревьевъ, весь этотъ гамъ бури, все пропало: заглушили. Надъ всѣмъ стоялъ одинъ общій кликъ:

— „Іисусе сладчайшій, спаси насъ! Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ. Пресвятая Богородице, спаси насъ!“

И это величаніе святыхъ, молитва и одушевленіе побѣдили стихію. Искренняя радость наполнила все существо мое. Вотъ ужъ не думалъ, что сегодня придется помолиться да еще такъ помолиться. Многіе солдаты молились на колѣняхъ. Пѣли всѣ и все, т.-е. весь молебенъ: и тропарь, и „Господи, помилуй“, и запѣвы.

Вотъ гдѣ особенно познается необходимость и польза общаго пѣнія: оно сильно одушевляетъ, заражаетъ, такъ сказать, молитвеннымъ чувствомъ. Пришелъ человѣкъ на молитву съ холоднымъ сердцемъ. Вдругъ запѣли всѣ. Онъ невольно подтянулъ, присоединился и увлекся общей молитвой. Куда дѣвалась и холодность души?! Все разогрѣлось. Это многіе, очень многіе испытывали.

Участвуя въ общемъ пѣніи молитвъ, солдатикъ изучаетъ чудные церковные напѣвы, начинаетъ любить ихъ и понемножку пѣть и самъ. Однажды темнымъ вечеромъ вышелъ я гулять. Слышу: гдѣ-то вдали „тарахтитъ“ двуколка, и доносится голосъ, поющій „яко Спаса родила еси душъ нашихъ“. Я остановился. Звуки замерли въ темнотѣ; только еще ближе слышенъ шумъ телѣжки. Вдругъ снова пѣніе: „Свѣте тихій“. Кончилъ пѣвецъ и запѣлъ новую пѣснь: „Отъ юности моея мнози борютъ мя страсти“. Поровнялся со мною. Смотрю... Пѣхотный солдатикъ на двуколкѣ возвращается съ позицій; за плечами винтовка; на головѣ башлыкъ. Невольно благословилъ его, а онъ уже проѣхалъ и все поетъ „Святымъ Духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается“. Далеко въ ночной тишинѣ разносился его голосъ; наконецъ, замеръ. Я стоялъ, какъ очарованный, и едва поборолъ волненіе, охватившее меня.

Такъ вотъ, по милосердію Божію, мы помолились. Я даже краткую проповѣдь успѣлъ сказать о воскресеніи. Для чего умеръ и воскресъ Господь, Который, какъ Богъ, могъ и не умирать? Ради насъ, людей, Онъ умеръ и воскресъ. Нѣтъ ничего для человѣка страшнѣе смерти; но, какъ только онъ увѣруетъ во Христа, тотчасъ же этотъ страхъ смерти долженъ исчезнуть, такъ какъ Господь умеръ за грѣхи наши и тѣмъ убилъ смерть; Христосъ воскресъ и всѣхъ насъ воскреситъ и даруетъ въ царствѣ Своемъ жизнь вѣчную. Посему я просилъ воиновъ теперь не бояться уже смерти, а твердо вѣрить въ общее наше воскресеніе, утѣшаться этимъ и приготовляться къ смерти святою жизнью. Не смерти-успенія, а грѣха нужно больше всего бояться, такъ какъ для ожесточеннаго, нераскаяннаго грѣшника

и пробужденіе-воскресеніе будетъ печальнымъ: ему не будетъ мѣста въ Христовомъ царствѣ вѣчной жизни.

Благословилъ всѣхъ крестомъ, поздравилъ съ праздникомъ и спрашиваю:

— „Ну, что, дорогіе, озябли?“

— „Никакъ нѣтъ“, понеслось со всѣхъ сторонъ: „мы очень рады“.

— „Въ такомъ случаѣ и въ слѣдующій праздникъ приходите: отслужимъ молебенъ“.

Солдаты побѣжали и, какъ кроты, полѣзли въ свои землянки, а я пошелъ въ свой дворецъ на канъ отогрѣваться чаемъ. Ксенофонтъ принесъ кипятокъ. Бесѣдуемъ, вспоминаемъ, какъ бывало я приходилъ изъ церкви, а онъ подавалъ мнѣ самоваръ „въ столовую, а не въ такую дрянь, какъ эта фанза: въ Орлѣ-то у меня“, говоритъ Ксенофонтъ: „кухня была въ сто разъ лучше“. Оба смѣемся.

— „А ты“, говорю я: „испеки-ка сегодня просфоры; можетъ-быть, завтра Господь погодку дастъ; такъ мы поѣдемъ въ Тадзеинъ, отслужимъ тамъ св. литургію хоть въ фанзѣ“.

Смотрю.... Ксенофонтъ что-то устремилъ свой взоръ на мою шею. Сердце замерло во мнѣ. Ну, думаю, навѣрно, усмотрѣлъ мой тиранъ, что воротникъ сталъ грязный, и заставитъ меня переодѣваться, несмотря на холодъ. Такъ, дѣйствительно, и случилось.

— „Просфоры-то я испеку“, вдругъ заговорилъ Ксенофонтъ: „а вотъ Вы бѣлье-то, кажется, давно уже не мѣняли. Посмотрите, воротникъ-то на рубашкѣ какой сталъ; да и простыню и пододѣяльникъ перемѣнить пора“.

— „Ахъ, батюшки мои“, говорю: „уже замѣтилъ; вѣдь видишь —холодно: послѣ!“

— „Нѣтъ, какъ хотите, батюшка: грязь хуже холода. Перемѣнить недолго. А то я матушкѣ напишу; вѣдь она наказала мнѣ въ чистотѣ Васъ водить, а вотъ Вы не хотите“.

Пришлось уступить и переоблачиться; а Ксенофонтъ съ торжествомъ забралъ снятое и пошелъ довольный, приговаривая:

— „Что у насъ? мыла что ли нѣтъ? Слава Богу, все есть: сейчасъ и выстираю“.

Такая торговля довольно часто идетъ у насъ съ нимъ. Вѣдь какой! черезъ три дня является и начинаетъ теребить.

Какъ и часто бываетъ, буря сразу прекратилась, и вечеръ, въ противоположность утру, наступилъ совсѣмъ тихій. Взошла луна. На небѣ ни облачка. И мы съ удовольствіемъ погуляли на сонъ грядущій.

8-ое—10-ое ноября.

Утро прекрасное: тихое, солнечное. Ѣду служить св. литургію въ д. Тадзеинъ, пославши туда предварительно Михаила приготовить

для служенія фанзу. Подъѣзжаемъ къ знакомому огороду. Встрѣчаетъ вахмистръ 3-го эскадрона Жучинъ и говоритъ:

— „Батюшка! Погода хорошая: вѣтра нѣтъ; разрѣшите поставить церковь на прежнемъ мѣстѣ; а то въ фанзѣ не всѣ солдаты станутъ".

Я согласился. И еще разъ Господь привелъ отслужить св. литургію съ прежнею торжественностью. Придется ли еще служить зимою?!

Проповѣдь говорилъ о св. архистратигѣ[1]) Божіемъ Михаилѣ. Просилъ воиновъ помнить и твердо хранить въ душахъ своихъ для подражанія слѣдующую отличительную черту изъ святой небесной жизни Архистратига: Его пламенную ревность о славѣ Божіей. Эта святая ревность выразилась наиболѣе въ томъ, что Онъ крѣпко хранилъ вѣру и вѣрность Господу, прославлялъ имя Божіе между небесными силами Своею чистотою, святостью и любовью къ Богу и укрѣплялъ въ томъ же другихъ ангеловъ. Онъ настолько ревновалъ о славѣ имени Божія, что, когда одинъ высшій ангелъ нарушилъ свою вѣрность Господу и сталъ распространять среди ангеловъ клеветы на святѣйшаго Бога, то архистратигъ Михаилъ вознегодовалъ на клеветника, сталъ обличать его и, наконецъ, даже ополчился на діавола[2]). На небѣ произошла великая брань: св. Михаилъ и ангелы Его съ кликомъ: „съ нами Богъ" воевали противъ сатаны[3]) и его ангеловъ-приспѣшниковъ, побѣдили, и діаволъ былъ низринутъ на землю.

Эта борьба была на небѣ. Діаволъ въ ней проигралъ. И вотъ онъ въ великой злобѣ противъ Господа открылъ свою страшную работу на землѣ. По наущенію сатаны и злыхъ его ангеловъ, многіе люди теряютъ вѣру и вѣрность Богу, становятся гордыми, злыми, развратными; они возстаютъ на Господа, нарушаютъ миръ на землѣ, начинаютъ войны, крамолы, возстаютъ противъ помазанника Божія, Царя, научаютъ другихъ не слушаться его законовъ и готовы все ниспровергнуть, не умѣя въ то же время ничего создать.

Дорогіе воины! Берегитесь этихъ людей, не слушайтесь ихъ навѣтовъ, а, наоборотъ, памятуя о св. архистратигѣ Михаилѣ и призывая Его на помощь, будемъ здѣсь на землѣ, какъ Онъ на небѣ, всѣми силами существа нашего ревновать о славѣ имени Божія. Посему будемъ крѣпко хранить вѣру и вѣрность Творцу и Спасителю нашему, Богу! будемъ прославлять имя Его между людьми молитвами, славословіями и нашею доброю святою жизнью! не будемъ не только слушаться крамольниковъ, но, наоборотъ, постараемся образумить ихъ, обличить, привлечь къ послушанію Богу и Царю; а, если не пожелаютъ, то безъ укрывательства и послабленія отдадимъ ихъ въ руки правосудія! Подражая далѣе св. Михаилу и ангеламъ Его, пойдемъ

1) „Архистратигъ"—слово греческое, значитъ *главнокомандующій, военачальникъ.*

2) „Діаволъ"—слово греческое, значитъ *клеветникъ.*

3) „Сатана" значитъ то же, что и „діаволъ".

съ молитвой и кликомъ: „съ нами Богъ“ противъ враговъ нашихъ, которые подъяли на насъ мечъ, не объявивши даже войны, и храбро будемъ бороться съ ними, не жалѣя силъ своихъ и даже самой жизни! Да понесутъ враги заслуженное ими наказаніе за гордость свою, какъ и Господь сказалъ: „Поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ“.

Послѣ литургіи я отслужилъ панихиду по новопреставленномъ воинѣ Александрѣ (ротм. Бодиско), предварительно попросивши всѣхъ поусерднѣе помолиться о упокоеніи души его.

Пока разбирали и укладывали церковь, я попилъ чайку въ 5-мъ эскадронѣ; отъ обѣда же отказался, торопясь домой.

9-го и 10-го ноября погода была такъ хороша, что не хотѣлось итти въ фанзу, и я нагулялся на нѣсколько дней впередъ.

Съ грустью попрощался сегодня со своей бѣленькой лошадкой; пришлось отправить ее въ эскадронъ: совсѣмъ почти ослѣпла.

Завтра думаю ѣхать съ церковью въ Мукденъ: хочу отслужить и тамъ литургію. Вѣдь въ Мукденѣ находится часть нашего обоза и всѣ чиновники штаба 17-го корпуса, т.-е. казначейство, контроль, почта, телеграфъ, интендантство съ своими обозами.

11-ое—13-ое ноября.

Прошло нѣсколько дней, а записать нечего: такъ однообразна теперь наша жизнь. Японцы напали было на ген. Ранненкампфа, но понесли большія потери и совершенно отбиты. По всей линіи ежедневно идетъ рѣдкая стрѣльба, но ею никто изъ насъ не интересуется.

Собирался ѣхать служить въ Мукденъ, но желудокъ снова забунтовалъ, и я три дня просидѣлъ въ фанзѣ. Теперь оправляюсь.

Въ пятницу 12-го ноября иду тихонько по биваку. Подходитъ солдатикъ и убѣдительно проситъ дать ему въ землянку иконочку: „потому безъ образа какъ-то на душѣ непокойно“. Грустно мнѣ было, но за неимѣніемъ отказалъ. Шейные образки у меня есть въ запасѣ, а бумажныхъ большихъ нѣтъ. Со скорбью поплелся я въ свою фанзу. Но Господь помогъ совсѣмъ неожиданнымъ способомъ.

12 часовъ дня. Писарь несетъ почту. Разсматриваю полученныя газеты. Три номера „Русскаго Инвалида“, и въ каждомъ „Каталогъ церковныхъ вещей“ Виталіева и Слонова со множествомъ напечатанныхъ иконъ и крестовъ довольно порядочнаго размѣра. Вотъ я взялъ да и вырѣзалъ ихъ оттуда. Получилось 157 иконъ и крестовъ, которые я освятилъ, а потомъ ходилъ по своему „приходу“ и разносилъ ихъ по землянкамъ. Хватило всему полку, и радость была общая. Невольно сказалъ я большое спасибо г. Слонову. Навѣрное, онъ и представить не могъ, чтобы его каталогъ могъ послужить такую службу воинству.

Погода все время была неровная, но въ общемъ хорошая. Морозъ градусовъ въ 10—12. Солдаты наши открыто выражаютъ свое удовольствіе, что и сытно имъ, и одѣты хорошо, и въ землянкахъ очень тепло. На дрова пилятъ растущія близъ строеній деревья; при чемъ, если удается найти хозяина, ему платится за дерево два рубля. За покупкой чумизы приходится уже ѣздить верстъ за сорокъ въ сторону; здѣшнюю съѣли. До сихъ поръ ни въ чемъ еще недостатка не терпѣли; можетъ-быть, Господь поможетъ, такъ и прозимуемъ.

Заглянулъ я какъ-то въ землянку Ксенофонта. Полно̀ пару: топится печка, и онъ стираетъ бѣлье. Рядомъ лежитъ завѣтный утюжокъ: гладить—это его страсть. Забрался я къ нему. Теплынь такая, что можно даже вымыться безъ риска простудиться.

— „А что, батюшка", говоритъ Ксенофонтъ: „видите—тепло, воды горячей много; не вымыть ли *намъ* голову? Вы тутъ и обсохнете, а то въ фанзѣ-то у васъ холодно".

Въ нашей фанзѣ, дѣйствительно, несравненно холоднѣе, чѣмъ въ землянкѣ. Я согласился и отлично вымылъ голову.

Потѣха бываетъ, когда Ксенофонтъ получитъ письмо отъ Ивана Арсеньевича [1]). Онъ не только прочтетъ, но и похвалится своимъ счастьемъ съ друзьями. Вотъ по бивaку и пойдетъ: „Ксенофонтъ Самосюкъ отъ *генерала* письмо получилъ изъ Расеи".

И суббота пришла: пролетѣла недѣля. Господи, хоть бы намъ завтра удало̀сь помолиться! Морозы все крѣпчаютъ. Стало больше попадаться въ плѣнъ японцевъ. Видно, морозъ имъ не по вкусу.

14-ое и 15-ое ноября.

Тревожно прошла ночь. Внезапно поднялась страшная буря. Постоянно казалось, что вотъ-вотъ разлетятся вдребезги всѣ наши окна, дверь. Утромъ, когда вышелъ изъ фанзы, едва не свалился. Вѣдь вотъ горе: другое уже воскресенье буря. Болѣе часу ходилъ я по бивaку, искалъ мѣстечка для молебна, гдѣ было бы хоть немного тише; но не нашелъ. Сила вѣтра такова, что не только икону, но даже и столъ несетъ; стаи воро̀нъ, несмотря на всѣ усилія, не могутъ летѣть противъ вѣтра. Грустно, но пришлось службу отложить.

Къ вечеру немного утихло, и я получилъ возможность погулять: посѣтилъ всѣ свои любимыя мѣста, т.-е. полотно желѣзной дороги и за нимъ дорожку, и обошелъ деревню.

У насъ теперь и магазинъ есть свой: маркитантъ какой-то въ свиномъ хлѣву открылъ торговлю. Я подошелъ, спросилъ краснаго вина „удѣльнаго". У насъ это вино сто̀итъ 80 коп.—1 р., а здѣсь онъ запросилъ 4 р. 50 копеекъ. Ну я пожелалъ самому торговцу

[1]) Рождественскаго, тогда инспектора Ломжинской гимназіи.

пить его на здоровье и отправился къ большой толпѣ солдатъ, окружившихъ китайскую арбу.

Стоитъ арба. На ней мѣшокъ съ грушами и пять китайцевъ. Кругомъ солдаты съ ружьями (конвой).

— „Что за люди?“ спрашиваю.

— „Да вотъ, батюшка“, отвѣчаетъ старшій: „видите—лежитъ небольшой мѣшокъ съ грушами? Это они будто торгуютъ, пять-то человѣкъ у одного мѣшка, и ѣдутъ на самыя позиціи, именно туда, гдѣ пушки наши, чтобы сосчитать ихъ. Надоѣли они намъ страсть! Это—японскіе шпіоны“.

А „шпіоны“ сидятъ себѣ съ самымъ равнодушнымъ видомъ, хотя отлично знаютъ, что̀ ожидаетъ ихъ.

Дѣйствительно, за деньги многіе китайцы усердно служатъ японцамъ: стараются подъ видомъ торговли поближе подойти къ позиціямъ, высмотрѣть, сосчитать, что нужно, и потомъ фонарями и флагами передать добытыя свѣдѣнія непріятелю. Теперь имъ трудно стало работать: постоянно ихъ ловятъ.

15-го утромъ вѣтеръ тише, но морозъ большой. Заложили двуколку, и мы съ подполк. Чайковскимъ поѣхали въ 10-ый корпусъ отслужить панихиду по убитомъ офицерѣ Елецкаго пѣхотнаго полка Залѣсскомъ. Бѣдный юноша! онъ только что былъ выпущенъ въ офицеры, въ концѣ сентября пріѣхалъ въ полкъ, а 4-го октября уже убитъ.

Пріѣхали въ штабъ 10-го корпуса. Къ намъ присоединился ген. Цуриковъ, и мы поѣхали къ могилѣ. Недалеко отъ дороги, около китайской деревушки небольшой четырехугольникъ земли обрытъ канавой и обсаженъ елками; внутри рѣшётка съ дверкой, а за рѣшёткой двѣ могилы. Очень хорошо обдѣланы. На нихъ дубовые кресты. Это лежатъ офицеръ Залѣсскій и рядовой пѣхотнаго полка, боевые товарищи. Я былъ пораженъ, какъ чудно обдѣланы могилы. Казалось, здѣсь была сама любящая родительская рука и укладывала каждый кусочекъ земли, садила каждую елочку. Это все заботы дорогого нашего бывшаго командира, ген. Цурикова. Дай, Богъ, ему здоровья!

Отслужили панихиду. Не хотѣлось уходить изъ этого тихаго уголка. Особенное чувство въ душѣ возбуждаютъ здѣсь могилы! Хочется ихъ цѣловать, будто тамъ лежатъ самыя дорогія близкія существа. Стоимъ.

— „Отслужились честно Царю земному“, со вздохомъ говорятъ мои солдаты.

— „А теперь“, продолжаю я: „они, какъ мученики, первыми стоятъ у престола Царя Небеснаго и служатъ Ему съ небесными силами“.

Однако морозъ сильно сталъ пощипывать. Пора домой; и мы потихоньку поѣхали. Проѣзжаемъ массы землянокъ. Цѣлыя села!

Расположены онѣ рядами, наподобіе улицъ; издали производятъ впечатлѣніе могилъ.

16-го была порядочная стрѣльба. Погода хорошая; только очень холодно; думаю, градусовъ 15 было. Я одѣтъ тепло и много гулялъ. Послѣ обѣда послалъ Михаила въ д. Тадзеинъ сказать эскадронамъ, что завтра я пріѣду къ нимъ служить. Радостный вернулся Михаилъ; бѣжитъ ко мнѣ.

— „Что ты?“ спрашиваю.

— „Да какъ же, батюшка? Въ 3-мъ эскадронѣ солдаты устроили баню, какъ слѣдуетъ, съ паромъ и приглашаютъ завтра Васъ мыться. Вотъ радость-то!“ отвѣчаетъ.

Дѣйствительно, пріятно услышать такую вѣсть: вѣдь съ 24-го іюня не были въ банѣ и мылись, какъ попало.

У насъ теперь фанза стала *воинственная*: по случаю холодной погоды приказано отпускать солдатамъ по чаркѣ водки, и вотъ нѣсколько ведеръ этой влаги въ четвертныхъ жестянкахъ водворились у насъ; жестянки же эти во всей арміи давно получили прозвище *пулеметовъ*. Вотъ теперь и подшучиваютъ надъ нами посѣтители.

— „Откуда это и для кого у васъ столько пулеметовъ?“ всегда ихъ первый вопросъ.

17-ое—19-ое ноября.

Погодку Господь далъ хорошую. Правда, морозъ и вѣтерокъ; но на чистое небо выплыло яркое солнышко и вступило въ борьбу съ тѣмъ и другимъ. Побѣды полной солнышко не одержало; но все-таки морозъ на половину долженъ былъ смириться.

Съ удовольствіемъ ѣхалъ я въ Тадзеинъ—предстояло двойное утѣшеніе: духовное и тѣлесное. Духовное—сейчасъ буду служить молебенъ, тѣлесное—баня.

Въѣзжаемъ на столь знакомый и ставшій уже дорогимъ сердцу огородъ. Солдаты метутъ; но вѣтеръ на немъ гуляетъ съ порядочной силой. Очевидно, молиться на этомъ огородѣ невозможно: велѣлъ прекратить уборку. Идетъ навстрѣчу ротм. Витковскій. Совѣтуемся и рѣшаемъ, что другого мѣста по погодѣ для молебна нельзя выбрать, какъ между лошадиными стойлами и скирдами чумизы. Здѣсь, дѣйствительно, вѣтра почти не было. Собрали сюда эскадроны, и мы въ полномъ внѣшнемъ покоѣ отслужили молебенъ. Теперь на каждомъ молебнѣ поемъ „Воскресеніе Христово видѣвше“, чтобы этимъ хоть немного восполнить невозможность совершить св. литургію въ воскресный день. Солнышко такъ пригрѣло, что я рѣшился даже побесѣдовать и сказалъ небольшую проповѣдь о необходимости и возможности „спасаться“ и на войнѣ.

Послѣ молебна подходитъ вахмистръ Жучинъ и говоритъ:

— „Батюшка! Баня готова: пожалуйте; а потомъ командиръ эскадрона просятъ Васъ къ себѣ на чай“.

Идемъ мы съ Ксенофонтомъ. Послѣ пришелъ и Михаилъ. На порогѣ бани встрѣчаетъ унт.-оф. Ивановъ, тотъ самый, котораго 17-го іюля на ст. Янтай рельсомъ придавило. Онъ былъ въ полной амуниціи и весь въ поту.

— „Пожалуйте! попарьтесь! Хорошо истопили; воды много. Семенъ! да давай же тазъ скорѣй для батюшки“, кричитъ Ивановъ.

Стрѣлой полетѣлъ Семенъ.

— „Ты выздоровѣлъ, слава Богу!“ говорю я.

— „Точно такъ, батюшка. А доктора-то тогда говорили, что смерть моя пришла; а вотъ Богъ далъ, какъ пріобщился, такъ и сталъ оправляться. Вы мойтесь подольше: для Васъ топили. Мы очень рады. Вотъ вода горячая, вотъ холодная; угару нѣтъ“.

Влетаетъ, запыхавшись, Семенъ съ тазомъ и разорванными штанами на колѣнкахъ.

— „Очинно дюже бѣжалъ съ тазомъ-то: потому батюшка дожидаютъ, и упалъ. Зачинимъ“, съ улыбкой на лицѣ объяснилъ онъ.

Я осмотрѣлся. Старая - престарая фанза вся обставлена гаоляномъ. Окна заложены кирпичомъ. Передбанникъ цыновками отдѣленъ отъ самой бани. Внутри около стѣны сложена печь, и на нее навалена груда камней, которые накаливаются чрезвычайно. На камни льютъ воду, и паръ готовъ. Стоятъ три огромныхъ китайскихъ глиняныхъ чана, ведеръ по 15 каждый; въ нихъ вода. Каны покрыты новыми чистыми цыновками: на нихъ мыться. Жара страшная, и восторгу нашему нѣтъ предѣла, а Ивановъ еще поддалъ приговаривая:

— „Паркỳ-то побольше—это очень даже пользительно“.

Видя мой восторгъ, онъ прямо таялъ отъ удовольствія, и потъ съ него катился градомъ (Ивановъ такъ и не раздѣвался). А я все похваливаю:

— „Ну и молодцы же вы, солдаты 3-го эскадрона: этакую благодать устроили! Дай, Богъ, вамъ добраго здоровья“.

— „Двистительно, совастожили хорошую вещію“, слышу изъ передбанника голосъ Семена: „кажѝнную недѣлю для солдатъ топимъ. На походѣ-то, вѣстимо, гдѣ ужъ чистоту наблюдать? Ну а вотъ, какъ баню-то устроили, нажàримъ,—то-есть всякая, что ни на есть, нечисть паромъ-то отходитъ. Важно!“

Словомъ, преинтересные велись во время мытья разговоры. Наконецъ вымылись. Напарился я такъ, что едва добрелъ до фанзы Витковскаго, гдѣ пилъ чай и обѣдалъ. Дà, спасибо 3-му эскадрону. Вотъ мастера-то! Солдаты мои тоже въ востòргѣ.

18-го ноября ходилъ пѣшкомъ въ Суютунь, носилъ письма. 19-го съ утра, на протяженіи фронта 10-го и 17-го корпусовъ, на-

чалась ружейная стрѣльба; и осадныя орудія бухали, не переставая, до глубокаго вечера. Окна наши готовы были выскочить; стѣны нашей фанзы тряслись. Улеглись уже къ полночи: какъ-то съ нервами трудно было справиться.

20-ое ноября.

Съ утра вѣтеръ; но нельзя сказать, чтобъ было холодно. Рѣшаю ѣхать послѣ обѣда съ церковью въ Мукденъ отслужить тамъ всенощную, а завтра св. литургію.

Послѣ чая сижу на канѣ, читаю. Вдругъ за окномъ раздаются крики: „пожаръ! горимъ!“ Сердце такъ и упало. Вѣдь всѣ постройки здѣсь теперь—порохъ: конюшни, шалаши, все—изъ гаоляна; стоятъ скирды чумизы; да и фанзы-то не имѣютъ потолковъ, а прямо гаолянная крыша; загорись она, сразу все провалится внутрь: дай, Богъ, самому выскочить.

Стрѣлой всѣ мы вылетѣли на дворъ. И что же? Огромное пламя рядомъ съ нашей фанзой. Казаки по неосторожности подпалили гаолянъ. Боже мой, что поднялось! Крики, гамъ; лошади носятся; люди растаскиваютъ гаолянъ, несутъ воду. Пламя только на аршинъ не доставало до нашей фанзы. Я бросился къ себѣ, схватилъ вещи и началъ было вытаскивать. Но, благодаря распорядительности командира полка, удалось скоро потушить. Наволновались порядочно.

Пообѣдали и поѣхали: Михаилъ на „другѣ“, а я съ Ксенофонтомъ въ двуколкѣ.

Опять въ Мукденъ... Съ 29-го сентября не былъ. Дорогу выровняли; построили вездѣ хорошіе мосты. Поѣзда идутъ. Тянутся обозы. Выздоровѣвшіе солдаты идутъ къ своимъ полкамъ. На поляхъ много солдатъ: собираютъ остатки гаоляна. Однимъ словомъ, оживленіе полное. Какая разница съ первой половиной сентября, когда здѣсь была пустыня!

Встрѣтили по сторонамъ дороги нѣсколько могилъ съ небольшими крестами. На нихъ чья-то любящая рука повѣсила маленькіе вѣнки изъ красныхъ цвѣтовъ. Они на половину растрепались уже; но какъ ярко выражена ими непритворная любовь! Конечно, всѣ проѣзжающіе крестятся.

Переѣхали желѣзную дорогу. На платформахъ стоятъ восемь осадныхъ орудій: недалеко укрѣпленіе. Вотъ и р. Хунхе; она уже покрыта льдомъ. Столь памятныхъ бродовъ нѣтъ — вездѣ ледяной мостъ. Однако китайцевъ не видать. Ихъ почти совсѣмъ не пускаютъ черезъ рѣку къ позиціямъ: слишкомъ шпіонятъ.

Завиднѣлся Мукденъ, но не строенія его (ихъ мы еще не могли видѣть: городъ стоитъ на равнинѣ); нѣтъ, завиднѣлись городскія стѣны и четырехъэтажныя башни надъ воротами.

Ѣдемъ мимо того мѣста, гдѣ былъ нашъ бивакъ. Какой грустный видъ все имѣетъ теперь! Лучше бы не смотрѣть. Ворота на кладбищѣ и ограда разрушены; деревья всѣ до одного порублены, и китайцы выкорчевываютъ пни. А вѣдь, когда мы жили, была прекрасная роща и густая трава. Теперь же пыль, и стоитъ одинокая грустная каменная черепаха [1]).

На улицахъ Мукдена огромное движеніе, прямо давка. И среди этой толпы рысью ѣдутъ двуколки, скачутъ всадники. Какъ не подавятъ еще людей! Прямо поражаюсь. Только и слышишь крики: „цубо! цубо!“ Торговля въ разгарѣ; но все сильно подорожало.

Смѣшной видъ имѣютъ китайцы зимою. Руки точно обрублены: такъ глубоко ихъ прячутъ они въ рукава; а такъ какъ нельзя же спрятать такую красоту, какъ длинная коса или у женщинъ чуть не трехъэтажная прическа, то, несмотря на холодъ, на голову они надѣваютъ маленькую шапочку, а на уши навѣшиваютъ стеганые ватные треугольнички.

Бѣжитъ маленькій китайченокъ; весь посинѣлъ; въ рукахъ небольшая книжка. Увидѣвши меня, сейчасъ же присѣлъ и кричитъ:

— „Капетана—руски свиченикъ; моя—католикъ, французъ“.

Протягиваетъ мнѣ книжку; оказывается, молитвенникъ. На переплетѣ выбитъ большой крестъ. Напечатанъ по-китайски. Пока я разсматривалъ молитвенникъ, китайченокъ на бѣгу разстегнулъ свою курточку и съ торжествомъ досталъ съ груди довольно большой крестъ и кричитъ:

— „Капетана, моя есть креста“.

Симпатичный мальчишка. Это онъ бѣжалъ въ католическую каплицу молиться.

Пріѣхали въ учрежденія 17-го корпуса. Я помѣстился въ казначействѣ, которое занимаетъ очень хорошій домъ китайскаго мандарина. Домъ этотъ построенъ по типу фанзы; но, во-первыхъ, онъ огромный, а, во-вторыхъ, прекрасно обставленъ внутри. Висятъ довольно хорошія картины; стоятъ полированные столы, кресла, диваны; рѣзныя ширмы прямо-таки чудной работы. На средней стѣнѣ виситъ отлично вытканное шелкомъ *божество изобилія;* картина замѣчательнаго вида: изъ одного туловища выходятъ, начиная съ пояса, три человѣческія фигуры, и отъ нихъ сыплется множество маленькихъ дѣтей.

Нашъ офицеръ Шауманъ, ветеринаръ Алалыкинъ, милые чиновники казначейства, контроля, интендантства, почты и телеграфа встрѣтили меня прямо по-родственному и отъ души радовались, что сегодня и завтра у нихъ будетъ богослуженіе.

[1]) См. рисунокъ черепахи на стр. 106-ой и объясненіе на стр. 74. На спинѣ черепахи стоитъ каменная доска, аршинъ въ 7 высотой, съ надписью. Наверху доски высѣчены переплетающіеся между собою драконы. Черепаха и драконы свирѣпо разинули пасти.

Господи, какое блаженство-то тутъ! Кресла со спинками: можно отдохнуть; на столѣ большой тульскій самоваръ пыхтитъ и свиститъ паромъ; горятъ лампы съ керосиномъ. Вѣдь пять мѣсяцевъ уже всего этого я не видѣлъ.

Сейчасъ же меня усадили, напоили чаемъ; и началось совѣщаніе о службѣ. Домъ огромный: человѣкъ полтораста могутъ стать. Въ восточной части рѣшили повѣсить иконы (иконостасъ): это будетъ алтарь, а остальная часть фанзы для народа. Извѣстили всѣхъ, что въ $6\frac{1}{2}$ часовъ будетъ всенощная.

И вотъ къ этому времени пришла наша обозная команда да чины корпусныхъ учрежденій. Молящихся собралось очень много. Зажгли въ фонаряхъ свѣчи; получилось нѣкоторое подобіе люстры; и всенощная началась. Прекрасно пѣлъ хоръ чиновниковъ. Я самъ читалъ стихиры и канонъ; при чемъ канонъ пѣли на два хора: чиновники „Отверзу уста моя“, а я съ Михаиломъ „Христосъ рождается“. Одушевленіе и восторгъ были общіе.

На богослуженіи присутствовали три сына хозяина мандарина; стояли они въ первомъ ряду и внимательно слѣдили за всѣмъ происходящимъ. Ночевать я остался здѣсь и спалъ на китайскомъ плетеномъ диванѣ, укрывшись теплымъ подрясникомъ. Долго я не могъ уснуть, невольно прислушиваясь къ доносившимся съ улицы звукамъ: какъ отдаленный рокотъ моря, еще шумѣла толпа на улицахъ Мукдена, и звучалъ изрѣдка гонгъ.

21-ое ноября.

Рано проснулся: разбудили меня своимъ крикомъ хозяйскіе гуси, которыхъ множество на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ, а также уличные торговцы своимъ ораньемъ. Китайскіе „купезы“ начинаютъ торговать еще до свѣта. Всталъ я, приготовился къ служенію, разбудилъ Михаила; и мы съ нимъ начали разставлять церковь.

Прежде всего сняли со стѣны китайскихъ боговъ; затѣмъ отдѣлили часть фанзы, повѣсили иконы, царскія врата; я поставилъ походный престолъ. Получилась очень хорошая церковь.

Къ 9 часамъ снова собрались всѣ, и, при томъ же прекрасномъ пѣніи чиновниковъ, я совершилъ здѣсь св. литургію.

Съ улицы доносился шумъ множества голосовъ; въ окнахъ торчали головы любопытныхъ китайцевъ. Невольно какъ-то пришла на умъ жизнь древнихъ христіанъ, какъ въ первые вѣка христіанства въ многолюдномъ языческомъ Римѣ собирались въ домѣ кого-либо изъ вѣрныхъ, напр. св. Агнессы, освятить молитвой воскресный день тѣ немногіе, что познали истиннаго Бога. Изъ ихъ устъ лились сердечныя славословія Творцу и Спасителю; ихъ руки приносили

безкровную жертву. Весь обликъ ихъ носилъ печать сосредоточенія, благоговѣнія; а кругомъ на улицахъ Рима шумѣла многотысячная толпа ихъ братьевъ, еще „сидѣвшихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй“.

И вотъ, стоя предъ св. престоломъ, мнѣ думалось, что мы сейчасъ подобны древнимъ. Въ многолюдномъ языческомъ Мукденѣ „малое стадо“ христіанъ собралось прославить воскресшаго Господа, Его пречистую Матерь и принести безкровную жертву о грѣхахъ и немощахъ своихъ. Посмотрите, какое истинное благоговѣніе выражено въ са̀мой ихъ внѣшности, какъ усердна ихъ молитва, какъ одушевлённо ихъ пѣніе! А кругомъ шумятъ и мятутся многія тысячи братьевъ, не знающихъ еще Христа.

Проповѣдь говорилъ по поводу празднуемаго событія (Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы); говорилъ о томъ, какія назиданія можно вывести изъ этого событія для нашего спасенія.

Во-1-хъ, приготовляясь къ величайшему служенію и счастію быть матерью Господа, Пресв. Дѣва съ ранняго дѣтства отдала Себя всецѣло подъ покровъ религіи и при храмѣ такъ воспитала Себя, что теперь Она безъ сравненія славнѣе даже Серафимовъ.

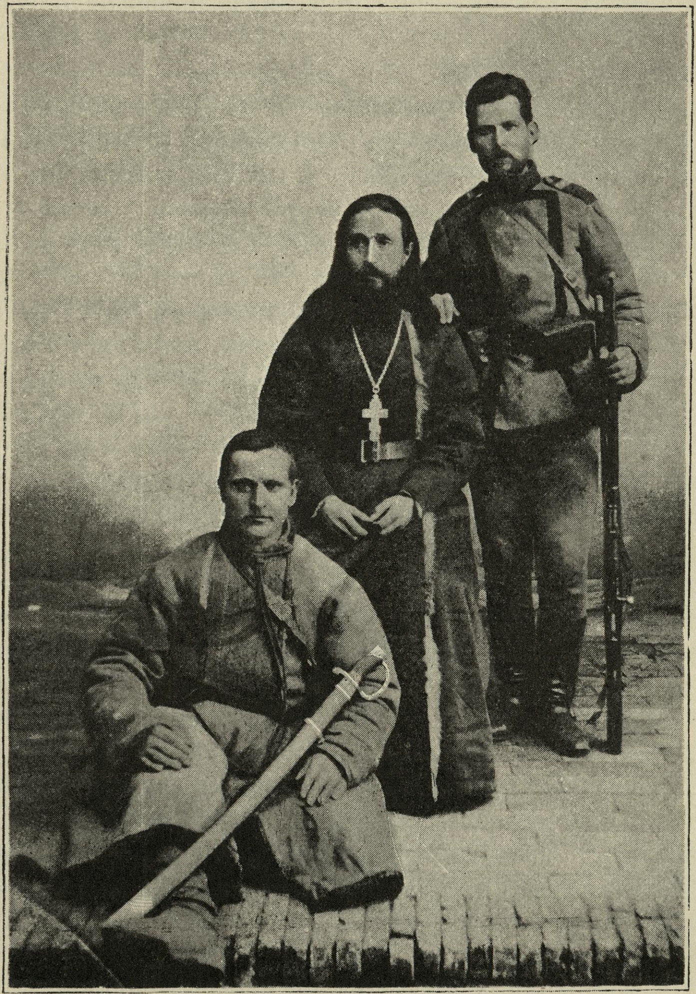
Мы родились на землѣ тоже не для грѣха, а для великаго служенія и счастія прославить имя Господа на землѣ своими добрыми дѣлами и удостоиться вѣчной жизни въ блаженномъ Его царствѣ въ самомъ близкомъ съ Нимъ общеніи. Разумѣется, для этого нужно очень и очень приготовляться; и счастливъ тотъ, кто съ ранняго дѣтства начинаетъ воспитывать свое духовно-тѣлесное существо религіознымъ воспитаніемъ. Поэтому, если кто еще не начиналъ этого, пусть скорѣе займется: время не терпитъ—каждый день приближаетъ насъ къ переходу въ царство Небеснаго Отца, и горе неготовымъ.

Во-2-хъ, Пресв. Богородица достигла великаго прославленія. За что? Она Сама же даетъ на это отвѣтъ: „яко призрѣ на *смиреніе рабы* Своея“.

Да, *смиреніе* — вотъ та сила, которая низводитъ на человѣка благодать Господню и дѣлаетъ плодоносными всѣ честные труды его. Смиренный всего достигнетъ, всему научится, такъ какъ, сознавая немощь свою, не сочтетъ за униженіе попросить руководства у болѣе опытныхъ и знающихъ и не только научится самъ, но и другимъ поможетъ. Смиренный послушливъ „властемъ предержащимъ“, по слову Божію. Онъ не нарушитъ мира, перетерпитъ оскорбленіе, благодарно приметъ обличеніе. Онъ разливаетъ вокругъ себя миръ и благодать.

Вторая сила, спасающая насъ, это—*добровольное рабство*, послушаніе Богу и Его волѣ, Его закону. Теперь всё говорятъ о *свободѣ*, вѣрнѣе о *произволѣ*. Но эта грѣховная свобода, именно, и ввергаетъ душу въ страшное рабство діаволу, грѣху. Если же человѣкъ вседушевно покорится Господу, полюбитъ Его и поставитъ

себѣ исполненіе Его закона въ необходимость, то такой человѣкъ непремѣнно освободится отъ внутреннихъ враговъ, пріобрѣтетъ миръ души. Внѣшнія непріятности и скорби не повергнутъ его въ отчаяніе; почести не приведутъ къ тщеславію. И онъ будетъ истинно великъ и свободенъ.

Три друга: о. Митрофанъ, Ксенофонтъ (сидитъ) и Михаилъ.

Посему просилъ слушателей поспѣшить воспитаніемъ душъ своихъ подъ руководствомъ религіи, поспѣшить стяжать столь необходимыя для спасенія главныя добродѣтели христіанина: *смиреніе* и добровольное *подчиненіе* себя Божіей волѣ.

Окончилось богослуженіе; отслужилъ еще два молебна: Пресв. Богородицѣ и св. Александру Невскому. И грустная дѣйствительность снова передъ нами: война, чужбина, одиночество...

Какъ всѣ мы были невыразимо счастливы, что удалось съ такимъ торжествомъ отпраздновать великій праздникъ! Убѣдительно просили меня пріѣхать 4-го декабря. Дай, Господи, дожить до этого дня въ мирѣ и здоровьѣ! Вѣдь здѣсь единственное истинное счастіе—это помолиться, отслужить св. литургію.

Вышли молящіеся. Разбираемъ церковь. А милые хозяева засуетились уже съ самоваромъ: „вѣдь надо попоить батюшку чайкомъ".

Попили чаю; а солдаты мои уже пристаютъ:

— „Батюшка! Что же сниматься-то? Не раздумайте, пожалуйста".

Вѣдь вотъ все упрашиваютъ меня сняться съ ними. Соглашаюсь. Чиновники дали намъ провожатаго, и мы отправились въ китайскую фотографію, гдѣ китаецъ и снялъ насъ втроемъ.

Весь изволновался я, пока мы доѣхали обратно до казначейства. Каждую минуту мнѣ казалось, что вотъ сейчасъ мы задавимъ снующихъ прямо подъ колесами двуколки китайцевъ. Всѣ мы постоянно кричали: „цубо, цубо". Но это не особенно помогало. Наконецъ добрались, и прямо къ обѣду, да какому!.. Откуда-то икру достали, рыбу кету изъ Амура въ родѣ нашей семги; былъ куриный супъ, котлеты.

Однако, какъ ни хорошо въ гостяхъ, а время отправляться домой: пошелъ уже 3-ій часъ, а впереди еще 15 верстъ дороги. Съ утра погода была тихая и 5° мороза; а съ полудня вдругъ поднялся сильный и холодный вѣтеръ.

Поѣхали. Тучи пыли и песку гнались за нами. Я поминутно напоминалъ Михаилу и Ксенофонту тереть уши. Всё мечтали, какъ по пріѣздѣ будемъ грѣться чайкомъ. Переѣхали желѣзную дорогу. Вдругъ бухъ-бухъ-бухъ—донеслись звуки пальбы.

— „Сражаются. Слышите?" говорю.

— „Это пушки прогрѣваютъ", смѣются солдаты.

Наконецъ пріѣхали, слава Богу. Наступилъ вечеръ. Топимъ печь. Попонами и накидками завѣсили окна и даже стѣны съ той стороны, откуда дулъ вѣтеръ: сквозь саманъ немного продуваетъ. Надѣли шлемы и улеглись.

22-ое ноября.

Вѣтры здѣсь положительно донимаютъ. Если бы не они, то совсѣмъ легко переносилась бы зима, такъ какъ манчжурское солнце и зимою теплое. Всю ночь и весь день завывала буря, да еще съ сѣвера. Конечно, сидимъ дома. Я пишу, намазавши руки вазелиномъ.

Скрипнула дверь. Входятъ два солдата. Одинъ грустный, а другой прямо плачетъ:

— „Батюшка! Мы къ Вамъ. Получили письма. Умерли наши отцы: отслужите панихиду".

Какъ говорится, одно горе не бываетъ—ведетъ за собою и другое. Воюютъ: дай, Богъ, это-то смиренно вытерпѣть; а тутъ еще смерть близкихъ.

— „Ну, пойдемте", говорю: „восплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ. Но и среди воздыханій не забудемъ сказать: благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ".

Присоединился и Михаилъ, тоже грустный и со слезами: у него также только что умеръ отецъ. И мы пошли сначала на огородъ, гдѣ всегда служимъ. Но тамъ не было возможности стоять: холодно. Вернулись на свой бивакъ, и, пріютившись между конюшней и скирдой чумизы, я отслужилъ панихиду. Пѣлъ я почти одинъ: мой пѣвецъ и богомольцы все время, стоя на колѣняхъ, плакали.

Да, много набралось уже пережитыхъ картинъ, такъ что, когда вспомнишь ихъ, слеза навертывается; не изгладятся онѣ изъ памяти, вѣроятно, до гроба.

Вотъ когда я понялъ, какъ чу́дно, невыразимо чудно содержаніе священной Псалтири, и какъ оно утѣшительно! Какъ будто святые писатели сейчасъ видятъ нашу жизнь и даютъ каждый разъ нашей немощи совѣты относительно того, какія мысли и чувствованія мы должны испытывать и какія молитвы возносить Господу по поводу переживаемаго нами.

А содержаніе нашего богослуженія? Только здѣсь многіе познали его и перечувствовали. Отъ нѣсколькихъ лицъ уже слышалъ:

— „Какія дивныя молитвы! Какъ прекрасно! Неужели и всегда онѣ читаются и поются?"

Конечно, всегда. Но раньше душа не тѣмъ была занята: заботы и забавы міра сего поглощали всю жизнь, все вниманіе. Не до молитвъ тогда было! А теперь горе образумило и всему научило: и вѣрѣ, и молитвѣ, и вниманію. Слава Богу за все.

Вернулся въ фанзу и опять скорѣй на свой канъ. Такъ до вечера я и просидѣлъ. Завтра память святителя Митрофанія, моего ангела. Хотя бы Господь помогъ отслужить св. литургію! Подъ вечеръ одѣлся потеплѣе и пошелъ на свою дорожку служить утреню. Пропѣлъ тропарь и величаніе св. Митрофанію. А передъ глазами такъ и стоитъ моя орловская церковь: полна народа, горитъ огнями, я читаю стихиры и канонъ, Оля едва успѣваетъ продавать [1]) свѣчи...

А сейчасъ я одинъ. Кругомъ ни души. Остановлюсь—тишина: даже не стрѣляютъ. Свой голосъ кажется страннымъ. Ну, ничего. Слава Богу за все.

[1]) Ольга Владимировна, супруга о. Митрофана, въ буднишніе дни исполняла въ орловской полковой церкви обязанности ктитора (церковнаго старосты). Это дѣло, какъ знакомое ей, она, съ соизволенія августѣйшей Настоятельницы, приняла на себя и въ московской Обители Милосердія.

Часовъ въ 9 выхожу опять на улицу. Темь страшная. Смотрю—зарево пожара у позицій: два огромныхъ столба пламени взвиваются къ небу. У меня почему-то сразу мелькнула мысль:

— „Это въ Тадзеинѣ горятъ наши эскадроны".

Но другіе отвергали:

— „Это", говорятъ: „охотнички пѣхотные у японцевъ нашалили".

Однако моя оказалась правда. Это былъ пожаръ въ 3-мъ эскадронѣ: сгорѣлъ отъ неизвѣстной причины запасъ гаоляна. Несчастій съ людьми и лошадьми не было. Ложусь.

23-ье—25-ое ноября.

Рано проснулся. Что-то плохо спалъ. Досталъ икону св. Митрофанія и пошелъ на бивакъ къ своимъ солдатамъ. Размели мѣстечко на огородѣ, достали палатку, въ которой мы раньше жили, и разставили ее. Въ ней я приготовилъ походный престолъ, положилъ на него св. антиминсъ, поставилъ иконы: полковую и св. Митрофанія, постлалъ на землю вмѣсто ковра попону—вотъ и церковь! Настоящую же походную церковь не рѣшились разставить: слишкомъ промерзла земля, да и ломаются иконы отъ мороза.

Погода прекрасная. Морозъ небольшой. Я облачился и отслужилъ св. литургію. Пѣлъ Михаилъ; Ксенофонтъ подавалъ кадило, да одинъ саперный солдатикъ молился. Радъ я былъ невыразимо, что отслужилъ. Здѣсь вѣдь живешь и не знаешь, гдѣ завтра будешь. На молебенъ пришли ген. Степановъ и командиръ полка.

Иду въ свою фанзу; нарочно стараюсь не думать о томъ, какъ въ прежніе годы проводилъ я этотъ день своихъ именинъ. Причина понятна.

Ксенофонтъ подалъ кипятокъ. Открывается дверь; входитъ Поля [1]). Поздравилъ меня. Вотъ и я съ роднымъ человѣкомъ въ день ангела,—день, который я смолоду привыкъ чтить, какъ и 7-ое августа.

Впрочемъ, по правдѣ сказать, всѣ мои сожители по фанзѣ совершенно по-родственному привѣтствовали меня и даже потихоньку отъ меня устроили мнѣ угощеніе, настоящій именинный обѣдъ: небольшой пирогъ, щи изъ китайской капусты, караси жареные въ настоящемъ маслѣ и вмѣсто сметаны облитые консервированнымъ молокомъ, котлеты изъ курицы, бутылка вина бѣлаго и бутылка шампанскаго. Все изъ Мукдена. Однимъ словомъ, оказали мнѣ такую любовь, что я положительно растерялся и не зналъ, какъ благодарить всѣхъ.

[1]) См. стр. 89, прим. 1.

Послѣ обѣда на позиціяхъ поднялась такая канонада, что мы всѣ побѣжали на линію желѣзной дороги смотрѣть. Встрѣтили тамъ нашу общую симпатію китайченка „Ваську“ (прозвище). Онъ состоитъ теперь при 6-мъ эскадронѣ 52-го Нѣжинскаго полка. Конечно, первый вопросъ:

— „Ну что, Васька, какъ твоя коса?“

— „Мало, мало растетъ“, отвѣчаетъ и торжественно снимаетъ шапку.

Дѣйствительно, половина головы уже выбрита, а на остальной части выросли съ вершокъ волосы. Этого Ваську сироту взяли въ г. Ляоянѣ саперы изъ жалости: кормили, одѣвали, научили немного говорить по-русски. Однажды во время сна они отрѣзали ему косу, а утромъ начисто обрили всю голову (это было необходимо по соображеніямъ гигіэническимъ). Когда операція окончилась, то Васька, по его словамъ, хотѣлъ сейчасъ же устроить себѣ „умирайло“: потому что же онъ за человѣкъ безъ косы? Успокоился только тогда, когда его увѣрили, что коса скоро выраститъ и даже будетъ лучше. Вотъ теперь онъ тщательно ее выращиваетъ; однако съ тѣхъ поръ слышать не можетъ имени саперъ и при первой возможности перепросился къ драгунамъ.

24-го и 25-го ноября снова буря и холодъ. Хотѣлъ отслужить общій молебенъ. Немыслимо.

26-ое и 27-ое ноября.

Ночь подъ 26-ое будетъ долго памятна. Улеглись мы довольно покойно. Вдругъ въ 3 часа сразу началась такая канонада изъ осадныхъ и полевыхъ орудій, что фанза наша задрожала. Впечатлѣніе такое, какъ будто среди сна внезапно ударили въ набатъ; только тутъ дѣло было несравненно грандіознѣе. Залпы слѣдовали за залпами, а въ короткіе промежутки между ними, какъ барабанная дробь, переливалась ружейная пальба. Какъ грохнетъ залпъ, то зашуршатъ сначала снаряды (осадные или мортирные), потомъ завоютъ и въ отдаленіи, у японцевъ уже, разорвутся. Ясно слышно.

У меня внутри все дрожало. Это былъ не страхъ. Нѣтъ, вѣдь ужъ не въ первый разъ: попривыкъ. Не знаю, что такое; вѣроятно, чисто нервное состояніе. Боролся съ собою, внутренно давалъ слово быть покойнымъ; но—новый залпъ, и, совершенно независимо отъ моей воли, сердце опять замирало. Думаю, что и ночь способствовала такому состоянію; вѣдь днемъ я совсѣмъ покоенъ. Такъ всѣ мы и не спали до утра. Часовъ же въ семь сразу все прекратилось; только изрѣдка раздавались ружейные залпы.

Пришелъ приказъ изъ корпуса: къ 10 часамъ утра разставить около станціи „Суютунь“ нашу церковь—будетъ молебенъ для войскъ всего корпуса по случаю праздника св. Георгія.

Попили чаю и потихоньку поѣхали къ Суютуню. За ночь выпалъ небольшой снѣжокъ. Морозъ, вѣтеръ; холодно.

Размели назначенное мѣсто и начали разставлять церковь. Страшно было трудно: земля замерзла — колья ломались. Пришлось сначала пробивать желѣзнымъ ломомъ гнѣзда. Вѣтеръ рветъ и треплетъ палатку, иконы. Руки коченѣютъ. Наконецъ, съ невѣроятными усиліями поставили-таки церковь, и потомъ я цѣлый часъ трепеталъ за ея существованіе.

Съ яростью бросался на нее вѣтеръ; летѣли хлопья снѣгу, пыль. Трещали веревки; гнулась наша церковка. Казалось, вотъ-вотъ она рухнетъ. Но Господь все продолжалъ благословлять со своей иконы, и крестъ наверху непоколебимо стоялъ. Обошлось благополучно.

Я достаю облаченія, приготовляю св. воду. И невольно пришло въ голову сравненіе. Давно-давно уже стоитъ во вселенной св. Церковь Христова. И за эту долгую жизнь какіе только вѣтры невѣрія не старались разрушить ея!

Вотъ внѣшнія гоненія за вѣру, когда цѣлыя столѣтія лилась кровь мучениковъ и мученицъ, падавшихъ подъ ударами меча, терзаемыхъ звѣрями, сжигаемыхъ, распинаемыхъ на крестахъ; когда въ потокахъ этой крови сатанинская и людская злоба, невѣріе и развратъ мечтали утопить Христа и Его Церковь. Но мечты ихъ остались мечтами, и на орошенной святою кровью почвѣ Христосъ еще болѣе прославился, и еще крѣпче стала Его Церковь.

Затѣмъ пошли времена ересей, наплывъ пороковъ и соблазновъ, вòлны средневѣковой суевѣрной тьмы и новѣйшаго раціоналистическаго и безразсуднаго невѣрія, золотой телецъ и внѣшняя цивилизація, прикрывающая дикость духа человѣческаго лоскомъ внѣшняго развитія и кажущагося прогресса, и многое-многое др. Все это, какъ стоглавая гидра или свирѣпая буря, „собрашася вкупѣ“, бросилось и до сихъ поръ бросается на Господа Христа и Его святую Церковь, мечтая разрушить вѣковые устои религіи, спустить съ цѣпи дикія страсти и даровать вселенной *рай*, а въ сущности *адъ кромѣшный*, даровать еще *свободу*, а на дѣлѣ *необузданный произволъ*, т.-е. полный разгулъ мысли, чувства, воли и тѣла человѣческаго.

Мечтаютъ и вѣрятъ безумцы, что уже сочтены дни Христовой религіи и Церкви. Но Христосъ Господь долго терпитъ людскому неразумію и грубости, жалѣетъ и не перестаетъ благословлять вселенную своею благодатію, призывая всѣхъ къ покаянію и вѣчной жизни подъ руководствомъ св. Церкви, которая все продолжаетъ стоять и сіять среди житейскаго моря, какъ спасительный маякъ, для гибнущихъ въ суетѣ суетъ. Еще имѣются на землѣ у Господа тысячи тысячъ смиренныхъ и вѣрныхъ рабовъ Его, членовъ св. Церкви, которые не преклонили колѣней предъ Вааломъ.

Замечтался я, а самъ все хлопочу, бѣгаю. Нужно скорѣе кончать. Изъ-за полотна желѣзной дороги уже доносятся звуки музыки;

слышу мой любимый маршъ. Идетъ пѣхотный полкъ; впереди несутъ большое знамя съ крестомъ и играютъ этотъ маршъ, грустный такой. Услышалъ я его, и замерло сердце. Едва удержался я отъ слезъ, когда вспомнился при этомъ одинъ изъ дней страшнаго боя у Шахе. Тогда я видѣлъ это же знамя идущимъ въ бой. Такъ же, какъ и сейчасъ, среди рева только не бури, а канонады заслышалъ я звуки этого марша. Накрапывалъ дождь; солнца не было видно. Природа грустила, что живая. Смотрю... Колышется знамя, а за нимъ стройно, сомкнутыми рядами, въ ногу идетъ славный полкъ. Куда? Въ атаку, на новую Голгоѳу... Странное чувство тогда вдругъ наполнило душу мою: и грустно было на сердцѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ страшно тянуло слиться съ воинами, этими мучениками, въ одинъ организмъ, вмѣшаться въ ихъ ряды и итти, итти туда, откуда, можетъ-быть, думалъ я, уже не будетъ возврата.

И вотъ эти звуки сегодня снова донеслись до меня: снова воскресли въ памяти ужасные сентябрьскіе и октябрьскіе дни, и снова предъ глазами это знамя. Оно уже окружено теперь героями, георгіевскими кавалерами, и вмѣстѣ съ ними стало предъ иконою Христа засвидѣтельствовать вѣрность воиновъ присягѣ, долгу, воздать благодареніе Господу, помогшему имъ быть мужественными, терпѣливыми.

Да вѣдь Богъ могъ не допустить войны? Могъ, но Онъ попустилъ этотъ страшный судъ земной, и мы должны, подобно св. Побѣдоносцу Георгію, хотя бы умереть, но честно выполнить долгъ нашъ. Хватитъ еще въ вѣчности времени, когда откроются причины всѣхъ причинъ; откроется тогда и причина, почему Господь попустилъ эту войну. А теперь: Господи Іисусе Христе, спасай насъ! Пресвятая Богородица, помогай намъ! Св. Георгій, молитвами Твоими поддержи въ насъ вѣру и вѣрность Богу, Царю и отечеству даже до смерти!

Со всѣхъ сторонъ несутся звуки музыки. Идутъ полки за полками, кромѣ дежурныхъ частей, что занимаютъ окопы. Собираются къ церкви знамена и штандарты, при чемъ у каждаго знаменоносца и штандартнаго унтеръ-офицера на груди св. икона, благословеніе Государя и августѣйшихъ шефовъ. Пришли пять священниковъ, и молебствіе началось. Служили „по-скору". Затѣмъ парадъ войскамъ: сначала шли георгіевскіе кавалеры всего корпуса, за ними полки. Величественное было зрѣлище. Съ парада „кавалеровъ" пригласили въ баракъ у станціи Суютуня и угостили обѣдомъ. А мы поскорѣе опять за работу: разобрали и уложили церковь. Я порядочно прозябъ и потому домой пошелъ пѣшкомъ, чтобы разогрѣться.

Вечеромъ во время прогулки встрѣтилъ цѣлый баталіонъ запасныхъ. Идутъ на пополненіе 3-ьей дивизіи. Я вмѣшался въ ряды: хотѣлось провѣрить состояніе ихъ духа. Вѣдь пишутъ, что они угнетены. Оказалось обратное: бодро шагаютъ, шутятъ между собою.

Съ удовольствіемъ я съ ними прошелся. По дорогѣ вели разговоры о прошломъ урожаѣ, о войнѣ, о японцѣ. Высказывались пожеланія „хоть бы къ веснѣ-то *его* прикончить и къ рабочей порѣ домой оборотиться". Какъ-то легче, бодрѣе стало на душѣ, поговоривши съ ними.

28-ое—30-ое ноября.

Входитъ рано утромъ Ксенофонтъ и говоритъ мнѣ потихоньку:

— „Батюшка! Полежите еще, погрѣйтесь. Сегодня очень холодно: 18° мороза".

— „А вѣтеръ есть?" спрашиваю.

— „Нѣтъ, тихо", отвѣчаетъ.

— „Тогда скажи Михаилу, чтобы извѣстилъ всѣхъ: будетъ молебенъ въ 10 часовъ. Богъ дастъ, какъ-нибудь отслужимъ; вѣдь сегодня воскресенье".

Встали. Я вышелъ на улицу, иду къ сапернымъ землянкамъ. Тамъ живутъ нѣкоторые изъ особенно мною любимыхъ солдатиковъ; хочу самъ сказать имъ о молебнѣ; они всегда такъ рады бываютъ. Нарочно выбираю мѣста, гдѣ снѣжокъ: такъ пріятно хруститъ онъ подъ ногами, а, главное, напоминаетъ о прошломъ... Какъ я любилъ гулять зимой въ моемъ садикѣ! Ну, довольно...

Однако морозъ сильно хватаетъ за уши. Что-то въ суетѣ мои саперы. Спрашиваю унтеръ-офицера.

— „Прощайте, батюшка", съ грустью говоритъ онъ: „уходимъ; насъ переводятъ на другое мѣсто. Очень даже прискорбно: привыкли мы къ Вамъ".

Да, по правдѣ сказать, и мнѣ страшно грустно съ ними разстаться; вѣдь три мѣсяца мы были вмѣстѣ, и они особенно усердно посѣщали наши богослуженія.

Подходитъ подъ благословеніе солдатикъ Авраменко, вынимаетъ изъ-за пазухи самодѣльную деревянную ложку, на концѣ которой отлично вырѣзана рука, сложенная для крестнаго знамени, подаетъ мнѣ и говоритъ:

— „Возьмите, батюшка, на память отъ меня эту ложечку. Самъ сработалъ здѣсь. Я давно хотѣлъ ее подарить Вамъ, да все не смѣлъ, а теперь вотъ уходимъ".

Съ великою радостью взялъ я этотъ дорогой для меня подарокъ и думаю, чѣмъ бы отдарить этого милаго солдатика за его любовь. Вспомнилъ, что у меня есть шнурочекъ аршина въ полтора длиной, сплетенный мною на рогулькѣ изъ шелка въ теплые деньки. Сейчасъ же принесъ и подарилъ его Авраменкѣ. Онъ въ восторгѣ. Однимъ словомъ, мы остались другъ другомъ довольны. Благословилъ я друзей саперъ, простился и пошелъ на обычное наше мѣсто служить молебенъ.

Солдаты уже пришли. Я велѣлъ надѣть на головы шлемы; и начали молиться. Хотя солнышко и ярко свѣтило и даже немного грѣло, но все-таки морозъ сильно безпокоилъ; ни разу такъ холодно не было во время службы.

Колебался, говорить ли проповѣдь. Но затѣмъ рѣшился въ томъ соображенiи, что, если пятью минутами дольше постоять, авось еще не замерзнемъ. Посему въ концѣ молебна немного побесѣдовалъ на евангелiе о званыхъ на вечерю.

Примѣняя къ намъ эту притчу, просилъ слушателей вспомнить, что Царь нашъ Небесный и Отецъ приготовилъ для всѣхъ людей царскiй пиръ въ Своихъ чертогахъ, т.-е. вѣчное, по общемъ воскресенiи и судѣ, блаженство въ царствѣ Своемъ, и чрезъ *совѣсть* человѣческую, *патрiарховъ, пророковъ, законъ*, наконецъ чрезъ *Сына Своего* Iисуса Христа и *Его Церковь* зоветъ всѣхъ людей на это вѣчное блаженство. Когда все будетъ уже готово, и люди воскреснутъ, то окажется, что всѣ приглашены Господомъ на Его вѣчный пиръ, но не всѣ войдутъ. Что же помѣшаетъ?

Много причинъ найдется тогда у людей, которыя не пустятъ ихъ въ вѣчное блаженное царство Божiе. Причины эти—наши грѣхи тѣлесные и духовные: чревоугодiе, блудъ, пьянство, маловѣрiе, худые помыслы, празднословiе, сквернословiе, гордость, зависть, злоба, лѣность... Да развѣ перечтешь всѣ причины, почему люди должны будутъ отказаться отъ удовольствiя попасть на этотъ небесный пиръ? Однимъ словомъ, ничто нечистое не войдетъ въ Божiе небесное царство.

Посему благодарить и благодарить намъ нужно Господа за Его зовъ на вѣчное блаженство и всѣми силами стараться откликнуться на этотъ зовъ, т.-е. достойно приготовить себя къ этому пиру: тѣло воздержанiемъ и цѣломудрiемъ, душу вѣрою, молитвою, покаянiемъ и прочими добродѣтелями христiанина.

Говорю отпустъ. Крестъ держу, завернувши въ ризу. Цѣловать его нельзя: губы прилипаютъ. Такъ обошелъ ряды и благословилъ всѣхъ.

Иду въ фанзу. Въ ней тоже холодно. Сегодня у насъ все замерзло: вода, консервы, лимоны, хлѣбъ. Забрался я на канъ, завернулся поплотнѣе въ шубу, на руки надѣлъ рукавицы и такъ отогрѣваюсь.

Вспомнилось мнѣ, какъ бывало предъ Рождествомъ говорилъ проповѣди, приглашая молящихся умилосердиться и отогрѣть „холодныхъ“. Старался нарисовать картины лишенiй, испытываемыхъ бѣднякам въ холодныхъ жилищахъ; но все это говорилось не по опыту. А теперь? И деньги есть, а въ отношенiи жилища живемъ, какъ послѣднiе бѣдняки: стѣны изъ глины „продувныя“, какъ говоритъ Ксенофонтъ, полъ земляной, въ окнахъ бумага, потолка нѣтъ. Вѣдь и за деньги не построишь сейчасъ себѣ теплаго дома; къ тому же, быть-можетъ, завтра же уйдемъ отсюда.

Топимъ самодѣльную „галкинскую“ печку два раза въ день; а морозъ не слушается и все лѣзетъ къ намъ. Какое блаженство въ это время въ холодномъ жилищѣ огонь! Какъ лѣтомъ при 50-градусной жарѣ холодная вода, казалось, составляла все въ жизни, такъ теперь это „все“ составляетъ огонь. Какъ затопятъ печь да запылаетъ пламя, такъ и потянешься къ нему: и руки, и спину, и бока—все повернешь къ огню нѣсколько разъ. И какъ невыразимо пріятно ощущеніе теплоты, проникающей и разливающейся внутри тѣла! Кажется, положите рядомъ съ печкой груду золота и драгоцѣнныхъ камней и предложите выборъ; каждый безъ колебанія выбралъ бы огонь, теплоту. А золото? Богъ съ нимъ: оно мертво, не грѣетъ.

Невольно улыбаюсь, когда вспоминаю, какъ бывало дома въ Орлѣ встанешь утромъ, посмотришь на градусникъ, увидишь 10° тепла, и это одно уже приводило въ дрожь, будто бѣдствіе какое. А сейчасъ мы были бы счастливы, если бы было 5°. Во время обѣда, прежде чѣмъ ѣсть, посуду ставимъ въ печь; потомъ выхватываемъ оттуда тарелки, перекидываемъ ихъ, какъ блины со сковороды, съ руки на руку, ставимъ на столъ и затѣмъ уже кладемъ мясо и ѣдимъ.

Особенно смѣшно бываетъ у насъ вечеромъ, когда мы ложимся. Начинаются крики: „охъ-хо-хо“, „бррр“, „ай-яй-яй“, „ахъ, батюшки мои“, „охъ, холодно“. Больше всѣхъ кричимъ мы съ адъютантомъ: вѣрно, очень нѣжны. Дѣйствительно, постель—ледъ. Потомъ начинается одѣванье.

— „Вы сегодня во сколько этажей одѣваетесь?“ спрашиваетъ меня адъютантъ.

— „И не сочту никакъ“, смѣясь, отвѣчаю я: „двое чулокъ, двое рейтузъ, рубашка да двѣ фуфайки, шуба мѣховая, теплое одѣяло и на головѣ шлемъ. А Вы?“

— „Нѣтъ, я“, говоритъ онъ: „свое бѣдное тѣло на ночь освобождаю отъ внутреннихъ оковъ, а снаружи кладу на себя три этажа: шубу, теплое одѣяло и бурку, а на голову шлемъ“.

Смѣемся. А валенки со всѣхъ восьми ногъ обычно каждую нóчь отправляются на печку.

— „Ничего, жить можно“—это у насъ всегдашняя присказка ко всѣмъ крикамъ.

Слава Богу: послѣ породнѣе покажутся всѣ холодные.

29-го и 30-го морозъ еще усилился и ночью доходилъ до 20—22°. Соотвѣтственно этому уменьшилась и теплота нашего обиталища. Только и спасаемся, что пьемъ и пьемъ чай, а руки мажемъ глицериномъ.

1-ое декабря.

Морозы все стоятъ большіе, и въ фанзѣ страшно холодно. Я уже хотѣлъ переселяться въ землянку: тамъ гораздо теплѣе. Сегодня

всѣ встали съ насморками, а командиръ полка и адъютантъ даже стали покашливать. Очевидно, жить тàкъ дальше нельзя. Отогрѣвшись немного чайкомъ, мы составили совѣтъ, что дѣлать.

По обстоятельномъ обсужденіи дѣла, постановили слѣдующее рѣшеніе: собрать возможно больше газетъ и оклеить ими стѣны, заложить окна съ сѣверной стороны кирпичомъ, изъ полотна палатокъ сдѣлать потолокъ и полотномъ же раздѣлить фанзу на двѣ половины.

Сейчасъ же позвали неизмѣннаго нашего Галкина, денщиковъ. И работа закипѣла. Послали за кирпичомъ изъ развалившейся ограды. Принесли палатки и газеты. Сшили и скрѣпили англійскими булавками полотнища палатокъ и сдѣлали изъ нихъ потолокъ; стѣны оклеили газетной бумагой; снаружи обложили фанзу навозомъ; окна заложили кирпичомъ и тоже оклеили бумагой; изъ полотнищъ сшили большой занавѣсъ и раздѣлили имъ фанзу пополамъ; изъ пустыхъ ящиковъ устроили второй полъ въ уровень съ канами. Кончили дѣло и затопили печь. Къ вечеру получилось уже нѣсколько градусовъ тепла, и восторгу нашему не было предѣла.

Послѣ обѣда вся наша семья загрустила: проводили одного члена изъ нашего общежитія, подполковника Букрѣева, на житье въ дер. Тадзеинъ. Онъ будетъ тамъ командовать третьимъ дивизіономъ нашего же полка. Какъ горе соединяетъ людей! За эти долгіе мѣсяцы совмѣстной нашей жизни всѣ мы такъ сжились между собою, что образовалась какъ бы одна семья. И вотъ разстаемся. Страшно было грустно.

Я все восхищаюсь нашимъ обновившимся жилищемъ: какъ-то чище и свѣтлѣе стала выглядѣть фанза. Даже иконочки я досталъ и повѣсилъ, а также нѣкоторыя фотографіи; вѣдь это такое утѣшеніе! Да и теплота подбодрила: читать и писать уже можно свободно. Слава Богу!

2-ое и 3-ье декабря.

Морозно попрежнему. Но солнце; и тихо. И я почти цѣлый день на воздухѣ. Здѣсь, если нѣтъ вѣтра, то, какой бы ни былъ морозъ, на солнышкѣ сравнительно гораздо теплѣе. Я всегда пользуюсь подобной погодой, чтобы нагуляться.

Со мной часто гуляетъ одинъ врачъ. И мы о многомъ-многомъ бесѣдуемъ, особенно по вечерамъ подъ звѣзднымъ или луннымъ небомъ.

Сегодня, восхитившись величіемъ окружающей природы, онъ вдругъ говоритъ:

— „Вотъ я училъ когда-то, что земля создана для человѣка. Неправда. Не только человѣкъ, но и сама земля вѣдь есть не что

иное, какъ точка среди міровъ вселенной, или атомъ, и вдругъ такія слова: *для человѣка земля и все, что на ней*. Нѣтъ: или Божественная Мудрость создала эту чудную вселенную для Себя, чтобы утѣшаться, наслаждаться ею, или, какъ чаша воды, наполненная выше краевъ, выливаетъ изъ себя влагу, такъ и Божественная Мудрость отъ полноты Своей произвела все, и иначе не могло быть".

Сущность моего отвѣта состояла въ слѣдующемъ:

Хотя, дѣйствительно, земля и человѣкъ въ необъятной вселенной являются сравнительно не больше, какъ точками, атомами; но нужно имѣть въ виду, что это съ нашей, человѣческой, точки зрѣнія. Будучи сами ограничены пространствомъ и временемъ, мы и все измѣряемъ ими. Для Господа же, въ очахъ Котораго 1000 лѣтъ какъ одинъ день и одинъ день какъ 1000 лѣтъ, Который, какъ безконечный и вѣчный, выше всѣхъ пространствъ и временъ и цѣнитъ сущность вещей, для Господа-то, повторяю, и одинъ человѣкъ, какъ бы ни былъ онъ малъ во вселенной, можетъ быть дороже всѣхъ этихъ видимыхъ огромныхъ міровъ, такъ какъ въ немъ находится духовная сущность, созданная по образу и подобію Божію. Если же такъ дорогъ Господу человѣкъ, то, значитъ, и обиталище человѣка земля, точка среди міровъ, цѣннѣе въ очахъ Божіихъ, чѣмъ солнце и всѣ эти огромныя и блестящія звѣзды. Мнѣ кажется, что, если такъ смотрѣть на дѣло, то землю можно приравнять къ той точкѣ, что составляетъ центръ круга. Огроменъ кругъ; едва замѣтна точка въ центрѣ его. Но какъ она важна по отношенію къ остальнымъ частямъ окружности!

И во всякомъ случаѣ, не ради Своего наслажденія творилъ Господь вселенную. Онъ самъ въ Себѣ имѣетъ всю полноту блаженства и ни въ чемъ не нуждается. Говорить же, что Божественная Мудрость *не могла* не сотворить вселенной, такъ какъ полнота Ея совершенствъ вылилась въ формѣ этихъ міровъ, прямо грѣшно. Ну развѣ можно слова: „не могла не сотворить" прилагать къ *Всемогущему?* Нѣтъ. Безконечно мудрый и любящій Господь воззвалъ къ бытію сонмы разумно-свободныхъ существъ, ангеловъ и людей, и *для нихъ* сотворилъ эту дивную вселенную, чтобы эти ограниченныя существа, видя непрестанно во всемъ дѣло рукъ Творца Господа, наслаждались удивительной гармоніей и красотами вселенной, восторгались, трудились, учились, познавали ея законы и въ нихъ отыскивали и находили свойства Творца своего, развивали этимъ свои богоподобныя свойства духовныя, славословили и воспѣвали мудрость, могущество и любовь Божіи и въ этомъ полагали для себя единственное счастіе. Въ книгѣ Іова такъ и сказано: „Когда сотворены были звѣзды, восхвалили Господа всѣ ангелы Его".

Да̀, для человѣка земля и все, что на ней. Землю не ради же ея самой творилъ Господь. Вѣдь земля, хотя и мудро устроена, но сама по себѣ неразумна, равно какъ и животныя: не могутъ же они

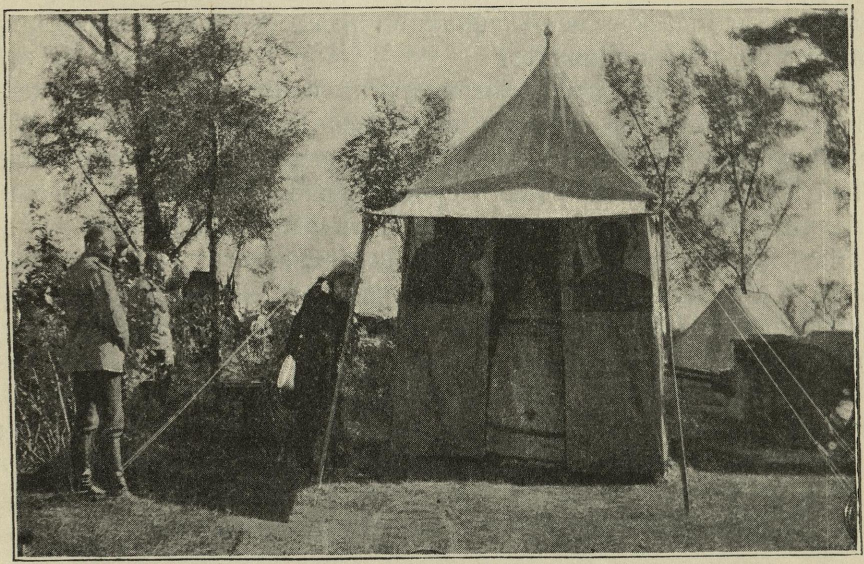
сознать проявленной въ нихъ мудрости Творца и дать въ этомъ отчетъ. Паровозъ мудро устроенъ, но онъ этого не сознаетъ. И какая цѣль была бы строить паровозъ, если бы имъ не пользовались, если бы на немъ не было машиниста?

Конечно, нужно было на землѣ присутствіе разумнаго существа, человѣка, который бы созналъ, понялъ всю мудрость строенія земли и красоту ея и прославилъ Творца Бога.

Вотъ такъ споримъ, споримъ, потомъ разойдемся до завтра; а завтра новые вопросы. Заговоримся и немного забудемся, что сейчасъ война и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ японцы.

3-го декабря, хотя и морозно было, однако ѣздилъ служить молебенъ въ Тадзеинъ: давно уже тамъ не молились. Вотъ какое время настало—служимъ только молебны и то съ трудомъ: холодно.

Собрались эскадроны, надѣли шлемы и помолились. Немного и побесѣдовали на ту же тему, что и у себя въ воскресенье.

Литургія въ Мукденѣ.

Вернулся домой, попилъ чаю, а мой милый спутникъ (врачъ) уже ожидаетъ меня гулять. Пошли; и снова разговоры: все философствуемъ. Сегодня спорили о спиритуализмѣ.

Какъ я радъ, что мое письмо съ фотографіей церкви, снятой въ одинъ изъ сентябрьскихъ дней (я въ церкви у престола, слѣва ген. Бильдерлингъ, полк. Зенкевичъ и др.) не пропало!

4-ое декабря.

Ѣду въ Мукденъ. Сегодня тамъ всенощная, завтра литургія.

За рѣкой Хунхе, около Мукдена, на поляхъ масса китайцевъ бѣдняковъ: взрослыхъ и дѣтей. Они собираютъ остатки гаоляна и чумизы, рѣжутъ прибрежный хворостъ, подбираютъ навозъ и все это на коромыслахъ несутъ въ городъ отапливать свои квартиры; согнувшись, тащатъ китайцы драгоцѣнную ношу; несмотря на холодъ, на лицахъ многихъ выступилъ потъ.

Идетъ старецъ; на груди у него мѣдный крестикъ: христіанинъ.

Бѣжитъ въ припрыжку рядомъ съ двуколкой малютка китайченокъ лѣтъ шести, держитъ руку у лба, отдавая честь, и немилосердно вопитъ:

— „Капетанъ, моя денга мею (нѣтъ), моя ломайло; капетанъ денга ю (имѣетъ) шибко много; моя денга мею, капетанъ!“

И такъ безъ конца. Прямо сердце надрываетъ; невозможно безъ скорби смотрѣть.

Пріѣхали. Опять я въ мандаринскомъ домѣ, опять тульскій самоваръ, лампа, кресла съ спинками и прочее утѣшеніе. Попили чайку и за дѣло принялись.

Устроили попрежнему иконостасъ, вставили во всѣ висящіе китайскіе фонари по свѣчкѣ; собрались пѣвцы, молящіеся; и мы отслужили всенощную. Къ воскресной службѣ прибавили и моленіе святителю Николаю, такъ какъ среди молящихся многіе 6-го именинники, а я послѣзавтра буду служить уже въ Тадзеинѣ.

На всенощной опять былъ хозяйскій сынъ и очень внимательно стоялъ и слушалъ. Послѣ онъ говорилъ, что ему наше богослуженіе весьма нравится. Этотъ китаецъ очень любитъ русскихъ и у чиновниковъ старательно учится русскому языку.

Послѣ всенощной всѣ говорили, какое высокое наслажденіе доставляетъ общественное богослуженіе: истинный отдыхъ душевный.

Легъ спать на прежнемъ диванѣ. Гусей, по моей просьбѣ, убрали куда-то; и я спалъ сравнительно хорошо.

5-ое декабря.

Утромъ рано всталъ, все приготовилъ. И въ 9 часовъ началъ служить св. литургію.

Припоминая вчерашній разговоръ о наслажденіи отъ общественнаго богослуженія, я и проповѣдь говорилъ *о наслажденіяхъ*.

Тамъ, въ Россіи въ мирное время многіе, быть-можетъ, говорили о необходимости мірскихъ суетныхъ удовольствій, наслажденій: театровъ и другихъ зрѣлищъ, опьяненій и проч.; человѣку-труженику необходимо будто бы по-мірски веселиться; иначе онъ замретъ, затоскуетъ, заскучаетъ.

Но прежде всего потребность въ этихъ удовольствіяхъ слишкомъ преувеличена. Вотъ уже полгода, какъ всѣ мы оторваны отъ всѣхъ

мірскихъ удовольствій, трудимся, конечно, не меньше мирнаго времени, а невзгодъ и неудобствъ даже несравненно больше. Что же? отсутствіе прежнихъ наслажденій очень замѣтно? заскучали? затосковали безъ нихъ? Ничуть. Наоборотъ, спорѣе и прилежнѣе пошла работа; и въ самой работѣ мы стали находить гораздо больше интереса, чѣмъ раньше. Вмѣстѣ съ тѣмъ душа, это истинно Божіе созданіе, освободившись отъ этихъ ужасныхъ цѣпей разврата и мірскихъ наслажденій, съ большею силою стала рваться къ своему первоисточнику Богу, чтобы войти съ Нимъ въ общеніе и насладиться этимъ. Вотъ потому-то теперь и молитва, эта бесѣда съ Господомъ, такъ невыразимо пріятна, такъ восторгаетъ и тѣмъ указываетъ, что и въ мирное время возможно доставить душѣ своей это истинное блаженство, если только имѣть силу воли заставить себя удалиться отъ суетныхъ наслажденій.

Какъ странно слышать жалобы, что христіанство лишаетъ человѣка удовольствій, обрекаетъ его на тоску, слезы!

Даже, если бы и было такъ, то и тогда въ этомъ не было бы никакой ненормальности. Вѣдь жизнь *вѣчна*, и періодъ земной жизни есть только начало вѣчности, *подготовительный* періодъ. И если бы, имѣя въ виду свою грѣховность, мы всѣ годы нашего земного странствованія провели въ честномъ трудѣ и покаянномъ воздыханіи, сопровождаемомъ искреннею борьбою съ грѣхомъ, то и въ такомъ случаѣ ничего бы не было ненормальнаго: такая жизнь была бы для души только несравненно полезнѣе, чѣмъ жизнь среди мірскихъ удовольствій.

Но дѣло обстоитъ далеко не такъ. При сознаніи себя Бо̀жіимъ твореніемъ, но твореніемъ па̀дшимъ; при представленіи того крайняго милосердія и долготерпѣнія, что явилъ и являетъ намъ Господь; при такомъ-то вотъ положеніи вещей встать на колѣни предъ пречистымъ ликомъ Господа и въ горькихъ слезахъ и сердечномъ сокрушеніи излить свое раскаяніе въ совершенныхъ грѣхахъ, разсказать Ему, Отцу нашему, какъ мы боролись со зломъ, какъ печалимся о пу̀тахъ грѣховныхъ, дать слово исправляться, просить Его благодатной помощи и славословить Его милосердіе... Да это надо испытать, и тогда, право, понятно станетъ, что это сокрушенное покаяніе, этотъ плачъ о грѣхахъ доставляетъ совсѣмъ не му̀ку, не тоску, не скуку, а, именно, отраду, успокоеніе, облегченіе. Что, спрашивается, испытывала та грѣшница, что на вечери у Симона фарисея въ великомъ сокрушеніи припала къ ногамъ Спасителя, мазала ихъ миромъ, обливала слезами и отирала волосами головы своей въ то время, какъ сладчайшій голосъ Господа говорилъ ей: „прощаются тебѣ грѣхи твои“? Что̀ испытывала она въ это время? неужели тоску, уныніе? О, конечно нѣтъ: великое блаженство наполнило все ея существо, когда она услышала прощающій голосъ Спасителя.

Да, молитва общественная и частная, когда человѣкъ, отдѣлившись отъ всего чисто земного, воспаритъ духомъ къ престолу Бога и тамъ разскажетъ Ему все-все о себѣ, попроситъ благодати и, слившись съ ангельскими хорами, воспоетъ „Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ! полны небо и земля славы твоея“, эта молитва, соединенная съ сокрушеннымъ покаяніемъ, доставляетъ душѣ истинное блаженство, которое и сравнить нельзя съ мірскими утѣхами. Потому-то, испытавши разъ истинную отраду отъ молитвы и покаянія, люди уже воздерживаются отъ суетныхъ наслажденій, которыя ихъ только разсѣиваютъ.

Но Господь Іисусъ Христосъ и не запрещалъ людямъ чистыхъ невинныхъ наслажденій, къ каковымъ относится, напр., тихая *семейная* жизнь, когда для общей жизни соединяются два вѣрующихъ существа, мужъ и жена, вмѣстѣ трудятся, молятся, вмѣстѣ приготовляютъ себя къ вѣчности.

А *дѣти?* Не хватитъ словъ выразить тѣ чувства восторга, какія вызываетъ у любящихъ другъ друга родителей появленіе на свѣтъ дѣтей, этихъ земныхъ ангеловъ.

А труды по ихъ христіанскому *воспитанію?* Мнѣ извѣстна одна мать многихъ дѣтей, труженица; были времена, когда она въ одно и то же время ногою качала люльку съ своимъ спящимъ младенцемъ, руками вязала чулки для дѣтей, глазами слѣдила, какъ ея ненаглядный сынокъ пишетъ заданную страницу, а языкомъ поправляла малютку дочку, читавшую „Отче нашъ“. Обшить милыхъ дѣтей, обстирать — это тоже знали ея руки золотыя. Охъ, трудно ей!.. Трудно? Нѣтъ, эта мать въ истинномъ восторгѣ.

А какъ она любила вечеромъ, особенно въ субботу или воскресенье, собрать вокругъ себя дѣтей и пѣть вмѣстѣ съ мужемъ священныя пѣсни; „Херувимскую“, „Хвалите имя Господне“, „Господи, воззвахъ“ на разные гласы, величанія! Дѣти тоже старались своими ангельскими голосками подтянуть родителямъ.

Или другая картина. Вечеръ; мерцаетъ лампадочка предъ ликомъ Христа; горитъ своимъ чуднымъ священнымъ свѣтомъ восковая свѣча. И мать читаетъ вслухъ акаѳистъ: она на колѣняхъ, дѣти вокругъ нея тоже на колѣночкахъ. А послѣ она станетъ разсказывать имъ о древнихъ мученикахъ за вѣру, о томъ, какъ они любили Христа. Боже мой! что же это за восторгъ!

Но вотъ пришло время: выросли всѣ ея дѣти и разлетѣлись по разнымъ концамъ земли Русской служить Богу, Царю и родинѣ. Эта мать уже одна; кажется, покой для нея насталъ... И что же? Часто говорила она дѣтямъ:

— „Ахъ, какъ я счастлива была тогда, когда вы были малы и, какъ сонмъ ангеловъ, окружали меня! Какое это было блаженство! А теперь вы разлетѣлись“...

Конечно, это блаженство отъ чистой семейной жизни, и трудно понять его тѣмъ супругамъ и родителямъ, что втаптываютъ въ грязь свои священныя обязанности мужа, жены, отца, матери и продолжаютъ творить всѣ прежнія безобразія, сдавши семейные труды, заботы и дѣтей своихъ на руки горничныхъ и нянекъ. Но не виновато же христіанство, что они лишаютъ себя такого истиннаго наслажденія и мѣняютъ его на развратъ, все убивающій.

А истинное *дружество*, зиждущееся, конечно, не на зеленомъ полѣ карточныхъ столовъ, не на общихъ кутежахъ, не на коммерческихъ и служебныхъ аферахъ? Нѣтъ, дружества, покоющагося, на единеніи душъ, убѣжденій, не запрещаетъ Господь. Онъ даже Самъ, будучи на землѣ, имѣлъ друзей и среди нихъ по человѣчеству находилъ утѣшеніе. Кому же неизвѣстно, какъ въ бѣдѣ утѣшительно подѣлиться съ друзьями горемъ своимъ, въ счастьѣ пріятно раздѣлить съ ними радость свою?

Да̀, и это наслажденіе не отнято отъ насъ. И, если мы сами лишаемъ себя истиннаго содружества и ввергаемся въ компанію развратителей, то не виноватъ же въ этомъ Господь.

А *искусства?* О, какое высокое наслажденіе можетъ дать человѣку чистое святое искусство! И этого не запретилъ Спаситель. Наоборотъ, все богослуженіе христіанское, всѣ обряды и установленія, вся, можно сказать, жизнь Церкви—всѐ проникнуто са̀мой возвышенной поэзіей, искусствомъ. Но вѣдь всѣ искусства: и скульптура (ваяніе), и живопись, и поэзія, и проч., могутъ быть такъ извращены, что вмѣсто возвышенія души они только унизятъ ее, разовьютъ чувственную сторону человѣка, похотливость. Кого же тогда винить? Господа? христіанство?

А *природа?* Перечислить невозможно, сколько истиннаго наслажденія можетъ дать она. Съ блескомъ какихъ драгоцѣнныхъ камней можно сравнить глухой ночью луну и яркія звѣзды, а весеннимъ или лѣтнимъ днемъ ясное солнышко? Или въ какомъ дворцѣ мы найдемъ такой чу̀дной работы ковры и картины, какъ зеленѣющія поля, какъ долины, покрытыя свѣжей травой и благоуханными цвѣтами, какъ горы, лѣса? Съ какимъ изъ мірскихъ грѣшныхъ удовольствій можно сравнить тотъ восторгъ, что испытываетъ вѣрующій человѣкъ, когда, послѣ обычныхъ трудовъ своихъ, онъ выйдетъ подъ звѣздное небо, станетъ среди природы и явственно чувствуетъ дыханіе Божественнаго Духа? А сколько интереса доставляетъ внимательному уму христіанина каждая былинка, каждый цвѣточекъ и все въ природѣ? Вѣдь они такъ ясно и просто говорятъ о мудрости, могуществѣ, любви и прочихъ свойствахъ Бога Творца.

Конечно, къ природѣ можно относиться и совсѣмъ иначе. Можно ради золотого тельца безжалостно и безразсудно истреблять ея произведенія; можно сквернить ее чистую развратными пикниками и

прочими измышленіями человѣческой грѣховности. Но кто же виноватъ въ этомъ? Конечно, не Господь и не христіанство.

Много-много и на землѣ существуетъ чистыхъ прекрасныхъ наслажденій, которыя вполнѣ могутъ скрасить многотрудную и скорбную жизнь человѣка, ободрить его и влить въ его существо новыя силы, чего никакъ нельзя сказать о чисто мірскихъ наслажденіяхъ, что опьяняютъ духовно-тѣлесное существо человѣка на малое время, чтобы потомъ еще больше ввергнуть его въ разстройство и тоску.

Посему я просилъ слушателей энергично и радостно продолжать свой честный трудъ, крѣпко держась св. вѣры и Церкви, и въ утѣшеніе себѣ искать только чистыхъ святыхъ наслажденій.

Окончилось богослуженіе. Убрали все и поспѣшили подкрѣпиться пищею, такъ какъ нужно было скорѣе возвратиться въ свою деревню: въ 5 часовъ вечера назначена была всенощная въ фанзѣ у ген. Степанова.

Только въ 8 часовъ окончили мы съ Михаиломъ сегодняшніе труды, и я водворился на своемъ канѣ на отдыхъ.

6-ое—9-ое декабря.

Рано-рано всталъ. Сегодня предстоитъ сдѣлать многое: дай, Богъ, успѣть! Погода прекрасная, солнечная; но морозъ основательный.

Въ $8^1/_2$ часовъ утра я уже служилъ на огородѣ молебенъ для 1-го и 4-го эскадроновъ. Едва отслужили: такъ холодно было! Проповѣди не говорилъ: немыслимо.

Прямо съ огорода мы съ Михаиломъ пошли служить молебенъ въ фанзу къ бригадному генералу Степанову: онъ именинникъ, и кромѣ того въ управленіи нашей 2-ой отдѣльной кавалерійской бригады годовой праздникъ.

Отслужили. Ксенофонтъ уже заложилъ двуколку, и мы скорѣй покатили въ дер. Тадзеинъ: нужно было успѣть совершить св. литургію и молебенъ, а оттуда проѣхать потомъ еще въ 17-ый саперный баталіонъ.

Въ $10^1/_2$ часовъ пріѣхали и начали устраивать фанзу. Часть ея отдѣлили для алтаря; протянули поперекъ веревку и на нее повѣсили иконы походной церкви и царскія врата. Я поставилъ престолъ и жертвенникъ. Получилась церковь, вѣроятно, очень похожая на тѣ, что были въ катакомбахъ. Это впечатлѣніе усиливалось еще тѣмъ, что и живопись на иконахъ нашей церкви древняя, и облаченія на мнѣ и престолѣ льняныя съ вытканными крестами, и закоптѣлая крыша фанзы выглядитъ чернымъ сводомъ, и вокругъ полумракъ.

Съ этимъ настроеніемъ я и служилъ всю литургію. Господи, какое блаженство хотя два часа чувствовать себя подобнымъ древнимъ! Мнѣ кажется, если бы люди съ ранняго дѣтства слушали возможно

больше разсказовъ изъ жизни древнихъ христіанъ, святыхъ мучениковъ и мученицъ, а равно и читали почаще о томъ же: то и жизнь ихъ была бы совершенно другою—была бы чище, святѣе. Вѣдь капля за каплей воды, падая на камень, долбитъ, разбиваетъ его. Неужели же душа человѣческая окажется грубѣе, тверже камня, когда на нее ежедневно будутъ падать капли воды живой? Нѣтъ. Какъ бы ни были дурны ея наклонности; какъ бы ни были гнусны ея грѣхи: но постоянное чтеніе о подвигахъ подобныхъ намъ людей, которые силою вѣры побѣдили въ себѣ дурное и такъ горячо полюбили Господа и царство Его, что въ ничто вмѣняли всѣ блага земной жизни и съ охотой жертвовали всѣмъ, даже самою жизнью, лишь бы не лишиться сладостнаго общенія съ Богомъ и царства Его, чтеніе объ этомъ, пребываніе въ этой святой атмосферѣ можетъ ли пройти безслѣдно для человѣка? Конечно, нѣтъ. Все это разобьетъ окаменѣлость сердца у взрослаго и не дастъ окаменѣть и развратиться сердцу дитяти.

Помню, какъ въ дѣтствѣ трогали душу житія святыхъ и разсказы изъ жизни древнихъ, особенно мучениковъ. Какимъ-то пламенемъ загоралось тогда все мое существо; мысль летѣла туда—въ колизей, ко львамъ, въ катакомбы, къ ногамъ этихъ дивныхъ епископовъ, пресвитеровъ, мучениковъ, мученицъ, одни имена которыхъ послѣ наполняли душу восторгомъ. А въ воображеніи и себя уже бывало ставишь въ тѣ положенія подвиговъ, о которыхъ или самъ прочиталъ, или другіе разсказали. И казалось, что счастливѣе жизни, какъ жизнь этихъ святыхъ, нѣтъ и не можетъ быть другой на свѣтѣ. Можно ли послѣ этого сразу итти на грѣхъ?

Говорятъ, надо итти впередъ и впередъ, и назадъ оглядываться нехорошо: признакъ дескать отсталости. Нѣтъ, въ этомъ отношеніи нужно оглянуться. Какъ мудры были наши предки, когда воспитаніе и образованіе дѣтей начинали съ словъ: „Богъ", „Богородица", „ангелъ", „архангелъ" и проч., и вмѣсто выдуманныхъ „дѣтскихъ" разсказовъ читали имъ священную исторію, житія, псалтирь! Вѣдь душа дитяти—чистая бумага, и написанное на ней въ дѣтствѣ святое отъ многаго плохого и скорбнаго ее потомъ сохранитъ.

Ахъ, если бы въ теперешнихъ христіанахъ воскресли чувствованія древнихъ! Какъ интересна была бы жизнь! Вѣдь побѣдить себя, устроить у себя внутри порядокъ, преобразить все существо свое по образу Христа—вотъ въ чемъ интересъ жизни! И какъ много могутъ помочь здѣсь примѣръ и опытъ жизни святыхъ!

Теперь все толкуютъ о передѣлкахъ снаружи. Да снаружи-то хотя бы и все было идеально устроено, но, если внутри человѣка будетъ грязь и разстройство, то и идеальная внѣшность не поможетъ: все разрушится. Нужно каждому внутренно преобразиться, стать истиннымъ христіаниномъ; а внѣшнее тогда и безъ всякихъ передѣлокъ будетъ прекрасно. Преображеніе же это возможно только черезъ Христа.

Счастливые древніе христіане! У нихъ не было разныхъ толковъ о парламентахъ, выборахъ, сходкахъ. Ихъ вниманіе всецѣло занимала одна мысль, одна забота: какъ бы не нарушить заповѣди Христа, какъ бы сохранить себя святымъ, честнымъ, благороднымъ и не въ личной только жизни, но и въ общественной. Никакіе парламенты и республики сами по себѣ души человѣческой, а, стало-быть, и жизни не передѣлаютъ: грязь духовная останется грязью при всякихъ правленіяхъ. Эта передѣлка души и жизни человѣчества—дѣло религіи и совѣсти, а не внѣшнихъ формъ жизни.

Эти самыя мысли я и высказалъ въ проповѣди. Хорошо прошло служеніе наше; хорошо, конечно, для души. Съ внѣшней же стороны очень неприглядно; но на это никто не роппталъ. Слава Богу, что и такъ-то удалось помолиться. Одно жаль: фанза мала; помѣстились только всѣ офицеры да 50—60 солдатъ.

Очевидно, св. литургія, совершаемая въ такой необычной обстановкѣ, и на всѣхъ оставляла глубокое впечатлѣніе: слѣды душевнаго волненія ясно замѣчались на лицахъ молящихся.

Послѣ литургіи мы вышли крестнымъ ходомъ съ пѣніемъ „Спаси, Господи, люди Твоя“ и тропаря св. Николаю изъ фанзы на огородъ, гдѣ уже были построены четыре эскадрона. Полдень. Манчжурское солнышко успѣло разогнать холодъ и пригрѣло такъ, что мы отслужили молебенъ съ царскимъ многолѣтіемъ, не дрожа отъ мороза. Съ крестнымъ же ходомъ и вернулись въ фанзу-церковь.

Разоблачаю престолъ. Михаилъ и Ксенофонтъ хлопочутъ, складываютъ церковь, высказывая свои впечатлѣнія, а милый Николай Павловичъ Серебренниковъ уже привѣтливо приглашаетъ меня выпить чайку.

Сижу на канѣ. Кругомъ офицеры; поздравляютъ именинниковъ, разговариваютъ. Какъ живо представились всѣ они мнѣ въ Орлѣ въ полковомъ собраніи среди прекрасной обстановки, на паркетѣ! А теперь въ китайской фанзѣ на грязномъ полу, но такъ же оживлены. Это отрадно. Денщики бѣгаютъ, суетятся, ставятъ на столъ металлическія тарелки, раскладываютъ ножи, вилки. Именинники угощаютъ гостей обѣдомъ. Я наскоро закусилъ и, не ломая, какъ говорятъ, бесѣды, исчезъ. Мнѣ вѣдь нужно было попасть еще къ саперамъ въ сосѣднюю деревню: они, навѣрно, думалъ я, ждутъ.

Дѣйствительно, когда мы подъѣхали, баталіонъ стоялъ уже „въ ружье“. Сейчасъ же принесли столикъ, жалованную Государемъ икону. И обычная картина началась: забѣгали фельдфебели, засуетились офицеры, пошли перестроенія, захожденія плечомъ, команды: „стой!“, „ровняйсь!“, „смирно!“, „г.г. офицеры!“ Идетъ баталіонный командиръ, украшенный золотымъ оружіемъ за храбрость. Гремитъ его голосъ:

— „Здорово, молодцы саперы! Съ праздникомъ! На молитву! Шапки долой! Пѣвчіе впередъ!“

Заиграла труба извѣстный мотивъ, грянула музыка „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ, не можетъ изъяснить языкъ“... Нѣтъ, не могу... Удивительно дѣйствуетъ на душу этотъ чудный гимнъ, особенно здѣсь: нельзя не волноваться. А съ позицій, какъ нарочно, рѣзко доносится бумъ-бумъ-бумъ.

Замерли послѣдніе звуки гимна; и мы начали служить молебенъ. Однако природа что-то разгнѣвалась на насъ. Все время было тихо; а тутъ вдругъ какъ подулъ вѣтеръ!.. Быстро перешелъ въ бурю: зги не видно отъ пыли. И завываніе вѣтра вступило въ ожесточенный споръ съ нашимъ пѣніемъ. Мои бѣдные волосы такъ трепала буря и такъ обильно посыпала пылью и пескомъ, что, когда Михаилъ усаживалъ меня въ двуколку, Ксенофонтъ не удержался и говоритъ:

— „Какъ пріѣдемъ домой, такъ сейчасъ же надо мыть Вамъ голову, батюшка. Какъ хотите... Такъ оставить нельзя“.

Уже въ 4 часа вечера водворился я въ своей фанзѣ, умылся и съ наслажденіемъ попилъ чайку.

7-ое, 8-ое и 9-ое декабря прошли такъ, что, при всемъ желаніи подѣлиться пережитымъ, рѣшительно нечего записать. Нельзя ежедневно описывать, какъ мы обѣдали, пили чай и проч.

10-ое—11-ое декабря.

Сегодня день надолго памятный: получилъ сразу три посылки отъ Оли [1]) изъ Москвы. Какъ долго мы ихъ ждали! Говорю *мы*, потому что здѣсь такъ всѣ сжились между собою, что интересъ одного есть интересъ всѣхъ. По письмамъ еще съ сентября знали о высылкѣ посылокъ, и по нашей коулоуцзинской колоніи давно прошелъ сладостный слухъ:

— „Вы знаете? Батюшкѣ изъ Москвы послано нѣсколько посылокъ, также Калинину, Образцову, Бузинову“.

— „Неужели?“

— „Навѣрное знаю“.

— „Вотъ интересно“.

Немного погодя, новый слухъ, но такой, отъ котораго всѣ пріуныли.

— „Вы слышали?“

— „Что такое?“

— „Да посылки-то наши, говорятъ, пропали гдѣ-то въ Сибири или сгорѣли въ Харбинѣ“.

Какъ молнія, пронеслась эта послѣдняя печальная вѣсть между всѣми. Немного посерчали, пожалѣли, какъ полагается; но скоро

[1]) Жены.

оправились. И ужъ было отпущено, остротъ по нашему адресу со всѣхъ сторонъ! Цѣлый коробъ!

— „Поздравляемъ съ полученіемъ!“ раздавалось вдругъ.

— „Покушавши вкусненькаго да сладенькаго!...“

— „Ну какъ московская вядчина, колбаса? понравились?“

Конечно, отшучиваемся. И вдругъ, когда все уже считалось оконченнымъ и похороненнымъ, нежданно-негаданно посылки объявились. Сидимъ мы вечеромъ, мирно бесѣдуемъ, услаждаемся звукомъ мѣрныхъ шаговъ часового подъ нашимъ бумажнымъ окошечкомъ. Вдругъ открывается занавѣсъ фанзы нашей и просовывается голова Ксенофонта. Никогда его такимъ не видалъ я: красный и хохочетъ —вѣрный признакъ, что онъ счастливъ безконечно.

— „Что ты?“ спрашиваю.

— „Да какъ же?“ отвѣчаетъ: „Вамъ посылки прислали. Сейчасъ привезли изъ Мукдена. Отъ матушки, вѣрно. Да такая одна тяжелая, пуда три: насилу дотащилъ. А двѣ другія полегче.“

— „Тащи сюда скорѣе!“ кричимъ.

И всѣ мы, т.-е. обитатели фанзы, побросали и дѣла и разговоры, бросились къ посылкамъ раскупоривать, развертывать.

Охъ, какое это счастіе! Вѣдь каждую вещичку покупала, работала, завертывала, укладывала родная любящая рука. Вѣрите? ей-ей руки дрожали, когда раскупоривалъ; а сердце колотилось такъ, какъ будто выскочить хотѣло.

Каждый свертокъ вызывалъ восторженныя восклицанія:

— „Сало-то, сало какое! розовое! Колбаса-то свѣжѣйшая! Икра! печенье! А вотъ, посмотрите, цѣлый пулеметъ момпасье!“ и т. д.

Конечно сейчасъ же начался пиръ горой. Ксенофонтъ принесъ кипятку. И мы, закусивши присланной провизіей, съ удовольствіемъ попили чайку съ момпасье и цукатами, отъ души приговаривая:

— „Дай, Боже, здоровья и всякаго блага приславшимъ!“

11-го числа я все еще возился съ посылками: нужно было подѣлиться этой радостью съ Полей [1]) и еще разъ пережить вчерашнія чувствованія. Погода все время прекрасная. Но я сижу дома: за холодное время немного промерзъ, и меня что-то лихорадитъ.

12-ое—14о-е декабря.

Сегодня воскресенье и 40-ой день смерти ротм. Бодиско. Солнышко довольно сильно пригрѣло. И мы собрались въ 11 часовъ утра на своемъ обычномъ мѣстѣ помолиться. Сначала я отслужилъ молебенъ и сказалъ воинамъ небольшое поученіе о необходимости, сражаясь храбро съ вооруженнымъ противникомъ, съ любовью и

[1]) Шуриномъ.

участіемъ, по-христіански относиться къ нему безоружному, больному или раненому, а также къ мирнымъ жителямъ китайцамъ. Объ этомъ напомнить я счелъ необходимымъ въ виду того, что военныя дѣйствія вотъ-вотъ могутъ открыться. Послѣ молебна, въ присутствіи почти всѣхъ офицеровъ полка, отслужили панихиду, помолившись о упокоеніи души дорогого боевого товарища нашего ротмистра Бодиско, который пережилъ съ нами страшные ляоянскіе бои и потомъ заболѣлъ.

Во время служенія невольно вспомнилось, какъ усопшій любилъ заупокойную молитву „Боже духовъ и всякія плоти“: прямо восторгался ею и всегда просилъ меня читать ее вслухъ. Послѣдній разъ 30-го іюля въ деревнѣ „Шичецзы“ послѣ панихиды по корнетѣ Гончаровѣ онъ говорилъ мнѣ, какъ умилительна и утѣшительна эта молитва; а вотъ теперь и самъ уже въ могилѣ.

Пришелъ я въ фанзу и опять просидѣлъ безвыходно три дня: боялся разболѣться. Сидѣлъ и читалъ взятыя изъ Орла съ собою книги, особенно „Отечникъ“ еп. Игнатія Брянчанинова. Это чудная книга. Она содержитъ въ себѣ изреченія св. отцовъ, выбранныя изъ многихъ книгъ. Пріобрѣсти „Добротолюбіе“ 5-томное многимъ не по средствамъ, а въ „Отечникѣ“ кратко собрано все, что можетъ управить внимательную душу ко спасенію.

Газеты мы читаемъ вслухъ и, надо сознаться, часто возмущаемся наглой ложью нѣкоторыхъ писакъ о порядкахъ и жизни нашей арміи. Да и пишутъ-то часто люди, не бывшіе здѣсь. Напр., пишутъ, что солдатамъ нечего ѣсть, холодно, одежда у нихъ плоха. На дѣлѣ совершенно обратное, т.-е. ѣдятъ очень хорошую мясную пищу не менѣе двухъ разъ въ день, получаютъ хлѣбъ, чай, сахаръ, живутъ въ землянкахъ, въ которыхъ гораздо теплѣе, чѣмъ у насъ въ фанзахъ, у всѣхъ полушубки, валенки, суконныя портянки, теплые чулки, папахи. Право, нѣмцы больше правды пишутъ о насъ. Въ ихъ газетахъ, напр., прямо говорится, что въ нашей арміи все есть, что требуетъ и время года и солдатскій желудокъ. Конечно, были дни и недѣли, когда трудно приходилось, напр. во время сраженій, при отступленіи и т. п. Но вѣдь нельзя же безъ этого: на то и война.

Теперь у насъ, говоря относительно, затишье, т.-е. большихъ сраженій нѣтъ; а канонада пушечная, особенно изъ осадныхъ орудій, и ружейная стрѣльба происходятъ ежедневно. Но привыкли мы къ этому; и только, когда уже осбенно разстучатся, тогдà мы выйдемъ на полотно желѣзной дороги посмотрѣть.

ГЛАВА IV.

Набѣгъ на Инкоу.

15-ое—24-ое декабря.

Съ какимъ оживленіемъ готовились мы всѣ эти дни къ встрѣчѣ великаго праздника Рождества Христова! Мечтали служить всенощное бдѣніе, св. литургію; пріобрѣли молодыя сосенки вмѣсто елокъ; заготовили праздничную провизію. Вотъ уже 23-ье декабря. Завтра сочельникъ: рѣшили всѣ попоститься. Вдругъ всѣ мечты, всѣ приготовленія—всё разлетѣлось. Пришелъ приказъ главнокомандующаго выступить полку утромъ 25-го декабря въ полномъ составѣ и присоединиться къ отряду ген. Мищенко.

Это значитъ—мы идемъ въ набѣгъ, во флангъ, впередъ всей арміи. Приказано взять изъ вещей только самое необходимое, остальной обозъ оставить, а, главное, захватить съ собою побольше патроновъ: по 200 штукъ имѣть на каждомъ солдатѣ и по 24000 въ каждой патронной двуколкѣ.

Вотъ, какъ великій праздникъ, такъ намъ самая работа! Засуетились, забѣгали солдатики; пошла чистка амуниціи и всего снаряженія. Ну, значитъ, рушилось все; нужно готовиться въ походъ.

Утромъ 24-го я скорѣе побѣжалъ на ст. Суютунь въ санитарный поѣздъ, гдѣ и вырвалъ себѣ больной зубъ; пломба выскочила: сталъ болѣть, а тутъ зимній походъ... Гдѣ тамъ съ нимъ возиться?

Какъ преобразилась эта прежде пустынная станція! Теперь здѣсь масса путей, поѣздовъ, лазаретовъ, палатокъ, интендантскихъ грузовъ, солдатъ, офицеровъ; выгружаютъ осадныя орудія, прокладываютъ легкую желѣзную дорогу для перевозки тяжелыхъ снарядовъ, пушекъ. Вездѣ солдатики метутъ соръ около своихъ землянокъ, втыкаютъ въ землю сосенки, вѣшаютъ на нихъ красныя и синія бумажки; однимъ словомъ, готовятся къ празднику, а мы... Мы въ походъ. Что дѣлать! Послушаніе, исполненіе долга прежде всего.

Операція моя съ зубомъ удачно окончилась, и я вернулся домой. Наступилъ вечеръ. Я окончилъ приготовленія. Изъ 3-го эскадрона мнѣ прислали смирную лошадку; подковали ее на зимнія подковы. Въ кобуры сѣдла положилъ чай, сахаръ, колбасу, сало, полотенце, три смѣны бѣлья, облаченіе—ризу и епитрахиль; св. Дары и крестъ будутъ на мнѣ; бурку приторочилъ къ сѣдлу. И готово!...

Всѣ ѣдемъ верхами. Слава Богу, полкъ будетъ дѣйствовать весь вмѣстѣ. Опасное, трудное дѣло предстоитъ, но очень нужное и полезное для арміи. Потрудимся!

Когда заблистали звѣзды, я вышелъ гулять, чтобы хотя мысленно пережить тѣ святыя чувствованія, что бывало переживалъ въ это время на самомъ дѣлѣ. Грустно стало на душѣ: лишены молитвы. Со стороны позицій доносится дружное пѣніе „Рождество Твое, Христе Боже нашъ“. Ярко пылаютъ костры. И японцы не остались въ долгу: освѣщаютъ насъ прожекторами. Иллюминація! А наши солдатики всё работаютъ, укладываются.

Портъ-Артуръ палъ вчера. Давно уже мы ожидали этого. Спасибо героямъ: долго они намъ помогали.

Итакъ завтра въ 10 часовъ утра уходимъ. Идемъ дней на десять или, самое бо́льшее, недѣли на двѣ. Благослови, Боже! А теперь нужно отдохнуть.

25-ое декабря.

Сегодня выступать въ боевой походъ. Набѣгъ на г. Инкоу. Я всталъ еще до свѣта: нужно привести въ порядокъ остающіяся здѣсь вещи и хотя немного попраздновать; вѣдь Рождество Христово наступило.

Умылся. Какая-то нервная дрожь. Скорѣе досталъ св. Дары, епитрахиль и пошелъ на ледъ нашей Невы. Хочу пріобщиться св. Таинъ: праздникъ и походъ.

Звѣзды еще ярко блестятъ. Въ Россіи въ такое время несется гулъ колоколовъ, успѣваютъ уже прославить родившагося Спасителя; а здѣсь сейчасъ тишина мертвая; даже пушки молчатъ.

Японцы прислали письмо, поздравляютъ съ праздникомъ и даютъ слово не стрѣлять сегодня весь день, если и мы сдѣлаемъ то же. Кажется, обѣ стороны выполнили условіе, и день прошелъ мирно.

Выбралъ на льду чистое мѣстечко, поставилъ св. Дары и пріобщился. Что-то подступило къ горлу: волненіе положительно душило.

Отпраздновалъ. Вѣрно, ужъ такая наша доля, что, какъ большой праздникъ, такъ намъ походъ или бой. Впроч., слава Богу за все: Ему такъ угодно!

Возвратился въ фанзу. Наши встали, собираются. Позвалъ Михаила, и мы отпѣли краткій молебенъ; поздравили другъ друга.

Затѣмъ мы *пошли* съ нимъ *по приходу* Христа славить: были въ 1-мъ и 4-мъ эскадронахъ, въ штабѣ бригады, въ штабѣ полка, у корпуснаго командира. Вездѣ пѣли краткіе молебны. Конечно, спѣшили; но и то радость большая, что успѣли хотя такъ попраздновать.

Въ 9 часовъ вернулся я, напился чаю; закусили яичницей и... въ походъ. Я надѣлъ на себя фуфайку, лисій подрясникъ, теплые сапоги, папаху (она же и подушка). Ксенофонтъ остается съ вещами въ нашей фанзѣ, а Михаилъ на „другѣ“ ѣдетъ со мной.

Всѣ одѣлись. Пріѣхалъ взводъ драгунъ за штандартомъ. Помолились; благословилъ я нашего „дѣдушку“ (штандартъ), командира полка, адъютанта.

Вынесли штандартъ. Раздалась команда. Блеснули шашки „на караулъ“, привѣтствуя „дѣдушку“. И мы тронулись.

Чтò-то Богъ дастъ? Вернемся ли? Вѣдь идемъ въ тылъ огромной японской арміи, и задача—дойти до самаго Инкоу.

Я на своей лошадкѣ проѣхалъ по фронту и благословилъ своихъ воиновъ на новые труды.

Прежде всего нужно проѣхать 7 верстъ до деревни „Эльтхайцзы“, соединиться тамъ съ 52-мъ драгунскимъ Нѣжинскимъ полкомъ и слѣдовать далѣе къ генералу Мищенко.

Нашъ отрядъ большой: девять полковъ казаковъ, сотня пограничниковъ, двѣ сотни пѣхотныхъ охотниковъ на коняхъ, наша бригада, Приморскій драгунскій полкъ и 36 пушекъ съ прислугой на коняхъ. Отрядъ раздѣленъ на три колонны: 1) казаки подъ командой ген. Тевяшева, 2) казаки и охотники подъ командой ген. Абрамова (при этой колоннѣ ѣдетъ и самъ Мищенко), 3) наша бригада, Приморскій драгунскій полкъ и сотня пограничниковъ подъ командой ген. Самсонова.

Артиллерію раздѣлили тоже на три части, при чемъ въ нашу колонну вошли 20-ая конная батарея и полубатарея поршневая.

Въ нашей 3-ьей колоннѣ священникъ оказался я одинъ на всѣхъ, такъ какъ священники Нѣжинскаго и Приморскаго полковъ по нездоровью не могли сопровождать своихъ полковъ въ походѣ.

Ѣдемъ. Солнце ярко свѣтитъ и такъ грѣетъ, что жарко въ сѣдлѣ.

— „Не декабрь, а апрѣль сейчасъ“, говорятъ офицеры.

Безвѣтріе полное, и тучи пыли.

— „Вотъ такъ угощеніе намъ на праздничекъ“, шутятъ солдаты: „наглотаемся пыли досыта“.

Вездѣ шутки, остроты. Всѣ рады дѣлу, бодры, будто ѣдутъ не на труды, раны и смерть, а на веселый пиръ.

Я въѣхалъ въ строй 4-аго эскадрона, сталъ въ ряды и ѣду съ солдатами.

— „Не робѣй“, говорю: „братцы! Я съ вами; буду молиться за васъ. Кого ранятъ или кто заболѣетъ, пріобщу—вотъ

видите? св. Дары на мнѣ! Кто умреть героемъ въ честномъ бою, отпою погребеніе: не зароемъ какъ-нибудь".

— „Умирать одинъ разъ въ жизни", говоритъ мой сосѣдъ Архиповъ изъ запасныхъ: „отъ могилы не уйдешь все равно, а умереть въ бою это дѣйствительно хорошо. Что жъ? Дай, Господи!"

— „Да ты, чай, семейный?" спрашиваю я его: „развѣ тебѣ не жаль родныхъ?"

— „Что жъ, батюшка, жалѣть? Богъ имъ дастъ силу: перетерпятъ. Къ тому же на каждаго ѣдока Государь теперь даетъ полтора рубля въ мѣсяцъ: прожить можно. Зато душѣ спасеніе".

Ѣдемъ, бесѣдуемъ. Я какъ-то сразу примирился съ пылью; ничего—дышу, даже разговариваю. И, насколько утромъ я волновался, настолько же теперь, когда поѣхали, успокоился. Буди воля Божія надъ нами!

Благополучно прибыли въ дер. Эльтхайцзы. Нѣжинскій полкъ уже стоитъ въ строю. Подошли мы и выстроились такъ, что оба полка стали лицомъ другъ къ другу.

Вдали показалось облако пыли: ѣдетъ командиръ корпуса ген. Бильдерлингъ прощаться съ полками.

— „Смирно!" загремѣло въ бригадѣ.

Генералъ объѣхалъ полки, благодарилъ за прекрасную службу и, пожелавъ новыхъ успѣховъ, поздравилъ съ походомъ.

Сблизились полки; выѣхали впередъ штандарты; ассистенты открыли жалованныя иконы. Я и Михаилъ сошли съ коней, достали изъ кобуръ ризы и, обернувшись на востокъ, запѣли молебенъ. Солдаты оставались на коняхъ.

Не могу выразить состоянія души, когда раздалось дружное пѣніе „Рождество Твое, Христе Боже нашъ" и „Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ". Можете представить чувства, съ которыми молящіеся прославляли родившагося Спасителя, отправляясь на такое страшно опасное дѣло? Да, отъ души молились, прося у Господа помощи на предстоящіе боевые труды.

Окончился молебенъ. Я благословилъ оба полка. И сейчасъ же тронулись въ дальнѣйшій путь.

Ко мнѣ подъѣхалъ Поля, и все время до вечера мы ѣхали съ нимъ рядомъ.

— „Какъ хорошо, что Вы съ нами, батюшка!" слышу голосъ подполковника Образцова, нагнавшаго меня: „Вы благословили насъ; съ молитвой мы начали походъ—такъ пріятно! Съ благословеніемъ религіи и сражаться, и страдать, и умирать легко".

Пыль невообразимая: боюсь за глаза. Ѣдемъ среди необозримыхъ полей Манчжуріи, точно казаки Тараса Бульбы. Мѣрно покачиваются солдатики въ сѣдлахъ. Храпятъ и фыркаютъ кони, горячатся. Уходятся родные: вѣдь впереди добрыхъ 400—500 верстъ пути туда и обратно.

Деревня Сухудяпу, резиденція генерала Мищенко.

— „Эскадроны, строй взводы!" раздается голосъ командировъ полковъ.

И бригада стала въ резервной колоннѣ. Я на лѣвомъ флангѣ полка на своемъ длинноухомъ „китайцѣ".

Скачетъ ген. Мищенко съ конвоемъ. Снова „смирно"; снова шашки блеснули. И ясно на весь полкъ раздается голосъ генерала:

— „Здорово, славные драгуны черниговцы! Съ праздникомъ васъ поздравляю. Главнокомандующій берегъ васъ это время, а теперь посылаетъ на славную работу во славу Царя батюшки и отчизны. Увѣренъ, что работать будете молодцами".

— „Покорнѣйше благодаримъ и рады стараться", энергично загремѣло въ отвѣтъ на чисто русскую рѣчь генерала.

А онъ уже несется по фронту съ шашкой наголо и съ Георгіемъ на груди. Подскакалъ къ нашему флангу, вызвалъ меня передъ фронтъ, принялъ благословеніе и попросилъ молитвъ.

Мы снова въ пути. Проѣзжаемъ массу деревень. Разоренья здѣсь нѣтъ; все цѣло, и всего много: гаолянъ, чумиза, куры, поросята. Насъ встрѣчаютъ массы китайцевъ, кричатъ намъ „шанго, русскій солдатъ". А, гдѣ есть китайскіе солдаты, то, завидя наши полки, они сейчасъ же выстраиваются и отдаютъ честь.

Мы бесѣдуемъ съ Полей о томъ, что̀-то подѣлываютъ теперь наши родные. И не подозрѣваютъ они, что мы сейчасъ въ походѣ. Вѣроятно, они идутъ въ церковь или уже пришли, и Иванъ Арсеньевичъ [1]) со сливочками попиваетъ чаекъ немножко повкуснѣе нашей пыли. Смѣемся.

Въ 5 часовъ вечера прибыли въ деревню Синтайхе, совершенно не имѣя отъ пыли подобія человѣческаго. Здѣсь ночлегъ. Намъ отвели большую фанзу. Я раздѣлся, снявъ на время подрясникъ, чтобы выбить изъ него пыль, и скорѣе началъ мыться. Охъ, и пріятно же!

Мы хотѣли занять всю фанзу; но китайцы привели меня и адъютанта на лѣвую половину и убѣдительно просили, чтобы эту часть фанзы мы оставили имъ. На канѣ лежала больная старуха. Указывая на нее, они говорили:

— „Бабушка ломайло; китайза сыпй-сыпй", т.-е. занемогла женщина, и имъ самимъ требуется мѣсто для спанья.

Вокругъ масса дѣтишекъ. Конечно, жаль ихъ стало, и мы всѣ, т.-е. штабъ бригады и нашъ штабъ, помѣстились въ одной половинѣ.

Михаилъ принесъ мнѣ гаоляну. Разостлали его на канѣ; сверху положили бурку, подъ голову плащъ и папаху—вотъ и постель.

Стемнѣло. Вѣстовые вскипятили „живительный элексиръ" чай, и мы буквально ожили.

[1]) Рождественскій, своякъ о. Митрофана.

Я вышелъ на дворъ. Деревня въ огнѣ, будто пожаръ: такъ много костровъ. Небо еще чернѣе; звѣзды еще ярче.

Однако нужно ужинать и вмѣстѣ обѣдать: съ утренней яичницы ничего не было во рту. Достали холодныя котлеты, сало, колбасу и праздничную роскошь двухъ жареныхъ фазановъ и, какъ подобаетъ добрымъ людямъ въ такой праздникъ, потрапезовали.

Поздно вечеромъ пріѣхалъ ген. Самсоновъ, и въ нашей фанзѣ состоялся военный совѣтъ. Слабо мерцала свѣча. Дымъ отъ кановъ наполнялъ фанзу и ѣлъ глаза. Склонившись надъ столомъ, сидѣли и стояли генералы, командиры полковъ, офицеры. Предъ ними карта мѣстности, по которой идемъ. Они совѣщаются. На другомъ столѣ офицеры спѣшно чертятъ карты. Я сижу на своемъ гаолянѣ и наблюдаю эту оригинальную и въ своемъ родѣ прекрасную картину.

Улеглись въ 12 часовъ. Долго не могъ я сомкнуть глазъ. Если только на мгновѣніе поставить себя на наше мѣсто, такъ и то̀, конечно, можно понять причину безсонницы. Къ тому же ночь была морозная, и солдаты всю ночь шумѣли у костровъ. Забылся я часа на три. Слава Богу, первый день похода прошелъ благополучно.

26-ое декабря.

Ворочался я на своемъ гаолянѣ, чесался, съ нетерпѣніемъ ожидая утра. Наконецъ 5 часовъ. Всѣ сразу встали, попили чайку, и во всѣхъ концахъ деревни понеслось:

— „Къ конямъ! сѣдлай! садись!“

И мы поѣхали. Солдаты не спали: морозно. Всю ночь просидѣли они у костровъ; однако оживленіе не покидало ихъ.

Выслали впередъ разъѣздъ отыскать хорошую переправу черезъ р. Хунхе. Въ 8 часовъ утра подошли къ ней, и началась переправа.

Что это за картина! Солнце только всходило, и полнеба окрасилось оранжевымъ цвѣтомъ. Прибрежный тростникъ, деревни, деревья—все покрыто инеемъ. Тихо, ни души. Только всадники одинъ за другимъ, ведя въ поводу коней, переходятъ рѣку. Осторожно ступаютъ лошади по льду; нѣкоторыя падаютъ. Наконецъ догадались посыпать ледъ пескомъ, и переправа сразу ускорилась.

На другомъ берегу собралась вся наша колонна. Подъѣхалъ ген. Самсоновъ, поздоровался, и мы благословясь поѣхали дальше.

Уже выходимъ изъ своей линіи и начинаемъ заходить въ тылъ японцамъ. Теперь нужно быть очень осторожными: кромѣ японцевъ здѣсь масса хунхузовъ.

Порядокъ движенія колонны таковъ. Впереди авангардъ (два эскадрона); за нимъ въ двухъ верстахъ главныя силы колонны, и въ двухъ верстахъ сзади арьергардъ (одинъ эскадронъ). По бокамъ колонны, въ полуверстѣ отъ нея, ѣдутъ дозорные отъ каждаго эскад-

рона; это щупальцы войска. Они зорко осматриваютъ окрестности и особенно деревни, такъ что напасть на колонну въ походѣ врасплохъ невозможно.

Ѣдемъ, выражаясь по военному, „справа по шести"; ѣдемъ безъ дорогъ, прямо по полямъ сжатаго гаоляна. Пыль снова невообразимая, и мы всѣ сразу посѣдѣли отъ нея.

Въ половинѣ 2-го часа дня проѣхали мы деревню Сыфонтай, и раздалась желанная команда:

— „Стой! слѣзай!"

Прохожденіе отряда чрезъ Сыфонтай.

Привалъ до 4-хъ часовъ. Пройдено 25 верстъ; можно закусить. Съ какимъ удовольствіемъ ѣли мы сало и колбасу! Вскипятили чайку изъ сомнительной водицы. Колодцевъ близко нѣтъ, а замерзшая лужа рядомъ. Вотъ изъ нея-то и взяли воду. Ничего—прошло благополучно.

Въ 4 часа заколыхались колонны: драгуны, казаки, пушки, пики, штандарты—все перемѣшалось и въ общемъ составило грандіозную картину. Проѣхать нужно еще 20 верстъ.

Скоро солнце сѣло, и мы ѣдемъ при свѣтѣ звѣздъ и молодой луны. Охъ, худо ѣхать верхомъ ночью да еще въ строю! Когда скомандуютъ „рысью маршъ", невольно перекрестишься. Вѣдь, если упадетъ лошадь, могутъ затоптать. Но Господь хранилъ. Сидя верхомъ, на ходу читаю утреннія и вечернія молитвы. Вѣрую—проститъ Спаситель; вѣдь какъ же иначе?

Въ 9 часовъ пріѣхали въ дер. Тун-хуан-ди. Ночлегъ. Слѣзъ съ лошади и прямо сѣлъ на землю: ноги подкосились—усталъ; дальше втянусь, конечно.

Сегодня ночью нашъ полкъ занимаетъ сторожевое охраненіе, т.-е. выдвигается впередъ версты на четыре отъ главныхъ силъ и цѣпью окружаетъ всю колонну. Это самая трудная, опасная и отвѣтственная обязанность.

Деревню, въ которой мы остановились, сейчасъ же оцѣпили часовыми, которые безъ пароля никого не впускали и не выпускали. Фанза досталась до отвращенія грязная. На полъ набросанъ (очевидно, нарочно) навозъ и зажженъ, чтобы мы не могли въ ней остаться. Конечно, солдаты затоптали огонь, и мы водворились, накашлявшись и наплакавшись отъ дыма вдоволь. Разсѣдлывать коней не приказано, костровъ разводить тоже. На канѣ оказалась набросанная чумизная солома; я такъ усталъ, что забылъ и объ опасности: бросился на эту солому и сейчасъ же уснулъ. Ночью нѣсколько разъ просыпался: немного ноги озябли. Все время горѣла свѣча; наши почти не спали, такъ какъ очень часто приходили изъ сторожевыхъ эскадроновъ донесенія. Между прочимъ, 4-ый эскадронъ захватилъ въ эту ночь двухъ хунхузовъ.

27-ое декабря.

Въ 5 часовъ подали кипятокъ, и мы отогрѣлись. Пришла отъ ген. Самсонова диспозиція на сегодняшній день. Въ 7 часовъ выступили.

4-ый эскадронъ донесъ, что встрѣтилъ ночью японскій разъѣздъ, а хунхузы только что ушли; ихъ здѣсь было очень много подъ командой японскихъ офицеровъ.

Часовъ до 10 было довольно прохладно; затѣмъ потеплѣло, и маленькій вѣтерокъ отгонялъ пыль въ сторону. Ѣхать хорошо. Въ 11 часовъ подошли къ рѣкѣ Ляо-хе. Ледъ, какъ зеркало. Наученные опытомъ, люди спѣшились, и прежде всего ледъ былъ засыпанъ пескомъ, такъ что переправа на этотъ разъ совершилась быстро.

За рѣкой началась мѣстность, совершенно не тронутая войною: обиліе жизненныхъ припасовъ у жителей поражало. По полямъ вездѣ работаютъ китайцы, выкапываютъ гаолянные корешки для топки.

Въ деревняхъ насъ встрѣчаютъ уже молчаніемъ: никто не знаетъ ни одного слова по-русски. Въ этихъ мѣстахъ раньше насъ бывали только японскіе разъѣзды да хунхузы.

Во время пути раза три останавливались на 10 минутъ дать передохнуть конямъ. Въ 1 часъ дня сдѣлали привалъ; только что

наскоро закусили и хотѣли пить чай, какъ вдругъ команда: „къ конямъ! садись!“ Опрокинули солдаты котелки, не пивши; вылили денщики нашъ чай на пашню и бѣгомъ къ лошадямъ. Снова затряслись.

Въ 4 часа на горизонтѣ съ японской стороны взвился къ небу черный столбъ дыма. Это, несомнѣнно, сигналъ; очевидно, насъ замѣтили. Теперь нужно быть крайне осторожными; вѣдь мы почти на высотѣ Ляояна.

Около 6 часовъ пришли въ деревню „Талянь-пуза“ и въ ней остановились на ночлегъ. Сейчасъ же разставили часовыхъ и на случай тревоги назначили сборный пунктъ. Намъ отвели фанзу богатаго китайца. Каны топлены, теплые. И хозяинъ оказался очень любезнымъ: принесъ мнѣ подостлать одѣяло, маленькую подушечку, набитую... пескомъ, и метелочку почистить подрясникъ. При помощи переводчика онъ сообщилъ, что здѣсь недавно были 200 хунхузовъ и 20 японцевъ. Пріятное извѣстіе! Купили трехъ куръ по 50 коп. за каждую, и черезъ два часа мы отлично поужинали. Китаянка вымыла мнѣ носовой платокъ.

Вообще приняли насъ очень радушно. Легли (конечно, не раздѣваясь) прямо на канахъ.

28-ое декабря.

Сверхъ ожиданія ночь прошла покойно, и въ 6 часовъ утра мы выступили въ дальнѣйшій путь. Погода и пыль прежнія. До 11 часовъ шли благополучно; только очень стѣсняли часто встрѣчавшіеся огромные валы, переходить которые довольно трудно. За рѣкой Ляохе почти каждая деревня не только сама окопана глубокой канавой, но и вся земля общины окружена высокимъ валомъ.

Съ одного изъ валовъ завиднѣлась деревня, и колонна ген. Абрамова покойно подвигалась къ ней. Ясно были видны полки казаковъ, пики, флюгера. Мы начинали уже мечтать о привалѣ. Вдругъ трахъ, трахъ, трахъ... Загремѣли выстрѣлы, и изъ деревни посыпались на казаковъ пули.

Заскакали дозорные; быстро выѣхала на позицію конная батарея, и наши пушки загрохотали. Надъ всей деревней стали показываться бѣлые дымки: разрывались снаряды.

Мы подошли почти рядомъ къ той колоннѣ и слѣзли съ коней. По сигналу канонада сразу прекратилась. И на нашихъ глазахъ казаки понеслись въ атаку на деревню.

Первый разъ въ жизни я видѣлъ боевую атаку конницы. Это что-то ужасное и вмѣстѣ красивое.

Черезъ полчаса все было кончено. Непріятеля выбили, и японцы съ хунхузами бѣжали.

Привезли убитыхъ и раненыхъ. Между ними одинъ раненый хунхузъ. Я пошелъ на перевязочный пунктъ; но пріобщить никого не пришлось, такъ какъ всѣ наши раненые 5 человѣкъ оказались изъ Тереко-Кубанскаго полка, магометане.

Объявили привалъ всему отряду. Нашъ же полкъ выслали осмотрѣть впереди мѣстность. Проѣхали мы мимо деревни, изъ которой только что выбили японцевъ. Снаряды зажгли ее, и деревня пылала.

Въ 3 часа перешли какую-то узкую, но съ очень крутыми берегами рѣку. Здѣсь насъ немного задержала артиллерія, такъ какъ пушки спускали на лямкахъ.

Подходимъ къ деревнѣ „Амабельчулла". Я ѣду съ 6-мъ эскадрономъ. Смотрю на дозорныхъ; они уже поравнялись съ первыми фанзами. Вдругъ дозоры сразу понеслись карьеромъ. Ген. Самсоновъ остановилъ колонну, построилъ нашъ полкъ въ боевой порядокъ и послалъ адъютанта узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что въ деревнѣ засѣли полторы роты японской пѣхоты и эскадронъ драгунъ. Генералъ приказалъ нашему 1-му эскадрону подойти къ деревнѣ и лавой пронестись по ней.

Благословилъ я издали эскадронъ. Какъ на ученье, пошли драгуны. Вотъ они уже подходятъ... разсыпались... сейчасъ понесутся... Мы впились въ нихъ глазами. Сердце прямо колотилось въ груди, и мурашки бѣгали по тѣлу. Наконецъ взвилась туча пыли, и эскадронъ понесся. А съ другой стороны неслась сотня казаковъ. Вотъ наши уже въ лѣсочкѣ... рубятъ, настигая убѣгавшихъ.

Кончилась атака. У казаковъ оказались убитые и раненые. Нашихъ же Господь сохранилъ: убили только трехъ лошадей да у многихъ солдатъ прострѣлили сѣдла и шинели. Раздается команда:

— „Два орудія на позицію!"

И началось обстрѣливаніе деревни залпами...

Стемнѣло. Остатки японцевъ засѣли въ каменномъ ханшинномъ заводѣ и сдаваться ни за что не хотѣли.

Мы стояли такъ близко къ мѣсту боя, что нѣсколько пуль просвистали и надъ нашими головами. Поэтому ген. Самсоновъ отвелъ колонну немного назадъ, а деревню приказалъ взять и окончательно выбить оттуда непріятеля. Для этой цѣли кромѣ казаковъ былъ посланъ эскадронъ 52-го Нѣжинскаго полка въ пѣшемъ строю.

Завязалась сильная ружейная перестрѣлка. Деревня горѣла въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Японцы отчаянно защищались всѣмъ, чѣмъ можно, и даже бросали ручныя гранаты.

Потрясающее зрѣлище было предъ глазами. Огромный пожаръ среди темноты самъ по себѣ наводитъ ужасъ. Но, если къ этому добавить сознаніе, что тамъ среди этого пламени и при свѣтѣ его происходитъ смертный бой, то какими, спрашивается, словами можно изобразить тогда душевное состояніе зрителя? Къ тому же только

полверсты какія-нибудь раздѣляли насъ отъ этой несчастной деревни. Я и стоялъ, и ходилъ, стараясь не смотрѣть туда. Но черезъ минуту совершенно невольно взоры опять приковывались къ зловѣщему пламени.

Наши 5-ый и 6-ой эскадроны подъ командой подполковника Букрѣева тоже поѣхали къ Амабельчуллѣ.

— „Михайло!“ говорю я: „что же мы стоимъ здѣсь? Поѣдемъ, поищемъ перевязочный пунктъ!“

Поѣхали, но скоро вернулись: такъ было темно, что легко было отбиться отъ полка; а отбиться въ этой мѣстности почти все равно, что погибнуть. Поэтому рѣшилъ не рисковать, а утромъ сдѣлать для воиновъ, что можно.

Къ $10^1/_2$ часамъ наши окончательно взяли деревню; и только немногіе изъ японцевъ благодаря темнотѣ спаслись. Въ Нѣжинскомъ полку одинъ офицеръ контуженъ, три солдата убито и девять ранено. Нашихъ Богъ миловалъ.

Только въ 1 часъ ночи добрались мы до ночлега, и какого!.. Двѣ скверныхъ фанзы на весь полкъ. Воды ни капли. Такъ, не пивши и не ѣвши, переутомленные, повалились мы на канъ цѣлой кучей, почти одинъ на одномъ; а нѣкоторые легли на китайскихъ шкапахъ, на полу. И моментально захрапѣли.

29-ое декабря.

Встали въ 5 часовъ утра. Воды нѣтъ. Такъ мы и остались не пивши; даже лошадей нечѣмъ было напоить Тяжело!..

3-ій эскадронъ ушелъ авангардомъ. Черезъ часъ должны тронуться всѣ.

Только я сѣлъ на лошадь, какъ подаютъ записку отъ командира Нѣжинскаго полка:

— „Усердно прошу прибыть въ полкъ совершить погребеніе трехъ убитыхъ вчера нижнихъ чиновъ моего полка, отдать послѣдній христіанскій долгъ усопшимъ героямъ. Полковникъ Стаховичъ“.

Конечно, мы съ Михаиломъ сейчасъ же поѣхали. Это въ той же деревнѣ, только на другомъ концѣ. Подъѣхали къ фанзѣ командира полка. Рядомъ солдаты роютъ могилу, одну на трехъ. Земля промерзла и не поддается лопатѣ. Но усердіе товарищей, не желающихъ оставить трупы не погребенными, преодолѣло все, и могила, хотя и не особенно глубокая, готова.

Я облачился. Принесли убитыхъ и положили рядкомъ на мерзлую травку въ томъ же видѣ, какъ они были подняты: одежда на нихъ окровавленная, лица въ крови, позы — Господи, какой ужасъ! Одинъ поднялъ руку къ небу, будто зоветъ оттуда кого-то; другому въ голову попала ручная граната, и вмѣсто лица образовалась одна

замерзшая кровавая масса. Лицомъ положили къ востоку. И только что началъ я погребеніе, какъ стало всходить солнышко и лучами своими обласкало, привѣтствовало почившихъ героевъ. Служу. Вокругъ стоятъ солдаты, офицеры, командиръ полка; часто становятся на колѣни; и слезы искреннія, братскія слезы катятся у нѣкоторыхъ изъ глазъ. Трудно не плакать въ такой обстановкѣ!

Кончилъ погребеніе; положили въ могилу усопшихъ. А по отряду давно уже несется „къ конямъ! садись!“ Зарыли наскоро могилу, поставили на нее маленькій крестикъ, перекрестились еще разъ и рысью поѣхали къ полкамъ своимъ.

До 12 часовъ дня шли благополучно. Получено донесеніе, что половина нашего 3-го эскадрона ходила въ атаку на большой японскій разъѣздъ. Зарубили одного японскаго офицера и пять солдатъ, захватили четыре лошади съ сѣдлами. 4-ый эскадронъ тоже нѣсколькихъ зарубилъ и трехъ драгунъ взялъ въ плѣнъ.

Остановились въ трехъ верстахъ отъ г. Нью-Чжуана, и нашъ полкъ пошелъ обходить его. Японская пѣхота обстрѣляла ружейнымъ огнемъ наши эскадроны, но неудачно; только ранили одну лошадь.

Видя себя обойденными, японцы бѣжали; при чемъ многіе побросали ружья, ранцы. Корнетъ Романовъ съ взводомъ лавой проскакалъ весь городъ и удостовѣрилъ, что японцы бѣжали.

Я ѣхалъ съ артиллеріей немного спустя. Еще лежали поломанные нашимъ полкомъ телеграфные столбы и порванная проволока. Объѣхали городъ. Надо спѣшить къ Инкоу.

— „Батюшка! Смотрите скорѣе направо: наши японскій транспортъ берутъ“, кричитъ Михаилъ.

Оглянулся я. Дѣйствительно, нашъ 2-ой эскадронъ карьеромъ нагналъ обозъ въ 200 фуръ съ порохомъ и жизненными припасами. Прикрытіе разбѣжалось. И вотъ запылалъ огромный костеръ. Взрывы пороха слѣдовали одинъ за другимъ, и черный дымъ валилъ къ небу. Въ самомъ городѣ горѣли склады: японцы сами подожгли.

Стемнѣло. Мы проѣхали нѣсколько японскихъ этаповъ съ флагами. Конечно, конвои разбѣжались, и дворы были полны транспортовъ со всякой всячиной. Эти транспорты сейчасъ же зажигали, такъ что кругомъ нашего пути сразу образовалось нѣсколько огромныхъ пожаровъ. Всего въ этотъ день сожгли 600 японскихъ транспортныхъ груженыхъ фуръ и взяли до 1000 лошадей и муловъ.

Можете себѣ представить, что за зрѣлище было вокругъ насъ въ этотъ вечеръ! Удача набѣга оживила всѣхъ. Вездѣ слышался веселый говоръ, смѣхъ и остроты.

Въ 10 часовъ вечера остановились на ночлегъ въ деревнѣ „Ляу-тан-гоу“. Осталось 12 верстъ до г. Инкоу. Легли, конечно, не раздѣваясь.

30-ое декабря.

Выступили въ $8^1/_2$ часовъ утра. Ѣхали очень медленно. По дорогѣ жгли японскіе этапы и мелкіе транспорты. Разъѣзды нашего полка, подъ начальствомъ корнетовъ Граве и Гурова, порвали телеграфныя и телефонныя линіи, захватили телефонную станцію и цѣлую кучу полученныхъ, но еще не розданныхъ японскихъ писемъ.

Въ 12 часовъ весь отрядъ остановился верстахъ въ 5 отъ г. Инкоу. Высшіе начальники собрались на военный совѣтъ; а мы сѣли на гаолянную пашню закусывать, доѣдать послѣдній хлѣбъ. Дальше сухарики...

Еще рано утромъ было слышно нѣсколько взрывовъ. Около 3 часовъ дня еще раздалось нѣсколько. Это наши саперныя команды, составленныя изъ драгунъ, казаковъ и пограничниковъ, рвутъ полотно желѣзной дороги. Всего произведено болѣе 20 взрывовъ; и желѣзную дорогу сильно попортили на протяженіи отъ Хайчена до Инкоу.

Въ 3 часа тронулись и поѣхали прямо рысью. Поднялась такая пыль, какой не было отъ начала похода: хвоста шедшей впереди лошади не было видно. Положился я на волю Божію, натянулъ покрѣпче поводъ, скачу. Вдругъ лошадь моя сразу стала: едва не слетѣлъ я. Впереди что-то барахталось. Оказывается, докторъ Нѣжинскаго полка упалъ вмѣстѣ съ лошадью. Некогда останавливаться —скачу далѣе съ мыслью: что̀-то съ нимъ?

Около часу продолжалась эта скачка. Наконецъ, у деревни Лянь-сан-цзунь остановились. Станція Инкоу предъ нашими глазами. Идетъ паровозъ. Развернулся отрядъ въ боевой порядокъ; выѣхала артиллерія на позицію; назначили у деревни перевязочный пунктъ. Я съ врачами и Полей на пунктѣ. Смотрю—подъѣхалъ и нѣжинскій докторъ. Господь сохранилъ его; только ногу онъ сильно ушибъ. Дрогнула земля: раздался залпъ нашихъ орудій. Зашуршали, завизжали снаряды и полетѣли къ станціи. „Запарилъ" сразу паровозъ и началъ „удирать", давая тревожные сигналы.

— „Ишь его", кричали солдаты: „испугался и бѣжитъ".

Полтора часа продолжалась адская канонада. Орудія стояли только въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ. Невозможно описать состоянія души и возбужденія нервовъ при близкой артиллерійской пальбѣ, тѣмъ болѣе, что мы ежеминутно ожидали съ японской стороны отвѣта: китайцы увѣряли насъ, что въ Инкоу 16 пушекъ и много пѣхоты. Конечно, если бы у японцевъ были пушки, то снаряды ихъ, безъ сомнѣнія, попадали бы и въ насъ. Докторъ конной батареи говорилъ:

— „Ну, господа, если они шрапнельку намъ пришлютъ, я еще согласенъ; а если шимозныя бомбы, то благодарю покорно: надо скорѣе тогда отодвигаться назадъ".

Послѣ первыхъ же выстрѣловъ загорѣлись склады около станціи и горѣли потомъ всю ночь. По сигналу канонада прекратилась. И по эскадрону отъ полка въ пѣшемъ строю были посланы къ окопамъ произвести боевую развѣдку, а, если удастся, то и взять ихъ. Отъ нашего полка пошелъ 3-й эскадронъ. Три раза храбро бросались эскадроны и сотни въ атаку на окопы; но у японцевъ оказались не пушки, а пулеметы, которые положительно дождемъ сыпали пули. Пришлось вернуться.

Главное было сдѣлано: дошли до Инкоу. Демонстрація произведена: склады и транспорты сожгли, желѣзную дорогу попортили и тѣмъ заставили японцевъ на будущее время тщательно охранять свой тылъ и фланги и на это употребить не одну тысячу людей. Значитъ, освободившаяся портъ-артурская армія далеко не вся присоединится къ маршалу Ойямѣ на р. Шахѣ. Слава Богу, помогшему намъ.

Въ сраженіи при Инкоу въ нашемъ полку были слѣдующія потери: погибъ славной смертью героя корнетъ Романовъ (въ него попало четыре пули), раненъ въ ногу шт.-ротм. Пантелеевъ, убито 4 солдата, 15 ранено; 8 бросились въ окопъ и тамъ остались; навѣрно, тоже убиты. Во всемъ же отрядѣ раненыхъ 200 человѣкъ да убитыхъ 90.

Задача выполнена. Пора назадъ. Помоги, Боже, дойти благополучно! Уже недѣля, какъ мы отрѣзаны отъ всего міра. Чувство такое, какъ будто мы умерли, а отечество, близкіе гдѣ-то далеко-далеко, въ другомъ мірѣ, и войти съ ними въ общеніе не въ нашей власти: умерли да и только. Оказалось, это чувство испытывалось всѣми.

Въ 9 часовъ вечера приказано отойти назадъ верстъ на 10—15 и туда перенести раненыхъ. Не забыть мнѣ этой ночи! Всѣ три колоны шли по одной дорогѣ: артиллерія, зарядные ящики, патронныя двуколки, лазаретныя линейки, вьючный транспортъ, казаки, драгуны.... Слабо свѣтитъ луна сквозь тучи пыли. Сзади зарево пожара: горитъ Инкоу. Громыхаютъ пушки. Кричатъ транспортные солдаты на своихъ муловъ и „монголовъ“[1]). Завываютъ неистово мулы; ржутъ лошади. И ко всему этому вдругъ начинаетъ все нестись рысью. Впереди буквально ничего не видно. Скачешь, какъ будто увлекаемый какой-то стихіей, и боишься спросить самого себя:

— „А что, если споткнется конь?“...

По дорогѣ попадаются разные догорающіе предметы: транспортныя японскія фуры, вьюки, товаръ.

Наконецъ „стой! слѣзай!“ Деревня; ночлегъ: $12^1/_2$ часовъ ночи. Фанзу, фанзу скорѣй, канъ!... Силъ не хватило ни умыться, ни попить. Перешагнулъ порогъ и, какъ былъ въ пыли и грязи, прямо на канъ повалился. А тутъ донесеніе, что въ Инкоу спѣшно при-

1) Лошадей монгольской породы.

были 7000 японцевъ съ артиллеріей и, вѣроятно, пойдутъ за нами. Но я уже ничего не слышу и сплю.

Тревожно спалъ: все и во снѣ-то ѣхалъ. Представлялось, будто я забылъ гдѣ-то св. Дары. Съ ужасомъ просыпаюсь. Слава Богу, это сонъ: св. Дары на мнѣ.

Завтра утромъ поѣду къ раненымъ.

31-ое декабря.

Выступать только въ 11 часовъ: нужно раненымъ сдѣлать перевязку. Въ $7^1/_2$ часовъ утра мы съ Михаиломъ поѣхали на перевязочный пунктъ (версты двѣ отъ нашей деревни).

Что за зрѣлище открылось предъ моими глазами! Большой дворъ и двѣ фанзы наполнены ранеными. А по дорогѣ еще несутъ: нужно спѣшить. Вѣдь изъ Инкоу могутъ прійти японцы; а новый бой нежелателенъ. На правой сторонѣ двора лежатъ убитые. Между ними наши офицеръ Романовъ и солдатъ; остальные убитые изъ Нѣжинскаго и казачьихъ полковъ. Понемножку еще приносятъ и кладутъ въ рядъ. Недалеко казаки роютъ братскую могилу. Романовъ покрытъ своимъ окровавленнымъ полушубкомъ. Я пріоткрылъ его. Мертвенно-блѣдное лицо; глаза открыты, смотрятъ на небо; выраженіе лица удивительно покойное.

— „Царство небесное!“ шепчемъ мы съ полковникомъ Ванновскимъ, который пріѣхалъ со мной сюда искать своего двоюроднаго брата полковника Нѣжинскаго полка С. П. Ванновскаго, серьезно раненаго въ руку и ключицу.

Я надѣлъ епитрахиль и отслужилъ краткое погребеніе по убитымъ. Понятно, слезы душили насъ. Не буду описывать позъ, выраженія лицъ убитыхъ. Нѣтъ, не хочу, чтобы у меня еще разъ волосы на головѣ стали дыбомъ....

Рядомъ съ убитыми лежатъ на носилкахъ и на гаолянѣ раненые; въ фанзѣ ранеными полны всѣ каны; есть и на полу. Досталъ я св. Дары. Нѣтъ возможности сдѣлать все по чину, т.-е. каждую частицу класть въ маленькую чашу: негдѣ и некогда. Осторожно положилъ я въ лѣвую руку 25 частицъ и пошелъ по фанзѣ, по двору, по дорогѣ. Подхожу къ раненому, открываю шинель, спрашиваю:

— „Не желаешь ли—я пріобщу тебя св. Таинъ? Господь есть первый врачъ нашихъ душъ и тѣлесъ“.

Отвѣтъ всегда одинъ:

— „Очень радъ! пожалуйста, батюшка!“

Тогда спрашиваю, нѣтъ ли какихъ особыхъ грѣховъ, кается ли сердечно и вѣруетъ ли. Затѣмъ читаю разрѣшительную молитву и, окунувши св. частицу тѣла и крови Христовой въ чистую воду въ

чашечкѣ, пріобщаю раненаго. Такъ же точно причащаю и по дорогѣ на арбахъ и носилкахъ. Подхожу къ одной арбѣ. Лежитъ раненый офицеръ Приморскаго драгунскаго полка. На мое предложеніе пріобщиться св. Таинъ онъ говоритъ:

— „Да я, батюшка, еще не собираюсь умирать“.

Вотъ какъ глубоко укоренился ложный взглядъ на св. причащеніе больныхъ!

— „Причастіе“, говорю я ему: „не въ могилу ведетъ, а соединяетъ съ Богомъ и даетъ силы терпѣливо перенести страданія, тѣмъ болѣе, что намъ предстоитъ еще верстъ 200 пути“.

— „Благодарю Васъ. Согласенъ“, отвѣчаетъ.

И офицеръ пріобщился на арбѣ. Затѣмъ на носилкахъ я причастилъ казачьяго офицера и до 20 солдатъ. Подошелъ къ носилкамъ нашего офицера Пантелеева, благословилъ его. Онъ легко раненъ въ ногу. Вхожу въ фанзу. Сюда только что принесли вольноопредѣляющагося нашего полка Киндякова. Рубашку съ него сняли. Вся грудь въ крови. Пуля попала въ правый сосокъ и пробила легкія. Умретъ. Отъ страданія у него на лбу выступили капли пота; но ни одного стона. Я подошелъ, благословилъ его.

— „Ахъ, какъ я радъ, что Вы здѣсь“, говоритъ онъ мнѣ: „я серьезно раненъ, вѣрующій: пожалуйста, пріобщите меня св. Таинъ“.

Конечно, я сейчасъ же пріобщилъ его. Побесѣдовали мы съ нимъ. Въ концѣ разговора онъ снялъ съ груди георгіевскій крестъ, подалъ мнѣ и говоритъ:

— „Крестъ въ эскадронъ. Я чувствую: умру. Передайте всѣмъ мой поклонъ; скажите, что я счастливъ, исполнивши до конца свой долгъ“.

Простились. Пріобщилъ я еще четырехъ раненыхъ своего полка и поѣхалъ догонять свой полкъ, боясь, какъ бы онъ не ушелъ. Очень сожалѣлъ, что не нашелъ раненаго полковника С. П. Ванновскаго.

Транспортъ раненыхъ уже вытянулся по дорогѣ. Ѣду. Смотрю... На носилкахъ знакомое лицо. Кажется, Ванновскій... Да, онъ. Подъѣзжаю, соскакиваю съ лошади, подхожу къ нему.

Увидѣлъ раненый брата своего Гл. Мих. Ванновскаго, что въ нашемъ полку, и меня и заплакалъ. Я благословилъ его.

— „Очень радъ, что вижу Васъ, батюшка. Будьте добры, пріобщите меня св. Таинъ“, говоритъ.

У него же на носилкахъ приготовилъ я все нужное и пріобщилъ его. Поговорили немного. Смотрю на часы, а время подходитъ выступать полку. Не ушелъ ли уже?

Сѣли мы съ Михаиломъ на коней и, насколько можно было быстрѣе, поскакали къ мѣсту, гдѣ была ночевка.

Подъѣхали. Полки стоятъ, выстроившись. Доложилъ я о своей отлучкѣ ген. Самсонову и командиру полка. Рѣшили скорѣе послать

на перевязочный пунктъ взять тѣло корнета Романова: повеземъ съ собою, чтобы съ должной честью похоронить его въ Мукденѣ на русскомъ кладбищѣ.

Только что немного вздохнулъ я послѣ своей скачки, какъ раздалась обычная команда:

— „Къ конямъ! садись!"

И мы тронулись. Ѣхали шагомъ. Скоро нагнали насъ солдаты съ дорогимъ покойникомъ. До вечера шли, не останавливаясь. Получено свѣдѣніе, что японская пѣхота и артиллерія поджидаютъ насъ около Нью-Чжуана, воображая, что мы и обратно пойдемъ по тому же пути. Ошиблись однако они въ своихъ расчетахъ. Мы къ Нью-чжуану не пошли, а рискинули: именно, рѣку Ляохе мы въ 6 часовъ вечера перешли въ такомъ широкомъ мѣстѣ, что японцы никакъ не предполагали, что мы рискнемъ переправляться да еще съ пушками. Ширина почти равна Волгѣ [1]); къ тому же и ледъ на рѣкѣ сталъ довольно рыхлый.

Благословясь пошли мы черезъ рѣку. Сначала на рукахъ перекатили пушки; потомъ пошли всадники, ведя въ поводу коней. У насъ во 2-мъ эскадронѣ провалилились три лошади: едва вытащили арканами. Провалился и я, да быстро справился.

Долго длилась переправа. Колонна, конечно, растянулась, и потомъ пришлось подтягиваться, т.-е. опять ѣхать рысью ночью; значитъ, опять была мука.

Въ 11 часовъ пришли въ деревню „Хоу-тзя-ті-ензы". Здѣсь ночлегъ. Намъ отвели фанзу одну на штабъ и 4-ый эскадронъ.

Но что это за фанза! Хуже еще ни разу не попадалось. Не говорю про ужасающую грязь: къ этому немного привыкли; но вонь почему-то была такая въ ней, что я не смогъ вытерпѣть и два раза стремительно вылеталъ изъ фанзы: тошнило. Какъ нарочно, ночью былъ порядочный морозъ; а я уже серіозно началъ помышлять провести всю ночь у солдатскаго костра.

— „Батюшка!" слышу голосъ изъ фанзы: „идите сюда: мы здѣсь сильно надымили сигарами и папиросами, и вонь не такъ слышна".

Вошелъ я обратно. Первый разъ въ жизни сказалъ я спасибо табаку. Дѣйствительно, стало сноснѣе.

А въ фанзѣ война. И кто же развоевался? Китаянка. Храбрая оказалась: схватила огромный колъ и пошла на насъ въ наступленіе, стараясь выгнать изъ фанзы. Но, конечно, ее сейчасъ же схватили денщики и отправили ночевать въ одну фанзу, куда собрались женщины и дѣти всей деревни.

[1]) О. Митрофанъ разумѣетъ здѣсь ширину Волги въ г. Сызрани, см. стр. 10.

Это первый случай открытой непріязни къ намъ со стороны китайцевъ. Всѣ прежніе наши хозяева были сравнительно довольны, такъ какъ мы щедро всегда платили имъ за ночлегъ.

Подходитъ Новый годъ. Вмѣсто прекраснаго родного храма, свѣта и благоуханій ладана, пришлось встрѣчать въ бѣднѣйшей и грязнѣйшей фанзѣ, среди вони и полумрака и даже въ опасности. Денщики вскипятили чай и бульонъ изъ консервовъ; неизмѣнная колбаса, сухари... Это новогодній ужинъ. Въ 12 часовъ встали всѣ, перекрестились, поблагодарили Бога, что помогъ пережить страшный 1904 годъ, попросили благословенія на наступающій, поздравили другъ друга и въ 1 часъ ночи улеглись.

1905-ый годъ.

1-ое—4-ое января.

Въ 7 часовъ утра еще разъ перекрестились и еще разъ поздравили другъ друга, но на этотъ разъ уже съ *русскимъ* Новымъ годомъ: въ Россіи въ это время ровно 12 часовъ ночи, и Новый годъ тамъ только что наступилъ.

Начинаемъ вытягиваться въ путь. Вдругъ бумъ, бумъ, бумъ. Рѣзко загудѣли по морозному утреннему воздуху артиллерійскіе залпы.

— „Что за вѣжливый народъ эти японцы!“ шутятъ офицеры: „салютомъ привѣтствуютъ насъ съ Новымъ годомъ“.

Но этотъ салютъ стоилъ нашему отряду еще пятидесяти раненыхъ. Въ свою очередь японцы въ благодарность получили отъ нашихъ пушекъ и казаковъ такое угощеніе, что едва ноги унесли. Изъ газетъ вы уже должны знать объ этомъ.

Тронулись. Наша колонна благополучна: снаряды японскіе не долетали.

Господи! Когда мы доберемся до нашихъ войскъ? Теперь не только Орелъ, но даже убогая наша деревушка Каулоудзы и фанза уже кажутся раемъ. Здѣсь вода одна замучила: и мало ея и очень плохая—грязная, соленая,

Рядомъ со мной ѣдетъ вахмистръ Жучинъ [1]). Это, положительно, герой. Во время боя подъ г. Инкоу онъ раненъ въ правую руку и въ правый бокъ на вылетъ. Жучинъ не пожелалъ ложиться на но-

[1]) И. И. Жучинъ нынѣ подпрапорщикъ. Недавно, благодаря матеріальной поддержкѣ августѣйшаго командира гусаръ-черниговцевъ Великаго Князя Михаила Александровича, вышло въ свѣтъ въ роскошномъ видѣ интересное сочиненіе этого Жучина: „*Изъ записной книжки вахмистра* (Русско-Японская война 1904—5 г г.)“ подъ редакціей шт.-ротм. А. И. Салова.

силки, остался въ строю и вотъ, имѣя руку на перевязи, ѣдетъ съ нами; конечно, страдаетъ, но радостно говоритъ мнѣ:

— „Батюшка! Теперь я вполнѣ счастливъ: выполнилъ присягу и пролилъ свою кровь за Царя и отечество".

Какъ стыдно мнѣ было послѣ [1]) читать русскую газетную руготню и критику! Есть еще истинно русскіе люди, для которыхъ присяга не пустой звукъ и которые теперь, во время войны, когда нужно не ковырять старыя раны, а поддерживать дȳхъ, не станутъ публично казнить прежде времени военачальниковъ и отечество. Не Жучинъ только, а и Киндяковъ, окончившій университетъ, и многіе другіе, трудясь здѣ̀сь, будучи рȁнены, умирȁя, говорили мнѣ то же. Хватитъ времени пȍслѣ войны критиковать и ругать насъ, лѣчить, исцѣлять непорядки. А теперь оставьте насъ въ покоѣ: намъ и такъ трудно. Вамъ вѣдь только *писать*, а намъ нужно *побѣдить* и тѣмъ спасти честь Россіи, какъ первокласснаго государства. Не мѣшайте же, пожалуйста!

До чего надоѣли русскія газеты съ ихъ руготней! Омерзительно невыносимо.

Эй, гдѣ вы, Мининъ и Пожарскій? Слышите ли вы, что ваши пламенныя рѣчи объ „алтарѣ отечества" и „духѣ русскомъ" теперь называютъ „избитыми фразами"?

А тогда тоже были непорядки. Русскіе военачальники, бояре, самые воины тоже не всѣ были на высотѣ. Однако доблестный Мининъ, ставши на площади г. Нижняго-Новгорода, не началъ *публично* критиковать то, что тогда происходило, а сказалъ одно, что каждый долженъ сказать во время войны:

— „Россія бѣдствуетъ: заложимъ женъ и дѣтей и выручимъ отечество".

И выручили. А какая цензура стѣсняла тогда Минина сказать *правду*? Онъ былъ вполнѣ свободенъ въ словѣ. Просто, онъ истинно любилъ Россію, жалѣлъ, спасалъ *духъ* россіянъ.

А нынѣшніе писаки-казнители не хотятъ отложить своихъ иногда, можетъ-быть, и справедливыхъ обличеній, а, неистово вопя тепѐрь, *возмущаютъ* насъ, трудящихся здѣсь, и положительно *терзаютъ* россіянъ, окончательно *доколачивая* несчастныхъ нашихъ оставшихся дома родныхъ.

Безсовѣстные и безжалостные палачи наши! Будто вамъ мало времени будетъ пȍслѣ войны ругаться и писать всякія „правды" о Россіи, вѣ̀рныя и невѣ̀рныя? Почти въ каждомъ письмѣ съ родины пишутъ намъ такія вещи:

— „Сердце разрывается, когда читаешь ужасныя статьи Меньшикова [2]) и другихъ. Бѣдные вы наши страдальцы! Теперь мы ви-

[1]) О. Митрофанъ писалъ это письмо уже 14-го числа, по возвращеніи изъ набѣга.

[2]) М. О. Меньшиковъ—весьма правдивый сотрудникъ „Новаго Времени", знаменитый публицистъ и мыслитель. Но огненныя его статьи во время самой войны, дѣй-

димъ, что вы погибнете тамъ. Мы и не знали, какіе у васъ непорядки"...

И вотъ все въ этомъ родѣ. Спасибо, палачи! Добивайте!..

Кстати о *солдатскихъ письмахъ*, на которыхъ очень любятъ основывать свои обвиненія обличители.

Въ арміи всегда, конечно, найдутся такіе солдатишки, которые, *имѣя всё*, пишутъ и пишутъ роднымъ о своихъ *бѣдствіяхъ* и заканчиваютъ письма обыкновенно просьбой прислать денегъ. Это даже и въ мирное время бываетъ Такіе ужасы расписываютъ, что прямо страсть. А на повѣрку? Врётъ.

Еще разъ утверждаю, какъ прожившій уже 7 мѣсяцевъ на войнѣ: ѣли и ѣдятъ солдаты всегда хорошо; а, если были дни и даже недѣли, когда ѣли сухари и рѣже получали горячую пищу, то вѣдь надо же понять, что здѣсь *война*, а *не пикникъ*. Но въ общемъ такого времени было очень мало. Чай, сахаръ всегда есть и были. Одежда и обувь на зиму? Многое теплое пришло вò-время. Кому недостало, того одѣлъ г. Мукденъ: вѣдь торговля не останавливалась ни на минуту. И вотъ была закуплена масса китайскихъ бѣлыхъ полушубковъ, ватныхъ халатовъ подъ шинель, ватныхъ штановъ, одѣялъ, чулокъ. Никто у насъ замерзать и не думалъ. Кажется, намъ здѣсь повиднѣе и лучше знать, чѣмъ всякому другому, если смотрѣть изъ Москвы или Петербурга, слушая при этомъ отсюда разныя сплетни.

Воевать нýжно и нужно непремѣнно побѣдить. Теперь очевидно, что не даромъ попустилъ Господь эту войну: кажется, достаточно открылись у всѣхъ глаза, чтò такое желтыя націи, если онѣ цивилизуются по-военному. Нельзя же все приписывать однѣмъ нашимъ неисправностямъ: пора бы отдать должное и врагу нашему. Это вѣдь не турки. Вся Европа теперь должна бы сплотиться и спасать себя отъ желтыхъ. А то вѣдь послѣ, спустя извѣстное время, и самой Европы не будетъ подъ ихъ натискомъ.

Боже мой! Что это со мной случилось? Простите—не сдержалъ своего волненія...

Обратный путь мы совершили благополучно. Японцы послѣ 1-го января насъ больше не безпокоили, хотя китайцы ежедневно доносили, что то 10000, то 30000 японцевъ идутъ намъ наперерѣзъ. Можетъ-быть, они и лгали; а возможно и то, что японцы не догнали насъ. Не вѣрилось какъ-то въ благополучіе обратнаго пути.

3-го января въ 3 часа дня перешли снова р. Ляохе, и наша колонна остановилась въ г. Колымѣ на самомъ берегу рѣки. Это верстахъ въ 15 отъ нашихъ передовыхъ постовъ и верстахъ въ 60 отъ д. Каулоудзъ. Здѣсь дневка. Хотя полной безопасности нѣтъ, но все же близко отъ своихъ: отдохнемъ...

ствительно, смущали „духъ россіянъ", приводя многихъ читателей иногда положительно въ отчаяніе.

Штабу полка отвели цѣлое помѣстье богатаго китайца, такъ что не только мы, но и всѣ наши солдаты размѣстились въ фанзахъ, и даже на томъ же дворѣ осталась еще одна фанза, въ которой помѣстились всѣ „бабушки" съ дѣтьми и хозяева.

Конечно, „бабушки" спрятались, какъ только мы въѣхали во дворъ. Командиръ полка купилъ у хозяина чумизу, гаолянное зерно и за все щедро заплатилъ. Послѣ этого китайцы сразу стали любезнѣе.

Я вышелъ на дворъ. Выбѣжали маленькіе „конхòди", т.-е. дѣти работниковъ. Я такъ соскучился по дѣтямъ, что сейчасъ же вмѣшался въ ихъ толпу, приласкалъ, сталъ шутить съ ними. И веселый беззаботный дѣтскій смѣхъ понесся по огромному двору.

Услышали „мадамы" (и такъ еще китайцы зовутъ своихъ женъ), что русскіе капитаны не злые; да женское любопытство въ прибавку одолѣло. Только смотрю—открылась потихоньку дверь женской фанзы, и сначала показались гòловы „бабушекъ", а потомъ и сàми онѣ вышли за дверь и стали съ интересомъ разсматривать русскихъ капитановъ.

У одной китаянки на рукахъ былъ младенецъ. Я подошелъ, поманилъ малютку къ себѣ. И что же? Онъ вдругъ разсмѣялся и протянулъ ручонки ко мнѣ. Конечно, я взялъ его на руки и началъ няньчить. Малютка остался этимъ очень доволенъ и продолжалъ смѣяться, а восторгу матери и китайцевъ не было конца:

— „Шанго, шанго, капетана!" все повторяли они.

А ужъ какъ мнѣ было пріятно это няньченье, и выразить не могу!

На ужинъ сварили курицу. Но хлѣба давно уже нѣтъ, и у китайцевъ ни за какія деньги не достать: сухари и сухари... Хорошо еще, что сухари-то интендантскіе отличные.

Разсѣдлались съ вечера. И я, наконецъ, досталъ свою бурку и разостлалъ ее на тепломъ канѣ. Значитъ, теперь и я на постели...

Улегся рано, въ $7\frac{1}{2}$ часовъ вечера. Ноги прямо не мои: разломило отъ долгой верховой ѣзды. Кажется, и завтра буду лежать весь день, отдыхать. Отъ усталости вечеромъ какъ-то плохо ѣли и оставили сваренную курицу до завтра.

Но ночью случилось происшествіе, благодаря которому мы лишились почти всей курицы. А достать другую здѣсь очень трудно. Оказывается, въ одномъ изъ пустыхъ китайскихъ шкаповъ спряталась кошка; и, когда всѣ уснули, она вышла и стащила нашу курицу. Случайно кто-то проснулся, услышалъ кошачью возню и съ трудомъ отбилъ оставшуюся половину курицы. Конечно, о брезгливости не могло быть и рѣчи: утромъ обрѣзали объѣденныя мѣста, обмыли горячей водой и съ понятнымъ аппетитомъ доѣли остатки.

4-ое января провели въ отдыхѣ. Я пролежалъ ровно 13 часовъ. Я совершенно здоровъ; самъ удивляюсь. Вѣрно, услышалъ Господь

ваши молитвы о мнѣ грѣшномъ и спасъ меня отъ пуль и болѣзней. Слава Богу!

Мечтали къ 6-му января добраться до Каулоудзъ и хоть одинъ изъ праздниковъ, день Богоявленія, отправить по-христіански, отслуживъ св. литургію. Но не судилъ Господь исполниться этому нашему святому желанію: получился приказъ простоять въ г. Колымѣ 5-ое января и выступить только въ 2 часа дня 6-го. Ну, воля Божія да будетъ! Смиряемся. Теперь нужно подумать, какъ бы здѣсь устроить хотя небольшое богослуженіе: вѣдь въ Колымѣ сейчасъ стоятъ три полка. Съ этой мыслью я и легъ, уповая на то, что утро вечера мудренѣе.

5-ое—7-ое января (г. Колыма).

Утромъ долго гулялъ по городу. Грустный видъ онъ имѣетъ: половина его разрушена. Два мѣсяца назадъ у г. Колымы происходила битва нашихъ пограничниковъ съ хунхузами. Зашелъ я въ кумирню. Была очень хорошая. Теперь внутри разрушена: боги валяются на полу разбитые, жертвенники опрокинуты, картины порваны, чучела священныхъ муловъ стоятъ безъ хвостовъ и съ оторванными ногами. Спрашиваю китайца, какая причина такого разрушенія. Жестикулируя руками, онъ быстро заговорилъ:

— „Хунхуза ходй-ходй Колыма; русски солдатъ ходй-ходй Колыма; хунхуза бумъ, бумъ; русски бумъ, бумъ. Китайза ломайло“.

Другими словами, пришли хунхузы въ Колыму, потомъ русскіе солдаты; началось сраженіе. И вотъ китайцы пострадали, а больше всего пострадала кумирня, какъ каменное зданіе. Въ ней хунхузы особенно упорно защищались.

Въ Мукденѣ находится смѣшанная русско-китайская комиссія, которая на мѣстахъ изслѣдуетъ потоптанныя русскими поля, разрушенныя ѳанзы, оцѣниваетъ и подъ расписки китайскихъ властей выдаетъ деньги. Благодаря этой комиссіи въ г. Колымѣ многія ѳанзы уже отстраиваются вновь.

Сегодня сочельникъ. Рѣшили совершить въ 2 часа на нашемъ дворѣ водоосвященіе, о чемъ я извѣстилъ всѣ полки.

Дворъ у насъ обширный; можетъ помѣститься много людей. Позвалъ я одного особенно услужливаго конхòдю (работника) и знаками объяснилъ ему, что нужно подмести дворъ и притомъ какъ можно скорѣе. Онъ сейчасъ же принялся за работу. И черезъ полчаса на дворѣ не осталось ни одной соринки. „Бабушки“ оказались такъ любезны, что дали намъ скатерть на столъ и глиняную чашку для воды. Поставили столъ. Чашку я обернулъ бѣлымъ платкомъ. Засвѣтили стеариновую свѣчу (восковыхъ нельзя было взять съ собою); вмѣсто ковра подостлали цыновку.

Пришли эскадроны, свободные отъ службы, офицеры, генералъ Степановъ. И радостный тропарь „Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи“ понесся изъ нашихъ устъ.

Китайцы и „бабушки“ не вытерпѣли, высыпали изъ фанзы и всю службу смотрѣли на происходящее.

Такъ какъ въ полной безопасности мы еще не были, и каждую минуту могла произойти тревога, то и служили мы „по-скору“, и вмѣсто проповѣди я сказалъ только нѣсколько словъ, напоминая воинамъ, что, какъ вода очищаетъ тѣло отъ нечистоты и утоляетъ жажду, такъ и чистосердечное покаяніе очищаетъ душу отъ грѣховъ, а вѣра въ Господа Іисуса Христа, чтеніе евангелія, таинства и молитва удовлетворяютъ духовной жаждѣ человѣческаго существа. Именно, съ такими мыслями принять окропленіе св. водой просилъ я воиновъ.

Окончилось богослуженіе. Окропилъ я св. водой эскадроны; и всѣ выпили понемножку желтой ляохейской воды. Все-таки на душѣ стало немного легче послѣ всего этого.

Остатокъ дня прошелъ покойно. Отъ ген. Самсонова пришелъ приказъ, чтобы завтра 6-го января въ 10 часовъ утра на нашемъ же дворѣ отслужить молебствіе съ водосвятіемъ, окропить штандарты и произвести парадъ.

Утромъ 6-го января все устроили мы для молебна. Кромѣ вчерашняго конходи мнѣ усердно помогалъ пожилой китаецъ-христіанинъ съ крестомъ на груди и четками въ рукахъ. Во время молебна онъ стоялъ недалеко отъ столика безъ шапки и усердно крестился (католикъ).

Къ 10 часамъ собрались люди, принесли штандарты. Ожидаемъ ген. Самсонова. Вдругъ на югъ отъ деревни раздался ружейный залпъ, за нимъ другой, третій. И пошло тра-та-та-та. Это наше сторожевое охраненіе схватилось съ японскими разъѣздами; значитъ, вотъ-вотъ могли вызвать и моихъ богомольцевъ. Такъ и думалъ, что служить не придется. Однако пришелъ ген. Самсоновъ, и не только отслужили молебенъ и окропили штандарты, но даже и парадъ успѣли произвести. Вышло сравнительно такъ торжественно.

Разошлись по квартирамъ, закусили, что у кого было, и начали собираться въ походъ.

Простились съ хозяевами и въ 2 часа дня выступили. Въ 5 часовъ мы прошли передовые наши посты. Какъ будто камень свалился съ груди: такъ стало легко на душѣ. Теперь мы можемъ ѣхать безъ тревогъ: среди ужъ своихъ. Хотя ночевать пришлось опять на канѣ, и было жестко и грязно, но какъ покойно спалось!

7-го января въ половинѣ 2-го часа дня мы подъѣхали къ дер. Каулоудзамъ среди тучъ пыли. Раздается команда:

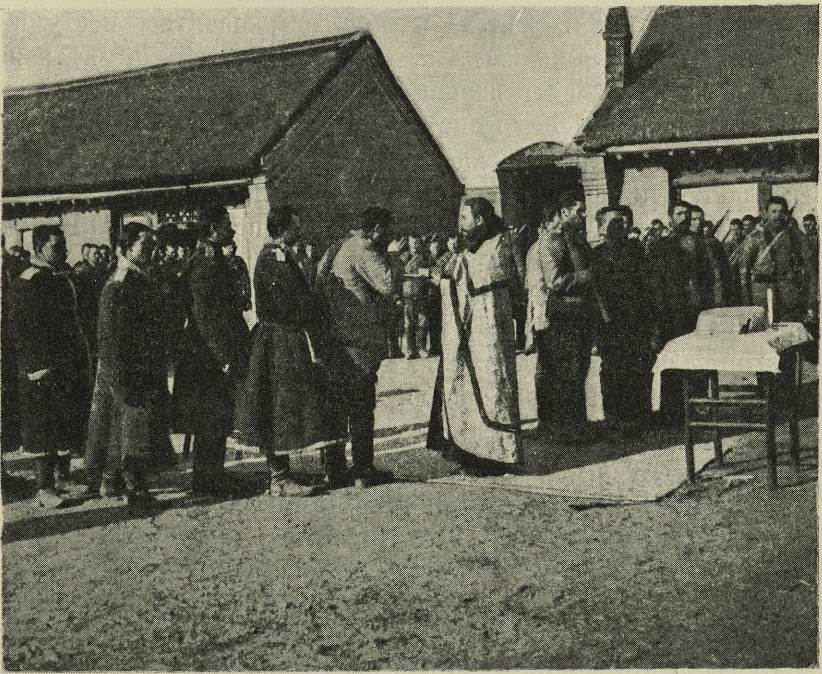
— „Стой! слѣзай! шапки долой! на молитву!“

И, какъ были—въ грязи и пыли, среди лошадей — отъ души запѣли „Благодарни суще недостойніи раби Твои, Господи“.

Отслужили благодарственный молебенъ. Улыбающійся Ксенофонтъ встрѣчаетъ меня. Расцѣловались. Вхожу въ фанзу. Вотъ дворецъ-то! Прямо роскошь.

Кровать моя покрыта чистой простыней. Приготовлено чистое бѣлье. На столѣ стоятъ тарелки—приготовленъ обѣдъ. Я говорю Ксенофонту:

— „Скорѣе, пожалуйста, согрѣй мнѣ воды: я у тебя въ землянкѣ вымоюсь“.

Водосвятіе въ г. Колымѣ 6-го января 1905 года при возвращеніи отряда изъ набѣга на г. Инкоу.

— „Сейчасъ, сейчасъ“, отвѣчалъ онъ и побѣжалъ.

Послѣ обѣда я вымылся. И говорить нечего о томъ, съ какимъ наслажденіемъ, освободившись отъ грязи, я облачился во все чистое и легъ отдохнуть на походную кровать.

Слава Богу, помогшему благополучно совершить тяжелый и опасный походъ.

8-ое января.

Господи, какой грустный день! Сегодня день погребенія нашихъ усопшихъ героевъ: корнета Романова и вольноопредѣляющагося Киндякова.

Да, это были истинные герои. Царство имъ небесное!

Ведя свой взводъ на японскій окопъ подъ г. Инкоу, Романовъ воскликнулъ:

— „Братцы! за мной въ окопъ! впередъ и только впередъ!“

И тутъ же былъ сраженъ 4-мя пулями. Его подхватили фельдшеръ Пухъ и унтеръ-офицеръ. На ихъ рукахъ онъ и скончался.

А Киндяковъ? Помню, 27-го декабря подъѣзжаемъ къ городку Ашенюру. Я ѣду съ нимъ рядомъ. Бесѣдуемъ. Видя на его груди университетскій значокъ, я спрашиваю:

— „Что побудило Васъ итти на войну?“

— „Что?“ возразилъ онъ; „Сознаніе, что я молодъ и русскій. Хотя я окончилъ университетъ и могъ бы, понятно, поступить на гражданскую службу; но когда отечество страдаетъ, то, мнѣ кажется, каждый способный носить оружіе долженъ предложить свои услуги и силы отечеству для его защиты. Примутъ или нѣтъ—это другой вопросъ, но предложить долженъ. Я такъ и поступилъ. Приняли. Вотъ душа моя и покойна: исполняю свой долгъ“.

И исполнилъ. Только два дня прошло послѣ этого. Его эскадронъ пошелъ въ атаку, и Киндяковъ отважно сражался. Японской саблей онъ былъ раненъ легко въ руку, но остался въ строю. 30-го декабря подъ Инкоу вмѣстѣ съ Романовымъ храбро пошелъ на окопъ, пламенными словами воодушевлялъ солдатъ, былъ раненъ въ ногу... И все-таки идетъ. И только пуля, пробившая ему грудь и легкія, остановила его: онъ свалился...

Принесли его на перевязочный пунктъ. Съ вѣрою и благоговѣніемъ пріобщился онъ св. Таинъ и, умирая, говорилъ мнѣ:

— „Скажите всѣмъ, что я счастливъ, выполнивъ до конца свой долгъ“.

Самъ снялъ съ груди окровавленный георгіевскій крестъ и передалъ его мнѣ, завѣщавая эскадрону.

Ну, развѣ это не истинно-русскіе люди, у которыхъ нужно цѣловать край одежды? Развѣ это не герои? И вотъ этихъ-то героевъ мы сегодня погребаемъ. Грустно и въ то же время какъ-то радостно на душѣ. Вѣдь теперь въ Россіи такое множество измельчавшихъ душонокъ, которыя готовы все критиковать, разбивать, кричать о долгѣ; а, при первой необходимости на самомъ дѣлѣ совершить подвигъ и тѣмъ исполнить свой долгъ, тотчасъ прячутся куда-то или начинаютъ изворачиваться. При множествѣ подобнаго сорта людей видѣть предъ собою дѣйствительныхъ подвижниковъ, своею кровью и смертью запечатлѣвшихъ вѣрность долгу и любовь къ Царю и родинѣ, весьма и весьма отрадно.

Утро. Мы съ Михаиломъ верхами ѣдемъ въ дер. Тадзеинъ. Погода хорошая; только сильный вѣтеръ. Подъѣзжаемъ. У воротъ деревни встрѣчаютъ офицеры. Пріѣхалъ командиръ полка и ген. Степановъ. Собрались эскадроны. У всѣхъ а лицахъ какая-то осо-

бенная серіозность. На томъ же огородѣ, гдѣ и прежде мы всегда молились, на томъ именно мѣстѣ, гдѣ ставили церковь, стоятъ на подставкахъ два бѣлыхъ гроба. Поставилъ я предъ ними на китайскомъ столикѣ, покрытомъ красной попоной, икону, евангеліе и крестъ. Сняли крышки.

Ну, до чего покойны лица нашихъ дорогихъ усопшихъ! Не даромъ народъ назвалъ мертвыхъ *покойниками*. Да, молоды были они, наши герои, но честно поработали, сколько успѣли. И вотъ успокоились...

Изъ восковыхъ свѣчей сдѣлали два крестика, и я вложилъ ихъ въ руки усопшихъ. Облачился. Скомандовали „на молитву". Трубачи заиграли „Коль славенъ". Понятно, волновался я страшно. Предъ началомъ погребенія я смогъ сказать только нѣсколько словъ. Приблизительно такъ я говорилъ:

— „Обычно, при погребеніи дорогихъ нашему сердцу усопшихъ, скорбятъ, плачутъ. Но среди насъ сегодня пусть не будетъ скорби и слезъ: радость должна наполнить наши души. Не простыхъ мертвыхъ хоронимъ; нѣтъ, мы нашихъ героевъ погребаемъ. Всѣ знали, всѣ видѣли ихъ подвиги въ набѣгѣ и ихъ геройскую смерть при исполненіи долга. Посему, воздавая должную честь и любовь покойнымъ боевымъ товарищамъ молитвой о упокоеніи ихъ душъ, воодушевимся сами ихъ примѣромъ, чтобы и намъ удостоиться такъ же прекрасно и самоотверженно исполнить долгъ нашъ предъ Богомъ, Царемъ и родиной!

Итакъ, слава усопшимъ воинамъ Михаилу и Сергію между живыми! царство небесное и вѣчный покой да дастъ имъ Господь на небѣ!"

Поемъ погребеніе. Волненіе мое скоро улеглось, и душа наполнилась тихимъ спокойствіемъ. Я сталъ испытывать чувство, будто отпѣваю чистыхъ невинныхъ младенцевъ.

Простились. И при звукахъ гимна „Коль славенъ" и погребальнаго марша понесли героевъ къ мѣсту упокоенія Верстъ 5 провожалъ я усопшихъ пѣшкомъ въ облаченіи. Гг. офицеры и 3-ій эскадронъ ѣхали на коняхъ. Однимъ словомъ, сдѣлали отъ общей любви все, что только здѣсь возможно. Гробы внутри цинковые. Похоронены наши герои въ г. Мукденѣ на русскомъ кладбищѣ и притомъ съ условіемъ, чтобы можно было, если пожелаютъ родные, вырыть и взять въ Россію.

Вернулся я въ свою фанзу снова такимъ же грязнымъ, какимъ пріѣхалъ изъ набѣга. Конечно, опять пришлось мыть голову.

ГЛАВА V.

Время предъ мукденскими боями. Мукденскіе бои и отступленіе.

9-ое—18-ое января.

12-го января среди страшнаго холода сражалась 2-ая армія и взяла двѣ деревни. Бѣдные раненые!

14-го января. Вчера ко мнѣ пріѣзжалъ Поля. Читали вмѣстѣ письма, долго говорили. Онъ у насъ и обѣдалъ.

Третій день во 2-ой арміи идетъ бой и пока успѣшно: наши взяли 7 деревень. Но японцы что-то хитрятъ: почти не отвѣчаютъ на нашу артиллерійскую пальбу. Радоваться подождемъ. Вчера привели болѣе 50 плѣнныхъ японцевъ. Ночью потребовали на мѣсто боя нашу бригаду. Но изъ нашего полка пошло только два эскадрона: полкъ опять раздробили на 5 частей. Я ходилъ въ Суютунь ($1\frac{1}{2}$ версты), гдѣ приготовлено лазаретовъ на 50,000 раненыхъ. Что-то совсѣмъ мало приносятъ сюда раненыхъ; вѣроятно, оттуда прямо везутъ въ Мукденъ на арбахъ.

16-го января. Холода продолжаются. Вотъ во̀-время вернулись мы изъ набѣга: съ 9-го января все морозы, вѣтеръ, снѣгъ. Сегодня 18^0 при вѣтрѣ; но въ фанзѣ у насъ сравнительно тепло.

Наша 2-ая армія сражается. Взяли уже нѣсколько деревень и около 150 плѣнныхъ; говорятъ, и пушки отбили у японцевъ; нѣсколько японскихъ баталіоновъ бѣжали. Неужели Господь оглянулся на насъ? Просто какъ-то не вѣрится.

Ахъ, какой срамъ: священникъ Георгій Гапонъ во главѣ анархистовъ! Смиряюсь подъ крѣпкую руку Божію: Господь знаетъ, почему попускаетъ все это.

18-го января. Сколько дней прошло въ страшной тревогѣ! На правомъ флангѣ наши начали наступленіе еще во время хорошей погоды. А съ 9-го января, какъ нарочно, вдругъ подулъ холодный вѣтеръ, морозъ ударилъ градусовъ въ 16—18 и такъ держится до сихъ поръ. Вѣдь вотъ наша доля: то ливни ужасные во время боя,

а то вотъ морозъ. Почти навѣрное, конечно, усилія и потери наши пропадутъ даромъ: въ большіе морозы какое же можетъ быть наступленіе?

Эхъ, Русь, Русь грѣшная! Когда же ты раскаешься и привлечешь на себя Божіе милосердіе? Когда же ты станешь вновь „святою“?

Молиться за это время не пришлось: все морозы и вѣтры, да и не съ кѣмъ почти. Полкъ нашъ снова раздѣлили почти на 7 частей. Здѣсь остался одинъ только эскадронъ. Въ Суютунь не хожу: холодно.

19-ое января.

Такъ грустно, такъ грустно на душѣ, что и выразить не могу. Наша 2-ая армія съ большимъ успѣхомъ продвинулась было впередъ; но земля за эту недѣлю такъ промерзла, что почти невозможно вырыть окопа. Вотъ и выгнали много японцевъ, заняли съ бою нѣсколько важныхъ деревень; а, кажется, уже бросили и отошли: слишкомъ большія потери отъ артиллеріи, а укрыться негдѣ. Господи, смиряемся: пусть будетъ воля Твоя!

Эхъ, ужъ очень я русскій... Горько и больно мнѣ за наши неудачи, униженіе. Но прямо позоромъ наполняется душа моя, когда представляю внутреннія россійскія безобразія, отсутствіе у многихъ патріотизма. Спасать, спасать намъ нужно честь Россіи! Я и представить себѣ не могу положенія нашего государства въ случаѣ полной неудачи здѣсь. Не говорю уже лично про себя и каждаго изъ военныхъ. Ну да никто, какъ Богъ!

22-ое и 23-ье января.

Простите: нѣсколько дней не въ силахъ былъ писать дневникъ. Да и сейчасъ пишу потому, что слишкомъ одолѣла грусть и неудержимо потянуло подѣлиться съ вами своими чувствами, высказаться: все жъ легче станетъ.

Россійскія событія сразили меня. Не думалъ я, чтобы теперь, когда нужно временно всѐ отложить и думать единственно о спасеніи чести дорогого отечества, нашлось такъ много измѣнниковъ, фальшивыхъ русскихъ, устраивающихъ стачки, забастовки, требующихъ позорнаго мира и проч.

Здѣсь тоже плоховато стало. Проклятые петербургскіе безпорядки и всевозможныя газетныя разоблаченія замѣтно повліяли на духъ очень и очень многихъ военныхъ.

Чего же достигли эти писанія? исправили наши непорядки и нестроенія? Забыли писаки, что русскіе всегда были такіе. Нѣкоторая халатность и прочее бывали и прежде; но доблесть тоже всегда была у русскихъ.

Вѣдь не всѣ воры и не всѣ до одного генералы и офицеры плохи. Да и съ плохими начальниками мы все-таки побѣдили бы духомъ и терпѣніемъ нашимъ. А вотъ, если духъ-то этотъ пропадетъ, тогда прощай, честь дорогой нашей Россіи!

Нѣтъ, ей-ей не отъ однихъ нестроеній затянулась война. Страшное разстояніе не позволяетъ быстро подвозить подкрѣпленія, пополненія; а, при губительности теперешняго оружія (хотя ра̀неныхъ больше), быстрота пополненія убыли людей и боевыхъ припасовъ —дѣло первой важности. Напр. послѣ боя при рѣкѣ Шахе, если бы огромную нашу убыль пополнить дней въ 10, то мы опять сразу же пошли бы въ бой, не давши непріятелю оправиться и укрѣпиться основательно, и, конечно, сломили бы японцевъ. Вышло же такъ, что мы свою убыль пополняли два мѣсяца, а японцы десять дней. Конечно, они укрѣпились, пополнились, и вотъ теперь вышибай ихъ.

Понятно, потомъ мы все-таки одолѣемъ японцевъ; но это въ томъ лишь случаѣ, если не помѣшаютъ свои же русскіе внутренніе враги. Не знаю, ка̀къ бы другая чья-нибудь армія выдержала себя здѣсь, сознавая, что поддержка придетъ очень не скоро, да и воюя-то среди чуждаго народа, китайцевъ.

А мы „скверные никуда негодные кое-каки“, по приговору своихъ и чужихъ судей (хотя чужіе, кажется, меньше, чѣмъ свои, замѣчаютъ у насъ грѣхи и судятъ), все еще терпимъ, и даже ни у кого мысли не являлось бросить войну и помириться. Напротивъ, все здѣшнее переносимъ, одно прибавляя вслухъ и про себя:

— „Авось перетерпимъ! Авось Господь поможетъ, и мы побѣдимъ!“

И всѣ здѣсь страшно боятся, что насъ заставятъ мириться съ японцами. Большинство офицеровъ говорятъ, что они тогда сейчасъ же подадутъ въ отставку. Даже многіе солдаты стыдятся тогда ѣхать обратно.

— „Нѣтъ, лучше умереть, нежели вернуться домой побѣжденнымъ или съ позорнымъ миромъ“, говорятъ тутъ теперь.

Это убѣжденіе большинства изъ здѣшнихъ. Да, признаться, и я такъ же думаю. Это не гордость; нѣтъ, это любовь къ отечеству. Боже, помоги намъ! Я не унываю, смиряюсь; но тяжело.

Вчера я ѣздилъ въ Тадзеинъ, служилъ тамъ всенощную въ фанзѣ, самъ читалъ стихиры и канонъ. Утѣшился. Сегодня совершилъ божественную литургію. Помѣстилось до 80 человѣкъ. И какъ я радъ!

Когда одолѣли меня указанные выше грустные помыслы, я бросился къ евангелію, св. отцамъ, псалмамъ, молитвѣ. Воистину „кладязь глубокъ воды живой“ содержится въ нихъ. Я буквально пилъ эту *воду живую* и могу свидѣтельствовать, что, если грусть и тоска навалятся на человѣка, то эти книги и молитва спасутъ его, до унынія не допустятъ.

Святая же литургія—это что-то невыразимо утѣшительное для скорбящаго и обремененнаго. Я не могу описать чувства, охватившаго меня сегодня во время богослуженія. И грязный потолокъ фанзы какъ-будто пропалъ; душа, казалось, вышла изъ тѣла; слезы душили, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе становилось ощущеніе какого-то размягченія: будто таяло что-то внутри. И потомъ такъ легко-легко стало: положительно, тяжелый камень свалился съ моего существа.

Я не могъ удержаться: началъ говорить проповѣдь (хотя я не готовился къ ней и мало было слушателей). Сознаюсь, говорилъ, не зная, кому говорю. Будь въ это время фанза пустая, и я все-таки, чувствую, говорилъ бы: какое-то переполненіе духовное ясно ощущалось. Скорѣе самъ себѣ я проповѣдывалъ. Какъ-будто кто-то другой подсказывалъ душѣ моей неизъяснимыя мысли, слова утѣшенія, назиданія; а внутреннее мое *я* (скорбное-то!) внимательно слушало, принимало, услаждалось; языкъ же только извлекалъ, такъ сказать, эти мысли изъ глубины души и, какъ могъ, выражалъ, давая имъ наружную оболочку.

Говорилъ я, что мы слѣпы духовно, что нашихъ собственныхъ, человѣческихъ усилій ума и сердца не хватитъ, чтобы рѣшить всѣ вопросы вѣчной жизни и утѣшить себя въ скорбяхъ. А все это безусловно нужно для жизни; иначе—вѣчная гибель. Только сердечная и крѣпкая вѣра въ Бога и молитва спасутъ насъ, утѣшатъ и все разрѣшатъ.

— „Іисусе, сыне Давидовъ! помилуй меня, чтобы мнѣ прозрѣть“.

Такой вопль души нашей, исходящій отъ всего сердца, будетъ услышанъ Спасителемъ, непремѣнно будетъ услышанъ, и мы ясно почувствуемъ отвѣтъ Его:

— „Прозри: вѣра твоя спасла тебя“.

И какъ будто чешуя свалится съ духовныхъ нашихъ очей, и многое и многіе представятся намъ въ другомъ свѣтѣ, многое разъяснится, и камень скорби и грѣха свалится съ насъ, и станетъ такъ все ясно и такъ легко, легко.

— „О, слава Тебѣ, милосердый Господь нашъ и Спаситель, за принесенный Тобою намъ темнымъ свѣтъ, просвѣщающій, утѣшающій и спасающій насъ!“ сказалъ я, заканчивая свою проповѣдь.

Представьте, послѣ св. литургіи я даже смѣялся: такъ мнѣ стало легко.

Да будетъ воля Божія надъ нами недостойными!

Сегодня ночью слышу: кто-то по мнѣ бѣгаетъ, что-то большое, какъ кошка. Догадался—крыса. Я метнулся изо всей мочи, и крыса взлетѣла къ потолку и шлепнулась объ полъ. Непріятно!.. Потомъ я едва уснулъ.

Нѣкоторыя сестры страшно скверно ведутъ себя здѣсь. На войнѣ должны быть только мужчины.

27-ое января.

Вчера я ѣздилъ въ гости къ Полѣ въ деревню „Эльтхайцзы" въ семи верстахъ отъ нашей резиденціи. Вотъ и мы здѣсь ѣздимъ въ гости.

Подъѣхалъ я къ фанзѣ. Выскочилъ зачѣмъ-то изъ нея солдатъ и, увидѣвши меня, опрометью бросился назадъ сообщить барину о пріѣздѣ гостя; точь въ точь, какъ, если бы я подъѣхалъ во Владычнѣ [1]) къ родному дому, то первый увидавшій меня такъ же быстро унесся бы обратно сообщить остальнымъ о прибытіи о. Митрофана. Выскочилъ Поля...

Конечно, чай и разговоры, разговоры... Я поздравилъ его со второй наградой: онъ получилъ орденъ св. Анны 3 степ. Посидѣлъ у него часа два и благополучно вернулся домой.

Пріѣхалъ, а здѣсь уже ожидала меня грустная новость: пришла телеграмма, что у нашего доктора Блюма [2]) умерла жена. Конечно, я побѣжалъ къ нему въ фанзу. Еще не доходя, я услышалъ его крики. Первый разъ въ жизни увидѣлъ я, какъ страшно плакалъ мужчина. Блюмъ бѣгалъ по фанзѣ и буквально кричалъ; слезы у него лились ручьемъ.

Его жена умерла, поболѣвъ только три дня. Страшное горе! Чѣмъ тутъ утѣшить?

Бѣдняга продолжаетъ чуть не ежедневно получать отъ жены письма и будетъ получать еще цѣлыхъ 3—4 недѣли. Вообразите состояніе его души: знать, что жены уже нѣтъ на свѣтѣ, и получать отъ нея письма.

Какъ могъ, я утѣшалъ его, старался разговорить. Вдругъ съ улицы ясно донеслись звуки удалой военной пѣсни. Это нашъ 1-ый эскадронъ возвращался откуда-то со стороны позицій и пѣлъ что-то веселое. Заслышавъ это, Блюмъ сталъ рыдать еще болѣе. Дѣйствительно, совпаденіе ужасное: дружная веселая пѣсня и рядомъ неудержимыя рыданія человѣка, потрясеннаго великимъ горемъ.

Господи! Сохрани всѣхъ насъ здравыми и благополучными, чтобы еще здѣсь, на землѣ увидѣться намъ. Впрочемъ, на все воля Божія да будетъ!

Морозы стоятъ ужасные. Ежедневно не менѣе 20°; а сегодня ночью, говорятъ, доходило до 30°. Трудно стало доставать дрова, но все еще пока достаемъ; и въ фанзѣ у насъ довольно сносно, хотя и въ мѣховомъ одѣяніи сидимъ. На ночь я раздѣваюсь, но укрываюсь мѣховымъ; на голову же надѣваю скуфейку и сплю хорошо.

Сегодня утромъ послѣ чая слышимъ вдругъ голосъ за окномъ: „капетана—шибко знакомъ"... Значитъ, пришли наши хозяева. Ко-

[1]) Родина жены о. Митрофана, см. стр. 39, прим. 1.

[2]) Іудейскаго вѣроисповѣданія.

нечно, приняли ихъ, дали поѣсть, уплатили за фанзу раза въ три больше слѣдуемаго. Молодой китаецъ говоритъ адъютанту:

— „Капетана, моя каулянъ ю, чумиза; солдата карабачи“.

И самъ показываетъ рукою на землю и будто копаетъ. Мы сразу поняли, что у него здѣсь гдѣ-то зарыто зерно гаоляна и чумизы, что они пришли взять его, но боятся, какъ бы солдаты не обидѣли ихъ.

Адъютантъ сейчасъ же пошелъ съ ними на дворъ. И они на томъ мѣстѣ, гдѣ я всегда гулялъ около хлѣва, откопали большой ящикъ съ прекраснымъ зерномъ, которое мы у нихъ тутъ же и купили. Въ награду за помощь китайцы дали намъ какихъ-то пряниковъ грязныхъ. И мы взяли: отказаться—страшная обида. По секрету они сообщили, что у нихъ еще въ одномъ мѣстѣ зарытъ гаолянъ. Вотъ какого довѣрія добились мы. Разстались совершенно друзьями.

28-ое—31-ое января.

Спасибо за письма. Это истинная жизнь моя здѣсь. Ежедневно ожидаю почту съ замираніемъ сердца.

Паденіе Портъ-Артура угнетающаго впечатлѣнія въ арміи не произвело: этого давно ожидали. Нашему полку назначена отъ высшаго начальства стоянка въ деревняхъ Тадзеинѣ и Каулоудзахъ. Полковой обозъ съ нами, дивизіонный въ Мукденѣ. Главный священникъ верстахъ въ 12 отсюда. Наша деревня верстахъ въ 5 отъ позицій, а отъ японцевъ, значитъ, верстахъ въ 6. Къ опасности привыкли. Штандартъ въ нашей фанзѣ. Денежный ящикъ около фанзы подъ охраной часового. Въ фанзѣ тепла градусовъ 6—7: слава Богу, жить можно. Какъ я радъ, что карточка „Три друга“ дошла, хотя я и плоховато вышелъ; но я снимался ради „друзей“ своихъ, а они вышли прекрасно. Одежда, поза—все по выбору самихъ Михаила и Ксенофонта: я послушно повиновался. Не могу безъ смѣха смотрѣть на свою фигуру. На мнѣ поясъ съ японскаго солдата, рукавицы —Вѣрина [1]) работа. Въ такомъ видѣ я и разгуливалъ.

Букрѣевъ перешелъ изъ полка на службу въ 10-ый корпусъ интендантомъ корпуса; Преженцовъ произведенъ въ полковники, Чепуринъ въ подполковники; Гринбергъ уходитъ изъ полка совсѣмъ въ транспортъ; Витковскій и Камлюхинъ, кажется, тоже уходятъ. Вообще, когда вернемся въ Орелъ, то и половины офицеровъ не будетъ въ полку.

Нашего ген. Бильдерлинга назначили временно командующимъ нашей 3-ьей арміей; Каульбарсъ получилъ 2-ую армію. Гриппенбергъ „сбѣжалъ“; всѣ его осуждаютъ. Впрочемъ, исторія все освѣтитъ.

[1]) Вѣра Владимировна Рождественская—своячиница о. Митрофана.

5-ое—6-ое февраля (дер. Каулоудзы).

Чуть опять я не ушелъ въ кавалерійскій набѣгъ. Пришло вдругъ приказаніе, чтобы 5 эскадроновъ Нѣжинскаго полка и 3 эскадрона нашего полка шли къ городу Синминтину истреблять хунхузовъ и переодѣтыхъ японцевъ. Мы уже приготовились; но потомъ пришла перемѣна. Идетъ весь Нѣжинскій полкъ и только 2 эскадрона отъ нашего полка подъ командой полковника Стаховича. Значитъ, нашъ

Три друга.

Снимались 21-го ноября 1904 года въ китайской фотографіи въ Мукденѣ (съ винтовкой—Михаилъ).

командиръ остался (и я тоже) при четырехъ эскадронахъ. Поля не поѣхалъ въ этотъ походъ. Его оставилъ командиръ, потому что много лошадей больныхъ въ полку.

Спасибо вамъ за письма. Это невыразимое утѣшеніе намъ. Пишите намъ обо всемъ. Душа летитъ къ вамъ неудержимо. Утѣ-

шаюсь только мыслью, что, Богъ дастъ, меньше осталось, больше пережили.

Я какъ-то очерствѣлъ и не могу писать дневника. Многіе пишутъ мнѣ, чтобы я продолжалъ его. Но что писать? Вѣдь, если я вообще рѣшился писать, то исключительно имѣлъ въ виду свою личную жизнь, дабы главнымъ образомъ себѣ для памяти кратко записать пережитое, перечувствованное. Но вотъ все, что только оставляло въ душѣ моей малѣйшій слѣдъ изъ нашей походно-боевой, іерейской и обыденно-житейской жизни, все это уже записано. Теперь стоимъ на одномъ мѣстѣ. Зима. Сравнительная тишина. Однообразіе ужасающее. Что же писать? Рѣшительно не знаю. Если бы я былъ заправскій корреспондентъ, то нарочно, конечно, съѣздилъ бы туда-сюда, спросилъ бы, разузналъ бы что-либо интересное. Но я не корреспондентъ, а полковой священникъ; сижу съ полкомъ въ Каулоудзахъ-Тадзеинѣ и никуда не могу ѣздить, а обязанъ находиться при полку и посильно исполнять свое іерейское дѣло. Вотъ и все. Это я пишу потому, что многіе думаютъ, что я нарочно бросилъ писать дневникъ.

Въ дорогой день нашего бракосочетанія 29-го января я служилъ всенощную у ген. Степанова. Благодаря тѣснотѣ, въ фанзѣ была такая жара, что всѣ мы въ первый разъ за всю зиму потѣли и испытывали духоту. Представьте, это всѣмъ намъ было пріятно: напомнило Россію. Особенно было пріятно мнѣ: сразу вспомнилась родная моя орловская церковь, изъ которой я частѣнько приходилъ домой совершенно мокрый.

Послѣ всенощной условились 30-го служить св. литургію въ палаткѣ на воздухѣ, если бы погода была такая же теплая, какъ послѣдніе два дня предъ этимъ: на солнцѣ даже таяло. Однако надеждѣ нашей не суждено было сбыться: утромъ 30-го оказалось 14° мороза, да вѣтерокъ въ прибавку. Ограничились тѣмъ, что каулоудзинскій гарнизонъ собрался на обычное наше мѣсто молитвы (огородъ), и мы отпѣли молебенъ Спасителю, Богородицѣ и тремъ Святителямъ великимъ.

Въ краткой проповѣди я указалъ на необходимость въ дѣлѣ спасенія души обращаться къ руководству. И въ этомъ отношеніи совѣтовалъ руководствоваться особенно писаніями св. отцовъ Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста: довольствуясь теперь усердною молитвою Имъ, необходимо послѣ войны нелѣностно читать Ихъ творенія.

Разошлись богомольцы по землянкамъ, а мы съ Михаиломъ остались: я отслужилъ панихиду по мамашѣ [1]) и всѣмъ нашимъ усопшимъ сродникамъ. Насъ было только двое.

[1]) 30 января день кончины богобоязненной и чадолюбивой Юліи Петровны, матери о. Митрофана.

1-го февраля ѣздилъ въ Тадзеинъ и служилъ тамъ всенощную, а 2-го, въ день Срѣтенія Господня, тамъ же въ фанзѣ 5-го эскадрона совершилъ св. литургію. Вмѣсто концерта пѣли „Покаянія отверзи ми двери, Жизподавче“, такъ какъ въ слѣдующее воскресенье едва ли придется служить.

Въ проповѣди говорилъ, что намъ, подобно праведному Симеону, тоже недостаточно удовлетворяться однимъ земнымъ благомъ, а нужно искать блага высшаго, не гибнущаго: нужно постараться встрѣтить Христа, дающаго это благо, принять Его въ свои объятія, въ себя, въ свою жизнь. И тогда истинный миръ войдетъ въ нашу душу, и только тогда каждый изъ насъ въ правѣ будетъ сказать: „теперь я всего достигъ“.

— „Итакъ“, говорилъ я: „ищите прежде всего царства Божія и правды Его, а остальное все въ необходимой для земной жизни мѣрѣ приложится вамъ“.

Послѣ литургіи ѣздилъ я въ 17-ый саперный баталіонъ въ деревню Даліантунь и тамъ служилъ молебенъ.

Вотъ и вся моя жизнь до 6-го февраля. Остальное время читаю и читаю. Съ положеніемъ военнымъ, съ мыслью объ опасности (вѣдь всего 4 версты отъ позицій) я уже свыкся и достигъ такого состоянія душевнаго спокойствія, что, видите, могу читать, гулять. Вѣра въ Промыслъ Божій, мудрый и благій, укрѣпила мои силы душевныя, и я теперь снова въ состояніи переносить всѣ военныя и россійскія испытанія.

Что могло быть хуже положенія древнихъ христіанъ? Ихъ били, терзали, гнали, казнили; нигдѣ на землѣ они не находили защиты. Вѣдь могли бы, кажется, и усомниться въ вѣрѣ? Однако они все вынесли съ вѣрою въ Промыслъ Божій, со смиреніемъ, терпѣніемъ, благодареніемъ. И они побѣдили, а, главное, наслѣдовали блаженную вѣчность и съ радостью ожидаютъ общаго всѣмъ воскресенія.

Мы тоже теперь должны быть особенно подобны имъ, такъ какъ новое язычество, лицемѣрное и гнусное, охватываетъ все бóльшую часть людей и гонитъ все истинно Христово. Такъ потерпимъ же! Смиримся подъ руку Спасителя нашего! Не измѣнимъ Ему, а среди всѣхъ испытаній, гоненій и бѣдъ будемъ благодарить Его за все, молиться Ему о помощи, надѣяться, что будетъ время, когда Христосъ выведетъ, какъ свѣтъ, правду нашу! Постраждемъ смиренно малое время здѣсь на землѣ отъ исконныхъ и новыхъ язычниковъ, чтобы утѣшиться въ вѣчности! Впрочемъ, весьма возможно, что Господь утѣшитъ смиренныхъ и здѣсь еще.

7-ое февраля.

Сейчасъ служили мы панихиду по новомъ мученикѣ Царствующаго Дома Великомъ Князѣ Сергіи Александровичѣ. Царство небесное мученику за правду.

Бѣдная наша страдалица Великая Княгиня! Да утѣшитъ ее Господь, а злодѣевъ да судитъ Богъ по правдѣ Своей и по истинѣ Своей.

Злодѣи! вы кричите о *свободѣ*, а сами дѣйствуете *насиліемъ*. Это что же за логика такая, несчастные погибшіе люди?

Господи, тяжело! Гнусное убійство Великаго Князя Сергія Александровича, крупнаго, но тайнаго благотворителя бѣднымъ людямъ, страшно поразило меня. Я сейчасъ же послалъ Великой Княгинѣ Елисаветѣ Ѳеодоровнѣ сочувственную телеграмму и получилъ отъ Нея отвѣтъ:

— „Благодарю за молитвы. Въ молитвенномъ единеніи почерпаю силы переносить незамѣнимую утрату. Елисавета“.

О. ректоръ [1]) написалъ мнѣ чудное письмо. Хорошій онъ человѣкъ. Я окаянный недостоинъ его вниманія. Между прочимъ онъ пишетъ, что по любви къ народу онъ печатаетъ „Дневникъ“ по возможности безъ пропусковъ.

10-ое февраля (д. Каулоудзы).

Нѣтъ словъ выразить, какъ сразила насъ всѣхъ ужасная вѣсть о мученической смерти Великаго Князя Сергія Александровича отъ руки гнуснаго злодѣя. Я прямо-таки трясся весь, какъ въ лихорадкѣ.

Какъ невыразимо жаль бѣдную страдалицу Великую Княгиню! Такая добрая, сердечная, чудная женщина, и какое тяжкое горе выпало на долю Ей! Одинъ Богъ можетъ Ее утѣшить и послать силы перенести постигшее несчастіе. Я уже два раза служилъ панихиды по Великомъ Князѣ все на томъ же огородѣ, и оба раза было холодно и вѣтрено. Всѣмъ хотѣлось помолиться объ усопшемъ. Командиръ полка, когда сообщилъ полку объ ужасной смерти Великаго Князя и о томъ страданіи, какое переноситъ теперь наша всегдашняя печальница Великая Княгиня, расплакался.

Да и трудно было не плакать. Невольно пришли на память слова покойнаго церковнаго витіи:

— „До чего мы дожили, о россіяне? Что видимъ? Что дѣлаемъ?“

Дѣйствительно, дожили до трудныхъ временъ. Дай, Боже, силы пережить, перенести это страшное внутреннее и внѣшнее испытаніе!

Я часто-часто смотрю теперь на картину Васнецова „*Преддверіе рая*“. Чудная картина! Предъ глазами цари, царицы, князья, мученицы Екатерина, Варвара и другія, мученики, знатные, убогіе —все труженики, и у всѣхъ одно въ глазахъ:

[1]) Ректоръ Орловской духовной семинаріи протоіерей В. А. Сахаровъ печаталъ „Дневникъ“ о. Митрофана въ Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

— „Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога".

О, Господи! Помоги же и намъ среди заслуженныхъ нашими беззаконіями страданій не упасть духомъ, не ослабѣть въ вѣрѣ въ Тебя, въ промыслъ Твой! Помоги смириться, терпѣть и, начиная съ Царя и кончая самымъ убогимъ изъ насъ, всѣмъ исполнить принятый нами на себя долгъ до конца, невзирая ни на какія злодѣйства и бѣды, чтобы, когда станемъ *предъ дверями рая*, и мы могли, подобно древнимъ, съ надеждой ожидать, что и для насъ откроетъ ихъ Спаситель, такъ какъ и мы, насколько были въ силахъ, смирялись, вѣрили, терпѣли, исполняли свой долгъ!

Странно, до боли странно, какъ это христіане мечутся туда и сюда, ища отвѣта на вопросъ, кàкъ жить, чтобы на землѣ царили счастье и правда.

Неужели могли забыть *христіане*, что Господь Іисусъ Христосъ такъ ясно и просто разъ навсегда разрѣшилъ этотъ вопросъ, сказавши, что „Царство Божіе внутри насъ"? Кажется, ясно: займись каждый прежде всего передѣлкой самого себя, своей внутренней жизни, преобразись по образу Христа и при Его благодатной помощи, а внѣшнее, формы-то жизни сами собой будутъ хороши. Человѣкъ, преобразившійся по Христу, есть уже такое существо, которое никого не обманетъ—ни Бога, ни людей; онъ честенъ внутренно и наружно. Общество такихъ людей, подъ управленіемъ не какой-либо партіи не преображенныхъ внутренно людей, а христіанскаго государя-отца, и есть идеальное государство. Мнѣ всегда представляется, что если воду грязную и вонючую, находящуюся въ глиняномъ сосудѣ, перелить въ золотой, она отъ этого не станетъ чище и вкуснѣе, такъ какъ грязь находится не въ стѣнкахъ сосуда, а внутри самой воды. Отсюда, конечно, выводъ простъ; какъ бы ни были совершенны внѣшнія формы жизни, сами по себѣ онѣ не очистятъ внутренней гнили людей, а только, замаскировавши внѣшнимъ блескомъ внутреннее разложеніе, дольше продержатъ людей въ обманѣ.

Нѣтъ, дай, Господи, нашему дорогому отечеству, потрясенному бѣдами и злодѣйствами, возродиться во Христѣ подъ мудрымъ управленіемъ помазанника Божія самодержавнаго Царя и при святомъ руководствѣ православной Церкви, да такъ, чтобы каждый русскій могъ всегда сказать: „теперь уже не живу я, но живетъ во мнѣ Христосъ". Вотъ тогда и воцарятся на нашей родинѣ правда и счастье.

Подъ вліяніемъ послѣднихъ событій такъ было тяжело, что, казалось, еще мгновеніе, и голова расколется пополамъ.

Христосъ... Христосъ... О, какъ вѣрно Онъ именуется Спасителемъ! Что было бы съ нами, если бы не вѣра въ близость Отца Небеснаго, Который знаетъ, чтò и для чего дѣлаетъ, попускаетъ? Эта вѣра и молитва спасли. Выйдешь на огородъ нашъ, взглянешь

туда, въ синеву небесъ, вознесешься мыслью и сердцемъ къ Нему, сладчайшему нашему Отцу и Другу, вздохнешь предъ Нимъ глубо̀кимъ-глубокимъ вздохомъ покаянія, смиренія, просьбы о сочувствіи и помощи—и вдругъ такъ ощутительно почувствуется Его сладкій шопотъ тамъ внутри, у сердца:

— „Зачѣмъ усомнился, маловѣрный? Вѣдь Я же сказалъ заранѣе, что *въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ,* что *претерпѣвый до конца̀ спасется,* что *не будьте подобны тѣмъ, кои во время* (счастья) *вѣруютъ, а во время напасти отпадаютъ,* что *Я съ вами до скончанія вѣка.*

И вдругъ самому мнѣ странно становится: какъ это я могъ отдаться унынію? Вѣдь сила наша—Христосъ, Который претерпѣлъ страшныя страданія, ужасную смерть и кончилъ тѣмъ, что все это побѣдилъ Своимъ воскресеніемъ, предрекъ и обѣщалъ и *вѣрнымъ* послѣдователямъ Своимъ ту же побѣду. Вѣдь эта побѣждающая Сила съ нами!

О, ничего не боюсь! Пусть всѣ силы ада идутъ на насъ! пусть мы останемся „малымъ стадомъ“, но словъ Спасителя: „*Не бойся: Я съ вами*“ никогда не забудемъ. Прочь, прочь, уныніе! дай мѣсто вѣрѣ, надеждѣ и любви!

— „Аминь“, кто-то говоритъ въ душѣ.

И миръ снисшелъ въ сердце, и снова улыбка на лицѣ... Слава Тебѣ, Господи, за все въ нашей жизни! Какое счастіе, что мы христіане!

Я послалъ Великой Княгинѣ телеграмму, а потомъ написалъ и письмо: не могъ удержаться. Вѣдь горе-то, горе какое! Сколько разъ Она утѣшала насъ на войнѣ и близкихъ нашихъ! Могъ ли молчать я, христіанинъ и священникъ, когда Она сама оказалась въ такомъ ужасномъ несчастіи? Вообще, мнѣ кажется, теперь, когда по какому-то беззаконному праву злодѣи кричатъ и доставляютъ обиды и скорби нашему христіанину Государю и Его царственной семьѣ, намъ ли, пастырямъ Церкви, молчать въ такое время?

Эй, православные русскіе люди! Пойте громче, всей грудью пойте „Боже, Царя храни“, та̀къ, чтобы земля дрогнула, чтобы затрепетали злодѣи, измѣнники святой присягѣ! Составляйте адресы, пишите письма, шлите ихъ къ Государю-страдальцу, идите сами къ престолу Его съ словомъ сочувствія, клятвы въ вѣрности, утѣшьте печальника нашего, отца отечества! Утѣшьте скорѣе, скажите Ему, что отбросите теперь традиціонныя наши „авось“, „небось“ да „кое--какъ“, а всѣми силами возьметесь за Христово, Государево и русское дѣло! Пора! Обыщите всѣ уголки въ землѣ Русской, найдите крамольниковъ, злодѣевъ гнусныхъ! Ищите всѣ, всѣ, у кого не умерла еще русская душа! Вразумляйте ихъ и, если не подѣйствуетъ, отдавайте ихъ на судъ Божій и правосудіе человѣческое! Помогайте своему Государю! Очистите предварительно и свои души отъ внут-

ренних злодѣевъ, грѣховъ лютыхъ, сердечнымъ покаяніемъ, омойтесь слезами и молитвою! И тогда возрадуется Господь нашъ, утѣшится скорбный Царь нашъ: миръ, правда и счастіе воцарятся въ землѣ нашей.

Простите: опять вылилась душа моя...

11-ое—12-ое февраля.

На 8-ое февраля пришелся 40-ой день смерти нашихъ убитыхъ подъ Инкоу героевъ. Но 3-ій эскадронъ былъ занятъ; почему панихиду пришлось отложить на сегодня.

Утромъ мы съ Михаиломъ верхами поѣхали въ д. Тадзеинъ. Вѣтеръ въ лицо, пыль. Невольно припомнился набѣгъ на г. Инкоу, когда отъ ужасающей пыли, казалось, вотъ-вотъ мы задохнемся или ослѣпнемъ.

— „Охъ, батюшка“, говоритъ Михаилъ: „ввѣкъ не забуду я этого похода. И какъ это мы цѣлы остались? Богъ сохранилъ! Если вернусь живымъ домой, будетъ, что вспомнить. Помните, какъ мы подходили къ Инкоу, и особенно, когда ночью отходили назадъ? Я скакалъ за Вами, а въ головѣ такъ и стучитъ: вотъ сейчасъ на какой-нибудь канавѣ полетимъ“.

Дѣйствительно, памятна эта ночь подъ 31-ое декабря. Въ 9 часовъ вечера мы пошли обратно отъ Инкоу, и, чтобы не затормозить движенія идущихъ сзади колоннъ, намъ пришлось верстъ десять ѣхать наравнѣ съ солдатами рысью, а иногда и галопомъ. Ночь. Хотя и луна, но тучи пыли окутали все и всѣхъ мракомъ. Нужно было стараться не оторваться отъ своихъ; а между тѣмъ хвоста передней лошади не было видно. Что̀ подъ ногами: дорога, борозда или канава, не разберешь. А ѣхать нужно и непремѣнно рысью. Вѣдь отстать нельзя и некуда: впереди, сзади, кругомъ все ѣдутъ, ѣдутъ—всадники, артиллерія, транспортные мулы и лошади. Лицо горитъ; глазамъ прямо больно отъ пыли, а зрѣніе все сильнѣе напрягаешь впередъ. Лѣвая рука замерзла, держа поводъ; правою стараюсь поддерживать на груди св. Дары. Въ душѣ одна мысль: Господи, сохрани.

И сохранилъ Спаситель: глубокія борозды, валяющіеся на дорогѣ камни, разные предметы—все моя лошадка во̀-время перескакивала. Особенно испугался я на одной канавѣ. Ѣхали прямо по полю. Вдругъ лошадь ѣдущаго впереди всадника какъ-будто взвилась на дыбы, шарахнулась и исчезла. Не успѣлъ я моргнуть, какъ и моя лошадка сразу вскочила на холмъ. А за нимъ глубокая канава, и въ ней лежитъ упавшая уже туда бѣлая лошадь изъ транспорта. На мгновеніе остановился мой конь. Думать некогда: вѣдь сзади нагоняютъ. Помню, крикнулъ я „но!“ и—на другой уже сторонѣ: пере-

прыгнулъ. Слава Богу, и Михаилъ тоже перескочилъ. Какъ же облегченно вздохнулъ я, когда наконецъ скомандовали „шагомъ“! Затѣмъ подъѣхали къ рѣкѣ Ляохе. Сырость, ужасный туманъ, влага обильно покрыла насъ. И вотъ ручьи черные-грязные отъ пыли потекли по нашимъ лицамъ. А подрясникъ мой покрылся такими интересными узорами, что, кажется, теперь уже никакія химическія чистилища не помогутъ.

— „Да“, говорю я Михаилу: „помню все: не забыть... Слава Господу, что пережили“.

Ѣдемъ рядомъ съ конножелѣзной дорогой. Дорогу эту давно уже проложили на нѣсколько десятковъ верстъ по всему фронту нашихъ войскъ. По ней ходятъ платформы, нагруженныя пушками, снарядами, разными припасами, матеріаломъ; на позиціяхъ и раненыхъ на нихъ же кладутъ. Везутъ платформы лошади, по двѣ на каждую вагонетку. Оглянулся я, а Михаилъ смѣется.

— „Что ты смѣешься?“ спрашиваю.

— „Да вспомнилъ про курицу, что на походѣ сама къ солдатамъ прилетѣла“.

Это было такъ. Проѣзжали мы по какой-то деревнѣ. Конечно, куры больше всѣхъ перепугались и разлетѣлись по крышамъ. Впереди уже идетъ перестрѣлка. Вдругъ одна курица, особенно рьяная, сорвалась съ крыши и прямо полетѣла на дерево и сѣла. Хохочутъ солдаты. Какъ же? Кӯрица, а на деревѣ сидитъ! Но хохлаткѣ съ непривычки на деревѣ показалось неудобно: бросила она и эту свою позицію и полетѣла прямо надъ головами солдатъ вдоль колонны. Что тутъ пошло! Хохотъ, свистъ; полетѣли шапки. Вдругъ, къ общему удивленію и удовольствію, хохлатка опустилась среди колонны и успокоилась на солдатскомъ сѣдлѣ... до ужина. Законная добыча: вѣдь сама прилетѣла, не крали.

Только выѣхали мы тогда изъ деревни, новая потѣха: заяцъ скачетъ и съ испугу прямо на насъ. Снова гиканье; снова шапки полетѣли, и одна попала въ „косого“. Перевернулся бѣглецъ и, сразу перемѣнивши курсъ, ускакалъ. А въ сосѣдней деревнѣ, къ которой мы подъѣзжали, былъ уже пожаръ, гремѣли выстрѣлы.

Я потому записалъ все это, въ сущности пустое, что меня тогда страшно поразило именно спокойствіе нашихъ воиновъ. Вѣдь въ верстѣ или даже менѣе того шло уже сраженіе; мы подходили туда же; можетъ-быть, и намъ сейчасъ смерть, раны... До курицы ли тутъ? до зайца ли?

Да̀, русскій солдатъ въ рукахъ хорошаго начальника—это золотой солдатъ, чудо-богатырь. Онъ никогда не унываетъ и покоенъ даже предъ лицомъ смерти.

Тадзеинъ. Пріѣхали. Выходитъ изъ фанзы унтеръ-офицеръ и говоритъ, что вахмистръ Жучинъ проситъ зайти къ нему отслужить

благодарственный молебенъ. Вхожу. Встрѣчаетъ Жучинъ, блѣдный еще.

— „Вотъ, батюшка, Господь помогъ: рана зажила. Хочу поблагодарить Бога“.

— „Прекрасно!“ говорю я.

Служимъ. Вахмистръ на колѣняхъ усердно молится, плачетъ. Дай, Господи, ему оправиться совсѣмъ!

Изъ фанзы въ облаченіи пошелъ я на огородъ, гдѣ уже ожидали офицеры и солдаты 3-го эскадрона.

Я сказалъ воинамъ, чтобы они не грустили объ оставшихся далеко на полѣ брани павшихъ въ честномъ бою товарищахъ. Они умерли, свято исполняя свою присягу; и смерть ихъ честна предъ Богомъ. Къ тому же они не какъ-нибудь лежатъ въ могилѣ; нѣтъ, я совершилъ тамъ надъ ними христіанское погребеніе.

— „Поэтому, усердно молясь сейчасъ о упокоеніи ихъ душъ, не скорбите“, говорилъ я: „а радуйтесь, что ваши товарищи такіе герои, и просите себѣ помощи у Господа, чтобы и вамъ такъ же свято исполнить здѣсь святую присягу“.

Холодно было. Посему служили „по-скору“. По окончаніи панихиды Жучинъ поразилъ меня окончательно:

— „Батюшка!“ говоритъ онъ: „позвольте предложить Вамъ бутылочку настоящаго коровьяго молока свѣжаго, сегодняшняго удоя“.

— „Да что ты говоришь? Откуда же у васъ корова?“

— „А это купили корову среди прочаго скота на убой. Ну, солдаты и отдоили ее. Трудно было: китайцы-то не доятъ коровъ. Ничего, сладили“.

Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ такого сюрприза. Конечно, вернувшись въ Каулоудзы, послѣ обѣда устроили „коху“ съ настоящимъ молокомъ, предварительно прокипятивши его. Это первый разъ съ начала военнаго похода.

12-го утромъ отслужилъ молебенъ о здравіи скорбящей Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны, прося Господа, чтобы Онъ подкрѣпилъ Ея силы души и тѣла въ перенесеніи постигшаго Ея Высочество ужаснаго горя.

Послѣ обѣда ходилъ въ Суютунь представляться главному полевому священнику 3-ьей арміи о. протоіерею Каллистову. Принялъ очень ласково, утѣшилъ. Спасибо ему.

13-ое февраля.

Сдѣланы были уже всѣ распоряженія о началѣ боя съ нашей стороны. И вдругъ въ самый послѣдній моментъ ген. Куропаткинъ прислалъ телеграмму съ приказаніемъ оставить это дѣло на неопредѣленное время. Всѣ въ недоумѣніи. Не знаемъ, что же дальше будетъ.

Вчера главный священникъ предложилъ мнѣ перейти священникомъ въ одинъ изъ полковъ 61-ой дивизіи и вмѣстѣ благочиннымъ. Но я наотрѣзъ отказался. Тогда онъ сказалъ, что сдѣлаетъ меня благочиннымъ нашей 2-ой отдѣльной кавалерійской бригады и 61-ой пѣхотной дивизіи, которая находится въ 5-мъ Сибирскомъ корпусѣ. Эта дивизія вся на позиціяхъ; стоитъ недалеко отъ насъ, верстахъ въ 7—8. Я поблагодарилъ.

Каждое утро я гуляю и всегда долго любуюсь нашимъ единственнымъ деревомъ съ его обитателями. Недалеко отъ нашей фанзы стоитъ развѣсистая верба. Ее рубить запретили. И вотъ все наше птичье царство на ней: нѣжится на солнышкѣ. Тамъ жизнь; вороны, воробьи цѣлыми массами сидятъ на ней, и ихъ карканье и чириканье далеко разносятся по деревнѣ. Подолгу стою я подъ этимъ деревомъ и любуюсь птичьей жизнью, радостной и оживленной. Только вечеромъ это дерево становится страшнымъ: на немъ всегда ночуетъ сова и стонетъ, стонетъ...

Сегодня воскресенье. Въ $10^1/_2$ часовъ утра я рѣшилъ отслужить молебенъ у себя и затѣмъ поѣхать въ Тадзеинъ. Погода сначала благопріятствовала. Но, только что мы начали молиться, сразу перемѣнилась (это обычно въ Манчжуріи): подулъ сильный вѣтеръ, пошелъ снѣгъ. Во время молебна мы пропѣли „Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче“ и бесѣдовали о покаяніи.

Я говорилъ о томъ, какую скорбь доставляетъ Господу грѣшная жизнь людей—всѣ эти ужасныя ругательства, безчинства, пьянство, блудъ, воровство, ложь, зависть, лѣнь, злоба и проч. Господь, будучи самъ безгрѣшенъ и святъ, и людей создалъ тоже для святой жизни. Грѣшная жизнь людей противна и совѣсти человѣческой, доводя людей до тоски, отчаянія, разоренія и даже часто до полной гибели. Это происходитъ отъ гордости нашихъ ума, сердца и воли или, иначе говоря, отъ оторванности нашей отъ источника святости и всякаго блага, Бога. Въ ослѣпленіи своемъ, подобно блудному сыну, люди часто не желаютъ быть съ Отцомъ Небеснымъ и, получивши отъ Него дары духовные и земные въ изобиліи, безъ Его руководства начинаютъ пользоваться ими. Конечно, начинается рядъ ошибокъ: и вмѣсто блага себѣ и ближнимъ оказывается вредъ, вмѣсто добра — зло, вмѣсто правды — ложь и прочія преступленія, вмѣсто радости Господу — скорбь и даже дерзкое оскорбленіе.

Чего, кажется, проще? Вмѣсто того, чтобы ошибаться, обратись къ Господу за помощью. Вѣдь у Него всего много для насъ: и мудрости, и могущества, и любви. Хватитъ на всѣхъ. Только вѣрь и люби Бога, только слушайся Его спасительныхъ заповѣдей, усердно исполняй ихъ, трудись. И благодать Христова вселится въ тебя, и ты успѣшенъ будешь во всемъ добромъ: счастливый здѣсь, и умрешь съ надеждой на блаженное воскресеніе для вѣчной жизни со Христомъ.

Бросимъ же гордость! Сознаемъ, какъ гнусны наши грѣхи! Поскорбимъ, восплачемся предъ Господомъ, сердечно покаемся и, соединившись съ Нимъ въ таинствахъ покаянія и причащенія, начнемъ новую святую жизнь, какъ и прилично христіанамъ, дѣтямъ Божіимъ!

Окончили богослуженіе уже среди страшной мятели. Вѣтеръ съ сѣвера. Ѣхать въ Тадзеинъ немыслимо. Да и еще оказалась причина: изъ штаба корпуса прислали приказаніе, чтобы солдатамъ въ Тадзеинѣ запретили выходить изъ землянокъ, такъ какъ съ нашей стороны начинается канонада, а японцы станутъ отвѣчать, и, по всей вѣроятности, ихъ снаряды будутъ попадать и въ Тадзеинъ.

Дѣйствительно, не успѣлъ я дойти до своей фанзы, какъ раздался страшный пушечный залпъ. И пошло... Буря, мятель, грохотъ залповъ — все смѣшалось. Получилось что-то страшное. Я забился въ свой уголъ и просидѣлъ безвыходно до ночи.

14-ое февраля.

Сейчасъ получился приказъ ген. Куропаткина: нашу бригаду присоединить къ конному отряду ген. Грекова во 2-ой арміи. Значитъ, черезъ день-два мы идемъ на правый флангъ. Нашъ полкъ уже усталъ. Послѣ Инкоу 3 эскадрона ходили въ самые морозы въ 10-ый корпусъ и цѣлую недѣлю служили тамъ; 2 эскадрона (5-ый и 6-ой) только въ субботу вернулись съ ловли хунхузовъ (21 хунхуза поймали), пройдя не менѣе 400 верстъ. А теперь вотъ опять. Ну, да ничего: пойдемъ, потрудимся. Если пойдемъ временно, т.-е. на недѣлю или двѣ, то обоза не возьмемъ; а если совсѣмъ, то и обозъ пойдетъ съ нами. Вы не бойтесь: это не набѣгъ, а просто передача насъ во 2-ую армію. Отойдемъ верстъ 30—40 на западъ отъ желѣзной дороги. Постараюсь писать. А если съ недѣлю писемъ не будетъ, не пугайтесь.

15-ое февраля.

Сегодня почти всю ночь не спалъ: была страшная пальба изъ осадныхъ и полевыхъ орудій. Наши брали желѣзнодорожный мостъ на р. Шахе и сосѣднюю рощу.

Утромъ я ходилъ въ Суютунь, въ лазаретъ. Но пріобщать не пришлось, такъ какъ въ одномъ госпиталѣ находился пѣхотный батюшка, а въ другомъ пріобщалъ раненыхъ самъ главный полевой священникъ, протоіерей о. Каллистовъ. Онъ попросилъ у меня одолжить ему св. Даровъ, и я далъ 200 частицъ. Потомъ онъ позвалъ меня къ себѣ, и мы долго бесѣдовали.

Сегодня ночью ранено немного: только 150 человѣкъ. Сейчасъ японцы стрѣляютъ изъ осадныхъ орудій, и раненыхъ понемногу подносятъ еще. Очевидно, что скоро и очень скоро надо будетъ укладываться, чтобы опять путешествовать впередъ или назадъ. Вѣроятнѣе *назадъ*, такъ какъ за зиму-то японцы создали цѣлую новую армію. Ну да что Богъ дастъ. Не унывайте! Все-таки къ лѣту, думаю, окончимъ.

16-ое февраля.

Опять походъ кавалерійскій. Сегодня утромъ сидимъ въ фанзѣ каждый за своимъ дѣломъ. Вдругъ въ 11 часовъ приходитъ изъ штаба корпуса посыльный и проситъ командира полка къ командиру корпуса.

У меня какъ-то сердце дрогнуло: не даромъ это приглашеніе. Дѣйствительно, черезъ часъ возвращается командиръ полка и говоритъ:

— „Ну, батюшка, съ походомъ! Черезъ часъ приказано выступить къ Синминтину выслѣдить обходное движеніе японцевъ".

Боже мой, что пошло! Вѣдь нужно все уложить въ обозъ, который остается. Возможно, что онъ безъ насъ выступитъ. Я опять взялъ съ собою только то, что уложилось въ кобуры, т.-е. ризы, двѣ перемѣны бѣлья, сухарей да въ карманъ записную книжку.

Совершенно иначе нужно бы устроить на войнѣ священника въ кавалерійскомъ полку. Теперь имѣется церковная двуколка. Въ ней уложено все нужное для богослуженія. При этомъ полагается только одна верховая лошадь.

На дѣлѣ же выходитъ такъ. Выступаетъ полкъ на боевую развѣдку, часто дальнюю. Могутъ быть убитые, раненые; наконецъ, можетъ выдаться свободное времечко и для богослуженія. Полкъ не беретъ съ собою колеснаго обоза. Значитъ, и церковная двуколка остается. Что дѣлать священнику? Долгъ и совѣсть, понятно, побуждаютъ ѣхать съ полкомъ. Но какъ? Верховая лошадь одна, а насъ двое: я и церковникъ. Затѣмъ куда класть ризы и собственныя самыя, конечно, необходимыя вещи?

Вотъ и получилось, что свою лошадь я отдалъ церковнику, доставши отъ убитаго солдата ему сѣдло. А мнѣ командиръ 3-го эскадрона подарилъ китайскую лошадку по прозванію „крокодилъ". Но вьюка все-таки нѣтъ, и возить его не на чемъ. Лично я всегда сопровождаю полкъ во всѣхъ его походахъ. Но можно себѣ представить, съ какими лишеніями сопряжены эти мои путешествія!

Нужно бы для кавалерійскихъ священниковъ обязательно имѣть еще вьючную лошадь кромѣ той, которая дается для церковной двуколки, чтобы можно было на эти походы брать во вьюкъ все необхо-

димое для совершенія богослуженія и собственныя вещи. И кромѣ того необходимо дать казенную верховую лошадь съ сѣдломъ церковнику.

„Черезъ часъ выступать"…. Однако, какъ ни спѣшили, а выступили только въ 3 часа дня. Вынесли штандартъ. Благословилъ я свою фанзу. Прощай, Каулоудзы! Простился съ Ксенофонтомъ и поѣхалъ къ строю. Благословилъ полкъ въ походъ, и тронулись.

Идутъ нашъ полкъ и два эскадрона нѣжинцевъ. Опять пыль. Я ѣду сзади съ Михаиломъ. Бесѣдуемъ, вспоминаемъ Инкоускій походъ, думаемъ-гадаемъ, что-то будетъ съ нами теперь. Подходитъ масленица, Великій постъ. Гдѣ-то и какъ приведетъ Господь намъ отговѣть?

Мѣстность незнакомая. Осматриваю окрестности. Война еще не коснулась тутъ: большія деревни, много народа, священныя рощи на кладбищахъ—все еще цѣло. А въ душѣ уже стоитъ скорбный вопросъ: надолго ли? Вѣдь, если мы отступимъ отъ Мукдена, то въ этихъ окрестностяхъ должна разразиться страшная битва. И всѣ эти рощи, деревни, люди—все сгоритъ, разрушится, разбѣжится.

Темнѣетъ. Налѣво ясно слышна пальба, и видно огромное зарево пожара. Что такое? Отвѣтъ не замедлилъ. На взмыленной лошади скачетъ офицеръ-топографъ; за нимъ нѣсколько казаковъ. Онъ говоритъ, что идутъ въ обходъ японцы и едва не захватили его на съемкѣ, а десять солдатъ изъ его конвоя пропали.

Въ 9 часовъ вечера пріѣхали въ богатую деревню „Салинпу". Здѣсь ночлегъ. На ханшинномъ заводѣ собрались наши начальники для совѣщанія. Пришелъ и я. Большая хорошая фанза. На канахъ маленькіе столики. На нихъ лежатъ груши. И китайцы-хозяева предлагаютъ чай. У задней стѣны фанзы маленькая очень красивая домашняя кумирня-божница; предъ нею курятся свѣчи. Я выпилъ китайскаго чаю и съѣлъ пару грушъ. Послѣ ужасной пыли это было такъ пріятно.

Фанза полна офицеровъ. При свѣтѣ свѣчей оживленно разговариваютъ. Передаютъ слухи, что японцевъ оказалось до 600,000 и что въ обходъ идетъ не дивизія, какъ предполагали, а цѣлая армія ген. Ноги тысячъ въ 100.

Ну, что же дѣлать! Намъ не привыкать-стать къ скорбямъ. Смиримся и теперь, если Господь судитъ намъ новое отступленіе.

Многіе говорятъ, что японцы погубятъ себя этимъ обходомъ. А мое сердце-вѣщунъ говоритъ мнѣ другое…

Поздно разошлись. 5-ый и 6-ой эскадроны пошли въ сторожевое охраненіе. Мы помѣстились въ одной фанзѣ съ 4-мъ эскадрономъ. Поужинали. Я легъ прямо на канъ, подложивши подъ голову накидку. Пришелъ вахмистръ. И долго сквозь сонъ слышно было, какъ командиръ эскадрона отдавалъ ему приказанія:

— „Ты раздай мяса по 2 фунта сейчасъ да сахаръ и чай, а завтра въ 6 часовъ утра смотри, чтобы готовъ былъ мясной завтракъ".

— „Слушаю".

— „Эй, пошли за сахаромъ", понесся зычный голосъ вахмистра по двору.

— „Пошли за сахаромъ", громко вторили солдаты.

И я заснулъ.

17-ое февраля.

Плохо спалось: и жестко было, и жарко. Очень ужъ сильно натопили канъ.

Въ 4 часа встали, напились чаю, одѣлись. Вдругъ приказъ: сегодня весь день стоять въ деревнѣ Салинпу. Сейчасъ же опять улеглись на каны и задремали, но не надолго. Въ 7 часовъ новое приказаніе: выступить немедленно и соединиться съ отрядомъ ген. Грекова. Вскочили всѣ. Снова горячка.

— „Сѣдлай! мундштучь!" понеслось во всѣ концы деревни.

Только стало свѣтать, мы уже были на коняхъ за деревней. Прохладно. Внутренняя дрожь теребитъ все тѣло. Благословилъ я отрядъ свой; и мы пошли въ дальнѣйшій путь.

Часовъ въ 11 утра соединились съ казаками и познакомились съ новымъ нашимъ начальникомъ ген. Грековымъ. Составилось совѣщаніе; и мы двинулись на Синминтинъ; при чемъ въ авангардѣ пошли наши 4 эскадрона, а остальные въ главныхъ силахъ. Съ нами идетъ старая знакомая по Инкоу 20-ая конная батарея.

До часа дня шли благополучно. Какъ вдругъ изъ сосѣдней деревни раздалась пальба по нашему отряду изъ пулеметовъ, затѣмъ изъ орудій. Это мы наткнулись уже на обходную японскую колонну.

Какое скверное чувство испытываешь, когда знаешь, что именно по тебѣ стрѣляютъ! Раздается гулъ выстрѣла, и напряженно ждешь, гдѣ-то разорвется снарядъ: можетъ-быть, надъ моей головой!...

Это обстрѣливаніе обошлось сравнительно благополучно. Только въ 1-мъ эскадронѣ снарядомъ убило лошадь. Всадникъ же какимъ-то чудомъ остался цѣлъ.

Обогнули эту деревню, опредѣлили силу обходной колонны и рысью пошли далѣе. Поднялся страшный вѣтеръ, пошелъ снѣгъ, и образовалась настоящая россійская вьюга.

Выбрались на большую Синминтинскую дорогу и идемъ все время параллельно съ японскими колоннами, опредѣляя ихъ силы, и притомъ такъ близко, что видно даже простымъ глазомъ.

Нашъ полкъ все время обстрѣливался и японцами и хунхузами, но продолжалъ вести развѣдку до вечера, Опредѣлили, по крайней мѣрѣ, четыре дивизіи и донесли главнокомандующему.

Остановились на ночлегъ въ 6 часовъ вечера въ деревнѣ „Ляомынь“, сдѣлавши переходъ въ 60—70 верстъ. Я съ трудомъ крѣпился, вертѣлся на сѣдлѣ: очень усталъ. Въ фанзѣ на соломѣ я разостлалъ чистый носовой платокъ и на немъ открылъ и провѣрилъ св. Дары. Завтра, предполагаютъ, будетъ бой. Улеглись. Отъ усталости я заснулъ моментально. Вдругъ въ 1 часъ ночи раздался на дворѣ страшный крикъ:

— „Горимъ! Пожаръ! Ваше Превосходительство, выходите скорѣй!“

Вскочили мы, наскоро привели себя въ порядокъ и выбѣжали на дворъ.

Оказалось, буквально въ аршинѣ отъ нашей квартиры горѣла фанза. Такъ и сгорѣла до тла. А мы промучились до утра.

18-ое февраля.

Рано утромъ прибѣжала къ дымящейся фанзѣ хозяйка-китаянка и, заломивши руки, стала рыдать, приговаривая:

— „Фанза ломайло, сыпй-сыпй нетула“.

Она бѣгала кругомъ, хватала меня за рукавъ, тащила къ пожарищу и быстро что-то говорила. Сердце мое разрывалось. Вышли офицеры. Сочувствіе, конечно, общее. Тутъ же дали ей 30 рублей и записку къ комиссару въ Мукденъ. Пока сѣдлали, готовились, я долго сидѣлъ на обрубкѣ дерева и смотрѣлъ на огонь. Ахъ, эти ужасы войны!..

Ночью пришло донесеніе, что японцы насъ окружаютъ. Послали разъѣзды и наняли шпіона, который побѣжалъ въ Синминтинъ разузнать, каковы японскія силы, занимающія этотъ городъ.

Утромъ выступили среди страшно сильной и холодной бури. Осторожно проѣхали верстъ 15, ежеминутно ожидая появленія японцевъ. Однако разъѣзды донесли, что японцы всей массой повернули на Мукденъ. Значитъ, и намъ нужно итти туда же, не теряя соприкосновенія съ противникомъ.

Этотъ день прошелъ благополучно для главныхъ силъ отряда. А наши боковые 4 эскадрона все время имѣли сильную перестрѣлку съ японцами и хунхузами, при чемъ были ранены два солдата, офицеръ Залѣсскій и нѣсколько лошадей.

Остановились на ночлегъ въ деревнѣ „Сяо-мяо-пау“, недалеко отъ большого японскаго бивака, огни котораго пылали яркимъ заревомъ на горизонтѣ.

19-ое февраля.

Въ 7 часовъ утра вся колонна уже выстроилась на опушкѣ деревни. Морозъ порядочный. Солдаты развели костры, и мы грѣемся

около нихъ. Ротмистръ Тупальскій совѣтуетъ грѣть особенно ладони: тогда теплота быстрѣе распространяется по всему тѣлу; способъ будто бы испытанный. Я такъ и сдѣлалъ и, дѣйствительно, довольно скоро согрѣлся.

Перешли верстъ на десять въ другую деревню, куда вскорѣ привезли раненаго въ ногу офицера Залѣсскаго. Двухъ раненыхъ солдатъ отправили на арбѣ кружнымъ путемъ въ Мукденъ.

Интересенъ разсказъ Залѣсскаго. Онъ съ разъѣздомъ въ 20 человѣкъ перешелъ р. Ляохе и пошелъ внизъ южнѣе Синминтина. Всѣ деревни полны конными японцами и хунхузами, состоящими на службѣ у японцевъ. Только что остановился Залѣсскій у деревни покормить лошадей, какъ его часовой докладываетъ, что на нихъ идетъ эскадронъ японской кавалеріи и много конныхъ хунхузовъ. Сейчасъ же наши сѣли на коней и, отстрѣливаясь, на рысяхъ стали уходить на свои главныя силы. Въ это время двѣ лошади были убиты. Залѣсскій, несмотря на преслѣдованіе двумя уже эскадронами, остановился, посадилъ пѣшихъ солдатъ на крупы лошадей къ другимъ солдатамъ и продолжалъ отходить. Минута была критическая. Залѣсскій раненъ. Однако солдаты наши не потерялись, слушались команды офицера. Патроны были уже разстрѣляны, и всѣ должны были бы погибнуть, если бы въ это время не выѣхали на помощь наши два эскадрона.

Начальники составили совѣтъ и рѣшили догнать японцевъ и обстрѣлять ихъ колонну. Но, когда стали догонять, начало уже вечерѣть. Пришлось отложить это намѣреніе; и мы остановились на ночлегъ въ 3 верстахъ отъ японскаго бивака. Лошадей, конечно, ни разу не разсѣдлывали. Отъ близкаго сосѣдства съ японцами дрожь пробирала. Но усталость брала свое, и я спалъ хорошо, подостлавши на канъ чумизной соломы.

Развѣдка нашего полка была такъ хороша, что командующій 2-ой арміей два раза присылалъ благодарить полкъ.

20-ое февраля.

Ложась съ вечера спать, я невольно задавалъ себѣ вопросъ, каковò-то будетъ пробужденіе. Однако, по милости Божіей, утро наступило благополучно; и мы благословясь выступили на опушку деревни.

Рядомъ съ деревней находился огромный ровъ, въ который мы и укрылись. Батарею поставили на позицію, а 5-ый и 6-ой эскадроны подъ командой подполк. Чайковскаго послали выбить японцевъ изъ занимаемой ими деревни. Я благословилъ своихъ воиновъ, приготовилъ св. Дары и напряженно сталъ всматриваться въ ту сторону, куда скрылись наши эскадроны. Томительное ожиданіе про-

должалось недолго. Вижу простымъ глазомъ, какъ поскакали наши къ деревнѣ. Ближе... Спѣшились... И затрещала ружейная перестрѣлка.

День былъ прекрасный, солнечный. Все ясно было видно. Не хотѣлось вѣрить, что тамъ, впереди насъ, такъ недалеко идетъ сраженіе, и мои духовныя дѣти, быть-можетъ, уже страдаютъ.

„Бумъ-бумъ“, раздалось почти рядомъ.

Заговорили наши пушки, и съ визгомъ полетѣли въ деревню снаряды. Бѣгутъ оттуда несчастные китайцы; волосы растрепаны, въ глазахъ ужасъ. Вѣдь пуля или снарядъ не разбираютъ виновныхъ и невиновныхъ. Какъ же жаль ихъ!

— „Батюшка!“ говоритъ молодой нашъ врачъ Піотровскій, очень религіозный человѣкъ: „пойдемте—раненаго привезли“.

Подходимъ. Послѣ перевязки я сейчасъ же пріобщилъ его св. Таинъ.

Привели раненую лошадь корнета Калинина. Онъ пересѣлъ на другую и продолжалъ сражаться. Бѣдная лошадка вся дрожитъ. Кровь льется изъ раны. Вскорѣ она повалилась на землю и издохла.

Несутъ еще четырехъ раненыхъ (нашихъ и Нѣжинскаго полка). Сейчасъ же и ихъ причастилъ.

Солдатъ Требухинъ тяжело раненъ въ ногу съ раздробленіемъ кости. Онъ очень страдаетъ и дрожитъ: озябъ. Вспоминаю, что у меня въ сѣдлѣ есть немного коньяку. Бѣгу... И далъ всѣмъ раненымъ по полрюмочкѣ. Оживились. Ихъ укрыли, чѣмъ можно было.

Бой кончился. Наши выбили японцевъ изъ двухъ деревень. Убитыхъ у насъ, слава Богу, нѣтъ; а ранено человѣкъ десять. У офицера Сущинскаго прострѣлены сѣдло и полушубокъ, а самъ онъ остался цѣлъ.

Японцы насъ сегодня больше не безпокоили; и мы расположились на ночлегъ. Намъ досталась очень хорошая фанза. Каны протопили. Привезли нашихъ раненыхъ и хорошо устроили ихъ въ фанзѣ, при чемъ я пріобщилъ еще одного раненаго Нѣжинскаго полка.

Михаилъ принесъ чумизы, и я улегся, не раздѣваясь, конечно.

21-ое февраля.

Обычно къ 7 часамъ утра нашъ отрядъ вышелъ изъ деревни. Собрали раненыхъ и больныхъ, чтобы довезти ихъ до желѣзной дороги и сдать въ санитарный поѣздъ.

Поразилъ меня одинъ нашъ раненый солдатикъ. Смотрю: немного прихрамывая, подходитъ онъ къ командиру полка и убѣдительно проситъ оставить его въ строю.

— „Да ты куда раненъ?“ спрашиваетъ командиръ.

— „Въ руку“, отвѣчаетъ: „и ногу. Я это ѣхалъ въ дозорахъ. Только, значитъ, подъѣзжаю къ деревнѣ, а ёнъ какъ началъ палить по мнѣ. Я не сробѣлъ—ѣду все ближе: потому надо высмотрѣть лучше. Вдругъ, чувствую, въ руку хлопъ. Ну, думаю, одна есть. Ѣду дальше. Потомъ въ ногу хлопъ. Ну, думаю, другая есть. Осмотрѣлъ все и вернулся къ эскадрону. Дозвольте остаться въ строю!“

Вотъ молодецъ-то! И вѣдь драгуны всѣ такіе. Вотъ, если бы всѣ-то войска здѣсь были молодыя, строевыя!.. А то прислали много старыхъ, запасныхъ, которые и службу-то забыли.

Только что проводили своихъ раненыхъ, какъ пришло донесеніе, что японская пѣхота наступаетъ на насъ. Непріятное чувство: сейчасъ начнется бой...

— „Къ конямъ!“ понеслась команда: „Орудія на позицію!“

Всѣ 6 нашихъ пушекъ стали на позиціи шагахъ въ 50 отъ китайскаго кладбища, усаженнаго развѣсистыми деревьями. Полкъ нашъ пошелъ въ обходъ занятой японцами деревни; а я и доктора находились на кладбищѣ. Гуляемъ, а рядомъ почти безъ перерыва гремятъ наши пушки и визжатъ снаряды.

Къ вечеру японцевъ выбили. Но они подвезли свои пушки къ другой деревнѣ и начали оттуда обстрѣливать нашъ полкъ шимозами, которыя, къ счастью, не долетали.

Въ 6 часовъ привезли на китайской арбѣ тяжело раненаго солдата Нѣжинскаго полка и положили въ фанзу. Я сейчасъ же пріобщилъ его. Умираетъ.

Ночлегъ назначили опять въ этой деревнѣ; а въ сторожевое охраненіе пошли наши 4 эскадрона подъ командой подполк. Чайковскаго и стали совсѣмъ рядомъ съ японцами. Надѣемся, что вѣдь непріятели наши — люди: устали и, навѣрное, будутъ ночью отдыхать. Посему, невзирая на опасность, мы прилегли на каны, чтобы на разсвѣтѣ подняться и выбраться изъ деревни, такъ какъ утромъ, почти навѣрно, японцы начнутъ обстрѣливать насъ артиллеріей.

Страшно тревожно прошелъ день; опасная наступила ночь. Но ѣсть все-таки хочется. И Саввушка, денщикъ генерала, сварилъ намъ въ китайскомъ котлѣ куриный супъ, который мы съ сухарями и съѣли.

22-ое февраля.

Страшная эта ночь! Темно, а кругомъ сверкаютъ огни выстрѣловъ. Явилось предположеніе, не окружены ли мы.

Около 5 часовъ утра ген. Грековъ потребовалъ къ себѣ на совѣщаніе командировъ.

Въ 6 часовъ выступили. И только что заняли вчерашнюю позицію, какъ совсѣмъ рядомъ съ нашими фанзами затрещала ружейная перестрѣлка.

Скачетъ нашъ драгунъ съ донесеніемъ отъ подполк. Чайковскаго, что много японской пѣхоты и 8 эскадроновъ кавалеріи рано утромъ напали на наше сторожевое охраненіе, съ крикомъ „банзай“ ворвались въ деревню, и только благодаря прекрасной дисциплинѣ наши драгуны, отстрѣливаясь, отошли на нашу деревню. Господь спасъ: остались цѣлы. Вскорѣ пріѣхалъ и самъ Чайковскій, донося словесно, что японцы приближаются уже къ нашей деревнѣ.

Дѣйствительно, пальба становилась все сильнѣе, и простымъ глазомъ видны были перебѣгающія японскія цѣпи.

Въ сравненіи съ наступавшими силами нашъ отрядъ былъ слишкомъ слабъ; да и пѣхоты при насъ не было. Тогда наши 2 эскадрона спѣшились, заняли деревню, въ которой мы ночевали, и открыли ружейную стрѣльбу. А отрядъ въ это время отошелъ назадъ, выбралъ позицію и открылъ орудійную пальбу. А тогда присоединились къ отряду и 2 эскадрона.

Мы съ докторомъ отошли немного отъ пушекъ и прилегли на солнышкѣ. Все время я не досыпалъ, и спать ужасно хотѣлось: положилъ подъ голову камень и, пригрѣвшись, задремалъ.

Прислали сказать, что привезли убитаго казака 5-го Уральскаго полка и роютъ уже могилу. Сейчасъ же я сѣлъ на свою лошадку и отправился. Могилу вырыли недалеко отъ нашей батареи, и я похоронилъ усопшаго.

Только что я отъѣхалъ немного, какъ раздался орудійный выстрѣлъ съ японской стороны. Другой, третій.... До 15 подъ рядъ. И столбы чернаго дыма съ громомъ стали взвиваться отъ земли. Японскіе снаряды разрывались, сначала не долетая до насъ, а потомъ падали совершенно рядомъ съ нашей батареей и 1-ымъ эскадрономъ.

Отошедши немного изъ-подъ выстрѣловъ, отрядъ нашъ сталъ на привалъ. Я пошелъ въ 1-ый эскадронъ и пріобщилъ раненаго: пуля попала ему въ бокъ и тамъ осталась.

Своею ружейною и артиллерійскою стрѣльбою мы остановили японцевъ и назадъ больше не отходили. Да вообще всѣ наши сегодняшнія передвиженія были маневрированіями.

Остановились на ночлегъ въ деревнѣ Личипудзѣ. Всѣ наши припасы истощились, и я набилъ свои кобуры одними сухарями.

23-ье февраля.

Ночь прошла, слава Богу. Съ ранняго утра со стороны Мукдена стала доноситься страшная канонада. Тамъ, вѣроятно, адъ. По нашему отряду тоже стрѣляли шимозами; но онѣ не долетали.

Прочиталъ правило во время моего обычнаго по утрамъ гулянья и вспомнилъ, что сегодня среда [1]) и по уставу св. Церкви полагается

[1]) Среда недѣли мясопустной (масленицы).

читать великопостную молитву: „Господи и Владыко живота моего“. Прочиталъ и ее. Грустно стало на душѣ. Наступаетъ Великій постъ; а намъ нѣтъ возможности отслужить даже молебна. Какъ-то Господь приведетъ намъ говѣть? Да и придется ли?

Чтобы не допустить японцевъ до желѣзной дороги, рѣшено продвинуться впередъ. Первыми пошли тереко-кубанцы съ пулеметами; за ними двинулись мы.

Отъѣхали не болѣе версты, какъ вдругъ раздались артиллерійскіе выстрѣлы, и японскія шимозы стали падать не болѣе какъ въ 100 шагахъ отъ меня. За ними полетѣли шрапнели, съ визгомъ разрываясь въ небѣ на такомъ же приблизительно разстояніи. Сознаюсь, очень страшно стало. Но колонна наша не дрогнула, и японцевъ ближе къ дорогѣ мы все-таки не пустили. Два раза въ этотъ день они насъ обстрѣляли, и оба раза мы остались на мѣстѣ. Господь сохранилъ отъ потерь.

Въ 3 часа дня къ отряду подошли наши разъѣзды и привезли мягкаго хлѣба. Какъ же мы рады были!

На ночлегъ стали въ деревнѣ „Чиндяпу“. Деревушка маленькая, и посему насъ 10 человѣкъ помѣстились въ одной фанзѣ. Спали, конечно, въ страшной тѣснотѣ.

24-ое февраля.

Сегодня съ утра страшная буря: съ ногъ валитъ. Тучи песку. Мы съ докторомъ на перевязочномъ пунктѣ въ фанзѣ пьемъ чай. Противъ насъ на канѣ сидитъ старый китаецъ. И вдругъ онъ при насъ началъ обирать съ себя вшей и съ наслажденіемъ ѣсть ихъ, приговаривая „шанго, шанго“. На что я ужъ не брезгливый; но этого вынести не смогъ: сразу меня стало тошнить, и я не помню, какъ вылетѣлъ изъ фанзы.

Весь день простояли. Сражаться немыслимо. Заночевали въ деревнѣ „Таушу“. Кругомъ страшное зарево. Кажется, жгутъ мукденскіе склады. Значитъ, опять отступать. Ходитъ слухъ, что японцевъ оказалось около 500,000 человѣкъ.

Всѣ мы страшно обвѣтрились. У меня лицо, руки потрескались до крови.

25-ое февраля.

Съ утра день начался скорбно: пріѣхалъ офицеръ изъ квартиры ген. Куропаткина и сообщилъ, что, хотя наши войска отбили всѣ атаки японцевъ и остались на своихъ позиціяхъ, но главнокомандующій рѣшилъ отступить, такъ какъ считаетъ, что армія наша послѣ

страшнаго десятидневнаго боя не можетъ сейчасъ перейти въ наступленіе. Въ 4 часа дня пріѣхалъ къ отряду ген. Мищенко и сообщилъ, что Мукденъ сегодня очищенъ нами безъ боя.

Итакъ опять отступать! Опять послѣ столькихъ жертвъ ушла надежда на скорое окончаніе войны! Господи! доколѣ забудеши ны? Неужели до конца? Впрочемъ, не какъ мы хотимъ, а какъ Ты: Твоя воля да будетъ! Значитъ, беззаконія наши такъ велики, что правосудіе Божіе опредѣлило еще наказать насъ. Смиримся!

Я сижу у кумирни и съ невыразимой скорбью смотрю на роковую пыль, что вздымаютъ около желѣзной дороги наши отступающія войска.

Теперь задача нашего отряда прикрыть отступленіе арміи и стараться какъ можно больше задерживать непріятеля. Задача нелегкая и опасная. Впрочемъ, къ опасностямъ мы уже попривыкли.

Господи! Ка̀къ-то мой Ксенофонтъ съ церковной двуколкой двигается? успѣлъ ли выѣхать изъ Мукдена? Только бы церковь осталась цѣла, а собственныхъ вещей мнѣ не жаль.

Кругомъ офицеры наперерывъ обсуждаютъ совершившееся грустное событіе. Но мнѣ что-то не до словъ: я ушелъ въ кумирню—хочется быть одному.

Въ 6 часовъ вечера вдругъ поднялась недалеко отъ насъ стрѣльба. Драгуны и казаки помчались на звуки узнать, въ чемъ дѣло; а отрядъ пошелъ на ночлегъ.

Среди полной тьмы и страшной пыли втянулись мы въ деревню. Артиллерію едва протащили: такъ узки оказались улицы.

Вотъ и отведенная фанза. Вхожу. Мерцаетъ свѣтильня. Ни души. Китайцы уже бѣжали, бросивъ все; ушли, очевидно, въ чемъ были, такъ какъ всѣ вещи въ фанзѣ на мѣстѣ и топится канъ. На дворѣ бѣгаютъ свиньи; а собаки такъ испугались нашего нашествія, что забились за фанзу и прямо дрожатъ.

Хотѣлъ было я присѣсть вздохнуть: вѣдь въ груди ка̀мень, горло сдавило, въ мысли одно̀ только: го̀ре, го̀ре! Вѣдь только и вырвется облегченный вздохъ, какъ внутренно скажешь:

— „Слава Богу за все! Да будетъ Его воля!“

Такъ вотъ собрался было я уже посидѣть немного; но входитъ казакъ и докладываетъ, что много японской пѣхоты и два полка конницы идутъ по линіи желѣзной дороги и уже прошли насъ. Если это вѣрно, то, значитъ, мы отрѣзаны.

Собрались начальники и рѣшили умереть здѣсь, если придется. Куда же теперь итти? Всѣ истомлены, да и тьма. Послали казачій разъѣздъ узнать повѣрнѣе.

Я вышелъ во дворъ. Цѣлый рой мыслей. Въ сознаніи съ полной ясностью представилось: быть-можетъ сегодня послѣдняя ночь. Вѣдь не такіе наши молодцы-кавалеристы, чтобы сдаться въ цѣляхъ сохраненія своей жизни. Вспомнилось какъ-то само собою мно̀гое-

-многое изъ прошлой моей жизни; въ какія-нибудь 15—20 минутъ пронеслась въ головѣ чуть не вся моя жизнь.

Михаилъ стоитъ около лошадей. Я подошелъ къ нему, благословилъ его и сказалъ:

— „Если меня убьютъ, а ты какимъ-нибудь чудомъ останешься живъ, то передай тогда всѣмъ мое благословеніе и скажи, что мы съ тобой были тамъ, гдѣ намъ нужно было быть, и что я не унывалъ“.

Прилегъ на канъ. Какъ ни былъ уставши, а глаза не смыкались. Въ 2 часа ночи вернулся разъѣздъ и донесъ, что конница японская, дѣйствительно, прорвалась на линію желѣзной дороги и произвела панику въ нашихъ обозахъ, но что пѣхоты нѣтъ. Часа на 2 забылся я тревожнымъ сномъ.

26-ое февраля.

Только что выступили рано утромъ изъ деревни, какъ въ отрядъ пришелъ солдатъ изъ нашего обоза. На лицѣ испугъ, дрожитъ. Несвязно разсказалъ, что нашъ обозъ японцы вчера вечеромъ обстрѣляли артиллеріей и ружейнымъ огнемъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ въ моей церковной двуколкѣ убили лошадь и потому двуколка брошена.

Меня такъ поразила эта вѣсть, что я остолбенѣлъ. Господи, неужели церковь погибла? Живъ ли Ксенофонтъ? Смотрю: прислонившись къ дереву, плачетъ мой Михаилъ. Ну, тутъ уже не выдержалъ и я...

Однако среди этой скорби, какъ лучъ солнца, вдругъ возникла мысль:

— „А, можетъ-быть, еще и спасли церковь!“

Припомнилось и слово апостола, что *надежда никогда не посрамляетъ,* и немного успокоился.

Цѣлый день до глубокаго вечера мы медленно отходили, стараясь насколько возможно больше задержать японцевъ, которые сильно насѣдали и шли за нами буквально по пятамъ.

Наступила снова тревожная холодная темная ночь. Костровъ разводить не велѣно; а донесенія о продолжающемся движеніи непріятеля были все еще тревожныя. Лошади и люди устали: отдыхъ былъ необходимъ. И мы остановились въ деревнѣ верстахъ въ 40 отъ г. Телина. Прилегъ я на канъ; но мысль о церкви рѣшительно не давала покоя.

27-ое февраля.

Утромъ въ 7 часовъ японцы уже открыли по нашему отряду пушечную пальбу; но ни одинъ снарядъ не долетѣлъ. Наши орудія

стали на позицію и начали отстрѣливаться. А я рѣшилъ ѣхать въ Телинъ, догнать обозъ и достовѣрно узнать о судьбѣ своей церкви. Иначе не жизнь, а мука.

Ген. Грековъ отправилъ со мною раненыхъ людей и штукъ 80 лошадей. Мнѣ дали конвой изъ 15 драгунъ. И мы поѣхали.

Предстояло проѣхать не менѣе 20 верстъ такого пространства, гдѣ мы ежеминутно могли повстрѣчаться съ японскими разъѣздами. Дѣйствительно. Отъѣхали мы приблизительно верстъ 8, какъ вдругъ я вижу, что въ сосѣднюю деревню карьеромъ проскакали какіе-то два всадника. Подозрительно. Мой унтеръ-офицеръ подъѣзжаетъ и говоритъ:

— „Батюшка! Это, навѣрное, японскіе дозорные; значитъ, ихній разъѣздъ долженъ быть близко. Я думаю приказать зарядить винтовки“.

— „Хорошо“, говорю: „приказывай“.

Слышу сзади голоса солдатъ:

— „Смотри-ка, братцы: японцы-то уже выѣзжаютъ“.

Оглянулся я, смотрю... На другомъ берегу р. Ляохе (верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ насъ) высыпали человѣкъ 15 всадниковъ въ фуражкахъ, а не въ папахахъ; несомнѣнно, японцы. Затѣмъ показались еще человѣкъ 30, остановились и начали разсматривать насъ.

Забилось во мнѣ сердце. Поѣхали мы рысью. Но и японцы стали спускаться съ берега на ледъ. Спасибо еще, ледъ-то чистый: не сразу перейдутъ. Что мы можемъ сдѣлать противъ 40—50, когда насъ только 15 да еще раненые съ нами? И мы все рысимъ. Однако рѣшили въ случаѣ, если близко станутъ настигать, все-таки стрѣлять, для чего назначили 10 солдатъ на болѣе сильныхъ лошадяхъ для спѣшиванія, чтобы они дали сразу нѣсколько залповъ, а потомъ сѣли на коней и маршъ за нами. Ѣдемъ, оглядываемся. Уже почти перешли рѣку японцы. А мы тѣмъ временемъ версты на $2\frac{1}{2}$ уѣхали отъ нихъ.

Вдругъ навстрѣчу намъ еще какой-то конный отрядъ.

— „Наши, наши“, кричатъ мои солдаты: „въ папахахъ, и флагъ на пикѣ. Это казаки“.

Въ самомъ дѣлѣ, оказалась сотня уссурійцевъ. Господи, какъ же радостно стало на душѣ! Спаслись!

Поздоровался я съ офицеромъ и сообщилъ ему о японцахъ.

— „Вы теперь ѣзжайте спокойно“, говоритъ онъ: „верстахъ въ 7-ми уже становится на временную позицію 1-ый Сибирскій корпусъ. А мы поѣдемъ къ рѣкѣ — развѣдаемся съ друзьями вашими“.

Скоро завиднѣлась деревня, и около нея наша пѣхота. Проѣхали мы черезъ одинъ полкъ и остановились часа на полтора передохнуть, покормить лошадей да и самимъ подкрѣпиться чѣмъ-нибудь. Вскипятили въ ведрѣ воды, засыпали туда же чаю и съ наслажденіемъ

попили съ сухарями. Я пилъ изъ кружки; а солдаты хлебали прямо изъ ведра ложками.

Въ $2^1/_2$ часа дня пріѣхали мы въ Телинъ. Тамъ такое скопленіе обозовъ и людей, что двигаться кое-какъ можно только по теченію массы; навстрѣчу же ѣхать или даже перегнать невозможно. Пыль— цѣлыя тучи! Масса складовъ, изъ которыхъ каждый беретъ, что и сколько хочетъ, безъ всякихъ документовъ: все равно скоро сожгутъ, если что и останется. Вѣдь и Телинъ рѣшили оставить.

Слышны взрывы: рвутъ мосты. Теперь японцы уже не скоро поѣдутъ по желѣзной дорогѣ: до Мукдена мы уходили, не взорвавъ ни одного большого моста, а теперь рѣшительно все уничтожаемъ.

Въ обозахъ 25-го февраля произошла паника, и многіе солдаты бросили пушки, ящики, повозки и теперь путешествуютъ верхами на лошадяхъ въ хомутахъ или пѣшкомъ, служа предметомъ общихъ подсмѣиваній:

— „Сражатели! воители!“ слышится кругомъ по ихъ адресу.

— „Эхъ, вы, такіе-сякіе! Куда пушки-то дѣвали да казенное и господское добро? Въ какомъ сраженіи отличались? Только лопать (ѣсть) ловки. Отъ десятка шимозъ убѣжали. Васъ бы въ окопы посадить!“

Часа два проѣзжали мы городъ, переѣхали въ бродъ р. Ляохе (ледъ растолкли), выѣхали на пашню и поѣхали рысью сбоку обозовъ. Масса павшихъ животныхъ постоянно встрѣчается. Однимъ словомъ, знакомая скорбная картина отступленія.

Въ 6 часовъ вечера нагнали обозъ Нѣжинскаго полка и здѣсь сдали раненыхъ и больныхъ. Я наконецъ встрѣтился съ дорогимъ Полей. У нихъ благополучно; а у насъ, по слухамъ, 7 повозокъ погибло.

Подѣлился я съ нимъ грустною новостью относительно моей церкви; и мы до ночлега ѣхали вмѣстѣ. Нашъ обозъ впереди. Поля далъ мнѣ подостлать свою бурку, и я первый разъ спалъ не на голомъ канѣ.

Какъ велика милость Божія ко мнѣ грѣшному! Послѣ двухъ недѣль такой тяжелой жизни я здоровъ и не потерялъ способности двигаться и мыслить. Удивительное существо человѣкъ! Чего только онъ не можетъ перенести? Слава Богу, аппетитъ съ горя не пропалъ еще, и я подкрѣпился хорошимъ ужиномъ. Спасибо офицерамъ Нѣжинскаго полка: покормили. Ѣли супъ и жареную говядину да еще съ хлѣбомъ. Это тоже первый разъ за двѣ недѣли.

28-ое февраля.

Выѣхали рано утромъ. И около г. Кайюана я нагналъ свой обозъ. Встрѣтилъ Ксенофонтъ одинъ.

— „Разсказывай скорѣе про двуколку“, говорю ему.

— „25-го февраля“, началъ онъ: „часовъ въ 12 дня верстахъ въ 10 отъ Мукдена мы шли въ массѣ обозовъ. Вдругъ по обозамъ японцы стали стрѣлять изъ пушекъ: начали падать снаряды, нѣкоторыхъ убило. Что тутъ пошло, Боже мой! Другъ на друга стали лѣзть. Потомъ ружейная пальба поднялась; и скоро лошадь моя была убита, двуколка перевернулась, вещи разсыпались. Наши обозные всѣ ускакали. Я побѣжалъ впередъ, чтобы догнать своего офицера доложить, но не смогъ: вѣдь я пѣшкомъ. Вижу—все равно не догоню: вернулся обратно. Иду, смотрю, а нашъ унт.-оф. Рыженко везетъ двуколку: онъ отстегнулъ лошадь отъ какой-то пристяжки и впрягъ въ двуколку. Слава Богу, спасли церковь. Въ суматохѣ нѣкоторыя вещи остались не подобранными: кровать, шуба, два драповыхъ подрясника, бѣлье, одѣяло“... [1])

— „Не грусти“, говорю ему: „слава Богу, церковь-то спасли, да ты живъ“.

Ночевали въ г. „Чантуфу“. Думаю доѣхать до ст. „Гунчжулинъ“, гдѣ станутъ обозы: приведу въ порядокъ церковныя вещи, куплю кое-что себѣ и потомъ возвращусь къ полку, который идетъ по линіи желѣзной дороги послѣднимъ изъ всѣхъ, прикрывая отступленіе 3-ьей арміи.

1-ое—5-ое марта.

Съ 1-го по 5-е марта шли безостановочно. Лошадь моя стала уже прихрамывать. Немудрено. Она вѣдь сходила въ г. Инкоу и теперь съ 16-го февраля ежедневно съ утра до ночи подъ сѣдломъ; а недѣли двѣ и сѣдла съ нея не снимали.

Остановились въ г. Чаянпо близъ ст. Гунчжулинъ. Погода эти дни была страшно холодная, вѣтреная; да еще и путь нашъ проходилъ по горамъ. Продрогли изрядно; а двое заболѣли даже. Шли безъ приключеній. Только разъ ночью едва хунхузы не напали на насъ; да 2-го марта на дорогѣ похоронилъ умершаго своего солдата.

Въ Чаянпо всѣ вещи церковныя провѣрили, прочистили и переложили. Два дня надо дать отдыхъ конямъ, и затѣмъ назадъ къ полку. Это время питались сносно; только спали все время вповалку съ китайцами. Вши и нечисть....

6-ое—12-ое марта.

Въ г. Чаянпо мы помѣстились въ хорошей фанзѣ богатаго и очень радушнаго китайца. Между прочимъ первый разъ за все время, пока мы въ Китаѣ, меня пригласили на женскую половину.

[1]) Интересно, что въ то время, какъ не подобранныя тутъ вещи о. Митрофана безслѣдно пропали, образъ Иверской Божіей Матери (см. стр. 129, прим. 1) японцы, благодаря надписи на этомъ образѣ, вернули о. Митрофану въ неприкосновенности.

Вхожу. Присутствіе женщины сейчасъ же замѣтно: на канахъ лежатъ вышитые ковры, на стульяхъ шкуры рыси, стоятъ скамеечки съ красными подушечками, нѣсколько зеркалъ, засушенные цвѣты, книжка съ узорами для вышиванія, картины, часы, вѣеры и проч.

На канѣ полулежитъ „мамуса", старшая жена (у хозяина двѣ жены), и куритъ опіумъ. Лицо блѣдное; глаза неестественно горятъ. Рядомъ работаетъ что-то молодая китаянка, а двѣ хӯни, т.-е. дѣвушки, играютъ съ маленькой собачкой.

Сейчасъ же меня усадили въ кресло. Хозяинъ очень любезно предложилъ свою трубку и крайне удивился, когда я отказался. А старшая жена налила чашку чаю. Сахару не полагается.

Начался оживленный разговоръ между нами. Я ничего не знаю по-китайски; они ни слова по-русски. Посему разговоръ нашъ сопровождался такой мимикой и жестикуляціей, что прямо смѣшно становилось. Между прочимъ, видя у меня на рукавѣ красный крестъ, они вообразили, что я докторъ, и просили полѣчить младшую хӯню, у которой сильно распухли гланды. Я досталъ ножъ и шутя предложилъ вырѣзать. Родители согласились; но дѣвочка ни за что не хотѣла.

Чтобы не остаться въ долгу, я съ своей стороны угостилъ всѣхъ сахаромъ. Но китаецъ сейчасъ же принесъ три яйца и отдарилъ.

7-го марта утромъ вдругъ вбѣгаетъ на нашу половину хозяинъ и чуть не со слезами говоритъ мнѣ:

— „Капетана сыпи́-сыпи́, сольдата кули́-кули́ карабачи̍", т.-е. когда я спалъ, солдаты украли у него трубку.

А трубка, дѣйствительно, хорошая и дорогая (только вчера онъ ее показывалъ мнѣ): вся изъ серебра, рублей 30—40 стоитъ. Конечно, виновнаго скоро нашли и поставили его въ наказаніе среди двора на часы, а трубку возвратили владѣльцу.

Проходитъ такъ съ часъ. Смотрю, китаецъ таинственно вызываетъ меня:

— „Капетана! пойдёма".

И тащитъ меня за руку на дворъ прямо къ наказанному солдату. Подвелъ и говоритъ мнѣ:

— „Капетана кули́-кули́ ю, карабачи мею-ла", т.-е. трубку я ему отыскалъ, воровства больше нѣтъ.

И, кланяясь почти до земли, онъ умолялъ простить солдата. Да̀, симпатичный. Это не то, что на прошломъ ночлегѣ, гдѣ старикъ китаецъ такъ злобно смотрѣлъ на насъ, что жутко становилось: и говорить съ нами не пожелалъ.

Ахъ, вотъ ужъ кого мнѣ ужасно жаль здѣсь, такъ это женщинъ и дѣтей. Сердце разрывается, когда, по приходѣ войска на ночлегъ, очищаютъ фанзы подъ постой. Обыкновенно только одну-двѣ фанзы оставляютъ не занятыми. И вотъ туда со всей деревни сходятся „бабушки"; идутъ цѣлой толпой, опустивши глаза въ землю и держа

въ правой рукѣ палку, безъ помощи которой онѣ рискуютъ на своихъ изуродованныхъ миніатюрныхъ ножкахъ упасть. На рукахъ обыкновенно маленькій: прижмется крѣпко къ материнской груди и испуганно смотритъ на чуждыхъ пришельцевъ. За рубаху держатся еще двое-трое малышей и большею частью неистово ревутъ.

Смотря на эту картину, всегда неизмѣнно вспоминаю, какъ во время моего ранняго дѣтства въ нашемъ селѣ случился страшный пожаръ. И я, уцѣпившись за платье мамаши, все бѣгалъ за ней и ужасно кричалъ, озираясь на зловѣщее пламя и вообще испытывая невыразимый страхъ.

И вотъ теперь я вижу то же. Только страхъ этотъ внушаетъ не пожаръ, а мы. Отъ подобнаго сознанія буквально морозъ по кожѣ деретъ. И я стремительно бѣгу въ отведенную фанзу, чтобы скорѣе замкнуться, не видѣть. Но, конечно, нужно же и нашимъ воинамъ теплое помѣщеніе. Законъ войны!

У нашего хозяина магазинъ. Каждый вечеръ, по закрытіи лавки, приказчики собираются къ намъ въ фанзу (съ ними-то мы и спали вповалку на канахъ, и я съ дрожью вспоминаю объ этомъ); и вотъ начинается взаимное обученіе языкамъ. Галдёжъ получается невообразимый, такъ какъ китайцы вообще громко говорятъ. Они учатъ меня своему счету, и я старательно твержу: „иго (1), лянго (2), санго (3), сыга (4), уга (5), люга (6), тига (7), пага (8), тюга (9), шига (10)“ и т. д. Видя мои быстрые успѣхи, китайцы хохочутъ отъ удовольствія, приговаривая:

— „Шанго, капетана!“

Съ своей стороны они тоже учатся по-русски: спрашиваютъ названія предметовъ и преуморительно ихъ потомъ коверкаютъ.

Лошади наши отдохнули. Всѣ церковныя и свои вещи я привелъ въ порядокъ. И 8-го марта, простившись съ Ксенофонтомъ, мы съ Михаиломъ отправились назадъ къ полку. Съ нами ѣдетъ пор. Бузиновъ и 20 всадниковъ.

На ст. Гунчжулинъ мы узнали, что наша бригада съ 11-ой конной батареей прикрываетъ отступленіе 3-ьей арміи и потому стоитъ позади всѣхъ войскъ, верстахъ въ 20 отъ ближайшей позиціи (трудная и опасная служба); что штабы бригады и полка находятся на станціи „Шуан-мяоцзы“, верстъ на 75 южнѣе Гунчжулина; а 4 эскадрона ежедневно спускаются еще верстъ на 15 къ югу въ сторожевое охраненіе, гдѣ и перестрѣливаются съ японцами и хунхузами.

Отъ г. Чаянпо до ст. Шуан-мяоцзы мы ѣхали два дня среди массы отступающихъ войскъ; при чемъ всѣ встрѣчавшіеся полки и артиллерія шли въ полномъ порядкѣ.

Среди одного полка идутъ плѣнные японцы, человѣкъ 80. Видъ ихъ не бодрѣе нашихъ: тоже утомились. Въ рукахъ палки; на поясахъ бутылки съ водой. Вмѣстѣ съ нашими солдатами покуриваютъ трубочки.

Павшихъ животныхъ, разлагающихся внутренностей, валенокъ, рваныхъ полушубковъ, всякаго тряпья, пустыхъ жестянокъ и прочаго хлама валялось по дорогѣ такое множество, такая масса, что лошади пугались, и насъ прямо начинало тошнить. На бѣду погода сразу стала теплая: солнце жгло такъ сильно, что все и таяло и разлагалось быстро.

Ночевали мы двѣ ночи совершенно одни. Заѣзжали всѣ въ одинъ дворъ, запирали все кругомъ и на ворота ставили часового.

Проѣхавши ст. Сыпингай, мы едва не выкупались нечаянно въ рѣкѣ. Ледъ, казалось, растаялъ. Вода совершенно чистая. Послали одного солдата впередъ. Онъ попробовалъ и доложилъ, что рѣка мелкая, только по колѣни лошади. Тронулись гуськомъ. Я ѣхалъ почти послѣднимъ. Первые два всадника перебрались благополучно; а третій вдругъ скрылся на половину въ воду. Что такое? Оказалось, рѣка-то глубокая, а только ледъ немного опустился, и мы его приняли за дно. Едва вытащили бѣднягу. Снялъ онъ валенки и вылилъ изъ нихъ воду, какъ изъ ведра. Дѣлать нечего: взяли мы немного вправо и съ большимъ страхомъ и рискомъ ежеминутно провалиться переѣхали всѣ на другую сторону.

Часовъ въ 6 вечера мы подъѣхали къ станціи Шуан-мяоцзы. Штабъ полка помѣщается въ будкѣ; вижу 1-й эскадронъ. Господи! Какъ же мы радостно всѣ встрѣтились! Точно родные. Какъ я привыкъ къ полку!

Пошли разспросы, что мы привезли новаго. Но, къ общему огорченію, хорошаго новаго мы ничего не привезли, а сплетенъ, что обычно ходятъ въ тылу арміи, навезли массу.

Я устроился попрежнему съ командиромъ полка. При чемъ оказалась пустая желѣзная койка какого-то пограничника. Михаилъ постлалъ на нее соломы. И я, забывши всѣ тревоги и скорби, заснулъ, какъ убитый.

Грустное было пробужденіе 12-го марта: привезли двухъ убитыхъ солдатъ (3-го и 6-го эскадроновъ). Похоронили недалеко отъ станціи.

Около могилы я замѣтилъ небольшой шалашикъ изъ цыновокъ. Заинтересовался. Вошелъ. И что же? На деревянной скамеечкѣ лежитъ отрубленная человѣческая нога, еще свѣжая. Очевидно, ее недавно ампутировали проходящіе лазареты да и забыли зарыть. Велѣлъ закопать.

Пока дошелъ до своей будки, вся душа перевернулась. Цѣлая площадь загажена падалью, внутренностями и проч. Что будетъ съ нами, если мы здѣсь постоимъ еще нѣсколько дней?

Всѣ желѣзнодорожныя стрѣлки сняты. И на послѣдніе три поѣзда спѣшно грузятъ интендантскій фуражъ, дрова, муку.

Вечеромъ пришелъ приказъ начинать жечь освободившіяся зданія. И скоро запылали громадный каменный баракъ, деревянный мостъ, станціонныя будки; взлетѣлъ желѣзнодорожный мостъ. Забушевала

огненная стихія. Долго-долго съ невыразимой грустью гулялъ я около своей будки при свѣтѣ этого пожарища. Тяжело! Ложусь.

13-ое марта (ст. Шуанмяоцзы).

Сегодня воскресенье. Иду искать мѣсто для богослуженія. День начался хорошій, солнечный. Можно бы и на воздухѣ молиться; но не позволяли вонь и валяющаяся во множествѣ разная гадость.

Пришелъ я на вокзалъ. Здѣсь телеграфистъ сообщилъ мнѣ, что при станціи есть часовня, которая, кажется, еще цѣла.

Дѣйствительно, около пограничной казармы я нашелъ часовню. Двери открыты; одна половинка оторвана; иконъ нѣтъ; стекла выбиты; на полу валяется солома. Ничего: все-таки лучше, чѣмъ среди вони и мусора, и тѣмъ болѣе, что передъ часовней находилась цѣлая площадка, почти чистая.

Сейчасъ же я пошелъ въ 6-ой эскадронъ и взялъ людей. Черезъ часъ все вычистили: и часовню, и площадку.

Объявилъ я о богослуженіи всему гарнизону. И въ 12 часовъ дня, дождавшись прихода эскадроновъ изъ сторожевого охраненія, я отслужилъ обѣдницу и молебенъ. Часовня изображала собою алтарь, а площадка церковь.

Я полагалъ, что по случаю тревожнаго нашего положенія будетъ мало у меня богомольцевъ. Однако вышло наоборотъ: пришли генералъ, командиры полковъ, много офицеровъ, наши солдаты, нѣжинцы, артиллеристы, казаки и пѣхотные охотники. Мнѣ это проявленіе религіозности было чрезвычайно пріятно. Говорилъ даже небольшую проповѣдь приблизительно такого содержанія:

— Больше года уже идетъ война, и Господь еще не благословилъ насъ побѣдой. Многіе поэтому стали унывать и даже охладѣвать къ несенію службы. Но напрасно. Вспомнимъ, что въ словѣ Божіемъ ясно сказано: *кого любитъ Господь, того и наказуетъ, но не дастъ испытанія сверхъ силъ, а съ испытаніемъ дастъ и избавленіе.* Не по злобѣ, конечно, наказуетъ насъ Богъ; нѣтъ, Онъ всѣхъ любитъ. А просто сильно мы забылись, загордились, стали развратны. Вотъ Господь и смиряетъ теперь насъ, глухихъ на Его сладкій и ласковый призывъ къ исправленію, бѣдою, дабы хоть горемъ заставить насъ образумиться, спастись. Когда же исправимся, раскаемся, то Онъ снова вернетъ намъ смирившимся Свою благодать. Посему раскаемся и скажемъ Господу:

— „Согрѣшили мы предъ Тобою, Отецъ нашъ! Благодаримъ, что наказуешь. Съ радостью пріемлемъ. Только прости“.

— Затѣмъ много трудовъ и лишеній, ранъ и болѣзней приходится здѣсь переносить намъ. Не упадемъ духомъ и отъ этого; а

будемъ вѣрить, что наши немощи поддержитъ и восполнитъ сила Божія по нашей молитвѣ.

— Итакъ, не унывать, а надѣяться нужно намъ, что Господь можетъ и изъ горестныхъ обстоятельствъ сдѣлать радостныя. Только смиримся, раскаемся и будемъ продолжать честно и усердно исполнять свой долгъ!

Разошлись по своимъ будкамъ. Обѣдаемъ. Вдругъ бу́мъ—выстрѣлъ недалеко отъ насъ. Выбѣгаемъ и видимъ: столбъ пыли и дыму около вокзала.

— „Шимоза"...

Вотъ первое, что мелькнуло въ головѣ. И я уже настроился встрѣчать вторую, третью и т. д. Но скоро объяснилось, что это саперы пробовали силу присланнаго патрона, которымъ завтра нужно рвать водокачку.

Успокоились и принялись за неизмѣнный нашъ послѣобѣденный десертъ-чай, да еще съ лимономъ. Лимонъ вѣдь рѣдкость здѣсь; какъ-то удалось достать на ст. Гунчжулинъ.

Приходитъ батарейный командиръ и, увидавши лимонъ, убѣдительно проситъ дать ему маленькій кусочекъ:

— „Съ Россіи вѣдь даже не нюхалъ", говоритъ.

Ну, а я у него за это взялъ кусочекъ сахару, такъ какъ этотъ продуктъ у всѣхъ насъ вышелъ; а обозы и лавки слишкомъ далеко. Такъ съ этимъ кускомъ я и пилъ раза три, пока въ г. Цилюшу не купили 10 фунтовъ тростниковаго сахарнаго песку въ китайской лавчонкѣ.

Вечеромъ изъ штаба арміи пришелъ приказъ, чтобы завтра къ 12 часамъ дня очистить станцію, все зажечь, зданія и водокачку взорвать и въ 2 часа дня нашей бригадѣ выступить на сѣверо-западъ съ такимъ расчетомъ, чтобы 16-го марта прійти въ г. Юшитай (въ 60 верстахъ отсюда), гдѣ стать на квартиры и развѣдывать мѣстность къ монгольской границѣ, отъ которой мы будемъ въ 25 верстахъ.

Хотя мы и будемъ теперь жить въ 40 верстахъ отъ желѣзной дороги; но все же я радъ уйти отсюда: по крайней мѣрѣ, будемъ жить въ сравнительной чистотѣ, а не среди этихъ отбросовъ отступленія.

14-ое марта.

Рано утромъ пѣхотные солдаты привели двухъ китайцевъ шпіоновъ. Оба молодые. Пойманы на мѣстѣ преступленія. Судъ короткій: ихъ повели за фанзу—тамъ казнь.

Не могу описать охватившаго меня чувства: и страшная жалость къ нимъ, и вмѣстѣ какой-то ужасъ, какая-то внутренняя дрожь. Скорѣе ушелъ въ свою будку и легъ, чтобы ничего не слышать.

Вѣтеръ сильный и холодный. Пришелъ интендантскій чиновникъ, проситъ письменный приказъ генерала начать жечь. Приказали.

И пошло. Огромныя зданія пограничныхъ казармъ, станціонные пакгаузы, скирды чумизной соломы, станція съ своими постройками, оставшееся интендантское имущество—все это сразу запылало, и клубы дыма повалили изъ оконъ, дверей, воротъ. Вѣтеръ быстро помогъ: появилось море пламени.

Наши будки еще цѣлы: сами зажжемъ при отъѣздѣ. Сѣли закусить. Слышимъ „трахъ-трахъ": страшный взрывъ. Это взлетѣла на воздухъ каменная водокачка. За нею полетѣли наиболѣе крѣпкія зданія. Кругомъ пламя, дымъ, взрывы, адъ. Хотя бы скорѣе уѣхать отсюда!

Наконецъ выстроились эскадроны, и мы начали разрушать свои квартиры: выбили окна, наложили внутрь чумизной соломы и зажгли.

— „Къ конямъ! садись!"

Слава Богу, ѣдемъ. Нѣсколько разъ еще оглянулся я назадъ. Будка наша въ пламени; часовня, гдѣ я служилъ, уже сгорѣла; остальное все окутано дымомъ.

Прощай, желѣзная дорога! Насъ теперь посылаютъ снова на крайній правый флангъ 3-ьей арміи въ г. Юшитай (верстъ 50 отъ ст. Гунчжулинъ). Когда стоишь недалеко отъ желѣзной дороги, видишь бѣгущіе поѣзда, то чувствуешь себя какъ-то ближе къ Россіи и ко всему родному; а какъ приходится жить и сражаться вдали отъ линіи, то всѣми испытывается чувство отрѣзанности отъ всего. Непріятное чувство!

Вѣтеръ пронизываетъ. Командиръ полка жалуется на лихорадочное состояніе. Немудрено простудиться.

Проѣхали версты три и видимъ: идетъ навстрѣчу какая-то толпа; впереди на огромномъ шестѣ флагъ Краснаго Креста. Что такое? Подошли. Оказывается, это идутъ отпущенные японцами изъ плѣна 24 доктора, священникъ, мулла и 280 санитаровъ. Всѣ они истомлены: пѣшкомъ вѣдь шли отъ г. Мукдена (140 верстъ). Въ рукахъ палки. Вещей собственныхъ буквально, что на себѣ. Японцы выпроводили ихъ, давши на дорогу только галетъ. Въ плѣнъ ихъ взяли японцы въ деревнѣ Каулоудзахъ, гдѣ мы жили.

Остановились на ночлегъ въ деревнѣ Цилюшу. Сахару у насъ ни кусочка; но китайцы выручили, предложивъ купить у нихъ песку изъ сахарнаго тростника. Мы такъ и сдѣлали.

Командиръ полка разболѣлся: температура 39°; а нужно сдѣлать верхомъ еще 70 верстъ. Легли на канѣ всѣ вповалку. Я блаженствовалъ: любезный китаецъ одолжилъ мнѣ ватное одѣяло, на которомъ я и улегся, хотя подозрѣніе относительно насѣкомыхъ въ одѣялѣ было сильное. Но что же дѣлать?

15-ое—16-ое марта.

Выступили въ 8 часовъ. Стало еще холоднѣе; и, главное, идетъ то дождь, то снѣгъ. Командиръ полка сѣлъ на лошадь. Прямо поражаюсь, какъ онъ ѣдетъ. Вотъ терпѣніе-то!

Весь день шли благополучно; только страшно всѣ озябли. Лошадь моя такъ устала, что, какъ станемъ на привалъ, такъ она ложится и ноги вытягиваетъ. Тогда и я, подостлавши чумизы, ложусь и голову кладу ей на сѣдло. Такъ мы оба и отдыхаемъ.

Ночевали покойно въ деревнѣ Удіопѣ. Здоровье командира полка улучшается. Мы сварили курицу и заставили его насильно съѣсть бульону.

16-го марта въ 4 часа дня пріѣхали наконецъ въ г. Юшитай. Городокъ небольшой, но, по обычаю, обнесенъ стѣною и окопанъ глубокимъ рвомъ. Около однихъ воротъ стоитъ даже старая-престарая пушка.

Насъ встрѣтилъ китайскій полковникъ, начальникъ юшитайскаго гарнизона, состоящаго изъ 300 всадниковъ регулярнаго войска.

Разошлись по квартирамъ. Намъ отвели большую фанзу. Я купилъ за 3 рубля китайское ватное одѣяло и устроилъ себѣ на канѣ спанье. Послали за обозомъ.

17-ое марта (г. Юшитай).

Плохо провелъ я ночь: снизу поджаривалъ канъ, а сверху было холодно. Бумага въ окнахъ порвалась, и вѣтеръ свободно гулялъ по фанзѣ.

Утромъ входитъ адъютантъ и поздравляетъ съ зимою. Оказалось, за ночь выпалъ снѣгъ вершка въ два глубины. Не поблагодарили мы адъютанта за поздравленіе: вѣдь къ обѣду эта зима пропадетъ, и на ея мѣстѣ окажется страшная грязь. А мы ждемъ—не дождемся обоза, который сталъ у г. Куачендзы на сѣверъ отъ насъ, верстахъ, по крайней мѣрѣ, въ ста отсюда. По грязи-то когда онъ подойдетъ? А въ обозѣ и церковь и вещи наши.

Въ 10 часовъ утра пришелъ казачій офицеръ 1-го Аргунскаго полка, причисленнаго къ нашей бригадѣ, съ просьбою отслужить у нихъ въ 11 часовъ молебенъ, по случаю ихъ полкового и общаго всего Забайкальскаго войска праздника (св. Алексій, человѣкъ Божій).

Едва добрались мы съ Михаиломъ до мѣста служенія. Такая слякоть на улицѣ, и движеніе прямо громадное: китайцы цѣлыми обозами перебираются изъ деревень сюда въ городъ. На огромныхъ арбахъ чего только нѣтъ? Тутъ и гаолянъ, и чумиза, и поросята,

и утки, и куры и проч.; кромѣ того на каждой арбѣ штукъ по 7—8 „бабушекъ“. Сталъ уже я свыкаться со всѣми этими картинами; а сначала онѣ доводили меня до слезъ.

Пришли къ казакамъ. На большомъ дворѣ расчистили мѣсто и устроили изъ новыхъ цыновокъ подобіе часовни. Внутри поставили столъ и на столѣ въ казачьемъ котелкѣ воду.

Со мной пришли наши свободные пѣвчіе. И молебенъ мы отслужили съ большимъ торжествомъ.

Передъ молебномъ, приглашая казаковъ поусерднѣе помолиться, я сказалъ небольшую проповѣдь о томъ, что св. Алексій, принявши на себя послушаніе служить только Христу, смиренно претерпѣлъ на этомъ поприщѣ, благодаря своей вѣрѣ и молитвѣ, страшные труды, страданія и лишенія. Концомъ такой его жизни были побѣда надъ грѣхомъ и вѣчная блаженная жизнь.

— „Вы тоже второй уже годъ, вѣрные своему долгу, переносите здѣсь великіе труды, лишенія, раны и болѣзни. Много нужно вамъ силы, чтобы смиренно все это перенести, претерпѣть до конца. И вотъ здѣсь-то примѣръ жизни и помощь св. Алексія вамъ необходимы. Вѣрьте, что, по милости Божіей, Онъ видитъ, знаетъ вашу жизнь, слышитъ ваши молитвы и всегда ходатайствуетъ за васъ передъ Господомъ. Молитесь же усерднѣе св. Алексію, и конецъ Его жизни будетъ ожидать и васъ, т.-е. вѣчная блаженная жизнь за гробомъ, а на землѣ благословеніе и благодарность отечества“.

Казаки, офицеры и простые, всѣ выражали неподдѣльную радость. Да это и понятно: вѣдь въ прошлый свой праздникъ, т.-е. въ 1904-мъ году, они не только не молились въ этотъ день, но были даже въ походѣ съ ген. Мищенко въ Кореѣ.

Потихоньку добрались мы до своей фанзы. Готовъ обѣдъ. Теперь мы въ этомъ отношеніи опять наладились: купили 5 куръ, 3 утки и гуся; а въ 5-мъ эскадронѣ начали класть печь: значитъ, скоро будетъ и хлѣбъ.

Только что пообѣдали, какъ меня вызываютъ во дворъ. Выхожу, смотрю... Стоитъ унт.-оф. 3-го эскадрона Ивановъ, улыбается и говоритъ:

— „Батюшка! Милости просимъ, пожалуйте къ намъ въ эскадронную баню попариться. Я все для васъ приготовилъ“.

— „Да когда же это вы“, говорю: „успѣли уже и баню соорудить?“

— „Какъ пріѣхали, значитъ, мы сюда“, отвѣчаетъ Ивановъ: „первымъ дѣломъ я побѣжалъ искать подходящую фанзу для бани: потому Вы сами изволите знать, что мы больше мѣсяца уже и рубахъ-то не мѣняли—вошь стала заѣдать. Ну, выпариться-то очень даже хорошо солдату. Господь помогъ мнѣ: вчера же и нашелъ. Сложили печку, устроили каменку, навалили на нее булыжнику; и пару сколько угодно. Да вотъ пожалуйте: сами увидите“.

Устоять противъ такого искушенія было невозможно: крикнулъ Михаила, и черезъ часъ горячій-прегорячій паръ тщательно уже выпаривалъ изъ моего грѣшнаго тѣла всякую нечисть. Баня чудная; хорошо было мыться.

Но, очевидно, за эти ужасные наши походы съ 16-го февраля я очень усталъ да и давно въ пару не былъ; только окончилось тѣмъ, что я вдругъ ослабѣлъ, и голова стала кружиться. Скорѣе Михаилъ кое-какъ одѣлъ меня, и я буквально повалился на руки дневальнаго, который и положилъ меня на чумизную солому, бывшую на дворѣ. Немного полежалъ я, оправился и тихонько добрелъ до фанзы ротмистра Витковскаго, у котораго и долѣчился окончательно чаемъ. Угару никакого; просто ослабѣлъ. Итакъ, благодаря 3-му эскадрону, я снова выпарился на много времени впередъ. Пріятно!

Вернулся домой. И, только хотѣлъ прилечь, какъ вдругъ появилась цѣлая процессія. Въ сопровожденіи конвоя явился къ намъ китайскій полковникъ съ визитомъ. На немъ красная шапка съ шарикомъ и длиннымъ перомъ, шелковая куртка и такіе же штаны, бархатные сапожки, на пальцахъ длинные ногти—однимъ словомъ, аристократъ. За нимъ оруженосецъ тащитъ полковничій мечъ въ красныхъ ножнахъ; а другой человѣкъ держитъ въ рукахъ длинныя красныя визитныя карточки.

Вошедши, полковникъ передъ каждымъ изъ насъ присѣлъ, затѣмъ пожалъ руки; а слуга его роздалъ всѣмъ по визитной карточкѣ.

Усадили гостя и черезъ переводчика, нашего „Иванъ Иваныча“ (прозвище), задали нѣсколько обязательныхъ вопросовъ, напр.:

— „Какъ здоровье? Какъ поживаетъ семья? Сколько дѣтей?“

Затѣмъ пошелъ разговоръ общій. Оказалось, полковникъ въ 1894-мъ году сражался съ японцами и даже два раза былъ раненъ. Признался, что ненавидитъ ихъ и съ удовольствіемъ перешелъ бы со своей конницей на нашу службу, но боится своего правительства. Говорилъ искренно, хотя, быть-можетъ, когда придутъ сюда японцы, онъ то же будетъ говорить и японцамъ о насъ. На ихъ мѣстѣ что жъ иное дѣлать? Положеніе китайцевъ вообще прямо адское. Жаль ихъ отъ души.

Напоили гостя чаемъ. Онъ приглашалъ насъ къ себѣ обѣдать. Но мы отказались. Вѣдь сидѣть за столомъ и не ѣсть нельзя; а, если поѣсть, то отъ многихъ блюдъ въ желудкѣ непремѣнно получится „ломайло“.

Завтра надо искать помѣщеніе, гдѣ бы можно было устроить церковь. Если простоимъ нѣсколько дней, поговѣемъ. Да и такъ помолиться нужно.

18-ое—20-ое марта (г. Юшитай).

18-го и 19-го числа все время мы съ Михаиломъ бѣгали по городу, ища удобнаго мѣста для богослуженія. Въ 1-ый день ничего

не нашли. Наконецъ 19-го, послѣ безплодныхъ поисковъ, я обратился къ помощи китайскаго полковника. И онъ скоро отыскалъ намъ цѣлую отдѣльную фанзу, новую, въ которой не успѣли даже выстроить еще кановъ: человѣкъ 350 можетъ помѣститься. Радости моей не было предѣла.

Сейчасъ же началась чистка фанзы. Милые солдаты работали наперерывъ: таскали песокъ, подметали, наносили кирпичу и для алтаря выложили возвышеніе, даже вывели полукруглый амвонъ. Затѣмъ принесли массу цыновокъ и устлали ими всю фанзу. Уборку фанзы-церкви закончили только 20-го утромъ. И въ $10^1/_2$ часовъ я назначилъ для всего юшитайскаго гарнизона обѣдницу съ поклоненіемъ честно̀му Кресту.

Обоза нашего еще нѣтъ; нѣтъ, значитъ, и церкви. Пришлось наводить благолѣпіе мѣстными средствами. Принесли китайскій столъ; покрыли его попоной. Унт.-оф. Рѣшетниковъ (столяръ) сдѣлалъ большой крестъ, который мы и поставили у стола.

Вотъ и все. Тѣмъ не менѣе на душѣ было радостно; и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія богомольцевъ. Природа вполнѣ соотвѣтствовала воскресному дню: подъ дѣйствіемъ весенняго солнышка все воскресало; и хотѣлось забыть суровую дѣйствительность, войну.

Наконецъ собрались молящіеся: драгуны, казаки, артиллеристы, много офицеровъ. Даже китайскій полковникъ пришелъ въ полной парадной формѣ. И мы отслужили обѣдницу. Всѣ пѣли „Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ“.

Не могу выразить, какъ легко стало на душѣ: будто сразу отпало что-то тяжелое, и какая-то легкость наполнила все мое существо. Душа, какъ воскъ, размягчилась, растопилась. Что жъ? Слава Распятому, что и насъ Онъ удостоиваетъ итти такимъ же, какимъ и Онъ, крестнымъ путемъ. И какъ только благодарить Господа, Который среди такой скорбной обстановки, среди такого печальнаго положенія не лишаетъ насъ, хотя и грѣшныхъ, но все же дѣтей Своихъ, благодатнаго молитвеннаго озаренія, духовнаго размягченія, этого истиннаго отдохновенія?

Скажите: въ чемъ иномъ мы могли бы найти въ нашей скорби утѣшеніе? Въ сочувствіи согражданъ? Но большинство газетъ и писемъ только и гласятъ:

— „Здо̀рово побили васъ японцы“...

— „Отколотили васъ начисто: едва ноги унесли“...

— „Позорно бѣжали“...

— „Вы сгнили: нѣтъ прежней русской арміи“...

Спасибо! Со смиреніемъ пріемлемъ: мы грѣшны, заслужили. Только, мнѣ кажется, можно ли назвать *сгнившими* и *трусами* тѣхъ воиновъ, которые почти двѣ недѣли непрерывно сражались, отбили 19 атакъ, потеряли до 60,000 убитыхъ и раненыхъ, сражались, имѣя противъ себя храбрѣйшаго и одушевленнаго врага, на-

ходившагося въ неизмѣримо лучшихъ условіяхъ, и отступили лишь по приказанію начальства? А эта проклятая паника въ обозахъ? Обозы вѣдь не строевыя войска. А знаете ли, что за страшная вещь паника? О, невыразимо страшная! Гораздо опаснѣе самаго ужаснаго боя. Паника изъ обозовъ, какъ зараза, передалась въ *нѣкоторыя* строевыя войска; и мы безъ боя потеряли и людей плѣнными, и орудія.

Осуждайте нашу мученическую жизнь, осуждайте, клеймите. Но у насъ есть заступникъ, Господь на небѣ, Который знаетъ наши труды и вотъ, видите, утѣшаетъ, поддерживаетъ наши силы. У насъ есть и на землѣ защитникъ, великій Государь. Онъ добрый, сердечный. Онъ знаетъ, что мы добросовѣстно исполняли святую присягу, что мы пребудемъ вѣрны Ему, хотя бы умереть надлежало всѣмъ. У насъ есть родные наши, близкіе: они скорбятъ вмѣстѣ съ нами, сочувствуютъ намъ, не осуждаютъ.

Послѣ поклоненія святому Кресту я сказалъ небольшое поученіе, объяснивъ между прочимъ воинамъ причину нашей благоговѣйной радости, испытываемой при видѣ, поклоненіи и лобызаніи честнаго и животворящаго Креста. Я говорилъ приблизительно такъ:

— Какъ счастливы мы, дорогіе воины, что Господь удостоилъ насъ сегодня поклониться честному Кресту, облобызать Его и прославить воскресеніе Спасителя! Какое это намъ утѣшеніе!

— Но почему мы такъ благоговѣйно преклоняли колѣни предъ древомъ крестнымъ и съ такою любовью цѣловали его?

— Да потому, конечно, что на крестѣ ради нашего спасенія претерпѣлъ страшныя муки и смерть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, претерпѣлъ смиренно, благословляя, благодаря.

— Да и вся-то земная жизнь Спасителя что представляетъ собою, какъ не сплошной крестъ, т.-е. самоотверженное служеніе во славу Божію и для спасенія людей? Исцѣленіе больныхъ, питаніе алчущихъ, утѣшеніе страждущихъ, возрожденіе къ новой святой жизни блудницъ, мытарей и всѣхъ людей святѣйшимъ ученіемъ, прощеніемъ грѣховъ и при всемъ этомъ смиренное претерпѣніе насмѣшекъ, зависти, злобы, клеветы со стороны гордыхъ фарисеевъ и, наконецъ, ужасная смерть отъ руки грѣшниковъ—вотъ чѣмъ полна была земная жизнь Спасителя. Значитъ, сказать „*крестъ*“—это все равно, что сказать „*крѣпкая вѣра, самоотверженная любовь, смиреніе, благодарное терпѣніе, подвигъ*“. Крестъ олицетворяетъ и освящаетъ собою все самое лучшее, всѣ самыя прекрасныя добродѣтели, къ которымъ только можетъ и долженъ стремиться человѣкъ на землѣ. Вотъ почему мы такъ благоговѣйно преклоняемъ колѣни предъ Крестомъ, съ такою любовью цѣлуемъ Его.

— Во-вторыхъ, мы потому преклоняемъ колѣни предъ Крестомъ и благоговѣйно цѣлуемъ Его, что *крестъ*, послѣ смерти на немъ за грѣхи людей Богочеловѣка, знаменуетъ собою неизреченную лю-

бовь къ намъ Господа и вѣчное спасеніе: крестомъ открытъ входъ въ царство Божіе всѣмъ истинно кающимся.

— Христосъ, послѣ претерпѣнія креста, воскресъ Самъ и обѣщалъ воскресеніе всѣмъ вѣрнымъ Своимъ послѣдователямъ.

— Дорогіе мои! Мы здѣсь несемъ тяжелый крестъ войны, защищая и спасая своею жизнью и кровью отечество, а съ нимъ и все, что такъ дорого намъ: вѣру, Государя, близкихъ. Исчислить трудно, сколько трудовъ, лишеній, ранъ и болѣзней приходится перетерпѣть. Но, взирая на распятаго начальника жизни нашей Іисуса Господа, будемъ самоотверженно, смиренно, терпѣливо и благодарно нести все, вѣруя, что и наше несеніе креста приведетъ насъ къ воскресенію.

— Да̀, если достойно будемъ нести крестъ нашей жизни, то непремѣнно воскреснемъ и прежде всего здѣсь на землѣ наслѣдуемъ *первое*, такъ сказать, *воскресеніе*—это миръ души.

— У истиннаго крестоносца-христіанина, дѣйствительно, уходятъ изъ души злоба, ложь, зависть, гордость, страстность, сомнѣнія, лѣнь; и въ душу вселяются вѣра, любовь, надежда на безсмертіе, смиреніе, честность, трудъ, довольство, покаяніе, за все благодарность. Какъ же иначе назвать такое состояніе души, какъ не воскресеніемъ?

— Затѣмъ уже, когда Сынъ Божій вторично придетъ на землю, тогда и въ собственномъ смыслѣ воскреснутъ всѣ крестоносцы для вѣчной блаженной жизни во царствіи Его.

— Итакъ, смиримся, претерпимъ до конца нашу крестную жизнь! И спасемся.

По окончаніи богослуженія мы устроили съ командирами частей нашего отряда совѣщаніе относительно говѣнія солдатъ. Рѣшили, какъ только придетъ наша церковь, начать ежедневную службу-говѣніе и пріобщать каждый день отъ 250 до 300 человѣкъ, чтобы успѣть пріобщить побольше воиновъ, потому что неизвѣстно, долго ли простоимъ здѣсь.

Конечно, я съ радостью согласился послужить, насколько хватитъ силъ. Вѣдь я остался одинъ въ отрядѣ; священники другихъ полковъ, вѣроятно, заболѣли. А причастниковъ-то, по крайней мѣрѣ, 4000 человѣкъ.

Ну да Господь поможетъ. Лишь бы церковь скорѣе привезли изъ обоза!

21-ое марта.

Сегодня въ нашемъ городѣ кипитъ работа. Комендантъ г. Юшитая подполковникъ Н. И. Чайковскій заставилъ китайцевъ сбросить снѣгъ съ крышъ и вычистить грязь съ улицъ.

Цѣлыя толпы китайцевъ съ крикомъ машутъ лопатами, кирками, метлами. И, дѣйствительно, къ вечеру улицы стали не только

проходимы, но почти сухи. Нѣкоторые вздумали было отказаться отъ этой благодѣтельной для нихъ же работы. Но неумолимые китайскіе полицейскіе сейчасъ же схватили ихъ, повалили на землю и такъ отжарили палками по пяткамъ, что внезапно появилось усердіе; и работа заспорилась.

Спасибо коменданту нашему. А то вѣдь грязь-то грязью, да кромѣ того и дрянь всякую выбрасываютъ на улицу, даже падаль.

Ѣдетъ разъѣздъ Нѣжинскаго полка и что-то везетъ. Ближе... Оказывается, трупъ солдата сапера. Верстахъ въ 7 отъ г. Юшитая убили хунхузы. Принесли убитаго и положили въ нашей церкви на цыновку. Я благословилъ его. Лицо молодое, благородное; бѣлье тонкое. Очевидно, не изъ простыхъ. Но погонъ нѣтъ, и, какой части, узнать невозможно.

Послали рыть могилу. Нашъ 2-ой эскадронъ сдѣлалъ гробъ. Обмыли кровь съ лица и положили. Собрались пѣвчіе, много солдатъ. И мы съ большою торжественностью похоронили его за городомъ среди деревьевъ.

Вѣроятно, покойникъ угоденъ былъ Богу: такъ легко было на душѣ во время отпѣванія. Жаль только, что имя его неизвѣстно. Молились просто за „раба Божія“.

Упокоился такимъ образомъ еще одинъ. Онъ уже не знаетъ ни позора, ни страданія и получилъ высшую награду отъ Небеснаго Царя, вѣнецъ мученичества. А мы? Дай, Боже, силы еще потрудиться здѣсь!

Не хотѣлось послѣ погребенія возвращаться въ городъ: жаворонки, наши родные жаворонки, и здѣсь поютъ свою весеннюю пѣсню, столь милую русскому сердцу.

Въ отвѣтъ на письмо съ выраженіемъ чувствъ соболѣзнованія и словами утѣшенія получилъ отъ Великой Княгини телеграмму:

— „Отъ всей души благодарю Васъ за молитвы и письмо. Пишу Вамъ. Елисавета“.

Да утѣшитъ Господь нашего дорогого добраго Шефа!

22-ое—24-ое марта.

Утромъ пришелъ къ намъ подполк. Чайковскій и пригласилъ пойти съ нимъ осмотрѣть кумирню, собственно только женскую и врачебную ея части. Едва-едва добрались мы до кумирни: такъ велико движеніе переселяющихся китайцевъ.

Старикъ сторожъ открылъ ограду, и мы вошли. Главной кумирни мы почти не осматривали: боги — старые знакомые, только громадныхъ размѣровъ. А въ женской задержались.

Какъ и въ мужской половинѣ, здѣсь тоже 9 изображеній богинь. Въ центрѣ главная богиня съ короной на головѣ, огромная и

толстая. По бокамъ отъ нея расположены изображенія меньшаго размѣра. Это богини, имѣющія то или другое спеціальное значеніе. Напр. одна богиня держитъ массу маленькихъ дѣтей мужского пола; и къ ней обращаются съ просьбой женщины, желающія имѣть мальчиковъ. У другой богини, наоборотъ, дѣти только дѣвочки. Есть богини, у которыхъ просятъ дѣтей съ тѣми или другими желательными способностями; напр. просятъ, чтобы сынъ былъ хорошій земледѣлецъ или чиновникъ, купецъ, ремесленникъ и т. д.

Во врачебной половинѣ сидитъ покойно одинъ старичокъ богъ-докторъ (идолъ), пріятно улыбается и протягиваетъ руку съ палочкой, вѣроятно, магической. Рядомъ на стѣнѣ картина, изображающая наглядно результаты молитвы этому богу. Къ нему тянутся ряды калѣкъ на носилкахъ, костыляхъ; бредутъ, согнувшись. А отъ него несутся въ припрыжку, высоко поднявши ноги и пустивши костыли къ небесамъ.

Вернулся я назадъ, и прямо радость: встрѣчаетъ Ксенофонтъ. Пріѣхалъ обозъ, а, стало-быть, привезли и церковь.

И мы сейчасъ же съ Михаиломъ начали устраивать церковь. Повѣсили иконы; промежутокъ между иконами и потолкомъ задрапировали синей китайской матеріей; надъ царскими вратами прибили деревянный крестъ; за жертвенникомъ тоже прикрѣпили крестъ. Оба эти креста оклеили золоченой бумагой. Предъ иконами Спасителя и Богоматери поставили два деревянныхъ подсвѣчника работы нашего унт.-офицера Рѣшетникова.

Получилась чудная церковь: прямо не насмотрюсь, не налюбуюсь; кажется, не уходилъ бы. Окончили работу и забыли, что война...

Скорѣй составилъ я расписаніе говѣнія и разослалъ всѣмъ командирамъ частей нашего отряда и стоящихъ поблизости нашихъ сосѣдей: артиллеріи и пѣхоты.

Итакъ сегодня съ вечера начинаемъ говѣть и каждый день пріобщаться св. Таинъ. Теперь одно у меня желаніе, одна молитва: хотя бы недѣли двѣ продержалось затишье, чтобы всѣ успѣли пріобщиться. Вѣдь причастниковъ-то у меня предполагается болѣе 4000 человѣкъ.

Въ 5 часовъ вечера церковь была уже полна молящихся. И мы запѣли неизъяснимо утѣшительную особенно здѣсь пѣснь:

„Господи силъ, съ нами буди; иного бо, развѣ Тебе, помощника въ скорбѣхъ не имамы“.

Я поставилъ себѣ за правило ежедневно послѣ вечерни предъ исповѣдью бесѣдовать съ воинами. Прошу ихъ вспомнить, что „мы дѣти Отца Небеснаго и, какъ таковые, должны бы быть святы и непорочны; но на самомъ дѣлѣ мы забыли о сыновствѣ нашемъ и творимъ многіе грѣхи, которыми доставляемъ скорбь Господу и лишаемъ себя вѣчнаго спасенія, а на землѣ благополучія. Каждому

понятно, что грѣхъ губитъ, а добродѣтель спасаетъ. Поэтому Господь, по милосердію Своему, зоветъ всѣхъ насъ раскаяться, возненавидѣть грѣхъ, полюбить добро и начать борьбу съ грѣхомъ. Если такъ, то Отецъ нашъ Небесный проститъ намъ все прошлое скверное и, соединившись съ нашимъ существомъ въ святомъ причащеніи, вольетъ въ насъ новыя силы и поможетъ намъ побороть въ себѣ зло и стяжать добродѣтель. Итакъ сердечно, отъ души раскаемся предъ Господомъ въ грѣхахъ нашихъ, дадимъ Ему слово любить только добродѣтель и съ вѣрою и благоговѣніемъ приступимъ къ принятію св. Таинъ тѣла и крови Его“.

25-ое марта.

Благодарю, милліонъ разъ благодарю тебя, дорогая Олюшка, и всѣхъ за письма. Представь: почту мы получили сразу за цѣлый мѣсяцъ, и я за одинъ разъ получилъ 105 писемъ, среди которыхъ очень много твоихъ. Три дня читалъ ихъ.

Теперь мы стоимъ въ 45 верстахъ отъ желѣзной дороги. Вся наша бригада здѣсь, такъ что мы съ Полей живемъ даже на одной улицѣ и часто видимся. Сегодня онъ пріобщался у меня св. Таинъ.

Простите меня: писать некогда. Я каждый день служу св. литургію и ежедневно пріобщаю 250—300 человѣкъ. Много священниковъ заболѣло, и я опять оказался одинъ на весь отрядъ (нашъ полкъ, Нѣжинскій, 11-ая конная батарея, 1-ый Аргунскій казачій полкъ, 3-ья артиллерійская парковая бригада и двѣ роты пѣхоты). Народу много. Исповѣдь, конечно, общая. Церковь въ фанзѣ хорошая: человѣкъ 300 становится.

Пришелъ Поля (причастникъ): надо угостить чаемъ.

30-ое марта.

По милости Божіей, ежедневно въ 5 часовъ вечера я совершалъ великое повечеріе и утреню, а въ 8 часовъ утра св. литургію. Пріобщалъ человѣкъ по 300. Усталъ страшно, такъ что завтра думаю одинъ день отдохнуть.

А какъ мы рады были, что удалось отслужить св. литургію въ Благовѣщеніе! Хоть въ одинъ изъ великихъ праздниковъ помолились, какъ слѣдуетъ. Проповѣдь говорилъ по поводу праздника.

Пишу кратко: положительно некогда. Почти весь день провожу въ церкви.

31-ое марта.

Что касается *будущаго*, то насъ здѣсь сейчасъ занимаетъ одно: дадутъ или не дадутъ „япоши“ намъ покойно отпраздновать Воскре-

сеніе Христово? О, они предупредительно вѣжливы и, по всей вѣроятности, раньше времени пожалуютъ къ намъ съ визитомъ.

Знаете? Всѣ эти ваши революціи тамъ, забастовки, выборы и проч. намъ страшно надоѣли. Видно, дѣлать больше нечего: съ жиру, какъ говорится, бѣсятся. Ну а тутъ, когда каждый день ожиданіе смерти, грязь, непогода, лишенія, мы одного желаемъ: быть только живыми, побѣдить, помолиться (здѣсь всѣ молитвѣ рады) и устроиться на ночлегъ въ сносную фанзу, гдѣ бы топился канъ, гдѣ бы цыновка была да было бы, извините за выраженіе, вшей поменьше.

Эхъ, патріоты, патріоты! Все государство передѣлывать хотите: всѣ порядки нехороши; даже и въ Церкви, по вашему, неладно стало...

А сердце-то ваше чисто? Не могли или не умѣли читать и исполнять св. Евангеліе? Кто мѣшалъ? Плохая жизнь пастырей и чиновниковъ? Да, просто, собственное стремленіе у васъ къ разврату. А желавшіе быть святыми, честными тружениками всегда и дѣлались таковыми, невзирая ни на какихъ пастырей и чиновниковъ.

Охъ, и надоѣло же все это! Такъ вѣдь это опротивѣло, что клялся себѣ никогда и слова не говорить по этому поводу. А вотъ поди!..

Вы считаете, что насъ *позорно побили*. А мы вотъ еще не считаемъ себя побитыми и хотимъ воевать еще и еще.

1-ое апрѣля.

Утромъ китайскій полковникъ прислалъ намъ приглашеніе прибыть къ 12 часамъ на площадь у кумирни, гдѣ онъ въ честь насъ произведетъ смотръ своей кавалеріи.

Конечно, всѣ мы отправились. Нашъ генералъ съ штабомъ ѣхалъ верхомъ. А рядомъ съ нимъ китайскій полковникъ на маленькомъ бѣломъ иноходцѣ. Сѣдло его покрыто краснымъ сукномъ; сабля тоже въ красныхъ ножнахъ, и везетъ ее отдѣльный оруженосецъ. Самъ полковникъ весь въ шелку, въ бархатныхъ сапожкахъ; и на головѣ неизмѣнная шляпа съ хвостомъ и стекляннымъ шарикомъ. Его со всѣхъ сторонъ окружаетъ конвой.

Какъ только стали подъѣзжать къ кумирнѣ, полковникъ вдругъ полнымъ карьеромъ вынесся впередъ и началъ скакать передъ нашимъ генераломъ, выдѣлывая разные фокусы. На площади уже выстроилось китайское войско. Всѣ въ однообразной формѣ: голова обмотана чернымъ платкомъ, станъ облегаетъ синяя куртка, спереди свѣшивается фартукъ; все это обшито по краямъ широкимъ краснымъ галуномъ; на груди и спинѣ по бѣлому кругу съ надписью; на курткѣ и фартукѣ тоже разбросаны бѣлыя буквы.

Картина открылась преоригинальная. Все войско (сотни двѣ) построено въ одну линію. Люди спѣшены. При чемъ лошадь стоитъ сзади всадника; поводъ же надѣтъ на руку. Ружье у ноги по-пѣхотному. Среди линіи на равныхъ интервалахъ расположены 6 огромнѣйшихъ знаменъ, аршинъ по 8 каждое; на нихъ тоже надписи. Шаговъ на 6 впереди вóйска стоятъ человѣкъ 8 солдатъ и трубятъ намъ привѣтствіе въ длиннѣйшія трубы.

Полковникъ подскакалъ къ своимъ воинамъ и что-то скомандовалъ. Все войско сразу присѣло на корточки, взявши ружья на караулъ, и сидѣло все время, пока нашъ генералъ объѣзжалъ линію. На привѣтствіе генерала солдаты громко отвѣтили по-китайски. Затѣмъ по командѣ всѣ вскочили, ружья повѣсили на плечо дуломъ внизъ, сѣли на лошадей и, выстроившись по три, съ знаменами въ строю проѣхали мимо насъ домой. Трубы все время выли. Вотъ и все.

Зрителей китайцевъ была масса. И у всѣхъ въ глазахъ ясно выражалось довольство, что де и у нихъ есть войско.

Дà, видно по всему, что, когда Китай цивилизуется по-военному, то хорошая армія будетъ у него. Теперь ясно почти съ несомнѣнностью, что въ не особенно далекомъ будущемъ намъ придется переживать новое монгольское нашествіе, и отразить его страшно будетъ трудно.

Послѣ смотра полковникъ пригласилъ всѣхъ насъ къ себѣ на чай; но я не пошелъ: нужно было приготовляться служить вечерню.

2-ое—13-ое апрѣля.

Время съ 2-го по 13-ое апрѣля прошло покойно, такъ что и записать нечего.

Эскадроны ежедневно ходили на развѣдку и всякій разъ привозили благопріятныя извѣстія. Только хунхузы стали очень дерзки: стрѣляютъ въ одиночныхъ всадниковъ даже днемъ.

Лично я за это время очень утѣшался, такъ какъ почти ежедневно служилъ.

2-го апрѣля часовъ въ 12 дня вдругъ налетѣла туча, и разразилась страшная гроза. Градъ былъ такой, что выбилъ всѣ окна и цѣлыми кучами нападалъ въ фанзу. Пришлось купить новой бѣлой бумаги, нанять китайца. И окна въ нашей фанзѣ и въ церкви оклеили. Стало очень свѣтло и уютно.

Церковь нашу полюбилъ весь гарнизонъ г. Юшитая и окрестностей. Всѣ не нарадуются. И я теперь называю свой храмъ не иначе, какъ „*Юшитайскій военный соборъ*". Молиться приходитъ масса военныхъ всѣхъ родовъ оружія, такъ что не только церковь всегда полна, но и на площади стоятъ люди. Хоръ нашъ на память поетъ много нотныхъ вещей и, нужно сказать, очень хорошо. Конечно, общее

пѣніе нѣкоторыхъ молитвъ обязательно. Читаемъ мы съ Михаиломъ пополамъ; помогаютъ немного и солдаты. Въ общемъ служили очень торжественно.

Попрежнему за каждымъ праздничнымъ богослуженіемъ я проповѣдывалъ. Записать подробное содержаніе не могу: некогда. А темы были слѣдующія: 27-го марта я говорилъ о необходимости для спасенія души и для истиннаго счастія крѣпкой вѣры въ Бога, 3-го апрѣля —объ истинной цѣли въ жизни: что трудиться нужно на радость Господу и для славы Его, а также и на благо ближнимъ, а не ради денегъ и славы человѣческой, 10-го апрѣля—о воскресеніи.

Особенно торжественны у насъ были службы въ субботу и воскресенье Вербныя. Достали и вербу, которую солдаты помѣстили въ пустой боченокъ, обернувши его полотномъ, а въ средину вербы, по малороссійскому обычаю, воткнули палку съ горящей свѣчей. Вышло очень красиво.

Когда во время отпуста я взглянулъ на множество воиновъ съ вѣтвями въ рукахъ, Господи, какъ они напомнили мнѣ древнихъ мучениковъ, которыхъ изображаютъ тоже съ вѣтвями! Дѣйствительно, здѣсь, гдѣ витаетъ смерть, держать въ рукахъ вѣтвь, символъ побѣды надъ смертью и грѣхомъ, вспомнить будущее наше воскресеніе чрезвычайно утѣшительно и спасительно.

Послѣ богослуженія я объявилъ, какой будетъ порядокъ службъ на Страстной недѣлѣ и на Пасхѣ.

Но не суждено намъ встрѣтить Воскресеніе Христово въ такой обстановкѣ. Вѣрно, уже доля наша такая, что главные христіанскіе праздники мы должны проводить въ походѣ. Вотъ и теперь пришло приказаніе изъ штаба арміи перейти въ деревню Цудявазу, еще верстъ на 30 къ западу.

Прощай, милая чудная наша церковь! Вѣрите? Одинъ офицеръ артиллеристъ даже заплакалъ, когда узналъ, что мы увозимъ церковь. А что же испытывалъ я, когда складывалъ иконы и престолъ, наладивши такъ хорошо здѣсь дѣло? Лучше и не говорить объ этомъ. Все же слава Богу за Его милосердіе, что хоть успѣли пріобщиться-то всѣ. Да и послужили-таки.

12-го апрѣля рано утромъ я, какъ благочинный 61-ой пѣхотной дивизіи (я назначенъ 15-го марта благочиннымъ своей бригады и 61-ой дивизіи, оставаясь священникомъ въ 51-мъ Черниговскомъ полку), отправился въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ солдатъ представляться начальнику дивизіи и по одному дѣлу въ 242-ой пѣхотный Белебеевскій полкъ. Погода была ужасная: дулъ вѣтеръ, и накрапывалъ дождь. Деревни по дорогѣ почти пусты. Солдатъ встрѣчалось очень мало. Ѣхали мы больше рысью: спѣшили. И Господь помогъ: мы благополучно съѣздили и вернулись обратно въ тотъ же день, сдѣлавъ такимъ образомъ верстъ 40 въ оба конца.

Я теперь ѣзжу уже на японскомъ сѣдлѣ. Мое износилось, сгнило; а японское мнѣ подарилъ 3-ій эскадронъ, который подъ Инкоу ходилъ въ атаку и захватилъ 5 лошадей отъ убитыхъ японцевъ. Сѣдло новое хорошее, и, главное, кобуры очень помѣстительны.

Завтра четвергъ Страстной седьмицы, а мы выступаемъ въ этотъ день. Вотъ наша доля! Слава Богу за все.

ГЛАВА VI.

У границъ Монголіи.

14-ое апрѣля.

Наступилъ Великій четвергъ. А мы выступаемъ въ походъ дальній и опасный, еще верстъ на 30 къ западу отъ желѣзной дороги и нашей арміи. Въ общемъ выйдетъ верстъ 85 отъ Гунчжулина. Оторваны будемъ буквально отъ всего. Придется жить въ мѣстности низменной, сырой (прибрежья р. Даляохе) и кишащей хунхузами: вѣдь до Монголіи 10—12 верстъ.

О, какъ я мечталъ на Страстной и Святой недѣляхъ насла, диться чуднымъ нашимъ богослуженіемъ! Да что я? Можно сказать всѣ до единаго въ отрядѣ мечтали о томъ же. Распредѣлили порядокъ службъ; украсили по возможности церковь; даже послали въ Харбинъ за свѣчами, чтобы на „страстяхъ“ и пасхальной заутренѣ всѣ воины имѣли въ рукахъ свѣчи; раздобыли хмелю и хорошей муки для просфоръ. И вдругъ все рухнуло. Охъ, тяжело!

Кстати о просфорахъ. Вопросомъ этимъ здѣсь мучатся священники. Но меня Ксенофонтъ, спасибо ему, всегда выручаетъ. Китайцы не имѣютъ печей; а въ каны вмазаны котлы, въ которыхъ они варятъ себѣ пищу. Такъ вотъ въ этихъ-то котлахъ Ксенофонтъ и умудряется печь просфоры: разогрѣетъ пустой котелъ, посадитъ въ него просфоры и сверху закроетъ крышкой; получается печь.

Зная трудность печенія просфоръ, я сказалъ Ксенофонту, чтобы онъ пекъ только по 5 просфоръ на службу. Каково же было мое удивленіе, когда утромъ предъ литургіей онъ притащилъ цѣлую корзину, не менѣе 300 просфоръ!

— „Что это?“ спрашиваю.

— „Да на запивку-то солдатикамъ: вѣдь въ Россіи-то бывало каждому даютъ по просфорѣ. Вотъ я и здѣсь потрудился: всю ночь пекъ. Солдатамъ-то будетъ очень пріятно“.

Такъ все говѣніе и прошло у насъ по-россійски, т.-е. на запивку каждый причастникъ получалъ просфору. А всего пріобщилось болѣе 4,000 человѣкъ; и Ксенофонтъ успѣлъ, дай, Богъ, ему здоровья.

Итакъ приготовились мы къ духовнымъ торжествамъ. И вдругъ приказъ:

— „Конному отряду ген. Степанова 14-го апрѣля занять деревню Цудявазу и развѣдывать долину р. Даляохе".

Прочли и ахнули. Вотъ и отпраздновали Пасху! Когда теперь придемъ въ эту Цудявазу и устроимся? Да и деревушка-то, говорятъ, совсѣмъ плохая. Ну, что жъ дѣлать? Смиримся! А теперь нужно приниматься за сборы.

Пошли въ церковь. Скрѣпя сердце, все уложили. Велѣлъ разобрать и взять съ собою деревянный крестъ, предъ которымъ мы молились въ недѣлю Крестопоклонную до прихода обоза и церкви. Не хватило духу съ нимъ разстаться: слишкомъ много духовнаго восторга-отдохновенія пережито подъ его святою сѣнью. Да къ тому же поклоненіе этому кресту было сейчасъ послѣ Мукдена...

Вернулся въ фанзу, уложилъ свои вещи. Часъ дня.

— „Къ конямъ! садись!" раздалась команда.

И мы тронулись. Грустно было проѣзжать по улицамъ Юшитая. На войнѣ какъ-то быстро сживаешься съ людьми, съ обстановкой. Вотъ и здѣсь уже многіе китайцы стали намъ „шибко знакомы"; нѣкоторыхъ я даже полюбилъ. Теперь они стоятъ на улицѣ, машутъ шапками, присѣдаютъ: прощаются съ нами. А маленькіе китайчата-нищіе снуютъ между лошадьми и орутъ во все горло, приложивши руку ко лбу.

— „Капетана шибко знакомъ, моя кушь-кушь надо, моя денга меюла, капетана денга ю".

Юшитайскимъ нищимъ теперь плохо будетъ: отъ китайцевъ много не получишь; а русскіе „капетаны" были очень щедры.

Выѣхали изъ города и свернули на юго-западъ. Верстъ 10 проѣхали благополучно, а потомъ начались муки обоза. Мѣстность, чѣмъ ближе къ рѣкѣ, тѣмъ все становилась низменнѣй; и почва во многихъ мѣстахъ была совершенно, какъ подушка: ѣдешь, а она опускается и вздымается, будто дышитъ. Нѣкоторыя повозки, особенно арбы, прямо сѣли, т.-е. колеса болѣе, чѣмъ на половину, ушли въ трясину. И затѣмъ людьми уже тащили и повозки, и муловъ. Какъ эти мѣста прошла наша артиллерія, не могу понять. Картина мѣстности страшно унылая: ни одной большой деревни, а все отдѣльныя „импани", т.-е. помѣстья, хутора, окруженные высокими глиняными стѣнами съ бойницами и башнями по угламъ. Вездѣ небольшіе перелѣски, рощицы, нарочно насаженныя для укрѣпленія почвы. Дичи всевозможной масса. Особенно же много дрофъ, гусей, утокъ и проч. Глушь непроглядная.

А мы все ѣдемъ и ждемъ-не дождемся, когда-то встрѣтятъ насъ высланные рано утромъ впередъ квартирьеры. Наступила уже темнота. Меня немного лихорадило. Въ мысляхъ невольно проносились картина за картиной изъ прошлой, мирной жизни. Вѣдь бывало въ это время я читалъ уже въ родномъ своемъ храмѣ страстныя евангелія. Ну... Слава Богу за все!

На встрѣчающихся изрѣдка китайцевъ со всѣхъ сторонъ сыплются вопросы:

— „Хо̀дя! До̀ше (сколько) ли (1 ли=полуверстѣ) Цудяваза?"

— „Цудяваза?"—непремѣнно переспроситъ китаецъ и потомъ отвѣчаетъ: „Па̀га (8) ли".

— „Слава Богу, осталось только *пага*" (т.-е. 4 версты), говорятъ солдаты.

Дѣйствительно, въ 8 часовъ вечера насъ встрѣтилъ квартирьеръ корнетъ Педашенко и проводилъ въ отведенную фанзу-импань; причемъ сообщилъ, что деревня эта тянется отдѣльными импанями верстъ на 7. Вотъ какъ разбросанъ будетъ нашъ отрядъ!

Я такъ усталъ, что не дождался кровати, легъ прямо на канъ и уснулъ, какъ убитый.

15-ое—16-ое апрѣля (д. Цудяваза).

Лихорадка потрепала-таки немного меня. Однако при помощи хины я скоро оправился и уже въ полдень пошелъ осматривать окрестности.

Наша резиденція-импань окружена хорошей рощей. Деревья высокія, могучія. Между ними дорожка. На деревьяхъ суетятся грачи, вьютъ себѣ гнѣзда. Ахъ, какъ пахну̀ло родиной! Нѣсколько минутъ я стоялъ какъ бы въ забытьи. Вотъ мнѣ и мѣсто для прогулки! И очень хорошо поставить здѣсь церковь для пасхальной службы. Нашелъ и удобную для этого полянку.

Окрыленный надеждой, вернулся я въ фанзу. Можетъ-быть, и не даромъ рискнули мы взять сюда церковь. Именно, *рискнули*: мы вѣдь на аванпостахъ и представляемъ изъ себя летучій конный отрядъ; двуколку съ церковью взяли только на 17-ое ради Пасхи; 18-го мы уже отправимъ ее съ конвоемъ обратно въ Юшитай.

Отрядъ нашъ началъ свою трудную службу: не только здѣсь вездѣ разставлены часовые и ѣздятъ вооруженные патрули, но ежедневно два эскадрона уходятъ на берегъ р. Даляохе и высылаютъ разъѣзды по всѣмъ направленіямъ.

Въ 3 часа я прочиталъ евангеліе и пропѣлъ „Благообразный Іосифъ" про себя, конечно.

Денщики до самаго вечера чистили фанзу нашу и оклеивали окна бѣлой бумагой.

Вечеромъ всѣ наши, т.-е. генералъ и оба штаба, бригадный и полковой, собрались на нашей половинѣ ужинать и пить чай. Въ штабѣ бригады уцѣлѣлъ какъ-то послѣ Мукдена большой самоваръ. И вотъ онъ теперь появился на столѣ утѣшать насъ. Я, конечно, изображалъ хозяйку и разливалъ всѣмъ чай. Оживленно бесѣдовали за чаемъ и все больше объ одномъ: что̀-то теперь дѣлается дома?..

Мнѣ Господь послалъ такую радость, что я могъ пропоститься всю Страстную недѣлю: какъ разъ въ концѣ 6-ой недѣли я получилъ сразу четыре посылки отъ доброй Александры Сергѣевны [1]), и въ нихъ оказались грибы, маслины, сушеные фрукты. Вотъ спасибо-то!

Не веселое было пробужденіе мое 16-го апрѣля. Шумъ сильнаго вѣтра ясно доносился до моего слуха. Вскочилъ я, одѣлся и прямо бѣгомъ въ рощу. Смотрю—гнутся, скрипятъ деревья; вѣтеръ—буря; и, если такъ будетъ до вечера, то церковь ставить немыслимо. Гдѣ же тогда мы будемъ служить завтра Свѣтлую заутреню? Фанзъ нѣтъ. Теряюсь! Ну, что Богъ дастъ!

16-ое—21-ое апрѣля.

Великая суббота, 2 часа дня. Вѣтеръ все усиливается: надежда на религіозное торжество окончательно уходитъ. Да и не на одно религіозное: кажется, и разговляться придется сухарями. Давно уже послали въ Харбинъ купить куличей. Но вотъ до сихъ поръ посланные не вернулись. А сегодня съ чаемъ мы доѣли послѣдній кусокъ чернаго хлѣба.

Все-таки наварили куръ и даже накрасили яицъ: солдаты умудрились. Краски, конечно, нѣтъ; но они набрали красной китайской бумаги, положили ее въ котелъ и хорошо вскипятили. Получилась красная масса. Въ нее опустили яйца. И вотъ во всемъ отрядѣ появилось утѣшеніе—красныя яйца.

Уже 7 часовъ вечера. Буря продолжается. Идемъ съ Михаиломъ въ эскадроны освящать пасхи, т.-е. то, что они приготовили. Но вездѣ ожидаютъ: вотъ-вотъ привезутъ ро̀зговѣнье. А его все нѣтъ и нѣтъ.

Изъ 11-ой батареи меня провожали всѣ офицеры и долго говорили о красотѣ нашего богослуженія; при чемъ одинъ офицеръ магометанинъ признался, что такъ любитъ наши религіозные напѣвы и знаетъ ихъ, что долго былъ даже регентомъ военнаго церковнаго хора.

[1]) А. С. Мальчиковская, супруга банковскаго чиновника, нынѣ живетъ въ Новгородѣ по новому мѣсту службы мужа.

Еще разъ такимъ образомъ пришлось убѣдиться, какого утѣшенія и духовнаго наслажденія лишаютъ себя многіе русскіе люди, не посѣщая церковныхъ службъ и не изучая священныхъ нашихъ напѣвовъ. Если магометанинъ любитъ наше богослуженіе, то какъ же долженъ бы любить его христіанинъ, если бы, отбросивши преступную небрежность въ дѣлахъ вѣры, онъ со вниманіемъ и усердіемъ отнесся къ обрядамъ и уставамъ своей родной матери Церкви!

Въ 8½ часовъ вечера вернулись мы домой. Въ душѣ мучительный вопросъ: гдѣ же будемъ прославлять Воскресеніе Христово? Буря продолжается; а фанза, въ которой живемъ мы и генералъ, слишкомъ мала.

Вдругъ у меня блеснула мысль. Во дворѣ нашемъ стоитъ довольно большой глиняный сарай съ окнами. Въ немъ устроилась теперь наша бригадная канцелярія. Иду туда. Дѣйствительно, человѣкъ до 100 легко помѣстится; а всѣ остальные воины могутъ стоять на дворѣ: вынемъ окна, и со двора все будетъ слышно и даже отчасти видно, такъ какъ въ сараѣ-то свѣчи не будутъ гаснуть. Спрашиваю писарей:

— „А что, если у васъ мы устроимъ богослуженіе?“

— „Очень пріятно, батюшка. Мы сейчасъ все уберемъ и выметемъ“, отвѣчаютъ.

— „Ну вотъ спасибо! Такъ начинайте чистить, а я черезъ часъ приду“.

Какъ-будто тяжесть какая упала съ души, когда нашелъ я это мѣсто. Конечно, литургіи служить нельзя: слишкомъ грязно и тѣсно. Но мы постараемся облагообразить все, насколько возможно; и хоть Свѣтлую заутреню отслужимъ не въ темнотѣ.

Работа закипѣла. А я побѣжалъ въ свою фанзу: надо вѣдь было устраивать у себя пасхальный столъ для всѣхъ насъ.

Столъ довольно длинный мы раздобыли. Скатертью обычно служатъ у насъ газеты. Но нельзя же такъ оставить и на Пасху. Я досталъ чистую свою простыню и постлалъ ее на столъ. Затѣмъ въ центрѣ положилъ черный хлѣбъ, присланный намъ изъ 6-го эскадрона, прилѣпилъ къ нему восковую свѣчу—это наша пасха. Рядомъ положилъ 10 красныхъ яицъ, копченую колбасу, которую мы берегли про черный день еще отъ Мукдена, да поставилъ бутылку краснаго вина. Получился такой пасхальный столъ, что мои сожители нашли его роскошнымъ.

Въ 10 часовъ я пошелъ въ свою „церковь“. Тамъ уже все было убрано. Принесли походную церковь; развѣсили по стѣнамъ иконы; на столѣ поставили полковую икону; вездѣ налѣпили свѣчей, даже на балкахъ; а на дворѣ повѣсили китайскіе бумажные фонари; полъ застлали цыновками. И вышло довольно уютно.

Пришелъ въ фанзу, сѣлъ на канъ... Смѣшанное чувство наполнило сразу душу: и радостно, и невыразимо грустно. Почему грустно?

Слишкомъ назойливо лѣзло въ голову сравненіе настоящаго съ прошлымъ; и воспоминанія прямо давили. Хотя съ другой стороны велика милость Божія къ намъ грѣшнымъ, что и такъ-то устроились.

Къ 12 часамъ ночи „церковь“ наша и дворъ наполнились богомольцами всего отряда. Солдаты были всѣ въ полной боевой амуниціи на всякій случай: война!.. Я облачился въ полное облаченіе, роздалъ свѣчи генералу, офицерамъ и многимъ солдатамъ, взялъ въ руки сдѣланный изъ доски трехсвѣщникъ, и наша убогая церковка засвѣтилась множествомъ огней. Вынули окна. И чудное пѣніе пасхальныхъ пѣсней понеслось изъ нашихъ устъ. Кажденіе я совершалъ не только въ церкви-сараѣ, но выходилъ и на дворъ, обходя всѣхъ воиновъ и возглашая:

— „Христосъ воскресе!“

— „Воистину воскресе!“ раздавалось дружно въ отвѣтъ.

А какъ чудно пропѣли всѣ „Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся святому Господу Іисусу“!

Нѣтъ.... Утѣшенія религіи, право, такъ сильны, что заставляютъ забывать обстановку и положеніе, въ которыхъ находишься. Эхъ, какъ жаль, что не имѣю писательскаго таланта, чтобы описать это наше ночное богослуженіе! Съ какимъ чувствомъ всѣ мы христосовались!

Окончилась заутреня. Убрали мы свою церковь. Иду въ фанзу. Вошелъ, взглянулъ на столъ и глазамъ своимъ не вѣрю: стоятъ два кулича, сырная пасха, красная писанка, сахарныя яйца. Господи! да откуда же это взялось?

Оказалось, во время заутрени пріѣхалъ изъ Харбина нашъ офицеръ Гуровъ и привезъ мнѣ изъ Орла посылку, въ которой находились всѣ эти блага. Только сырную пасху онъ купилъ въ Харбинѣ.

Итакъ наше смиреніе вознаградилось: собирались разговляться чернымъ хлѣбомъ, а Господь прислалъ настоящую пасху. Слава Ему и благодареніе добрымъ людямъ!

Разговѣлись, попили чайку и къ 3 часамъ уже улеглись. Въ 7 часовъ утра я проснулся и мысленно похристосовался со всѣми близкими сердцу, которые въ этотъ часъ тамъ, далеко, хотя и въ грѣшной, но все же милой Россіи, прославляютъ Воскресшаго Христа.

Весь день продолжалась буря. Часовъ съ 8 утра присоединился еще и дождь, такъ что я просидѣлъ все время въ фанзѣ.

Въ понедѣльникъ 18-го апрѣля Ксенофонта отправили съ церковной двуколкой обратно въ Юшитай на соединеніе съ дивизіоннымъ обозомъ: слишкомъ опасно держать здѣсь все время церковь. Если дастъ Богъ погодку, то къ воскресенью пошлемъ конвой и привеземъ сюда церковь для богослуженія: отслужимъ, и опять въ Юшитай.

Сегодня 21-го вѣтеръ сталъ стихать, слава Богу.

Вотъ и Пасха скоро пройдетъ: все приближаемся къ дню нашего свиданія. Охъ, когда же это будетъ? Только знаете? Ей-ей готовъ все претерпѣть еще, только бы намъ побѣдить. Вѣдь истину о войнѣ

мало знаютъ въ Россіи; тамъ только ругаютъ насъ да оплевываютъ. А на самомъ дѣлѣ побѣды-то японскія, во-первыхъ, слишкомъ дорого имъ обходились, дороже, чѣмъ намъ пораженія; а, во-вторыхъ, совсѣмъ не прославленнымъ превосходствомъ своей арміи японцы вырывали бывшую почти каждый бой въ нашихъ уже рукахъ побѣду, а лишь благодаря отчаянной рѣшимости своихъ генераловъ, дѣйствовавшихъ въ такихъ случаяхъ, какъ говорится, на „панъ или пропалъ", чего у нашихъ военачальниковъ въ рѣшительную минуту не хватало. Посему мы пораженными себя не считаемъ и дрожимъ отъ сердечной боли, читая русскія газеты. Я отъ всей души люблю всѣхъ васъ, соскучился по васъ невыразимо; а все же „побѣжденнымъ" ѣхать домой не желаю: я русскій и еще не сгнилъ. Да и всѣ здѣсь согласны лучше ещѐ страдать, но только бы побѣдить. И мы пока *твердо на это надѣемся*. Ваши же приходящія сюда *русскія* газеты я швыряю теперь въ самый грязный уголъ фанзы; читаю „Вѣстникъ Манчжурской Арміи" нашъ, родной.

22-ое апрѣля.

Проснулся поутру, прислушиваюсь: какъ-будто тихо.

— „А вѣдь оглянулся наконецъ на насъ Господь", слышу голосъ сосѣда по кану Н. И. Чайковскаго: „вѣтеръ прекратился —отдохнемъ сегодня".

Встали и не нарадуемся: тишина, солнышко, дыханіе весны такъ ощутительно. Усидѣть въ это время въ грязной фанзѣ да еще послѣ недѣльнаго заключенія положительно невозможно.

И вотъ, какъ-будто по приказу, всѣ выползли на воздухъ. Я спѣшу, конечно, въ свою рощу, гуляю; не хочется вѣрить, что и теперь все еще продолжается война. Слушаю съ величайшимъ удовольствіемъ карканье грачей, которые сейчасъ въ страшныхъ трудахъ: тащатъ куски войлока, шерсти, солому, мелкій хворостъ. Какъ же? Надо спѣшить строить гнѣздышко: вѣдь наступаетъ теплая пора--времечко....

Шагахъ въ 300 отъ рощи на холмѣ у дерева виднѣется фигура часового. Иду къ нему. Чудный видъ открывается съ холма на огромное пространство. Верстахъ въ 40 синѣетъ гора, около которой, по донесенію шпіона, находится большой отрядъ хунхузовъ и японцевъ. Безпокоитъ всѣхъ насъ эта гора. По всей вѣроятности, отрядъ нашъ вотъ-вотъ пойдетъ туда, развѣдаетъ повѣрнѣе и, если окажется непріятель, сразится съ нимъ. Вообще чувствуется, что „ломайло" (сраженіе, бой) опять скоро начнется.

Часовой и подчасокъ что-то очень упорно разглядываютъ впереди.

— „Что вы тамъ замѣтили?" спрашиваю.

— „Да видите? На горизонтѣ будто всадники показались. Вотъ мы и разсматриваемъ, кто̀ такіе—на̀ши или онъ (японецъ)“.

Дѣйствительно, далеко-далеко и я разсмотрѣлъ группу всадниковъ. Оказался потомъ нашъ разъѣздъ.

Вернулся я съ прогулки. Завтра суббота Свѣтлой недѣли, именины Государыни Императрицы и день св. Георгія—праздникъ 5-го эскадрона. Посовѣтовались мы да и послали въ Юшитай за церковью: можетъ-быть, удастся отслужить св. литургію.

Мы съ Михаиломъ верхами поѣхали въ 5-ый эскадронъ сговориться съ ротм. Серебренниковымъ о служеніи. Нужно было проѣхать почти все расположеніе отряда. Половина отряда въ боевыхъ разъѣздахъ; а другая половина отдыхаетъ, справляетъ праздникъ.

И чего только не выдѣлываютъ солдаты! Качаются на качеляхъ въ рощѣ, играютъ въ городки, поютъ пѣсни; а артиллеристы такъ и звонъ пасхальный устроили: между двумя деревьями повѣсили большой котелъ и 3 маленькихъ и отзваниваютъ. Выходитъ довольно мелодично. Не можетъ утерпѣть русскій человѣкъ, чтобы не позвонить.

Вернулись, выбрали мѣсто для службы на воздухѣ; а на случай непогоды я приказалъ очистить одну старую фанзу.

Мой „крокодилъ“ (такъ офицеры прозвали мою лошадку) успѣлъ уже за недѣлю такъ отдохнуть и откормиться, что сталъ даже припрыгивать; значитъ, опять готовъ къ продолжительнымъ походамъ.

Вечеромъ пріѣхалъ Ксенофонтъ съ церковью, и я готовлюсь служить св. литургію.

23-ье апрѣля.

Еще ночью поднялся сильный вѣтеръ. И наши сборы и надежды служить св. литургію на воздухѣ рухнули. Пришлось устраивать фанзу. Господь помогъ намъ, и церковь вышла довольно хорошая. Устлали полъ цыновками, повѣсили всѣ иконы. И въ $9^1/_2$ часовъ утра богослуженіе началось.

Вотъ и мы счастливы: пришлось-таки на Пасхальной недѣлѣ отслужить св. литургію. Въ проповѣди я просилъ воиновъ вспомнить, что св. Георгій Побѣдоносецъ въ своей воинской службѣ и жизни руководствовался слѣдующимъ словомъ Божіимъ:

„Когда выходишь на войну, оставь злыя дѣла твоя“.

Это святое правило св. Георгій не только самъ исполнялъ, но и отъ воиновъ своихъ требовалъ того же, т.-е. святости, усердія, честности, вѣрности долгу; почему всегда и былъ побѣдоноснымъ. Итакъ, если и мы въ воинскихъ трудахъ нашихъ будемъ руководствоваться этимъ правиломъ св. Георгія, то побѣдимъ.

Просилъ я также поусерднѣе помолиться объ Августѣйшей Именинницѣ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: да

дастъ Ей Господь силы перенести настоящее горе отечества и да сохранитъ Ея жизнь еще долгіе годы на радость всѣмъ намъ вѣрнымъ подданнымъ.

Въ концѣ молебна что-то заволновались мои богомольцы. Оказалось, пришло приказаніе завтра рано утромъ выступить нашему отряду въ боевую рекогносцировку за рѣку Даляохе къ западу до той горы, что видна была съ холма, и къ югу верстъ на 40, чтобы разбить большія шайки хунхузовъ, дѣйствующихъ тамъ подъ предводительствомъ японцевъ, и высмотрѣть, нѣтъ ли обхода.

Вотъ счастье-то, что пришлось отслужить сегодня св. литургію и пріобщиться св. Таинъ! Какъ разъ передъ походомъ. Прямо невыразимо радъ.

Наскоро закусилъ у радушнаго хозяина и скорѣй домой собираться. Впрочемъ сборы-то мои недолги, такъ какъ въ сѣдлѣ у меня всегда лежитъ перемѣна бѣлья. А вотъ нужно было сложить кровать, уложить вещи въ чемоданъ и вмѣстѣ съ церковью отправить съ Ксенофонтомъ въ г. Юшитай.

Съ собою я взялъ попрежнему только ризы, теплый подрясникъ вмѣсто постели (онъ легкій и настолько уже износился, что при случаѣ его и бросить будетъ не жаль); затѣмъ со мной будутъ неизмѣнная накидка да новая соломенная шляпа, что адъютантъ купилъ мнѣ въ Харбинѣ. Вотъ и всѣ сборы.

Простился съ Ксенофонтомъ, благословилъ его. Всегда мнѣ тяжело съ нимъ прощаться предъ походомъ. Оба почти плачемъ. Онъ положительно сталъ роднымъ. Зато и радости нашей нѣтъ конца, когда послѣ похода удается увидѣться. Про Михаила я уже и не говорю. Это вѣрный спутникъ мой и стражъ во всѣхъ походахъ: съ нимъ мы неразлучны.

24-ое апрѣля.

Усталъ за вчерашній день и уснулъ, какъ убитый. Рано утромъ будятъ денщики. Принесли чай. Скорѣе нужно пить: уже сѣдлаютъ.

Въ 7 часовъ утра генералъ и мы всѣ подъѣхали къ выстроившемуся отряду и благословясь тронулись въ путь.

Утро было прекрасное. Все распускалось. Только тишина мертвая: пѣвчихъ птицъ нѣтъ. Лошади, какъ по командѣ, фыркнули и загорячились.

— „Ну, батюшка, успѣхъ будетъ отъ похода: видите, какъ лошади зафыркали и загорячились? Это вѣрная примѣта“, говоритъ серіозно ѣдущій рядомъ со мной нашъ докторъ Піотровскій.

— „Что Вы?“ говорю: „неужели вѣрите въ примѣты?“

— „Что дѣлать?“ отвѣчаетъ: „Это старая польская примѣта. Вѣрили ей наши старики и намъ молодымъ велѣли“.

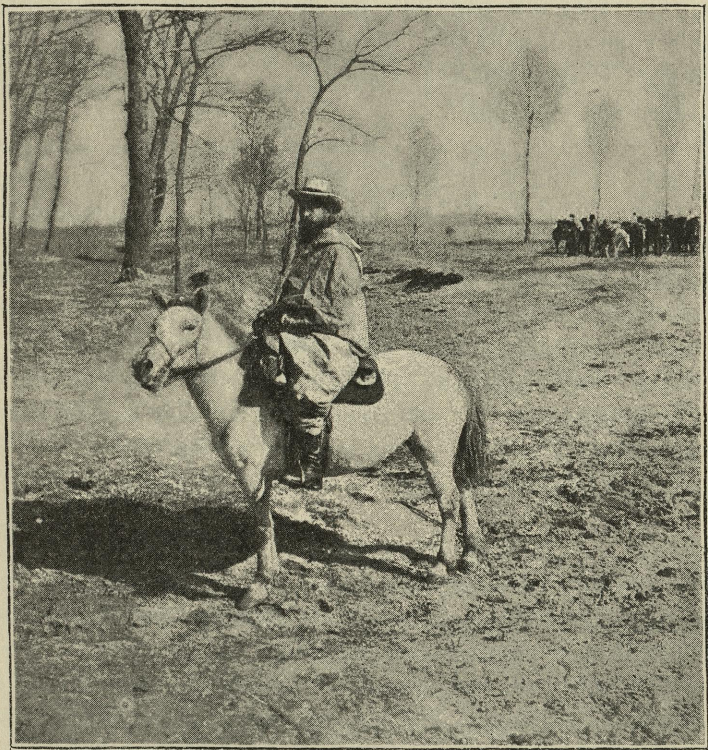
— „Инъ быть по Вашему“, говорю: „пошли, Господи, удачу“.

Ѣдемъ. Песокъ мѣстами прямо сыпучій. Но лошади наши привыкли ко всему и бодро шагаютъ.

Къ 12 часамъ подошли къ р. Даляохе. Спускаемся къ броду. Вдругъ солдаты кричатъ:

— „Батюшка! посмотрите: въ водѣ-то будто человѣкъ?“

Всматриваюсь. О, ужасъ! Дѣйствительно, къ отмели прибитъ трупъ китайца съ перерѣзаннымъ горломъ. Это дѣло хунхузовъ. Содрогнулся я и скорѣе отвелъ глаза въ сторону. Бродъ глубокій. Пришлось ноги положить на луку сѣдла. И то немного подмокъ.

О. Митрофанъ на „крокодилѣ“ (послѣ 10-минутнаго привала 24-го апрѣля).

На берегу деревня Сантайхоза. Въ ней стали на привалъ. Сейчасъ же согнали китайцевъ, заставили ихъ вырыть могилу и зарыть трупъ. Подкрѣпились чайкомъ, закусили и двинулись далѣе. Дорога пошла еще хуже: то болота, то холмы, то сыпучіе пески. Это началась пустыня Гоби-Шамо. Поселенія крайне рѣдки и бѣдны; видъ до крайности унылый.

Посланный впередъ разъѣздъ донесъ, что находящійся около горы городъ Чженцзятунь занятъ сильнымъ отрядомъ хунхузовъ и

японцевъ (до 3000 человѣкъ). Продолжаемъ двигаться. Къ 6 часамъ вечера подошли къ большой рѣкѣ Силяохэ, переправились черезъ ея притокъ и стали подходить къ переправѣ черезъ самую рѣку, по ту сторону которой въ 3 верстахъ находится г. Чженцзятунь.

Какъ вдругъ съ той стороны раздались залпы. Это хунхузы и японцы заняли всѣ броды; и пули посыпались на нашъ авангардный 1-ый эскадронъ. Нѣкоторыя перелетали и черезъ наши головы. 1-ый эскадронъ сейчасъ же спѣшился и открылъ пальбу залпами рядомъ съ нами. Наши пули прямо завизжали. 2-ой эскадронъ пошелъ на помощь 1-му.

Отрядъ остановился въ деревнѣ „Кудяза" на берегу рѣки. Въ виду поздняго времени рѣшили на другой день утромъ обстрѣлять артиллеріей городъ и занятыя непріятелемъ деревни. Ѣдемъ въ отведенную фанзу. Слышу голосъ сзади:

— „Дȯктора, дȯктора!"

Оглянулся. Везутъ раненаго нашего солдата; двое поддерживаютъ его подъ руки въ сѣдлѣ. Вся грудь въ крови. Изъ рта льется кровь. Блѣденъ, какъ полотно. Пуля попала въ ротъ. Пріобщить нельзя; даже воды не можетъ проглотить.

Перевязалъ докторъ страдальца; и его отправили съ конвоемъ въ лазаретъ къ желѣзной дорогѣ. Это – минимумъ 100 верстъ. Бѣдняга! Страшно подумать, какъ онъ доѣдетъ.

Наступила ночь темная, холодная. Выстрѣлы въ сторожевомъ охраненіи продолжались; а иной разъ раздавался даже и залпъ. Тревожная была ночь. Я забылся на канѣ часа на два.

25-ое апрѣля.

Встали въ $4^1/_2$ часа утра. Начальникъ штаба поѣхалъ выбирать позиціи; а мы пошли въ буддійскій монастырь, гдѣ были назначены наблюдательный и перевязочный пункты.

Монастырь снаружи представляетъ изъ себя очень красивое бѣлое зданіе съ плоской крышей, на которую забралось наше начальство; а послѣ попалъ туда и я.

Внутри кумирня дѣлится на двѣ половины.

Въ 1-ой разставлены длинныя скамьи, сидя на которыхъ въ свое время молятся монахи. Лежатъ священные барабаны. Здѣсь же и библіотека.

Во 2-ой половинѣ находятся боги. Въ центрѣ бронзовая статуя Будды. Направо отъ него баранъ съ сидящимъ на немъ свирѣпымъ богомъ войны. Налѣво символическое изображеніе божества—фигура царственной женщины съ 9 головами, съ 8 большими руками и 26 малыми; при чемъ на ладони каждой руки глазъ, а за спиной крылья. Положеніе рукъ различное: 2 руки сложены на молитву, какъ у католиковъ, 4 благословляютъ, въ 7-ой рукѣ лукъ, въ 8-ой зеркало.

Мнѣ кажется, что *головы* здѣсь означаютъ *мудрость* божества, *много рукъ—всемогущество, много глазъ—всевѣдѣніе, крылья—вездѣсущіе; руки, сложенныя молитвенно*, означаютъ, что *божество слышитъ молитвы* людей, *сложенныя для благословенія* означаютъ *милосердіе и благодать, лукъ—правосудіе, зеркало—нравственную чистоту*.

Монахи встрѣтили насъ чрезвычайно любезно. Особенно внимательно они отнеслись ко мнѣ, такъ какъ скоро выяснилось, что и я „лама“.

Монахи всѣ бритые, безъ косъ, въ фіолетовыхъ костюмахъ; у всѣхъ въ рукахъ чётки Настоятель, шепча молитву, повелъ меня въ свою келью, которая ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной китайской фанзы; только по стѣнамъ наклеено много изображеній Будды. Келейникъ монахъ остался съ офицерами въ другой комнатѣ. Одинъ офицеръ предложилъ ему папиросу. Монахъ осторожно взялъ, приподнялся на цыпочки, посмотрѣлъ, не видитъ ли настоятель; затѣмъ сѣлъ на корточки за дверь и началъ быстро курить, показывая знаками, что, если увидитъ настоятель, то будетъ бить его.

— „Охъ“, подумалъ я: „грѣхъ-то вездѣ находитъ себѣ мѣсто“.

Вдругъ раздался орудійный выстрѣлъ. Монахи вскочили и вмѣстѣ со мною полѣзли на крышу кумирни.

Рѣка, занятыя непріятелемъ деревни, городъ Чженцзятунь—все, какъ на ладони. Направо высокая гора; на ней стали 2 орудія и наши 5-ый и 6-ой эскадроны. Налѣво на холмѣ—4 орудія и 2 эскадрона нѣжинцевъ. Впереди залегли пѣхотные охотники и наши 1-ый и 2-ой эскадроны.

Когда посыпались наши снаряды на городъ и деревни, и видно стало, какъ побѣжали хунхузы; то наши монахи пришли въ неописуемый восторгъ—хлопали въ ладоши, подпрыгивали, радуясь, что наконецъ-то и хунхузамъ пришелъ расчетъ. Ужъ очень они имъ надоѣли.

До 11 часовъ утра продолжалась орудійная и ружейная перестрѣлка. И хунхузы, разбившись на мелкія партіи, человѣкъ по 100—200 каждая, бѣжали въ разныхъ направленіяхъ, захвативъ съ собою, какъ показали китайцы, много убитыхъ и раненыхъ. У насъ въ отрядѣ ранено четверо людей, убито 3 лошади и 6 ранено.

Генералъ далъ небольшой отдыхъ солдатамъ, и въ 1 часъ дня мы двинулись далѣе на югъ.

Вѣтеръ—буря: съ коня валитъ, а глаза засыпаетъ пескомъ. Вокругъ все курится (отъ пыли) и жалобно воетъ. Иной разъ нѣтъ-нѣтъ да и грянетъ то одиночный выстрѣлъ, а то и залпъ: это нашъ боковой авангардъ обстрѣливаетъ попадающіяся навстрѣчу партіи хунхузовъ. Ѣдемъ безъ дорогъ прямо по пустынѣ. Моя лошадка попадаетъ ногою на что-то острое и начинаетъ хромать. Вотъ горе-то!

Вѣдь въ конномъ отрядѣ лошадь—все. Ну, возлагаю надежду на милость Божію и ѣду.

Въ 4 часа стали на привалъ. Подвезли тяжело раненаго въ грудь нашего солдата, и я пріобщилъ его св. Таинъ. Бѣдняга въ 10 часовъ вечера уже и умеръ по дорогѣ въ госпиталь.

Въ 7 часовъ вечера окончился трудный день. Мы стали на ночлегъ въ деревнѣ „Тулихе", въ импани какого-то китайскаго капитана. Разставили сторожевое охраненіе. Умылись. Закипѣли чайники; и мы начали отводить душу чайкомъ, вспоминая пережитое сегодня и думая-гадая, что̀-то сулитъ намъ завтрашній день. Улеглись на канахъ всѣ вповалку.

26-ое апрѣля.

Утромъ къ отряду присоединился полковникъ князь Вадбольскій и 10 офицеровъ-топографовъ для съемокъ проходимой нами мѣстности.

Выступили въ $8\frac{1}{2}$ часовъ утра. Погода прекрасная, теплая. Къ 12 часамъ подошли ко второй переправѣ черезъ р. Силяохе, оказавшейся тоже занятой хунхузами и японцами въ количествѣ до 1500 человѣкъ. Какъ только нашъ авангардъ (3-ій эскадронъ нѣжинцевъ) сталъ приближаться къ рѣкѣ, непріятели открыли по немъ сильный ружейный огонь. Главныя силы отряда въ это время находились на пашнѣ между двумя деревнями. Вѣроятно, насъ запримѣтили, такъ какъ и черезъ насъ полетѣли пули, хотя стрѣлкѝ они, очевидно, плохіе: пули летѣли слишкомъ высоко.

Тогда мы вошли въ деревню, а 3-ій эскадронъ нѣжинцевъ, 1-ый нашъ и охотники пошли брать переправу. Началась ужасная стрѣльба.

Я сидѣлъ за глиняной стѣной съ докторами. Шагахъ въ 100 отъ насъ была канава. И ясно было видно, какъ въ нее впивались пули, поднимая пыль; значитъ, бойцовъ онѣ перелетали, благодаря чему наши солдаты всѣ остались цѣлы. Непріятелю же было плохо; и черезъ часъ боя хунхузы отошли отъ рѣки. Выше, чѣмъ по поясъ, наши перешли ее. Отступая, хунхузы зажгли деревню, дѣлая это, вѣроятно, какъ сигналъ; въ одной фанзѣ эти звѣри зарѣзали мирнаго китайца и двухъ дѣтей (мать оставили).

Въ 1 часъ дня начали переправляться и мы. Ну, памятная была переправа! Рѣка широкая, глубокая; теченіе быстрое; дно страшно вязкое; вода захватывала даже кобуры сѣдла. Михаилъ предложилъ мнѣ помѣняться лошадьми: я пересѣлъ на лошадь Михаила, какъ болѣе высокую, а Михаилъ на мою, и мы съ нимъ благополучно переправились. А вотъ ѣхавшій съ нами солдатъ упалъ посреди рѣки вмѣстѣ съ лошадью. Лошадь едва спасли; а солдатъ, барах-

таясь, такъ завязъ, что не могъ вытащить ногъ. Тогда два голыхъ китайца влѣзли въ воду, схватили солдата подъ руки и съ трудомъ вытащили.

Предстояло переправлять артиллерію и зарядные ящики. Страшно было смотрѣть, когда это началось. Орудія скрывались подъ водой. Запрягали по 8 лошадей, и все-таки два орудія завязли: одно среди рѣки, другое у берега. Недолго думая, артиллеристы влѣзли въ воду въ одеждѣ, но безъ сапогъ, выпрягли лошадей, прицѣпили канаты и вытащили-таки свои пушки.

Чтобы понять, какъ трудна была эта переправа, нужно только представить, что начали ее въ 1 часъ дня, а окончили лишь къ 5 часамъ вечера.

Все это время наши эскадроны и охотники вели перестрѣлку, преслѣдуя отступавшихъ. Когда же переправили пушки, то сейчасъ же открыли артиллерійскій огонь и этимъ окончательно разсѣяли непріятеля.

На ночлегъ стали въ деревнѣ „Паумяуза", откуда только что выбили хунхузовъ, и расположились въ буддійскомъ монастырѣ. Поужинали хорошо: достали куръ, и денщики сварили намъ въ китайскомъ котлѣ супъ съ рисомъ.

27-ое апрѣля.

Ночь прошла покойно: спали хорошо, отдохнули. Въ 5 часовъ утра наши разъѣзды ушли по направленію къ деревнѣ „Ганганъ", а въ 7 часовъ туда же тронулись и мы. Предстояло пройти на югъ верстъ 30. По слухамъ, эта деревня была занята непріятелемъ.

Ѣхали вполнѣ благополучно. Только на привалѣ пришлось наблюдать сцену, отъ которой я едва не расплакался. Боковой нашъ авангардъ захватилъ 5 хунхузовъ съ оружіемъ въ рукахъ. И вотъ ихъ привели къ намъ въ штабъ отряда, связанныхъ другъ съ другомъ за косы.

Господи, какъ они страдали душевно! Нѣкоторые въ отчаяніи били себя въ грудь, восклицая:

— „Кантрамй, кантрамй!" (т.-е. что ихъ сейчасъ убьютъ).

Другіе тихо плакали. А одинъ все время становился на колѣни, прося пощады.

Конечно, помилованія имъ не будетъ. Они это знаютъ. Но утопающій вѣдь хватается и за соломинку. Не могу выразить, какъ тяжело было смотрѣть на все это. Сначала хотѣли ихъ тутъ же повѣсить, а потомъ рѣшили отправить въ штабъ 3-ьей арміи.

Въ 4 часа отрядъ подошелъ къ деревнямъ Гангану и Холобтуню. Тамъ уже никого не было: хунхузы бѣжали. И мы остановились на ночлегъ въ богатомъ помѣстьѣ монгольскаго генерала. Фанза

прямо роскошная: зеркала, цементные полы, дубовые рѣзные столы, кресла; даже стѣны оклеены шпалерами. Такой роскоши за всю войну я не встрѣчалъ. Пріятно было видѣть все это послѣ страшной грязи, въ которой валялись мы до сихъ поръ. Самого генерала дома не оказалось: все было пусто.

Выслали разъѣзды еще на 20 верстъ къ югу осмотрѣть городъ Ляоянвопынь, разставили сторожевое охраненіе и улеглись отдохнуть на канахъ.

28-ое—30-ое апрѣля.

Съ утра поднялась страшная буря. Все вокругъ стонало, хлопало и гнулось. По степи неслись цѣлыя тучи песку и пыли. Двигаться и тѣмъ болѣе сражаться въ такую погоду не было возможности. И мы простояли два дня на мѣстѣ. Высылали только разъѣзды да выставляли сторожевое охраненіе.

Одинъ изъ разъѣздовъ очень напугалъ насъ: выѣхалъ еще рано утромъ и не возвращался весь день и всю ночь. Такъ и думали: погибъ. Наконецъ въ 5 часовъ утра разъѣздъ явился, привезя съ собою въ сѣдлѣ убитаго товарища. Оказалось, ночью на нашихъ напали хунхузы и одного убили. Наши сначала отстрѣливались, потомъ въ свою очередь напали на хунхузовъ и одного изъ нихъ захватили въ плѣнъ.

Убитаго положили на солому у нашей фанзы и закрыли китайскимъ одѣяломъ. Но буря все рветъ; и, когда я подошелъ благословить его, то какъ разъ вѣтеръ сорвалъ съ него это убогое покрывало. На груди маленькая рана; руки закинуты назадъ, точно храбрецъ усталъ и вотъ теперь сладко спитъ, отдыхаетъ...

На холмикѣ у дерева ему готовятъ мѣсто упокоенія. Сдѣлали небольшой крестъ. Я облачился. Четыре солдата взяли усопшаго за руки и ноги, и погребальный кортежъ тронулся къ могилѣ. Провожали офицеры и товарищи убитаго.

Начинаемъ мы съ Михаиломъ пѣть, но ничего не выходитъ: не слышно собственнаго голоса. Зато буря такъ громко, дружно и жалобно выла, что поистинѣ съ успѣхомъ замѣнила и хоръ погребальный, и маршъ похоронный, и слезы-рыданья родныхъ.

Отпѣли погребеніе; простились; завернули тѣло въ цыновку. И мать сыра земля приняла въ свои объятія еще одного успокоившагося мученика войны.

Эти, именно, мысли были тогда у меня. Вообще на войнѣ нѣтъ чужихъ. Простой солдатъ такъ близокъ сердцу, какъ родное существо. А нервы наши вѣдь не веревки. Если чувство скорби и сострадавія наполняетъ ваши души, когда вы увидите прибывшаго отсюда въ Россію раненаго воина уже перевязаннымъ, полѣчившимся:

то что́ же, спрашивается, должны испытывать мы́, когда видимъ раненыхъ прямо у поля битвы — въ крови, еще не перевязанными и страдающими? или еще, когда хоронимъ убитыхъ такъ прямо, не въ прикрашенномъ видѣ — безъ гробовъ, безъ свѣчей, безъ покрываловъ, въ тѣхъ же своихъ окровавленныхъ одеждахъ, съ зіяющими ранами и лежащими на землѣ съ застывшими мутными взорами и жестами? Нѣтъ, сердце не камень; и, если иной разъ вырвется изъ груди стонъ, скатится слеза и вообще нападетъ такое состояніе, что плакалъ бы и плакалъ,—то это не сентиментальничанье, а нѣчто вполнѣ естественное.

Погребеніе убитаго солдата 28-го апрѣля 1905 года.

Днемъ 29-го апрѣля прибѣжалъ китайченокъ лѣтъ 11 и кричитъ:

— „Хунхуза ю, хунхуза ю“.

Схватилъ онъ солдатъ и потащилъ въ сосѣднюю деревню. И, дѣйствительно, по его указанію, наши захватили 5 хунхузовъ.

Мальчикъ оказался круглый сирота; жилъ конхо̀дей (работникомъ). Вѣроятно, хозяинъ и хунхузы допекли его, что онъ ихъ выдалъ. Конечно, оставлять мальчика послѣ этого въ деревнѣ было немыслимо: его сейчасъ же „укантрамили“ бы. И мы взяли этого китайченка съ собою, посадивъ его на лошадь, принадлежавшую одному изъ хунхузовъ.

Солдаты уже 3 дня безъ хлѣба и сухарей, на одномъ мясѣ; мы—другой день. Ожидаемъ транспортъ съ хлѣбомъ, сухарями, са-

харомъ и патронами. А пока утѣшаемся тѣмъ, что пришло приказаніе изъ арміи итти намъ въ г. Чженцзятунь, который мы обстрѣливали 24-го и 25-го апрѣля: тамъ много муки, и мы напечемъ лепешекъ.

Къ вечеру 29-го погода утихла; прошелъ маленькій дождикъ. И мы 30-го апрѣля, совершивъ безъ особенной усталости переходъ въ 30 верстъ, прибыли въ 2 часа дня въ г. Чженцзятунь, гдѣ и стали на квартиры.

Въ городѣ оказался гарнизонъ изъ 400 китайскихъ солдатъ. И, такъ какъ было доказано, что 25-го апрѣля они вмѣстѣ съ хунхузами стрѣляли въ насъ, — то въ наказаніе мы сейчасъ же всѣхъ ихъ разоружили.

Ужинали уже по-настоящему: напекли въ китайскихъ котлахъ лепешекъ и съ ними ѣли супъ.

1-ое—2-ое мая (г. Чженцзятунь).

Простите, что и дневникъ и письма пишу кратко: некогда, негдѣ и не на чемъ. Вѣдь обоза нѣтъ; и мы съ Михаиломъ, располагая только верховыми лошадьми, имѣемъ лишь то, что у каждаго изъ насъ помѣстилось при отправленіи въ кобурѣ. Да и утомился я какъ-то. Пріѣдешь къ ночлегу или привалу, и радъ мѣсту: лягу и лежу-лежу, отдыхаю. Ни за что взяться не хочется.

Меня продолжаютъ спрашивать нѣкоторые, почему я не въ обозѣ. Но, дорогіе, я полковой священникъ, а не обозный. Я нуженъ здѣсь; мое мѣсто среди моихъ духовныхъ дѣтей. Не будь меня здѣсь, 25-го апрѣля раненый солдатъ умеръ бы безъ причастія, а 28-го убитый солдатъ былъ бы погребенъ безъ отпѣва.

А знаете, какъ здѣсь дорожатъ священникомъ? Въ одномъ полку священникъ всегда въ обозѣ, и полкъ безъ пастыря. Такъ полковой врачъ, человѣкъ вѣрующій, исполняетъ отчасти обязанности священника: перекреститъ раненаго, обязательно присутствуетъ при похоронахъ, громко читаетъ молитвы: „Отче нашъ", „Боже духовъ и всякія плоти" и поетъ „Со святыми упокой". И какъ любятъ его солдаты!

Къ намъ назначили командиромъ полка полковника фонъ-Кауфмана. Еще не прибылъ. На пополненіе полка прибыли два запасныхъ эскадрона и съ ними офицеры Александровичъ и Филатовъ изъ 47-го Татарскаго [1]) полка.

На походѣ служили разъ панихиду по Великомъ Князѣ Сергіи Александровичѣ.

Теперь мы въ 120 верстахъ отъ Гунчжулина.

[1]) О. Митрофанъ служилъ въ этомъ полку, см. стр. 86, прим. 1.

3-ье—10-ое мая.

Стыдно, а сознаюсь: я какъ бы отупѣлъ. Чувствую усталость, переутомленіе; напала какая-то апатія, такъ что трудно бороться. Иногда вдругъ слезы приступятъ къ горлу, и я едва не разрыдаюсь: томительно скучно! Состояніе души такое, какъ-будто я умеръ, и все родное такъ далеко, что и во снѣ-то стало трудно ѣздить къ вамъ повидаться. Одеревянѣлость какая-то, равнодушіе какое-то напало. И это испытываютъ здѣсь рѣшительно всѣ. Вѣдь шутка ли? 11 мѣсяцевъ все ѣдемъ, идемъ, болѣемъ душою отъ вида окружающаго разрушенія и горя, отъ постоянныхъ опасностей, мучимся тѣломъ среди этой грязи, вони и прочихъ невзгодъ, да еще плюсъ ни одной радости, ни одной побѣды.

Не подумайте, что я заболѣлъ или явилась мысль отдохнуть. Нѣтъ. Просто хочется сказать, что есть на душѣ, высказаться или даже выплакаться предъ близкимъ существомъ, которое сумѣетъ понять меня и не осмѣётъ этого моего душевнаго состоянія.

Я не малодушествую. Я вѣренъ долгу, присягѣ; я радъ этой вѣрности и съ восторгомъ свидѣтельствую, что и большинство здѣшнихъ военныхъ все еще такъ же мощны, крѣпки, тверды въ дѣлѣ исполненія принятаго ими на себя долга, какъ и прежде. Но какъ-то невольно лѣзетъ въ голову: а, можетъ-быть, и вправду плохи у насъ начальники?..

Какъ вѣдь мы сражались! Какъ все смиренно терпѣли! А результатъ—отступаемъ.

А въ Россіи, въ родной Россіи, которая здѣсь намъ иначе и не представляется, какъ въ образѣ матери, непорядки. Эта мать забыла насъ, не поддерживаетъ, обрекаетъ на позоръ: мы, ея дѣти, послѣ того, какъ перенесли непосредственно столько и горя и трудовъ, должны бросить все и явиться домой *побѣжденными*, т.-е. вернуться для новаго горя, для проклятій. Теперь она насъ ругаетъ; надъ нами смѣются во всемъ свѣтѣ, смѣются надъ арміей, смѣются надъ патріотизмомъ... Поймите же: вѣдь, право, есть, отъ чего заскучать и впасть въ апатію. Прибавьте къ этому разлуку съ женой, съ родными, близкими.

И все-таки ѣхать назадъ сейчасъ опозореннымъ не хочу. Буду еще и еще трудиться здѣсь; благо, Господь хранитъ мое здоровье.

Пребудемъ, дорогіе, ужъ до конца вѣрны нашему долгу предъ Богомъ, Царемъ и родиной! Что же касается отдыха, то въ вѣчности-то.... Охъ, сколько предстоитъ намъ этого отдыха!

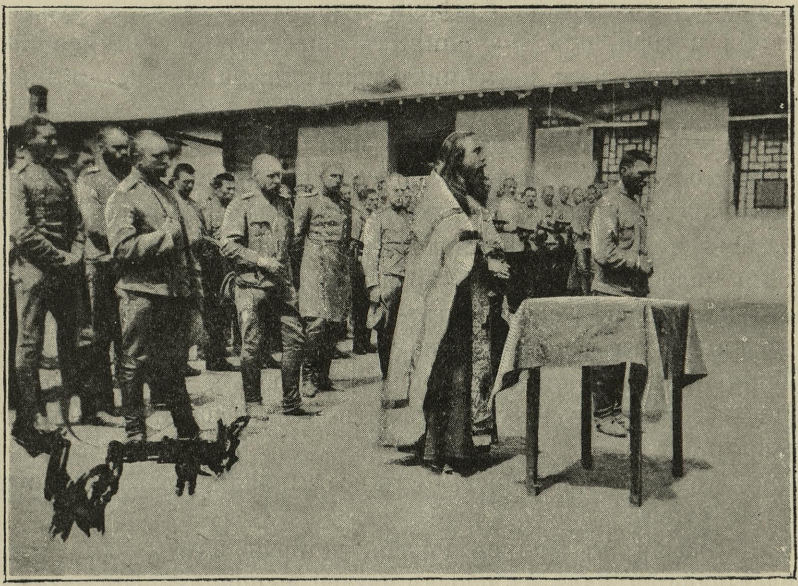
1-го мая было воскресенье; но служить не пришлось: какъ изъ ведра, лилъ дождь цѣлыхъ 3 дня. Сидѣли дома все время.

А бѣдные эскадроны и въ такую погоду безропотно держатъ сторожевое охраненіе и несутъ трудную службу дальнихъ разъѣздовъ.

Городъ—болото. О санитаріи у китайцевъ никакихъ понятій: всюду зловоніе. На улицахъ масса свиней. 3-го мая у насъ на дворѣ издохли двѣ свиньи; и хозяева сейчасъ же ихъ съѣли.

За городъ одному выѣзжать нельзя: 4-го мая выѣхалъ одинъ офицеръ изъ охотничьей команды да и пропалъ. Вѣроятно, его убили или утопили.

6-го мая, въ царскій день, среди дождя наскоро отслужили молебенъ и устроили парадъ войску. Вотъ разница-то отъ прошлаго [1]) года!

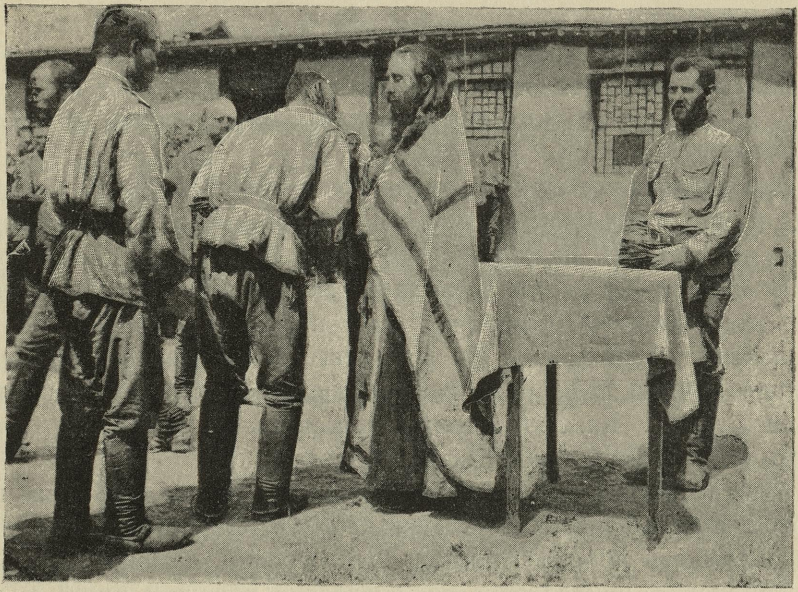
Обѣдница 9-го мая 1905 года въ Чженцзятунѣ.

8-го и 9-го мая я обходилъ эскадроны всего отряда и вездѣ служилъ обѣдницы и молебны, говорилъ проповѣди о необходимости просить намъ у Бога благодатной помощи, чтобы прежде всего побѣдить намъ самихъ себя, изгнать изъ себя все дурное и пріобрѣсти святость, а затѣмъ уже надѣяться на побѣду надъ внѣшнимъ врагомъ.

Погода въ послѣдніе дни была хорошая, солнечная. Съ 1-го мая у насъ и хлѣбъ есть, и сухари, и мясо всякое, такъ что питаемся хорошо.

[1]) 6-го мая 1904 года о. Митрофанъ совершалъ службу въ Орлѣ въ присутствіи Государя Императора Николая Александровича, Великихъ Князей Михаила Александровича, тогда еще Наслѣдника Престола, и Сергія Александровича, бывшаго тогда московскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Московскаго округа, министра Имп. Двора ген. барона Фредерикса и военнаго министра ген. Сахарова (см. стр. 86, прим. 2).

Дневника писать не могу: голова какъ-будто высохла. Если хотите, сочтите за дневникъ это письмо.

Обѣдница окончилась.

11-ое—16-ое мая (г. Чженцзятунь).

Вотъ и мы отдохнули денька четыре: хорошая была погода. А послѣдніе три дня снова дождь, и далеко не жарко.

Во время дождя городъ нашъ превращается буквально въ сплошное болото. Каждая улица окопана глубокими канавами; вода въ нихъ стоитъ подолгу. Валяются свиньи. Кругомъ такое зловоніе, что невыносимо становится.

Между прочимъ огромный дворъ нашего помѣщенія во время дождя дѣлается озеромъ. И вотъ, по приказанію Н. И. Чайковскаго, китайцы ведрами переливаютъ эту воду въ канаву. Спустить ее нельзя: слишкомъ низкое мѣсто. Работа идетъ быстро: выливаютъ тысячи по двѣ ведеръ въ часъ. Такимъ способомъ дня въ два и осушается нашъ дворъ (до новаго дождя).

Гулять, понятно, негдѣ. Хожу по фанзѣ изъ угла въ уголъ да читаю присланныя въ посылкѣ книги. Питаемся мы теперь очень хорошо. Въ городѣ всего много: куръ, утокъ, яицъ, картофелю, мяса; даже много очень хорошей рыбы: есть карпы, сомы, караси и проч. Цѣна не дорогая: курица—50 к., картофель—1 р. за пудъ, яйца—40 к. за десятокъ, утка—50 к., гусь—1 р., мясо обходится 20—25 к. за фунтъ, рыба—30 к.

Такъ все дешево потому, что мы сейчасъ находимся въ 120 верстахъ отъ желѣзной дороги и въ 80 в. отъ своей арміи. Войскъ здѣсь еще не было. Хлѣбъ намъ привозятъ изъ г. Юшитая и, конечно, черствый, но все-таки хорошій.

Вообще за эту послѣднюю недѣлю всѣ мы порядочно отдохнули и позаправились, хотя эскадроны несутъ трудную службу: дѣлаютъ разъѣзды верстъ по 80—120, *освѣщая*, какъ здѣсь выражаются, мѣстность.

Районъ нашему отряду данъ не маленькій. Надо „освѣщать" большой четырехугольникъ кругомъ г. Чженцзятуня: на сѣверъ 70 верстъ, на югъ 50, на востокъ 30 и на западъ 20. Такимъ образомъ 2-ую и 3-ью наши арміи заслоняетъ завѣса изъ кавалеріи: на югѣ стоитъ ген. Мищенко (приблизительно въ одной широтѣ съ райономъ расположенія 2-ой арміи), въ серединѣ находимся мы (въ уровнѣ съ 3-ьей арміей), и на сѣверѣ расположились конные полки пограничной стражи. Каждый отрядъ завоевалъ въ концѣ апрѣля свой четырехугольникъ и вотъ теперь охраняетъ его.

Кромѣ разъѣздовъ разставляется ежедневно вокругъ города сторожевое охраненіе; а въ самомъ городѣ одинъ эскадронъ (дежурный) занимаетъ приспособленную для обороны импань.

Трудновато приходится; но, благодаря хорошей пищѣ и корму, люди и лошади чувствуютъ себя хорошо.

15-го мая собрались свободные люди во дворѣ 6-го эскадрона. Дождь прекратился; но грязь была такая, что я едва добрался туда. Все-таки въ 10 часовъ утра отслужили обѣдницу и побесѣдовали на слова Спасителя: „Пріидите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ".

Я просилъ воиновъ принять во вниманіе, что всѣ люди трудятся и всѣ люди имѣютъ скорби, а также всѣ желаютъ быть въ трудахъ успѣшными, а въ скорбяхъ утѣшенными, но не всегда этого достигаютъ. Это зависитъ отъ того, что люди въ своихъ трудахъ часто надѣются только на свои силы и умѣнье или полагаются на помощь другихъ людей, такихъ же ограниченныхъ и несовершенныхъ существъ, какъ и они сами. А потому они впадаютъ въ ошибки; дѣло у нихъ не спорится. Также и въ скорбяхъ люди уповаютъ только на земныя утѣхи; но онѣ такъ ничтожны, что люди впадаютъ въ уныніе, въ отчаяніе или даже въ развратъ.

Нѣтъ, и въ трудахъ и въ скорбяхъ намъ нужно обращаться за помощью къ Господу, приходить къ Нему и посредствомъ молитвы, таинствъ и святого чтенія соединяться съ Нимъ. И Онъ, какъ всемогущій и безконечно благій, *упокоитъ* насъ, т.-е. дастъ благодать Свою и благословеніе на труды наши, изгонитъ изъ нашего сердца уныніе и даруетъ намъ миръ и покой.

Когда я возвращался въ свою фанзу, мнѣ пришлось наблюдать тяжелую сцену. Погонщикъ монголъ положилъ верблюда на землю

и началъ нагружать на него разные товары. Онъ прямо бросалъ ему на спину мѣшки, корзины. Сѣдла никакого нѣтъ; и вся кладь прикручивается веревками прямо къ кожѣ. Боль испытываетъ при этомъ верблюдъ ужасную и все время реветъ и охаетъ.

Вы все грустите и сѣтуете на меня, зачѣмъ я всегда съ полкомъ, а не въ обозѣ.

Но, во-первыхъ, повторяю, я не обозный, а полковой священникъ. А, во-вторыхъ, одинъ батюшка былъ всегда въ обозѣ; главный полевой священникъ 3-ьей арміи узналъ про это, и батюшку этого уволили въ отставку. Хотѣли даже суду его предать. Онъ уже уѣхалъ. Теперь 14-го мая на его мѣсто пріѣхалъ уже другой священникъ и находится при полку *по приказанію*.

Вотъ видите, отъ какого позора я избавился, находясь всегда на своемъ мѣстѣ?

Новаго командира ожидаемъ со дня на день. Прежній еще пока съ нами.

17-ое мая—11-ое іюня (д. Тавайза).

Хотя я и бросилъ писать дневникъ, но все-таки рѣшилъ написать краткій перечень пережитаго въ маѣ и въ первыхъ числахъ іюня, чтобы такимъ образомъ закончить годъ [1]).

Я уже писалъ, что май начался для насъ грустно: дождь лилъ, какъ изъ ведра; на улицахъ стояла невообразимая грязь. Пришлось все время сидѣть дома.

Городъ Чженцзятунь расположенъ въ низинѣ на берегу рѣки Силяохе среди болотъ. Посему опасались заболѣваній.

Мы помѣстились на китайскомъ постояломъ дворѣ, 7 человѣкъ въ одной фанзѣ. Въ сѣняхъ устроили столовую; а въ пустомъ сараѣ солдаты печники сложили на скорую руку русскую печь, отъ которой нашъ кухарь пришелъ въ восторгъ и обѣщалъ даже испечь булку.

Среди города выбрали фанзу богатаго купца, обнесенную большой каменной стѣной съ башнями, и приспособили ее „на случай", т.-е. для обороны. Въ ней помѣстился дежурный эскадронъ, выставивъ на башняхъ часовыхъ.

Вскорѣ насъ посѣтилъ тифанъ-гуанъ, губернаторъ города, очень важный и выхоленный китаецъ. Его пріѣздъ сопровождался цѣлой церемоніей. Впереди бѣжалъ китаецъ и билъ въ гонгъ (тазъ); за нимъ гнался другой съ флагомъ, третій съ балдахиномъ; далѣе слѣдовалъ верховой; и, наконецъ, катилась фудутунка съ самимъ тифанъ-гуаномъ, по сторонамъ которой шли 8 китайскихъ солдатъ съ длинными аллебардами, а сзади ѣхали еще два верховыхъ.

[1]) О. Митрофанъ выѣхалъ изъ Орла съ полкомъ на войну 11-го іюня 1904 года.

Тифанъ-гуанъ получилъ отъ нашего генерала выговоръ зато, что его солдаты принимали участіе съ сраженіи противъ насъ заодно съ хунхузами. Въ наказаніе генералъ приказалъ отобрать оружіе у его войска.

На другой день 400 винтовокъ китайскіе воины сложили на дворѣ. Вмѣсто этого они получили палки. А 7 человѣкъ, завѣдомо сражавшихся противъ насъ, хорунжимъ Гудіевымъ были казнены.

Несмотря на это, любезности китайцевъ продолжались (какъ же иначе?): китайскій полковникъ устроилъ въ честь насъ смотръ своимъ войскамъ (съ палками-то!), а тифанъ-гуанъ прислалъ намъ обѣдъ изъ 32 блюдъ.

Первые дни по приходѣ въ этотъ городъ мы не имѣли ни хлѣба, ни сухарей и пекли лепешки. Но скоро подошелъ транспортъ изъ обоза, привезшій намъ хлѣбъ, сухари, сахаръ, крупу, посылки. И у насъ появились даже вядчина, колбасы.

Въ городѣ войскъ никогда не было. Поэтому припасовъ всякихъ много: къ нашимъ услугамъ были куры, яйца, мука, лукъ, даже свѣжая рыба. Все это можно было достать у китайцевъ. Однажды солдаты сами ловили рыбу. Оригинальная была эта рыбная ловля: голые рыболовы съ винтовками за плечами (война!..). Такимъ образомъ питались мы очень хорошо. А кухарь нашъ, дѣйствительно, испекъ намъ бѣлый хлѣбъ, ухитрившись вмѣсто дрождей употребить картофель.

Такъ и прошелъ весь май томительно однообразно. Это, конечно, для насъ, штабныхъ. А эскадроны все время несли трудную службу, развѣдывая огромное пространство.

Всѣ праздничные дни я совершалъ богослуженія и притомъ большею частью на воздухѣ. Понемногу и бесѣдовали.

Пережили новое страшное горе, гибель нашего флота. Но затѣмъ, какъ христіане и русскіе, мы рѣшили не предаваться унынію, а напрячь, всѣ силы, чтобы возстановить попранную честь отечества. По правдѣ сказать, насъ не такъ огорчаютъ наши военныя неудачи, какъ возмущаютъ внутренніе безпорядки въ Россіи. Въ битвахъ мы чести не потеряли: бились по совѣсти съ храбрымъ и гораздо сильнѣйшимъ врагомъ. А вотъ внутренніе-то подвиги измѣнниковъ родинѣ—вотъ это, дѣйствительно, до глубины души терзаетъ насъ, такъ какъ это есть ужъ настоящій позоръ, полное безчестіе.

Ну да Господь разсудитъ всѣхъ въ свое время. А теперь, нужно сознаться, Богъ совершенно справедливо караетъ насъ: слишкомъ мы отступили отъ Него и низко пали.

Выдающимися событіями въ нашей жизни въ маѣ были слѣдующія. 19-го мая пріѣхалъ къ намъ новый командиръ полка полковникъ фонъ-Кауфманъ, и 20-го на площади у кумирни я служилъ полку молебенъ, молитвой провожая прежняго и встрѣчая новаго командира. 28-го мая, по русскому обычаю, мы проводили дорогого

Виктора Семеновича Зенкевича[1]) хлѣбомъ-солью, обѣдомъ, чѣмъ Богъ послалъ. Проводы вышли очень сердечные. Вѣдь мы на войнѣ почти годъ были неразлучны. Дай, Господи, Виктору Семеновичу благодати на новомъ поприщѣ его служенія, а намъ, подъ управленіемъ новаго симпатичнаго командира, помощи попрежнему съ честью исполнять свой долгъ!

3-го іюня утромъ изъ отряда ген. Мищенко получено извѣстіе, что японцы наступаютъ и съ часу ночи идетъ бой; а 4-го іюня въ 7 часовъ утра, по приказу изъ штаба арміи, нашъ отрядъ уже двинулся на югъ для поддержки ген. Мищенко.

Погода была чудная. Вся степь покрыта прекрасной травой, и мы безъ особенной усталости прошли 30 верстъ и стали на ночлегъ въ деревнѣ Холобтунь, въ той самой богатой фанзѣ, въ которой мы жили 28—29 апрѣля. Но отъ богатства въ фанзѣ уже ничего не осталось: все разрушено, разбито, растащено; цѣлы остались только стѣны. Сердце сжалось при видѣ всего этого.

И кто же виновникъ разрушенія? По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что сами хозяева все вывезли; а послѣ, вѣроятно, хунхузы ужъ похозяйничали, ища денегъ.

Солдаты очистили фанзу отъ мусора, набросали травы, окна завѣсили попонами. И мы на ночь сносно пріютились.

5-го іюня, въ день св. Троицы, богослуженіе я совершалъ въ саду подъ развѣсистымъ деревомъ въ расположеніи 2-го эскадрона, гдѣ къ тому же эскадронный праздникъ. Солдаты изъ вѣтвей сдѣлали подобіе алтаря, усыпали столъ и всю площадку травой и цвѣтами, сдѣлали мнѣ и гг. офицерамъ по букету изъ полевыхъ цвѣтовъ.

Предъ началомъ богослуженія въ краткомъ поученіи я просилъ воиновъ поусерднѣе помолиться, чтобы Господь послалъ на насъ благодать св. Духа и ею оживотворилъ всѣ силы нашего существа. Какъ земная почва, только будучи согрѣта солнцемъ, приноситъ плодъ: такъ и наши труды только тогда будутъ увѣнчаны успѣхомъ, когда благодать и благословеніе Божіи осѣнятъ ихъ.

Въ $11\frac{1}{2}$ часовъ дня здѣсь же въ рощицѣ ротмистръ Подгурскій устроилъ всѣмъ трапезу; а въ 2 часа мы выступили далѣе на югъ и заняли деревню Тавайзу, въ которой раньше стоялъ ген. Мищенко. Онъ уже разбилъ довольно значительный отрядъ японцевъ; и наша помощь оказалась ненужной. Японцы такъ поспѣшно отступили, что оставили много амуниціи; около 100 труповъ своихъ солдатъ они бросили въ печь кирпичнаго завода, но сжечь не успѣли; и тѣла только поджарились.

Ужасное зрѣлище представляла эта печь: торчатъ обгорѣлыя руки, ноги; и стаи собакъ хозяйничаютъ въ этой *могилѣ*.

[1]) Ген.-майоръ Зенкевичъ года два тому назадъ умеръ въ г. Орлѣ въ должности командира бригады, которою до войны и на войнѣ командовалъ упоминаемый въ „Дневникѣ“ ген. Степановъ, нынѣ тоже ужъ умершій.

Такъ вотъ въ этой самой деревнѣ Тавайзѣ мы теперь[1]) и стоимъ. Въ ней же я встрѣтилъ и скорбное 11-ое іюня, годовщину нашей разлуки. Я ушелъ на гору одинъ и отъ души возблагодарилъ Господа, милостью Котораго я пережилъ благополучно этотъ страшный годъ.

Итакъ прошелъ годъ. И сколько горя, стыда пережили мы за это время!

Теперь говорятъ о мирѣ. Мы мириться не хотимъ. Но, если миръ все же будетъ заключенъ, и мы побѣжденные поѣдемъ домой, то невольно напрашивается вопросъ: что же это за причины нашего бѣдствія? Постараюсь посильно отвѣтить на него.

1. Исторія народа Божія должна быть всегда предъ нашими глазами. Когда беззаконія евреевъ превосходили всякую мѣру, то благодать Господня оставляла ихъ; и народы языческіе, сравнительно слабые, побѣждали израиля. Однако покаяніе и возвращеніе евреевъ къ Богу снова привлекали на нихъ благословеніе Господа; и они возставали къ лучшей жизни.

Россія испытала теперь на себѣ то же самое. Государство, хранящее истинную религію, такъ опустилось духовно, такъ забыло Бога и развратилось, что многіе города и веси, по мерзкой жизни своей, стали вполнѣ подобны древнимъ Содому и Гоморрѣ.

Вотъ правосудіе Божіе для нашего вразумленія и наказанія избрало язычниковъ японцевъ, народъ сравнительно съ нами слабѣйшій, и Россія наказана.

Вразумимся же, раскаемся и обратимся къ Господу, по любви Своей наказавшему насъ! Да пріобрѣтемъ снова милость и благословеніе Божіи на нашу бѣдную отчизну!

2. Условія для веденія войны были для насъ невыразимо тяжелы. И только русское мужество и терпѣніе сдѣлали то, что мы больше года смогли воевать и не потеряли арміи.

Вѣдь каждое сраженіе—это Бородино. А потери японскія всегда даже превышали наши, кромѣ Мукдена, гдѣ онѣ равны. Россія не была готова къ войнѣ: на мѣстѣ не было своевременно ни войска, ни снарядовъ.

Японцы отъ своей базы были всего въ 5—6 дняхъ пути или, лучше сказать, путей, такъ какъ они нѣсколькими путями подвозили все; а мы имѣли только одинъ путь, связующій насъ съ базой, до которой отъ театра войны 8—10 тысячъ верстъ. Проѣхавъ дней 30—35 по желѣзной дорогѣ, наши эшелоны вступали на поля битвы уже усталыми, разбитыми отъ одной только дальней дороги и притомъ съ состояніемъ духа, какое только возможно у человѣка, уѣхавшаго далеко-далеко отъ родины и попавшаго чуть не въ тридесятое царство.

[1]) Письмо писано о. Митрофаномъ 14-го іюня 1905 года.

3. Наконецъ въ Японіи есть *патріотизмъ*, все время ободрявшій войска благими вѣстями съ родины. А у насъ во время войны завели безпорядки, разныя стачки, что страшно все время угнетало духъ арміи. Здѣсь самый больной вопросъ не о войнѣ, а о томъ, что̀-то теперь въ Россіи.

Ну, пусть разсудитъ все Господь и исторія! А мы дѣлали здѣсь, насколько хватало силъ, всѐ, чего требовала отъ насъ принятая нами присяга.

11-ое іюня.

Сегодня ровно годъ, какъ мы разстались. И какъ это мы пережили его? Отвѣтъ одинъ: только съ помощью Бога. Онъ далъ намъ силы все перенести: Ему и слава за все.

И все-таки мы не хотимъ мириться. Въ огромномъ большинствѣ мы жаждемъ отстоять честь отечества, попранную внѣшними и внутренними врагами. Мы готовы еще страдать, смиряться, терпѣть и трудиться, лишь бы возстановить попранное.

Прошу прощенія, что не могу теперь писать дневника: право, и расположеніе духа не то, да и положительно нечего писать. Послѣ, можетъ-быть, смогу.

Сейчасъ Н. И. Чайковскій съ двумя эскадронами остался гарнизономъ въ г. Чженцзятунѣ. А мы, т.-е. 52-ой Нѣжинскій полкъ, остальные наши эскадроны да казачья батарея (она въ нашемъ отрядѣ), стоимъ въ резервѣ у ген. Мищенко въ д. Тавайзѣ.

Нѣсколько человѣкъ насъ помѣщается въ одной фанзѣ: командиръ полка, адъютантъ, наши офицеры Гуровъ и Щеголевъ, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Махровъ, докторъ Піотровскій, начальникъ штаба нашего отряда полковникъ князь Вадбольскій, ген. Степановъ и я. Обѣдаемъ, конечно, вмѣстѣ; при чемъ я завѣдываю расходами и доходами. Столъ имѣемъ и здѣсь порядочный. Скотъ покупаемъ въ Монголіи, хотя и съ трудомъ. Хлѣбъ подвозятъ транспорты. Есть еще колбасы изъ посылки 27-го октября. Сахаръ недавно привезъ транспортъ. Чай еще есть. Варимъ супы, засыпая рисомъ или чумизой; порой и жаримъ мясо. Вчера Чайковскій прислалъ 9 куръ, луку, сотню яицъ, барана: такой былъ восторгъ. Обѣдаемъ на свѣжемъ воздухѣ подъ деревомъ.

Кругомъ степь Гоби-Шамо. Травы много, но зерна почти нѣтъ.

Къ ген. Мищенко отъ насъ проведенъ телефонъ (10 верстъ). Ходитъ слухъ о перемиріи, а Мищенко завтра посылаетъ полкъ казаковъ и батарею на боевую рекогносцировку.

ГЛАВА VII.

Набѣгъ на японцевъ у деревни Санвайцзы.

12-ое—17-ое iюня.

Мы пришли на поддержку генерала Мищенко. Въ ожиданіи, когда дѣйствительно потребуется съ нашей стороны эта поддержка, мы расположились бивакомъ въ деревнѣ Тавайзѣ.

Деревня эта расположена на склонѣ холма среди рощицы. Съ южной стороны разстилается огромный лугъ, покрытый чудной травой; и кромѣ того у самой Тавайзы протекаетъ рѣка.

Воины наши были въ восторгѣ. Они понадѣлали себѣ изъ вѣтвей шалаши и въ свободное отъ службы время стали купаться, косить сѣно и пасти лошадей на лугу. А мы устроили себѣ подъ деревьями столъ и по-дачному на вольномъ воздухѣ обѣдали и пили чай.

Одно было плохо: жители всѣ до единаго бѣжали, а потому ни скота, ни куръ, ни яицъ, ни зелени—ничего у насъ не было. Только и поддерживалъ наши бренныя силы милый Н. И. Чайковскій, присылая изъ Чженцзянуня съѣстные припасы.

Такъ и жили мы. Я ежедневно гулялъ на холмѣ, любовался видами, кое-что читалъ. Полкъ велъ усиленныя и дальнія развѣдки въ Монголіи; но ничего подозрительнаго не было обнаружено.

Наконецъ 16-го іюня ген. Мищенко извѣстилъ насъ, что онъ задумалъ на 18-ое іюня произвести набѣгъ на японцевъ всѣмъ отрядомъ и проситъ насъ прибыть къ вечеру 17-го числа въ мѣсто его стоянки.

— „Набѣгъ! набѣгъ съ генераломъ Мищенко!“

Эти слова понеслись по всему нашему отряду. Сразу все ожило. Пошли толки, предположенія: куда пойдемъ? надолго ли? Всѣ радовались предстоящему дѣлу.

17-го іюня я всталъ пораньше, взялъ св. Дары и пошелъ на холмъ, гдѣ и пріобщился св. Таинъ. Это я всегда дѣлаю передъ походомъ: такъ становится послѣ этого отрадно на душѣ, и я ѣду уже совершенно покойно.

Въ 2 часа дня налетѣла туча, и прошелъ сильный дождь. Все освѣжилось. И въ 5 часовъ вечера благословясь мы выступили въ городъ Ляоянвопынь, гдѣ расположенъ отрядъ генерала Мищенко. Послѣ дождя воздухъ чудный. Сыпучіе пески стали болѣе проходимы. И мы безъ усталости проѣхали 15 верстъ и остановились у штаба отряда.

Скачетъ казакъ съ донесеніемъ, что сейчасъ выйдетъ ген. Мищенко здороваться съ нашей бригадой. Всѣ повеселѣли, оживились. Вѣдь этотъ славный генералъ искренно любимъ и уважаемъ войскомъ.

Между тѣмъ окруженный своею свитою вышелъ съ палочкой въ рукахъ ген. Мищенко и, растягивая, по обыкновенію, слова, громко сказалъ:

— „Здравствуйте, славные драгуны!"

Громовое „здравія желаемъ, рады стараться" понеслось изъ нашихъ рядовъ въ отвѣтъ на привѣтствіе любимаго генерала. А кругомъ гремѣло „ура"—это казаки Кавказской и Урало-Забайкальской дивизій привѣтствовали драгунъ.

Уже стемнѣло, когда мы подошли къ назначенной намъ деревнѣ (Халамуза). Сейчасъ же въ нашу фанзу собрались командиры полковъ, эскадроновъ и бывшей съ нами батареи для полученія диспозиціи завтрашняго боя. Зажгли свѣчи; разложили на столѣ карты занимаемой мѣстности. И начальникъ штаба отряда полковникъ князь Вадбольскій прочиталъ громко диспозицію и далъ соотвѣтствующія разъясненія и указанія.

Я сидѣлъ сзади, взобравшись съ ногами на канъ, и смотрѣлъ на эту оригинально-красивую картину ночного военнаго совѣта. Невольно припомнился такой же совѣтъ во время набѣга на Инкоу, и, глядя на оживленныя лица офицеровъ, думалось:

— „Быть-можетъ, завтра уже кого-либо изъ этихъ милыхъ симпатичныхъ людей не будетъ на семъ свѣтѣ"...

И сейчасъ же моя мысль перемѣнила свое направленіе:

— „Нѣтъ, не хорошо теперь грустить; а вотъ поскорѣй закусить, попить чайку да прилечь—это слѣдуетъ. А то вѣдь, по диспозиціи, завтра нужно подниматься въ 3 часа утра".

18-ое—22-ое іюня.

— „Батюшка! Безъ 5 минутъ 3 часа: вставайте", слышу голосъ солдата.

Вскочилъ я. Голова тяжелая: почти не спалъ. Быстро встали всѣ, попили чаю и...

— „Сѣдлай! къ конямъ!"

Поѣхали. Началось... Господи, благослови!

По диспозиціи, весь отрядъ раздѣлился на три колонны. *Правую* колонну составили Урало-Забайкальская бригада, двѣ конно-охот-

ничьихъ команды и 2 пушки; *среднюю*—наша драгунская бригада, 1-ый Верхнеудинскій казачій полкъ, четыре конно-охотничьихъ команды и 10 пушекъ; *лѣвую*—Кавказская казачья дивизія, другая Урало-Забайкальская бригада и 24 пушки. При нашей колоннѣ находился самъ ген. Мищенко.

Въ 16 верстахъ къ югу отъ г. Ляоянвопыня враги занимали сильныя позиціи. Японцами укрѣплены деревни Санвайцза, Вандяганза и Чансямбатенди, а также лежащіе за этими деревнями холмы. Укрѣпленія состояли изъ нѣсколькихъ рядовъ окоповъ. волчьихъ ямъ и засѣкъ.

По диспозиціи, предстояло *средней* колоннѣ остановиться у деревни Цудіопы и отсюда усиленно обстрѣливать артиллерійскимъ огнемъ непріятельскія позиціи, выжидая результата дѣйствій остальныхъ колоннъ, которыя должны были съ двухъ сторонъ обойти японцевъ. Затѣмъ предполагалась общая атака позицій.

Необходимо было выяснить, какія войска японцевъ стоятъ предъ нами и въ какихъ силахъ.

Еще не разсвѣло, какъ слѣдуетъ, и звѣзды ярко блестѣли, когда мы выступили. Начальство не здоровалось съ солдатами, чтобы не производить шума. Приказано итти быстрѣе.

Рысью прошли мимо насъ охотники. За ними тронулись мы въ Ляоянвопынь, гдѣ къ намъ присоединился ген. Мищенко.

Пропустивъ тутъ мимо себя Кавказскихъ казаковъ, мы продолжали путь. Шли крупнымъ шагомъ безъ остановки 3 часа, остановились у д. Цудіопы и поставили орудія на позицію. 2-ой эскадронъ пошелъ занимать сторожевое охраненіе и прикрывать коноводовъ--охотниковъ, которые, спѣшившись вмѣстѣ съ казаками верхнеудинцами, залегли въ первой цѣпи. 5-ый эскадронъ сталъ въ прикрытіе 4-ой батареи. Остальные были тутъ же въ резервѣ.

Въ $7\frac{1}{2}$ часовъ утра послышались глухіе пушечные выстрѣлы. Это завязала бой правая колонна. Въ 8 часовъ открыли пальбу по д. Санвайцзѣ и наши 10 пушекъ.

Я сидѣлъ вблизи въ рощѣ съ штабомъ полка. Громъ и визгъ начались страшные. Скоро однако мы прислушались къ нимъ. Въ 10 часовъ денщики вскипятили чайку, достали изъ лазаретной линейки хлѣба, колбасы, и мы подъ этотъ громъ выстрѣловъ подкрѣпились.

Такъ шла кононада до 2 часовъ дня, когда пришло приказаніе нашей колоннѣ передвинуться впередъ. Въ 3 часа мы подвинулись, а въ 4 часа ген. Мищенко подалъ сигналъ къ общей атакѣ японскихъ позицій, и самъ поскакалъ впередъ. Резервъ нашъ подошелъ тоже ближе и сталъ у горы на разстояніи не болѣе $1\frac{1}{2}$ версты отъ д. Санвайцзы.

Чудный видъ боя открылся предъ нашими глазами. Безъ бинокля ясно видны позиціи противника. Тамъ идетъ адская ружейная

стрѣльба. Внизу подъ нашими ногами палятъ пушки. Слѣва Кавказская дивизія галопомъ несется въ атаку. Съ нашей горы подъ командой самого командира полка полк. фонъ-Кауфмана вихремъ несутся на японцевъ 6-ой, за нимъ 3-ій и 2-ой эскадроны. Подскакали почти къ деревнѣ, быстро спѣшились и бросились въ штыки. Справа лѣзли на гору пѣхотные охотники.

Сердце замирало при видѣ всего этого. Непріятельскіе холмы курились отъ разрывавшихся нашихъ снарядовъ. Наконецъ раскатистое мощное „ура“ донеслось до насъ.

— „Взяли, взяли!“ слышу крики вокругъ себя.

Дѣйствительно, ясно было видно, какъ наши драгуны, казаки и охотники помчались впередъ. Все преодолѣли: и ямы, и засѣки, и рвы. Выбили японцевъ отовсюду, и тѣ бѣжали. Бой такъ разгорѣлся, что офицеры не могли сдерживать солдатъ и едва спасли отъ смерти 11 японцевъ, которые такимъ образомъ взяты были въ плѣнъ.

Между прочимъ у насъ во 2-мъ эскадронѣ произошелъ интересный случай. Въ концѣ мая командиръ полка произвелъ солдата 2-го эскадрона Проходько въ унтеръ-офицеры и, поздравляя его, сказалъ шутя:

— „Ну, смотри: въ первомъ же бою доставь мнѣ плѣннаго японца“.

— „Слушаю“, отвѣчалъ тотъ.

И вотъ теперь смотримъ: идетъ этотъ самый унт.-оф. Проходько и ведетъ въ поводу свою лошадь, на которой сидитъ японецъ. Съ испугу, очевидно, послѣдній блѣденъ и руки все поднимаетъ къ небу; голова въ крови. Подходитъ Проходько къ командиру полка и докладываетъ:

— „Такъ что Ваше Высокоблагородіе изволили приказать мнѣ доставить плѣннаго японца: вотъ я предоставляю“.

— „Молодецъ!“ говоритъ командиръ: „Да какъ же ты взялъ его?“

— „ Я, значитъ, вскочилъ въ окопъ ихній; а онъ на меня со штыкомъ. Ну, я его толкнулъ два раза прикладомъ по головѣ. Онъ винтовку-то бросилъ; а я его въ охапку и схватилъ“.

Рана у японца оказалась пустая: просто ссадины. И оба врага стали друзьями, не разставаясь до г. Чженцзятуня.

У насъ особенно отличились офицеры: Африкьянцъ, Подгурскій, Рѣшетниковъ, Сахаровъ, князь Голицынъ, Дьяконовъ, братья Булацели, Гуровъ. Изъ солдатъ трудно выдѣлить кого-либо: всѣ сражались храбро. Но первый ворвался въ окопъ унтеръ-офицеръ 2-го эскадрона Штельмахъ [1]).

Въ нашемъ полку ранено 29 солдатъ; убитъ одинъ. Изъ раненыхъ затѣмъ умерли двое. Легко раненъ въ ногу корнетъ Сахаровъ.

[1]) Штельмахъ—коренной русскій православный крестьянинъ; нѣмецкую фамилію получилъ его отецъ въ крѣпостное право отъ своего помѣщика.

Ранены мои два пѣвчіе: Щербакъ и Шевченко; оба получили серьезныя раны, но для жизни не опасныя.

Между тѣмъ у насъ въ резервѣ кипѣла своя работа: три врача перевязывали раненыхъ, я здѣсь же пріобщалъ тяжело раненыхъ.

Опять пришлось наблюдать скорбныя сцены. Раненые идутъ, поддерживаемые товарищами; другихъ несутъ на носилкахъ, на ружьяхъ. Стоны... Принесутъ, положатъ на траву и скорѣе назадъ за новыми страдальцами.

Я пріобщилъ 15 тяжело раненыхъ и тутъ же похоронилъ двухъ убитыхъ.

Оригинальны были эти похороны. Видимъ — мчится охотникъ, и у него черезъ сѣдло перекинутъ трупъ. Подскакалъ, положилъ убитаго товарища на землю и прямо ко мнѣ:

— „Батюшка, ради Бога похороните по-христіански!"

Только отпѣли мы съ Михаиломъ этого, какъ кричитъ докторъ:

— „Батюшка! Вотъ еще убитаго принесли. Нельзя ли похоронить?"

— „Сейчасъ, сейчасъ идемъ".

Лопатъ нѣтъ; земля песчаная. Живо шашками солдатики вырыли неглубокую могилу, и мы похоронили героевъ.

— „Батюшка, пожалуйте пріобщить тяжелаго!"

Иду. На носилкахъ лежитъ офицеръ забайкалецъ. Мертвенная блѣдность разлилась по лицу. Глаза мутные. Глухо стонетъ. Мнѣ показалось, что онъ безъ сознанія: благословилъ его и хотѣлъ уже отойти. Какъ вдругъ онъ рванулся, схватилъ меня за руку и заговорилъ прерывистымъ голосомъ:

— „Богъ, Богъ... пріобщиться хочу"...

Конечно, пріобщилъ. Вѣдь вотъ какое бываетъ горе! Подъ Инкоу убили его брата, а теперь тяжело ранили и его самого—едва ли выживетъ. Фамилія Некрасовъ.

Такъ и длился бой до темноты. Наши далеко гнали японцевъ, убили и ранили у нихъ до 1000 человѣкъ солдатъ, много офицеровъ и самого полковника. У насъ же въ отрядѣ выбыло изъ строя всего до 250 человѣкъ.

Японцы стрѣляли вечеромъ изъ двухъ пушекъ, но вреда не нанесли.

Въ 8 часовъ вечера разразилась страшнѣйшая гроза. И мы изъ набѣга возвращались уже не только среди тьмы, но и по водѣ. Промокли мы до костей, такъ какъ „непромокаемые плащи" оказались превосходно промокаемыми.

Шли до часу ночи. Спать хотѣлось страшно. Усталость такъ одолѣвала, что хоть вались съ сѣдла. На ночлегъ стали въ знакомой уже деревнѣ Халамузѣ. Пока разобрали вьюки и погрѣлись чайкомъ, было уже 3 часа ночи. Такимъ образомъ ровно сутки безъ перерыва мы пробыли на ногахъ и безъ сна. Во время боя нервы такъ были

натянуты, возбуждены, что усталость не замѣчалась; а теперь казалось, къ ногамъ будто гири привязаны.

На другой день полки нашей бригады и батарея съ пѣснями двинулись къ ставкѣ генерала Мищенко, чтобы проститься съ нимъ предъ уходомъ на свое старое мѣсто въ 3-ью армію (во время набѣга мы были въ районѣ 2-ой арміи). Въ 11 часовъ подскакалъ къ намъ ген. Мищенко, поздравлялъ съ побѣдой, благодарилъ за храбрость и оказанную ему помощь. Нужно было видѣть восторгъ нашихъ солдатъ.

Простились и пошли обратно въ г. Чженцзятунь, куда и прибыли 21-го іюня въ 3 часа дня. Послѣдній переходъ (40 верстъ) былъ очень труденъ вслѣдствіе страшной жары.

Кажется, мы выберемся изъ этого города на дачу, т.-е. въ окрестныя деревни. А то въ городѣ отъ жары и мухъ прямо жить невозможно.

22-го іюня въ 6 часовъ вечера собрались всѣ боевые эскадроны, и я отслужилъ благодарственный по случаю побѣды молебенъ и по убитымъ панихиду.

Въ рѣчи, сказанной мной передъ молебномъ, я воздалъ должную честь храбрости и вѣрности присягѣ, которыя проявили мои слушатели въ славномъ бою 18-го числа, и пригласилъ ихъ вознести усердное благодареніе Господу, помогшему намъ, увѣряя, что благодарныхъ тружениковъ-воиновъ Богъ и впредь не оставитъ Своей помощью.

Такъ закончился второй нашъ набѣгъ съ генераломъ Мищенко на японцевъ.

22-ое іюня.

Вчера мы благополучно вернулись изъ набѣга въ прежній свой городъ Чженцзятунь и помѣстились въ тѣхъ же самыхъ фанзахъ.

Пища хорошая. Появились огурцы, рѣдька. Получилъ письма... Опять просьбы ко мнѣ быть при церкви, т.-е. при двуколкѣ, въ обозѣ.

Милые, милые мои! Неужели я не люблю Васъ? неужели я изъ тщеславія, изъ-за наградъ всегда съ полкомъ? Какъ священникъ, говорю Вамъ: я обязанъ быть при полку. И всѣ священники при полкахъ. Что же дѣлать, если Господь поставилъ меня священникомъ въ конномъ полку? Не по прихоти своей ѣзжу я съ полкомъ? Св. антиминсъ всегда у меня на груди вмѣстѣ со св. Дарами; значитъ, въ двуколкѣ только иконы.

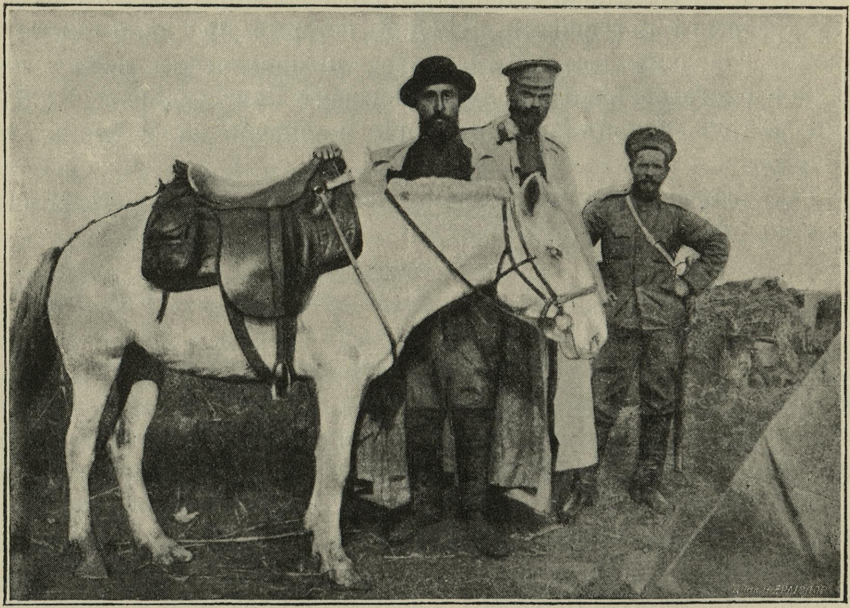
Успокойтесь, родные! Я берегу себя: мнѣ жизнь тоже дорога. Нарочно я никуда не лѣзу, а тѣмъ болѣе подъ выстрѣлы.

Въ послѣднемъ бою я пріобщилъ 15 тяжело раненыхъ (одного офицера), изъ которыхъ 5 послѣ по дорогѣ умерли. Если бы меня не было тамъ, они умерли бы безъ напутствія.

7 человѣкъ я похоронилъ по-христіански. И какъ же радовались солдатики-товарищи! Зная, что есть священникъ, они на сѣдлѣ везли ко мнѣ мертвыхъ, лишь бы они были отпѣты: такъ дорожили они этимъ.

А вѣдь солдатики-то не жалѣли живота своего: нельзя было для нихъ не потрудиться. Наши 2-ой, половина 3-го и 6-ой эскадроны, по сигналу генерала Мищенко, не задумываясь, полетѣли въ атаку, спѣшились и пошли въ штыки; а казаки съ обѣихъ сторонъ работали шашками и прикладами. Всю атаку эту славную мы видѣли съ горы резерва и даже слышали раскаты нашего „ура". Въ рукопашную наши взяли 3 деревни и выбили японцевъ изъ сильно укрѣпленныхъ позицій (два яруса окоповъ съ волчьими ямами и засѣками).

Такъ неужели, при такихъ-то храбрецахъ солдатахъ, намъ священникамъ, истинно русскимъ людямъ, труса, какъ говорится, праздновать и быть, по вашему желанію, при обозахъ? Нѣтъ, родные: бываютъ, какъ видите, минуты, когда долгъ сына отечества и гражданина приходится ставить выше, дороже самой жизни, не говоря уже о долгѣ службы, о присягѣ.

О. Митрофанъ, рядомъ его шуринъ Поліевктъ Влад. Исполатовскій, далѣе дѣлопроизводитель полка Мих. Матв. Сафоновъ.

Поля также былъ въ этомъ славномъ походѣ. Онъ не во всѣхъ походахъ былъ потому, что его оставляли съ больными лошадьми въ обозѣ; а въ послѣдній походъ его назначили сопровождать отрядъ, а нашего ветеринара оставили въ Юшитаѣ смотрѣть за больными лошадьми обоихъ полковъ.

ГЛАВА VIII.

Затишье. Миръ. Возвращеніе.

23-ье іюня.

Сегодня въ 6 часовъ вечера мы, т.-е. штабы бригады и полка, выступаемъ изъ этого противнаго душнаго города (Чженцзятуня) на дачу, т.-е. расположимся въ пригородныхъ деревняхъ. Сколько времени продолжится эта наша дачная жизнь, сказать трудно: все зависитъ отъ японцевъ. Шпіоны увѣряютъ, что очень скоро начнется наступленіе японцевъ.

Начались жары, и послѣднія 40 верстъ возвращаться изъ набѣга было очень трудно. Мы отъ Чженцзятуня на югъ прокатили 75 верстъ, набѣжали, разбили непріятеля и маршъ назадъ. Памятенъ будетъ японцамъ нашъ герой Павелъ Ивановичъ Мищенко. Люблю и почитаю я его.

На театрѣ военныхъ дѣйствій Мищенко находится съ самаго начала войны и все время на флангѣ передовыхъ позицій; онъ былъ довольно серьезно раненъ и все-таки воюетъ и даже, какъ видите, съ успѣхомъ.

Конечно, онъ усталъ, посѣдѣлъ, а о мирѣ и слышать не хочетъ. Теперь, если онъ сердитъ, то вѣрный признакъ, что кто-нибудь ему говорилъ о мирѣ. Истинный патріотъ и честный воинъ этотъ дивный генералъ.

Между прочимъ: онъ знаетъ меня и при обращеніи называетъ кратко „отецъ“.

30-ое іюня.

Нашего генерала Н. П. Степанова перевели въ Петербургъ въ главный штабъ: имъ что-то недовольно здѣшнее высшее начальство.

Все меньше и меньше остается насъ коренныхъ орловскихъ черниговцевъ.

Счастливый Николай Петровичъ! Онъ увидитъ родную землю, родныя лица... А мы? Охъ, и не знаемъ, когда настанетъ для насъ это блаженство!

Пріѣхалъ сюда нашъ офицеръ Ѳедерниковъ и нашелъ, что я не измѣнился. А онъ не видалъ меня 10 мѣсяцевъ.

Да и правда: физически я здоровъ, только душевно усталъ страшно. Ну, да что жъ дѣлать? Надо смириться и даже благодарить Бога за Его великія къ намъ грѣшнымъ милости.

Въ воскресенье 26-го и въ праздникъ 29-го іюня я служилъ обѣдницы и молебны на воздухѣ. Немного и бесѣдовалъ, хотя былъ сильный вѣтеръ, и деревья шумѣли.

5-ое іюля.

Вмѣсто Н. П. Степанова къ намъ назначенъ ген. Берновъ, человѣкъ, повидимому, довольно строгій и взыскательный.

Все время до сихъ поръ онъ былъ въ Кореѣ и не воевалъ, а стоялъ на одномъ мѣстѣ, карауля дорогу на Владивостокъ, и потому питался тамъ съ настоящимъ поваромъ. Теперь здѣсь прямо не знаютъ, чѣмъ его кормить: на салѣ не ѣстъ, мяса рубленнаго не ѣстъ и т. д.

Не знаю, писалъ ли я про нашего ветеринарнаго врача Медвѣдева, который былъ послѣ Алалыкина. Этотъ Медвѣдевъ пріѣхалъ въ армію послѣ сраженій на р. Шахе, такъ что мукденскія битвы были для него первыми. Онъ былъ въ обозѣ; и отступленіе такъ подѣйствовало на него, что онъ помѣшался и застрѣлился. Бѣдный не вынесъ: ему все казалось, что японцы нападаютъ. И вотъ онъ умеръ.

Мы сейчасъ офиціально числимся живущими въ Чженцзятунѣ, а на самомъ дѣлѣ давно уже перебрались на берегъ р. Силяохе и живемъ въ фанзѣ среди рощи пригородной деревни Удяганзы верстахъ въ 3 отъ города.

Теперь мы такъ свыклись съ названіями китайскихъ деревень, что произносимъ ихъ такъ же легко, какъ наши родныя „Владычня“, „Ильинское“, „Мѣдное“[1]) и т. д. Сначала же я не могъ бывало выговаривать ихъ. Но зато, если бы Вы только знали, какъ надоѣли, опостылѣли намъ всѣ эти Цудявазы, Санвайцзы, Цудіопы, Удяганзы и ихъ обитатели! Съ какимъ бы удовольствіемъ переселились мы, хотя и въ грѣшные бунтующіе, но все же родные края!

11-ое іюля (д. Удяганза).

Сегодня день ангела жены. Второй разъ приходится мнѣ встрѣчать и проводить этотъ день одному. Какъ хорошо, что мы не

[1]) Села Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи (См. стр. 39, примѣч. 1).

знаемъ будущаго! Вѣдь, если бы въ прошломъ году 11-го іюля мнѣ сказали, что и слѣдующее 11-ое іюля я проведу въ Манчжуріи, то Богъ знаетъ, совладалъ ли бы я тогда съ собой.

Отслужу молебенъ, какъ только перестанетъ дождь. Еще ночью полилъ страшный ливень и вотъ льетъ и льетъ.

16-ое іюля (д. Удяганза).

Вопросъ войны и мира, кажется, сталъ вопросомъ нѣсколькихъ дней. У насъ говорятъ, что, если мирные переговоры не примутъ теперь же благопріятнаго для Россіи оборота, то Линевичъ въ концѣ іюля перейдетъ въ наступленіе, и, значитъ, произойдетъ страшный бой. У насъ теперь солдаты почти всѣ молодые, сильные, совсѣмъ другіе, чѣмъ были въ прежнихъ битвахъ; и результата будущаго сраженія японцы, очевидно, боятся. Они 5 мѣсяцевъ собираютъ и формируютъ новую армію, желая довести численность войска до 700 тысячъ, а резервъ до 300 тысячъ. Они забираютъ ужъ студентовъ, гимназистовъ; не хватаетъ лишь офицеровъ.

Если мира не будетъ, то намъ трудно будетъ выдержать лишь первый натискъ, когда японцы обрушатся, несомнѣнно, всей массой. Потомъ будетъ легче: японцы уже все исчерпали, и пополняться имъ больше нечѣмъ. Впрочемъ все въ рукахъ Божіихъ.

Вотъ уже недѣлю идутъ страшные дожди, и грязь стоитъ такая, что двуколки двигаться не могутъ. Я хотѣлъ было выписать сюда на нѣсколько дней церковную двуколку, чтобы пересмотрѣть вещи; но теперь это прямо немыслимо.

Сегодня похоронилъ казака. Умеръ отъ тифа; но это единичный случай. Въ общемъ здоровье у всѣхъ хорошее.

19-ое іюля (д. Удяганза).

Почти двѣ недѣли дожди идутъ безъ перерыва. Вездѣ сырость. Почти всѣ переболѣли инфлюэнцей. На улицѣ такая грязь, что движеніе обозовъ невозможно. Послали въ Харбинъ и Гунчжулинъ двухъ офицеровъ за покупками. Они купили припасовъ, а привезти не могли; едва сами верхомъ добрались сюда.

Скука смертная. Одно утѣшеніе, это — письма. Какое великое спасибо солдатамъ, доставляющимъ намъ почту! Вѣдь совершить 140 верстъ каждый день по неописуемой грязи подъ дождемъ дѣло прямо каторжное; а солдатики до сихъ поръ почти ежедневно аккуратно доставляли.

Какой хорошій учитель нужда! Я теперь отлично моюсь безъ посторонней помощи; самъ пришиваю пуговицы, чиню одежду; разъ даже я превосходно заштопалъ чулки.

27-ое іюля.

Дожди уже прекратились. Если мира не будетъ, то въ концѣ августа наша армія пойдетъ въ наступленіе, и произойдетъ великій бой. Мы прямо убѣждены, что японцы при отступательной войнѣ долго не выдержатъ. Вѣдь не всякая армія можетъ отступать полтора года и все же существовать. А Линевичъ[1]) на одномъ мѣстѣ стоять не будетъ. Все, конечно, въ рукахъ Божіихъ; только, несмотря на нестерпимое желаніе всѣхъ насъ скорѣе увидать родину и близкихъ, никто не хочетъ мира безъ побѣды, тѣмъ болѣе, что японцевъ, право же, можно побѣдить.

Сегодня у насъ погибли въ разъѣздѣ 3 солдата 4-го эскадрона.

30-ое іюля.

Пріѣхалъ Ксенофонтъ съ двуколкой; и я весь день перебиралъ и просушивалъ вещи. Усталъ страшно. Многое изъ церковной утвари подмокло; но, слава Богу, ничего не испортилось.

Сейчасъ буду служить молебенъ по случаю царскаго дня, а потомъ поставимъ церковь и будемъ служить всенощную, а завтра литургію.

Разставилъ кровать. Ахъ, какъ хорошо спать на кровати! Очень уже надоѣло валяться на канѣ. Хочу оставить ее у себя. Въ случаѣ же похода переправлю ее въ обозъ. Если же не удастся этого сдѣлать, брошу.

Сейчасъ приходилъ монголъ; говоритъ, что японскіе разъѣзды подходили къ намъ верстъ на 30.

Что̀-то будетъ? миръ или война? Неужели придется платить контрибуцію? Охъ, позоръ какой! Господи, спаси честь Россіи!

1-ое августа (д. Удяганза).

Опасность похода все еще не миновала, такъ какъ слухи о появленіи въ Монголіи отряда японцевъ изъ пѣхоты и кавалеріи все крѣпнутъ и крѣпнутъ. Вотъ какъ японцы соблюдаютъ нейтралитетъ! А Китай и державы молчатъ.

Весь іюль мы, штабные, простояли на дачѣ; а бѣдные эскадроны почти безъ перерыва работали.

Вотъ обычный порядокъ службы нашихъ полковъ[2]) за это время.

[1]) Главнокомандующій, смѣнившій ген. Куропаткина; ген. Линевичъ уже умеръ.
[2]) Т.-е. Черниговскаго и Нѣжинскаго.

Всего 12 эскадроновъ и батарея. *Одинъ* эскадронъ ежедневно держитъ летучую почту до штаба 17-го корпуса; а это 80 верстъ только въ одинъ конецъ. *Два* эскадрона ежедневно уходятъ верстъ на 55 на югъ въ деревню Тавайзу и оттуда высылаютъ разъѣзды въ Монголію и къ рѣкѣ Даляохе. *Одинъ* эскадронъ ежедневно занимаетъ сторожевое охраненіе вокругъ всего города Чженцзятуня и и расположенія отряда; а это значитъ: цѣлыя сутки не спать, коней не разсѣдлывать, патрулировать и сторожить входы, выходы и переправы, обыскивая всѣхъ пріѣзжающихъ и уѣзжающихъ. *Одинъ* эскадронъ ежедневно выдѣляетъ изъ себя одну половину своего состава на 30 верстъ къ сѣверу; другая же освѣщаетъ по границѣ Монголіи полосу въ 110 верстъ. Наконецъ *одинъ* эскадронъ несетъ такую службу: половина эскадрона ежедневно выходитъ на заставу у горы Пуэршань, съ которой видна окрестность верстъ на 40—50; другая половина отправляется подъ командой офицера за покупкой скота, что хуже разъѣзда.

Итакъ *въ службѣ и очень тяжелой ежедневно находится половина отряда. Другая половина сутки ужъ только отдыхаетъ*, хотя случается, что и изъ отдыхающей половины посылаютъ разъѣздъ по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, какъ, напр., позавчера наши 3-ій и 4-ый эскадроны ушли въ Монголію искать эту самую японскую пѣхоту.

Вотъ она служба-то конницы какова! И это вѣдь въ затишное время. А, когда идетъ большой бой, то одинъ Богъ знаетъ, что только творится и что выносятъ наши солдатики.

Я потому это пишу, что многіе, не понимая службы конницы на войнѣ, думаютъ, что нашъ полкъ ничего не дѣлаетъ. Конечно, о насъ въ газетахъ не пишутъ; а, если и пишутъ, то вообще подъ именемъ конницы, такъ какъ объявлять, какія конныя части стоятъ у насъ на флангахъ, строжайше воспрещается.

Вчера служилъ св. литургію, а сегодня возилъ церковь въ Нѣжинскій полкъ, гдѣ служилъ ихъ новый очень симпатичный батюшка о. Николай Сейфулинъ.

8-ое августа (д. Удяганза).

Я давно не писалъ. Причина слѣдующая.

5-го августа въ $7\frac{1}{2}$ часовъ утра я, поручикъ Свидерскій, Михаилъ, два солдата и съ двуколкой Ксенофонтъ отправились въ деревню Улантунь въ обозъ. Я собирался послужить тамъ 6-го и 7-го августа и пріобщить св. Таинъ тѣхъ солдатъ, что Великимъ постомъ были съ дивизіоннымъ обозомъ на станціи „Куанчендзы“ и не говѣли.

Погода была прекрасная. На паромѣ переѣхали рѣку Силяохе, затѣмъ перешли въ бродъ еще двѣ рѣчки. Тутъ, для сокращенія

пути, мы поѣхали прямо безъ дороги, взявъ направленіе по компасу на востокъ, и сбились. Степь необозримая. Деревень нѣтъ. Трава такая высокая, что лошади скрывались, и такая притомъ густая, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы едва проѣхали.

Наконецъ набрели на одинокую фанзу. Голый китайченокъ вывелъ насъ на дорогу, и такимъ образомъ мы выбрались на линію нашихъ передовыхъ постовъ.

Закаялся я послѣ этого сокращать дорогу въ неизвѣстной мѣстности. Зато я утѣшился, когда мы пріѣхали въ обозъ. Тамъ оказалось много желающихъ исповѣдываться и причаститься св. Таинъ.

У меня отъ дороги разболѣлась голова, и я не могъ служить всенощной. Ночью пошелъ дождь и лилъ почти весь день 6-го числа, такъ что утромъ не пришлось служить. Только къ $4^1/_2$ часамъ пополудни погода разгулялась, и мы въ рощицѣ отслужили всенощную, прославляя Преображеніе Господне и величая св. Митрофанія[1]).

Послѣ всенощной читать правило я пошелъ въ поле. Мѣстность песчаная. Вѣтромъ разрушило китайскія могилы. Валяются человѣческія кости; лежитъ черепъ. Долго смотрѣлъ я на нихъ. Вотъ все, что осталось отъ *внѣшняго* человѣка съ его заботами, суетою, чувственными наслажденіями! Даже костей некому собрать.

Дà, надо усугубить заботу о *внутреннемъ* человѣкѣ, который, конечно, не разрушится, а пойдетъ къ Богу, Который далъ его.

Я собралъ кости въ могилу, пожелавъ душѣ отрады. Не могу выразить, насколько сильное впечатлѣніе произвела на мена эта могила.

— „Помни послѣдняя твоя, и вовѣки не согрѣшишь", думалось мнѣ.

Вечеромъ я бесѣдовалъ съ солдатами, приготовляя ихъ къ св. причащенію. Утромъ 7-го августа я всталъ рано и правило читалъ около той же могилы. Часовъ въ 7 утра я началъ подъ деревомъ исповѣдывать, а Михаилъ съ Ксенофонтомъ ставили церковь. Просфоры не удались, хотя Ксенофонтъ пекъ ихъ въ котлѣ уже не въ 1-ый разъ. Въ $9^1/_2$ часовъ мы начали служить литургію. Погода была хорошая. Пѣли всѣ. За литургіей пріобщилось св. Таинъ 26 человѣкъ.

Какіе же хорошіе есть солдаты! Отрадно еще и то, что почти у каждаго есть евангеліе; и они часто читаютъ его. Я радовался, причащая ихъ.

Послѣ литургіи отслужилъ молебенъ св. Митрофанію. Тутъ подошелъ ко мнѣ одинъ запасный солдатъ и благодарилъ зато, что я пріѣхалъ и „праздникъ сдѣлалъ" имъ.

Въ 11 часовъ разобрали церковь, закусили, а въ 1 часъ дня сѣли на коней и двинулись въ обратный путь.

1) См. стран. 58.

Версты 4 до р. Даляохе мы ѣхали почти все время по водѣ. За рѣкою же сразу начались пески; и мы покатили рысью. Свою рѣчку Силяохе переѣзжали по такому глубокому броду, что, хотя на время переправы я пересѣлъ на высокую лошадь, но все-таки ноги почти до колѣнъ были въ водѣ. Лошадь почти плыла. Ногъ я, впрочемъ, не промочилъ, ибо былъ въ чудныхъ новыхъ сапогахъ, присланныхъ мнѣ милымъ И. Х. Шицемъ [1]).

Въ $5^{1}/_{2}$ часовъ вечера мы были уже дома, проѣхавъ 38 верстъ.

У насъ здѣсь плохо вѣрятъ въ миръ. Особенно за войну стоятъ Линевичъ и Куропаткинъ, правильно разсуждая, что наша армія теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, готова къ бою. Мы прямо поражаемся, почему японцы такъ долго сидятъ на мѣстѣ.

Затѣяли люди переговоры о мирѣ и тянутъ безъ конца. На войнѣ нѣтъ ничего хуже, какъ быть въ неопредѣленности. Всѣмъ хочется поскорѣе выяснить положеніе. Что-нибудь одно—война или миръ; только бы поскорѣе. Представить невозможно того томленія духа, какое мы переживаемъ здѣсь теперь. Ѣдимъ хорошо; но скука невообразимая. Я прямо дрожу при мысли объ обратной поѣздкѣ и свиданіи съ родными. Родственныя чувства оказались такъ велики, что ради нихъ перенесешь и стыдъ проигранной кампаніи.

Кажется, цѣловать буду родную землю!

15-ое августа (д. Удяганза).

Война, кажется, будетъ продолжаться. Охъ, и битва же народовъ предстоитъ въ сентябрѣ или даже въ концѣ августа! Теперь уже больше милліона воиновъ будутъ сражаться сразу на протяженіи почти 300 верстъ.

Горе японцамъ, если только наша армія будетъ имѣть успѣхъ! Я уже видѣлъ собственными глазами, что дѣлается съ нашими солдатами, если они одолѣваютъ.

Если же, съ другой стороны, мы отступимъ, то у насъ въ тылу теперь все разработано: и дороги, и мосты. Обозы же отодвинутъ назадъ въ самомъ началѣ битвы. Къ тому же мы имѣемъ опытъ отступленія и знаемъ японскую тактику въ такое время. Но что будетъ съ японцами, если начнутъ они отступленіе? Нашихъ тогда не удержишь.

Въ предстоящей битвѣ мы, навѣрное, присоединимся къ отряду генерала Мищенко и пойдемъ въ тылъ японской арміи; а ген. Ренненкампфъ со своей конницей пойдетъ тоже въ тылъ японцамъ съ другого конца. Оба генерала—люди надежные.

[1]) Почитатель о. Митрофана Ив. Харит. Шицъ былъ крупный орловскій продавецъ обуви; онъ недавно умеръ.

Нашего генерала Бернова уже перевели въ корпусъ генерала Мищенко; а къ намъ пока еще не назначили новаго.

27-ое августа (д. Удяганза).

Перемиріе заключено. Скоро будетъ подписанъ Государемъ и Микадо мирный договоръ. А не веселитъ...

Вчера пріѣхалъ къ намъ изъ штаба 17-го корпуса ординарецъ генерала Бильдерлинга корнетъ Крупскій и сообщилъ, что уже получено распоряженіе о томъ, чтобы войска шли отсюда тѣмъ же порядкомъ, какъ направлялись сюда, т.-е. первымъ пойдетъ 10-ый корпусъ, а за нимъ уже и нашъ 17-ый.

2-ое сентября.

До ратификаціи мирнаго договора войска будутъ въ полной боевой готовности, такъ какъ въ Японіи народъ также недоволенъ миромъ: боятся даже революціи.

Я часто бываю такъ поглощенъ мечтами о свиданіи съ своими присными, женою и родными, а также мыслью о возстановленіи прежней тихой жизни для Бога и ближнихъ, что и острота горечи возвращенія съ войны безъ побѣды становится меньше. Хотя, съ другой стороны, какъ вспомнишь о пропавшихъ трудахъ, такъ и защемитъ сердце. Ну, да слава Богу за все!

5-ое сентября.

Сегодня получили изъ штаба 17-го корпуса радостную телеграмму, что мы выѣдемъ въ Орелъ въ половинѣ ноября. Вѣдь цѣлый годъ или даже болѣе нужно только на то, чтобы развезти отсюда войска. И вотъ мы попадаемъ въ число первыхъ.

Да оно и справедливо. Вѣдь сражалась-то сравнительно небольшая армія: 1-ый, 2-ой, 3-ій, 4-ый, 5-ый и 6 ой сибирскіе корпуса и 1-ый, 8-ой, 10-ый и 17-ый армейскіе корпуса. А ужъ послѣ Мукдена пріѣхала цѣлая новая армія: 1-ый и 2-ой стрѣлковые корпуса, 6 пластунскихъ баталіоновъ, одна резервная дивизія, кавказская казачья дивизія, 4-ый, 9-ый, 13-ый и 19-ый корпуса, пулеметныя роты и наконецъ 150 тысячъ новобранцевъ и запасныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какая масса времени потребуется на развозъ этой громады! И вдругъ раньше другихъ повезли бы не сражавшихся? Тѣмъ не менѣе былъ слухъ, что наша бригада остается до конца эвакуаціи, чтобы слѣдить за порядкомъ отправленія войскъ.

Но сегодняшняя телеграмма опровергла этотъ слухъ и успокоила насъ.

16-ое сентября.

Съ 9-го по 11-ое сентября я былъ въ отлучкѣ: ѣздилъ въ обозъ, служилъ тамъ. Въ оба конца это составило верстъ 70—80.

Получили свѣдѣніе, что нашъ полкъ пойдетъ отсюда почему-то только въ январѣ или даже въ мартѣ.

Ой, горе горькое! Съ одной стороны, невыразимо хочется домой къ роднымъ; съ другой, не хватитъ духу оставить полкъ, если бы даже представилась возможность выѣхать отсюда раньше. Къ тому же и новый священникъ 52-го драгунскаго Нѣжинскаго полка сильно заболѣлъ. Я опять одинъ въ отрядѣ. А сегодня отъ ген. Линевича полученъ приказъ, въ которомъ онъ проситъ священниковъ усилить духовныя бесѣды съ солдатами, чтобы спасти ихъ отъ скуки и унынія, и въ то же время чаще по возможности совершать богослуженія.

18-ое сентября (д. Удяганза).

Получилъ телеграмму отъ главнаго священника, въ которой онъ настоятельно предписываетъ усугубить духовныя бесѣды и службы. Дѣйствительно, трудно себѣ даже представить, что за томительную жизнь ведемъ мы теперь. Вѣдь смыслъ пребыванія нашего здѣсь уже потерялся: войны нѣтъ. Прежде хоть безысходная постоянная опасность нашей службы въ передовыхъ линіяхъ невольно бодрила насъ, не давала опускаться. А теперь? Прямо бѣда.

Разумѣется, намъ, священникамъ, нельзя бросать своихъ „приходовъ“, такъ какъ для воиновъ въ настоящее время только вѣдь и утѣшенія, что Богъ и молитва; хотя, грѣшный человѣкъ, временемъ на меня нападаютъ такія минуты, что я готовъ умолять главнаго священника умилосердиться надъ мной и исходатайствовать мнѣ предъ командующимъ 3-ей арміей отпускъ.

Господи, подкрѣпи!..

19-ое сентября (д. Удяганза).

Вчера получилъ отъ главнаго священника 3-ьей арміи телеграмму, въ которой онъ предписываетъ мнѣ прибыть къ 21-му сентября къ нему въ деревню Людіазу въ штабъ арміи на братское собраніе всего духовенства и дать отчетъ о моей дѣятельности на войнѣ.

Сейчасъ выѣзжаемъ съ Михаиломъ верхами. Путь дальній: болѣе 100 верстъ только въ одинъ конецъ.

23-ье сентября (г. Чженцзятунь).

Слава Богу, сегодня я благополучно вернулся изъ штаба 3-ьей арміи съ братскаго собранія духовенства. Чувствуется страшная усталость.

Главный священникъ далъ надежду на отпускъ, если только найдетъ священника для нашей бригады, хотя рѣшительно сказалъ, что до послѣднихъ чиселъ октября онъ ни одному священнику отпуска не дастъ.

И странное дѣло! Я какъ-будто радъ, что нельзя получить отпуска. Если бы я не попросился, то все какъ-то думалось бы; а теперь и думаться не будетъ. Очень ужъ жалко оставить солдатъ.

Получилъ сегодня посылку съ собственноручнымъ письмомъ (отъ 29-го іюня) отъ Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны въ отвѣтъ на мои слова утѣшенія послѣ страшнаго февральскаго дня. Письмо простое, любезное, полное христіанскаго смиренія. Нашъ Августѣйшій Шефъ, какъ попечительная мать о своихъ дѣтяхъ, все заботится о своемъ полку и боится, какъ бы мы не остались къ своему полковому празднику 1-го октября „безъ подарочковъ".

Да утѣшитъ Господь эту истинную глубокую христіанку!

Пока я ѣздилъ на братское собраніе, наши здѣсь перешли изъ деревни въ городъ; и мнѣ нужно снова устраиваться въ фанзѣ.

Трудная была наша дорога въ Людіазу. Туда ѣхали—пыль; оттуда—дождь и грязь: промокли ужасно. Мѣстность пустынная.

21-го сентября въ 10 часовъ утра мы благополучно прибыли въ эту самую Людіазу, гдѣ въ высшей степени привѣтливый пріемъ главнаго священника протоіерея о. Каллистова и общество 52 съѣхавшихся священниковъ скоро заставили забыть всѣ трудности дальняго двухдневнаго пути.

Послѣ молебствія въ походной церкви штаба 3-ьей арміи и рѣчи протоіерея Каллистова, насъ, собравшихся іереевъ, привѣтствовалъ командующій арміей ген. Батьяновъ, послѣ чего всѣ мы перешли въ большую штабную шатеръ-столовую, гдѣ главный священникъ и открылъ братское собраніе.

Изъ присутствовавшихъ іереевъ въ битвахъ участвовали далеко не всѣ, а лишь іереи 17-го корпуса (съ Ляояна) и отчасти также іереи 5-го и одной дивизіи 1-го своднаго стрѣлковаго корпусовъ. Священники же 4-го, 9-го, 19-го и 2-го стрѣлковаго корпусовъ прибыли сюда уже послѣ Мукдена. Посему на собраніи преобладали, такъ сказать, *мирные* іереи.

Въ виду этого главный священникъ предложилъ прежде всего благочиннымъ *боевыхъ* корпусовъ повѣдать собранію какъ о своей дѣятельности на войнѣ, такъ и о дѣятельности подвѣдомственныхъ имъ священниковъ, а также сообщить объ извѣстныхъ имъ выдающихся подвигахъ офицеровъ и солдатъ, такъ какъ всѣ такія свѣдѣнія должны были интересовать присутствовавшихъ „мирныхъ“ іереевъ.

Сначала говорилъ благочинный 35-ой дивизіи, а за нимъ, въ качествѣ благочиннаго 61-ой дивизіи, говорилъ и я. Кое-что изъ моей рѣчи главный священникъ записалъ.

Послѣ благочинныхъ говорили и другіе священники, свободно и откровенно выражая то, что такъ или иначе было пережито ими.

Благодаря умѣлому руководству и радушію о. Каллистова, братское собраніе прошло оживленно и съ пользою для дѣла. Говорили между прочимъ и о томъ, что вообще нужно военному священнику для похода.

Я тоже сдѣлалъ докладъ о безусловной необходимости для кавалерійскаго священника казеннаго церковнаго вьюка и двухъ верховыхъ лошадей (священнику и церковнику), безъ чего священнику почти немыслимо быть всегда съ полкомъ. При настоящихъ же условіяхъ только любезность командира и офицеровъ можетъ сдѣлать возможнымъ неразлучное пребываніе какалерійскаго священника съ полкомъ.

По окончаніи засѣданія командующій арміей ген. Батьяновъ предложилъ отъ себя всему присутствовавшему духовенству трапезу, послѣ которой штабной топографъ-фотографъ всѣхъ насъ снялъ.

При разставаніи іереи не находили словъ выразить иниціатору и устроителю братскаго собранія протоіерею о. Каллистову свою искреннюю благодарность за его руководство и чисто отеческое радушіе.

5-ое октября (Чженцзятунь).

1-го октября вся наша бригада справляла свой годовой праздникъ. Утромъ я совершилъ св. литургію, а затѣмъ на городской площади отслужилъ молебенъ, послѣ котораго нашъ новый бригадный ген. Баумгартенъ произвелъ полкамъ парадъ.

Я не могъ безъ слезъ смотрѣть на проходившихъ мимо меня драгунъ. Все шли молодецъ къ молодцу; я видѣлъ и знаю ихъ честную и храбрую службу на протяженіи всей войны. И вдругъ они ѣдутъ домой побѣжденные, опозоренные!

Временемъ прямо-таки невыносимо бываетъ. Появилась масса пасквильныхъ стиховъ на армію; а нѣкоторые изъ запасныхъ, чиновниковъ, докторовъ открыто насмѣхаются надъ арміей.

Погода сырая, холодная. Служа сегодня, по случаю именинъ нашего Царственнаго Крестника, на площади молебенъ, я немного простудился. Впрочемъ, у насъ теперь хорошій новый докторъ Гаусманъ,

который до войны занимался въ Орлѣ частной практикой: онъ не дастъ мнѣ разболѣться.

12-ое октября (*Чженцзятунь*).

Служилъ я вчера отряду молебенъ по случаю заключенія мира.

Грустный былъ молебенъ! Не привыкла русская армія такъ встрѣчать окончаніе войны. У многихъ на глазахъ были слезы. Никакихъ торжествъ. Молча выслушали манифестъ и молча потомъ разошлись съ площади, какъ будто послѣ похоронъ. Ни музыки, ни кликовъ „ура". Только я громче обыкновеннаго произнесъ многолѣтіе христолюбивому воинству и съ полнымъ убѣжденіемъ въ правильности назвалъ его попрежнему *побѣдоноснымъ*, такъ какъ и въ эту войну русская армія была геройской. Вообще радостно встрѣтили миръ только кой-кто изъ запасныхъ; офицеры же дѣйствительной службы по большей части очень-очень грустно.

Да, даромъ опозорена армія, сражавшаяся въ неимовѣрно неблагопріятныхъ условіяхъ.

28-ое октября (*д. Паучеинза*).

Мы благополучно перешли на зимнюю стоянку походомъ въ 240 верстъ къ станціи „Яомынь" и расположились въ деревнѣ

Въ учебную команду на урокъ закона Божія.

Паучеинзѣ. Шли съ двумя дневками 10 дней. Было морозно; дулъ вѣтеръ; выпало много снѣгу.

Теперь устраиваемся на новыхъ мѣстахъ. Полкъ разбросанъ по деревнямъ верстъ на 6—7. Китайцевъ сбили по нѣскольку семей въ одну фанзу. Мы помѣстились въ маленькой деревушкѣ и вшестеромъ

занимаемъ одну фанзу. Сыро, холодно. Но намъ поставили хоть печку, которую мы сильно натапливаемъ. А бѣдные солдатики ужъ подлинно *прохлаждаются* въ холодныхъ фанзахъ. Впрочемъ, и имъ на дняхъ будутъ устроены печи.

Устроили учебную команду. Хожу версты за двѣ на урокъ закона Божія да по эскадронамъ бесѣдую въ обоихъ полкахъ: въ Нѣжинскомъ все еще нѣтъ священника.

Пишу, а не знаю, дойдетъ ли до родныхъ это мое писаніе. Живы ли они? Нѣтъ ни писемъ, ни телеграммъ.

У насъ здѣсь все говорятъ, что Москву и Петербургъ сожгли и даже Россіи уже не существуетъ, а на ея мѣстѣ только пепелъ и рѣки крови.

Здѣсь забастовала Забайкальская дорога, и двѣ недѣли уже не было движенія. Въ г. Читѣ будто бы происходила стрѣльба....

Господи! Что же это?

2-ое ноября.

30-го октября пришелъ отъ главнокомандующаго приказъ, которымъ онъ назначаетъ меня въ комиссію по устройству кладбищъ павшихъ воиновъ на поляхъ битвъ. Предсѣдателемъ этой комиссіи назначенъ ген. Сахаровъ, что былъ начальникомъ штаба у главнокомандующаго ген. Куропаткина.

Придется объѣхать всѣ поля битвъ 3-ьей арміи, начиная чуть-чуть не отъ Портъ-Артура. Опять, значитъ, побываю въ Инкоу, Ляоянѣ, Шахе, Мукденѣ, Телинѣ, Сыпингаѣ и проч. Это дѣло, конечно, нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Впрочемъ, командиръ нашей бригады ген. Баумгартенъ послалъ въ штабъ арміи телеграмму съ просьбой объ освобожденіи меня отъ этой обязанности, такъ какъ я одинъ священникъ на цѣлую бригаду.

Нѣтъ худа безъ добра: можетъ-быть, именно это-то самое обстоятельство, т.-е. то, что я одинъ на бригаду, и спасетъ меня отъ этой, откровенно говоря, непріятной для меня миссіи мыкаться вновь по Манчжуріи.

Да будетъ на все воля Господня!

8-ое ноября.

Вышелъ приказъ ген. Линевича немедленно уволить всѣхъ запасныхъ. А ихъ вѣдь 600 тысячъ человѣкъ. Итакъ, раньше весны или даже лѣта нашему полку отсюда, значитъ, не выбраться.

Почты нѣтъ. Я рѣшительно не знаю иногда, что съ собою дѣлать: такіе бываютъ приступы тоски!

Ахъ, какъ трудно стало мнѣ! Во время войны легче было. Впрочемъ, Богу, видно, такъ угодно, чтобы мы тутъ задержались: зато безпорядки въ Россіи, можетъ-быть, затихнутъ къ нашему пріѣзду.

22-ое ноября (д. Паучеинза).

Эти дни мнѣ было очень трудно: ѣздилъ по эскадронамъ, два раза былъ въ Нѣжинскомъ полку и такъ уставалъ, что не могъ писать.

Да и стоитъ ли писать? Письма перестали доходить по назначенію. До освободительнаго движенія не пропало ни одного письма, ни одной посылки, хотя послѣднія такъ иногда запаздывали, что я считалъ ихъ уже погибшими и понапрасну нарекалъ, какъ и другіе, на существующіе порядки. Теперь, съ полученіемъ свободы, люди прежде всего остановили движеніе поѣздовъ и дѣйствіе телеграфа. Какое странное пониманіе и примѣненіе дарованной свободы!

18-го ноября произошло событіе, причинившее мнѣ великую радость въ наши скорбные дни: моему церковнику, неотлучно бывшему при мнѣ и раздѣлившему со мной всѣ трудности походовъ и поѣздокъ, моему доброму во всемъ помощнику Михаилу Максимовичу Сытнику командующій 2-ой арміей лично повѣсилъ георгіевскій крестъ.

Какъ я радъ за него! Охъ, и трудно же достаются солдатикамъ эти бѣленькіе крестики!

16-ое декабря (д. Паучеинза).

Съ начала ноября ничего не получаю изъ родныхъ краевъ, никакихъ извѣстій. Живы ли родные? Вѣдь отъ *свободныхъ* россіянъ всего, какъ видно, можно ожидать.

Мы, какъ въ могилѣ, положительно отрѣзаны отъ всего міра и ничего не знаемъ, что теперь творится на бѣломъ свѣтѣ. Благодаря забастовкамъ везутъ отсюда столь тихо, что, несомнѣнно, не скоро мы выберемся изъ Манчжуріи.

Устроили мы въ фанзѣ довольно приличную церковь; человѣкъ 200 помѣщается. Каждый праздникъ совершаю въ ней литургіи. Почти ежедневно объѣзжаю верхомъ эскадроны для бесѣдъ.

Жизнь, по своему томленію, неописуема. Солдаты прямо заявляютъ:

— „Ну, батюшка, если бы не церковь да не бесѣды, то хоть умирай. Пожалуйста, не уѣзжайте".

Это солдаты потому такъ говорятъ, что я тутъ на дняхъ сильно прихворнулъ; и они боятся, что я уѣду въ Россію. Я отвѣчалъ имъ:

— „Вѣрую, что Господь дастъ мнѣ счастіе донести съ вами до конца нашъ общій крестъ войны и разлуки съ родиной“.

29-ое декабря (д. Паучеинза).

Всѣ эти дни съ 25-го декабря я былъ занятъ: служилъ у себя, объѣхалъ всѣ эскадроны (8 деревень) и вездѣ служилъ молебны (у солдатъ и офицеровъ), съѣздилъ и въ 3-ій эскадронъ, который стоитъ на самой станціи „Яомынь“ (16 верстъ), вчера служилъ всенощную въ 4-мъ эскадронѣ.

Немного забылся отъ ужасной дѣйствительности: уже два мѣсяца мы не имѣемъ съ родины ни писемъ, ни телеграммъ, а чрезъ Шанхай приходятъ извѣстія самыя тревожныя, тяжелыя и нелѣпыя. Въ свою очередь, вѣроятно, и про насъ въ Россіи распространяются такіе же нелѣпые слухи. Между тѣмъ у насъ все время тихо и спокойно во всѣхъ трехъ арміяхъ.

Въ Нѣжинскій полкъ командированъ іеромонахъ о. Иларіонъ. Но онъ изъ простыхъ и наотрѣзъ отказался вести бесѣды съ солдатами, не будучи въ состояніи этого дѣлать. А бесѣды необходимы.

1906-ой годъ.

1-ое января (д. Паучеинза).

Слава Богу, прошелъ наконецъ ужасный 1905-ый годъ!

У насъ все благополучно. Недавно мы проводили первую партію своихъ запасныхъ (160 человѣкъ). Я служилъ имъ молебенъ. А въ концѣ этого мѣсяца провожаемъ остальныхъ запасныхъ и отслужившихся нашего полка срока 1900-го года (больше 600 человѣкъ).

До насъ дошли изъ Шанхая слухи, что въ Москвѣ будто бы произошелъ настоящій бой между войсками и революціонерами, что число убитыхъ и раненыхъ доходитъ до 20,000. А мы этими безсердечными желѣзнодорожниками и безжалостными почтовыми и телеграфными чиновниками лишены послѣдняго признака нашей жизни въ этой могилѣ-Манчжуріи: лишены почты!...

Господь пусть будетъ имъ судья!

20-ое января (д. Паучеинза).

Въ началѣ мѣсяца была телеграмма отъ главнокомандующаго ген. Линевича, чтобы нашъ полкъ немедленно шелъ опять на

прежнія позиціи: что-то тамъ хунхузы набѣдокурили. А это вѣдь около 300 верстъ, Да морозы все это время стояли въ 25—27 градусовъ. Признаться сказать, непріятно подѣйствовалъ на насъ этотъ приказъ. Но, слава Богу, дѣло обошлось и безъ насъ. Тѣмъ не мѣнѣе это обстоятельство затормозило на нѣкоторое время срокъ нашего отъѣзда отсюда.

На Хинганскомъ перевалѣ съ 3-го января начались жестокіе морозы, доходившіе до 40°: замерзли водокачки, рельсы обледянѣли, и движеніе пріостановилось. А, когда затѣмъ оно возстановилось, то, вмѣсто 10—15 поѣздовъ, стали отправлять въ сутки только 3—4 поѣзда, такъ какъ во время забастовокъ попортились отъ охлажденія цѣлыя сотни паровозовъ.

Затѣмъ запасные такъ безобразно повели себя въ пути, что въ каждомъ поѣздѣ съ ними идетъ строевая рота. А чрезъ это отправка запасныхъ пошла медленнѣе.

Во Владивостокѣ моряки опять забушевали, и отсюда повезли туда войска всѣхъ родовъ оружія. Для насъ это новая задержка.

Наконецъ еще обстоятельство. Отъ Государя Императора пришла телеграмма спѣшно отправить внѣ очереди въ Россію 3-ью и 37-ую пѣхотныя дивизіи. А это вѣдь цѣлый корпусъ.

Вотъ и вышло, что отъ всѣхъ этихъ причинъ наша очередь отодвинулась, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ, если не болѣе.

25-ое января.

Сегодня послѣ трехмѣсячнаго почти перерыва я получилъ изъ родныхъ мѣстъ сразу 2 письма: отъ 13-го и 30-го ноября. Одно письмо шло $2^1/_2$ мѣсяца, другое около двухъ. Вотъ она долгожданная свобода-то! Вотъ ея результаты!

Господи! прости имъ: не вѣдаютъ, что творятъ.

Въ арміи у насъ полное спокойствіе: никакихъ бунтовъ нѣтъ. Испытавши лишенія войны и ужасы настоящихъ сраженій, воины наши научились цѣнить тишину и порядокъ и рады-радешеньки пожить хоть здѣсь на зимнихъ квартирахъ, только бы безъ мысли о постоянной опасности и возможности быть убитыми.

Осрамились только Владивостокъ да Чита. Но тамъ моряки, сахалинцы и ссыльные. *Особенно активную роль играютъ будто бы поляки, которыхъ на сибирскихъ дорогахъ служитъ масса.*

Но вѣдь къ арміямъ все это не имѣетъ отношенія.

10-ое февраля (д. Паучеинза).

Какое неизреченное утѣшеніе быть христіаниномъ! Вѣдь христіанинъ выше всѣхъ партій, выше всякаго рода проявленій поли-

тиканства. Имѣя Христа въ душѣ, видя въ людяхъ братьевъ, а въ земныхъ дарахъ Божіе имущество, порученное намъ лишь на время, христіанинъ при всякихъ правительствахъ будетъ прекраснымъ гражданиномъ, дѣятельнымъ, честнымъ и мирнымъ человѣкомъ.

Мятутся люди, потерявшіе Христа изъ души своей, дышатъ злобою другъ противъ друга. Злые глуповатые люди спѣшатъ исказить, извратить всѣ благія начинанія нашего возлюбленнаго Монарха...

Глубоко вѣрю, что не безъ промысла Божія и не безъ любви Божіей къ намъ грѣшнымъ мы задержаны здѣсь такъ долго. Не насталъ еще часъ нашего служенія въ Россіи.

Ходятъ слухи, что во второй половинѣ марта мы наконецъ-таки поѣдемъ отсюда домой. Но мы уже такъ привыкли къ перерѣшеніямъ и отсрочкамъ, что повѣримъ только тогда, когда сядемъ въ вагоны.

Да, терпѣніе наше вполнѣ испытано.

3-ье марта (д. Паучеинза).

Сегодня окончилъ говѣнье своего полка и 3-ьей артиллерійской бригады. Три недѣли ежедневно служилъ и пріобщалъ моихъ любезныхъ дорогихъ воиновъ. Радъ послужить имъ; хотя, конечно, я за это время очень усталъ.

Дѣло въ томъ, что мы спѣшили отговѣть, полагая, что въ мартѣ поѣдемъ въ родные края. А сегодня вдругъ получили изъ Харбина довольно правдоподобное извѣстіе, что первый эшелонъ нашего полка двинется только 15-го апрѣля, а штабъ полка сядетъ въ вагоны съ 3-ьимъ эшелономъ 17-го числа. Такимъ образомъ въ половинѣ мая мы будемъ дома. Мы уже и этому рады безконечно. Только и молимъ теперь Господа, чтобы не перемѣнили и этого расписанія.

И Ксенофонтъ и Михаилъ, мои вѣрные боевые друзья и товарищи, оба выслужили свои сроки. Ксенофонтъ уже уѣхалъ въ свой Кобринскій уѣздъ Гродненской губерніи въ запасъ. Трогательное было у насъ съ нимъ прощаніе. Какъ будто близкаго родного человѣка лишился я, проводивши Ксенофонта. По счастью, совершенно случайно въ нашъ полкъ попалъ его родной братъ Трофимъ, и онъ поступилъ ко мнѣ на мѣсто Ксенофонта. Трофимъ тоже, кажется, человѣкъ старательный, услужливый. За усердную и вѣрную службу я далъ Ксенофонту денегъ: бѣдному семейному человѣку пригодятся на первое обзаведеніе.

А Михаилъ мой рѣшилъ до конца испить со мной чашу невзгодъ и, несмотря на мои увѣщанія ѣхать домой къ женѣ и дѣтямъ, остался въ полку.

Вотъ, какiе хорошiе преданные люди бываютъ среди простыхъ людей! Поищите: много ли найдется такихъ среди интеллигенцiи? Господь сторицею воздастъ ему за любовь.

Волосы мои что-то сильно сѣкутся и лѣзутъ. Въ головѣ появилась почему-то страшная перхоть. Кажется, я останусь безъ волосъ. Впрочемъ, здѣшнiе доктора увѣряютъ, что это происходитъ на нервной почвѣ и отъ всегдашней пыли, среди которой мы живемъ уже почти два года. Съ устраненiемъ причинъ не будетъ и послѣдствiй; и дòма будто бы все придетъ въ норму.

9-ое марта (*д. Паучеинза*).

Вчера изъ штаба 17-го корпуса получилась бумага, въ которой командиръ корпуса ген. Сахаровъ вызываетъ меня на всю 5-ую недѣлю поста въ свой штабъ служить въ ихъ штабной церкви: весь штабъ будетъ говѣть.

Подходитъ Пасха; а у насъ самые лучшiе пѣвцы ушли въ запасъ. Прямо не знаю, какъ и служить будемъ здѣсь. Впрочемъ, Богъ поможетъ.

Все болѣе и болѣе опредѣляется, что мы двинемся отсюда 15-го апрѣля. Остается, значитъ, одинъ мѣсяцъ съ небольшимъ здѣсь жить. Дорогу, вагоны, сравнительно съ настоящей жизнью, я считаю чѣмъ-то въ родѣ рая: новая обстановка, разныя картины природы...

Только бы здѣсь-то дотянуть, дотерпѣть!

26-ое марта (*д. Паучеинза*).

Командующiй войсками ген. Гродековъ офицiальной телеграммой оставилъ было нашъ полкъ здѣсь до конца эвакуацiи, т.-е. до осени. Еле-еле пережили мы эту вѣсть!

Мы проводили уже запасныхъ; и въ полку теперь лошадей на 389 больше, чѣмъ людей. Вѣдь едва ли бы ген. Гродековъ оставилъ насъ только стоять на одномъ мѣстѣ, а, несомнѣнно, сталъ бы гонять по Манчжурiи для ловли хунхузовъ. А китайцы какъ разъ стали вести себя вызывающимъ образомъ, особенно ихъ начальство.

Но сегодня прiѣхалъ изъ Харбина одинъ офицеръ и привезъ отъ начальника штаба армiи ген. Орановскаго извѣстiе, что командующiй отдумалъ оставлять насъ, а задержитъ лишь до тѣхъ поръ, пока пройдетъ артиллерiя 17-го корпуса, т.-е. до первыхъ чиселъ мая.

Если насъ оставятъ до осени, то не знаю, что возьметъ верхъ во мнѣ: чувство ли долга, или чувство любви къ роднымъ. Одно только утѣшаетъ и миритъ меня со всѣмъ, это — евангельское „претерпѣвый до конца“....

Послужилъ я на 5-ой недѣлѣ въ штабѣ корпуса. Служба моя тамъ, должно быть, понравилась, такъ какъ ген. Сахаровъ торжественно поднесъ мнѣ въ подарокъ икону Спасителя съ очень ласковою рѣчью и соотвѣтствующею надписью. Слава Богу за все!

28-ое марта (д. Паучеинза).

Сейчасъ прiѣхалъ изъ Харбина командиръ 52-го Нѣжинскаго полка полковникъ Стаховичъ. Онъ нарочно ѣздилъ къ командующему войсками, чтобы узнать окончательно объ участи нашей бригады.

Генералъ Гродековъ сказалъ ему приблизительно слѣдующее:

— „Лучше всѣхъ войскъ здѣшней армiи по отличному порядку Ваша бригада. Я хотѣлъ задержать ее здѣсь до осени, какъ самое надежное войско, и просилъ прислать сюда новобранцевъ. Но изъ Петербурга въ присылкѣ новобранцевъ отказали и приказали при первой возможности скорѣе выслать бригаду въ Россiю. Я бы и теперь отправилъ ее, но до 1-го мая расписанiе уже сдѣлано".

Слава Богу: я ѣду, значитъ, съ полкомъ. Апрѣль какъ-нибудь промаемся; къ тому же апрѣль пройдетъ разнообразнѣе, ибо на 3-iй день Пасхи мы переходимъ на ст. Яомынь. А жизнь на станцiи и жизнь въ нашей деревушкѣ двѣ вещи разныя, несравнимыя. Къ тому же тамъ есть готовый для церкви баракъ: послужимъ...

2-ое iюня (г. Орелъ).

Милость Божiя не покинула насъ до конца: въ полку за все время не было никакихъ волненiй.

Съ молитвой и торжествомъ проводили мы въ разное время въ запасъ три маршевыхъ эскадрона и за два года своихъ запасныхъ.

3-го мая сѣли, наконецъ, въ вагоны и мы сами, а сегодня мы уже снова въ Орлѣ.

Съ великою любовью встрѣтившiя насъ несмѣтныя толпы народа, свиданiе съ родными, ласковый взоръ духовныхъ дѣтей и общая благодарственная молитва въ моемъ родномъ храмѣ заставили сразу забыться отъ всего прошлаго, отъ пережитыхъ двухъ годовъ скорби, трудовъ, неудачъ и изъ глубины сердца сказать:

— „Слава Богу за все!"

Конецъ.

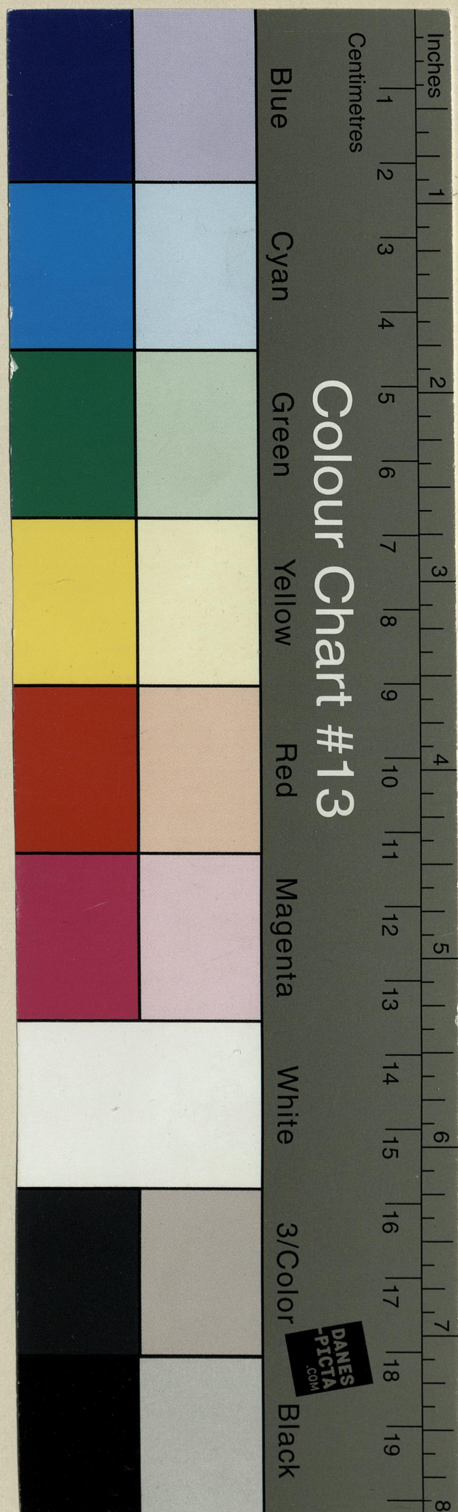
ОГЛАВЛЕНІЕ.

			Стр.
Глава	I.	Изъ Орла въ Манчжурію	3
„	II.	Ляоянъ — Шахе	43
„	III.	Шахе — Инкоу	108
„	IV.	Набѣгъ на Инкоу	194
„	V.	Время предъ мукденскими боями. Мукденскіе бои и отступленіе	220
„	VI.	У границъ Монголіи	271
„	VII.	Набѣгъ на японцевъ у деревни Санвайцзы	296
„	VIII.	Затишье. Миръ. Возвращеніе	303

1 к т̅
м3

3 0 АПР 1944

2007086633

Colour Chart #13
Inches
Centimetres
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black
DANES-PICTA.COM

L